Vadime Elisseeff
Danielle Elisseeff

LA CIVILISATION JAPONAISE

ARTHAUD
1974

Вадим Елисеефф
Даниель Елисеефф

ЯПОНСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Екатеринбург
У-Фактория
2006

ББК 63.3(4)
Е51

Серия «Великие цивилизации»
Составитель В. Харитонов

Перевод с французского И. Эльфонд

Елисеефф В., Елисеефф Д.

Е51 Японская цивилизация / Пер. с франц. И. Эльфонд. — Екатеринбург: У-Фактория, 2006. — 528 с. (Серия «Великие цивилизации»).

ISBN 5-9757-0082-5 ББК 63.3(4)

История цивилизации народа — история прилежного исторического ученичества, национальной гордыни, сокрушительного военного поражения, история становления национального самосознания, великого трудолюбия, ответственности и осмысленного бытия. История японского народа, создавшего великую культуру и искусство. Книга «Японская цивилизация» написана известными французскими востоковедами Вадимом и Даниель Елисеефф в серии «Великие цивилизации».

© Arthaud, 1974
© Эльфонд И. Я., перевод на русский язык, 2005
© Касьяненко А., Иванов К., Прокофьев К., обложка, 2006
© Агентство прав «У-Фактория», 2006

ISBN 5-9757-0082-5

ВСТУПЛЕНИЕ ИЗДАТЕЛЯ

В серии «Великие цивилизации» данный труд представляет собой тринадцатый по счету том. Книги этой серии отвечают новым потребностям читателей, которые теперь желают не только приятного чтения, обязательных выводов и обобщений, широты взглядов. У них теперь появился вкус к точности, потребность в прямом обращении к документам, как и потребность в руководстве, которое предлагает анализ и отсылает к знакомству с более специализированными исследованиями. Мы, таким образом, стремимся разрешить эту задачу, обращаясь к ученым, чей писательский талант, широкая культура, многолетний исследовательский опыт указывали на то, что они могут успешно завершить сложную проблему. Мы предусмотрели и то, чтобы объединить в книгах этой серии все, что обычно оказывается рассеянным в различных исследованиях: эссе, биографиях, исторических атласах, фотоальбомах, каталогах, словарях и т. д. Разумеется, не имелось в виду простое суммирование данных, простое добавление, но вопрос стоял о выборе, который позволил бы читателю вступить в контакт с документами самого разного порядка, от которых авторы отталкивались, чтобы прийти к своим выводам о сути, жизни и душе и самой книги, и изучаемой цивилизации.

Книга делится на четыре части.

В первых трех главах в целом представлено историческое развитие Японии.

Четыре следующие главы посвящены ментальным структурам — семья, император, религия, образование.

В четырех последующих главах рассматриваются искусства, в том числе архитектура, скульптура, живопись, и ремесла.

И наконец, две последние главы дают представление о различных аспектах театра и литературы.

Как и в других книгах этой серии, индекс позволяет обратиться к тому или иному частному моменту текста и, кроме того (что является важным нововведением), предоставляет возможность уточнить данные и привести дополнительные объяснения относительно персонажей, понятий, учреждений, памятников.

Каждое имя или слово, как японское, так и китайское, являющееся предметом статьи в индексе, транскрибируется согласно идеограммам. Для японского языка используется транскрипция Хэпберна, принятая повсеместно; для китайского языка французская транскрипция оказалась выбранной для того, чтобы облегчать ссылки на современные труды [1]. Библиография позволит читателям-студентам углубить изучение того или иного вопроса.

[1] Переводчик использовал транскрипцию имен, принятую отечественными востоковедами. (*Примеч. ред. Далее примечания переводчика и редактора.*)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представление Дальнего Востока в этой серии появляется в образах Японии, значимость которой все возрастает в современном мире и которая тем не менее остается малопонятной. Образ Китая, воздействие которого на японский народ оказалось постоянным и глубоким (что показывается в этом сочинении), станет темой следующей книги.

Следует благодарить Даниель и Вадима Елисеефф за то, что они сумели успешно завершить задачу, которая была исключительно трудной. Япония представляет мир, с которым наше мировосприятие и мышление не всегда соотносятся. Риск был большим: находить причинно-следственные связи, которые могли казаться нам логичными и разумными и в то же время не искажали бы действительность при попытке ее описать. Однако понимание мышления отдельных людей и целых народов не главная цель исторического исследования, особенно если они отдалены во времени и отличаются от присущего нам характера восприятия.

И конечно, Япония, находящаяся на другом конце планеты, уже не является, как в былые времена, неизвестной землей, которой когда-то несколько отважных человек сумели достичь и которая предстала пред их глазами как мираж. В наши дни совершаются постоянные взаимные поездки; для того чтобы лучше понять друг друга, путешественники отправляются в путь как с Дальнего Запада на Восток, так и с Дальнего Востока — на Запад. Для нас уже почти привычным стал облик Японского архипелага

с его четырьмя большими неширокими, вытянувшимися в длину от арктических до тропических широт островами, окруженными россыпью мелких островов. За пределами крупных городов люди там захвачены эстетической красотой пейзажа, на котором, защищая сельские святилища, с изяществом линий и свежестью оттенков, столь дорогих японской живописи, вырисовываются леса и горы. Чувство одиночества смягчается, и интимный союз человека с природой, тайнами которой порождены легенды и многочисленные культы, считается главной реальностью и объясняет многие аспекты повседневного существования, из которого земная жизнь никогда не была полностью исключена.

Чтобы текст соответствовал сложной реальности, авторы придумали оригинальный план, по которому отказались от необходимости подчинить свое изложение строгостям хронологии. Первая часть предоставляет вехи истории и следует шаг за шагом, начиная с доисторических времен, за извилистой последовательностью фактов. Затем в насыщенных главах анализируются различные аспекты жизни людей, их ремесла, преобразующие материю, и их язык, все это представляется в деталях, настоящее внезапно сменяется прошлым, но в изложении подчеркиваются стойко укоренившиеся традиции, благодаря чему яснее становится мощное течение тысячелетней эволюции. Именно там коренится попытка научного исследования, идущего от известного к неизвестному, и яркий свет современности заставляет выйти из тени важнейшие стороны цивилизации прошлого.

Этот труд был бы невозможен без прекрасного знания местностей и пейзажей, без близкого знакомства с археологией и неисчерпаемыми богатствами памятников и музеев. Основой для японских историков служат данные археологических раскопок, которые помогают отличать подлинное от воображаемого, того, что изложено в увлекательных, наполовину легендарных рассказах японских, корейских и китайских летописей. Интерес к методичному исследованию местности, которое уже довольно давно пробивается на Дальнем Востоке, является наиболее верным залогом того, что наши знания будут обогащаться; и трудно привести какое-либо более яркое доказательство этому, чем недавно открытые восхитительные художественные сокровища китайского искусства, найденные при раскопках археологами между 1950 и 1972 годами, которые были выставлены в мае 1973-го в самом центре Парижа в галереях Пти-Пале. Главным распорядителем этой памятной выставки был, как известно, не кто иной, как Вадим Елисеефф, к этому времени он уже был организатором первой большой выставки японского искусства в Париже в 1958 году. Почти ежегодно археологи находят в Японии новые керамические изделия, другие предметы, которые порой позволяют ответить на тот или иной вопрос, касающийся доисторического прошлого. Но и в таком случае трудностей столько, что, кажется, им далеко до исчезновения. В Японии археологический слой недостаточно глубок, и раскопки, эта драгоценная путеводная нить скрупулезного исследователя, там нередко подвергаются воздействию непредвиденных резких толчков вулканической породы и продолжающейся разрушительной деятельности человека.

Как бы там ни было, период происхождения первых культур, Дзёмон и Яёй, сегодня предстает перед нами в новом свете. Уточняются детали этого явления, фундаментального для развития японской цивилизации, этих последовательных волн заимствований, пришедших с континента, которые создавали образцы, источники вдохновения и прогресса. Материальная и духовная жизнь Японии, ее культурный расцвет не могут, как известно, быть поняты без оглядки на постепенное проникновение техники и верований, одним словом, того, что исходило из Китая. Даже китайская письменность, устойчивая к любым фонетическим влияниям и представляющая собой источник изысканного искусства, была воспринята японцами, несмотря на большие трудности из-за различий в японском и китайском словосложении и синтаксисе.

Японское чудо, если уж использовать модное выражение, заключается в чрезвычайной восприимчивости этого народа, который получил столько благ из-за моря, сумел их воспринять, приспособить, но не растворить в собственной национальной сокровищнице традиций и устремлений. И текст Даниель и Вадима Елисеефф помогает нам понять столь редкое отношение.

Гармония семейной жизни — основа в существовании любого японца, и этим объясняется его особая любовная забота

о семье, украшающая его жизнь. Патриархальная семейная жизнь кое-где еще дает о себе знать в сельской местности, куда долетает ослабленный ветер современности: иерархия и церемонии, значимость брака, поддерживаемая религиозными обрядами, ребенок как цель и краеугольный камень семейной ячейки.

В жестокости гражданских войн и борьбы за власть император всегда оставался защитником своего народа. Он происходит от богов, сотворивших Японию, и в числе своих предков считает солнце. История человечества знает много подобных династий, связанных с культом солнца. Нигде больше между тем харизма главы государства не вызывала доверия и почитания столь высокого уровня.

Долгий период в японской истории сосуществовали законная божественная власть — власть императора и реальная власть — власть великих вассалов и сёгуна. Однако личность императора оставалась всегда необходимым атрибутом для эффективности очистительных праздников, с ним связывался ритм смены времен года и следование по предписанному пути, удаленному от опасностей и бед жизни отдельного человека и жизни народа.

Император — харизматический руководитель и глава народа. В религиозных вопросах наблюдается терпимость, редкая для других стран. Для Японии характерен синкретизм, верования сочетают, наряду со старинными культами, конфуцианскую этику, направленную на достижение мудрости жизни, различные формы буддизма, колеблющегося между мистицизмом и философией, наконец, синтоизм, который не имел основателя, не знал никаких обнаруженных книг и представляет собой почитание тайн природы. Широкая терпимость позволяет сосуществовать верованиям, а не пытаться уничтожить друг друга.

Этот традиционалистский дух, это уважение к прошлому позволили сохранить — даже когда огонь или подземные толчки что-либо разрушали — огромное количество памятников, и прежде всего тех, что имели какое-либо отношение к императорской семье. Однако в обязательной для традиционного жилища части — в японском саду можно еще и сегодня вообразить, глядя на лужицу стоячей воды, игру камней и растения, присутствие самой природы, среди которой приходит сама жизнь, чтобы подвести итог.

Больше, чем все остальное, искусство служит в доме для скромного, но обязательного украшения, идет ли речь о недолговечной кустарной керамике, металлических изделиях или изысканной картине, вызывающей в памяти приятные туманные японские пейзажи. И конечно, история искусств и литературы Японии включает разнообразные периоды, когда вдохновение, кажется, испытывало то подъем, то угасание. Менялась техника, темы и композиция испытывали религиозное воздействие. Успехи и провалы в этой книге проанализированы тонко, заинтересованно, но без снисходительности. Когда мы закрываем книгу, перед нашим мысленным взором остается образ художника, который точными движениями руки и простыми средствами с помощью кисти, туши и нескольких красок умел выразить себя. Легкими, тонкими и правдивыми штрихами авторы, подобно этому художнику, смогли рассказать нам об изысканных шедеврах, которые в свое время увлекали иных из наших великих мастеров.

Раймон Блок

ВВЕДЕНИЕ

Затруднения, связанные с этим исследованием, для нас непривычны. Прежде всего японские имена собственные или географические названия малоизвестны, так что нужно постоянно напоминать об их локализации во времени и пространстве. Такие важные персонажи, как Сётоку Тайси и Минамото-но Ёритомо, не известны, в отличие от их современников, например Магомет был современником Сётоку Тайси, а Филипп Август[1] — Ёритомо. Столь знаменитый регион, как Ямато, или Кюсю, отнюдь не напоминает Бретань или Прованс. Далее, сами основные понятия слишком редко встречались в наших исследованиях, поэтому остаются запутанными или ошибочными. Интерпретации некоторых понятий на Западе, как, например, *дзэн-буддизм*, *император*, *семья* или *воин*, далеки от тех значений, которые они на самом деле имеют. Воины — *буси*, которые удерживали власть с XIII по XIX век, были не отъявленными милитаристами, противостоящими либеральному гражданскому обществу, а правителями, роль которых в организации такой гражданской деятельности, как образование и торговля, была выдающейся; будучи убежденными сторонниками конфуцианской этики, *буси* были очень образованными людьми, авторами политических и экономических сочинений. В XIX веке эти бюрократы, в том числе

[1] Филипп II Август (1165—1223) — король Франции из рода Капетингов, правивший в 1180—1223 гг. Принимал участие в Третьем крестовом походе вместе с Ричардом Львиное Сердце. В 1215 г. утвердил статут Парижского университета.

чиновники образовательных учреждений, исполняли те исторические функции, которые выпали на долю европейской буржуазии.

Специфика терминов и понятий отражает явное отличие японской цивилизации от других цивилизаций мира. Цивилизации Европы, Индии и ислама основываются на общности языков, логики, религии, философии, что позволяет взаимодействовать этим культурам и одновременно говорить о западной общности. Цивилизации Китая, Японии и другие, которые обычно определяются в целом как «мир иероглифов», напротив, выделяют критерии и системы ценностей, отличные в своей основе. Эту совокупность, часто называемую именно Дальним Востоком, следовало бы определить более точно, если только мы хотим обозначить этим термином другой мир, как Восток. Расположенный за Меконгом, этот ментальный Восток часто глобальным образом противопоставлен множественности Запада, между тем он занимает обширную территорию, где сталкиваются оригинальные идеи и формы бытия.

Наконец, если исследовать цивилизации одну за другой, становится очевидным, что давно понятная цепь причин и следствий не всегда состоит из звеньев, следующих в общепринятом порядке, а развитие фактов часто не складывается в понятную картину, знакомую нам по нашей собственной истории. Традиционный анализ, который сводится к тому, чтобы описывать лес, забывая о дереве, порой приводит к тому, что иногда за галльской дубравой скрывается бамбуковый лес. Каждый из нас, историк он или не историк, имеет свои собственные образы мира, равно как и системы анализа, которые не могут быть одинаково эффективными в приложении к разным народам и скорее утвердят свое собственное видение, нежели выявят реальность фактов. Не напрасен ли труд последователей некоторых исторических школ, которые стараются применять свои концепции к китайским или японским явлениям? При этом, конечно, проясняются отдельные стороны, в то время как общая картина остается неясной. Безусловно, любые объяснения выглядят правдоподобными, у каждого есть своя правда.

Библиография трудов показывает, что на Западе не хватает книг, в которых изложена картина в соответствии с японским видением, и не в плане исторического исследования, а на уровне обычных знаний. Поэтому при отборе фактов и их объяснении

мы взяли за основу японские школьные учебники (предназначенные как младшим, так и старшим). Этой задачей объясняется характер и структура нашего текста, составленного из краткой исторической части, тематической части и собрания информации. В исторических главах мы придерживались представлений обычного японца (сформированных его образованием), пытаясь оставаться, насколько это возможно, на уровне научных знаний, которые доступны и в Японии, и во всем мире. В изложении главных тем мы опирались на нашу личную точку зрения в наиболее субъективной интерпретации. В третьей части мы стремились объективно представить наиважнейшие факты цивилизации.

Одна из наших главных задач состояла в том, чтобы создать тесную связь между читателем и миром, который в своем историческом развитии ему был абсолютно неизвестен. Итак, очевидно, что интерес западных стран к Японии появился тогда, когда существенные изменения в этой стране заставили ее жить по западному времени. Это привело к началу нового пути ввысь, что сопровождалось вооруженными конфликтами с Китаем, русско-японской войной и, наконец, двумя мировыми войнами. Последняя четверть века приучила публику к «японскому чуду», с его урбанизмом и архитектурой, с его искусством и литературой, с его техническими и научными достижениями. Нам показалось, что в данном случае стоило идти от известного к неизвестному — писать книгу «наоборот». Мы благодарны редактору этой серии, который, как и издатель, поддерживал нас. Тем не менее мы были вынуждены отказаться от оригинальности формы в исторических главах: она потребовала бы от нас акробатической ловкости в игре с установлением временных соответствий, еще более осложнив трудности, связанные с проникновением в малоизвестную область. Так наши интеллектуальные привычки и мы сами в достаточной степени оказались пленниками обычая. Но если мы отказались от противоположного движения в историческом вступлении, то решили соблюдать принцип следования к первоосновам в главах, посвященных темам, которые начинаются с описания современных фактов, чтобы затем обращаться к другим, более древним источникам.

Для того чтобы облегчить чтение текста и не вступать ни в какую полемику относительно периодизации, мы принимаем

за основу, что японская цивилизация прошла через четыре фазы, каждая была отмечена тремя периодами. Первая фаза, доисторическая, свидетельствует о тесных контактах с континентом, от Сибири до Юго-Восточной Азии, проходивших через Китай и Корею; она прошла через период палеолита; здесь сменяют друг друга неолитическая культура Дзёмон, медный век Яёй и культура железного века Кофун (III—VI вв.). Вторая фаза японской истории открывается периодом Асука (VI—VIII вв.), когда Япония взяла за образец китайские элементы государственности, письменность и бюрократию, религиозные и философские влияния даосизма, конфуцианства и, главным образом, буддизм. Она продолжается в эпоху Нара (VIII в.), когда, испытав чужеземное влияние, культура достигает расцвета, и главным образом — в эпоху Хэйан (IX—XII вв.), ставшую вершиной японской классической культуры. Третья фаза, феодальная, начинается с учреждением военной власти сёгуна в эпоху Камакура (XIII—XIV вв.) и распространением дзэн-буддизма; она сменяется воинственным периодом Муромати (XV—XVI вв.) и заканчивается с правителями Эдо, приверженцами конфуцианской этики (XVII—XIX вв.). Четвертая фаза, индустриальная, начинается Реконструкцией Мэйдзи (1867—1912), которая опирается на западные ценности и за которой следуют годы Тайсё (1912—1925) и почти уже современные годы Сэйва. Эта хронология поможет пониманию книги.

Мы благодарим преданных сотрудников издателя, в частности госпожу Анну Оржоле и, главным образом, госпожу Клэр Аллюэн. Мы считаем необходимым посвятить этот труд моему отцу, последнему свидетелю Реконструкции Мэйдзи, известному французскому японисту и наставнику американских исследователей Японии, в знак уважения не только к его труду, недавно удостоенному премии Японского фонда культуры, но еще, и прежде всего, к его человеческому опыту, столь богатому, что никакая книга не способна передать его[1].

[1] Елисеев Сергей Григорьевич (1889—1975) — приват-доцент Петроградского университета (1916—1920). С 1920 г. в эмиграции. Сотрудник Лиги Наций, преподаватель японского языка и литературы в Сорбонне, Школе живых восточных языков. Профессор Гарвардского университета.

Часть первая

Вехи истории

Глава 1

ЛЕГЕНДЫ

Япония, как и Греция, возникает из сказочного прошлого. Легенды, пришедшие из глубины времен, населены буйными, фантастическими персонажами, от которых происходят жемчужные туманы, они окутывают леса, склоны вулканов, не успевшие покрыться умудренной сединой, танцующие волны моря.

Япония расположена на краю одного из наиболее глубоких провалов земной коры, покрыта ста пятьюдесятью вулканами, среди которых сорок еще продолжают действовать. Они занимают примерно четверть страны. Так, например, частые выбросы горы Асо, которая возвышается над островом Кюсю, поддерживает постоянный подогрев гейзеров, которые питают горячие источники.

Конечно же, ныне верования и предрассудки утратили часть колдовской и завораживающей силы своего могущества, которым они некогда обладали, но все еще сохраняют обаяние древней тайны. Еще и сегодня в самом сердце Токио многочисленные живописного вида предсказатели, которые с наступлением ночи скрываются в темноте углов, куда лишь слегка пробивается колеблющийся свет, приоткрывают тайны будущего. Все божества природы (*ками*) могли представить, как утверждают прорицатели, пророческие знаки (*дзенсё*): событие непредвиденное, неожиданное, наступающее, например, в первый день года или в начале дня, предшествующего тому, который должен открывать последующие месяцы или часы, следующие за ними.

В некоторых случаях сам человек может способствовать очевидности пророческих знаков. При этом следует использовать гадание (*бокусен* или *уранай*). В древности в Японии, как и в Китае, применялись гадальные кости, полагалось толковать значение трещин на костях оленя или панцире черепахи, подвергнутых воздействию огня. В храмах и святилищах и сегодня еще продаются узкие полоски бумаги (*омикудзи*), содержащие предсказания. Судьба человека равным образом зависит и от имени, которое он носит, потому-то всегда использовалось ономастическое гадание (*сэймэй-хаидан*). Эти старинные местные способы гадания не исключали и иноземных — в наши дни достаточно распространено предсказание будущего по картам.

Для того чтобы сопротивляться враждебным силам, можно было использовать заклинания, которые, например, обеспечивали изобилие урожая или останавливали эпидемию. Числа также наделены значительной магической силой. Число 1000 в особенности имеет важное значение, как и число восемь, в китайском написании оно образовано двумя расходящимися линиями, которые напоминают об идее расширения. В целом в соответствии с тем, как это принято и в Китае, считается, что нечетные числа содержат благоприятствующие элементы, которых недостает четным числам. Особое предпочтение отдается числам семь и девять.

Сновидения, как и во всех цивилизациях, наделяются значением, связанным с предвидением событий, иногда говорят о «божестве подушки» (*макура-гами*), которая с наступлением ночи нашептывает простому смертному неожиданные откровения. Кроме того, издавна некоторым животным, таким как лиса и змея, приписывается сверхъестественная сила. Утверждают, что они посланцы Бога или же сам Бог принимает образ животного для того, чтобы легче вступать в контакт с земным миром. Другие животные, такие как кот и ласка, согласно традиции, наделены опасным свойством передавать свой зловредный дух человеческим существам.

Наконец, движение звезд и установления календаря всегда были объектами исключительного внимания, подтверждавшими, прежде всего, связь с космогоническими, астрономическими и математическими теориями, заимствованными в Китае. Две-

надцать животных, воплощающих двенадцать знаков зодиака, служат для определения лет, дней, часов в зависимости от расположения звезд и в связи с пятью элементами творения: водой, огнем, деревом, землей и металлом. Общая расстановка сил, которая вытекает из их взаимодействия, сейчас, как и в давние времена, предшествует большинству заключаемых браков, для этого принимается во внимание положение звезд (*хосимавари*) и астрологическое соответствие (*айсю*); даты свадеб и похорон назначались только в подобающие дни.

Многие легенды и специальные культы пытаются раскрыть тайны природы: благодатный дождь, освежающие источники, колодцы с дремлющими водами — у каждого явления есть свой дух, как и у рек, морей, ветров и грома. Напротив, звезды, влияние которых столь чутко принималось во внимание, вдохновили на создание лишь немногих легенд; без сомнения, у этого народа земледельцев, встающих и ложащихся спать вместе с солнцем, не было досуга, чтобы посвятить себя, подобно пастухам наших древних обществ, поэтической геометрии звездного неба. Только родившаяся в Китае легенда о Волопасе и Небесной Ткачихе имела в Японии непреходящий успех как прекрасная и печальная история любви. Разделенные Млечным Путем звезда Волопаса и звезда Ткачихи могут соединиться только раз в году — в седьмой день седьмого месяца, когда все листья всех кленов или все сороки в мире соединяются, чтобы образовать небесный мост, и только тогда, единственный раз, Ткачиха может встретиться со своим возлюбленным. Напротив, все то, что намекало на плодовитость, пользовалось огромной популярностью в этом крестьянском обществе. Например, существовал фаллический культ, который, несмотря на то что был отодвинут официальным синтоизмом на второй план, сохранялся в сельской местности.

Наряду с этими верованиями фундамент и суть синтоизма составляют божественные и императорские генеалогии. Два знаменитых произведения «Кодзики» и «Нихонсёки» («Нихонги»), создание которых возводится к VIII веку, представляют собой законченный цикл. Однако они были выстроены последовательно только начиная с эпохи Эдо под воздействием школы Мито (Митогаку) и сильных патриотических движений, которые

старались сохранить культуру старой Японии и одновременно воскрешали забытых императоров прошлого. Оба этих сочинения, следовательно, предстают как исторические повествования, где сверхъестественное подается как естественное. В свете последних исследований дальневосточной этнографии этим мифам официальными властями придается новое значение.

Центральным сюжетом японской мифологии является миф о сотворении богами японских земель. Две ведущие темы (деятельность бога Амэ-но Минакануси и восстановление памяти об изначальном хаосе) определили разработку различных версий. Такой способ утвердить идею о преобладании на небесах одного из богов явно возник с воспоминаниями о древних китайских верованиях, воспринятых в эпоху Шести династий (III—VI вв.) даосизмом, который возвел в принцип существование небесного властителя, создателя и повелителя Вселенной со времен разделения земли и неба. Эти философские обоснования, как и китайское понятие об императорской власти (императоры происходили от неба, служили столпом, связующим небо и землю), должны были поддерживать историческое и политическое развитие молодого японского государства, начиная с правления императрицы Суйко в VII веке.

О божественном сотворении островов рассказывает миф об изначальном хаосе, из которого вышел мир в результате вмешательства богов. Этот космогонический миф освоен китайской философией; например, он фигурирует в «Хуайнань-цзы» [1], трактате эпохи Хань, который содержал ряд космогонических наблюдений, в значительной мере носящих печать влияния даосизма. Тема хаоса постоянно присутствует в замечательной легенде о богине солнца Аматэрасу, чье мгновенное исчезновение погружает землю в ужас первоначального мрака. Этот мотив характерен для многих цивилизаций, и в особенности для всех цивилизаций Юго-Восточной Азии. Когда из хаоса поднимаются легкие

[1] «Хуайнань-цзы» — памятник II в., составленный при дворе князя Лю Аня. Согласно источникам, включал три книги, отличающиеся образностью, искусно построенной ораторской речью, сочетанием различных стилей. В нем обрела завершенную форму конфуцианская доктрина: человеческое измерение и человеческая деятельность не менее важные атрибуты универсума, чем Небо и Земля.

эссенции и опускаются тяжелые субстанции, формируются Небо и Земля. Земля представляла собой бесформенное болото, землю-воду: «Земля, которая рождалась, была подобна масляному пятну и расползалась, подобно медузе» («Кодзики»). Затем появилась странная красная форма, от которой родились три главных бога. И хотя значение имен богов, которые во множестве заселяли Вселенную, было утрачено, некоторые имена раскрывают представление о грязи, земле и водах. Значимость, которая придается этим объектам и тем временам, когда элементы смешивались, не удивляет в этой стране, которая подвергается тайфунам, ураганам и внезапным стремительным приливам и где, следовательно, важнейшим источником существования с тех пор на протяжении двух тысячелетий являются рисовые поля.

Вместе с парой Земля — Небо и Земля — Вода появляется пара мужчина — женщина, мужское начало — женское начало, союз и равновесие которых определяет все творение. В Японии, как в Китае с его инь и янь и в различных культурах островов Тихого океана, на этих двойственных циклических явлениях была основана собственная философия и собственное мироощущение.

Космическое воображение и понятие о двойственности начал соединились в создании верховных прародителей: Идзанаги — бог и Идзанами — богиня.

Избранные богами для того, чтобы привести в порядок образовавшуюся землю, они получили в подарок копье (*хоки*): «Тут все небесные боги своим повелением двум богам Идзанаги-но микото и Идзанами-но микото: „Закончите дело с этой носящейся [по морским волнам] землей и превратите ее в твердь", — молвив, драгоценное копье им пожаловав, так поручили. Потому оба бога, ступив на Небесный Плавучий Мост, то драгоценное копье погрузили, и, вращая его, хлюп-хлюп — месили [морскую] воду, и когда вытащили [его], вода, капавшая с кончика копья, сгустившись, стала островом» («Кодзики»). Они провели остаток своих дней в том, чтобы создавать острова и божества. Но, рождая огонь, Идзанами погибла от смертельных ожогов; Идзанаги, придя в отчаяние, отправился искать ее в ад, но, как и Орфея, нетерпение и любопытство погубили его. Придя в ужас при виде расчлененного тела своей супруги, он бежал из подземного мира, преследуемый безжалостными фуриями.

В этих драмах зарождения и смерти ищут политический смысл и его охотно усматривают, придавая символическое значение перипетиям рождения молодого двора Ямато в эпоху железного века.

Мифы творения, распространенные на архипелагах южных морей и в Юго-Восточной Азии, помогают лучше понять то, что очень долго считалось исключительно японским. Легенды, повествующие о сотворении островов в форме капель, были обнаружены, в частности, в Полинезии. Заметим, что быстрое сотворение множества явлений и существ никогда не считалось совершенным. Сама изначальная пара не слишком гордилась своим потомством. Оба божества, как рассказывается, были наделены ясным сознанием: «Тут два бога, посоветовавшись, сказали: „Дети, что сейчас родили мы, нехороши. Нужно изложить это перед небесными богами", — так сказали, и вот, вместе поднялись [на Равнину Высокого Неба] и испросили указания небесных богов. Тут небесные боги, произведя магическое действо, изъявили свою волю: „Потому нехороши [были дети], что женщина первой говорила. Снова спуститесь и заново скажите", — так изъявили» («Кодзики»). Превосходство женщин, неосторожно утверждаемое, чуть было все не испортило. Похожая легенда встречается среди различных племен Борнео.

Дочь первой пары Аматэрасу-о-миками является персонификацией солнца и представляет собой божественную прародительницу императорского рода. Ее сияние приобретает особое значение в связи с рассказом об уходе в темную пещеру, который чуть было не заставил опрокинуться мир во враждебную вселенную ночи. Сильно разгневанная беспутным поведением своего нераскаявшегося брата Сусаноо-но микото, она удаляется в глубокую небесную пещеру Саме-но-ивато. Она все еще дрожит от страха при воспоминании о небесном коне, которого Сусаноо схватил в том месте, где она мирно занималась ткачеством, и с которого содрал заживо шкуру. Уход Аматэрасу угрожал существованию мира, внезапно погрузившегося в непроницаемую тьму, в то время как злые духи стали распространяться повсюду по Земле. Боги, таким образом, объединились и разработали стратегический план, который должен был вернуть миру солнечный свет и тепло. К пещере принесли петухов, пение которых приветствовало возвращение дня. Затем посадили огромное дерево сакаки. На ветвях священного дерева повесили драгоценности, длинные белые полотна и зеркала, изготовленные для этого случая.

Все боги разместились вокруг дерева, за исключением одного, известного своей физической силой. Он отправился к входу в пещеру и встал там. Когда все было готово, Амэ-но Удзумэ, богиня не столько прекрасная, сколько жизнерадостная, принялась танцевать, отпуская шутки и понемногу освобождаясь от своих одежд. Она делала это столь забавно, что, когда оказалась почти голой, боги разразились смехом. Аматэрасу разбирало любопытство, она выглянула из своего убежища и остановилась, пораженная зрелищем своего отражения в зеркале. Бог, направленный для охраны пещеры, воспользовался этим, чтобы вытащить ее из пещеры. За ней тянулась соломенная циновка, а бог Футодама наставлял: «Ты не должна внезапно исчезать!» Омываемый отныне светом, мир ожил, а нежность солнца отправила злых духов в тень.

Благодетельное божество, Аматэрасу, как солнце и император, не была первой среди богов творения, но она представляла божественную благодать, под сенью которой всему сотворенному суждено вечно процветать, веровать и торжествовать над враждебными силами тьмы и смерти. Появление Аматэрасу, наконец, освящает и рождение религии — танцы (*мико*), которые заставили ее покинуть свою пещеру, стали одним из обязательных ритуальных действий. Поклонение, церемонии, празднества отныне выражали контакт между людьми и верховными и нижними божествами. А посредниками между ними стали служители культа и шаманы.

Как в континентальной Северной Азии, на Юге Китая и в Юго-Восточной Азии, в Японии существовали шаманы. Ими, без сомнения, нередко оказывались женщины, привилегированные медиумы аграрных обществ, зачастую еще относившихся к матриархату. Загадочная царица Пимико, которая, согласно китайским текстам, царствовала в маленьком государстве Япония в III веке до нашей эры, без сомнения, существовала на самом деле. Она представляла силу физических и нравственных связей, которые соединяют человеческое тело и божественных духов,

и выражала идентичность божественной и государственной власти, существовавшую первоначально.

Могущество солнца иногда заставляет позабыть о том, что Идзанами и Идзанаги создали также и луну. Однако легенды, связанные с луной, не получили в Японии большого распространения. Луна для этого народа, влюбленного в природу, являлась прежде всего объектом искусства, странной фигурой с изменчивыми изломанными линиями, которой следует восхищаться. «Любование луной» (*цукими*) летними или осенними ночами, когда завершился период знойной жары, — непременный обычай, позволяющий человеку, обласканному теплым ветерком в нежных сумерках, наслаждаться, восседая на циновках, радостями умиротворенной природы. Однако же, если верить древнему роману «Повесть о рубщике бамбука» («Такэтори-моногатари»), луна способна внушать и некое недоверие: «С начала третьей весны люди начали замечать, что каждый раз, когда полная луна взойдет на небе, Кагуя-химэ становится такой задумчивой и грустной, какой ее еще никогда не видели.

Слуги пробовали ее остеречь:

— Не следует долго глядеть на лунный лик. Не к добру это!

Но едва Кагуя-химэ оставалась одна, как снова принималась глядеть на луну, роняя горькие слезы».

Сусаноо, буйный брат и нарушитель покоя Аматэрасу, — единственная стихия, которая может противостоять силе солнца. Он скорее не антипод своей сестры, а ее конкурент, надоедливый посетитель, жестокий вихрь, заброшенный в центр гармоничного общества. Исторические основания легенды об Аматэрасу и Сусаноо представляются относительно ясными, и можно полагать, что этот антагонизм отразил в мифологии древнюю борьбу, которой предавались страны, развивавшиеся в двух центрах — Ямато и Идзумо.

Праздничным ликованием, которым отмечено в легенде об Аматэрасу возвращение в мир света, сопровождаются ритуальные японские праздники (*мацури*) и выражаются чувства.

Наряду с космогоническим циклом японские легенды содержат великолепные повествования о жизни героев, которые, как рассказывают, основали империю. Два типа этих преданий не противоречат друг другу. История Аматэрасу и Сусаноо сим-

волически представляет непротиворечивый акт создания мира и императорского государства. Повелительница неба, богиня солнца Аматэрасу завоевывает земное царство, распределенное между божествами сумрачного нрава. Именно в этой связи появляется тема посланца, которая в действительности вуалирует тему императорской власти. После многих попыток, сопровождавшихся разочарованием, Аматэрасу послала на землю своего внука Ниниги, который в сопровождении пяти вождей и трех божеств, наделенный тремя символами власти, бросился, согласно легенде, на завоевание Японии. Дзимму, первый в длинном ряду японских императоров, в течение длительного времени считался прямым потомком Ниниги, а бабушкой Дзимму была морская царевна.

Глава 2

РОЖДЕНИЕ И РАСЦВЕТ

Японские мифы о происхождении людей входили в цикл космогонических мифов, которые на протяжении столетий постепенно перегруппировывались, структурировались и к XVII веку приобрели свою законченность и очарование. После окончания Второй мировой войны появилась возможность получить подтверждение простых материальных свидетельств, которые ежедневно извлекались из-под земли во время строительных работ. Изучать развитие японской цивилизации по-прежнему достаточно сложно. Вплоть до наших дней Япония считалась финистером, то есть краем света. Любой элемент цивилизации достигал ее с опозданием, причем большая или меньшая степень этого запоздания точно соответствовала историческим обстоятельствам и географической удаленности от китайских, сибирских, индийских центров или центров Юго-Восточной Азии. Таким образом, японская хронология всегда представляется маргинальной, сдвинутой на один временной порядок от континентальной хронологии. Эпохи иногда смешивались, например, железный предмет появляется в период расцвета неолита, а примитивное земледелие в своей начальной стадии вдруг обнаруживается в эпоху бронзы, определяя агротехнику риса. Новые факторы последовательно наслаиваются друг на друга в большей мере, чем переплетаются. Явления, свидетельствующие о наличии пережитков, многочисленны и существовали долго. Север Японии, укрытый горами и густыми лесами, существовал еще на уровне неолита, в то время как в Киото создавалась более развитая цивилизация. Причина была не только в топографии;

представление о необходимости экономить во всем в этой стране, изначально бедной, сыграло важную роль, заставляя людей сохранять все, что когда-нибудь могло пригодиться в повседневной жизни. Крестьянин в XVII веке, без сомнения, срезал рис таким же серпом в форме полумесяца, какой использовался и во II веке до нашей эры. Кроме того, Японский архипелаг был слишком мал, чтобы изменения совершались бесцельно. Здесь почти не существует земли, когда-либо брошенной на время или навсегда, слой земли, который отделяет живых от покойников, слишком тонок, чтобы те и другие не встретились. Япония — страна островов, естественной изоляции, со всех сторон омываемая морем. Хотя этот образ гордого одиночества, изредка нарушавшегося (но никогда не уничтожавшегося) тревожными и краткими контактами с чужестранцами, и был освящен столетиями, все же иногда он совпадал с реальностью. В доисторические времена, когда в Южной Африке проживали австралопитеки, японские земли еще не были отделены от обширного евразийского континента: от Камчатки до современных Зондских островов они образовывали протяженную границу с Тихим океаном. В четвертичном периоде движения, связанные с горообразованием, потрясают континенты и изменяют их облик. В гигантских разломах образовались моря — Охотское, Японское и Китайское. Со временем они становились все глубже, и на рубеже среднего плейстоцена и верхнего плейстоцена Япония уже была связана с континентом только узким перешейком на юге и севере, а суша постоянно перемещалась — так (скорее всего, в эпоху холоцена) возникла островная Япония.

Общеизвестно, что Япония покрыта действующими вулканами (они производят разрушения и в наше время) и в ней постоянно случаются землетрясения. Более удивительно то, что архипелаг образовывался тогда, когда на этих землях уже обитали люди. По крайней мере, об этом свидетельствуют открытия, сделанные в 1949 году в Ивадзюки (*Гумма-кэн*), которые были подтверждены впоследствии другими открытиями и результатами геологического исследования культурных слоев. В пластах пепла, в застывшей лаве, часто прямо под ними были найдены каменные орудия времен верхнего палеолита или, что, возможно, и спорно, нижнего палеолита. Со временем новые открытия заполняли «белые пятна», имевшиеся в начале истории развития

человеческого общества в Японии; это, прежде всего, находки периода *сендоки дзидай* — так называют эту эпоху, еще малоизученную, чтобы обозначить ее каким-то понятием, использующимся для определения одного из периодов доисторического развития Европы. Хронология здесь не очень точная, поскольку археологический слой неглубокий и разрушался природой и человеком. Археологи различными способами определили временны́е рамки древнего периода истории в соответствии со своим характером, своим видением истории, своей национальной гордостью. Однако после того, как его сначала объявили чересчур древним, ныне периодически проявляются тенденции к тому, чтобы точно так же его излишне «омолаживать». Японские историки выработали спорную методику датировки археологических находок. Конечно, эту проблему трудно разрешить: открытия в Ивадзюки и других поселениях подобного типа позволяют предположить, что в период бурного рождения архипелага и активной деятельности вулканов человеческие поселения могли быть полностью уничтожены, следовательно, и утратились свидетельства связи между японскими островами и континентом.

Японский архипелаг, результат подземных толчков и больших катастроф, помимо своих четырех больших островов — Хоккайдо, Хонсю, Сикоку, Кюсю, — объединяет вокруг них более трех тысяч трехсот островов, которые облекают каждый берег в кружево гаваней, бухт и заливов. Люди, проживающие там, занимаются рыболовством, сбором водорослей, культивированием жемчуга.

В скоплении гористых территорий, вытянувшихся в длинную цепь, ширина которой не превосходит даже двухсот пятидесяти километров, каждая река имеет в длину не более сотни километров, поскольку в своем дальнейшем движении она впадает в море, — восемьдесят процентов электроэнергии страны производится благодаря этим рекам. Из этих коротких и быстрых рек множество потоков, таких как Кудзурё в провинции Фукуи, протекает посреди могучих гор. Густые леса, покрывающие горы, — источник всякого творения, они несут в своей тени тайны. Именно на берегах этих рек и встретятся синтоизм и средневековый буддизм. Японская «пустыня» представляет собой гористую местность, поросшую лесом, как некогда было в Италии.

Заселение Японских островов не может быть связано, как это считалось прежде, только с развитием мореходства в доисторических обществах Дальнего Востока. В очень древнюю эпоху вынужденные отправляться в путь под влиянием всеобщего переселения народов Евразии, люди, без сомнения, двигались по дальним путям, которые приводили их к областям, граничившим с Тихим океаном. Фрагменты окаменелых костей доказывают, что в Японии человек прошел полный цикл развития. Человек Акаси (*Хиого-кэн*) был питекантропом, люди из Кюдзу (*Тотиги-кэн*) и Юсикавы (*Айти-кэн*) — неандертальцы, люди из Ханекити и Миккаби (*Сидзуока-кэн*) уже принадлежали к *Homo sapiens*. Следовательно, уже в период палеолита в Японии существовала (вместе с человеком из Акаси или его «братом») цивилизация, находившаяся в отдаленном родстве с китайскими или сибирскими центрами. Предки японцев, оказавшиеся на ограниченной территории, вынужденные отвернуться от континента, без сомнения, принадлежали и к другому типу общин, — связанных с морем. В начале II тысячелетия до нашей эры острова (от Сахалина до островов Зондского архипелага), которые напоминают о древних следах евразийского побережья, составляют вместе с берегами Азии, Индокитая до районов Амура особую область, нечто вроде «Средиземноморья» Тихого океана; эта длинная, недавно замкнувшаяся цепь морей поистине питала по своим берегам ряд малых морских цивилизаций, где обитали кочевники, занимающиеся охотой и рыболовством, — характер бытия доисторических людей, как и их образ жизни, был обусловлен самим обитанием рядом с морем. Таким образом, в Японии появляется эпоха, которую называют периодом «керамики с веревочным орнаментом» (*дзёмон дзидай*) и которая представляет первую очевидную веху локального развития.

Дзёмон

Цивилизация Дзёмон была открыта в конце прошлого века (XIX в. — *Ред.*) американцем Е.-С. Морсом, который первым нашел в Японии раковинную кучу (*кайдзука*). Часто эти нагромождения раковин можно заметить с самолета по беловатой окраске,

которую они придают поверхности земли. В действительности это прозаические кучи мусора, останки моллюсков, которые тогда были основной пищей людей. Эти остатки сначала накапливались позади жилищ, занимая естественные углубления почвы. С течением времени *кайдзука* в итоге сама определила рельеф почвы; один из прекрасных примеров находится в Кайдзори (*Сибакэн*), где раковинная насыпь огибала подковой всю деревню. Слой земли над мусорной свалкой служил фундаментом для новых сооружений, так были обнаружены остатки хижин на самой груде раковин. Эти груды обломков, которые требуют осторожности при раскопках (и тем более при истолковании данных), составляют неисчерпаемый источник сведений о жизни далеких предков современных японцев, полной приключений.

Архипелаг изобиловал дичью: кабаны, олени, барсуки, лисы, обезьяны, птицы обеспечивали разнообразие в пище. К дичи добавлялись дары моря — моллюски, а также богатый улов (рыбу ловили на удочку, сетью или с помощью гарпуна). Улов составляли дорады, тунец, бары, макрели, мулеты, киты, тюлени. На этих широтах, после того как наступали и отступали льды в ледниковый период (периодизация которого для Дальневосточной Азии является одной из наиболее сложных), изменялся и животный мир. Люди стремились жить в тех местах, где имелись наилучшие условия для охоты и рыбной ловли. Такие благоприятные места в изобилии имеются в Японии.

Ландшафт эпохи Дзёмон часто включал приветливую бухточку, а сами поселения Дзёмон располагались на узкой прибрежной полосе у подножия низких изломанных холмов, покрытых зарослями кустарника и защищавших деревни от ветров. Подобные поселения встречались столь часто, что простой ориентир — наличие кайдзуки — сегодня позволяет определить во многих случаях древние следы обитания человека на японском побережье.

Жилища были наполовину вырыты в земле. Более или менее глубокую яму квадратной или круглой формы покрывала крыша из веток, опиравшаяся на столбы, и, без сомнения, в крыше имелось отверстие, через которое уходил дым очага. Благоприятные природные условия способствовали возникновению общества. Постепенно начинается захоронение мертвых. Перв

воначально их укладывали в позе, напоминающей позу ребенка в утробе матери, посреди мусорной кучи, поскольку кальций, входивший в состав раковин, замедлял разложение тела. Затем для погребения стали использовать глиняные кувшины, сначала для погребения умерших детей, а позднее костей взрослых. С развитием ремесел научились делать сосуды больших размеров. Внимание, с которым относились к погребению, свидетельствует о зарождении религиозного чувства, что подтверждают и другие археологические находки: фигурки из обожженной глины (*догу*), представляющие женские образы плодовитости, камни, поставленные вертикально, и длинные палки (*секибе*), которые представляли аналогичное мужское начало; круглые фигурки с выпученными глазами, человеческие кости, покрытые резьбой.

Маски из терракоты (*домэн*) с шаровидными и прорезанными глазами часто встречаются в позднем периоде Дзёмон. Маска представляет собой круглое лицо и украшена волютами, находящимися на поверхности с веревочным орнаментом. Такие маски — распространенный тип в Тохоку в последний период Дзёмон. Две маленькие дырочки, пробитые с каждой стороны бровей, указывают на то, что предмет использовался как подвеска. Хотя до нас дошли только копии из терракоты, можно предполагать, что цивилизации конца эпохи Дзёмон, по-видимому, ввели широкое употребление масок из кожи или деревянных.

Сама эпоха Дзёмон и полуоседлая жизнь людей той эпохи, охотников и рыболовов, оставила по себе мало свидетельств, за исключением керамики, изготовленной вручную, без применения гончарного круга и украшенной так называемым веревочным орнаментом (*дзёмон*)[1], которая позволяет определить культуру Японии, предшествовавшую эпохе бронзы. Появление бронзы произошло одновременно с появлением гончарного круга.

[1] Дзёмон (веревочный орнамент) — керамические сосуды, изготовленные без применения гончарного круга. Форма изготовлялась из веток и травы, обмазывалась глиной, при обжиге трава и ветки сгорали, оставляя следы на стенках сосудов. Позднее мастера лепили сосуды и, чтобы они не распадались, обвязывали их травяной веревкой, оставлявшей на мокрой глине орнамент.

Открытия (1960—1964) в местности Фукун (*Нагасаки-кэн*) позволяют представить стратиграфически законченную классификацию постепенных изменений от эпипалеолитической эпохи с богатым развитием микролитов[1] до неолита, характерного богатством керамики. Первоначально это были грубые сосуды с дном конической формы. Изменение декора, формы и объема позволяет разделить эпоху Дзёмон на пять периодов. Основание керамических сосудов округляется и становится более плоским, меняется декор поверхности, горловина расширяется и украшена большими выступами, так что напоминает современному взгляду барочные вазы. Простота поздних форм только увеличивала их разнообразие и практическое применение.

Позднее новые образцы керамики появились под влиянием изысканных бронзовых китайских изделий. Для украшения керамической поверхности использовались ритмизованные веревочные орнаменты, достигаемые вдавливанием по сырой глине, наблюдается стремление воспроизвести геометрический орнамент и даже интерпретация богатого орнамента металлических изделий, созданных на континенте.

Недавние открытия позволяют утверждать, что в конце эпохи Дзёмон, то есть около середины I тысячелетия до нашей эры, в Японии постепенно распространялась практика богарного земледелия[2] в качестве вспомогательного ресурса, способствующего относительному переходу общин к оседлости.

Яёй

Земледельческая Япония, а есть соблазн называть Японию именно так в любое историческое время, начинается около III века до нашей эры бурным расцветом культуры, известной как Яёй,

[1] Эпипалеолитическая эпоха, или мезолит, — время расцвета мелких каменных инструментов геометрических форм (микролиты), изготовленных из тонких призматических пластинок (например, несколько лезвий, расположенных рядом, образуют один инструмент — гарпун).

[2] Богарное земледелие (от *перс.* бехар — «весна») — земледелие на неполивных землях, на которых сельскохозяйственные культуры выращиваются без полива, возмещаемого зимними и весенними осадками.

которая характеризуется преобладанием земледелия, повсеместным использованием гончарного круга и умением выплавлять металлы. Впервые открыто проявляется то странное обстоятельство, которое представляет в Японии волна импорта. Доисторическая маргинальная культура, первобытная японская цивилизация с незапамятных времен питались континентальными источниками. Но в обширном доисторическом универсуме, когда народы еще не сложились, когда самые революционные изменения возникали из подражания (при этом место их возникновения оставалось неизвестным), явления, возникшие в Сибири, Северном и Южном Китае, Юго-Восточной Азии, постепенно гармонично соединяются.

В течение веков, которые предшествовали началу нашей эры, напротив, именно различия в социально-экономическом развитии отдельных человеческих общностей на континенте стали источником возбуждения, проявлявшегося в разных аспектах.

Китай испытал период волнений, так называемую эпоху «сражающихся царств» (475—221 гг. до н. э.), когда по его границам шоковой волной прошло вторжение племен со всеми его последствиями. Богатые китайские царства, вечные объекты страстного вожделения, содрогнулись под ударом полчищ верховых кочевников. Цин Шихуанди, основатель империи (221—210 гг. до н. э.), для защиты китайских земель от варварских вторжений начал строительство знаменитой Великой Китайской стены, помимо тех укреплений, которые отдельные княжества уже возвели на собственные средства. Орды кочевников продвигались дальше до Кореи. Войны привели к возрастанию миграции, и целые семьи пытались достичь Японии, надеясь найти на островах безопасность и покой. Многими путями можно было прибыть на архипелаг с континента, но наиболее удобный (и следовательно, наиболее вероятный), и с этим согласны многие исследователи, вел из Кореи в северные области Кюсю (*Кита-Кюсю*) с промежуточными остановками на островах Цусима и Ика. В хорошую погоду с одного острова можно видеть берег другого. Последний этап, бухта Карацу (*Сага-кэн*), открывал очаровательный вид на прибрежную полосу, на плодородные польдеры[1], в особенности

[1] Польдер — участок земли, отвоеванный у моря строительством дамбы.

пригодные для возделывания риса, на горы, защищающие от ветров. Горы виднелись на горизонте обширных равнин, простиравшихся до современной Фукуока; прилегающий берег, где могло развиваться земледелие, имел удобные заливы. Именно по этому пути технические и художественные достижения Китая эпохи Хань достигали Японии — это были сокровища империи: треножники, наконечники для стрел, алебарды эпохи Инь и Чу, зеркала, корейские ножи, сапеки[1].

Возможно, к этому времени что-то уже было известно на архипелаге, но Япония той эпохи еще не достигла уровня зрелости, который мог бы приносить собственные плоды.

Достижения эпохи Яёй (названа по характерной для нее керамике), как справедливо отмечается, состоят в том, что ускоренными темпами была преодолена культура халколита[2]. В эпоху бронзы в Японии технические изобретения способствовали блестящему расцвету зрелого неолита. Благодаря изобретению гончарного круга создавалась керамика с исключительно чистыми линиями, не уступающая иноземным образцам из металла и имеющая функциональное назначение, совершенствовалась обработка камня, ему придавались внешний вид и острота металлических орудий. Прекрасные каменные орудия, в свою очередь, позволяли лучше обрабатывать дерево, и в знаменитых своими археологическими находками деревнях Карако (*Нара-кэн*) и Торо (*Сидзуока-кэн*) обнаруживаются разнообразные деревянные инструменты и утварь, изготовленные из криптомерии, дуба, камфарного дерева. Постройки этого периода располагаются на естественных террасах, оставляя место на низменных местах для поливных рисовых полей, орошаемых сложной сетью каналов, которая была бы невозможна без общинной организованности. Первые ремесленные образования возникли благодаря экономическому и культурному подъему. В Японии начинают обрабатывать металл, положив начало ремесленному производству, которое скоро приобретет на Дальнем Востоке известность. Сначала бронзовые китайские изделия вызывали восхищение, им припи-

[1] Сапеки — денежная единица Древнего Китая.

[2] Халколит (энеолит) (*греч.* chalcos — «медный», lithos — «камень») — эпоха перехода от каменного века к бронзовому, VIII—IV тысячелетия до н. э.

сывались сверхъестественные свойства, некоторые из них даже помещались в качестве оберегов в могилу рядом с умершими. Однако китайские бронзы завозились в таком количестве, что японцы не колеблясь стали расплавлять наиболее часто встречающиеся предметы — так начиналась японская металлургия. От северного Кюсю до залива Исэ и в наши дни еще сегодня находят расплющенные (или нерасплющенные) наконечники копий и секир, предназначенные для культовых обрядов или войны. Область, которая простирается от современной Хиросимы до залива Суруга, стала местом наиболее частых находок загадочных бронзовых колоколов (*дотаку*) без била, имеющих в разрезе форму эллипса; возможно, это местная интерпретация ритуальных колоколов, которые использовались в былые времена в Китае эпохи царства Чу. Кажется, что наиболее богаты такими находками копий, секир и дотаку берега Внутреннего Японского моря. Таким образом, можно сделать вывод, что на протяжении столетий, которые предшествовали выходу Японии на историческую арену, были две особенно развитые области. Обе они (северные земли Кюсю и южные области Хонсю) были открыты посреднику, способствующему приобщению к цивилизации, каким являлось Японское море, на их территории вскоре станет господствовать воинственное государство Ямато.

Ва

Свидетельства об усилении Японии в конце эпохи Яёй нашли отражение в китайских источниках: в III веке путешественники и посланцы китайского царства Вэй высадились на островах Восходящего солнца. Они обнаружили удивительную страну, которая уже в это время имела свое политическое устройство. Одно из китайских исторических сочинений, включенное в «Историю трех царств» (*Санку-че Вэй*), посвященное истории царства Вэй (*Вэй-че*), повествует о варварах Востока (*Той-чуань*), в нем на нескольких страницах рассказывается о японцах, или *во-йен*. Этот текст можно считать наиболее древним и самым полным известным описанием доисторической Японии. В повествовании сообщается, что страна Ва (так китайцы называли

древнюю Японию) располагается в центре «юго-восточного океана», что она некогда состояла из множества государств, которые постепенно объединялись под эгидой одного «главы двора», пока их не стало тридцать, перечисляются в соответствии со сторонами света названия княжеств, изображается жизнь обитателей острова: «Земля Ва — жаркая, зимой точно так же, как и летом, там могут произрастать овощи, которые используются в пищу; все население ходит там босиком; имеются дома с комнатами; родители и дети отдыхают в отдельных помещениях; они раскрашивают себе тело красной краской и, подобно тому как это принято в Китае, пользуются пудрой. Что касается мертвых, для них используют гробы без крышки; они поднимают один холмик и возводят курган; таким образом, начинается траурная церемония, которая продолжается более десяти дней; в течение этого времени не едят мяса и держащий траур плачет, в то время как другие (не родственники усопшего) поют, танцуют и пьют вино. После того как похороны завершаются, вся семья идет погрузиться в воду, словно для того, чтобы искупаться. <...>

Если же кто-то хочет пересечь море для того, чтобы возвратиться в Китай, [в течение всей продолжительности путешествия] человек [который остался на родине] не причесывается, не ловит блох, одевается в грязную одежду, не ест мяса, не приближается к женщинам, словно он находится в трауре. Его называют колдуном. Если путешественник возвращается цел и невредим, тогда (этот колдун) получает рабов и богатства. Если же его настигает болезнь или несчастье, то они его обрекают смерти. <...>

В этой стране производится жемчуг и зеленый нефрит. В горах находят киноварь. Из деревьев можно там увидеть лавры, дубы, камфарные деревья, клены. Что до бамбука, то там существует только низкорослый. Встречаются имбирные деревья, дикие померанцы, перцы, вкуса которых никто из них не знает. Здесь обитают дикие обезьяны, фазаны».

Если археологическими данными подтверждаются сообщения китайских путешественников, то гораздо труднее определить их маршрут. Оба центра культуры Яёй точно так же, как и любой регион Внутреннего Японского моря, могут с полным правом считаться колыбелью маленьких царств, из которых впоследствии возникло великое государство Ямато. Сторонники различных

гипотез сталкиваются друг с другом в своих оценках, строят предположения о направлениях навигации, подсчитывают ее продолжительность, историки и археологи взвешивают свидетельства, выдвигают новые гипотезы. Удастся ли когда-нибудь точно определить место рождения Японии?

Как бы то ни было, очевидно следующее: растущее богатство небольших сельскохозяйственных общин стало причиной возникновения дифференцированного общества. Наличие предметов в многочисленных могилах эпохи Яёй свидетельствует об этом. Среди единообразной массы гробниц, которые вполне приличны, но не отличаются роскошью, маленькие урны, увенчивающие дольмен[1], глиняные кувшины для погребения (*камэкан*) из обширных некрополей Западной Японии, ларцы или загадочные могилы со рвами демонстрируют с достаточной очевидностью высокое общественное положение некоторых усопших, подчеркнутое наличием оружия, зеркал или драгоценностей.

Кофун

Цивилизация Яёй непродолжительна, поэтому не может быть достаточно полно описана, она очень быстро вышла в начале IV века на уровень железного века. Воины-всадники (известно, что лошадь уже была приручена и одомашнена) в железных доспехах стали отныне хозяевами: они уже были достаточно могущественными, чтобы попытаться стремиться к успеху из своей колыбели Ямато и его прибрежных областей за их пределы для завоевания других земель и достичь его. Так, они утвердились в Корее.

Китай после крушения династии Хань под ударами кочевников и клановых конфликтов был раздроблен и превратился в страну «Шести династий» на Юге (III—VI вв.) и «Шестнадцати

[1] Дольмен (*франц.* dolmen, *нижнебретонск.* taolmen — «каменный стол») — культовый объект, символический каменный дом для погребенного. Дольмены часто относят к мегалитам — древнейшим сооружениям эпохи бронзы и железного века в виде огромных каменных глыб и плит, поставленных вертикально (или положенных друг на друга) и покрытых сверху массивной плитой.

царств Пяти северных племен» и варварских династий на Севере. До воссоединения Китая под эгидой династии Суй (589) все происходящее в нем отражалось на событиях в Корее и разрывало эту страну на части, ввергая в разруху. В III веке династия Вэй предприняла попытку восстановить свое господство над Корейским полуостровом, и тогда началось переселение корейцев в Японию. Этот процесс становится постоянным и приобретает все большее значение для Японии, ускоряя ее эволюцию. В это время Япония успешно развивалась, и поэтому технические умения корейцев и корейская наука пришлись там весьма кстати и охотно были восприняты японцами. В 369 году, осмелев, японцы сами высадились в Корее и основали небольшое японское княжество Мимана. На протяжении почти двух столетий, вплоть до уничтожения Мимана в 562 году, Япония владела провинцией на континенте. Таким образом, из этого материального, технического, интеллектуального и человеческого противостояния рождалась историческая Япония.

Японский железный век, то есть век военных вождей, известен еще плохо. Однако от него все же остались впечатляющие следы: курганы, изолированные или сгруппированные, живописно повторяющие ритм сельских пейзажей, сохранившиеся вопреки наступлению городов и развитию промышленности как свидетельства доисторической Японии. Эти могилы были в той или иной степени созданы по образцу китайских или корейских надгробных памятников, они состояли из гробницы с правильными очертаниями, увенчанной террасой для религиозных церемоний. В классическую эпоху, которая формировалась в основном в первой половине V века, японский курган (*кофун*) встречается чаще всего. Он абсолютно точно воспроизводит форму замочной скважины: закругленный позади, он имеет спереди квадратное продолжение (*дзэмпокёэн*). Правильные гробницы, такие как гробницы великих правителей Одзина (III в.) и Нинтоку (IV в.) на равнине Осака, с внешней стороны были окружены одинарным или двойным рвом, заполнявшимся водой, и могли достигать трехсот метров в периметре, однако внутреннее устройство и размеры оставались неизменными. В последующие столетия, по мере того как культура железного века распространялась на восток страны, размеры гробниц становились меньше, но их количество возросло, и они объединялись в большие некрополи. Известно, что в 646 году император Котоку (645—654) издал указ об ограничении размеров гробниц и ограничении количества ценных предметов, помещаемых с усопшими. Трудно утверждать, возымела ли действие воля императора, однако по времени издание указа действительно совпадает с постепенным исчезновением больших захоронений. Одновременно буддистский обычай сожжения умерших, введенный сектой Хоссо в последней трети VII века, становится всеобщим.

Ханива, то есть цилиндры из обожженной глины, датируются эпохой Великих курганов, предназначались первоначально для того, чтобы удерживать землю курганов. Но постепенно в верхней части они стали украшаться изображениями предметов, животных и, наконец, человека. Так, в Ямура (*Гумма-кэн*) было найдено изображение *женщины*, прическа которой была увенчана тяжелым шиньоном, в ушах были подвески, на шее — ожерелье из крупного жемчуга. Она представлена в полный рост, что для ханива является редкостью. Глина воспроизводит элегантность одежды, даже слегка намечены мотивы на ткани. Без сомнения, изображено лицо из высшей знати.

В Нохаре (*Саитама-кэн*) найдены ханива, изображающие *танцора и танцовщицу*, что подчеркивается различиями их прически. Скульптуры принадлежат поздней эпохе Кофун, но в целом представляют ту же цилиндрическую форму, которая присуща первым ханива, — в двух полых цилиндрах просверлили отверстия и приделали руки. Все изготовлено с большим искусством.

Одна из редких находок периода железного века — *фигура воина* в полный рост. У него доблестный вид: шлем, полные доспехи, отчетливо видны нарукавники, широкие штаны подвязаны под коленями шнурами. В его правой руке широкая сабля, в левой он держит лук. Скульптура найдена в Иидзука (*Гумма-кэн*), напоминает фигуры из гигантского кургана императора Нинтоку, что свидетельствует о расширении Кинай на восток.

Редкая находка периода железного века — ханива *дом*. Установленный на ямах или поднятый на сваях, дом покрыт крышей,

которую поддерживает мощная балка конька, ставшая одним из ярких элементов традиционной японской архитектуры. Четыре маленьких павильона, каждый перекрытый отдельной крышей, присоединяются к главному строению. Несомненно, находка из Сайтобару (*Миядзаки-кэн*) изображает жилище вельможи, такими строениями представлены и синтоистские святилища.

Облик древних воителей, энергии которых обязано своим возникновением первое японское государство, сегодня известен только по стилизованным силуэтам ханива. Первоначально ханива представляли собой простые глиняные цилиндрические емкости, поддерживающие землю у подножия кургана, образуя внешний элемент архитектуры; позднее ханива украшали верхнюю часть кургана изображениями образов земного мира — животных, домов, лодок и людей. Эти глиняные фигуры с огромными глазами сегодня дают нам представление об образах Японии на заре ее истории.

Ямато

В V веке двор Ямато поглотил многочисленные кланы (*удзи*) и союзы (*бэ*). Верховная власть сохранялась благодаря силе союзов, которая поддерживалась распределением титулов среди знати. Эти титулы происходили от названий должностей, но вскоре приобрели значимость иерархических рангов. Так было с титулами *оми* и *мурадзи*, которые раздавались знатным предводителям кланов, связанным родством с царствующим домом, а значит, считавшимся потомками богини солнца, и вождям других кланов, ведущих свое происхождение от других божеств. Для того чтобы создать систему управления, правитель Ямато назначал великого оми (*о-оми*) и великого мурадзи (*о-мурадзи*). Начиная с VI века первый титул принадлежал могущественным союзникам императорского дома — роду Сога, второй — могущественным военным кланам Мононобэ и Отомо. Таким образом, начало процесса государственной централизации сопровождалось формированием параллельной властной структуры. Двоевластие сохранялось на протяжении столетий, нередко за счет полномочий императорского рода, но никогда при этом не делались попытки оспорить законность власти царствующей династии.

Императоры Ямато, быть может, обязаны большей частью своего политического взлета возникновению письменности. Китайские иероглифы постепенно проникали в Японию в виде надписей на мечах и зеркалах, а обычай практики гадания на костях или черепашьем панцире сделал привычным для японцев использование знаков. Легенда рассказывает о том, что своим вступлением в историю Япония обязана посредничеству двух ученых с материка — то ли китайских, то ли корейских, которые обучали императора конфуцианским добродетелям и одновременно знакомили его с письмом. Археологические данные доказывают быстрое развитие молодого двора Ямато (*Ямато-хётэй*), имевшего влияние и в Корее, где он столкнулся с цивилизацией с достаточно долгим историческим прошлым. Однако Япония обязана своим культурным расцветом того времени гораздо меньше своим уроженцам, обосновавшимся за морем, чем иммигрантам, корейским ремесленникам и ученым, которые были хорошо приняты на архипелаге, вскоре натурализовались (*кикудзин*) и в благодарность за оказанные услуги получали от императора дворянские титулы. Иммигранты с континента охотно делились всеми известными им техническими новшествами, а их образ жизни и владение письменностью оказывали на японцев сильное духовное влияние.

Именно в этот момент в контексте сильного чужеземного влияния в Японии укореняется буддизм. Это основополагающее событие представляется чрезвычайно важным, особенно если учесть, что до сих пор Япония — одна из немногих стран, где живо учение Будды, испытавшее трудные времена на протяжении своей более чем тысячелетней истории.

Согласно легенде, буддизм появился Японии в VI веке между 538 и 552 годами. Король Пэкче (Корея) Сенг-Мионг, надеясь достигнуть союза с Японией против Силлы, другого корейского королевства, решил отправить правителю Ямато Киммэй (535—571) статую Будды из позолоченной бронзы (техника, в которой корейцы считались мастерами) и свитки с текстами сутр. Конечно, не все *удзи* выказали благоприятный прием

новой вере. Многие кланы отвергали буддизм как кощунство, как дерзкий вызов, брошенный старым синтоистским божествам, которые способствовали процветанию удзи и охраняли его. Но некоторые кланы, напротив, предполагая, что в буддизме содержится возможный источник могущества огромного континента, надеялись, благодаря его универсализму, приобрести господство над соперничающими кланами с их еще во многом примитивными верованиями. В государстве Ямато, образованном экономическими и семейными общностями, одинаково влиятельными, каждый глава клана рассчитывал на преобладание интересов и идей своего клана. Так, началась знаменитая вражда рода Сога против кланов Мононобэ и Накатоми, которые стояли во главе военных и религиозных администраций императорского двора; эти влиятельные лица ревнивым оком взирали на расширение влияния новой религии. Император, однако, придерживался советов Сога, которые, связав свою деятельность с позицией *кикудзин*, восхваляли открытие чужеземного мира, интеллектуальное и материальное превосходство безоговорочно принималось ими. Столетия, прошедшие с тех времен, смягчили остроту противостояния, но до сих пор ярко выражают его суть, которая столь характерна для японской истории, — это противостояние защитников традиции и сторонников радикальных обновлений. Конечно, если верить старым преданиям, то в красочных событиях недостатка не будет: как только верховный правитель Киммэй, приверженец буддизма, отдал приказ, чтобы этот культ почитали, разразилась ужасная эпидемия, вызванная, как считалось, яростью оскорбленных синтоистских богов.

Спустя десять лет установление статуи Будды сопровождалось теми же последствиями. Представители кланов Мононобэ и Накатоми добились, чтобы изображения Будды были брошены в ров с водой во дворце Нанива, где тогда находился двор, а все буддистские храмы безжалостно сожжены. Сога не признавали себя, однако, побежденными, и обе стороны были одинаково убеждены в своей правоте, так что в начавшейся беспощадной борьбе помимо веры на карту были поставлены еще власть и определенный образ жизни. В конечном счете в ходе решающего вооруженного столкновения в 587 году Сога одержали по-

беду, оправдывая более чем сомнительные средства ради достижения своих целей, поскольку в 592 году по наущению Сога-но Умако был убит император Сусюн (587—592), не разделявший его взглядов. Борьба за торжество буддизма продолжалась долгие годы. Наследовавшая своему деверю императрица Суйко (592—628) положила начало новой традиции, характерной для VII—VIII веков: в течение почти двухсот лет из шестнадцати императоров восемь были женщины. В период царствования Суйко во главе правительства находился мудрый регент и законодатель Сётоку (592—622), именно при нем в Японии были введены одновременно буддизм как государственная религия и первая упорядоченная система управления государством. Дух новшеств преобладал во всех мероприятиях: само имя правителя Ямато было в 592 году заменено титулом «небесный император» (*тэнно*) Страны Восходящего солнца (*Нихон*).

Да и в самом деле не было больше времени оглядываться назад. Японское государство Мимана в Корее пало в 562 году под ударами королевства Силла. Японцы, проживавшие за морем, для которых буддизм и конфуцианство уже стали частью привычного миросозерцания, возвратились и усиливали партию реформаторов. Могущественный род Сога воплощал силу и будущее. Он поддерживал регента Сётоку, который был и знатоком сутр, и сторонником прокитайских тенденций развития. Под его нажимом в 594 году буддизм стал государственной религией, тогда же были основаны Ситэнодзи и Хорюдзи, храмы, положившие начало японской архитектуре в китайском стиле. Организация духовной жизни сопровождала административную реформу. Отныне управление государством должно было опираться на этику конфуцианства, освободившись от древних религиозных обычаев, которые впредь только император обязан был исполнять лично. Иерархия должностных лиц устанавливалась в соответствии с добродетелями, проповедуемыми конфуцианством, отличием для них служил цвет головного убора: фиолетовый цвет символизировал добродетель, голубой цвет — доброту, красный — почитание ритуала, желтый — веру, белый — справедливость, черный — мудрость. В 603 году эти столь ценимые в табели о рангах добродетели были разделены на степени таким образом, чтобы образовалось двенадцать ступеней — «иерархия двенадцати

рангов головных уборов»[1]. Следует отметить любопытное обстоятельство: порядок добродетелей, таким образом, утвержденный в Японии, отличался от установленного в Китае: «почитание» и «вера» на архипелаге занимали в системе рангов более высокую ступень, чем та, которая им же соответствовала на континенте, в то время как «справедливость» и «мудрость» были помещены в самый конец списка.

В 604 году знаменитая «Конституция семнадцати статей» стала религиозной и политической декларацией японского государства. Первая статья воспрещала ведение междоусобных войн и требовала от всех японцев усилий для создания могущественного государства; вторая статья превращала буддизм в духовное основание государства; третья утверждала необходимость соблюдения иерархии, поскольку только порядок гарантировал государству необходимую поддержку; последующие статьи касались установления различных общественных механизмов. Конституция, построенная на моральных принципах, если ее подвергнуть филологической экспертизе, содержит реминисценции из самых разных китайских текстов: из «Классической поэзии» и «Классической истории», из «Рассуждений и бесед» Конфуция, из «Исторических записок» Сыма Цяня, из поэтической антологии «Вэн-сюань»; одновременно в ней можно найти влияние многих философских школ: конфуцианства, легизма[2], даосизма или даже мысли Мо Цзы. В том же году был введен в силу новый календарь, установленный с помощью специалиста из корейского королевства Пэкче. Этот календарь положил начало японскому счету времени по эпохам.

[1] По табели о рангах Сётоку Тайси предусматривалось введение 12 рангов: дайтоку (большая добродетель), сётоку (малая добродетель), дайдзин (большая доброта), сёдзин (малая доброта), дайрэй (большое почитание), сёрэй (малое почитание), дайсин (большая вера), *сёсин* (малая вера), *дайги* (*большая справедливость*), сёги (малая справедливость), дайти (большая мудрость), сёти (малая мудрость). В зависимости от ранга лицам, которым было присвоено одно из этих званий, было предписано носить определенного цвета головной убор. Звания образованы от названий конфуцианских добродетелей. Цвет шел от китайской идеи пяти элементов — вода, огонь, металл, дерево и земля, которым соответствовали цвета зеленый, красный, желтый, белый и черный.

[2] Легизм, «школа закона», — сформировавшееся в IV—III вв. до н. э. теоретическое обоснование тоталитарно-деспотического управления государством и обществом, единая официальная идеология в первом китайском государстве — империи Цинь (271—207 гг. до н. э.).

Столь быстрое установление организованного государства не могло произойти без наличия большого количества чиновников — кадров, одинаково хорошо владевших новыми административными методами и имевших новые необходимые моральные убеждения. Исполненный почтения перед Великим Китаем Сётоку послал в 607 году Оно-но Имоко с известием к императору Янгу из династии Суй об изменениях, происшедших в Японии, где уже не существовало царства Ва. После весьма сдержанного приема посол возвратился в Японию для устранения протокольных сложностей. Его вторая миссия (608) оказалась более продуктивной, а возвращение в Японию — триумфальным. Он добился от императора Срединной империи разрешения ежегодно посылать в Китай ученых для обучения китайским наукам. Это осуществлялось в действительности на протяжении тридцати лет, потому что правящая династия Тан, основанная в 618 году, продолжала предоставлять милости, дарованные последним правителем из династии Суй.

Политика систематической китаизации поддерживалась далеко не всеми японцами. С 614 года Инуками-но Митасуки активно противостоял ей. Сога, поддержка которых весьма ценилась регентом, с досадой чувствовали, что сами возвели препятствия для удовлетворения собственной жажды власти. Напротив, возвратившиеся из Китая думали только о том, как укрепить основы авторитарного централизованного государства. Смерть великого регента Сётоку в 622 году выпустила на свободу эту противоречивую энергию, став причиной войны. Первый период Японского государства завершился. Не прошло и столетия, как расцвела интеллектуальная и художественная культура: она не только впитала наследие ближайших соседей, Китая и Кореи, но через них до японцев дошли некоторые сокровища таких далеких и неведомых земель, как Персия, Египет, а через посредничество Гандхары — даже Греции.

Освободившись от опеки регента, род Сога быстро поднял голову, принудил к самоубийству наследника Сётоку и превратился в подлинную опасность для императорского трона, которым он пренебрегал, приказывая возводить внушительные гробницы для усопших из своего рода, размеры и пышность которых соперничали с гробницами великих правителей. Легенда

говорит о том, что в долине Нара знаменитая гробница Исибутаи со стеной циклопической кладки укрывает останки самого Сога-но Умако.

Тайка

Тем временем приверженцев централизованного государства с императором во главе становилось все больше. Такую позицию поддерживали и прибывшие из Кореи японцы-иммигранты, подавляющая часть ученых, которые вернулись из-за моря. Так, Такамуто-но Куромаро или Минабуси-но Сюан возвратились в Японию преисполненные восхищения перед могуществом правильно организованного Китая эпохи Тан. Они решили покончить с превосходящим все рамки влиянием и высокомерием рода Сога. В 645 году Наку-но Оэ, принц из императорского рода, и Накатоми-но Каматари совершили государственный переворот, и род Сога потонул в море крови, а императрица Когёку (642—645) вынуждена была отречься от престола. Государственные политики, верные Сётоку, в 646 году обнародовали длинный перечень мер, совокупность которых известна под названием реформ эры Тайка — «Великие перемены» (645—649), уже этим названием было выражено желание обновления. В действительности речь идет о законченной системе административного управления, механизм которого был запущен рядом мер, следующих друг за другом до конца VII века, несмотря на перерыв, вызванный в 672 году мятежом, известным под названием Дзинсин, — борьбой внутри императорского семейства за овладение троном.

Реформы были радикальными, и можно без преувеличения утверждать, что дальнейшее развитие феодализма происходило в зависимости от их большего или меньшего сопротивления децентрализующим силам, которые не сдавали своих позиций. Основная идея реформирования состояла (по аналогии с китайским образцом) в том, что государству принадлежит вся страна — население и земли. Вторая статья определяла административное устройство территории: область, расположенная вокруг столицы, образовывала особый округ, получивший название Кинай, все

остальные области были разделены на провинции — *куни*, уезды — *ган* и деревни — *сато*. Здесь же регулировался вопрос о военной защите границ, особенно важной в эту эпоху, когда восток страны, покрытый горами, являлся еще для двора terra incognita; предписывалось создание почтовых станций (*экиба* и *тэмма*). Согласно третьей статье определялась структура деревень, предписывалось проведение переписей, поскольку земля распределялась и нарезалась геометрически правильными наделами (*ханденсёдзё*). Распределение земли велось согласно количеству ртов, которые надо было кормить (*кобундэн*). Четвертая статья уточняла принадлежность людей к социальным классам.

Конечно же, проведение в жизнь подобной радикальной реформы предполагало значительный риск и могло встретиться с множеством различных препятствий. Кроме того, использовались хитрые приемы. Местные представители знати или прежние собственники стали называться чиновниками, а люди низкого положения получали заработную плату в обмен за свой труд. Таким образом, теоретически жизнь простого народа была обеспечена, в то время как верхушке надо было лишь сменить титул, для того чтобы сохранить власть и иерархию, которые были установлены реформой. Эта дерзкая политика не всегда исполнялась, но все же не прекращалась. Нарушалось ее проведение отчасти потому, что всё чуть не погибло под влиянием внешних обстоятельств. В самом деле, новое правительство грешило, быть может, высокомерием, когда оно вообразило себе, что в силах влиять на все и противостоять коалиции Китая и Силлы, поддерживая независимость королевства Пэкче в Корее, которое оказалось под угрозой. Несмотря на это вмешательство, Корея была объединена в 698 году, и это представляло собой угрозу для японского государства, которое, таким образом, утратило возможность проведения принципа «разделяй и властвуй». Сверх того, японский флот был полностью уничтожен в 663 году во время морского сражения, которое и определило исход военной кампании.

В этой неблагоприятной ситуации было объявлено о намерении провести последовательные реформы, и они были проведены. Принц Нака-но Оэ, став императором Тэнти (668—671), положил начало японскому законодательству, отдав распоряжение

составить знаменитый свод законов Оми (Омирё, 668), разработанных опытными законотворцами (*бэ*) и писцами (*какибэ*), и одновременно повелел провести в жизнь первую всеобщую национальную перепись населения, которая должна была впредь проводиться каждые тридцать лет.

Со времени правления Тэмму (673—686) административная политика крепнет, подтвержденная недавней победой императора во время мятежа циклического года Дзинсин (672). Первым шагом нового императора стал роспуск писцов, которые привыкли играть важную роль при дворе благодаря своей учености. Затем в 684 году были определены восемь родовых титулов (*кабанэ*), они служили для того, чтобы выделить боковые линии императорской фамилии. Закрепившись на отдельных территориях, эти семьи внесли свой вклад в формирование знати, связанной кровными узами с царствующим родом. В 684 году из своей столицы Асука (*Асука-но Киёмихара рицурё*) императрица Дзито (686—697) дополнила свод новыми установлениями. Так началась эра создания великих сводов законов; их главные идеи восходили к своду законов эпохи Тайхё (*Тайхё рицурё*, 701). Законодательные основы Японии продолжали действовать и совершенствоваться в эпоху Нара (VIII в.). Но в конце эпохи под названием Хакухо (670—710) система управления Японией в своих основных чертах уже сложилась. Во главе центрального управления находился император и группа великого правительства (*дайдзёкан*) во главе с первым министром (*дайдзёдайдзин*), правое и левое крыло министерства. Каждому из министров, стоявших во главе этих двух ведомств, помогал *дайнагон*, а в вопросах менее значимых — *сёнагон*.

Область, где находился двор и его окрестности, называлась *Кинай*. Вся страна разделялась на семь провинций, каждая из которых подразделялась на уезды и деревни. Деревня включала пятьдесят семейств. Любопытно, что число 50 как единица измерения используется и в наши дни, например в политических целях или для социологических опросов. Это эквивалентно старинной французской переписи по очагам. Юридический и социальный статус людей не был унифицирован. Социальная структура страны включала аристократов (*кидзоку*) и крестьян; народ (*кёмен*) пользовался статусом свободных людей, «добрых

людей» (*рёмин*). Ниже находились «дурные люди» (*сэммин*), потомки бывших рабов (*яцуко*). *Сэммин*, находившиеся в зависимом положении, подразделялись на пять категорий. Три находились на службе государства: стражи императорских гробниц (*рёко*), сельские труженики, обязанные возделывать общественные рисовые поля в пользу государства (*канко*), и государственные рабы (*кунуби*). Две категории трудились на частных лиц — освобожденные потомки бывших рабов (*кенин*) и частные рабы (*синуби*). Законодательство предусматривало обеспечение в правовом отношении отдельных лиц в старости, но неизвестно, осуществлялось ли в действительности это вполне китайское уважение к преклонному возрасту. Простой люд платил налог рисом и исполнением общественных работ, например обслуживая ирригационные системы на рисовых полях и прислуживая в поместьях, принадлежащих двору. В подражание китайской системе, сложившейся при династии Тан, распределение земель производилось в соответствии с количеством и возрастом едоков и подлежало переделу каждые шесть лет. Земельный надел, предоставленный одной семье, имел форму квадрата, разделенного на девять частей, из которых одна давалась в полную собственность, могла передаваться по наследству или в отдельных случаях продаваться. Остальная часть надела оставалась собственностью государства и возвращалась в случае смерти или переезда того лица, которому обеспечивала существование. Более того, распределение периодически изменялось, чтобы хорошие или плохие участки земли не предоставлялись одному и тому же человеку постоянно и несправедливо. Эта система выражала беспредельную власть государства, непреложность его бюрократических решений и почти полное отсутствие практики найма. Каждый в государстве должен был исполнять свои обязанности. Практика распределения земли существовала в Японии не дольше, чем в Китае, и особенно была характерна для главного острова Хонсю, что подтвердилось недавними археологическими раскопками. Тонкий влажный подвижный слой почвы на рисовых полях непостижимым образом сохранил на ступенчатых склонах места разграничения участков деревянными колышками — эти трогательные малозаметные следы рисовых полей прошлого.

Распределение посевов культур и расположение этих полей ступенями, нередко на террасах, отвоеванных у подножия гор, придает сельской местности характерный облик страны рисовых полей, где прямоугольниками расчерчены огромные площади.

Нара

В начале VIII века, меньше чем через столетие после смерти благочестивого регента Сётоку, молодое государство, воины которого, как и в период железного века, еще возводили на востоке курганы, достаточно окрепло для того, чтобы утвердить свое авторитарное и централизаторское видение государства. Триумф воплотился при основании императорской столицы Нара. Каждый новый император, следуя религиозным запретам, отмечал свое царствование строительством нового дворца, расположенного на таком месте, где ничто не напоминало о предыдущих, часто умерших, властителях. Императрица Гэммэй (707—715), обосновавшись в 710 году в долине Нара, желала оставить после себя память для потомков. Ее столица Хэйдзёкё представляла собой правильный квадрат с длиной сторон немногим более четырех километров и была разделена на четыре части перпендикулярными улицами, простиравшимися к югу от императорского дворца (*дайдайра*) по образцу столицы Чаньань в Китае эпохи Тан. Храмы и дворцы соседствовали, соперничая друг с другом в роскоши, возвещая о великолепии эпохи. Красота Нары поражает нас еще и теперь, благодаря изысканности и разнообразию архитектуры, которая гармонично соотносится с пейзажем. Она поистине должна была потрясать японцев в эпоху, когда они еще жили в деревушках, подобных тем, которые существовали в период железного века и бронзового века.

Укрепление государственного административного правления способствовало развитию сельского хозяйства. Несомненно, что укрепление государственной цивилизации как внутри, так и между ними повлекло за собой значительное повышение урожайности. Крестьянский образ жизни во всем мире строится на коллективизме, но возделывание риса на орошаемых землях (обычный тип агротехники на Дальнем Востоке) требует

исключительного подчинения усилий каждого законам общественных интересов. Крупномасштабные ирригационные сети позволили значительно увеличить урожайность, а техника обработки земли с помощью железных орудий стала чрезвычайно эффективной. Например, в перечнях Тодайдзи в Наре можно обнаружить упоминание о множестве сельскохозяйственных орудий, переданных храмом крестьянам, обрабатывающим его земли. Железные орудия дали возможность выращивать любые культуры на засушливых землях, и прежде всего рис — основу питания японцев. Расширив площадь обрабатываемых земель, крестьяне начали выращивать шелковичных червей по китайскому образцу. Каждая провинция специализировалась на производстве особого вида нити и ткани из шелка, глубокие цвета и изысканные узоры которого удовлетворяли потребность в роскоши императорского двора и вельмож. Двор и храмы проявляли все больший интерес к тайнам ремесел, которыми владели континентальные мастера, секреты ткачества, ювелирного дела, производства лаковых изделий немедленно использовались в Японии. В эпоху Нара был преодолен недостаток в металлах, который препятствовал развитию японского общества на первых этапах. Начиная с VII века, со времени царствования императора Тэнти, японцы уже знали, как добывать и использовать залежи полезных ископаемых, которые, хоть и в небольшом количестве, имелись на архипелаге: серебро Цусимы, медь Мусаси, золото Муцу, — без которых невозможно понять существование сокровищ Нары.

Символом этого изобилия стала чеканка в 708 году первых японских монет, для этого использовалась медь из Мусаси. В 711 году было установлено нечто вроде иерархии в отношении роскоши, что поощрило оборот серебра, местных запасов оказалось недостаточно, использовались серебряные сапеки, привозимые из Китая, курс этих монет в Японии устанавливался императорским двором.

В этом умелом и вынужденном балансировании сохранялось нечто утопическое, потому что во внимание не принимались слабости и естественные устремления людей. Многие знатные семьи вступали в борьбу из-за стремления к высшим должностям, как и служители храмов. В то же время менялось и положение

крестьян по отношению к земле, оно уже не ограничивалось возможностями, санкционированными законом. Бесчисленные нарушения, таким образом, вели к росту привилегий, так что вскоре стало невозможным приступить к знаменитому разделению участков. Те, кто обрабатывал свои наделы, не желали лишаться их, искали у монастырей или вельмож защиты и возможности облегчить свое положение и с этой целью передавали им свою землю. Крестьяне, которые надеялись на более легкую жизнь или оказывались лишними ртами в больших семьях, имеющих небольшие наделы, становились монахами или монашками. Население возрастало, и правительство поддерживало распашку новых земель в еще не заселенных областях для создания новых ресурсов. В этой политике оно весьма преуспело, но вынуждено было отказаться от того, чтобы соблюдать закон о распределении земель на расчищенных под пашню полях даже в том случае, если эти земли принадлежали государству. Монастыри и знатные семейства, которым непосредственная близость к столице связывала руки, стремились основать подальше свои владения, где они были бы единственными хозяевами. Указ от 743 года и в самом деле предписывал считать частными владениями все те территории, где земли недавно стали возделываться, и это право признавалось навечно (*тэндэм эйнэн сидзам хё*). Частные владения, пожалованные или отвоеванные у колючего кустарника, назывались по китайскому образцу поместьями (*сёэн* по-японски, *гуань* по-китайски). Поместья состояли из хозяйского дома, к которому присоединялись навес для хранения урожая и помещение для управляющего. Под воздействием факторов, связанных с демографическими изменениями и захватом земли влиятельными лицами, как светскими, так и духовными, государство поневоле пришло к тому, что само уничтожило жесткую, но заботившуюся о социальном равенстве систему. Оно само же и внедрило ее всего век назад в подражание Китаю, чтобы на время смягчить те же самые недостатки, что и в Китае: противозаконный захват земли кланами и невозможность установить правильное централизованное налогообложение. Можно констатировать, что одни причины вызвали и одинаковые последствия: правильное разделение земли продержалось на континенте не дольше, чем на архипелаге.

Таким образом, в середине VIII века в период расцвета блестящей цивилизации, известной как эпоха Тэмпё, снова возникли и пришли в движение силы децентрализации, подобно тому как это было до появления регента Сётоку, а затем после его смерти. При дворе борьбу знатных родов между собой возглавлял род Накатоми (принявших родовое имя Фудзивара), могущество которого вскоре совпало по времени с расцветом самой оригинальной из японских эпох. Каждый из монастырей также боролся за влияние и стремился утвердить господство духа и мысли той из шести их сект, к которой он принадлежал. Император Конин (770—781), оказавшийся заложником духовных и мирских интересов, наконец-то сообразил, что он не может больше править, несмотря на всю свою роскошь и свой обширный дворец в китайском стиле. Ему пришлось не только покинуть свою столицу, но и расстаться со своими сокровищами, доставленными со всего света по Великому шелковому пути, которые благочестивый император Сёму (724—743), основатель государственных храмов (*кокубундзи*), собирал на протяжении всей своей жизни. Они использовались на церемонии освящения статуи Великого Будды (752). Хранившиеся с тех пор в прекрасном хранилище, построенном из дерева (Сёсоин, 756) недалеко от Тодайдзи, они напоминают об открытии миром этой страны. В ней никогда не забывали о том, что заимствованные произведения следует из благоразумия сохранять целыми и невредимыми, поскольку из приобщения к первичным образцам скорее может возникнуть бесконечно обновляющаяся мысль.

Хэйан

Как доказала борьба, в ходе которой монах-узурпатор Докё (умер в 772 году) противостоял Фудзивара, Нара рисковала взорваться в результате чрезмерной концентрации энергии, носители которой оказались там вместе. Император и Будда больше не могли сосуществовать рядом.

Фудзивара-но Момокава предложил императору Конину перенести императорский дворец в какое-нибудь пустынное место, где правительство и двор были бы недосягаемы для крупных

религиозных объединений, которые своим назойливым и чересчур близким присутствием пытались влиять на решения двора. Преемник Конина император Камму (781—786) вынужден был принять это предложение, что знаменовало начало нового этапа в японской истории. По правде говоря, дело являлось не столь простым, каким оно может показаться с течением времени. Речь идет о государственном перевороте, о выборе новой позиции, твердо занятой императором. Выбор был направлен против политики крупных монастырей и их роли, но тем самым одновременно признавалось и их могущество. Основание новой столицы повлекло за собой значительные расходы, тяжесть которых могла оказаться чересчур весомой для правящей династии. Следовало, наконец, найти свободное пространство, которое соответствовало бы законам китайской геометрии, не только определявшим установление направления, но и накладывавшим запрет на него (в случае неправильного выбора). Вначале была выбрана Нагаока в области Ямасира (784). Фудзивара-но Танэцугу в течение нескольких месяцев наблюдал за начавшимися работами, как вдруг был убит. Его убийство, несмотря на политический характер происшедшего, осталось загадкой.

Начатое строительство продолжалось некоторое время, но так как место было осквернено насильственной смертью, что являлось дурным предзнаменованием, за которым вскоре последовала эпидемия, унесшая жизнь наследного принца и его супруги, почти завершенное строительство было немедленно прекращено. Неподалеку было избрано другое место, о котором император Камму говорил, что «поскольку оно окружено горами и перепоясано рекой, то образует естественный город [*сиро*]». Там и был основан Хэйан-кё, который позднее стал называться Киото, — столица Японии до 1869 года. Окруженный с трех сторон высокими холмами и открывающийся на юге на равнины, которые мягко спускались к Внутреннему Японскому морю, Хэйан больше, чем Нара, изолированный на своем плато, соответствовал предназначению столицы, и эта особенность доказывала справедливость ее переноса в 794 году. Двор начал устраиваться в новом городе, который был возведен, как и Нара, в соответствии с планом, в основу которого был положен квадрат. Однако все религиозные сооружения, храмы и монастыри, были расположены на окраинах. Эзотерический буддизм, который в особенности благоволил к природе и потому с тех пор развивался за пределами городов, не имел больше никакой связи с прежним буддизмом Шести сект Нары. Отныне эти секты, удалившись от путей мирской суеты, продолжали вести медленно текущую жизнь, подражая прошлому.

Несмотря на частые мятежи знатных вельмож, предпринимались грандиозные меры для укрепления государства и противостояния мятежникам. С этой целью даже был издан указ, который восстанавливал перераспределение земель, но уже не через каждые шесть лет — это представлялось невозможным, — а через двенадцать лет. Но и этой мере в дальнейшем предстояло оказаться столь же иллюзорной.

В 810 году канцлерам (или архивариусам — *куродо*) была поручена обязанность собирать и сохранять секретные архивы и различные императорские указы, для того чтобы не утрачивать память о них. Из этой среды (куродо) назначались члены великого совета *дайдзёкаяна*, и постепенно их власть крайне расширилась. В 820 году в каждую область были направлены представители правительства (*кебииси* и *кагэюси*), которым вменялось в обязанность принимать любые меры в соответствии с общими законами, в особенности в вопросах, связанных с деятельностью полиции и финансами.

В конце концов главной целью двора, недавно обосновавшегося в Хэйане, стала борьба за расширение пределов государства, озаренного императорским присутствием. Экспансия открыто проявляется с середины VII века (археологические свидетельства — могильные курганы на востоке страны) и завершается к середине IX века, когда императорские войска доходят до Муцу[1]. Император создал регулярную армию, которая состояла из сыновей глав префектур, — так называемые отряды «солдат-земледельцев» (*тэндэй*), которых отправляли на жительство в пограничные области империи и которые, в зависимости от обстоятельств, должны были держать в руках саблю или мотыгу. Они были обязаны служить в пограничных областях по крайней мере

[1] Муцу — залив в средней части пролива Цугару, вдающийся в северную оконечность острова Хонсю.

60 дней в году. Многие из них пустили корни там, куда были отправлены на службу. Так появлялись «военные дома» (*букэ*), которые впоследствии стали играть важную роль. Их обязанностью было давать отпор варварам (*эдзо*)[1], то есть жителям северных окраинных областей архипелага, которые находились чуть ли не на доисторической стадии развития и для которых воздействие со стороны континента все еще ограничивалось некоторыми изменениями в формах или декоре керамики. Император Камму возобновил завоевательную политику с 780 года, собрал многочисленную армию из сорока тысяч человек, во главе которой он поставил Саканоуэ-но Тамурамаро, получившего в 797 году титул «главнокомандующий против варваров» (*сэйи-тай-сёгун*), титул, который с XIII столетия носили полководцы, наделенные всей полнотой военной и административной власти. Важная кампания Тамурамаро была завершена уже в царствование императора Сага (809—823), в кампанию Бунья-но Ватамаро. В 811 году северо-восток был полностью умиротворен.

В связи с Хоккайдо, природные и климатические условия которого значительно отличаются от условий на других островах, Япония осознала свое политическое единство, когда казалось, что за императорскими эдиктами, воспринимаемыми как добавление (*рёге-но-кан*) к непререкаемым кодексам прошлого, утверждалась лишь иллюзия централизованного государства, построенного по китайскому образцу. На самом деле все значительно изменилось. Эпоха более не благоприятствовала (если она вообще когда-то была для этого благоприятной) жестким системам правления. Практические реалии и бурное развитие страны, стремившейся расширить свою территорию, противостояли жесткой структурированности, которой не могло быть и на континенте, то есть на территории и более обширной, и более заселенной, и гораздо раньше приобщившейся к культуре. Тяжесть страны болот, столь близко находившихся от небольшого, предельно утонченного двора Киото, гораздо более склонного к созерцательным играм, чем к совершенствованию

[1] Варвары, *эдзо* — айны, племена которых населяли острова Хоккайдо, Сахалин и Курилы, у которых не было единой государственной системы, их культура отличалась от японской.

управления, становилась все более весомой. В еще почти не освоенных провинциях на небольших равнинах, на земле, недавно распаханной под рисовые поля (*сикундэн*), зарождалась автономная жизнь поместий.

Юридическое положение земель, оказавшееся на протяжении веков достаточно сложным, стало еще более неопределенным. Эпоха Хэйан, таким образом, столкнулась с поземельными структурами, которые сопротивлялись централизации. Кроме рисовых полей, распределенных по семьям в соответствии с количеством едоков (*кабундэн*), теперь появились *сикундэн*, первоначально предоставлявшиеся в пользование трем поколениям людей, поступивших на службу. Затем они передавались им в полную собственность. С этих земель мог взиматься налог, равный тому, которым облагались владения родственников императора и знати (*иден*), а также земли, предназначенные в награду за преданность (*кёдэн*) или высокие заслуги (*сидэн*). Другие земли, площадь которых возрастала, пользовались налоговым иммунитетом, и контроль центральной власти ослабевал именно за этими землями. За пределами личных владений императорского дома и правительства (*тюкусидэн*), весьма немногочисленных в начале эпохи Хэйан, но постепенно увеличивающихся, имелись владения синтоистских монастырей (*синдэн*) и их храмов (*дзидэн*). Эти земли дарились или передавались храмам верующими, которые тем самым вступали под покровительство монастырей. Самая большая опасность угрожала землям, предназначенным для вознаграждения должностных лиц, которые стремились превратить их в свою собственность.

При таком положении дел налоговые поступления были нерегулярными, но состояние сельского хозяйства оставалось в целом удовлетворительным; до того как в результате частных войн все не было сожжено, население наслаждалось относительным процветанием. С X по XI век уровень сельского хозяйства достигает значительного технического прогресса. Качество почвы повышалось подсечно-огневой агротехникой и раскладкой гумуса. Хотя произведения искусства этого времени отличаются великолепием и даже сегодня вызывают отклик, но жизнь общества, даже верхних его слоев, оставалась довольно скудной. Ели два раза в день, и в соответствии с установлениями буддизма полагалось

воздерживаться от мяса. Религиозные предписания были не столь строгими в отношении рыбы, которая тогда (да и теперь) потреблялась в большом количестве, чаще всего дорада. Оставшуюся часть рациона составляли овощи, различные супы, иногда насекомые и обязательно вареный рис. Подлинный владелец поместья (*рюсю* — в случае, если земля еще оставалась в собственности государства, или *мюсю* — в случае, если поле расчищалось под пашню), собирающий ежегодный налог и владевший железными сельскохозяйственными орудиями, обладал неограниченной властью. По его распоряжению больше десятка человек занимались обработкой земли. Но часто распределение участков (от этого принципа еще не совсем отказались) запаздывало; в результате поля засевались не вовремя, и неудивительно, что часто случался голод.

С X века локальные экономические единицы, достаточно крупные, чтобы удовлетворять собственные потребности, обрывали единственную нить, которая еще связывала с государством, — налог. Но зачастую он собирался хозяином поместья и в пользу хозяина поместья, так что той частью, которая должна была быть отдана императору, распоряжался он сам так, как считал нужным.

Фудзивара

Грандиозное материальное и политическое могущество рода Фудзивара, которое достигает своего апогея при Фудзивара-но Митинага (966—1027), основывалось на обширности их территориальных владений и умении уклоняться от налогов.

Оно стало еще более прочным, когда представители этого семейства учредили некоторые высокие должности: пост регента (*сессё*), созданный в 866 году, и должность *кампаку* (887) позволили Фудзивара-но Ёсифуса, а затем и Фудзивара-но Мотоцунэ осуществлять значительную власть, которую можно уподобить власти французских майордомов. Это привело к некоему парадоксу: император, глава государства, не обладал ничем из того, на что его власть могла опираться материально, в то время как знатные фамилии, связь которых с двором была прервана,

приобретали, обосновавшись на отдаленных землях, богатство, которое позволяло им возвратиться ко двору, используя силу, и, благодаря выгодным бракам, снова связать себя с царствующей династией.

Эти внутренние изменения в Японии происходили иначе, чем на континенте, и им шли на пользу трудности, с которыми столкнулось правительство в своих попытках преодолеть изоляцию страны. В эпоху Тан из Японии в Китай было направлено множество посольств. Посольство во главе со знаменитым ученым Авада-но Матито произвело такое впечатление, что китайские историки записали этот случай в свои анналы. Ученый Кибино Макиби и монах Гэмбо в 717 году возвратились из Китая с рекомендациями, подтверждающими высокий уровень их светской и религиозной учености. Некоторые японцы, возвратившись из Китая, получали престижные должности, как, например, в 803 году бонзы Сайтё и Кукай. В Китай совершались и паломничества, так, Эннин оставил нам описание своего путешествия в страну династии Тан (*Ниттё чу хё дзунрейдъёки*), неисчерпаемый источник информации о китайской жизни IX века, который для Японии имеет не меньшее значение, чем книга Марко Поло для Европы. Однако путешествия за море, столь плодотворные, если достигали цели, не всегда завершались благополучно, случаи гибели людей и кораблей бывали частыми. Только одно судно из двух в лучшем случае выдерживало испытание, благополучно прибыв туда и вернувшись обратно. Для страны, в которой удача связывалась с неоднократным успехом, каждая катастрофа на море воспринималась как национальная трагедия, поскольку экспедиции предпринимались чаще всего для того, чтобы выплатить императору Китая обязательный дар, то есть дань, которая была достаточно велика, а, следовательно, потери, людские и материальные, в случае кораблекрушения оказывались немалыми. Именно таким был аргумент в контексте размышлений о чести и независимости Японии, который Сугавара-но Митидзанэ выдвинул в 894 году, когда отказался от чести принять доверие, которое ему оказал император, назначив главой нового японского посольства в Китай. Тем самым он заставил и других осмыслить ситуацию. И хотя самому Митидзанэ вскоре суждено было испытать на себе также и немилость Фудзивара-но Такихира, его точка зрения

встретила глубокое понимание, поскольку Япония с тех пор закрылась почти на три столетия, не будучи принужденной к этому властями.

Некоторые уже сложившиеся связи с заморскими землями все же сохранялись. Китайские торговые корабли появлялись в японских водах, и обмен на уровне частных лиц, таким образом, продолжался. Продолжалось хождение китайских денег, несмотря на угрозу для японской экономики, которая признавала их курс. Первыми, кто предложил возобновить путешествия на материк, были монахи. Богатые религиозные общины снаряжали корабли для путешествий в Китай с целью приобрести религиозные сочинения, поскольку изоляция страны препятствовала приобщению к новым источникам мудрости. По следам Эннина, Хонэна в 983 году, Дзёдзина в 1072-м (сошлемся только на самых знаменитых монахов — морских путешественников) они благополучно прибыли в Китай эпохи Сонг, откуда привезли не только свитки религиозных и философских рукописей, но и новые впечатления, послужившие началу великого обновления японского искусства в эпоху Камакура. Храм Тодайдзи в Нара (а Хонэн был связан именно с ним) добился в организации мореходства успеха и проявил в этом деле особое дарование.

> Ветер бешено свищет, надувая паруса; гребцы налегли на весла, напрягая свои мышцы; впереди бакен — в потоках, где находятся грозные чудовища. Именно на подобных кораблях рисковали отправляться в путь путешественники эпохи Камакура, когда возобновились контакты между Японией и континентом, надолго прерванные в эпоху Хэйан.

Несмотря на изоляцию, Япония эпохи Хэйан впервые познала ужасы чужеземного вторжения с моря. Это событие предвосхитило драматическую попытку монгольского вторжения в конце XIII века. Наступление варварских племен на континенте заставило династию Сун отступить в Гуаньчжоу. Чжурчжэни, пираты и прочие завоеватели захватили Маньчжурию и северо-восточную часть Кореи, угрожая корейскому королевству Когурё, под единовластным правлением которого находилась с 935 года Южная Корея, после того как оно разгромило королевство Силлу.

В 1019 году чжурчжэни, оставшиеся в японской истории как «варвары той» (*той-но дзоку*), пересекли море на полусотне кораблей. Они достигли Цусимы, затем Ики и появились у рейда Хаката.

Новость достигла двора, но еще не было известно, кем же были эти внезапно появившиеся противники. Регента, как и весь двор, мало волновало происходящее за пределами резиденции, и он даже не пытался организовать сопротивление. Сообщение о незваных пришельцах было воспринято им и его легкомысленными придворными, только успокаивающими носителей власти, равнодушно. Таким образом, правительство не стало предпринимать никаких мер. Однако глава правительства Дадзайфу Фудзивара-но Тайка организовал сопротивление. Он собрал ополчение конных воинов (в истории Франции оно называлось «бан») на острове Кюсю и нанес чжурчжэням решительное поражение. Японцы и корейцы из Когурё могли поздравить друг друга с победой. Это событие, рядовой эпизод в длинной истории Японии, на долгое время имело значительные последствия. Оно способствовало дискредитации политики, проводимой регентом, и неожиданно показало его никчемность и слабость. Образ воина по контрасту выиграл от этого. И уже ничто более не препятствовало росту могущества военных родов, поскольку только они оказались способны сохранить национальное единство.

Военные уже играли значительную роль в организации общества. Объединения воинов (*бусидан*) группировались поначалу на уровне поместий (*сёэн*), затем в пределах региона (*куны*). Первоначально союз представлял собой простое объединение в интересах знати, делившей между собой влияние в провинции, затем, по мере того как землевладение становилось все более независимым, возникают другие объединения представителей знати, власть которых была основана на силе оружия в той же степени, что и на праве. Как только появлялась опасность, все вельможи области вооружались, чтобы защитить свои земли. Таким образом могли возникнуть огромные княжества, способствуя расцвету новых родов, среди которых самыми могущественными оказались семейства Минамото и Тайра.

Власть воинов в эпоху Хэйан не предвещала в будущем бурного развития драматических событий. Официальные структуры

игнорировали военные сообщества, возникала параллельная администрация, которая сначала дублировала правительственных должностных лиц и постепенно вытеснила их своей более эффективной иерархией. Ее представители, начальники охраны поместий (*ёриоси*), провинций (*цубуси*) и воины (*самураи*) назначались для исполнения воли того, кто удерживал реальную власть, — владельца поместья. Формирование этой администрации в провинциях и честолюбие отдельных лиц объясняют постоянную готовность, с которой берется в руки оружие в эпоху Хэйан: восстания Тайра-но Масакадо (935—940), Фудзивара-но Сумитомо (939—941), Тайра-но Тадацунэ (1028—1031), выдвижение на политическую сцену Минамото-но Ёриоси и Минамото-но Ёсийэ (1051—1062). Последний мятеж стал началом крушения старого режима, который еще продержался до конца XII столетия.

Захват власти воинами обозначил завершение того медленного процесса, который превратил Японию в феодальное государство. Императорский двор, на который давила тяжесть экономических проблем и человеческих действий, не мог вынести этой ноши и вынужден был признать случившееся: в 1069 году император Го-Сандзё (1068—1072) учредил «ведомство по внесению в списки и разграничению владений» (*кироку сёэн кэнкэй дзё*); сам принцип его означал установление кадастра.

Правление императора Го-Сандзё обозначалось во многих отношениях изменениями в политической истории эпохи Хэйан. В самом деле, его мать, которая сама принадлежала к императорскому роду, не была связана узами крови с семейством Фудзивара, что противоречило обычаю, существовавшему более двух столетий. Согласно этому обычаю, супруги императора должны были происходить из этого влиятельного клана (в той или иной степени родства). Короткое царствование Го-Сандзё продолжалось всего лишь четыре года, но императоры после него: Сиракава (1072—1086), Хорикава (1086—1107), Тоба (1107—1123), Сиутоку (1123—1141) — уже не были соединены кровными узами с партией Фудзивара, что говорит об упадке этого рода. Императоры воспользовались этим и попытались ограничить влияние вельмож благодаря изобретательной системе, которая получила название «правление из монастыря» (*инсэй*). Император, у которого уже был наследник в таком возрасте, что он был способен нести нелегкий груз дворцовых обязанностей, отрекался от престола, когда считал, что от этого будет польза, и находил убежище в стенах монастыря. Оттуда, вдали от забот дворцовой жизни, борьбы партий и прочих неприятностей, он, используя свой авторитет, прилагал усилия для усмирения честолюбцев, которые год от года все ожесточеннее боролись за власть. Этот довольнотаки странный способ управления, сила которого состояла именно в его неявности, использовался в течение ста лет, до крушения под ударами Минамото рода Тайра (могущество которого достигает высшей точки при Тайра-но Киёмори) — открытых сторонников императоров. Им не удалось повернуть дело в свою пользу, а поражение привело к перераспределению властных полномочий и обновлению в составе должностных лиц.

Сражение при Дан-но Уре (1185) положило конец беспрерывным войнам, в которых роду Тайра так и не удалось победить. Времена изменились. Миф о централизованном государстве исчез, и если фигура императора всегда почиталась как традиционный символ власти, то они утратили всякий авторитет в повседневной политической игре и управлении.

Правление Фудзивара было отмечено глубоким контрастом между роскошью двора и нищетой деревни. Одновременно в этот период был достигнут ослепительный расцвет японской цивилизации — словно редкостная жемчужина, образованная из чужеродных элементов, это поразительное сокровище возникло из нищеты, апатии и изоляции, блистательное виде́ние, порожденное ощущением однообразия жизни и необратимости течения времени.

Церемонии, предрассудки, интриги регулировали жизнь двора. Фудзивара-но Моросукэ (908—960) описал в своих «Последних желаниях Кудзё-дона» (*Кудзи-доно-Юкаи*) жизнь аристократа X века: утром, проснувшись, он тихим голосом семь раз произносит имя своей звезды-покровительницы. Затем чистит зубы и умывается и, обратившись лицом к Востоку, молится Будде, а затем другим богам. После записывает в дневник события, происшедшие накануне, съедает свою чашку риса и причесывается с помощью гребня. Последнее не ежедневная процедура — было достаточно одного раза в три дня. Естественные потребности

реальной жизни были расписаны по минутам. В день Быка стригли ногти на руках, в день Тигра — на ногах, в течение следующих пяти дней полагалось купаться — предписание необходимое, и этой процедурой наслаждались всю жизнь. В восемнадцатый день месяца полагалось быть очень внимательным: имелся риск, что вторгнутся воры. Утверждалось также, что в день собаки можно подвергнуться бесчестию: вот откуда взяли обычай в этот день покидать дворец.

Если жизнь в эпоху Хэйан представляется блестящей и легкой, как она изображена в произведениях искусства и придворной литературы, то тон меняется сразу, когда начинают размышлять о сумрачном характере буддизма, который зарождается в эту эпоху. А жизнь народа была трудной. Зимой толпы нищих приходили в Нара или в Хэйанкё просить милостыню, это были крестьяне, которых жестокие японские морозы выгоняли из хижин. В столице они выполняли любую работу, за которую платили, и когда распространялась весть о новом строительстве, они сходились со всех концов страны. Когда завершались полевые работы, население, захватив с собой изделия своего ремесла, устремлялось по дорогам, пытаясь отыскать в городе работу.

Эпоха Хэйан — это расцвет всей Японии, а не только столицы цивилизации, которая сосредоточилась в избранных центрах Ямато. Младшие сыновья семейства отправлялись в отдаленные области и там распространяли эту культуру. Как первооткрыватели они вносили в нее некоторую грубоватость и мужественность, отличные от рафинированной придворной атмосферы с ее изысканностью и чрезмерной утонченностью. Мир законов эпохи Нара заменялся миром грубой силы и эгоизма. Эти воины, которые умели создавать княжества из ничего или почти из ничего, уже начинали думать о том, как встать во главе страны, и не хотели сдерживать своих желаний. Таким образом, эта эпоха породила новые разнообразные социальные круги, а следовательно, и культуры: каждый слой общества существовал согласно своим принципам и своей социальной роли, относящихся к разным временам, — бурлящая активность воинов и владельцев поместий противостояла легкой, едва ли не пустяковой жизни двора, поглощенного прежде всего самим собой.

Глава 3

ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Победа Минамото означала гибель мира гражданских лиц, блестящего двора, где торжествовала цивилизация, известная как Фудзивара. Снисходительная или просто ничего не понимавшая в происходящем придворная цивилизация была уничтожена новыми силами, которые утверждались в сельской местности. Мощные силы провинции, которые выражал Минамото-но Ёритомо, проявились в том, что сразу после достижения победы он установил местопребывание правительства на землях Камакура, к югу от современного Токио.

Камакура

Одной из первых мер, предпринятых новым властелином, стало учреждение в 1180 году «ведомства самураев» (*самурай-докоро*). Эта должность досталась Вада-но Ёсимори. Ведомство держало под своим наблюдением несмирившуюся знать и подчеркивало первостепенное место, которое заняли воины. Воинственный дух и в самом деле пронизывал новое правительство. Понятие «бакуфу» («правительство из шатра [военной палатки]»), которым позднее обозначали местонахождение администрации, говорило о том, что саму новую администрацию следует рассматривать как генеральный штаб военного главнокомандующего. После того как в 1192 году Ёритомо был избран императором под именем Го-Тоба (1183—1198) на должность «главнокомандующего

против варваров» (*сэйи-тай-сёгун*), реорганизация Японии, находившейся в состоянии анархии, должна была рассматриваться как дело общественного спасения, для которого была необходима перегруппировка и твердое руководство.

В 1184 году была создана должность *монтидзё*, нечто вроде министра юстиции. Она была предназначена для осуществления обычного права путем силы, чтобы заставить уважать это право хотя бы на землях Минамото. Кроме того, возникает ведомство архивов (*кумондзё*) (такое ведомство уже имелось в Киото), и во главе этого ведомства был поставлен известный ученый Оэно Хиромото (1148—1225). Вскоре оно было реорганизовано, получив название «ведомство дел управления» (*ман-докоро*). Оно превратилось в верховное правительственное учреждение, которое руководило всеми остальными государственными органами.

Ёритомо, имевший твердое намерение превратить власть ослабленную, если не угасшую в результате политики двора, в сильную, назначил во всех центральных районах страны двух военных управляющих, которые дублировали императорские кадры, фактически отстраненные.

Управители-протекторы (*сюго*) были обязаны обеспечивать правосудие, отвечать за военные вербовки и командовать новыми войсками. Военные наместники (*дзитё*) помогали *сюго* в решении фискальных и административных вопросов. Дзитё, направленные и в провинции, сначала в государственные владения, а затем и в частные земли, собирали налоги, требовали исполнения сельскохозяйственных и других работ, необходимых для обеспечения государства, и в пределах компетенции вершили правосудие в государственных владениях. На самом деле дзитё стали заменой «хозяина поместья» (*рёсю*) эпохи Хэйан, эта двойная администрация сюго и дзитё присвоила себе забытую власть старинных *кокюси*, должностных лиц, подчиненных двору.

Разумеется, одинаковые причины должны были порождать и сходные следствия, и со временем новая система, в свою очередь, утратила эффективность. Система удерживалась благодаря личным качествам людей, назначаемых на должности. Ёритомо хватило мудрости не ограничиваться при назначении на должность только своими соратниками и воинами. Он понимал, что следует привлекать в Камакуру способных людей, которые были

разочарованы двором, или занимали незначительное место, или же имели настолько низкое происхождение, что не могли даже надеяться на достижение высших должностей. В новом мире Камакура Ёритомо предоставлял полномочия и награды скорее за талант, чем за происхождение. Новая администрация, следовательно, представлялась эффективной и, более того, выгодной даже для двора, который возглавлял государство номинально, но сохранял все полагающиеся почести и средства. В конце концов в обществе с изумлением обнаружили, что деятельность должностных лиц, за возможными нарушениями которых надзирал корпус инспекторов, была справедливой.

Успеху Минамото способствовала сама богатая равнина Канте, то есть поддержка пятисот поместий, имевших разный юридический статус, в том числе и на государственных землях. Там и зарождается слой *гокэнин*, бывших по происхождению владельцами поместий. После того как *гокэнин* доказали свою военную пригодность в рядах войск Минамото, они в конце концов добились привилегированного положения вассалов сёгуна. Именно сёгун обеспечивал им свое покровительство, передаваемое от отца к сыну в обмен на их верность. В Японии официально устанавливался феодализм. Феодальная зависимость была прямой и казалась тогда особенно прочной, потому что Ёритомо сам лично был связан с каждым из своих вассалов. Без сомнения, это важнейшая причина успеха сёгуна. Владения Минамото располагались в прибрежной полосе и вскоре приобрели важную роль в торговле с Китаем эпохи Сонг. Находясь вдали от официальных кругов, сосредоточенных на самих себе, представители рода Минамото с давних пор получали из Китая товары и идеи. Их динамизм и жажда совершенства стимулировались воздействием извне, и все это побудило род Минамото вести свою страну по пути прогресса. Таким образом, и принятие идей дзэн-буддизма не только вызвало философское и религиозное обновление духовной жизни монастырей, но и предоставило каждому человеку выбор нового образа жизни. Сёгунат Камакура пробудил в Японии стремление к героической доблести, которая навсегда стала ее отличительной чертой. Но если установленному режиму суждено было продолжаться полтора столетия, то личный триумф Ёритомо завершился сразу после его смерти в 1199 году: его сын Ёриэ,

который был побежден своими родственниками Ходзё, не сумел наследовать его власть и авторитет. Ёритомо, опасаясь, что родственники его клана могут отнять у него власть, систематически истреблял их, совершив тем самым непоправимую ошибку. А когда вопрос о наследстве стал явным, его сын, не имея поддержки в силу указанной причины, превратился в мишень для множества лиц, жаждущих власти, число которых увеличивалось из-за его слабости. Именно так торжествовал род Ходзё, представители которого, приняв титул регента при сёгуне (*сиккэн*), правили до 1333 года. В 1219 году в Камакура привезли очень юного потомка рода Фудзивара, который стал воплощением номинальной власти сёгуна. Начиная с 1252 года подобным образом призывались на трон принцы из императорского дома — марионетки, за спиной которых вершилась политика Ходзё.

Конечно же, первые представители Ходзё — Токимаса и его сын Ёритоки, безжалостно перебившие всю линию Ёриэ, предоставили в распоряжение нового правительства богатства своих общих владений, расположенных недалеко от столицы. Благодаря этому большая часть земель между Камакура и Киото впредь оставалась во владениях сёгунов. Но хотя Ходзё и могли гордиться своим влиянием при дворе, они вынуждены были участвовать в непрекращающихся дворцовых интригах и в результате сами подложили мину под регентство и сёгунат. Время поглотило энергию начального периода становления феодализма. Феодализм постепенно загнивал, его структуры все более усложнялись и дробились. В Камакура создавался свой двор, который прилагал все усилия для того, чтобы походить на двор императорский. Власть сёгуната, которая состоялась некогда благодаря поддержке народа, постепенно утрачивала свою животворную связь с ним.

Тем не менее Ходзё, несмотря на попытку императора Го-Тоба, отрекшегося в 1198 году (события, известные под названием «изменения эпохи Дзёкуи», 1219—1221), снова взять власть в свои руки, укрепились более чем на полтора столетия. Поражение энергичного образованного императора, каковым был Го-Тоба, еще более ослабило политическое влияние императора и утвердило принцип делегирования его политической власти. Двор сёгуна на много столетий превратился в подлинный центр управления, что в общих масштабах страны означало триумф

феодализма. Учрежденная императорская служба сторожевой охраны была препоручена специальному префекту (*рокухара тандай*), который должен был обеспечивать спокойствие в Киото. Однако Ходзё постепенно стали занимать все ключевые посты сёгуната. *Хиодзёсю* (учреждение для контроля, созданное сёгунатом в 1225 году) должно было влить свежую кровь в администрацию сёгуната, но на деле оно само сразу же оказалось под властью всемогущего семейства регентов. Этим подлинным главам государства оставалось только создать свои своды законов, приспособить уже имевшееся право к потребностям общества того времени и поставить на нем свою печать.

Свод законов эры Дзёэй (*Дзёэй сикимоку*, 1232) решил эту проблему. Нацеленный на унификацию системы управления вассалами провинций (до того чисто эмпирическую), он представляет первую попытку изменения самих феодальных законов Японии. В нем предписывается почитание религиозной собственности и собственности двора и одновременно в целом выражается уважение ко всей иерархии власти. Наконец, он раскрывает и задачи (нередко деликатно) интендантов сюго и дзитё, как и сам порядок администрации Камакура.

Эти предписания были необходимы. Старая организация сёэнов приходила в упадок, подтачиваемая фискальными поборами дзитё, которым суждено было в конце концов уступить всю часть земель, специально предназначавшихся для взыскания налога (*нэнгу*). Таким образом, два типа эксплуатации оказались в состоянии противоборства: те, что в разных формах происходили от разных режимов Хэйан, и те, что отныне прямо происходили под полной и абсолютной властью дзитё. Упадок собственников поместий означал подъем *миёсю*, выходцев из простого народа, которые добились от владельца обширного сёэна предоставления земли для распахивания нови (*миёдэн*). Хотя они и были простыми крестьянами или рядовыми воинами, носящими меч (*буси*), бакуфу их охотно поднимал до положения дзитё. В целом же их деятельность оказалась благоприятной, а их инициативы привели к значительному улучшению аграрного сектора экономики.

Области Кинки и Сюгоку особенно процветали в этих благоприятных условиях. Возделывание риса достигало большого

прогресса, стали использоваться новые виды растений, это происходило благодаря совершенствованию техники внесения удобрений и практике создания резервных посевов (*навасиро*) и пересаживания растений. Использование быков в качестве тягловой силы повлекло за собой создание механизмов, таких как водяное колесо, приводившее воду на рисовые поля. Таким образом, можно было добиться двух сборов урожая в один год (*нино саку*).

Начинается обмен продуктами питания, например, рыбу употребляли ранее только жители прибрежных областей, теперь она перевозится в глубь страны. Металлы из мест добычи перевозятся в разные места, туда, где есть потребность в них для изготовления оружия и сельскохозяйственных орудий. Таким образом, начинают использоваться месторождения железа в Тюгоку, в то время как в областях Муцу и Исэ добываются золото и серебро, которые служили средством обмена с китайскими купцами на их товар. Ремесло — другое занятие крестьянских семейств — совершенствовалось для того, чтобы лучше отвечать новым потребностям высшего общества, в изготовлении снаряжения конных воинов, которые стали носить доспехи.

Когда-то замкнутая на деревню старинная экономика процветала. В конце эпохи Хэйан в столице появились ярмарки, располагавшиеся у ворот храмов и святилищ. В эпоху Камакура этот обычай распространился по всей области Кинай, где ярмарки постоянно проводились три раза в месяц в определенные дни. Торговцы осуществляли торговлю под контролем *риосю*, которому обязательно платили. Для того чтобы облегчить обмен, использовались, как правило, китайские монеты. Развитие торговли ослабляло старинные связи между ремесленниками или другими производителями и богатыми заказчиками, храмами или частными лицами, на которых они работали. Выбирая риск и свободу деятельности, торговцы и ремесленники группировались в корпорации (*дза*), способные защищать на определенной территории интересы своих членов. Это новшество не отрицало сложившихся связей, позднее *дза* часто устраивали свои конторы при храмах или во владениях вельможи, под юрисдикцию которого ее помещала феодальная география. Таким образом, в обмен за некоторую плату они получали защиту от несанкционированных

поборов других феодалов. В общей массе крестьяне, занимающиеся ремеслом, и мелкие помещики получали и увеличивали свои доходы от торговли.

Несмотря на непрекращающиеся междоусобные войны, Япония, направляемая властными мудрыми регентами из рода Ходзё, процветала. Неожиданностью для мирной страны было нападение монголов. Конечно, правители архипелага, без сомнения, имели представление о происходящем на континенте. Опасность не была новой, она появилась после объединения монгольских племен под властью Чингисхана (1206), и корейское королевство Когурё, дружественное Японии, существовало под угрозой нападения со стороны своих воинственных соседей. В 1260 году Хубилай, внук Чингисхана, захватил Пекин и сделал его своей столицей. В 1278 году Гуаньчжоу оказался в его руках, и, утверждаясь в качестве основателя династии, он принял китайское имя Юань (1279). До 1368 года монгольская династия правила Срединной империей, осуществляя жестокий административный контроль. Новый властелин Китая не замедлил напасть на архипелаг. Оттуда приходили корабли, которые привозили удивительное оружие и знаменитое золото областей Муцу и Исэ. В воображении монголов в Японии имелись несметные богатства, что мало соответствовало действительности. В 1268 году монгольское посольство прибыло в Дадзайфу и послы потребовали подчинения Японии власти Великого хана. Молодой регент Ходзё Токимунэ, которому тогда едва исполнилось восемнадцать, не счел нужным даже ответить, считая оскорблением сам характер изложения подобного предложения послами. В 1274 году девятьсот кораблей покинули порты ставшего вассальным Когурё, на них находилось двадцать пять тысяч воинов, в большинстве своем это были монголы. Следуя знакомым маршрутом, они достигли Цусимы, Ики и высадились в бухте Хаката, где их поджидала конница Кюсю. Сражения были жестокими. Монголы, эти конники из диких степей, имели небольшой опыт сражения в рукопашных боях, в отличие от японцев, но они взяли реванш, поскольку обладали непревзойденным оружием, этими, как рассказывают японские источники, «ужасными машинами, мечущими огонь в воздух».

Монголы были на подступах к замку Дадзайфу, окруженному рвами, наполненными водой. В этот момент внезапно

испортилась погода. С кораблей корейские лоцманы стали предостерегать о неминуемой опасности. Войска быстро погрузились на корабли и возвратились в Корею, имея потери в бурном море. Так завершилось монгольское нашествие.

На этом дело не закончилось. Чтобы ответить на казнь двоих из своих посланцев, направленных в Киото (1275), монголы снова двинулись на Японию. В 1281 году туда же отправились два флота, один из которых прибыл из Кореи, другой из Южного Китая; их объединенные силы всего насчитывали более четырех тысяч судов и ста сорока тысяч воинов — монголов, китайцев и корейцев. Япония приобрела достаточный опыт в первых сражениях с монголами. По призыву регента началось массовое движение, целью которого было сопротивление вторгшемуся врагу. Двор и сёгунат оставили свои противоречия, конные воины во всей Японии вооружились. Провинция Кюсю объединила силы для строительства заградительной стены (*гэнкё-боре*), не слишком высокой, но достаточной, чтобы остановить монгольскую конницу и сбросить ее в море. Скромная реликвия героических дел (остатки стены) в наши дни погребена под тонким песком морских пляжей, спрятана хвоей, осыпающейся с гнущихся на ветру сосен, и трудно представить себе, что именно здесь на столетия вперед решалась судьба Японии. Измученные, не привыкшие к замкнутым пространствам, монголы, может быть, со временем и победили бы, но ураган, ниспосланный провидением, — «ветер богов» (*камикадзе*), — который бушевал над северным Кюсю почти двое суток, разметал и уничтожил «армаду» Хубилай-хана.

Япония вышла из столкновения победительницей, бакуфу — военная администрация — получила всеобщее признание. Вместе с тем монгольская драма имела печальные последствия. Воины гордились своей победой, но в то же время их не покидало чувство, что их обманули. В этой всеобщей победной эйфории возникла привычка считать Японию непобедимой страной богов, которая получила благодать божественного покровительства. Здесь берет начало то, что позднее, в XIX—XX веках, превратилось в современный тэнноизм. Воины, большинство из которых умели только сражаться, в обычной жизни оказались лицом к лицу со своей нерастраченной энергией и невостребованным воодушевлением.

Для этих древних воителей всякая победа должна была сопровождаться завоеванием: грабеж, передел земель. Вооружаясь для отражения монгольского нашествия, они вложили все свои средства, но не получили ни материального вознаграждения, ни возмещения своих затрат. Им оставалось только растрачивать свою силу и энергию в распутстве и междоусобных войнах. Регент, который не сумел материально вознаградить людей за верность, был опозорен. Начался упадок режима Камакура, он быстро оказался необратимым. Междоусобные войны между старшими и младшими ветвями императорской семьи за династическое наследование только способствовали обострению отношений, и без того сложных, между правительством и знатью.

Смятение царило повсюду, когда Годайго, могущественный представитель старшего поколения, взошел на трон (1318). Будучи человеком действия, он был исполнен решимости вернуть императору достоинство, блеск и власть, утраченные когда-то. Через три года после своего вступления на престол, в 1321 году, он получил помощь от своего отца, отрекшегося от власти императора Го-Уда (в свое время принявшего решение уйти в тень), и уничтожил институт инсэй. Десятью годами позже Годайго счел себя достаточно уверенным, чтобы открыто выступить против сёгуната. Разумеется, он переоценил свои силы. Киото был захвачен, и бакуфу возвел на трон императора из младшей линии, Кёгуна (1332—1333). Так впервые в японской истории император был захвачен в плен армией сёгуна. Годайго был изгнан на остров Оки (1332); несмотря на это, ему удалось собрать множество сторонников. На следующий год он сумел бежать из плена, и сочувствующие ему крупные феодалы, недовольные правительством Ходзё, объединились вокруг него. От его имени Асикага Такаудзи, главнокомандующий войсками бакуфу, изменивший сёгунату, завоевал Киото. Тогда же Нитта Ёсисада, другой перебежчик, разрушил Камакура (1333) и полностью истребил клан Ходзё. В течение двух лет Кэмму (1334—1336) Годайго пытался восстановить могущество императорского дома, давно уже утраченное. Сама идея, может быть, и не была лишена оснований, но уже не соответствовала экономическому и общественному положению Японии.

На протяжении многих десятилетий страна страдала от раздутого административного аппарата и иерархий, которые

плодились одна от другой. Правительственные и религиозные чины, должностные лица сёгуната дублировались и переплетались, и все усложнялось неумеренной практикой разделения полномочий. Ничто никогда не отменялось, и административные должности передавались чуть ли не по наследству, их никто никогда не отменял. Однако постепенно они утрачивали свое значение. Наиболее серьезным оказалось то, что каждой должности полагалась своя часть налога, так что земля оказалась вскоре раздробленной на крохотные кусочки, и каждому участку предназначался особый налог. В этой неразберихе *дзито*, а еще раньше *сюго*, военные представители сёгуната, сумели образовать свою клиентелу[1] из вассалов. Забывая, что они были всего лишь простыми представителями сёгуна, что зависели от него точно так же, как и их подчиненные (*гокэнин*), они, по сути, захватили власть на местах, став влиятельными посредниками между множеством мелких сельских помещиков и верховным сюзереном. Таким образом, родились непрямые феодальные отношения.

Авторитарное вмешательство Годайго, который был далек от того, чтобы улучшить положение дел, немедленно спровоцировало новую волну феодальных войн. Поскольку он был озабочен тем, чтобы уравновесить силы знати (*кугэ*) и самураев (*букэ*) и одновременно удержать власть, он назначил своего сына принца Моринага наследным принцем, нарушив таким образом порядок передачи власти поочередно от одной ветви императорской семьи к другой, установленный Го-Сага (1242—1246). Равновесия удержать не удалось, более того, раздражение военных было вызвано соперничеством двух крупных военачальников — наследного принца Моринага и Асикага Такаудзи, — которое закончилось устранением Такаудзи и назначением Моринага на должность сёгуна. Обманутый Такаудзи поднял восстание в Канто и пытался доказать законность выступления, объявив себя сторонником младшей ветви императорской семьи, чтобы уничтожить Годайго. Он сначала потерпел поражение, но после

[1] Клиентела (*лат.* cliens — послушный) — лично свободные люди, переходившие под покровительство главы рода или патрона, от которого они получали земельные наделы, а взамен несли в его пользу сельскохозяйственные и военные повинности.

шести месяцев упорных боев Такаудзи захватил Киото, посадил на трон императора Кёмиё (1336—1348) и в 1338 году добился от него титула сёгуна.

В Японии отныне наступило двоевластие. Сторонники обоих императоров противостояли друг другу в бесконечных сражениях. Император Годайго (скончался в 1339 г.) и его преемники, нашедшие убежище в покрытых лесами высоких горах Ёсино, продолжали настаивать на легитимности своей власти над всей Японией. Раскол продолжался до 1392 года, и японские историки, используя терминологию, принятую в китайской истории, дали этим беспокойным царствованиям двора Киото и двора Ёсино название «эпоха династий Юга и Севера» (*нань-бэй чао* — по-китайски, *намбоку то* — по-японски). Раскол отразился на всех сферах жизни Японии: две линии императоров, соединенные кровными узами, и два сёгуна боролись беспощадно.

Эпоха династий Юга и Севера была богата военными подвигами и драматическими ситуациями, которые впоследствии предоставили сюжеты для обширного репертуара театра кабуки; ей также придается особая значимость ввиду экономических и общественных трансформаций, которые происходили именно в тот период. В эпоху Камакура благодаря материальному прогрессу мелкие и средние хозяйства упрочивают свое положение. Мелкие собственники из крестьян (*сакунин*), не считавшиеся с эфемерной связью с государством, больше не платили положенных налогов и полностью отошли под покровительство владельцев крупных поместий или их управляющих — *дзито*. Местные собственники, осев на новых землях, становились «дворянами с землей» (*дзидзя-мурай*), а их вассалы, бывшие крестьяне, благодаря этому получили возможность стать воинами. Последствия этого перехода оказались тяжелыми, так как милитаристское государство могло быть выгодно лишь средним слоям общества, а жизнь и труд крестьян совершенно обесценивались.

Объединившись для того, чтобы лучше давать отпор бесконечно возобновлявшимся столкновениям ради мщения, сельские общины Кинай образовывали союзы (*госон*), которые, без сомнения, спасали от голода центральные области, где шли непрерывные военные действия. Под давлением обстоятельств крестьяне и провинциальные *буси* — два переплетавшихся друг

с другом сословия — вместе бунтовали против требований губернаторов (*сюго*) или управляющих (*дзито*), если считали их завышенными. Традиционная родовая сплоченность кланов заменяется соседской, и соседские узы становятся сильнее, чем кровные узы. В таких обстоятельствах с любой организацией, спускавшейся сверху, было покончено. Первыми бенефициариями[1] оказались бывшие *сюго*, которых вскоре станут называть «великими именами» — *даймё* или *сюго-даймё*.

Муромати

Таковы были обстоятельства, предшествовавшие установлению сёгуната Асикага. Его резиденция расположилась не в Камакура, а в квартале Муромати в Киото. Среди войн и жестокости появляется блестящая рафинированная культура, отмеченная строгостью и философской ясностью. Единственное тихое место посреди бури, эта культура возникала в тени постоянных междоусобных войн и, как культура эпохи Хэйан, рождалась в период умирания общества, к которому стекались богатства. Этот мир был миром сёгуна и более не был миром двора — интимного, стоящего вне времени и его треволнений, жестоких и тщетных. В это столетие тем не менее формировалась общая мысль и особые эстетические концепции, которыми навсегда осталась отмечена Япония. И это было не единственным парадоксом эпохи: даже власть Асикага, единственно жизнеспособных хозяев страны, была относительной. Политическая игра, которую могли вести Асикага, состояла в том, чтобы руководить нестабильными и непостоянными союзами военных — от их баланса зависел хрупкий мир.

Организация центрального управления, установленная сводом законов эпохи Кэмму (*Кэмму сикимоку*), вынуждена была считаться с таким распределением сил: *канрэй*, первое должностное лицо, в обязательном порядке избирался из представителей одного из трех родов наиболее могущественных вассалов (*сан-*

[1] Бенефициар, бенефициарий — тот, которому предназначен платеж, получатель денег; здесь: тот, кто получает выгоду.

кан): Сиба, Хатакэяма и Хосокава. Руководитель «ведомства самураев» принадлежал к одному из других четырех родов — Ямана, Иссики, Акамацу и Кёгоки. Произошли изменения в учреждениях эпохи Камакура, назначались служащие (*кантё канрэй*), ответственные за управление Канто, в особых случаях назначались специальные исполнители (*бугё*). Киото снова стал административной и духовной столицей страны.

На общем политическом фоне жизнь постепенно улучшалась. Урожай риса собирался теперь дважды в год повсюду. Возрастает обмен продуктами, и каждый регион специализируется на производстве одной культуры. В сфере ремесленного производства отдельные области именно в тот период получили известность, сохранившуюся навсегда: сабли Бидзэн, Битю, Ямато, Ямасиро, Тикудзэн, ткани Киото, Хаката, бумага Нара, сакэ Сэцу. Экономика приморских округов Японского моря и Кюсю быстро развивалась за счет расширения торговли рыбой и соляных разработок.

Ярмарки по строго установленным датам стали проводиться чаще: от трех раз в месяц (*сансайити*) к концу эпохи Камакура до шести (*рокусайити*). Особенно характерны ярмарки для XVI века. В Киото рынок открывался ежедневно, и уже появились маленькие лавочки. Постоянное движение торговцев между рынками обеспечивалось увеличением числа почтовых станций, где можно было найти свежих лошадей (*басаку*) и повозки (*сасаку*). В портах появились фирмы (*тойя*), развозившие по суше товар, который доставлялся кораблями. Они в полной мере соответствовали нашим современным торговым фирмам. Объединения ремесленников (*дза*) в эту эпоху процветали, их насчитывалось больше сорока в Киото и более восьмидесяти в Наре, где храмы способствовали их экономическому развитию. Благополучие создало условия для возникновения монетарной экономики. Обменным эквивалентом служили китайские монеты эпохи Мин, и даже налоги стали оплачивать наличными. Ситуация между тем не была простой, как это может показаться. Эпоха Муромати может в то же время характеризоваться все возрастающей территориальной раздробленностью и ускорением этого процесса в связи с частыми междоусобными войнами, вспыхивающими по самым разным поводам. Каждое из многочисленных княжеств тогда выбирало свою собственную

монету и чеканило ее, и этот факт, конечно, не облегчал обмена между провинциями. Сложность, требующая установления соотношения между натуральным продуктом и различными монетами, вызвала необходимость появления менял, ими становились крупные купцы из больших городов и служители храмов, которые также давали деньги взаймы. В деревнях появились доморощенные банкиры, ими обычно становились местные торговцы, как правило из числа торговцев сакэ (*сакайя*). В то же время народ сам создавал кассы взаимопомощи (*тяномоси*), нечто вроде товариществ по взаимному кредитованию.

Ростовщические центры, возникавшие при деревенских лавочках, неоднократно возбуждали народный гнев: эти ссудные лавочки легко переходили к занятиям ростовщичеством, и во многих случаях ярость была целенаправленной, но она подпитывалась и ненавистью сельскохозяйственных рабочих, раздавленных бременем налогов, неумелой властью феодалов и нескончаемой жестокостью войн. «Жакерии» (*дойкки*), начавшиеся во время династического раскола, приобретают особенный размах с мятежа эры Сётё (1428), когда гражданские и военные землевладельцы (*дзидзя мурай*) региона Киото напали на склады и винные лавки, разграбили их и, что можно считать актом отмщения, уничтожили долговые расписки. На следующий год (1429) поднялся мятеж эры Эйкё — крестьяне и воины совместно выступили против сюго Акамацу Мицусукэ (1381—1441), — который прежде всего был направлен против местного феодала (материальные проблемы отходили на второй план). В течение следующих пяти лет мятежи сотрясали Кинай, и на протяжении XV века постоянно возрастало их количество, они вспыхивали повсюду и часто. Характер и цели этих восстаний изменялись в зависимости от места локализации и времени. Помимо протеста против бедственного положения крестьян, они отражали укрепление местных экономических объединений и их жажду независимости от власти устаревшей иерархической системы, ставшей призраком государства, подчинялась ли она императору или сёгуну. Поводов для войны было немало, и войны продолжались. Терпение населения кончалось. Наиболее тяжелая эра Онин (1467—1477) знаменовала начало продолжавшихся в течение столетия феодальных войн, по аналогии с историей Китая это время (конец

XV века, а затем и весь XVI век) названо эпохой «сражающихся царств» — *чань-куо, сэнгоку* по-японски. Темная история о порядке наследования сёгуната была использована как повод для войны, которая продолжалась десять лет между кланами Хосокава и Ямана — восточная Япония и западная Япония противостояли друг другу, безжалостно дотла был сожжен Киото и его окрестности. Через несколько лет в Киото произошел драматический «мятеж провинции Ямасиро» (1485—1492).

Из-за непрекращающейся бойни между Масанага и Ёсинари, представителями клана Хатакэяма (оба претендовали на должность *сюго*, оба умерли в 1493 году), южные области провинции Ямасиро, не желавшие признавать власти ни того ни другого, оказались в крови и огне и были вынуждены провозгласить независимость. Был выбран совет из тридцати шести самураев, которые происходили из других линьяжей[1]. Правительство, возникшее в результате этого государственного переворота, обосновалось в знаменитом монастыре Бёдоин в Удзи и просуществовало почти восемь лет. Впрочем, этот пример не единственный. В 1488 году монахи Хонгандзи из известного Икко, представители мелкой местной знати и деревенские старосты просто изгнали сюго провинции Кага и установили собственную администрацию, которая правила в течение века. Потомственная знать чувствовала себя неуютно. Иерархии переворачивались. Шел полным ходом *гэкокудзё* — «низшие» побеждали «высших».

Борьба и сомнения продолжались целое столетие. От мятежей спасали «большие имена», *даймё*, владельцы княжеств, с которыми позднее связывалось создание единого государства, впоследствии боровшегося с ними. Каждый крупный феодал обладал вотчинами и вассалами; каждый род соблюдал свой особый закон (*кахо*), который регулировал границы владений и условия их эксплуатации; чиновники надзирали за своевременностью и размером налоговых выплат и наказаниями, которым следовало подвергать преступников.

Япония XVI века, с которой так скверно обходились воины любого происхождения — монахи, наследники Нитирэна, или простые искатели приключений, — была обессилена и обескровлена.

[1] Линьяж — родословная, принадлежность к определенному роду.

Киото сожжен дотла. Однако благодаря трудолюбию японцев, совершенствованию техники строительства при возведении плотин стала возможной речная навигация, и появились условия для развития отсталых областей. Вокруг замков знатных вассалов вырастали города, некоторые из них и сегодня остаются оживленными центрами современной Японии: Одавара, старинный Сумпу (современный Сидзуока), Ямагути, Кагосима. Рынки при храмах и святилищах, жилые кварталы при портах уже становились ядром, вокруг которого развивался город. По образцу местных автономий, которые уже образовывались в сельской местности, стали процветать свободные города: так образовались, например, порты Сакай, Хэйно (в Осаке), Хаката. Целые кварталы внутри столицы жили на основе самоуправления, защищенные близостью к храму, вокруг которого они возникали: Гион, Киомицу, Китано. Смута эры Онин заставила должностных лиц и монахов искать спасения в других местах, часто в сельской местности, так новая цивилизация, точно осколки зеркала, распространялась среди населения страны. Становление Японии проходило в смутные времена. За границей ее соседство считалось опасным. Китайская история хранит печальные воспоминания об ужасных *вако*, японских пиратах, которые в течение почти двух веков осаждали берега континента. Скорее всего, этим японским «пиратством» фактически был немного резкий способ принуждать континентальные страны к торговле, дающей немалую выгоду им самим. Однако Китай и Корея в этот период стремились к изоляции, презирая чужеземцев и торговлю с ними, считая ее варварским занятием. Со временем, действительно, пиратство, эта форма бандитизма, оказалось причиной серьезных столкновений между новым правительством Муромати и Срединной империей. Несмотря на то что Япония сама далеко не всегда могла справиться с этим неподконтрольным явлением, Асикага сумели установить с Китаем эпохи династии Юань, а затем с Китаем эпохи династии Мин контакты, крайне выгодные для Японии. Начало было положено в 1342 году, когда Асикага Такаудзи послал первый корабль к континенту, а на полученные крупные доходы был построен новый храм — Тэнрюдзи. Крупные монастыри из Киото и торговцы Сакай отправили с экспедицией другие суда (их с тех пор называли «суда Тэнрюдзи»). В страну стали

стекаться деньги, этому были обязаны в большей мере богатствам, привезенным на этих кораблях, чем государственной власти. Однако самая большая выгода была связана с духовным началом: новые веяния в китайской культуре — культура южного Сонг — с интересом и почтительностью были восприняты японцами. Они, как всегда, оказались прилежными учениками. Япония твердо заучивала уроки. Неважно, что со временем отношения с Китаем оказались и нестабильны и враждебны, что связано было, прежде всего, с набегами на китайские берега японских пиратов, неважны детали дипломатических переговоров. Сёгунат научился вымогать у императоров династии Мин с помощью дани нужные разрешения. Важно, что Япония эпохи Муромати открыла для себя заграницу, этот необходимый фермент, который периодически появлялся для того, чтобы стимулировать собственное развитие. С 1543 года на архипелаге стали появляться португальцы, которые привезли христианство и огнестрельное оружие. Эти два противоречивых дара должны были в равной степени произвести впечатление на феодалов, эту новую японскую аристократию, самоуверенную и жестокую, жаждущую знаний и озабоченную завоеванием власти. Самураи в конце концов получили все, что хотели, но в рамках строгой субординации в отношении авторитарного правительства, которая единственная могла обеспечить независимость страны и их собственную безопасность.

Адзути-Момояма

Этот период, продолжавшийся приблизительно сорок лет, свое название получил от имени резиденций обоих правителей — дворца Адзути и Адзути-Момояма — и, несмотря на краткость, известен политическими и административными реформами, которые упорядочили феодальную централизацию. Крайности феодального строя неизбежно влекли за собой установление контроля над ними для защиты линьяжей: укрепленные сельские ячейки, разные корпоративные объединения, религиозные общины, хорошо вооруженные и хорошо организованные армии были готовы выступить против знати, господство которой приносило только несчастья.

Кроме того, в Японии, вступившей в контакт с Европой (до того времени не принимавшейся в расчет), сразу пришло осознание сути своей самобытности. Первым организатором перегруппировки национальных энергетических ресурсов стал знаменитый Ода Нобунага (1534—1582). Усмиритель империи и властелин судьбы Асикага в лице последнего безликого представителя этого рода Ёсиаки, которого он низложил в 1573 году, Нобунага быстро превратился в легендарную фигуру. Его восхождение прекрасно демонстрирует военные и социальные движения времени. Сын мелкого даймё из Овари — современная равнина Нагоя, — он умел ловко воспользоваться своим положением между Камакура, княжествами восточной Японии и Киото, являвшимся одновременно столицей и правительственной резиденцией. В 1560 году Имагава Ёсимото (1519—1560), могущественный и честолюбивый самурай Суруга и Тотёми, что между Камакура и Киото, захватил часть Овари, откуда он рассчитывал отправиться на завоевание столицы. Вопреки ожиданию молодой Нобунага внезапно нанес ему сокрушительный удар, Ёсимото погиб. Ода Нобунага обладал способностями великого полководца. Если история Японии с тех пор представляется только в аспекте героического и кровавого движения, характерного для этой эпохи, то линия жизни Нобунага говорит о понимании им национального духа и большом желании объединить страну, чтобы залечить ее раны. Он действовал огнем и мечом: в 1571 году более четырехсот храмов и святилищ, полторы тысячи монахов горы Хиэй исчезли в гигантском пожаре, в котором фактически сгорело тысячелетие политического могущества буддизма. В следующем году Ода Нобунага уничтожил правление монахов Икко в провинции Кага. Беспощадное преследование им монахов продолжалось до 1580 года, когда была разрушена крепость Исияма. Изгнанные из Киото в 1532 году пожаром знаменитого храма Хонгандзи, ортодоксальные монахи секты Икко, популярной ветви *Дзёдо-син-сю*, укрылись в Осаке, там они построили монастырь, похожий на крепость: он был опоясан насыпями и рвом с водой. Оттуда отправлялись жестокие завоевательные экспедиции, возглавляемые монахами, жаждущими владеть землей. Их бесчинства привели к тяжелым и в целом неприятным последствиям для буддизма. Ода Нобунага ненавидел буддистов и делал все, чтобы избавиться от них и их притязаний на власть. Ослабленные борьбой против них в конце XVI века, буддисты до наших дней остаются объектом недоверия: не без некоторого основания, ссылаясь на исторические факты, их обвиняют в том, что они строили «государство в государстве», создав политическую опасность. Неблагонадежностью буддистского духовенства нередко объясняется лояльное отношение Нобунага к христианским проповедникам. В 1569 году отец Луиш Фроэс получил разрешение произносить проповедь в Кинки, затем было получено позволение на строительство церквей (*намбандзи*) в Киото и Адзути, на берегах озера Бива, около великолепного замка, который для Ода Нобунага построил архитектор Нива Нагахидэ (1576). Там же появились семинарии. Но не следует заблуждаться: эти меры, без сомнения, были мотивированы скорее поиском новой идеологии, которая могла бы благоприятствовать установлению мира и порядка, давно утраченных Японией, чем чисто религиозными чувствами.

Для того чтобы восстановить национальное благополучие, Нобунага приступил к важным экономическим реформам. Еще до того, как вытеснить своих противников и конкурентов (и явно с этой целью), он предпринял в своих владениях некоторые меры в пользу торговли: провел ревизию наличных монет (*сэнсэнрэй*), создал единую систему мер и весов, уничтожил таможенные барьеры. Все это служило поощрению свободы торговли. В порт Сакай, после низложения его владельцев Миёси, в 1577 году, был назначен высокопоставленный чиновник с особыми полномочиями, таким образом, он не входил в правящую феодальную иерархию. Нобунага уничтожил узкофункциональные гильдии (*дза*) и создал вблизи своих замков рынки и свободные корпорации (*ракуити* и *ракудза*). Наконец, именно он предпринял большую ревизию земельного кадастра, связанного с делением надела на части (*кэнти*), и начал ее с провинции Ямасиро (1571): налог и реорганизация деревенских объединений более соответствовали, таким образом, географической и экономической ситуации, сложившимся к тому времени. Во избежание расширения анархических воинских сообществ с 1576 года в некоторых регионах началось разоружение крестьян, разделение на классы и приписывание к ним понемногу входило в обычай.

Добившись многих успехов, Нобунага умер так, как жил, как настоящий персонаж рыцарской драмы, — он был предательски убит (1582) своим вассалом Акети Мицухидэ[1], которого он послал помочь своему верному полководцу Тоётоми Хидэёси (1536—1598), *сражавшемуся против Мори*.

Чтобы захватить власть, Тоётоми Хидэёси позаботился об устранении наследников Нобунага (1584), но продолжил с тем же блеском политику, начатую его господином. На месте бывшего замка Исияма, в Осаке, в центре секты Икко, он распорядился построить внушительную крепость, о которой сегодня напоминают только гигантские рвы с водой. Его настоящий талант полководца, сочетавшийся с умелой дипломатией, обеспечил ему с 1585 года союз с двумя крупными феодалами — Иэясу Токугава и Уэсуги Кагэкацу. В то же время он добился того, что двор предоставил ему почетный старинный титул *кампаку*. Карательное выступление против рода Хосокабэ на Сикоку (1585), кампании против кланов Кюсю, Отомо, Ридзёдзи и Симацу (1587), уничтожение Ходзё в Одавара (1590) превратили его в неоспоримого повелителя Японии. Впервые за два с половиной столетия Япония полностью оказалась подчиненной власти одного человека. Хидэёси, блестяще расправившись с именитыми князьями, не обладал тем не менее абсолютной властью. Конечно, военная удача сопутствовала ему, но ей он был обязан сложным неустойчивым союзническим отношениям. Их надежность была сомнительна. Диктатор Хидэёси оставался первым среди феодалов, такое положение сохранялось вплоть до революции Мэйдзи (1869). Если права, обязанности и могущество даймё подвергались изменениям, то само их существование не ставилось под сомнение уже никогда.

Присвоив успех реформ, осуществленных Нобунагой, Хидэёси во всей стране привел в порядок земельные кадастры и завершил административную реформу в сельской местности (*тайко кэнти*). Стоимость каждого хозяйства теперь определялась урожаем риса, который оно собирало ежегодно; рис выступал в качестве единицы расчета стоимости, своеобразной монетой.

[1] Акети Мицухидэ впоследствии из-за своего предательства совершил самоубийство.

Именно он служил для того, чтобы определять и оценивать стоимость других товаров. Предполагалось, что богатство владельца отныне выражается не только в количестве земли, но и в ее рентабельности. Одновременно в соответствии с табличкой с записью о земельном кадастре пользователя каждого земельного участка строго кодифицировалось положение владельца: эта мера дополняла положение об обязательном разоружении сельского населения (*катана-гари*). Указ об этом был издан в 1588 году, вследствие чего многочисленные мелкие землевладельцы должны были выбирать между крестьянским и военным сословием; они уже не имели права принадлежать одновременно к тому и другому, как и переходить из одного сословия в другое. Тем самым была закреплена принадлежность к какому-либо сословию. Тогда же было определено положение *даймё* («большое имя»): таковым был признан собственник, обладающий доходами не менее десяти тысяч *кокю* (мера риса) в год. В конце века национальный доход достигал немногим более восемнадцати миллионов кокю, среди которых два миллиона производились в личных владениях Хидэёси, сконцентрированных по преимуществу в двух регионах, обладавших большой стратегической значимостью, — Оми и Овари. Даймё Хидэёси насчитывали приблизительно двести человек; их богатство и могущество представляли собой выражение крайнего неравенства — были ли они лично главами обширных партий (как Токугава и Мори) или же простыми вассалами, верными диктатору, за которым они следовали. Так создавалась образцовая однородная феодальная пирамида. Единая администрация окончательно отменила разделение гражданских и военных полномочий, унаследованное от XIII века. Император надолго потерял всякую власть в государстве, которое полностью оказалось в руках феодалов, или, если выражаться более точно, в руках их верховного главы.

Внешняя политика Хидэёси более или менее удачно отражала авторитаризм нового вершителя японских судеб. Появление португальцев оказалось на некоторое время эффективным ферментом, который заставил пробудиться национальное самосознание. Но когда страна объединилась, иностранцы уже не казались столь полезными. Страх перед иностранным вторжением, этот призрак, которого так опасались со времени безуспешного

нападения монголов, в сочетании с оплошностями, которые допускались иностранцами, и взаимным непониманием привел в 1587 году к запрещению христианства, а через девять лет после этого были казнены двадцать шесть первых христианских мучеников. В этот момент Японию не интересовал Запад.

> В Японии в 1570—1580 годах иезуитами открывались школы, в которых среди прочих предметов они преподавали основы европейской живописи. Сохранились картины, написанные неизвестными японскими учениками на большой ширме из восьми листов. На одной представлены виды Лиссабона и Мадрида, столиц великих мореплавателей, где изображены каменные архитектурные сооружения и каравеллы, всадники, дворяне. Другая изображает виды Рима и Константинополя. Кроме того, на ширме нарисована большая карта мира. Картины выполнены по гравюрам и картам из разных европейских книг и свидетельствуют о новом видении мира, которое появилось в тот момент в определенных японских кругах, связанных с наукой и искусством.

В это время Хидэёси строил совсем другие планы, он хотел завоевывать Корею и, может быть, даже Китай — землю мечты. Обстоятельства, казалось, этому благоприятствовали: Китай эпохи династии Мин утратил свое былое могущество. Две неудачные и разорительные экспедиции, отправленные Хидэёси в 1592 и 1597 годах, провалились и имели бы более тяжелые последствия, если бы он не умер в 1598 году. Хотя в материальном плане эти кампании оказались катастрофическими, они имели положительную сторону: в пламени сражений не только укреплялось национальное единство, но и приносились в жертву особенно горячие головы среди японских воинов. Возможно, что Хидэёси это смутно осознавал.

Осыпанный почестями — он был назначен на должность *кампаку* в 1585 году и стал *дайодадзином* в 1586-м, — Хидэёси верил в то, что ему удастся основать новую династию правителей империи. Но вельможи на его желания в вопросах наследования обратили внимания не более, чем он сам проявил в свое время лояльности в отношении наследников Ода Нобунага. Его смерть спровоцировала ожесточенную борьбу за власть. Победителями

из нее после знаменитого сражения при Сэкигахаре (1600) вышли Токугава. Это сражение обеспечило победу Иэясу Токугава, который был первым помощником Хидэёси, и укрепило в Японии режим под эгидой диктаторов; этому режиму суждено было продлиться до нового времени.

Эдо

Иэясу Токугава, озабоченный императорской инвеститурой, так как по своей сути никогда не прекращал быть феодалом, в 1603 году добился звания сёгуна, которое в 1605 году он передал своему сыну Хидэтада, а себя приказал называть «сёгун, отошедший от власти» (*огосо*). Захват замка в Осаке и смерть Хидэёри, сына Хидэёси, в 1615 году утвердили могущество новой династии сёгунов, на которое уже никто не смел покушаться. Как и во времена Минамото, сёгунат устраивается вдали от столицы, в Канто, но не в Камакура, а в Эдо, в зоне речной дельты, расположенной в стороне от южного берега. На протяжении полувека сформировался новый режим: военное правительство (*бакуфу*) осуществляло свою власть почти над тремя сотнями просторных владений (*хан*), которыми управляли даймё. Историки называют эту систему правления *бакухан*. На вершине иерархии стоял сёгун (что было вполне естественно) — за два с половиной столетия их было пятнадцать. Со своей стороны группа «великих старейшин» (*тайро*) вмешивалась в особенно важные ситуации или возглавляла государство в период регентства. Всем, что непосредственно касалось сёгуна, занимались «старейшины» (*рёдзю*) — очень важная должность, если считать, что она предполагала наблюдение за *даймё*. *Рёдзю* насчитывалось четверо или пятеро, своими обязанностями они занимались по очереди в течение месяца. Им помогали «молодые старейшины» (*вакадосиёри*), которые занимались почти исключительно теми вассалами, которые имели более или менее заметные должности, например *хатамото* («знаменосец») и *гокэнин*. Этот орган из трех — пяти членов также обновлялся почти ежемесячно. Наконец, *дзидзя бугё* регулировал религиозные вопросы, в то время как определенное число других бугё предназначались для особых поручений или особых регионов.

Новый режим характеризовался, таким образом, гибкостью двух его существенных механизмов: благодаря этой практике к управлению приобщалось большое количество людей, но и создавался риск построения неповоротливого государственного механизма, исключающего мобильность в принятии любого решения. Во всяком случае, управление непосредственно осуществлялось небольшой группой исполнителей (*гоёбэйя*), которые были едины в своих целях и интересах и жесткая дисциплина которых, исключающая всякое выражение личных пристрастий и интересов, была прямой копией армейской дисциплины и превращала гражданскую администрацию в монолит.

Положение *даймё*, этой государственной опоры, было очень четко установлено в режиме наибольшего благоприятствования, который твердыми правилами регулировал межличностные отношения. Семейство сёгуна составляло группу *симпан*, в которую включались три важнейшие ветви рода Токугава, «три дома» (*госанкэ*), как их обычно называли, а именно Мито, Кии и Овари, прямые потомки Иэясу; боковые ветви рода — линии Таясу, Хитоцубаси и Симицу, которые образовывали «три семейства вельмож» (*госанкё*). Вельможи получили свое положение *даймё* непосредственно от Иэясу как старинные боевые соратники Иэясу до сражения при Сэкигахаре. Вместе они входили в группу *фудай-даймё* — преданных сторонников Токугава и режима, который ими был установлен. Бывшие противники Токугава, которые поневоле вынуждены были присоединиться к нему после Сэкигахары, назывались *тодзама* — представители старинных влиятельных кланов: Маэда из Кага, Симацу из Сацумы, Датэ из Сэндай, Мори из Хосю. С величайшей предосторожностью распределялись вотчины между этими «верными друзьями», так как они были представителями сёгуна на местах. Практика передачи вотчины в качестве вознаграждения, особенно тех, кто этого действительно заслуживал, от одного вассала к другому, распространенная в начале XVII века, стала одним из принципов управления. В результате эти «переезды в другую область» (*куниэ*) позволяли перевести более или менее верную привязанность вассала в материальную сферу. Между господином и местным населением могли сложиться только официальные административные отношения. В 1615 году были изданы

«законы для домов воинов» (*букэ-сёхатто*), впоследствии регулярно дополнявшиеся и уточнявшиеся. Ими были зафиксированы строгие границы, в которых буси могли проявлять свою общественную активность, все еще подогреваемую их недавним военным прошлым. Если буси как господин своих подданных из низов мог решать вопрос об их жизни и смерти, то в замке даже малейшую перестройку ему было запрещено производить без разрешения сёгуна. Как и невозможно было строительство нового замка. Даймё должны были получать согласие сёгуна на брак, поскольку сёгун заботился о том, чтобы не возникали опасные для властей династические союзы. *Букэ-сёхатто* отвечали за правильный выбор религии, безусловно исключающий иноземное христианство, контролировали сооружение кораблей для дальнего плавания, запрещая несанкционированное строительство. Наконец, на даймё было возложено дорогостоящее обязательство находиться по крайней мере половину времени в Эдо. Это постановление было неслучайным: некоторые из даймё должны были оставлять на время своего отсутствия жен и детей в Эдо для доказательства своей благонадежности и для контроля за их преданностью. Но с 1635 года сёгунат постановил, чтобы даймё обязательно находился в течение полугода или весь год (в зависимости от расстояния) попеременно в столице и в землях, которыми он управлял (*санкин-котай*). Даймё, следовательно, вменялась обязанность нести расходы на пребывание в столичной резиденции. Это требование оказалось очень правильным: по дорогам продвигались длинные вельможные кортежи, и на основе этих дорожных контактов складывалось японское общество. Столица сёгуната, в которой вынуждены были пребывать выходцы из разных провинций, разрасталась, наполнялась жизнью — превращалась в сердце нации.

Сельская местность состояла из маленьких деревень в пятьдесят или шестьдесят очагов. Каждый крестьянин подчинялся *хонхякусо*, тому человеку, за которым был записан земельный кадастр Хидэёси; ему помогали *нагo* и *хикан*. На самой низшей ступени находились крестьяне, лишенные какого-либо состояния (*мицуноми*). К имущественной иерархии добавлялась административная: *нануси*, которому помогал *кумигасира*, представитель от крестьян (*хякусодай*), регулировали проблемы, интересующие

сообщество в целом. Так постепенно сельское население завоевывало свои права.

Восстановленный мир (было искушение называть его наконец-то достигнутым) способствовал развитию сельской местности, несмотря на трудные условия существования, которые оставались всегда уделом смиренного земледельца. Привязанность крестьянского населения к земле и постоянная забота о производительности труда (а именно она стала официальным измерением в оценке землевладения) требовали возникновения новых хозяйств (*синдэн*). Некоторые налоговые послабления благоприятствовали этому, так что в конце сёгуната в середине XIX века ежегодное производство риса в национальном масштабе почти удвоилось. Расширение площади обрабатываемой земли было к тому же не единственной причиной. Распространялась, хотя и медленно, усовершенствованная сельскохозяйственная техника; усовершенствованных орудий труда становилось больше. Они, как и примитивные гидравлические и механические устройства, значительно увеличивали эффективность человеческих рук. Техническая революция в сельском хозяйстве не произошла, конечно, случайно. Агрономия интересовала просвещенные умы, религиозные и философские взгляды которых были тесно связаны с прославлением природы. В 1697 году Миядзаки Ясусада опубликовал «Полный трактат по агрономии» (*Ногё дзэнсё*), в котором он подробно описывал, сопровождая чертежами, различные составляющие китайских сельскохозяйственных орудий и инструментов. Популярность этой книги в Японии была огромна, особенно в густонаселенном регионе Кинки.

Интенсивное развитие сельского хозяйства и городов в эпоху Эдо способствовало становлению общей денежной системы, которая, хотя и робко, зародилось намного раньше. Сельская местность втягивалась в систему монетарной экономики. Взамен своего риса, своего шелка, своего хлопка каждая деревня получала от городских потребителей некоторое количество денег и сама должна была пользоваться ими при других закупках. Постепенно система стала работать, так что некоторые богатые регионы, там, где деревенские старосты обладали духом предпринимательства, стали организовываться в хозяйства, иногда переходившие к производству монокультуры.

Это относительное благополучие населения способствовало в конце XIX века вхождению Японии на международную арену. Однако не следует забывать о бедствиях множества отдельных людей, которые это благополучие обеспечивали. Беды и лишения со времен эпохи Нара были связаны с проблемой демографии. Прикрепленные к землям, крестьяне не могли их покинуть, как и не могли изменить свой статус. Крестьянское население, таким образом, сконцентрировалось в очень маленьких хозяйствах в центральных регионах, где необработанной земли уже не было. Кроме того, население находилось под ударами природной стихии и других бедствий. На период Эдо приходится не менее ста пятидесяти эпидемий, а также опустошительные голодные годы. Те, что случились в годы Кёхо (1716—1735), Тэммэй (1781—1788) и Тэмпё (1830—1843), остались в памяти народа как особенно зловещие. Отсюда вытекали неизбежные драмы, такие как обычай в некоторых местах продавать девочек в дом терпимости или убивать нежеланных новорожденных. Крестьяне убегали в города, пополняя ряды зарождающегося пролетариата, если только удача или талант не позволяли им заниматься ремеслом или торговлей. Демографическое саморегулирование в сельской местности продемонстрировало удивительную эффективность; современное изучение архивов обнаруживает, что более чем за столетие сельское население Японии практически не увеличилось: если в 1721 году крестьян насчитывалось 26 065 тысяч, то в 1846-м — 26 980 тысяч; в то же время население городов сделало большой демографический скачок. Жизнь тех, кто оставался на земле, не была легкой, со временем налоговое бремя становилось все тяжелее. Это, на первый взгляд, может показаться странным, если не знать, что это общество, краеугольным камнем которого было конфуцианство, ценило близость к природе, восхищалось ее красотой и превозносило крестьянские добродетели. В конфуцианской системе место крестьянина следует за местом, которое занимают ученые. Конечно, противоречие между философскими основаниями режима Эдо и реальной политикой правительства очевидно. Концентрация жизни в самом Эдо, в провинции вокруг поместий даймё, обязанность находиться в столице, вмененная даймё, предполагали интенсивное развитие городской экономики. Принудительная налоговая политика для

содержания государства, возлагаемая на деревню, была ошибкой. Однако такова была реальность, так как, несмотря на похвальные усилия реформаторов, сёгуны Токугава доверяли только сельскому труду. Кроме того, несмотря на декларацию строгости законов сёгуната, земли были захвачены кучкой крупных фермеров, которые управляли деревнями. Когда косвенные доходы стали расти, а земли сдаваться в аренду, появились рантье — паразитирующий класс собственников, дополнительное бремя на сельских тружеников.

Тяготы деревенской жизни на фоне процветающих городов приводили к росту крестьянских мятежей (*хякусё икки*). В начале эпохи Эдо они возникали против власти чиновников, то есть даймё, или из-за несправедливого распределения земли, зафиксированного в кадастре. Начиная с XVIII века поводом для восстания оказывались непомерные налоги или несправедливые цены на рис, которые устанавливал сёгунат. Были случаи, когда крестьянские мятежи поддерживались волнениями в городах; поднявшийся народ грабил склады с рисом и сакэ. Не следует, конечно, преувеличивать подобные явления; в большинстве случаев несколько крестьян, объединившись вокруг одного, наиболее храброго, таким образом выражали свое отчаяние, угрожая спокойствию поселения, окружавшего замок. Среди измученных нищетой, физически и духовно истощенных людей напрасно искать какую-то организацию, там было больше поводов, чем стремления. Бакуфу, что бы об этом ни говорилось, впрочем, не были безразличны к проблемам сельского населения — в случае голода распределялись резервные запасы риса. Но так как законы экономики действовали плохо, голод или его угроза присутствовали часто и в течение длительного времени подготавливали падение режима.

Настоящая экономическая сила режима Эдо была в городах. Поселения вокруг замков, под прикрытием стен, около почтовых станций или храмов, возникавшие в течение веков, во время правления Токугава превратились в города. Уже сам характер этого режима обусловил удачливую судьбу поселений, обосновавшихся вокруг замков, — резиденций даймё и администрации, поскольку они оказывались в непосредственной близости к административному центру, к деньгам и контролю над деньгами.

Наиболее крупные современные города родились именно таким образом из мест пребывания старинной военной знати, и именно этим знатным домам они были обязаны своим благосостоянием: это Сэндай — клану Датэ, Канадзава — Маэда, Окаяма — Икэда, Хиросима — Асано, Фукуока — Курода, Кумамото — Хосокава, Эдо и Нагоя — всемогущим Токугава. В XVIII веке эти города были перенаселены: Эдо, например, наиболее крупный из них, насчитывал один миллион жителей. Осака, расположенная в прямой зависимости от *бугё* в середине XVIII века, — 450 тысяч жителей и приблизительно 10 тысяч торговых домов, протянувшихся вдоль улиц.

Настоящая столица Киото, напротив, вела, как и прежде, спокойную жизнь, посвященную созерцанию красоты, любованию произведениями искусства и художественными изделиями, для которых были созданы хранилища, существующие и по сей день.

Горожане (*хонин*) — особый класс, согласно конфуцианской иерархии, горожане находились ниже сельских тружеников. Если ремесленники, которые занимали третью ступень в этой иерархии по своей значимости, после знати и крестьянства, продолжали пользоваться некоторым уважением, так как считались людьми полезными, то торговцам открыто выражалось пренебрежение. Помещенные на самой нижней ступени конфуцианской иерархии, они подвергались нападкам и презрению со стороны правительства; возможно, впрочем, именно это их спасло от контроля власти, который царил в регулируемой государством экономике. Положение становилось сложным и парадоксальным, поскольку даймё, противопоставленные в иерархии этим людям, живущим благодаря прибыли и ростовщичеству, все больше зависели от них, будучи их должниками. Особый образ жизни даймё, предписанный сёгунатом и требующий больших затрат, приводил к тому, что они оказывались беспомощными перед своими кредиторами, которые выполняли в то же время и функцию их банкиров. После уничтожения торговых ассоциаций, лишенных взаимной защиты, в Эдо и Осаке с конца XVII века стали вновь появляться гильдии: во время сёгуната Токугава Цунаёси 10 гильдий в Эдо (*Эдо-но токумидойя*) получили официальное подтверждение в 1694 году, эта же благосклонность

распространилась вскоре на 24 объединения Осаки. Эти меры привели к тому, что в 1721 году сёгун Ёсимунэ признал торговые ассоциации (*кабунакама*). Конечно, они оставались под надзором сёгуната, который официально устанавливал цены, ежегодно они должны были выплачивать лицензионные сборы (*ундзё, ниогакин*), взамен которых получали официальное поручительство, предполагающее защиту, весьма ограниченную. Некоторые монополии (*дза*), как, например, по производству шелка или золота, также были признаны. Эта монетарная экономика была основана на биметаллизме[1], и денежное обращение не помешало развитию коммерции, именно тогда была заложена основа преуспевания многих современных фирм, тогда-то и возникших. Мицуи — основатель могущественной корпорации — был, например, производителем сакэ, обосновавшимся в 1620 году в провинции Исэ. В 1673 году он переехал в Эдо и с 1690-го стал финансовым представителем сёгуна и императорского дома. Возвышение Коноикэ происходило точно так же: первоначально они были скромными продавцами сакэ, но к концу XVII века управляли делами приблизительно сорока даймё. Состояние Сумитомо, напротив, было основано на торговле металлами; после того как были образованы мастерские по обработке меди в Киото и Осаке, Сумитомо стали правительственными чиновниками и контролировали монополию меди и эксплуатацию горной разработки Бэси в Эхимэ-кэн на Сикоку (1791).

Несмотря на препятствия, которые создавались для любой новаторской деятельности уже закоснелой правительственной системой, Япония эпохи нового времени с начала XVIII века уже столкнулась с незнакомым прежде явлением: получила первые опыты в сфере промышленности. Крупным городам, находившимся под непосредственной властью сёгуна, предоставлялись условия, благоприятные для развития новой деятельности. Прямое подчинение сёгуну и возможность всегда обратиться к нему с просьбой о вмешательстве создавали равновесие между могуществом горожан и могуществом даймё. Если разногласия между ними не разрешались мирным путем, то обе стороны брались за оружие, и силы примерно были равны.

[1] Биметаллизм — денежная система, при которой роль всеобщего эквивалента выполняют два благородных металла, обычно золото и серебро.

Развитие сети дорог позволило добиться роста экономических связей в стране. Пять главных путей Японии, обслуживающих самые развитые провинции, сходились на знаменитом «Японском мосту» (*Нихонбаси*), расположенном в центре Эдо — главной ставке сёгуната. На всем протяжении пути для удобства путешественников были созданы почтовые станции. Каждая смена должна была принимать точно определенное количество путешественников и верховых животных: 100 человек и 100 лошадей на дороге Токайдо; 50 человек и 50 лошадей на пути Тюсандо; 25 человек и 25 лошадей на других дорогах. Если во время путешествия лошадей не хватало, их можно было достать, реквизируя в соседних деревнях у частных лиц (*сукэгояки*), заранее указанных бакуфу. В качестве меры безопасности на каждой станции были организованы полицейские участки. Стража была вооружена огнестрельным оружием и контролировала движение на дорогах в стратегически важных пунктах. Это делалось и в целях предотвращения возможного нападения мятежных вассалов на правительственную резиденцию.

Речная навигация или каботажное плавание в это время также становятся популярны. Этот способ передвижения широко использовался при ежегодных перевозках большого количества риса, которым выплачивался налог. С первой четверти XVII века баржи (*хигакикайдзэн*) из криптомерии или бамбука, способные принять груз от 200 до 300 *кокю* риса, доставляли в Эдо путем каботажного плавания лес, хлопок, сакэ, сою. Постепенно моряки осмелели, и в 1671 году первые корабли из провинции Муцу появились в Эдо, проплыв вдоль берегов Тихого океана, часто неспокойного в этих областях. В следующем году они попытались пройти через Японское море и пролив Симоносэки. С тех пор морские маршруты были проложены и разные грузы стали перевозиться вокруг Японии.

Почта обеспечивала быструю доставку денег или небольших пакетов. Для этих целей содержалась служба курьеров (*хикяку*), делившаяся на три группы в зависимости от того, кому они служили: бакуфу (*цуги бикяку*), даймё (*даймё бикяку*) или городам (*мати бикяку*). Три раза в месяц почта соединяла по дороге

Токайдо главные города — Эдо, Киото и Осаку. Специальный курьер на службе правительства и даймё преодолевал за несколько дней «точно шесть *дзороку*» — около пятисот километров между Эдо и Киото.

Строительство знаменитой дороги, соединяющей главный город сёгуната Эдо с императорской столицей Киото, было закончено. Движение от станции к станции было отдано Иэясу Токугава (1542—1616) под контроль правительства в подражание тому, как было поставлено дело в Китае эпохи Тан при императоре То-Сонг (779—805). В 1832 году Андо Дзюмон, более известный под своим псевдонимом художника Хиросигэ (1797—1858), сопровождал группу должностных лиц, которые отправлялись в Киото для того, чтобы отослать лошадей, предназначенных сёгуном Иэнари в подарок императору Нинко. В Масёсака путешественники должны были пересесть на паром, чтобы добраться до тридцать первой станции Агай — им нужно было пересечь устье озера Хамана у подножия горы Фудзи. Хиросигэ создал картины, изображающие виды пятидесяти трех станций. Он добавил вид Эдо и вид Киото — конечных пунктов своего путешествия. Цикл «Пятьдесят три станции» из пятидесяти трех гравюр — один из шедевров в жанре укиё-э.

До середины XIX века жизнь в Японии протекала относительно спокойно, но этот покой был создан искусственно, он сохранялся благодаря жесткой изоляции от любых зарубежных стран. Можно только предполагать, что именно тогда, когда первые европейские колонизаторы начинали завоевывать территории на Юго-Востоке Азии, Япония намеревалась стать великой державой. В 1604 году Токугава Иэясу даровал некоторым торговым кораблям («с красной печатью», *сюинсэн*) официальное разрешение пересекать моря, чтобы вести торговлю с другими странами Востока. До 1635 года (дата, с которой начинается закрытие страны для чужеземцев) было выдано более трехсот таких лицензий и около 80 тысяч человек устремились по дальневосточным морям к приморскому побережью Юго-Восточной Азии. Даймё Сикоку, Симацу, Мацуры, Аримы, а также города Киото, Осака, Сакай, Нагасаки снарядили свои корабли, на которых они вывозили серебро, медь, железо, предметы роскоши, в том числе веера и лаковые изделия, холодное оружие, доставляли в Японию шелк, хлопок, шерсть, медикаменты, пряности. Некоторые торговцы — искатели приключений оставались в ведущих торговых центрах, от Китая до Суматры они основывали «японские города» (*нихон мати*), в которых насчитывалось от 100 до 1000 обитателей, но они несли с собой мощную японскую жизненную силу. Однако постепенно Япония закрыла свои ворота для любых иностранных купцов, были они китайцами или европейцами. В 1635 году занавес закрылся окончательно: японцы, оказавшиеся за границей, уже никогда не могли вернуться на родину, как и обманутые иностранцы — португальцы, англичане, голландцы — не получили разрешения покинуть Японию. Маленький остров Десима, находившийся рядом с портом Нагасаки, оставался единственной дверью, открытой во внешний мир. Яростный мятеж Симабара, вспыхнувший двумя годами позже (1637), только убедил сёгунат в твердости своего решения: восставшие в основном были христианами, и в сознании новых властителей Токугава христианство было дискредитировано еще раз, они окончательно уверились во мнении, что иностранное влияние чревато только беспорядками и опасностью. Япония с тех пор замкнулась на себе; ни один из последующей череды сёгунов не осмелился изменить это решение.

Всех европейцев японцы называли «голландцами». «Голландцы», хотя и были ограничены с 1640 по 1859 год территорией острова Десима, в Нагасаки, вели все же веселую жизнь, если верить картине художника Кавабара Кэйга, который жил в Нагасаки в начале XIX века. Баварский врач и ученый Франц фон Зибольд, который способствовал распространению этнологии, ботаники и археологии, пригласил художника посетить Десиму. Кэйга создал еще несколько рисунков, которые дали ему прозвище «художник иностранных обычаев». На картине несколько странный интерьер — сочетание тяжелой европейской мебели и хрупких татами.

Остров Десима был расположен фактически рядом с берегом, с которым его соединял мост. Площадь острова в 3924 цубо, предоставленная иностранцам, была разделена двумя перекрещивающимися улицами на четыре квартала. Каждый из них предназначался

для особой надобности: жилая зона, склады и т. п. Корабли должны были прибывать в определенные периоды и бросать якорь у северо-западного берега острова. В 1689 году концессия была расширена и заняла территорию по другую сторону моста, там устроились коммерсанты и проститутки. В глубине Десимы «голландцы» строили дома европейского типа, их образ жизни, их культура понемногу становились известными и дали толчок развитию европейских научных знаний, ставших известными в Японии под названием «голландской науки».

Однако инициаторов преобразований было достаточно. Для того чтобы преодолеть застой и безразличие в общественной деятельности, которые наступили после сильной администрации трех первых сёгунов — Иэясу (1603—1605), Хидэтада (1605—1623) и Иэмицу (1623—1651), некоторые реформы предложил выдающийся философ-конфуцианец Араи Хакусэки (1657—1725). Занимая пост начальника полиции с 1709 по 1716 год, он неустанно повторял, что необходимо следовать идеологии строгости и эффективности, которая позволила в XVII веке навести порядок в феодальной стране. Приняв эту линию, сёгун Ёсимунэ (1716—1745) пытался воплотить в жизнь путем проведения важных реформ, получивших название реформ лет Кёхо (1716—1735). Преобразования были направлены, в соответствии со строгой традиционной моралью, на решение двух главных проблем, с которыми правительство сталкивалось всегда: дефицит финансов и задолженность самураев. Реформа предлагала возвращение к былой умеренности и доказывала преимущества экономики, основанной на сельском хозяйстве. Эти реформы провалились, так как вели к эксплуатации крестьян и купцов еще более тяжелой, чем когда бы то ни было.

Более новаторской оказалась попытка Танума Окицугу (1719—1788), великого камергера сёгуна Иэхару (1760—1786). Способный человек, вышедший из низов, сумевший достичь положения богатого даймё, Танума считал, что необходимо избрать иное направление развития страны. Он горячо поощрял развитие и благополучие купеческого класса, содействуя гильдиям и предоставляя монополии. Для того чтобы ускорить товарообмен, он приказал чеканить монету, — до тех пор деньги всегда

обращались в форме слитков золота, которые разрубались на нужные по весу куски, как это было принято в Китае. Вопреки изоляционизму он содействовал торговле в Нагасаки и даже рассматривал совместный с Россией план освоения Хоккайдо. Хотя основной целью реформ Танума был систематический поиск капиталов, в которых сёгунат испытывал постоянный недостаток, они привели к либерализации, которая окончательно восторжествовала веком позже. Реформы Танума были преждевременными, во всяком случае непонятыми и воспринимались негативно. Последние годы правления Танума омрачились рядом стихийных бедствий и смертью сёгуна Иэхару. Сам энергичный советник впал в немилость. Сёгун Иэнари (1787—1837) дольше других сёгунов династии Токугава оставался у власти. Он пришел к верховной власти очень молодым, и с 1787 по 1793 год регентство обеспечивал Мацудайра Саданобу (1758—1829), один из внуков жестокого сёгуна Ёсимунэ, которым он глубоко восхищался. Шесть лет его правления, известных как реформы лет Кансэй, уничтожили усилия Танума и привели страну на грань голода.

С окончанием регентства (1793) Мацудайра Саданобу жизнь в стране постепенно налаживалась. Установился относительный либерализм, и стали очевидными противоречивые явления: из-за скверного состояния денежного баланса сёгунат был недееспособен и, следовательно, не мог поддерживать свой авторитет в стране и противостоять новому обществу. В стране возобновляется активная деятельность и восстанавливается благополучие. Правда, процветание не коснулось всего национального производства, и изобилие в богатых городах только подчеркивало по контрасту нищету сельских местностей. К этому добавились неудачи из-за природных явлений, и неурожайные годы последовательно сменяли друг друга. Голод и нищета в 1832 и 1835 годах спровоцировали многочисленные народные восстания. Как раз в тот момент и произошел характерный инцидент, потрясший образованных людей. В ведомстве бугё Осаки служил мелкий чиновник, по имени Осио Хэйхахиро. Он принадлежал к группе альтруистов, последователей Ван Янминга (*Оёмэй* по-японски), китайского философа, чьи идеи приобрели в XVII веке большую популярность в среде горожан из среднего сословия. Глубоко сочувствуя страданиям крестьян и переживая нищету, охватившую

деревню и проникавшую в город, он попытался в 1837 году организовать вооруженное нападение на замок Осаки, намереваясь захватить власть с целью более справедливого распределения богатства. Конечно, бугё мгновенно подавил мятеж; однако этот бунт произвел глубокое впечатление в стране. Недовольство достигло критической точки именно в тот момент, когда англичане и американцы, посланцы завоевывающего мир Запада, опиравшиеся на высокий уровень своих технических достижений, появились на Дальнем Востоке. Страх, усиленный иностранным вмешательством, только еще больше усилил понимание необходимости изменений в управлении и скорейшего восстановления власти императора. Реформы Мидзуно Тадакуни (1793—1851), известные как реформы лет Тэмпё (1830—1843), оказались безнадежной попыткой в последний раз спасти положение. Однако это была попытка вернуться в идеализированное прошлое. Политика изоляции и характер власти Мидзуно были настолько жестки, что ничего подобного не происходило даже во времена Ёсимунэ и Мацудайра Саданобу. Давление со стороны европейцев все более возрастало, и Япония испытывала трудности уже не только экономического, но и политического характера. Продолжение хорошо известно: прибытие «черных кораблей» с угрозами коммодора Перри[1] привело к тому, что Япония, этот последний бастион сопротивления западным интересам в Азии, была вынуждена «открыться». Несмотря на общую враждебность по отношению к этим иностранцам, которых в то же время и опасались, несмотря на сильный национализм, который связывал сторонников открытия и сторонников изоляции, сёгунат понимал невозможность вооруженного сопротивления вероятной западной угрозе. Порт Хакодатэ на Хоккайдо и порт Симода открылись для американских судов. В 1854 году по Канагавскому договору американский консул прибыл на постоянное пребывание в Симоду, мирную гавань необыкновенной красоты и очарования, расположенную в южной оконечности полуострова Идзу. Аналогичные договоры были заключены Японией с Англией, Россией, Голландией. В 1858 году Таунсенд Хэррис, первый официальный посол правительства США, подписал договор, полностью открывающий Японию для внешней торговли. Японское общество было глубоко потрясено. В свою очередь иностранцы на протяжении долгого времени не без труда вникали в пересечение иерархий, далеких от конкуренции, не могли понять, в чем состояла разница между императорским правительством и правительством бакуфу. А в это время ненависть к иностранцам и меркантильные интересы расололи японское общество, привели к конфликту различных точек зрения. Открытие страны (*кайкоку*) сама эта страна допускала вначале только как крайнюю меру, не имея средств для сопротивления, способных противостоять поразительным техническим достижениям слишком грозного противника. Если впоследствии через какое-то время Запад и начал представляться Японии источником всякого знания, то первоначально его воздействию приписывались все несчастья, которые суждено было испытать стране. Из своего долгого летаргического сна Япония оказалась грубо вырвана: золото стало утекать из страны, начало сокращаться производство такого важного сырья, как хлопок и шелк, на котором основывалась зарождающаяся текстильная промышленность, цены неотвратимо возрастали.

[1] Перри Мэтью Колбрайт (1794—1858) — американский адмирал (коммодор), открывший Японию западному миру после более чем 200 лет изоляции.

Однако наиболее богатые регионы: Мито, Тоса, Нара, Кисю, Сацума — под руководством предприимчивых даймё сумели из общения с иностранцами извлечь выгоду, установив торговые связи и приобщившись к образованию. В итоге Япония, пройдя через потрясения, в конце концов стала воспринимать Запад, как в былые времена Китай: она стала прилежно учиться, но при этом оставалась сама собой, не превратившись в рабыню. Эпоха сёгунов после отчаянной попытки героического, но бесполезного сопротивления со стороны сёгуна ушла в прошлое. Могущественные кланы, которые прикрывались лозунгом восстановления императорской власти, ставили задачу вывести страну на бесконечный путь модернизации. С помощью кланов Тэсю и Сацума императоры Комэй (умерший в 1867 году) и Мэйдзи (1868—1912) поддержали восстановление императорской власти, которое совершилось от их имени. В 1867 году Ёсинобу, последний сёгун, отказался от власти. Началась эпоха Мэйдзи Исин (1868). Реформаторы, потомки знати и самурайских семейств, объединились

вокруг личности императора Муцухито, или Мэйдзи. Старшему из них было сорок три года, императору — пятнадцать лет. Тесный союз романтизма молодости и опыта зрелости взял власть и стал непобедимым.

Мэйдзи

Огромную силу Японии, несмотря на то что в те годы она не могла выдержать сравнения с заграницей, придавала вера в свою способность к возрождению. Если сыновья самураев могли вынужденно признавать свою слабость, то они никогда заранее не признавали себя побежденными. Реформаторы были глубоко убеждены, что успех модернизации может быть достигнут прежде всего за счет технического развития в тесной связи с культурой. Вопреки ожидаемому встреча Востока и Запада оказалась не столько сражением артиллерии против сабель, сколько столкновением двух способов мышления. Несмотря на свою ненависть или понятное недоверие к потенциальным завоевателям, японцы всегда уважали дух западной цивилизации. Поэтому они оказались достаточно разумны и стремились ее ассимилировать.

Эйфория в подражании Западу продолжалась до 1885 года. Реформы затронули не только государственные структуры, но и повседневную жизнь. На ярких разноцветных гравюрах была изображена Гиндзя того времени: кирпичные здания, конка, в которую впряжены крепкие лошади, молодые люди, разряженные по английской моде, нарядные дамы из хорошего общества в европейских платьях и публика в традиционных свободных шелковых одеждах, небольшие автомобили, которые, как рикши, уносят своих хозяев. На фотографиях — трогательных свидетельствах эпохи, еще достаточно близкой, — мужчины в традиционных японских нарядах с цилиндрами или канотье на голове.

Общество в целом вынуждено было отказаться от своих прежних ограничений. Пять статей указа, изданного в 1868 году, отменяли старинную социальную структуру, на которую опирался режим Эдо; указ декларировал возможность перехода из одного социального класса в другой, ранее не допускавшегося, выбор профессии, создание «совещательных собраний».

Конечно, в реальности все было намного труднее, чем можно судить по официальным документам. Невероятно, но все-таки класс буси, лишившийся основ своего существования и своих материальных ресурсов, не имел никакого значения в общественных преобразованиях, которые сам же и начинал. Правда и то, что на судьбах даймё и их наиболее значительных вассалов изменение режима катастрофически не отразилось: помимо своих резиденций и садов, которые они сохранили, они получили в качестве компенсации солидный денежный капитал. Иначе ситуация сложилась для простых самураев: они поняли, что сокращение ренты посадило их на голодный паек, а вскоре она и вовсе была отменена (1873—1876). Взамен ренты они получили тощий кошелек. Учреждение в 1872 году государственных налогов, заменивших старинные повинности, не изменило ничего в положении крестьян. Не улучшилось и положение купцов, наибольшее процветание которых было связано с «прекрасными днями» феодального общества.

Если изменения в стране не сопровождались немедленными изменениями в жизни маленьких людей, то на высшем уровне происходили совершенно иные процессы. Переменами Япония была обязана своему наиболее умелому и материально обеспеченному меньшинству, которое готово было бороться за первенство Японии среди стран Дальнего Востока. Основание политических партий потребовало установления конституции. После долгой подготовки проекта конституция была одобрена советом императора в мае 1888 года. Согласно ей, в 1890 году предусматривалось создание двухпалатного парламента по образцу английского. С тех пор Япония не прекращала добиваться отмены невыгодных договоров, которые Токугава подписывали начиная с 1853 года.

Наконец-то составив представление о самой себе, новая Япония стала пересматривать ценности, пришедшие с Запада, которыми она заменила, возможно чересчур поспешно, свои традиционные ценности. Конфуцианская мораль снова восстановила свои позиции, поскольку характерные для нее прагматизм и агностицизм соответствовали доктринам, с которыми японцы знакомились в сочинениях Иеремии Бентама, Джона Стюарта Милля и Герберта Спенсера. Восток и Запад встречались в недавно

созданных университетах. «Японский дух и западная наука» (*вакон ёсаи*) удачно дополняли друг друга.

Отныне возведенная в ранг величайшей державы Дальнего Востока, Япония начала играть самостоятельно избранную роль в центре дальневосточной Азии, вся остальная часть которой подчинялась интересам чужеземных стран. Итак, эти воины, которые уже несколько столетий вынужденно жили в условиях мира, почти физиологически жаждали войны. К этому желанию прибавлялись экономические и политические потребности страны в расширении своих границ. Лозунг «Богатая страна, мощная армия!» (*фукоку киохэй*) тогда поистине выражал дух и настроения, которыми руководствовалась Япония, унаследовавшая достоинства предков, в частности постоянную готовность к активным действиям. Активность и в самом деле была присуща сёгунату в великие часы эпохи Камакура. Война с Китаем (1894) доказала превосходство японских вооруженных сил, о котором Запад до тех пор не имел представления. Япония через несколько лет приняла участие на стороне Запада в войне, известной под названием восстания боксеров (1900). Договор, заключенный Японией с Англией, развязал ей руки в Маньчжурии, по крайней мере, возможность действий не исключалась. Но стремление России действовать в районе Тихого океана затрудняло дело, и Япония объявила войну царю (1904). Она вышла победительницей (1905) из этой жестокой борьбы благодаря подвигам генерала Ноги в Порт-Артуре и таланту адмирала Того, проявленному в Цусимском сражении. Япония оказалась первой страной в Азии, которая одержала победу над могуществом Запада. Может быть, этот триумф и не был в действительности столь грандиозным. Кровавый успех генерала Ноги оказался пирровой победой; а успех адмирала Того был достигнут, не исключено, благодаря особым обстоятельствам. Русский флот был измучен продолжительным плаванием и огромным расстоянием, которое ему пришлось преодолеть, и это способствовало легкой победе японцев. Большая часть русских моряков ощущали возможность гибели, понимая, что, потеряв силы в конце длительного перехода вокруг мыса Доброй Надежды, они почти полностью утратят шансы выжить в бою. Потому-то они, покидая Санкт-Петербург, навсегда прощались с родиной.

Если же победа Японии, которую подчеркнула аннексия Кореи в 1910 году, и была блестящей, то ее результатом стала лишь завышенная оценка своих реальных сил. Если рассматривать положение дел под таким углом, то ее можно считать одной из причин, которые впоследствии спровоцировали трагедию 1945 года[1].

Спустя несколько лет участие Японии в Первой мировой войне позволило ей укрепить свое положение еще и благодаря обстоятельствам, из которых она сумела извлечь пользу. Выгода была связана исключительно с военной промышленностью, которая стала неожиданным источником доходов. Это обстоятельство имело только один результат: на какое-то время скрывались серьезные проблемы, связанные с техническим отставанием в ускорявшейся индустриализации страны. К концу войны нищета и безработица стали повсеместными и только усиливали горечь, ощущаемую нацией.

Действительно, Япония воспользовалась отсутствием западных войск, сконцентрированных на западном фронте, попыталась закрепить свои позиции в Китае, где в августе и сентябре 1914 года она захватила все немецкие владения. Протест Китая немедленно повлек за собой послание президенту Юань Шикаю от 18 января 1915 года, знаменитое «Двадцать одно требование», в котором отразилось стремление Японии превратить Китай в привилегированную зону японского влияния и вмешательства. Союзники не пришли в восторг от этих инициатив. Если Версальский договор и не ликвидировал эти требования, то Вашингтонская конференция (зима 1921/22 года) резко положила им конец, ограничив зону расширения японского влияния исключительно Маньчжурией. Весь мир стал опасаться Японии, поскольку считал ее намерения чреватыми. При этом сама Япония чувствовала себя несправедливо лишенной побед, которых она сумела достичь только благодаря своему превосходству и энергии. Недоверие Запада и желание реванша в Японии все более возрастали, и одно определяло другое. Война уже была готова снова разразиться.

В самой Японии оппозиция укреплялась больше, чем когда-либо прежде. Мир политических, финансовых и промышленных

[1] Автор намекает на то, что Япония не только потерпела поражение в войне, но и подверглась атомной бомбардировке.

трестов — замечательных *дзайбацу* — вступал в столкновение с миром военных, несмотря на то что их интересы часто совпадали; левые группировки социалистического толка боролись с правыми ультранационалистами. В этих драматических событиях помимо политической подоплеки отразились и серьезные трудности, переживаемые самой японской цивилизацией.

На протяжении многих лет круги, которые в Японии считались интеллектуальными, теперь с тревогой констатировали собственную беспомощность: они были не в состоянии примирить традиционное уважение к обществу, восходящее к конфуцианству, с индивидуальным процветанием в той форме, в какой оно утвердилось на Западе. Меланхолия, пессимизм охватили современного человека, поневоле оказавшегося в изоляции, неуютно себя чувствующего, зажатого между двумя типами мира. Если эпоха Мэйдзи была периодом надежды, то XX век оказался веком отчаяния. Общество, которое пыталось обрести себя на основе идеи собственного величия, поджидали только опасности.

В силу этого Япония перешла к насильственным действиям. Восемнадцатого сентября 1931 года произошел «маньчжурский инцидент», тщательно продуманный крайне правыми элементами армии. За ним последовала военная интервенция Японии в Мукдене и оккупация Маньчжурии. В Токио кабинет Инукаи попытался добиться, согласно формулировке императора, «вмешательства армии в политические дела нации». Это не помешало молодым офицерам из «Лиги крови» убить министра 15 мая 1932 года. В том же году армия бомбардировала Шанхай и возвела на трон Маньчжурии, провозглашенной независимым государством Маньчжоу-Го, последнего из китайских императоров Пу И, изгнанного революцией. На следующий год Япония, осужденная Лигой Наций после доклада Литтона по Маньчжурии[1], демонстративно покинула эту организацию. Убийства политических деятелей, которые считались чересчур либеральными, следовали внутри страны одно за другом. В 1937 году Япония напала

[1] Комиссия Литтона — комиссия, созданная в декабре 1931 года Советом Лиги Наций для расследования положения в Маньчжурии, оккупированной Японией. Руководил ею представитель Великобритании лорд В.-Р. Литтон.

на Китай, вопреки императору и председателю Совета принцу Коноэ[1], которые придерживались другого мнения и пытались противостоять этому решению.

Развязывание Второй мировой войны, казалось, открывало путь для наиболее честолюбивых планов японских милитаристов. Вступление Японии в трехсторонний договор в 1940 году привело в конечном счете к нападению на Пирл Харбор (7 декабря 1941 года). Японские войска завоевали Гонконг, Филиппины, захватили Малакку. Но эта огромная колониальная империя не оправдывала надежд тех, кто мечтал о создании «сферы процветания Великой Восточной Азии». Морское сражение в Коралловом море (4—8 мая 1942 года) лишило Японию лидерства на море. Она тем не менее не признала себя побежденной. Война оказалась продолжительной и тяжелой. Атомные бомбы взорвались над Хиросимой, затем над Нагасаки (6 и 9 августа 1945 года). Четырнадцатого августа император впервые обратился прямо к своему народу и объявил о вынужденном окончании военных действий. Хотя он и произнес свою речь крайне волнуясь, но без колебаний сообщил, что «следует принять это решение, хотя принять его очень трудно». Впервые за всю историю Японии «священная земля» островов подверглась чужеземному вторжению.

В стране был восстановлен мир, и, несмотря на последствия войны, две цивилизации снова встретились. Победителям и побежденным, невзирая на разногласия, пришлось относиться друг к другу с уважением. Генерал Макартур, начавший политические и социальные преобразования в Японии, фактически позволил ей завершить те изменения, которые были начаты реформаторами эпохи Мэйдзи. Японцы, этот неутомимый народ, оказались побежденными, но их нельзя было уничтожить: в конечном счете они сумели выдержать потрясения мира, сущность которого они с трудом понимали. Благодаря разуму и мужеству им удалось превратить свое поражение в победу.

[1] Принц Коноэ (1891—1945) стал премьер-министром в июне 1937 г., за месяц до начала японо-китайской войны. Премьер-министром был трижды, был вынужден осенью 1941 г. уйти в отставку и во время войны политической роли не играл. Был противником войны с СССР. После окончания Второй мировой войны во избежание суда и смертного приговора покончил с собой.

Часть вторая

Население

Глава 4

СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ

Мало кто из людей столько размышляет о своей семье и вместе с тем так редко разговаривает о ней, как японцы. Традиционно эта тема считается почти запретной, и разрыв между священным семейным началом и общественной скверной является полным. Именно этот барьер побуждает японцев к тому, чтобы запрещать разговаривать о вашей семье с третьими лицами и не позволять вам разделять их семейные чувства. Отец сообщает вам о трагической смерти своего сына со сдержанным смехом, предназначенным в равной мере и для того, чтобы пощадить вашу чувствительность, и для того, чтобы подчеркнуть стыдливость своих чувств.

В Японии семейная нежность является сентиментальной основой, на которую оказывают воздействие события частной жизни и события страны. Родительский дом служит мерилом на пути, который каждый человек проходит в своем личном продвижении, и влияет на его судьбу. Высшая стыдливость скрывает чувствительность японца и, следовательно, определяет его социальное поведение, его участие всегда достигает некоего порога, порога безопасности, мира, а не враждебности, великодушия в отношении ваших чувств, а не безразличного эгоизма или отказа в симпатии. Этот порог начинается в семье, но он обнаруживается и в социально-профессиональной группе и равным образом в общенациональных проявлениях. Жизнь не стоит труда быть прожитой, если только не жить в измерении, где ее содержание определяется многочисленными договоренностями,

которые регулируют правильное функционирование человеческих отношений и отношений между природой и бытием.

Плотность этих соглашений снижается перед калейдоскопом жизни: международные отношения уже нарушили политические зароки, коммерческие отношения нанесли ущерб общественной солидарности, но последний бастион остается все еще живучим. Если первые потрясения и позволяют видеть брешь в системе, нельзя утверждать, что он уже не существует как прочная основа единства населения; возможно, в этом и заключается мощь этого бастиона и залог здоровья нации. Общественная эмансипация всегда разбивается о скалу семейной солидарности.

Дом

Стремление украсить семейную жизнь, объединяющее всех японцев, является тем символом, который каждый японец любит описывать с любовью. Один из выдающихся современных писателей Нацумэ Сосэки (1867—1916) пишет об этом в первой главе своего романа «Врата».

> Соскэ вынес на галерею дзабутон и некоторое время сидел, скрестив ноги, с наслаждением греясь на солнце, но вскоре отбросил журнал, который держал в руках, и повалился навзничь. Стояли погожие осенние дни, и с обычно тихой улицы доносился веселый перестук гэта прохожих. Соскэ лежал, закинув руки за голову, смотрел вверх. Бескрайнее прозрачно-синее небо казалось еще огромнее по сравнению с узенькой галереей. <...> Потом, будто вспомнив что-то, окликнул жену:
>
> — О Ёнэ, как пишется первый иероглиф в слове „недавний"?
>
> <...>
>
> Жена чуть-чуть раздвинула сёдзи и через порог длинной линейкой начертила на полу иероглиф. <...>
>
> ...Наконец он встал, переступил через шкатулку с рукоделием и обрывки ниток, раздвинул фусума столовой, за которой сразу же находилась гостиная. С южной стороны помещалась прихожая, загораживавшая свет, поэтому сёдзи напротив гостиной, которые он открыл, после залитой светом галереи показались Соскэ мрачными и холодными. У самого края галереи, совсем близко от козырька крыши, был обрыв... <...>
>
> ...Когда он мыл руки в небольшом искусственном водоеме, невзначай глянул вверх... <...>
>
> Соскэ вернулся в гостиную и сел за стол. Гостиной, собственно, она называлась только потому, что здесь принимали гостей, это был скорее кабинет, а еще точнее — семейная комната с нишей на северной стороне. В нише, как полагалось, висела картина, перед которой поставили уродливую вазу бордового цвета. Над раздвижными перегородками, разделявшими комнаты, блестело два латунных крюка, лишь напоминая о традиционной картине в раме. Стоял еще здесь застекленный книжный шкаф. Но ни примечательных книг, ни красивых безделушек на его полках не было.
>
> <...> Короку что-то чертил в золе хибати латунными щипцами...[1]

Эта мирная домашняя сцена, которая разыгрывается в 1910 году в крохотном павильоне, не образ исчезнувшей действительности. Конечно, сегодня количество доходных домов возрастает, так как потребности городов заставляют здания расти все выше и выше. В многоэтажных новых зданиях имеются дорогостоящие роскошные квартиры или же крохотные стандартные, пользующиеся спросом ячейки за умеренную арендную плату. Но столь же крохотны и столь же тесны традиционные японские дома. Они были и остаются милы сердцу большинства людей. Являясь компромиссом между японской традицией, предшествующей революции Мэйдзи (1868), и западными технологиями, они соединяют легкость естественных растительных элементов (дерево, бумага, солома) с неорганической грубостью бетона или цемента, используемых для террас фундамента и современных хозяйственных или санитарных построек. Возведенные в большинстве случаев из дешевых материалов, эти дома допускают лишь одно-единственное проявление легкомыслия — яркий цвет черепицы. Эти цвета выглядят особенно вызывающе на фоне однообразной, темной, сероватой или коричневатой цветовой гаммы старинных или зажиточных домов.

[1] Перевод с яп. А. Рябкина.

Предместья больших и маленьких городов, таким образом, ежегодно расширяются за счет новых застроек, напоминающих яркую мозаику из-за этих блестящих на солнце крыш. Новые застройки равнодушно поглощают все, что недавно еще представляло собой рисовые поля, ланды и рощицы: «...Местность, которую он приобрел в пригороде, оказалась до такой степени суха, что выращивать там не могли даже имбирь. И теперь эта местность оказывается превращенной в бунка-мура [цивилизованный город], в котором современные жилые дома, покрытые красной или зеленой черепицей, расставлены по ранжиру» (Акутагава Рюноскэ. *Вилла Гэнкаку*).

Когда огромная масса людей обживает земли, считавшиеся заповедными, на плоских равнинах растут новые населенные пункты с острыми иглами небоскребов — устремленные в небо дерзкие вертикали новостроек. Их металлические основы, залитые цементом, покоятся на подвижных цоколях, способных сопротивляться постоянным колебаниям земли. Но существующий с незапамятных времен павильон, которому теперь угрожает наступление коллективных жилищ, остается символом и материальным воплощением этой непреходящей реальности — семьи.

Понятие «родство в доме» обозначается двумя иероглифами современного японского слова *кадзоку*. Оно представляет собой неологизм или нечто в этом роде, поскольку возникло в XIX веке, для того чтобы перевести соответствующий термин из западных сочинений. Но, перейдя в разговорный язык, оно стало синонимом исконного слова *иэ* — дом. Как и в Европе, это слово долго сохраняло два значения — «здание» и «потомство» (которому это здание служило жилищем или, в более широком смысле, с которым было тесно связано).

Строгость домашнего уклада японской семьи иностранцы часто считают чрезмерной, тяжесть этой ноши, на чужой взгляд, подавляет. Не японец вряд ли выдержал бы груз семейных обязанностей, суровость которых несовместима с демократичностью современного западного общества. Молодые японцы, приезжающие на Запад, казалось, принимают и перенимают западный стиль жизни. По возвращении на родину все в их жизни меняется, и после смерти отца, например, они безоговорочно следуют традициям и долгу, принимают на себя семейное дело, профессию, часто отказываясь от уже начатой собственной карьеры. Обязательства перед семьей еще до сих пор заставляют вступать в брак по расчету, заботиться о всей семье, руководствуясь братскими чувствами, часто в ущерб личным устремлениям. Таким образом, вопреки воле отдельных людей семья всегда присутствует в жизни каждого японца как высший авторитет, даже в городе, который, казалось, благоприятствует анонимности жизни и умножает количество одиноких душ и изгоев. На первый взгляд кажется, что этот разрушительный мир ослабляет первостепенную важность семейных связей; но при внимательном рассмотрении становится ясно, что семья не утратила своих позиций, и именно это оправдывает, казалось бы, совершенно бессмысленное поведение.

Японская семья, несмотря на ветер современности, который, как и в других местах, стремится все изменить, в большинстве случаев живет по патриархальному образцу. Обусловленная стремительным, относительно недавно начавшимся экономическим развитием страны, она в некоторой степени еще близка к состоянию, которое было характерно для европейских семей до начала промышленной революции и развития философии индивидуализма. Некоторые японские историки не без юмора утверждают, что знаменитый «Античный город» Фюстеля де Куланжа (1864) мог бы считаться превосходным пособием для исследования семьи в Японии, если просто изменить термины.

Семейная организация, сильно привязанная к родству по мужской линии и имеющая свой алтарь (родной дом, где сохраняются воспоминания об умерших), плохо вписывается в городской муравейник. Для того чтобы понять ее характер и не спеша разобраться в родственных связях и взаимоотношениях, надо отправиться в сельскую местность.

Все дома в японской провинции имеют деревянные и глинобитные стены, увенчанные крышей, которая хорошо укрывает от непогоды. Общее не исключает заметных отличий.

Дома в Тохоку часто строятся по плану, напоминающему букву L.

Дома в Ниигата-кэн, где довольно долго лежит снег, снабжены защитными портиками.

В домах Нагано-кэн, имеющих двойную крышу, окна могут открываться на крытую галерею, другие дома крыты тяжелыми крышами, наподобие альпийских шале.

Дома в Гифу-кэн стоят под высокой двухскатной крышей, поддерживаемой основной мощной балкой. Жилые и хозяйственные постройки распределены в прямоугольнике.

Для лучшей защиты от жестоких ветров, дующих с моря, дома в Вакаяма-кэн снабжены толстой оградой, которая ставится перед домом или по краю сада, чтобы о нее бился ветер.

Жилища в Сага или Фукуока часто принимают форму буквы V. Внутренний двор, расположенный на северной стороне участка, обычно находится под открытым небом, но иногда общая крыша покрывает и дом и двор.

Наилучшим хранилищем семейных традиций, без сомнения, является далекий Тохоку, лучше защищенный, чем Юг страны, от землетрясений, которые в доисторические времена и на протяжении всей японской истории сопровождали развитие цивилизации от берегов Кюсю до современного Токийского залива. Жилище в старинной деревне (*фурусато-но, сумай*) может быть более или менее просторным, более или менее богатым, но общая планировка дома там всегда одинакова. В доме имеется общее помещение, рядом с которым находятся чуланы или сообщающиеся комнаты, которые соединяются дверями со скользящими створками (*фусума*). Комнаты через раздвижные перегородки (*сёдзи*) выходят на галерею-веранду, которая частично или полностью окружает постройку. Галерея иногда соединяет дом с дополнительными строениями, так создается единая усадьба, что свидетельствует о статусе семьи и ее обеспеченности. Дом может быть расположен в центре участка или зажат между соседними домами на окраине улицы; часто имеет только первый этаж, но иногда и второй этаж или даже мансарду, которая размещается в скатах крыши. Крыша — символ японского дома; она покрывается черепицей или соломой, может быть прямой, или приподнятой по углам, или же очень заостренной, поднятой балкой конька. Встречается и сочетание двух последних способов, как делалось еще в XIII веке. Крыша находится прямо над полом, поднятым на сваи, иногда с низкой балюстрадой. И если можно

так выразиться, на третьем месте — стены: деревянные перегородки или глинобитные, побеленные или просто подкрашенные, удерживаемые балками из цельных стволов деревьев, сохраняющих первозданный вид дерева. Вся конструкция искусно удерживается с помощью системы шипов и гнезд или, чтобы лучше укрепить, веревочными узлами. Вход в дом через скользящую дверь (*косидака сёдзи*) имеет высокое основание из цельного дерева и ведет сразу в просторное жилое помещение. В отдельных случаях помещение, предназначенное для хозяйственных дел, находится просто на утоптанной земле. Жилая комната покрыта циновками (*татами*), сплетенными из соломы, или дощечками. Летом скользящие перегородки, отделяющие одно помещение от другого, обычно открыты для проветривания. Но независимо от того, открыты или закрыты эти перегородки, единство дома создается благодаря крыше, а не комнате. Именно крыша создает образ дома, подобно тому как на Западе этот образ связан с очагом. В японском доме три очага. Прежде всего это жаровня (*хибати*) — большая керамическая банка, заполненная песком, на который кладутся тлеющие угли, — это нечто вроде переносного обогревателя, эффективность которого не слишком велика. Есть и очаг в прямом смысле слова (*ирори*), в котором разжигают огонь и готовят еду, кипятят воду. Но настоящий очаг, тот, который можно сравнивать с европейскими каминами, — это *котацу*. Котацу представляет собой треугольное углубление в полу, в котором помещается жаровня. Сверху ставится низенький стол, и все сооружение накрывается покрывалом или одеялом. Вокруг него могут разместиться шесть — восемь человек, которые подсовывают ноги к жаровне. Покрывало служит своеобразной «конфоркой» для тепла. Котацу — единственное место в доме, где зимой можно согреться от холода, который пронизывает слишком тонкие стены и двери. Объединение всей семьи вокруг котацу придает ему особенную ценность: именно около котацу наиболее отчетливо видна семейная иерархия.

Хотя в наши дни протокол, как правило, и необязателен, особенно перед иностранным гостем, но он все еще соблюдается, когда семья располагается вокруг котацу. Главное место (*ёкоца*) занимает отец. Сбоку от него — место супруги (*хакаца*), прямо напротив нее, как правило, место для гостя (*кякуса*), напротив

отца садится жена сына, это место считается менее почетным (*ёмэдза*). Семейные отношения зафиксированы и в языке. Каждое слово со значением родства указывает место, занимаемое тем или иным членом семьи. Существующие с древности отношения сегодня уже позабыты на Западе, память о них сохранилась в словах, которые обозначают только представителей старшего поколения: отец, мать, дедушка, бабушка, дядя, тетя; обозначение отношений равенства или различия по старшинству между детьми в языке теперь отсутствует. В Японии, напротив (без сомнения, из-за строгих установлений эпохи Токугава), напоминание о месте каждого человека в обществе еще довольно распространено. Каждый член семьи определяется в связи с его внутрисемейным положением. Никогда братья и сестры не называют друг друга по имени. Там говорят только «старший брат» (*о-нисан*) или «младший брат» (*о-отото-сан*), «старшая сестра» (*о-несан*) или «младшая сестра» (*имото-сан*). Обращение, естественно, меняется, когда речь заходит о другом ребенке: второй сын, являясь старшим братом по отношению к самому младшему, оказывается в свою очередь младшим по отношению к своей сестре или первенцу семьи. Таким образом подчеркивается порядок вероятного наследования главенства в семье. Следы этого еще заметны в наиболее распространенных мужских именах: *Итиро* (первый сын), *Дзиро* (второй сын), *Сабуро* (третий сын) и т. д. Имена дочерей не содержат таких значений, поскольку существует традиция наследования только по мужской линии, и дочери не получают столько внимания.

Семейная иерархия выражена не только в языке, но и в распределении обязанностей, которые являются и долгом и честью. Любые изменения при распределении обязанностей, происходящие в доме, предполагают изменения и в положении каждого члена семьи, но это бывает, в общем-то, только в исключительных случаях — из-за болезни или кончины старшего в семейной иерархии. Эта иерархия представляет собой не только перечень обязанностей, но и поддержку и никоим образом не означает порабощения человека; совсем напротив, она для всех является гарантией безопасности, жизнь и ответственность каждого всегда подкреплены жизнью и ответственностью других. Тот же порядок отмечает и отношения между хозяином и наемными

работниками на предприятиях, взаимопомощь семейного типа связывает работников в производственных коллективах, о чем с гордостью говорится: человек, о котором заботится фирма, никогда ей не изменит, и сам он никогда не будет ею покинут.

Женщина

Общая организация семьи и ее солидарность придает браку особенную общественную значимость. Совместная жизнь нескольких поколений под одной крышей остается наиболее частым правилом, одобрение в выборе союза превалирует над «сердечными привязанностями». Новобрачная, покидающая родную семью, чтобы войти в семью мужа, оказывается гораздо чаще в роли «присоединившейся», это не невестка в нашем понимании. Традиционный брак, все еще крайне частый, основывается на сватовстве (*ми-ай* или *кикявасэ*) будущих супругов благодаря хлопотам посредников (сватов; *накодо* или *байсякунин*). Третьи лица, чужие для обеих семей, позволяют себе — везде, где это принято в народе, — продвигать дело; не смущаясь, ведут расследование и предварительные переговоры, и все для того, чтобы пощадить чувства каждого участника в случае неудачи.

Брак, как и раньше, — религиозное событие большого значения. Обряды, хотя и очень простые, символизируют, как и повсюду, переход женщины из одной семьи в другую и напоминают те, что существовали в древности и в европейском обществе. Строгость обряда соответствует старинным традициям синтоистского брака, которые предполагают скромность и сдержанность церемонии. В наши дни кое-кто из буддистов и руководителей новых религиозных сект старается распространять новые брачные ритуалы, нередко свидетельствующие о воздействии христианства. Но хотя новые обычаи и становятся популярными, они в настоящее время еще не слишком распространены, чтобы устарела известная поговорка: женятся как синтоисты, а умирают как буддисты.

Простота не исключает оглашения или торжественности, именно они наиболее прочные гарантии супружеских обетов. В наши дни законная гражданская сила союза не приобрела еще

в Японии обязательного характера, который у нас выражается в том, что мы расписываемся в мэрии. Японцы просто отправляют бумаги в мэрию для регистрации брака, которая в общем-то второстепенна. Важно вступление в семью, поскольку именно она в конечном счете создает или аннулирует союзы. Именно там устраиваются эти дорогостоящие живописные церемонии, чаще всего совершаемые в то время года, которое традиционно считается особенно выгодным для заключения брака.

Семья, которая принимает невесту, должна выразить свое согласие. Умудренная жизненным опытом свекровь высказывает радость по поводу увеличения семьи. Невестка, согласно традиции, избирается скорее по своим добродетелям, а не по красоте или уму. Ведь речь идет о том, что жизнь под одной крышей предполагает прежде всего согласие и мир, и здесь не место личным желаниям. Семья предпочтет отказаться от совместной жизни с новым членом семьи, чем жить в психологическом дискомфорте. Тяжелая совместная жизнь, главным образом в городе, оказывается действительно иногда искаженной формой традиционной семьи. Прочность семейных уз когда-то диктовалась тем, что у каждого члена семьи имелась своя роль внутри хозяйственного объекта, каковым была семья. Ставшая в буржуазной среде единицей потребления, семья утратила (что совершенно естественно) понимание ценности труда, но при этом сентиментальные личные привязанности еще не развились настолько, чтобы заменить прежние хозяйственные отношения.

В наши дни эта проблема снова приобрела актуальность, поскольку рост женского труда и поступление женщин на работу приводят к ревизии взглядов на женский труд в целом. Несомненно, в исторической перспективе возникнет и равенство в труде мужчин и женщин. В Японии, как и повсюду в мире, создаются многочисленные проблемы, связанные с вовлечением женщин в отношения труда и найма. Хотя современная жизнь и связана неразрывно с преобладанием городского быта и промышленного производства, роль мужчины в семье, в сущности, не изменилась, он и в наши дни, как прежде, остается главным добытчиком, обеспечивая существование семьи.

В настоящее время приведены в действие те процессы, которые изменяют в материальном отношении роль и положение

женщины, что, без сомнения, влечет (какой бы ни была идеологическая подоплека) и другие важнейшие изменения. Они (хотя и совершенно по-разному) являются не столько результатом трансформаций, сколько итогом расширения в урбанистическом мире тех явлений, которые уже существовали (к лучшему или худшему) как привычные в крестьянском обществе. Каждый член крестьянской семьи, мужчина или женщина, всегда был работником и оценивался именно как работник. Положение женщины менялось к лучшему медленно, несмотря на то что на это стали обращать внимание чиновники из министерства здравоохранения. Они стремились к тому, чтобы добиться для молодых замужних женщин хотя бы небольшой свободы и увеличения возможностей для отдыха, необходимых для воспроизводства населения. Но ничего не изменилось. Причина была совсем не в семейных отношениях, а в разнообразных трудностях многочисленных маленьких хозяйств и уже, собственно, не в традициях семьи, а в факторах экономического порядка.

Очень часто изменения характерны только для городского населения и не отражают реальную картину в обществе. Так обстоит дело и с проблемой женского труда. Проблемы городского населения не так бросаются в глаза, но стоит лишь соприкоснуться с сельской жизнью в провинциях... Каждая бригада сельских тружеников состоит из мужчин и женщин, так же как и на других общественных работах. Маленькие силуэты женщин, облаченных в широкие штаны и короткие куртки из синей хлопчатобумажной ткани с геометрическим или цветочным узором, — ничего общего с кокетством нашей сельской моды. Лица этих женщин скрыты широкополой шляпой, лоб повязан узкой белой лентой. Ноги обуты в обычные для рабочих сандалии с отделенным перемычкой большим пальцем. На руках перчатки с обрезанными пальцами — женщины работают культиватором, лопатой или киркой. В большинстве случаев завершает их облачение просторный фартук. Этот пейзаж оживляется молодостью домашних хозяек: под широкой шляпой можно обнаружить юное лицо, даже скорые морщины не смогут лишить его живости и ума, которые придаются трудолюбием и самоотверженностью. Здесь скрывается тайна, поскольку молодые или старые крестьянки задавлены тяжелым трудом и, казалось бы, доведены до уровня тяглового

животного, но они радуются жизни и вызывают глубокое уважение у мужчин, своих товарищей по труду. Эти женщины кажутся живой иллюстрацией к древним аграрным обществам, которые не делали различий между юношами и девушками в распределении обязанностей.

Современное японское общество состоит, таким образом, из двух общностей, границы которых размыты. С одной стороны — городское общество, которое так напоминает еще недавнюю европейскую буржуазию, но еще несет тяжелый груз традиционной иерархии; с другой стороны — сельское общество, вызывающее в памяти гармоничность старых аграрных цивилизаций. Ситуация в городском обществе недавно подверглась испытаниям. Кровавая Вторая мировая война, беспрецедентная по своей жестокости в японской истории, изменила демографическое положение, а заодно и традиционные семейные устои. С тех пор положение женщины изменилось, в то же время преобразовалась сама японская семья. Женщина, отныне получившая избирательные права и ставшая во всех отношениях равной мужчине, после окончания войны оказалась объектом особого внимания со стороны правительства. Вступление Японии в 1955 году в международный договор, касающийся политических прав женщин, стало венцом мер, принятых после окончания войны и вступивших в силу после обнародования в 1947 году нового гражданского кодекса. Патриархат, право первородства, узаконенная неправоспособность женщин были отменены по закону. Новая конституция утверждала неотъемлемость человеческого достоинства и принцип равенства полов. Десятого апреля 1946 года японки впервые приняли участие в выборах, и тогда же в парламент наряду с мужчинами были избраны тридцать девять женщин.

Эта эмансипация, полностью соответствующая эмансипации на Западе, открывает новый путь, поэтому можно сказать, что семья доиндустриальной эпохи исчезла в 1945 году. Вековые правила были уничтожены, однако, еще гражданским кодексом Мэйдзи в 1898 году. С 1873 года было признано право женщин требовать развода, но тогда речь шла скорее об эффектной уступке для международного сообщества, чем о глубоких реформах. Фактически патриархат не был уничтожен, право первородства было еще законом, и супруга не могла распоряжаться собственным имуществом без разрешения мужа. Женщина должна была повиноваться всем — отцу, мужу, сыну; о матери, ставшей вдовой, должен был заботиться старший сын или ее отец. Образование женщин до создания обязательных для всех школ (1872) определялось анонимным сборником, знаменитой «Наукой для женщин» (*Онна дайгаку*). Конфуцианская мораль, ввезенная в Японию Кайбара Экикэном (1630—1714), предписывала обучать женщин прежде всего тому, чего нельзя делать, и в результате это стало уделом гейши («та, что осуществляет искусства»): музыка, танцы, поэзия, каллиграфия. Гейши владели утонченными интеллектуальными занятиями, но всегда были в обществе чем-то маргинальным и редко могли конкурировать со скромными домашними хозяйками. Последние же всегда демонстрировали высокие качества души и самоотверженность, которые, украшенные сегодня светом и новым знанием, составляют существенную долю их привлекательности.

Ребенок

Жизнь женщины в Японии все еще нелегка, но и у нее есть мгновения торжества. Это материнство, в котором женщина обретает свое достоинство и смысл жизни. Пролетают годы, проходит молодость, и женщина как мать будущего главы семьи, как свекровь получает в семье реальную власть.

Главная цель брака в Японии — ребенок, на него смотрят (как раньше, так и сейчас) как на личность, он имеет такие же права, что и взрослые. Ребенок считается сокровищем, которое принадлежит отечеству и семье более, чем себе самому. Чтобы полностью войти в семью, невестка должна породниться с ней, соединившись по крови, то есть родить ребенка, лучше всего сына, который будет продолжателем имени и чести рода. Как это было еще в недавней европейской истории — брак заключается ради продолжения рода.

Бездетность женщины, как правило, бывает причиной развода, но это единственная причина, по которой аннулируется брак даже католической церковью. Это положение гораздо больше

соответствует древнему представлению о семье, чем о презрении к женщинам. Целью семьи являлось прежде всего продление рода и его благополучие, а не удовлетворение личных желаний и поиск счастья.

Признание авторитета матери, узаконенное традицией и в то же время искреннее, объясняется не только стремлением к продлению рода. Именно женщина обязана хранить воспоминание о предках. И хотя в наши дни этот обычай утрачивает свое значение, в некоторых деревенских общинах он сохраняется. Если четыре поколения одной семьи живут вместе и если в семье есть хотя бы один мальчик, который уже умеет ходить, его заставляют пересекать мост, перекинутый через реку, — в залог счастья всей деревенской общины.

В разные эпохи японские художники умели передать чувства, связанные с привилегированным положением ребенка в семье. Миягава Тёки (2-я пол. XVIII в.) изображает трогательную картину: ребенок, прильнув к материнской груди, участвует в семейной прогулке под цветущей вишней.

На «Свитке Гэндзи» (XII век) изображен принц Гэндзи, держащий малютку Каору. Черно-белая репродукция передает лучащуюся нежность этой сцены, но за ней угадывается общая печаль: маленький Каору — плод незаконной страсти супруги принца и его племянника Касиваги. Белая одежда (со временем краски изменились, и белый цвет слегка потемнел) указывает на возраст принца, в прошлом он сам был соблазнителем, теперь же оказался обманутым. Белое пятно символизирует растерянность и одиночество персонажа, особенно подчеркнутое красным цветом одежд окружающих. Четыре «Свитка Гэндзи» — вершина искусства ямато-э.

В случае бездетности практикуется усыновление. Однако оно имеет мало общего с принятием ответственности за сирот или брошенных детей в современном европейском обществе. Скорее это напоминает обычай, распространенный в Древней Греции или Риме. Семья, которая хотела бы иметь наследника мужского пола, но потерпела в этом неудачу, может усыновить подростка. Он имеет права, которые имел бы родной сын, но с существенным отличием: он обязан жениться только на старшей дочери усыновившей его семьи. По обычаю его положение ничем не должно отличаться от положения родного сына. Однако на самом деле все происходит несколько иначе: как и молодая невестка, он должен доказывать своим трудолюбием и своими способностями право оставаться в семье, его положение чужака, вошедшего в семью, напоминает положение женщины. Пары, у которых вообще нет детей, обычно сначала удочеряют девочку, если возможно — родственницу мужа. Впоследствии ее супруга также примут в семье в соответствии с общепринятой процедурой. Независимо от того, являлся ли прямым или дальним родственником своих приемных родителей или нет, ребенок, перешедший таким образом в другую семью, становится в ней родным.

Ребенок — краеугольный камень семьи. С мальчиком связана забота о передаче наследства, об управлении семейным имуществом. Но не только это. В ребенке семья продолжает свой род, свое духовное существование. Такое отношение не противоречит тому, что современная семья имеет возможность регулировать рождаемость, ведь речь идет о том, чтобы ограничить количество детей, что, естественно, не отменяет самого принципа обязательно их иметь. В Японии аборты официально разрешены с 1952 года. Тем не менее в стране, приверженной родовым традициям, это не стало новостью. Аборты уже были распространены в XIX веке, когда народ испытывал серьезные затруднения, вызванные промышленным развитием страны и демографическим дисбалансом. Отток населения в города негативно сказался на положении в сельской местности. Население стало регулировать вопросы деторождения самостоятельно. Размах этого явления спровоцировал реакцию общества. Вот как это выразил Сато Набуниро (1769—1850): «Со времен Средневековья должностные лица все меньше и меньше занимаются руководством в сельском хозяйстве, в провинциях даже перестали назначать экспертов, чтобы помогать народу развивать природные ресурсы. Таким образом, несмотря на красоту нашей страны и избыток богатых земель, истощение почвы и отсутствие нововведений привели к сокращению урожая, которого теперь едва достаточно для того, чтобы кормить и одевать население страны. Из-за невозможности прокормить детей это привело к тайному детоубийству, что особенно распространено на северо-востоке и в восточных

областях. Это явление распространено и в регионах Внутреннего Японского моря, а также на Сикоку и Кюсю, но там детей убивают еще до их рождения, создавая, таким образом, видимость, что детоубийства не существует. Местом, где детоубийство представляется крайне редким, является Этиго, но вместо этого там широко применяется практика продажи семи- или восьмилетних девочек в другие провинции в качестве проституток. Действительно, малышки, девочки, предназначенные для проституции, оказались чем-то вроде „специализации" северного Этиго. Некоторые расценивают эту практику как бесчеловечную, но думать так было бы большой ошибкой. Это намного более человечно, чем аборт или детоубийство. Только в Муцу и в Дэва количество ежегодно убиваемых детей превосходит шестьдесят или семьдесят тысяч... Я нахожу, что это невыносимое положение дел... Тот факт, что детоубийство распространилось в различных провинциях, не должен приписываться бесчеловечности родственников. В этом следует винить чиновников, которые не имеют сострадания, которые пренебрегают своими обязанностями посланников Неба и не помогают народу, которые невежественны в вопросах развития природных ресурсов, которые не назначают сельскохозяйственных экспертов и не прилагают никаких усилий, чтобы составить сельскохозяйственную программу, которая поощряла бы труд фермеров и их стремление работать как можно лучше... Если такое положение дел будет сохраняться, то божественное наказание окажется неизбежным. Правительство страны не должно упустить ни малейшей возможности для достижения национального процветания» (Сато Набухиро. *Кэйдзай тайтэн*). Несмотря на отчаяние народа, его защитник знал, чем его тронуть, и обратился к его глубокой любви к ребенку. Только в Японии уважительность к ребенку безгранична — и в маленькой забегаловке, и в роскошных апартаментах ребенок является дорогим гостем, нигде детская живость и непосредственность не ограничивается и ни в ком не вызывает раздражения.

Настоящая японская семья находится между традицией и современностью. Трудно пока понять, какова она сейчас. Однако в большей или меньшей степени в ней заметны черты, которые сложились еще в древности.

Семья

Введенные в заблуждение нашими техническими достижениями, завороженные этими достижениями, мы присваиваем себе заслуги, намного превосходящие заслуги наших предков, уверовав в то, что мы ускорили историю. При этом мы охотно забываем, что японская семья наших дней, как и повсюду, только и делает, что продолжает свою длинную историю, повторяя пройденное. Уже в эпоху Эдо, под властью Токугава (XVII—XIX вв.), положение семьи подвергалось экономической и демографической нестабильности. И несмотря на то что деревня страдала из-за своего тяжелого положения, ее сотрясали мятежи и голод, японское сельское хозяйство все-таки оказалось самым лучшим в Азии.

Владельцы небольших скромных хозяйств сейчас имеют возможность обеспечивать себя, не прибегая к помощи других людей. До распада старинных родов семьи объединяли не только прямых родственников, но и все боковые линии, людей зависимых и слуг. Постепенно семьи-кланы освобождались от тяжкого бремени содержания всей этой армии едоков. Так, крестьяне, обретя определенную независимость, а вместе с нею мобильность, в свободное от сельскохозяйственного труда время занимались ремеслами, постепенно пополняя число мастеровых в городах; богатые землевладельцы могли инвестировать излишек капиталов в зарождавшуюся промышленность. Процесс распада традиционной семьи в наши дни ускорился, но начался он в XVII веке в окрестностях Киото и Осаки, а повсеместным стал только в XIX веке.

Уже не будучи такой обширной, как в прежние времена, современная семья не столь жестко подчинена своему главе. Старинная семья, *иэ*, то есть родовой корень (предшествующая современной семье — *кадзоку*), имела мало прав. Когда-то неповиновение воле главы семьи могло повлечь изгнание из дома, разрыв со всей семьей. Возникновение новой семьи (что соответствовало развитию общества) также определялось этой волей, или же новая семья была обречена. Вопрос отделения от огромного клана в случае признания или, наоборот, отрицания принадлежности к нему разрешался с согласия сёгуната: глава рода обязан был передать одному из своих потомков часть имущества и родовое имя, если оно имелось.

Отделившись от своего корня, новая семья, именуемая *маккэ*, оставалась тем не менее зависимой от материнского ствола, *хонкэ*. После распада родовых отношений выделились три группы родственников в соответствии с их разным общественным и юридическим статусом. *Синруй* объединяла кровных родственников до третьего колена по отцу и деду — собственно семья в прямом смысле слова, — родственники в такой семье должны носить траур по каждому члену семьи. Любое юридическое дело должно решаться с учетом мнения каждого члена семейства. Вторая степень родства — *энруй* — связывала кровных родственников, они носили родовое имя, не были обязаны соблюдать траур и очень редко принимали участие в юридических делах семьи. *Эндзя* — родственные отношения, возникавшие в результате брака, юридических отношений не было.

Основанное на этих традициях семейное право было очень громоздким, но удобным для администрации, поскольку сёгунат очень пристально следил за населением, и в особенности за людьми из самурайских домов. В период правления Токугава конфуцианство стало основой японского образа жизни и семье были навязаны определенные духовные ограничения. Акцент делался, как, впрочем, во всех государственных механизмах, на повиновении. Женщина, конечно, более других должна была быть смиренной и терпеливой, но и мужчины связывались отношениями подчиненности, общественной и семейной. И если общественные иерархические отношения могли вызывать бунт или оказывать давление, отношения в семье интерпретировались в соответствии с космической концепцией мироздания: «Известно, что все люди обязаны жизнью своим родителям, но более глубокое размышление об их происхождении выявляет, что люди существуют благодаря законам природы. Таким образом, все люди в мире суть дети, рожденные от Неба и от Земли, и Небо и Земля — наши родители, которые превосходят всех... Наши собственные родители — действительно наши родители; но Небо и Земля являются родителями каждого человека в мире. Долг человека состоит не только в том, чтобы стараться изо всех сил для того, чтобы служить своим родителям, это всего лишь наименьшая из обязанностей, но в том, чтобы равным образом служить природе на протяжении всей своей жизни, для того чтобы исполнять

свой огромный долг... Добродетель человечества (*чань* на китайском, *дзэн* на японском языке) состоит в том, чтобы объединить служение природе и сыновнее благочестие... Все люди, живущие в доме своих родителей, должны посвятить себя сыновнему служению своим отцу и матери; те, кто служит своему повелителю, должны проявить в свою очередь исключительную верность. Таким же образом, коль скоро мы живем на лоне природы, то должны служить природе и проявить во всей полноте нашу человеческую добродетель... Среди человеческих обязанностей наш первый долг состоит в том, чтобы любить свою семью, уважать всех других людей и, наконец, не обижать птиц и зверей или любые другие живые существа... Любить других людей и пренебрегать родителями или любить птиц и зверей и пренебрегать человеческими существами не добродетель человечности» (Каббара Эккэн. *Эккэн сэнсю*).

Понимание семьи, выработанное в первые столетия феодализма, было совмещено с предписаниями буддизма.

Современная семья действительно оказалась наследием самураев, передавших потомкам энергию и деятельность, предназначенные для выполнения воинских обязанностей, которые на них возлагались. Больше, чем какой-либо другой класс, военные были склонны к стабильности и придавали особое значение наличию мужского потомства, поскольку внутри этой общности всегда не хватало воинов. Отношения между отдельными личностями начиная с эпохи Камакура точно так же оказались подчинены государственным законам и соображениям безопасности: семья зависела от нового вида деятельности, которая должна была обеспечивать ее благосостояние, в свою очередь, семья приобрела те нравственные ценности, которые актуальны и в наши дни.

Женщины, которые имели право наследовать должности и земли, нуждались в мужчине, который принимал бы на себя воинские обязанности, хотя, может быть, и временно, до совершеннолетия наследника. Верховная власть была сконцентрирована в руках главы семейства, который осуществлял связь с правительством сёгуна. Именно глава семьи представлял перед правительством, и только он один, людей из своего рода. Для этих суровых воителей, всегда находившихся под угрозой вероятной

мобилизации, плотские радости или хорошие манеры не имели большого значения; единственная спутница была одновременно супругой и матерью наследников. Конечно, бесплодность женщины делала проблематичным продолжение рода и вынуждала искать женщину, способную родить ребенка; но очень быстро (уже с XV столетия) утверждается лукавый обычай усыновления. Он появляется еще в период Нара, хотя применялся тогда исключительно в пользу единственного наследника мужского пола, но только в эпоху Камакура усыновление приобретает то значение, которое сохраняется и сегодня.

Моногамия, законная основа современной семьи, в Японии, следовательно, традиционно существовала уже на протяжении многих столетий в тех слоях, которые являлись наиболее важными для общества уже в силу своей многочисленности; в среде простонародья она существовала всегда, а по экономическим причинам единство в этом вопросе более или менее утвердилось и среди самураев. В эпоху Токугава двоеженство было не только запрещено, но и наказывалось с жестокостью, соответствующей уголовному праву эпохи, о чем нам сообщают романы Сайкаку (1642—1693): режим сёгуната старался контролировать демографическое равновесие в домах воинов. Кроме того, сильное влияние конфуцианского пуританства, которое пронизывало всю жизнь общества той эпохи, не разделяло, конечно, в этом вопросе морали даосизма. Таким образом, если рассматривать проблему с указанной точки зрения, нынешние законы без натяжек соответствуют обычаям эпохи Камакура.

Однако практика конкубината[1] сохраняется в Японии до сих пор, и если она не столь распространена, как на Западе, то, по крайней мере, более явная. Для того чтобы стать правителем по западному образцу, император Мэйдзи, например, вынужден был назначить официальную императрицу из числа своих супруг. Знаменитый Фукудзава Юкути (1834—1901), боровшийся с полигамией, понимал, что пытается взять хорошо укрепленный бастион: «Учение о моногамии не свидетельствует о педантизме. Я уверен, что большинство народа в нынешней Японии принимает его, и главным образом дамы высшего света, которые полностью на моей стороне. А потому я намереваюсь и впредь на протяжении всей моей жизни действовать, ставя целью уничтожение этого нездорового обычая. Неважно, с чем мне предстоит столкнуться. Я хочу попытаться сделать наше общество более приемлемым, по крайней мере хотя бы внешне» (Фукудзава Юкути. *Автобиография*).

[1] Конкубинат — сожительство мужчины и женщины без намерения вступать в брак.

Следовательно, сосуществовали две традиции, одинаково живучие. Образ жизни воинов всегда был противоположен образу жизни придворной аристократии или тех, кто принадлежал к их кругу. В этих семьях сохранялись более компромиссные дворцовые обычаи, особенно во времена расцвета императорского двора. У аристократа эпохи Хэйан была главная супруга, ее старший сын становился наследником рода. Но кроме того, на вполне законных основаниях имелось несколько официальных супруг второго ряда, как правило, это были младшие дочери из хороших семейств, отданные их отцами. К этим официальным супругам добавлялись женщины скромного происхождения — чаще всего из числа домашней прислуги, — удостоенные мимолетных милостей хозяина и родившие ему детей. Тем не менее высокое положение официальной супруги зафиксировано в том церемониале, который соблюдался в случае ее кончины: «В отношении главной супруги, если она умирает, полагается носить траурные одеяния, даже если у нее и не было ребенка. Однако если речь идет о матери даже нескольких детей, не следует соблюдать траур, потому что муж не надевает дважды траурных одежд для того, чтобы почтить супругу» (Ф. Жюон де Лонгрэ. *Восток и Запад*). Таким образом, для придворной аристократии фактически признавалось многоженство. Однако количество жен было не очень большим, поскольку здесь не возникли гаремы и не было евнухов, как в Китае.

Подчеркнутое превосходство старшей супруги фактически соответствовало китайскому обычаю, введенному сводом законов эпохи Тайхё (701) и эпохи Ёрё (718). В китайском праве положение супруги, чьи права были общепризнанны, отличалось от положения наложниц, не имевших особых прав. Подобная дискриминация никогда не практиковалась в Японии, и это скорее было связано с тем, чтобы защитить права женщины, каким бы ни был ее статус.

Тот, кто говорит о «семье», говорит и о «фамильном имени», было оно патронимическим или нет. Распространение гражданского состояния на все общество в Японии — явление недавнее, так как оно возникает не ранее 1867 года. До этого фамильное имя предоставлялось только семьям, принадлежащим к придворной знати, военному классу или тем семействам, которые были пожалованы специальным разрешением правительства (хотя они по-прежнему оставались простолюдинами). В отличие от западного общества в Японии император был на особом положении. У него так же не было имени, как и у самого бедного крестьянина (именно потому, что он считался наследником богов), а возвращение его многочисленных потомков к обычному человеческому статусу определялось именно тем, что они получали родовое имя, обычно по названию земли, на которой обосновывались. Общество, таким образом, разделялось: с одной стороны трудолюбивая безымянная масса, слуги, с другой — знать, которая ее защищала и представители которой обладали именем точно так же, как и реальной властью.

Под влиянием китайских обычаев избранная часть населения быстро поняла, что в ее интересах установить для себя достойные родословные: только они позволили бы прояснить сложные проблемы и избежать затруднений при наследовании высоких должностей при дворе и в правительстве. Это заметно отразилось уже в «Кодзики» (традиционно датируется 712 годом), затем в «Новом своде регистра семейств» (*Синсэн содзи-року*), опубликованном в 815 году. Таким образом, можно проследить, поднимаясь по шкале времени, генеалогии знатных родов до эпохи Хэйан. Отдельные личности распределены в этих генеалогиях по трем категориям: 1) потомки небесных и земных божеств; 2) потомки императоров и императорской династии; 3) иностранцы — так в ту эпоху назывались семейства, происходящие из Китая и Кореи. Поразительно то, что древность рода больше принималась во внимание, чем заслуги, так что сам император относился ко второму разряду, хотя при этом сущность его власти все-таки не оспаривалась. Конечно, эти заново созданные в IX веке генеалогии полностью вымышлены, и проверка степени их точности была бы затруднительной. Тем не менее важно, что предисловие к этому сборнику представляет ценный документ для

понимания отношений, которые долго существовали среди семей японского высшего света. После сообщения о том, что в Японии обосновались первые корейские переселенцы — подлинные виновники превращения доисторической Японии в организованную страну, — автор продолжает так: «Во время правления Инкё (411—453) между тем семейные взаимоотношения были предельно запутаны. В результате был обнародован указ, согласно которому повелевалось, что лица, приносящие клятвы, будут подвергнуты испытанию кипящей водой. Те, кто приносил клятвы правдиво, оставались целыми и невредимыми, в то время как клятвопреступники были наказаны. Начиная с этой эпохи кланы и семьи были установлены и больше не осталось обманщиков. Реки потекли по своему руслу нормально...

Между тем в период, когда Когиоку (642—645) получил императорские регалии, провинциальные архивы оказались полностью сожжены и молодые и беззащитные люди не имели возможности доказывать собственное происхождение. Интриганы и могущественные удвоили свои ложные претензии. Тогда, в то время как император Тэнти был определен наследником, Эсэки, архивариус семьи Фуна, представил ко двору обугленные остатки архивов. В год металла и Лошади [670] родовые регистры были восстановлены и отношения кланов и семейств полностью прояснились. С этого времени пересмотр регистров всегда мог осуществляться время от времени правителями, которые наследовали друг другу...

В годы Тэмпё Сёхё (749—756) специальной милостью двора все иностранцы, которые подали прошение об этом, были пожалованы фамилиями. Имена, подобные именам японских семейств, были даны переселенцам; это повлекло значительные последствия, поскольку в дальнейшем оказалось неизвестно, какие именно семейства являлись по происхождению чужеземцами, а какие из них были коренного происхождения. И повсеместно находились выскочки, которые претендовали на то, что они происходят от высоких и могучих семейств, и чужеземные переселенцы из корейских королевств претендовали на то, что являются потомками японских божеств. По мере того как шло время и сменялись люди, почти никого больше не оставалось, кто знал бы истину...

В течение последнего периода лет Тэмпё Ходзи (757—764) споры по этому поводу оказались более многочисленными, чем когда бы то ни было. А потому некоторое количество знаменитых ученых было истребовано для того, чтобы составить регистр семейств. Между тем правительство столкнулось с определенными затруднениями еще до того, как работа была завершена наполовину. Ученые были распущены, и составление регистра не было возобновлено...

Наш ныне царствующий славный верховный повелитель [Сага, 809—823] пожелал, чтобы работа была возобновлена с того места, на котором она была приостановлена... Имена тысячи ста восьмидесяти двух семейств включены в эту работу... Этот труд не предназначен для развлекательного чтения... Являясь между тем ключом для отношений между людьми, он оказывается важным инструментом в руках нации» (*Кёгаку соси*).

Этот текст демонстрирует (вплоть до состава семейств), насколько японской цивилизации была присуща двойственность, в результате чего иностранные пришельцы, хотя и ассимилированные и почитаемые, в то же время (насколько возможно) отодвигаются в сторону и никогда полностью не сливаются с автохтонными элементами. В нем также показывается, что с началом идентификации семейных групп они фактически тесно связывались с ролью и рангом семьи в обществе. С эпохи Хэйан, благодаря *кабанэ*, то есть именам, происходящим от названий официальных должностей, становится понятным, почему старинные родовые имена (*удзи*) носит столь большое количество людей. *Кабанэ* указывали на то, что данное лицо являлось важным «винтиком» в обществе, в большей мере, чем имя, которое относилось к людям, связанным кровным родством. Люди скромного происхождения, не имевшие права на получение ответственных должностей, находившиеся вне политики, тем самым с точки зрения власти не нуждались в идентификации. Триумф демократии (свободной или авторитарной) обеспечил каждому члену общества имя, подтверждающее, таким образом, его гражданский статус. Однако следы старинных объединений вокруг феодала еще ощущаются во многих деревнях: там распространены только одно или два имени и поэтому фамилия пристраивается к местным *кабанэ*. Так прошлое соединяется с настоящим.

Длительное время японская семья могла казаться гигантской машиной, перемалывающей отдельных людей, основанной на подавлении слабых, в том числе женщин; тем не менее необходимо подчеркнуть ее подлинную или относительную мягкость. Японская цивилизация всегда колебалась между двумя полюсами. Она постоянно восхищалась китайской моделью, суровые правовые установления которой были отражением идеи этатизма[1], которая в целом господствовала в стране. Однако японская цивилизация вынуждена была постоянно подчиняться необходимым условиям феодальной жизни. Последствия этой двойственности остаются ощутимыми в семейной организации, равно как и в организации управления. Если законы сохраняли видимость государственной мысли, то человеческие отношения выстраивались по феодальному образцу. Даже и сегодня в повседневной вежливости, требующей разговаривать с величайшей сдержанностью обо всем, что имеет отношение к своему собственному дому, и в иерархии отношений проявляется подчеркнутая архаичность. Ну и что из этого? Ведь свобода и счастье на уровне отдельных индивидов выражаются в очень личной оценке, связанной с простыми, порой незначительными ежедневными событиями.

[1] Этатизм — воззрение, абсолютизирующее роль государства в обществе.

Глава 5

ИМПЕРАТОР КАК ЯВЛЕНИЕ

Когда император Японии оставил недавно свои земли и свой народ, то он порвал с традицией, столь же древней, как и его страна: *тэнно* не покидал священной земли островов, даже на мгновение. Однако современный правитель император Хирохито[1] был вынужден пожертвовать традицией, повторив путешествие, которое он совершил во времена своей молодости, как напоминание о далеких временах, когда он был еще только наследным принцем. В наши дни, без сомнения, подобное решение не удивило бы никого. В Японии в то время шли дожди, так что японцы с юмором, но не без волнения говорили, что солнце, которое столь непривычно отсутствовало на японском небе в этот обычно мягкий период осени, возвратилось туда спустя две недели, когда вернулся император. Можно спросить, пошла ли на пользу императору, по мнению иностранцев, эта поездка по Европе? В западных странах, где глава государства, независимо от того, представительствует ли или обладает реальной властью, кажется оратором, пророком или просто очаровывает, он всегда производит то или иное впечатление. Мог ли получить сдержанный японский повелитель хоть какой-нибудь шанс на то, чтобы его оценили? Комментарии печати были малочисленными и в целом не слишком восторженными. Воспоминания о последней войне еще свежи; призраки мертвых, погибших во имя патриотизма и императора, составляли его скорбный эскорт.

[1] Хирохито (1901—1989) — предпоследний японский император.

Несмотря на новые времена и демократическое законодательство, император все еще не считается таким же человеком, как все остальные. Он не принадлежит и к таким королевским династиям, представители которых по старинной привычке общаться с народом становились его «хорошими знакомыми». Король Франции рождался и умирал публично, до сих пор не без умиления упоминают о народных толпах, которые спешили в Версаль в определенные дни, для того чтобы увидеть, как король ест. Но император Японии, даже оказавшись среди обычных людей, как это вдруг с ним случилось в момент поражения в 1945 году, остается существом за пределами общества; если он и не является больше живым богом, то не стал и первым среди граждан.

Между тем свидетельства о его повседневной жизни широко опубликованы; высокие человеческие качества императрицы заставили любить императорскую чету как семью, которая, благодаря своему стремлению к простым семейным радостям, старается соответствовать лучшим традициям своего народа. Но император и сегодня, как некогда, ускользает от общего правила. Он не представляет, как наши европейские короли — вершина иерархической постройки — были уничтожены или отменены. Его существо — одновременно духовное как воплощение национального духа и материальное как воплощение японской земли — представляет собой посредника между людьми и неизвестностью того, что находится по другую сторону бытия. В нем заключается все непостижимое; это человеческий образ, воспринявший дух Японии, подобно тому как в каждом синтоистском храме бог скрывается в особенных предметах — мече и зеркале, двух непременных атрибутах императорской власти. Несмотря на частые (чтобы не сказать постоянные) попытки иностранных теоретиков истолковать императорскую власть, император Японии остается неотъемлемым элементом синтоизма: является ли он богом или нет, является ли он человеком или нет — совершенно неважно, так как в этом вопросе не может быть антиномии.

Оберегающее присутствие императора в Японии столь же легко почувствовать и трудно определить, как наличие синтоизма. Речь идет не о человеке, власти или религии, но о царстве духа.

Путь богов — *синто* — выше всех разнообразных верований и псевдобожеств, существующих в Японии в таком количестве, сколько журчащих источников или густолиственных деревьев, этих загадочных явлений трепещущей жизни. К синтоизму принадлежит все, что находится «выше» (*ками*), все, что частично или абсолютно непонятно для простых смертных. Само определение *ками* дается не слишком строго, оно иногда связывается с понятием о смерти. *Ками* является все, что ускользает от непосредственного контроля человека: элементы и силы природы, столь свежей и столь же живой в Японии, загадочные существа — умершие, о которых не дано знать, куда отправились их души, освободившись от материальной оболочки. Первым среди всех *ками* (что вполне естественно) оказывается солнце, появление или исчезновение которого подчиняет своему ритму всю жизнь и обусловливает ее. Солнце было *ками*, и *ками* оно будет оставаться, без сомнения, еще долго, так как научное объяснение явления еще не означает отрицания его могущества. То же относится и к императору: он больше, конечно же, не является богом — он и сам утверждал это на следующий день после поражения, но он живет и должен осознавать, что без него нация прекратит свое существование, ибо он является центром японского мира. Как некая виртуальная точка император одним своим существованием осмысляет и координирует усилия целой страны. Человеческая личность верховного правителя здесь не имеет значения, как не имела значения никогда. Чисто западное, почти не переводимое на японский язык понятие «личность», основанное на индивидуальности и своеобразии, не имеет никакого смысла, когда речь заходит об императоре Японии. Каковы бы ни были его положительные качества — а они часто бывали выдающимися — или недостатки, они никак не изменяют глубокой природы символа, посредника между богами и людьми; император есть, он не нуждается в том, чтобы утверждаться. Никакое иностранное вмешательство не способно уничтожить существование императора; он альфа и омега государства. Только сами японцы способны определять и модифицировать тайное содержание этого феномена — японский император.

Конечно, функции *тэнно* были определены юридически. Последний раз — в 1946—1947 годах, когда у него была отобрана

подлинная власть. Участие императора в некоторых важных событиях национальной жизни, однако, выражает его фундаментальное значение в качестве символа государственности и одновременно в качестве символа единства народа: назначение премьер-министра и высших должностных лиц верховного суда; оглашение дополнений к конституции, законам, решениям кабинета министров и договоров; созыв парламента; роспуск палаты представителей (но не сената), объявление всеобщих выборов в парламент; подтверждение назначений государственных министров и принятие отставки министров; принятие полномочий иностранных министров и верительных грамот послов; утверждение постановлений об амнистиях, замена приговоров, наказаний и восстановление в политических правах; назначение на почетные должности; подписание дипломатических документов. Это длинное перечисление не должно создавать иллюзию относительно подлинной власти императора в наши дни: ни один из государственных вопросов, требующих императорского вмешательства, не может осуществляться без согласия кабинета министров. Реальная политическая роль императора, таким образом, если даже и не ликвидирована полностью, то, по крайней мере, предельно ограниченна; сёгуны дальше и не заходили, но народные представители присвоили себе почти все властные прерогативы. Однако сегодня, как и в былые времена, духовная значимость личности императора, как и сама идея, сохраняет свой престиж и вызывает благоговение. Как и его далекие предки эпохи Хэйан, император одновременно и главное действующее лицо, и душа церемоний, исполнение которых его важная обязанность. Духовная составляющая не утратила своей силы, и японская нация все еще объединяется вокруг своего императора.

В предвоенные годы восторженность иного рода была вызвана совершенно иным состоянием духа. «Национальный дух обрел свои политические корни, когда достиг понимания, что нация составляет единую семью, у которой в роли патриарха всегда был император, — концепция, которая исключает индивидуализм и классовое сознание Запада» (Мацуока Юсукэ. *Современная Япония*).

Возможно, что именно тогда (более, чем когда бы то ни было в японской истории) император становился знаменем, которое

каждый присваивал себе, зеркалом честолюбия отдельного человека, экстравагантной маской, за которой прятался доведенный до крайности национализм. Национализм отчасти был реакцией на иностранное влияние, которое насаждал император Мэйдзи. С 1925 года возникло новое явление: от представительского режима, установленного конституцией 1889 года, государство скатывалось к старым бюрократическим традициям. Действительно, согласно этой конституции, император после крушения сёгуната снова стал активным главой государства, теоретически располагал всей политической властью. На самом деле все намного сложнее: законодательная власть императора ограничивалась обязательными санкциями императорского парламента; административная власть была обязана принимать в расчет мнения государственных министров; судебная власть, наконец, фактически должна была осуществляться судом от имени императора. Комплексное функционирование всех этих механизмов оставляло довольно большую свободу для интриг и лоббирования, защищающих интересы разных групп. Такое положение привело к волнениям и грубым действиям, которые выдвинули на передний план военных. Японская экспансия в Азии, вызывающий «маньчжурский инцидент» (1931), продвижение к власти военных из штаба главнокомандующего, военный мятеж 15 мая 1932 года — все это предвосхищало политическую ангажированность армии, скорее готовой к общенациональному самоубийству, чем к поражению. Эти события происходили независимо от воли императора, согласие которого было желательно, но не рассматривалось как необходимое. И все же, напоминала конституция Мэйдзи, личность императора священна и неприкосновенна. Но без сомнения, слово «личность» тогда не подразумевало наличия разума и воли.

Император, происходивший от богов, создавших Японию, имел в качестве предка солнце. Идея непостижимая на первый взгляд — результат экстраполяции легенды о вечности династии, которая берет начало в доисторических временах Японии и поэтому может считаться, как, например, династия, правившая в Эфиопии, наиболее древней царствующей семьей в мире. Принадлежность династии к солярному божеству, таким образом, может трактоваться как трогательный романтический образ древ-

него национального культурного единства. И мало значения имело то, что этот образ связан с существами, обладающими сверхъестественным могуществом; нисходящая линия поколений на протяжении полутора тысяч лет, которая подтверждается современной историей и археологией, достаточно продолжительна, чтобы создавать эмоциональную связь. И именно в этом состоит суть: в самой идее преемственности, изначальную точку которой нельзя даже определить, настолько далеко она уходит в глубь времен; в успокаивающей идее бесконечной легитимности, которую никакой довод не мог оспорить, так как ее корни уходят в бесконечность, превосходящую разум. И только солнце в своей очевидной вечности могло передавать ее изображение. Однако вульгарная интерпретация или же тенденциозная деформация той же идеи ради достижения конкретных политических целей приводила к совершенно иным результатам; таким образом, сформировался *тэнноизм*, позорное воспоминание о котором во всем мире еще и сегодня наносит ущерб императору. Установление синтоизма в качестве государственной религии (1870), национальная гордость, которую никогда никакое вторжение не уничтожало, традиционное пристрастие к возвышенным военным подвигам, ожесточение страстей из-за экономических затруднений заставили постепенно обожествлять императора. Высшее консервативное чиновничество, которое сопротивлялось демократическим начинаниям, вынашивало мечты о том, что *тэнно* призван править миром. Министр Мацуока Ёсукэ вещал в 1933 году с трибуны Лиги Наций: «Через несколько лет мы будем поняты миром, как им был понят Иисус из Назарета... Миссия Японии состоит в том, чтобы руководить миром, духовно и интеллектуально... Япония станет колыбелью нового мессии».

Тем более тяжелым должно было показаться крушение в 1945 году. Император тогда воспринимался как создание последних правительств, он более не был просвещенным правителем эпохи Мэйдзи, но стал деспотом, наконец-то лишенным трона; самоубийства военных следовали одно за другим; иностранцы не были бы удивлены, если бы и император совершил его. Им было не понять, что именно император являлся тем единственным человеком в Японии, который не мог искать убежище в смерти: на нем лежит тяжелый груз, он есть воплощение нации, и он не

может добровольно освободиться от этого бремени. По этим причинам император безропотно сносил унижения и не мог совершить ритуальное самоубийство, которое сохраняет достоинство обычных людей.

Сакральность императора

Религиозное поклонение императорской семье, особенно развивавшееся с конца XIX века, корнями уходило в эпоху Эдо. Камо-но Мабути (1697—1769), Мотоори Норинага (1730—1801), Хирата Ацуцанэ (1776—1843) были главными создателями идеи *тэнно* — абсолютного религиозного поклонения императорскому дому, — которую Мотоори Норинага выразил с исключительной силой: «Наша страна — родная страна Богини, сверкающей на небе, которая распространяет свет на все страны, находящиеся в четырех морях. Наша страна является источником происхождения всех остальных стран, и во всем она превосходит прочие государства... Императорская династия, царствующая в нашей стране и распространяющая свой свет на весь народ, — это потомство Богини, сверкающей на небе. В соответствии с повелением, которое им дала Богиня, царить вечно, как небо и земля, династии императоров предназначено повелевать нацией бесконечно до конца времен, пока мир будет существовать. Таков наш Путь» (*Мотоори Норинага дзэнсю*).

Идея *тэнно* отвечала рефлексу национальной гордости, это был резкий выпад японского общества против господства неоконфуцианства, политическая жесткость которого затмила романтику драм и потрясений былых времен. По мере того как развивались первые филологические опыты изучения классики, японские ученые стали исследовать старинные формы синтоизма (*ко-синто*), такие, какими они, без сомнения, были до того, как синтоизм был вынужден отказаться от своего первоначального вида, в те далекие времена, когда ни буддизм, ни конфуцианство еще не поглотили синтоизм своими категориями. Недоверие феодальных структур уже существовало: уже *суйка синто* Ямадзаки Ансай (1618—1682) подчеркивал свое благоговение перед императорской семьей. Хаяси также писал об этом, хотя

и находился на службе у Токугава и был образцовым представителем конфуцианской ортодоксии. Тем не менее он проповедовал в Киото необходимость наивысшего почитания императора.

Идея в самом деле имела успех, поскольку в ней обрели почву для взаимопонимания и течение, направленное на восстановление национальных ценностей, и течение, которое стремилось к китаизации: первые памятники японской литературы и китайская философия вращались вокруг понятия верховной власти. Если перипетии Японии XX века рассматривать как следствие предшествующего опыта, то они уже не удивляют. На Дальнем Востоке никогда не проводилось, как на Западе, четкого различия между кесарем и Богом, если это разделение вообще когда-либо соблюдалось в действительности даже в тех странах, которые придумали упомянутый принцип. Японское представление об императоре, таким образом, страдало от двойственности, которая на протяжении веков была источником многих недоразумений, зачастую драматического характера. На это представление оказывала влияние близость Японии к Китаю, даже сам император испытывал это воздействие китайской концепции императорской власти.

В китайских конфуцианских и правовых концепциях император, считавшийся «сыном Неба», оставался человеком. Но это был человек, личность которого оценивалась тем, что он был избран Небом первым среди людей, совокупность которых составляла связь между квадратной землей и круглым небом. Китайский император был основой Вселенной; его символ — дерево Кэн — располагался в центре неба и земли, там, где в полдень не существует ни тени, ни эха. Императору выпала священная миссия обеспечивать беспрерывное движение механизмов Вселенной, а человеческая общность в ней представляла наиболее законченный аспект. Он, безусловно, являлся религиозным главой, но религия смешивалась тогда с регулярным движением государства: человеческие качества, даже добродетель, и религиозная практика рассматривались как предпосылки удачи в материальном мире. Сын Неба был облачен всемогущей и вездесущей властью. В нем должны были соединяться и концентрироваться все добродетели, а от его большей или меньшей мудрости зависел неостановимый ход дел в стране: «Для того чтобы управлять

народом и империей, не существует ничего более эффективного, чем добродетель, ничего более действенного, чем справедливость. Благодаря добродетели и справедливости народ проявляет трудолюбие и не возникает потребности прибегать к наказаниям. Именно такой была форма правления Чэн Нонга и Хуан Чи. Благодаря добродетели и справедливости безграничность четырех морей, воды рек и потоков не может стать угрожающей. Высота горы Тай-шань, опасная крутизна горы Хуэй не могут создать препятствия. Поэтому добродетель древних царей мирно охватывала весь мир и мирно разливалась до четырех морей» (Лю Пу Вэй. *Лю че чунь цзы*).

Экономический застой, бедствия, голод, эпидемии рассматривались в Китае как предупреждение природы: они означали для подданных и для императора, что он больше не гармонировал с космическими силами: «Когда горы обрушиваются и реки пересыхают, то это предзнаменование гибели государства» (Сыма Цянь «Исторические записки»). С этого момента свержение неспособной династии становилось законным. Новый основатель династии обычно появлялся из бури и предъявлял доказательства того, что он достоин мандата Неба. Пришедшие в Японию вместе с конфуцианством в эпоху Асука, эти представления в той или иной степени оказывали влияние на японского императора и его народ.

В том же направлении еще из эпохи Эдо шло развитие конструктивного исторического разума, озабоченного моральными «уроками» и доказательствами. В XVII веке началась новая эра, которая связана с историческим видением национального прошлого. Оно должно было рассматриваться уже не в легендарных аспектах, а в соответствии с повествовательной строгостью китайских анналов. В 1657 году Токугава Мицукини (1628—1701) — внук первого сёгуна из дома Токугава и один из главных приверженцев неоконфуцианства — собрал в своих землях в Мито группу, которой было поручено полностью пересмотреть историю Японии в свете принципов китайской исторической науки. Эти принципы до того времени понимались иначе. Ученым следовало выявить, какие реальности скрывались под древними мифами, а не заниматься изысканием причин недавнего переворота; они надеялись способствовать укреплению морали и социального

строя, основы которых, как полагалось, нужно было извлечь из событий мифологического прошлого: «Пишите ее [историю], сохраняя верность событийной основе, и моральная сопричастность проявится открыто. От древности до настоящего времени обычаи и традиции народа, были ли они изысканными или грубыми, равно как и правительство и управление во времена, сменявшие последовательно друг друга [приводившие к процветанию или к гибели], будут изложены черным по белому так же ясно, как если это были вещи, которые мы осязаем. Хорошие поступки служат тому, чтобы вдохновлять людей, а плохие — чтобы их удерживать от плохого, таким образом, пусть мятежники и предатели дрожат в страхе перед судом истории. Таким образом, образование и поддержание общественного порядка получат от этого большую выгоду» (*Дай Нитон Сит*).

Следуя китайскому примеру — «Истории великой династии Мин» (*Та Минче*), — эта работа должна была закончиться составлением «Истории великой Японии» (*Дай нихонси*), первые тома которой появились в 1715 году. Исследование завершилось морализацией, исключив какое-либо иное рассмотрение, так что ничего в конечном счете не было изменено в старой мифологической хронике. Идея лояльности, которую все должны выказывать императорскому дому, от этого только усилилась, тем не менее передача государственных дел в руки императора не предполагалась.

Сторонники научной истории также пытались исследовать проблему императора и возникновения императорской власти. Один из них, Араи Хакусэки (1657—1725), историк, философ и известный политический деятель, имел смелость обнародовать некое открытие в китайской мысли, не связанной с феодализмом, но это не понравилось сёгуну Ёсимунэ, и автор оказался в немилости. Вынужденная праздность, которая последовала за этим, предоставила ему свободное время для размышлений над легендарным происхождением Японии, миф о котором, как предполагалось, должен был усиливать императорский престиж. Мудрость мыслителя уберегла его от дальнейших неприятностей, так как эта идея устраивала, вероятно, всех — и цензоров сёгуната, и сторонников пересмотра представлений об императоре: мнения сошлись. «Японские источники по этому периоду [древности]

редки, это правда, однако в китайских исторических сочинениях начиная с „Позднейшей истории Хань" присутствуют сведения, которые касаются нашей страны, и там приводится много ценных сообщений. Между тем их обычно считают россказнями и выдумками, почерпнутыми из иностранных источников, и мы проходим мимо них, не уделяя им никакого внимания и не удостаивая их изучением. Кроме того, три корейских государства в эпоху Хань были заморскими областями нашей страны в течение четырехсот лет, и их архивы часто подтверждают или дополняют нашу информацию, но и их презирают точно так же. Таким образом, историки Мито опираются на „Хроники" и больше ни на что другое; и в силу этого история нашей страны оказывается повествованием о мечтаниях, привидевшихся во сне... Люди обычно желают прославиться благодаря своим знаниям и своей доброй репутации; но с тех пор, как моя репутация ученого достигла Китая, Кореи, Рюкю и даже Голландии, путешественники из этих стран спрашивают время от времени о том, что у меня нового, но их интерес ко мне стал одной из причин моих несчастий. Учитывая мой пожилой возраст, я должен считаться с фактом, что мои дети и мои внуки рискуют пострадать из-за этого интереса. Уже семь или восемь лет я пытался держаться в тени, и мне рассказывают, что людей, которые меня критикуют, не так уж и много. Именно эти причины заставляют меня сомневаться, следует ли мне публиковать мои труды. Я твердо заявляю: я могу довериться мнению людей лишь через век или два века после моей смерти» (*Араи Хакусэки дзэнсю*). Это не было научной дискуссией, но в этой ситуации отразилось философское противостояние двух точек зрения на происхождение государства.

Действительно, в Японии (возможно, в большей мере, чем в другой стране) власть использует людей и вся японская история представляет собой только длинное недоразумение между законностью и реальностью власти. Великие законодательные изменения, потрясения зафиксировались в тексте сводов законов — под влиянием Запада — только с XVIII века, который возродил составление законов по китайскому образцу: парадоксальным образом Восток и Запад дали одинаковую оценку японской истории. Современные юридические акты не ввели, впрочем, ничего нового, поскольку уже в XIX веке Баба Тацуи (1850—1888)

написал: «Учитывая природу идеи государства, суверенитет должен заключаться в народе. Он может находиться в руках императора согласно времени и обстоятельствам, но с развитием прогресса в деле просвещения народа и процветания страны он должен в конечном счете находиться у народа... В Японии он заключается, без сомнения, в личности императора уже две с половиной тысячи лет, но его следует возвратить народу по его требованию через несколько сот лет, когда судьба страны будет изменена и когда народ будет единодушен в том, что следует превратить монархию в демократию» (Баба Тацуи. *Автобиография Канэко Кэнтаро*).

Двойственность власти

Конфликт между законной властью и реальной властью составляет основу истории японской администрации. Мы его уже рассмотрели в первых главах, но необходимо вспомнить основные факты для того, чтобы лучше понять развитие процесса. В течение почти трех столетий сёгуны из рода Токугава властвовали над феодальным централизованным государством, в котором император играл второстепенную роль. Эта сильная власть фактически была рождена зрелым феодализмом. В эпоху Муромати (XIV—XVI века) феодализм находился в процессе дезинтеграции. Этот период поистине богат событиями и изменениями. Представители военной верхушки (*сюго* и *дзито*) в эти времена волнений и гражданских войн постепенно занимают административные должности на местах и, следовательно, вступают с рядовыми воинами в отношения вассальной зависимости. В XV веке они подчиняются некоторым могущественным *сюго*, которые становятся крупными вассалами (*даймё*), а в XVI веке даймё начинают зависеть от сёгуна. Постепенно эта иерархия, обусловленная экономическими причинами, оформилась в пользу сюзерена, но не в пользу императора. И если бы сильный правитель забрал власть из рук сёгуна, историческое положение Японии можно было бы сравнивать с европейским феодализмом того же исторического периода.

Но все происходило иначе, и сёгуны Асикага были заменены новыми людьми Нобунага и Хидэёси, которые упразднили

административную централизацию (*гун-кэн*), и феодалы освободились от вассальной зависимости (*хо-кэн*). Без сомнения, поражение Годайго еще сохранялось в их памяти. Смятение царило тогда почти повсюду, и страна находилась во власти грубых анархических поползновений глав кланов. Япония, предоставленная самой себе, никогда ничего не отменяла. Обычай создавал силу, обычай, а не тексты становившегося все более и более темным (в силу деятельности религиозных, семейных или феодальных партий) законодательства. Феодализм всегда был прагматичным: в расчет идет человек, привычка, «обычай», но не закон, который понимается как абстракция. Таким образом, правительство в XVI веке становится «многоголовым»: император и его *кампаку*, *сёгун* и его *сиккэн*. *Кампаку*, регент, — должность, которая досталась семье Фудзивара в 882 году, — всегда становился как бы ширмой между правителем и механизмами управления. *Сиккэн* был представителем сёгуна; эта должность, с начала XIII века доставшаяся семейству Ходзё, предполагала выполнение как гражданских, так и военных функций; Ходзё долго пользовались своим влиянием, предоставляя в распоряжение молодого правительства Камакура свой престиж владельцев вотчин, расположенных вокруг столицы, покинутой реформаторами. Но это преимущество создавало и неудобства, вытекавшие из вынужденного участия в интригах вокруг двора; парадоксально, но клан Ходзё в конце концов потерял всю власть из-за своего храброго сопротивления монголам: в то время никто не понимал, зачем нужны военные усилия, в результате которых ничто не завоевывалось и добывались трофеи. Что касается сёгуна, то он в период Асикага оказался всего лишь человеком без реальной власти и пользовался своим потенциальным влиянием только через аппарат многоступенчатой вассальной зависимости. Система прямой вассальной зависимости была учреждена Минамото, но вскоре распалась. Желая воспользоваться этим положением дел, Годайго (1318—1338) прибегнул к оружию: в своей интриге «*сёгун* против *сиккэна*» он попытался снова взять в руки реальную власть. Но его попытка, отчаянная, по мнению историков, слепая, сумасшедшая в феодальном государстве, которым являлась тогда Япония, закончилась громким провалом. Итак, отметим значительный факт: последующие суждения, пусть смягченные восхищением, адре-

сованным сильной личности императора, должны были показаться достаточно суровыми. За успехом Годайго, который лично был отмечен всеми достоинствами выдающегося деятеля, последовали драматические события: раскол в двух конкурирующих императорских династиях, бесконечные войны, разорение и нищета народа. Катастрофа наступила очень скоро — инициатива императора была исторически несвоевременной. Символ и национальная надежда, император не имел права вмешиваться в суету этого мира. Совершая это, он теряет свою сущность: любое человеческое дело по своей природе неоднозначно, император не имеет права подвергать себя суду подданных. Подобные оценки, впрочем, появляются не во времена неудачной попытки Годайго, но только тогда, когда феодальная организация сёгуната заменила императорскую систему правления, и это стало необратимым явлением.

Реальную административную, военную и политическую власть осуществлял сёгунат, что было санкционировано кодексом 1232 года. Император оставался главой государства со всеми полномочиями, но больше не стоял во главе армии. Эта роль была отнята у него феодалами, которые после усмирения восточных провинций твердо держали войска в своих руках; теперь они представляли собой военную аристократию, которая желала быть независимой от императора силой. С VIII века «главнокомандующий, усмиривший варваров» (*сэй-и-тай сёгун*) играл главную роль в военных делах, но в 1192 году этим титулом, дарованным императором Ёритомо, стал называться военный предводитель, принявший полномочия от императора. С тех пор *сёгун*, глава феодального класса, на законных основаниях контролировал вооруженные силы. У императора оставалось только право властвовать над гражданскими лицами. Центральная власть, таким образом, оказалась раздвоенной: императорская администрация обосновалась в Киото, а администрация сёгуната — в Камакура. С XIII века генерал-губернаторы (*тандай*), губернаторы провинций (*сюго*) и налоговые интенданты (*дзито*), назначенные сёгунатом с разрешения императора, вытеснили гражданских должностных лиц, подлинная власть оказалась только у сёгуна. Еще необходимо уточнить, что эта власть быстро перешла в руки *сиккэна* — регента при сёгуне.

Система, при которой регентство (*сиккэн*) осуществляет власть от имени диктатора, которому передает властные полномочия император, практиковалась и в других феодальных обществах. Разумная забота о том, чтобы не наносить открытого удара даже слабому противнику, выражалась в том, что императоры начиная с 1073 года стали отрекаться от престола в пользу собственного сына, но сохраняли при этом власть. Препоручая императора-ребенка регентам (*сэссё*) из семейства Фудзивара, отрекшийся император (*дзоко*) укрывался в каком-нибудь монастыре; став бонзой (*хо-ё*), оттуда, освободившись от давления вельмож, он управлял (*инсэй*). Его распоряжения имели ту же силу, как если бы он отдавал приказы из дворца. Таким образом, двойственность власти, плохо, хорошо ли, обеспечила Японии относительно мирное столетие (1086—1181). В жестокой борьбе за власть, которой при дворе предавалась вельможная знать, зарождался ранний феодализм. Император же не участвовал в этой борьбе. Его роль сводилась к роли дипломата, призванного играть, используя тонкость обольщения.

Советы Фудзивара-но Коремити (1093—1163) для младенца-императора Рокудзё (1165—1168) в отношении поведения, должного отличаться скромностью и вежливостью, которых ожидают от хорошего императора, весьма многозначительны: «Правитель должен был бы попытаться найти способ поговорить о делах страны. Если он не намеревается разговаривать, то каким образом он может оценивать прекрасные поступки? В старинных законах говорится о том, что императору следует исправлять плохие дела. Завершая беседу, вы должны, выслушав речи о государственных делах, спрашивать людей о том, что именно следовало бы предпринять. Правитель должен с вниманием принимать тех, кто имеет представление об этих делах, и относиться к ним с доброй благосклонностью. Если вы станете действовать подобным образом, те, у кого имеются дурные намерения, не осмелятся говорить с вами о делах страны. Те, у кого нет точной цели или кто разговаривает о безобидных предметах, с вами об этом заговорит неожиданно. Вы должны бы задать людям вопрос о том, что они любят. Если они обладают талантом или пониманием, следует разговаривать с ними о литературе; с теми, кто любит поэзию *вака*, обсуждать вопросы этого характера; с теми, кто получает удовольствие от упражнений с луком и от лошадей, говорить об этих предметах; с теми, кто любит слушать игру на музыкальных инструментах, разговаривать о музыке; с теми, у кого не имеется никаких увлечений, следует вести безобидные речи. Во время этих встреч вы должны быть введены в курс дела, и это будет нравиться еще и придворным, которые прибудут ко двору, и затем они станут туда возвращаться ежедневно, даже не будучи призваны. Дворцовые обязанности не будут обременительны, в императорском дворце постоянно будут посетители» (*Дзоку гунсо рюидзю*).

Двойственность, которая возникла с IX века, между системой императорской власти и феодальной системой, без сомнения, объясняется тем, что японским учреждениям были навязаны иностранные законы. Сётоку Тайси, регент при императрице Суйко с 592 по 622 год, установил институт императора по китайскому образцу. Он реорганизовал дворцовую администрацию и, во имя укрепления императорской династии, распределил знать по двенадцати рангам. В результате крупной реформы эры Тайка в 645 году было сформировано новое чиновничество, предназначенное для усиления связи правителя со своими подданными. Конфедерация кланов была уничтожена, взамен политической власти старейшины получили высокий ранг в аристократической иерархии. Система кланов была заменена административно-территориальной — были введены провинции (*куни*) и округа, или уезды (*кори*). Население по приказу императора обязано было нести налоговые повинности, в то время как подчиненные императорской власти религиозные общины пользовались значительными преимуществами. Японский император, как и китайский, стал главой государства, но по японской традиции императорский трон оставался наследственным. Неоспоримости небесного мандата, которую ни один китайский император не мог отрицать, в Японии соответствовала, таким образом, неоспоримость наследственности властительного трона, которой никогда ни один японский род не осмеливался подвергнуть сомнению. Частой сменяемости китайских династий противостояла стабильность японской императорской династии. Чересчур старательное следование китайским законам (несмотря на их важное первоначальное значение) в создании японской администрации тормозило работу

административных механизмов, так как сохранялась старая традиция независимости кланов.

Разделение централизованной власти и властей в провинциях было характерно для японского государства с момента его возникновения. Правитель был главой федерации кланов. Каждый *удзи* представлял религиозную, общественную и политическую общину. Члены общины, объединенные кровным родством, имели общего предка, и глава удзи (*удзи-но ками*) одновременно был жрецом, судьей и военачальником. Глава всего общества осуществлял только духовную и религиозную власть; но власть над землями и людьми принадлежала старейшине каждого клана. Политически роль императора ограничивалась тем, что он использовал всю свою дипломатию для того, чтобы конфликты между главами клана не привели к гражданской войне. В случае неудачи политики императора его могли убить и заменить кем-либо из членов его семьи. Императоры принадлежали, таким образом, всегда к одной династии, которая по определению являлась августейшей. Никогда ни у одного из вельмож не возникала мысль о том, чтобы заменить царствующий род и захватить трон. Боги создали священное семейство, и, какими бы ни были конфликты и войны, божественная добродетель императорской семьи была неприкосновенна. Без сомнения, эта идея, до того еще, как была сформулирована, способствовала тому, чтобы навсегда сохранить за императорской семьей верховную власть.

Культурная сущность

Император Японии должен выражать дух или идею своей страны гораздо в большей степени, чем давать импульс в ее жизни. По этой причине в наш технологический век Япония имеет императора-ученого, биолога, получившего образование на Западе. Двор должен был оставаться замкнутым мирком, где, вдали от волнений повседневной жизни, кристаллизуется история. Эта кропотливая работа по возделыванию культуры сопровождается определенной забывчивостью, но подробности жизни в данном случае имеют меньшее значение, чем символ. Император Мэйдзи, перекинувший мостик из одного общества в другое, понимал, что

ему придется в самом себе культивировать определенную двойственность. Он был абсолютно современным императором, в период царствования которого были приняты хартия и конституция, он одевался на западный манер и, хотя личность императора всегда была священна и недоступна для взора, не побоялся представить народу свой фотоснимок. Мэйдзи как мудрый властелин в своих речах всегда ссылался на нравственные ценности, освященные традицией, и проявлял постоянный интерес к вопросам образования членов своего семейства. Именно своей осознанной скромностью и подчеркнуто глубоким вниманием, с каким он прислушивался к советам, Мэйдзи сумел приобрести уважение и доверие своих советников. В соответствии с конфуцианским определением умудренного правителя он выслушивал с равной благосклонностью самые противоречивые мнения. Поскольку так сложилось издавна, все вершилось именем императора, хотя он и не воздействовал напрямую на события. Но эта бросающаяся в глаза непричастность способствовала укреплению трона больше всего: министрам и избранным лицам предоставлялась (и в этом была награда) возможность осуществлять радикальную реформу страны, — это была лестная идея значимости, прекрасно задуманная хитроумным императором. Он сумел быть зеркалом своего времени.

Во времена Токугава, несмотря на очевидную незаметность императорского дома, именно двор благодаря совершенному, сдержанному ансамблю Кацура сумел сохранить существенную часть искусства и архитектуры, которая отвергала пышность нуворишей из числа крупных феодалов и купцов. Сегодня в этом ансамбле XVII века (1620—1624), где соединяются на уровне почвы человек и природа, можно видеть поразительную первооснову открытий современной архитектуры. Это послание в будущее было отправлено японской императорской семьей три столетия тому назад.

Старинная поэзия, украшение национальной литературы, была создана под высоким покровительством императора и двора. Язык там был действительно особенным. Поэзия, которая представляет, без сомнения, до сих пор живое и наиболее оригинальное направление в японской литературе, традиционно была там предметом особого внимания. Именно императоры оказывали поэзии честь, создавая сборники стихов или отдавая приказ

отобрать среди большого количества других собраний три наиболее прекрасных сборника национальной литературы: *Манъёсю, Кокинсю, Син Кокинсю.*

Наконец, слава императорского сияния отразилась в расцвете прекрасной японской живописи (*ямато-э*).

Император-ученый, император-преобразователь, исполненный мудрости, император-архитектор, император-поэт, император-художник — император был символом всего, чем могла гордиться эпоха.

Известны изображения императоров. Речь, разумеется, не идет о портрете в строгом смысле слова. Иногда гораздо важнее, чем личность императора, было показать его глубокую религиозность. Император Сога (809—823) приобрел большую известность не только своими административными качествами (он создал важнейшую кадровую систему эпохи Хэйан), но и как талантливый поэт и каллиграф. Его портрет был написан в XIII веке, спустя четыре столетия после смерти персонажа, в стиле ямато-э на роскошной бумаге, инкрустированной золотом и серебром. Все возможности композиции, включая декоративные эффекты бумаги, были использованы, для того чтобы передать атмосферу, подобающую изображению божественной особы.

Император Ханадзоно (1308—1318) был представлен на портрете в монашеском платье. Он отрекся от престола в пользу своего кузена Годайго, который делал попытки возвратить власть в свои руки. Портрет, относящийся к 1338 году и изобразивший бывшего императора в возрасте 44 лет, написан в традиционной манере придворных портретов. Создателем этого жанра был Фудзиварано Таканобу (1142—1205), снискавший славу как талантливый поэт и портретист. Некоторые из его портретов были настолько реалистичны, что шокировали придворных. До него портрет был либо чисто религиозным, либо ритуальным. На левой стороне портрета Ханадзоно, который теперь хранится в Киото, имеется собственноручная надпись императора.

Таинственная сущность императорского достоинства выражается в символах трех священных объектов — зеркала, сабли и драгоценности. Считается, что эти три предмета были унасле-

дованы от самой богини солнца или от ее предприимчивого брата Сусаноо. Но ни зеркала в виде цветка о восьми лепестках, ни сабли, найденной в хвосте змеи с восемью головами, которая наводила страх в Идзумо, ни драгоценности в форме когтя — такие и сейчас еще носят сибирские шаманы — сегодня нет в материальном виде. И уже давно наступило время, чтобы их следы затерялись в легенде. Но, появляясь вначале в погребальных глиняных кувшинах эпохи Яёй (медный век), затем в могилах, относящихся к периоду Великих курганов (эпоха железа), они представляют прекрасные археологические свидетельства доисторической эпохи. Тайное очарование зеркала, откровенное могущество меча, притягательная сила звериного когтя, смягченные изяществом изготовления, позволили приписать каждому из этих предметов особый символический смысл. Уже Китабатакэ Тикафуса (1293—1354) рассказывал следующее: «Тогда Великая Богиня, взяв в свои руки драгоценное зеркало, дала его своему внуку, сказав ему: „Когда ты посмотришь на это зеркало, о мой внук, то это будет так, как если бы ты смотрел на меня. Храни его при себе, это твое священное зеркало". К этому она прибавила драгоценность в форме полумесяца, сулящую процветание, и меч, изготовленный из собранных облаков, вручив, таким образом, три сокровища. Она сказала еще: „Освети весь мир сверканием, равным блеску этого зеркала. Царствуй над миром благодаря чудесному могуществу этой драгоценности. Подчини себе тех, кто тебе не станет повиноваться, взмахнув этим божественным мечом". Символы императорской власти были переданы в Японию в том же порядке, в каком солнце, луна и звезды поселились на небе. У зеркала была форма солнца; драгоценность напоминала луну; меч был создан из вещества звезд... Зеркало само по себе не обладает ничем, но беспристрастно отражает любые явления, показывая их подлинные черты. Символ зеркала заключается в его реакции на свойства предметов, таким образом, оно представляет собой источник всякой чести. Символ драгоценности состоит в ее мягкости и скромности; она является источником сострадания. Символ меча в его силе и решительности; он является источником мудрости» (Китабатакэ Тикафуса. *Дзинно сото-ки*).

Этот текст воскрешает воспоминания о старых связях с континентом: солнце и луна в китайской космогонии выражают

мужскую и женскую сущность — принцип *ян* и *инь*, противостоянием и циклическим чередованием которых создается жизнь. Эти три талисмана японских императоров имеют значение большее, чем просто символы суверенитета, они составляют космический символ и с этой точки зрения напоминают древнюю китайскую легенду о котлах и девяти бронзовых треножниках — символах девяти провинций Древнего Китая: «Юй [великий легендарный царь, основатель первой царственной китайской династии] расплавил девять треножников. Пять — для того, чтобы отвечать на закон ян, четыре — для того, чтобы представлять число инь. Он приказал мастерам сделать треножники инь из женского металла и треножники ян из мужского металла. Треножники были всегда заполнены для того, чтобы можно было предсказывать благоприятный или пагубный характер обстоятельств. Во время правления Цзе из династии Ся вода в треножниках внезапно принялась кипеть. Когда царство Чу приближалось к концу своего существования, все девять треножников сильно заколебались, что всегда было предзнаменованием гибели» (Ван Кя. *Че-и-ки*).

Роль императора состоит в первую очередь в том, чтобы отвечать за церемонии и возглавлять их. Церемонии соответствуют ритму смены времен года, они пульсируют вне времени, отгороженные от шума политических и экономических событий. Это прежде всего празднества по случаю Нового года, в настоящее время в Японии они являются наиболее важными среди семейных праздников и праздников, связанных с природными явлениями, о чем свидетельствуют такие памятники, как «Непринужденные литературные беседы о Новом годе» и «Поэтическое собрание о Новом годе». На Новый год император благодарит за добрые пожелания народ, который собрался перед дворцом, наряженный в праздничные одежды, по крайней мере, женщины надевают самое красивое кимоно. Та же процедура наблюдается весной, по случаю дня рождения правителя (29 апреля для ныне царствующего императора [Хирохито]). Ежегодно в апреле в разных местах Японии проводится символическая церемония посадки дерева. Осень отмечена праздником спорта, и он также сопряжен с разъездами по стране. Кроме этих праздников, непосредственно связанных с японской цивилизацией, добавляются многочисленные празднества, на которых присутствуют иностранцы, например императорский праздник в саду или замечательная охота на утку. Но связаны ли эти праздники с культурной традицией, благотворительной акцией или же являются общенациональными, они должны проходить под руководством главы государства.

Персона императора не может быть отделена от этого столь живучего феномена в Японии — праздника, *мацури*. Во времена двора Ямато понятие *мацури гото* использовалось, впрочем, для того, чтобы обозначить правительство; предполагалось, таким образом, тождество того и другого понятия. И хотя в наши дни правление в современном понимании не является больше делом рук императора, по крайней мере, так можно утверждать, но император сохранил за собой то, что было первоначальным содержанием его должности, — проведение празднеств.

Известна серия «Пять императорских празднеств», созданная Сакай Хойцу, художником из школы Корина, которому был присущ особый интерес к живописи ямато-э. Чтобы написать эти картины (за год до смерти художника, умершего в 1827 году), автор изучил множество старинных картин. На первой показаны высокопоставленные должностные лица, прибывшие, чтобы выразить свои пожелания императору по случаю Нового года. Во время этой церемонии — *кото-хай* — в первый день Нового года император принимал придворных служащих и посланцев из провинций. Из-за распрей, которые нарушали ритм придворной жизни с X века, придерживались упрощенной церемонии.

Праздник хризантем — *тоё* — отмечается каждый год 9 сентября, это народный праздник. Но первоначально это был праздник императорский: хризантема — эмблема императорской династии.

Взгляд на современную Японию придает этому понятию особый резонанс, странный, одновременно театральный и лишенный религиозности, иногда даже вульгарно-коммерческий. Праздники представляют собой один из главных туристических аттракционов Японии; японцы сами отправляются туда как на спектакль, этому соответствует поведение и иностранных посетителей. Для того чтобы привлекать туристов и валютный дождь,

который они проливают, разумеется, создаются новые празднества, такие как знаменитый Исторический фестиваль (*Дзидай мацури*) в Киото. Однако праздник в Японии, каким бы второстепенным он ни был, все-таки сохраняет волнующий эмоциональный характер, поскольку, считается, объединяет живых людей, души умерших и сонм богов. Ритмичности праздничной церемонии уделяется особенное внимание; в праздничной музыке большое значение придается ритму — здесь возникает искушение упомянуть о коллективном биении сердец, — он присутствует в завораживающих повторяющихся движениях. Сохранился ряд сцен, выражающих коллективный экстаз, но они смягчены налетом пуританства, заимствованного у Запада. Суматоха, непристойность — эти следы снятия напряженности между двумя сезонами крестьянской работы лишь слегка напоминают о таинствах, которые совершались до наступления автоматизированного однообразия обезличенного промышленного мира. И никто не остается равнодушным к таинствам, которые находили отражение в представлении. В праздничном обряде есть загадочный момент, когда сводится счет между нашим миром и миром потусторонним. Люди по-своему разыгрывают богов; они отдают должное превосходству великих принципов природы для того, чтобы укреплять свою коллективную жизнь. Из этой жизни они изгоняют все скверное, так как, сколь слабым ни был бы человек и как мало ни был бы уверен в своем успехе, однако он, возможно, предназначен для того, чтобы быть чудотворцем. И самый великий среди людей — император.

Итак, после того как Япония, некогда почти полностью живущая морем, перестала быть страной кочевников и охотников-рыболовов периода Дзёмон, она последовательно превращалась в цветущий сад Азии. И не будет преувеличением утверждать, что японское государство родилось благодаря рисовым полям, источнику пропитания и центру общественной жизни. И в наши дни рисовые поля располагаются повсюду, хотя их безжалостно пожирают города. В пригородах, в этих пока ничейных местах, где граничат два общества, они кое-где сохранились как анахронизм, но все еще выживают. Рисовое поле, то есть место, где смешиваются земля и вода, где прыгают лягушки, где совместились гнев и ясность неба, представляет свой микрокосм. Рисовое поле пред-

полагает сотрудничество людей друг с другом и с силами природы больше, чем неорошаемые поля. Плотины, каналы и водные системы для страны то же, что кровообращение в человеческом организме. Церемонии ожидания — обязательство, связанное с плодородием почвы, и первый урожай — новый урожай — всегда занимали первостепенное место в японской цивилизации. Сегодня эти церемонии малозаметны из-за западных влияний и промышленного развития. Но и в наши дни при исполнении сельскохозяйственного обряда, пришедшего из глубины времен, император достигает апогея своего величия. Подобно тому как это некогда делал его китайский коллега (а тот должен был ежегодно проводить символическую борозду, освящающую плодородие земли), император Японии поистине обретает свое достоинство только в празднестве, связанном с церемониальным пиршеством. Основу блюд, которые подаются на стол, составляет рис первого урожая, полученного в дни правления данного императора, и, невидимые никому, единственными сотрапезниками императора являются боги. Этот сакральный обряд представляет собой версию ритуала, проводимого каждую осень каждой семьей в каждой деревне, каждым монастырем и самим императором. Его смысл был настолько глубок, что вплоть до 1945 года детали ритуала держались в тайне и передавались устно. Конечно, поражение в войне изменило все это, двор стал более открытым, и отныне каждый год император просит страну послать ему риса первого урожая: он расстался со своей привилегией.

Вступление на трон следующего императора проходит в соответствии с измененным протоколом; но эти торжественные празднества (*дайдзё*), которые имеют место только однажды за период царствования, и в наши дни являются важнейшими в национальной жизни Японии. Однако с конца XV века до эры Гэнроку (1688—1703) войны, которые отметили конец феодализма, погрузили двор в такую нищету, что церемония не могла проводиться. Императорское достоинство как будто бы притаилось в ожидании лучших дней. И они наступили, как ни странно, вместе с приходом к власти рода Токугава: если сёгуны из этого рода и держали императора в стороне от религиозной и светской жизни, они поддерживали пиетет перед его божественным происхождением.

Церемония *дайдзё* состоит из двух торжественных пиршеств, на которых император предлагает новый рис богам, и особенно богине Аматэрасу. Этот рис жертвоприношения должен быть выращен и собран на двух священных полях, *юки* и *суки*, в двух регионах, расположенных в восточной и западной частях Японии. Для пиров возводились специальные павильоны, названные именами священных полей. Наконец, изготовлялись две серии ширм: первая из шести ширм, на которых изображались знаменитые местности и сцены из сельской жизни, созданные в возвышенном и красочном стиле *ямато-э*; вторая — из четырех ширм, со стихами на сюжеты, почерпнутые из китайской классики, эти сюжеты иллюстрировались росписями, исполненными в стиле *кара-э* — китайской живописи. Эти росписи на ширмах располагались в порядке согласно смене времен года, демонстрируя мастерство лучших художников, поэтов, ученых, живописцев и каллиграфов и характерные черты искусства данной эпохи. Благодаря правилам императорского церемониала здесь соединялось прошлое и настоящее.

Сменив в 1926 году императора Тайсё, теперешний правитель официально вступил в свою должность двумя годами позже, в 1928 году, церемония восшествия на престол в соответствии с традицией происходила в Киото, который, однако, уже бóлее не был (с 1868 года) столицей страны; эта особенность подчеркнула подлинную историческую роль Киото в духовной жизни нации. Конечно, обряды, дошедшие из прошлого, сегодня во многом утратили свое древнее значение.

Глубокое символическое и религиозное содержание этой церемонии отличается от протокольного аспекта ритуала восшествия на престол. Обряды, связанные с вступлением на престол, состоят в передаче императору определенных предметов, символизирующих различные функции, к выполнению которых он должен быть готов. Это, помимо уже названных трех атрибутов (меч, зеркало и драгоценность), жетоны для поручений (*кэй*), сундук, в котором заперты бубенчики (*судзу*), и императорская печать (*ин*), императорские пластинки для часов (*токи-но фуда*) и таблички, на которых отмечаются ранги (*хани*). Через месяц проводилась церемония вступления на трон: новый император торжественно обосновывался в императорском дворце Великой Ограды (*дай дайри*) и приступал к совершению назначений. Эти обряды проходят по установленному протоколу, громоздкому и монотонному, при этом император не должен подозревать о соперничестве и борьбе интересов, которые прикрываются этикетом. Все это, конечно, менялось в течение веков, но в целом довольно мало, и пережитки, архаизмы превращают изучение церемоний, которые фактически имеют ценность только из-за своего глубокого смысла, в довольно сложную задачу.

Одна из существенных обязанностей императора состоит в том, чтобы обеспечивать неостановимое движение Вселенной воздержанием и очищением, первое ставит целью избегать «грязных пятен», а второе помогает их уничтожить. Прежде чем начать любую церемонию, император больше, чем кто-либо из его подданных, обязан избавляться от «грязных пятен». Таким образом, жертвоприношению первых плодов предшествует большое очищение (*он мисоги*) по синтоистскому обряду: за месяц до праздника император отправляется на берега реки Камо в Киото; в бурных водах этого горного потока, спокойного лишь на равнине, где находится город, размещались символические предметы, в которых были предварительно сконцентрированы все нечистоты дворца.

Понятие «грязного пятна», представление о «чистом» и «нечистом» бессознательно обусловливает каждый поступок в повседневной жизни. Это понятие пришло из глубины веков, предметы и явления были распределены по категориям, и первоначально такое распределение основывалось на чисто прозаическом ощущении: «грязное пятно» воспринималось главным образом как физическая грязь. В дальнейшем появляется инстинктивное отвращение к любому посягательству на целостность тела, в частности к виду крови, текущей из раны, — именно этим объяснялось множество трудностей, с которыми столкнулись первые христианские миссионеры. На самом деле вид израненного страдающего тела, изображенного на распятии, был для японца, принявшего христианство или вежливо слушающего проповедников, невыносимо отвратительным. Примерно так же невыносим и страх перед смертью: подобно тому как некогда на Делосе в Греции, в Японии люди не должны были ни рождаться, ни умирать внутри священной ограды. Понятие «нечистого», покинувшего

материальную сферу, распространяется на все, что причиняет ущерб, разрушает. При этом наиболее тяжким из всех действий, приносящих вред, считается разрушение социального порядка. Молитва большого очищения (*охарай-но норито*) как бы перечисляет греховные действия, связанные с понятием «нечистый»: разрушение плотины и системы орошения рисовых полей; две посевные одна за другой на одном месте, поскольку это истощает почву, нарушение границ территории, ранение животного, принадлежащего другому человеку, нарушение прав собственности; преднамеренный поджог или пожар по неосторожности, воровство, пренебрежение долгом. Фактически во всех случаях речь идет о нарушениях общественного порядка. Следовательно, император вполне законно оказывался первым из тех лиц, которые имеют право на обряд очищения.

Император также является по преимуществу «телом», причем телом, в котором концентрируются лучшие умственные способности, счастливое сочетание которых позволяет императору делать самостоятельный выбор и тем самым сопротивляться пагубным влияниям.

Теми же понятиями определяются многочисленные запреты относительно расположения места, пребывая в котором император должен был совершать эффективные магические действия в отношении земли. Влияние враждебных сил проявляется иногда в некоторых местах в периоды, указанные в календаре; необходимо остерегаться их, перехитрить их, суметь найти правильное направление в лабиринте возможных путей, для того чтобы оказаться на благоприятном пути по отношению к розе ветров. То же благоразумие должно направлять любое строительство и даже самый простой ремонт. Полагается терпеливое ожидание, готовность искать другой путь; больше, чем кто бы то ни было из подданных, император еще во времена Эдо должен был совершать определенное количество паломничеств (*ката-тагаэ гидзи*). Тщательное соблюдение этого правила являлось одним из важнейших занятий в жизни двора. *Ката-тагаэ* позволяет освободиться от запретов, которые налагают боги. При изменении погоды во время, установленное предсказателями или специалистами по летосчислению, императору следовало отправиться в то место, откуда проистекает, согласно сообщению богов, это

изменение. Установления и интерпретация этих запретов были очень осторожными, насколько можно судить об этом по следующим разъяснениям: «В этом году [1114 г.] направление Кондзин связано с югом. Также, в то время как я возвожу пагоду Касуга, я должен отправиться один раз на сорок пятый день на берег Куга, чтобы совершить ката-тагаэ в строго указанном направлении. Итак, в ближайшее пятнадцатое число сорок пять дней будут завершены. И в течение этого времени я [не смогу] выйти, для того чтобы отправиться [на Кугу]. Поэтому я испросил совета у специалиста по инь и ян.

Мицухира сказал:

— Покойный Митикото Асон посоветовал следующее: „В период, когда обращается запрет направления на сорок пять дней, если по забывчивости был пропущен срок, связанный с этим промежутком времени [сорок пять дней, которые следуют], то прекращают тревожить землю и возводить строения. Затем, после того как наступит следующий сорок пятый день, прекратится запрет в отношении направления, то начнем [снова] тревожить землю и возводить строения". Поразмыслите над этим: для Кондзин, как и для Дайсёгун, существует ката-тагаэ на сорок пятый день. Даже если один раз вы и забудете совершить ката-тагаэ, то после того, как вы пропустите тот промежуток времени, в который вам подобало бы совершить ката-тагаэ, вы сможете строить вашу пагоду.

[Тогда] я сказал:

— Вот слова, разумнее которых не может быть. В особенности из-за того, что с начала лета существует запрет „знака Славы", мы уже остановили строительство. Совершенно естественно, что после того, как пройдет лето, осенью можно будет осуществлять работы» (*Фудзивара-но тададзанэ дэнрики*).

Как указывает упоминание об инь и ян, эти ритуалы, вдохновленные синтоизмом, как и сам синтоизм, оказались сильно пропитаны китайскими космогоническими понятиями.

Буддийские церемонии занимали в древности большую часть жизни двора. Наиболее торжественная из них *го-сай-э*, впервые осуществленная в 767 году, состояла из объяснения священного текста. Праздник рождения Будды (*буссё*) или праздник орошения Будды (*канбуцу*) — обряд состоял в том, чтобы окроплять

статую Будды душистой водой, — проходили, как утверждает традиция, в Сэйрё дэн (сооружение, где обычно находился император с 12 мая 840 года). С 833 года отмечали праздник *мондзю*, по случаю которого беднякам раздавалась милостыня. С 720 года, наконец, выпускали на волю животных (*ходзёэ*); это было связано с распространением на все живые существа учения о сострадании, которое предписывалось буддизмом. Одно из наибольших затруднений состояло в том, чтобы совместить различные церемонии с выполнением многочисленных ритуалов синтоизма, так как обряды двух религий не могли исполняться императором в один и тот же день. Но во времена сёгуната Токугава, когда буддизм оказался в упадке и немилости, ситуация благоприятствовала увеличению синтоистских церемоний, почти полностью исключивших все остальные.

Императорская династия

Обычай многоженства, соблюдавшийся до 1868 года, значительно запутывает императорскую генеалогию. Неопределенность понятия законнорожденности, сложная сеть естественных и административных связей, выбор наследника среди сыновей супруг второго ранга в случае отсутствия потомства у главной супруги затемняют родство по женской линии. С эпохи Хэйан титул императорской супруги становится особым рангом, предоставляемым только девушкам из пяти семей вельмож (*го-сэккё*), которые уже по своему рождению могли стремиться к этому возвышению.

В родстве по мужской линии также не всегда легко ориентироваться. Обычай передавать трон от брата к брату, установившийся в V—VI веках, практика добровольных или вынужденных отречений и использование усыновления в случае — правда, это было нечасто — бездетности императора постепенно породили деликатные династические проблемы. Увеличение количества императорских детей (что вызывало политические затруднения) явилось причиной того, что очень быстро те ветви рода, которые не унаследовали высшее достоинство, оказались изолированными от своего августейшего происхождения. Наиболее старые или

наиболее могущественные представители домов, учрежденных подобным образом, становились просто главами новых кланов. Эти кланы тогда приобретали родовое имя, обычно от названия земли, на которой они обосновались. Ветви семьи проживали вдали от двора, что вело к разрыву связей с императорской династией (как это произошло с семьями Минамото и Тайра в IX веке). Образованные подобным образом знатные дома все-таки сохраняли за собой возможность возобновить родство по прямой линии через заключение брака. Каждый глава такого рода, если ему удалось отдать свою дочь в императорские супруги, мог надеяться стать дедушкой будущего императора.

И если известно, что современный император Японии — сто восемьдесят четвертый император со времени легендарного Дзимму, — бесспорно, происходит от правителей, таинственные курганы которых еще сохранились на равнине Осаки, то не менее парадоксально, что его происхождение не может быть установлено со всей необходимой точностью. И поэтому совершенно неудивительно и то, что происхождение династии уходит в глубины древности, а император, чье происхождение теряется во тьме веков, вообще не имеет фамилии.

Глава 6

РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ

Кажется, что Япония, алтарь экономического чуда, искусственную или же действительную природу которого новые Кассандры разоблачают каждый день, предалась душой и телом материализму. Бетон течет там водопадами, переполняет моря и горы, покрывает, словно шипами, равнины и города. Пропаганда и кричащая реклама и в городе и в деревне превышают возможности зрения и слуха. Эксцентричные костюмы и длинные волосы, электрогитары, производящие децибелы, развлекают праздношатающихся, проводятся шумные или мирные, в зависимости от целей, демонстрации, ритм движения их участников создается благодаря скандированию *демо*. Бейсбол и игровые автоматы, стоящие чуть ли не на каждом углу, собирают около себя возбужденную толпу игроков и зевак — одних увлекает спорт, других — страсть к азартной игре, а нередко оба пристрастия соединяются.

Кажется, что эти новые стереотипы жизни и поведения исключают всякую духовную жизнь. Они распространяются благодаря дешевой литературе, им присуща беспредельная суета. Где же азиатская мудрость былых времен? Где же восточная мысль? Где же, в конце концов, ценности, которые превозносятся за границей, ставшие уже общим местом пресловутые *дзэн-буддизм* в философии, *икэбана* — составление композиций из цветов — в сфере культуры и *тяною* — чайная церемония?

Частичный ответ на этот вопрос представляется самоубийством двух признанных писателей, идеалистов с энциклопедическими знаниями. Вовлеченные не так давно в политическую

деятельность, оба, похоже, одинаково столкнулись с отчаянием, с неверием в будущее Японии. Самоубийство лауреата Нобелевской премии Кавабата Ясунари (1899—1972) и красочный *сэппуку* (более известно название *харакири*) Мисима Юкио (1925—1970) внезапно выявили то, о чем сам способ самоубийства, экстравагантный для нашего времени, в тот момент заставил позабыть. Без сомнения, здесь присутствовало трагическое совпадение; без сомнения, очень трудно или просто невозможно проникнуть в подлинные причины самоубийства; однако поступки такого рода, совершенные лицами, которые находятся у всех на виду, часто оцениваются не столько по своему реальному значению, сколько по отголоскам, которые они вызывают. Почему драматическое повторение одного и того же поступка происходит в период полного благополучия, в то время как эти писатели и многие другие выдающиеся люди мужественно выдержали полицейский произвол, войны и поражения? Современный подъем в Японии воспринимается некоторыми как бóльшая катастрофа, чем поражение 1945 года.

И снова появляются понятия «пустота» и «небытие», «иллюзия» и «действительность», «душа» и «мир». Эти возвышенные поступки, возможно, оказываются скорее демонстрацией чрезвычайной жизненности духа, чем знаком его гибели. Япония не единственная страна в мире, где основная цель жизни состояла в том, чтобы достойно встретить смерть. Для цивилизации, которая допускает самоуничтожение, решение однажды самому положить конец своим дням не является абсурдным. А раз это было сделано, то дело можно считать завершенным. Завершено было дело жизни или нет, но именно там завязывается вся драма.

В действительности эти часто поверхностные волнения, эти отдельные трагедии, которые составляют видимые аспекты современной жизни, связаны в немалой степени с глубокой реальностью. Они не результат развития современного мира, но одно из последствий японского темперамента; они несут на себе печать сущности японского менталитета, проявления которого, часто бессознательно, оказываются неразрывно связаны с этикой прошлого и пронизаны многочисленными традиционными верованиями.

Последние продолжают питать религиозную и интеллектуальную жизнь Японии синкретическими элементами, которые

пришли на острова из самых отдаленных мест Евразии. До некоторой степени можно утверждать, что по богатству и распространению этих источников Япония оказывается наиболее обширным религиозным горнилом мира. В свое время ассимиляция чужеземных элементов заставила закрыть все двери, затем последовал момент самоизоляции, затем двери вновь широко открылись; сегодня же приобретение, ассимиляция, размышление совершаются одновременно и постоянно; и из этого иногда проистекает некоторая духовная аморфность и разнородность обрядов. Более того, национальная психология, постоянный компромисс между сильным нравственным сознанием, глубокой эмоциональностью и четким прагматизмом привели к тому, что на практике религия, политика и философия исторически оказались переплетены.

В современном кипении японской мысли отчетливо можно различить два течения, и оба они одинаково политизированы. Одно из них, глубоко привязанное к собственным ценностям национальной цивилизации и окрашенное привычкой возвращения к прошлому (*фукко-тё*), проповедует одновременно независимость и восстановление чести Японии, которые были ей присущи всегда. Другое течение, вовлеченное в общую борьбу за эмансипацию и переход Азии к коммунизму, прямо вдохновляется марксистской идеологией. При этом в обоих случаях убедительно подчеркивается превосходство или, по крайней мере, важная роль Японии в сообществе современных наций. Тени идеологии японизма (*ниппон-суги*) и теории Большой Восточной Азии (*дай тоа*), уничтоженных поражением, приобрели экономическую, интеллектуальную или политическую форму, но уже не воинственную. Таким образом, можно возвратиться к основной проблеме современного мира, которая является проблемой материализации этики.

Новые религии

Конечно, мы можем спросить себя, а поднялась ли уже Япония из глубокой духовной пропасти, куда ее погрузило поражение в 1945 году? После атомной бомбардировки распадаются не только тела, но и умы. Невозможно понять, идет ли в современной Японии большое и многообразное религиозное движение, которое появилось там для того, чтобы дать людям духовное убежище. Народ легковозбудимых, упорных, но отходчивых бойцов, японцы обрели в доступном пониманию оптимизме закваску своего будущего могущества. В это могущество они, без сомнения, никогда не прекращали верить: поражение, воспринятое с достоинством, оказалось понятным результатом ошибок. Официальные идеологии доказали свою неэффективность; надо было найти что-либо новое — этим новым стали «новые религии», которые в предыдущие десятилетия долго удерживались как маргинальные. Они даже подвергались преследованиям, но не исчезали. «Новые религии» были доступны каждому, благодаря упрощению или отрицанию обряда вступления в сообщество, благодаря простоте проповедуемых учений. Они не стремились, по крайней мере так было вначале, обращать в свою веру ни образованных, ни зажиточных. Эти религии обращались к массам, к бедноте, составлявшей большинство в этом обществе: к крестьянам, рабочим, которые с конца Первой мировой войны боролись против безработицы и зарплаты, которой едва хватало, чтобы существовать.

Потребность современной Японии в вере не является на первый взгляд открытой, если не считать того, что в плебейской пышности Сока Гоккаи наблюдается попытка актуализировать осовремененное возрождение старого националистического и воинственного буддизма Нитирэна. Историческая продолжительность существования буддизма и синтоизма, которые были живучи в любые трудные времена, и их кажущаяся похожесть заслоняют своим блеском наивный пафос тех религий, которые обычно называют новыми, даже если они таковыми не являются ни по форме, ни по содержанию. Они заключают в себе множество оригинальных попыток синтеза, как монотеистических, так и связанных с многобожием, самых разнообразных элементов, заимствованных в национальных религиях или почерпнутых в философских системах, пришедших из других стран еще в древности, как, например, китайское учение об инь и ян, или относительно недавних, например христианство. Различия в их происхождении подчеркивает архитектура. Культовые сооружения, нередко весьма монументальные, могли подражать множеству

официальных сооружений. Они построены в традициях Дальнего Востока. В Китае конфуцианство, запечатлевающее в едином ансамбле мудрость, религию и власть, оказалось причиной того, что вместилище божества всегда мало чем отличалось от жилища государя. Из Китая эта модель перекочевала в Японию. Дух архитектуры здесь нередко определялся характером культа. Монастыри по-прежнему сохраняют значение в обществе, но культовые постройки никогда не характеризовались особым, специфичным обликом. Здесь никогда не имел место переход, подобный тому, который произошел на Западе: от простого дома, где собирались первые христиане, к взлету соборов. Здесь существовало множество домов, куда удалялись после своей отставки вельможи, и эти дома становились храмами после смерти владельца; но в данном случае кажется, что красота прежде всего определяла критерии сакрализации.

Главные святилища новых сект просторны. Некоторые из них вдохновляются образцами традиционной архитектуры, как, например, монастыри сект Тэнри, Рэюкай, Омото, Сэкай Кюсэй или Иттоэн. Светлый цвет соломенных циновок передает теплоту растения, сквозь окна со скользящими рамами проникает рассеянный свет, бумажные стенки погружают верующего в приятную и привычную атмосферу дома, детства, прошлого всей страны, в то время как размеры обычно просторного зала добавляют к этим успокаивающим элементам торжественность незнакомого пространства. Другие секты, наоборот, подобно мощной Сока Дзяккаи, выражают в смелых архитектурных формах, где используется стекло, соединенное с бетоном, свою силу, а также готовность адаптироваться к современному миру. Трéтьи, наконец, стараются осуществлять синтез прошлого и настоящего: таковы «обсерватории» на крышах секты Ананай, созданные в китайском стиле, установленные на массивных современных зданиях; именно таким является поразительный главный центр Риссё Козэйкай, круглый ансамбль, в котором чередуются стекло и бетон. Ансамбль фланкирован[1] башнями и увенчан крышей храма

[1] Фланкировать (*франц.* flancuer — обходить сбоку от flanc, *нем.* Flanke — бок) — оформлять боковые части стены, оконного или дверного проема, камина и т. д.

в индийском стиле, с приплюснутым куполом, снабжен щипцом[1] на вершине ступы[2]. Эти ансамбли должны были внушать уважение, обеспечивать безопасность и соответствовать великолепным празднествам, становясь коллективной отдушиной в монотонности повседневной жизни. Там, среди своих, приобщаясь к общей вере, горожанин, утомленный городской суетой и многолюдьем, или усердный крестьянин, также уставший от своей жизни, получает неожиданную возможность изменить собственную судьбу.

Божества этих религий были первоначально чудотворцами-целителями. Верующим, духовно, а иногда и физически больным людям, необходимо было дать не только надежду на исцеление но и, чтобы заслужить их доверие, следовало подчеркивать, что средство исцеления в них самих. Под официально считающимся оккультным, но, без сомнения, действенным влиянием американской христианской церкви проповедовалась целительная сила религии, а она в безнадежных случаях способна внушить бóльшую надежду, чем голословные рассуждения или медицина. Основанные на твердом оптимизме, способном сопротивляться всем испытаниям, эти «новые религии» могут рассматриваться как внушение, настраивающее на счастье. Они испытали воздействие христианства (признается ли это или не признается) и стараются способствовать тому, чтобы на этой земле торжествовало царство Божие. Именно в этом заключается смысл «писаний», нередко очень красноречивых, составлением которых всю жизнь занимаются основатели религий.

Роль этих основателей — мужчин или женщин, «новые религии» не являются женоненавистническими, — имеет первостепенное значение. Именно вокруг личности формируется сообщество, и часто смерть основателя создает сложные проблемы

[1] Щипец (от щипать, щипцы от щепоть — пучок, прядь) — островерхий фронтон средневековых городских домов с высокой двухскатной кровлей, отсюда щипцовая крыша, то же при полукруглом перекрытии называется закомарой.

[2] Ступа (или шведагон) — буддийская постройка, представляет собой колоколообразное сооружение без внутренних помещений, земляной холм, облицованный камнем, затем оштукатуренный и позолоченный. Свое происхождение ведет от могильного кургана; в самой глубине находится маленькая камера с мощами Будды или другими священными реликвиями.

преемника, оказывается причиной распада секты или возникновения дочерних сект. Одной из наиболее заметных фигур был, разумеется, Дегути Онисабуро (1871—1948), приемный сын, зять основательницы Омото, «религии великого происхождения», и сам ее соучредитель. После того как он был в течение нескольких лет учеником знаменитого философа-спиритуалиста Нагадзава Кацутатэ, Онисабуро основал в 1898 году вместе со своей тещей и приемной матерью, крестьянкой Дегути Нао, секту, которая проповедовала учение о восстановлении мира после дня Страшного суда. Дегути Онисабуро был пацифистом, у него были мотивы для того, чтобы критически относиться к японской политике; он был тверд в своих убеждениях, принял новое имя Онисабуро (настоящее его имя Кисабуро), которое следовало писать при помощи иероглифов, предназначавшихся для написания только императорских имен; когда его отправили в Маньчжурию для исполнения военного долга, он представился как «спаситель мира» и даже осмелился оседлать белую лошадь, хотя эта была привилегия императора. Таким образом, неудивительно, что два судебных преследования, в 1921 и 1935 годах, которым одновременно были подвергнуты и сам лидер, и его жена, привели к полному уничтожению святилищ сообщества. Но Онисабуро сумел приобрести международную известность: он ввел в программу секты язык эсперанто; он поддерживал связи с другими религиозными группами Дальнего Востока; он создал Ассоциацию всеобщей любви и братства, все еще существующую (но более известную под своей английской аббревиатурой ULBA). Устранить его было затруднительно, и в 1942 году Онисабуро был освобожден, однако оставался под надзором; остаток своих дней он провел занимаясь графикой и керамикой и достиг блистательных результатов.

В своих устремлениях к лучшему миру многие «новые религии» придают исключительно важное значение искусству. Искусство здесь нередко используется только для созерцания, так возникают музеи секты Тэнри и сады — настоящий маленький земной рай, например сад Сэкай Кюсэй в Хаконэ. Искусство рассматривается сектами как явление, нерасторжимо связанное с жизнью, а занятие им — как дорога, приводящая к Богу; подобным образом строится проповедь в секте Омото и дочерней секте

Постоянной свободы (более известной под английской аббревиатурой PL). В главных центрах Омото созданы мастерские, где верующие могут испытать свои творческие способности, например в гончарном искусстве или другом ремесле; в эпоху механизации люди счастливы посвятить несколько спокойных часов труду в поисках совершенства. Эта внутренняя взаимосвязь искусства и жизни, словно молитва, позволяет современному человеку возобновить многовековые традиции национальных религий, которые питали духовностью самые скромные проявления повседневной жизни.

Наиболее оригинальный вклад этих сект, без сомнения, состоит в том, что они придают совершенно исключительную важность личности. Личность более не растворяется внутри группы одержимых верой незнакомцев, человека уже не ведут, сломав волю, к смерти, теперь он рассматривается как свободное существо, имеющее право на собственный выбор. Священники и все сообщество в целом интересуются проблемами каждого лица и стараются помочь каждому, ведь жизненный путь почти каждого человека оказывается непростым. Иногда страсть к систематизации может привести к некоторому разочарованию. Персонализация человеческих отношений и индивидуализация отношений между человеком и божеством, без сомнения, ставят целью глубоко изменить природу традиционных социальных связей в Японии. Таким образом, в эпоху, когда развитие экономики превращает почти половину мира в огромную строительную площадку, где каждый отдельный человек должен забыть о себе ради процветания общества, часть японского общества поступает наоборот: имея древнейший опыт общежития, оно расцветает сегодня в обращении к личности, основанном на христианских реминисценциях. Общество хочет обрести надежду на счастье, искру уверенности, которую различные имперсональные направления философии прошлого превращали в нечто призрачное, хотя и смягчали искренним состраданием, полным человеческих эмоций.

Сентиментальный островок в рациональной Азии, Япония сегодня, как и прежде, пытается преодолеть морализирующий материализм своих интеллектуалов. В наши дни, как и в прошлом, существует противоречие между устоявшимся рационализмом

высших слоев, который опирается на западный опыт, и потребностью в участии, сопереживании наделенных богатым воображением масс. Действительно, исключают ли друг друга различные учения? «Новые религии», сосуществуя с традиционными религиями (за исключением слишком явно политизированной секты Сока Гоккаи), сумеют объединиться в той или иной степени со всеми идеологиями, которым суждено будет появиться. Не разрушая традиционных религий, они заставят их более гибко приспосабливаться к современному миру и, таким образом, возможно, предотвратят их невостребованность. «Новые религии» выражают в своих учениях новые аспекты терпимости, присущей этой части азиатского мира иероглифов. Даже если эти учения не слишком известны и глубоки, они оберегают эту тайну человеческого духа и воображения. Они не делают человека фактором мятежа, а, наоборот, способствуют его интеграции в общественную жизнь. В этом смысле Япония не перестала быть конфуцианской.

Конфуцианская этика

Конфуцианство было официально изъято из школьного образования после войны, так как оно скомпрометировало себя как духовное прикрытие для того милитаристского сумасшествия, которое привело к поражению. Тогда случился один из обычных парадоксов истории: одновременно два режима, противостоящие друг другу и установленные на обоих берегах Китайского моря, извергали проклятия по одному и тому же поводу на одну и ту же идеологию. Казалось, что наследие Древнего Китая одним ударом сотрясло всю Азию. В наши дни страсти немного улеглись. Изучение конфуцианства, утратившего свое применение в качестве политической идеологии, и китайской классики снова заслуживает уважения; и если конфуцианство больше не является официально философским фундаментом японской внутренней политики, тем не менее связь с традицией восстановлена.

Фактически речь идет скорее о неоконфуцианстве, учении, основанном китайским философом Чжу Си (1130—1200), который обновил древнюю мысль Конфуция; его школа (*Ли юэ*) была

самой влиятельной философской системой вплоть до XX века. С 1313 до 1905 года его антология — комментированные классические конфуцианские тексты, «Четыре книги» (*Сё чу*), — была учебником для многих поколений школьников и основным предметом при сдаче экзаменов на должность. Начиная с XIII века произведения Чжу Си стали известны в Японии, куда благодаря монахам они попали из Китая. Однако только в конце XVI века в связи с интенсивным обменом идеями, вызванным корейской войной, они снова оказались в почете и в дальнейшем приобрели официальный характер при правительстве сёгунов из рода Токугава.

В стране, которую феодальные междоусобицы ввергли в огонь и кровь, лишь суровые моральные и общественные установки конфуцианства объединяли общество и утверждали систему взаимосвязи. Признанное сёгуном (первым среди феодалов), конфуцианство взамен предоставляло ему незыблемую иерархию ценностей, которая могла разрешить все проблемы. Кроме того, она позволяла сёгуну мыслить светски. До тех пор сфера мысли считалась прерогативой монастырей, но была извлечена оттуда монахом Фудзивара-но Сэйка (1561—1619), который, покинув буддийское монашество дзэн-буддистской секты Риндзай, стремился популяризировать доктрины китайских философов эпохи Сонг. Так появилась знаменитая японская школа *Чжу си* (*Суси гаку*). Китайская мысль словно накрыла японское чувство своей логикой и заставила его течь по своим руслам. Но тем не менее национальные различия не исчезали: новые философы были все еще раскаявшимися буддистскими монахами; что касается их нового духовного направления, то оно представляло собой всего лишь систематизацию уже шедшего процесса. С IX века синтоизм, буддизм и конфуцианство соединялись со старыми местными верованиями последовательно сменявшими друг друга новациями, которые периодически доходили из Китая.

Цель неоконфуцианства состояла в том, чтобы научить мир способу завершения конфуцианской мудрости. В противовес буддизму, который искал спасения за пределами мира смертных, эта мудрость помещала свой идеал в центр человеческого общества. В этом данный идеал широко воспользовался доктринами сторонников *Чань* (последователи дзэн-буддизма), которые проповедовали очищающую простоту обычных действий.

Он действительно призывает к отсутствию усилий, отсутствию действий (*ву вэй*) в обычных поступках, а основной акцент в поведении делался на отрицании жадности, отрицании желаний (*ву ю*), на предписании жить и действовать в соответствии с природой. Обе китайские школы неоконфуцианства, школа Духа (*Син юэ*) и школа Закона и Принципа (*Ли юэ*), приобрели в Японии сторонников, первая — в лице Хаяси Кадзана, или Досюна (1585—1659), и вторая — в лице Ямадзаки Ансаи (1618—1682). Основное различие школ (в интеллектуальном наполнении, а не в духовном поведении) проводилось по вопросу о том, чему именно придается главенствующая роль: Принципу (*ли*) или Разуму (*син*) в его воздействии на Сущность (*ки*). Под *ки* подразумевалась неделимая первичная материя, газ или эфир, из которой были созданы все предметы. Именно на «блуждающий воздух» оказывают влияние дополнительные силы *инь* и *ян*, вызывающие скопление или рассеивание, возникновение конкретных предметов или их распад. Следовательно, люди оказываются только частью целого и должны соблюдать духовное поведение, пронизанное любовью ко всему обществу.

Для *Чжу си* и *школы Принципа* (*Ли юэ*) существуют абстрактный мир, над которым господствует Принцип, и конкретный мир, созданный из Сущности; все является осуществлением закона, Принципа, который воздействует на материю, на Сущность. Для Лю Сяньшаня (1138—1194) и школы Разума (*Син юэ*) не существует двух миров, имеется только один, мир Разума: «Вселенная — мой разум, и мой разум — Вселенная». Следовательно, речь идет не о независимой и разделенной природе, которая является Принципом, но о разуме, который сам является вездесущим. Для Ван Янминга (по-японски Оиомэй) (1473—1529) равным образом Принцип не мог бы существовать без Духа. Разум, законодатель Вселенной, образует закон, который и является Принципом. Кроме того, «знание повелевает действием, и действие создает разум». Любой человек, благодаря способности мыслить, может достичь единства знания и действия, стать великим человеком, инструментом, который соединяет небо, землю и все сущее. Благодаря этому постулату Ван Янминг, которого особенно высоко ценили в Японии, связывает метафизику буддизма и метафизику даосизма, делая особый акцент на религиозном синкретизме.

На практике для школы Разума и ее основателя Хаяси Кадзана главным было знание, стремление проникнуть в законы природы. Этот поиск приводил к интеллектуализму, к рационализму, к ученым занятиям, что заставляло постоянно пересматривать этические нормы. Для школы Принципа и Ямадзаки Ансая личный опыт ценился больше, чем эрудиция, а познание могло стать озарением, поэтому следовало опасаться самого Принципа, универсального и постоянного порядка. Этот идеализм предполагает этическую дисциплину и определенный стоицизм в стремлении достичь добродетели, именно она делает нас способными к тому, чтобы достигнуть понимания Принципа.

Оба течения неоконфуцианства способствовали формированию японского мышления, оказали воздействие на его интеллектуальный и духовный рост, и, как подчеркивает Абэ Ёсио, это обеспечило им важное место, они способствовали успеху реформ Мэйдзи в XIX веке. Неоконфуцианство, конечно, имело не только положительную роль, например когда Хаяси Кадзан был избран законным надсмотрщиком за духовной жизнью нации и на него возложили официальную цензуру, обязанность, которая возлагалась на клан Хаяси до конца эпохи сёгуната. Но в то же самое время учителя из этой семьи стремились сформировать у своих учеников гибкий энциклопедический ум. Благодаря интеллектуализму неоконфуцианства складывался также особый дух, на который опирались реформаторы. Школа Ямадзаки строгостью своей морали обеспечивала режиму устойчивый социальный порядок. Наконец, оригинальный мыслитель Огю Сорай (1666—1728) направил путь конфуцианской мудрости к утилитарным целям, подчинив им литературу, историю и политику: образование должно было обеспечивать уже не спасение каждого по отдельности, но безопасность и благосостояние всего народа.

В XIX веке роль неоконфуцианства в Японии реально оказалась противоположной той, что оно имело в Китае. В то время как на континенте образованные последователи конфуцианства были объединены, принимали участие в управлении и представляли сильную политическую оппозицию, в Японии, напротив, в общественной иерархии они следовали за самураями и, поскольку происходили из разных общественных слоев, играли роль советников и вряд ли могли активно участвовать в политике.

Их образование, критика, деятельность оставались за пределами правительственных кругов, но могли охватывать элиту, как и массу, которая обязана им своим образованием. И хотя они фактически были мало заинтересованы в политической деятельности, объективно их нейтральная позиция оказалась причиной пробуждения, а не застоя.

Неоконфуцианство, в наши дни утратившее свои позиции, оказало, таким образом, в XIX веке важное влияние на различные социальные классы. Для каждого класса была выработана своя доктрина — для самураев, крестьян, торговцев, — но именно доктрина для самураев получила наибольшую известность. В ней была сделана попытка уподобить образ жизни воина образу жизни образованного человека — образца конфуцианских добродетелей, — придавая ему чувство альтруизма, до того неизвестного самураю.

Ямако Сокё (1622—1685) делал особый акцент на необходимости следования каждым самураем «пяти правилам» хорошего поведения порядочного человека: «Учитель сказал однажды: „Поколение людей и явлений во Вселенной достигается при помощи чудесного взаимопроникновения двух сил (инь и ян). Из всех созданий человек наиболее наделен талантами, и все явления в нем достигают высшего развития. Из поколения в поколение люди получают источник своего существования, обрабатывая землю, они придумали и смастерили инструменты, научились торговать, в итоге их потребности были удовлетворены. Таким образом, труды крестьянина, ремесленника и купца увеличились, в силу необходимости взаимно дополняя друг друга. Самурай между тем ест, не производя пищи, пользуется предметами, их не изготовляя, и получает доходы, не покупая и не продавая. Как можно оправдать это?.. Задача самурая состоит в том, чтобы размышлять над собственным местом в жизни, верно служить своему господину, если у него он имеется, поддерживать верность ему в его отрядах совместно со своими друзьями и, в соответствии с собственным положением, посвятить себя прежде всего своему долгу. Он должен быть физически здоров и силен, чтобы всегда быть готовым к бою, а внутренне он старается вести себя так, как положено, согласно законам, которые регулируют отношения господина с подчиненными, друга — с другом, отца — с сыном, старшего брата — с младшим братом, мужа — с женой. В его сердце царит мир, но он

держит свое оружие готовым к бою. Три класса простого народа считают его своим наставником и почитают его. Чем больше они образованны, тем больше их понимание, что есть главное, а что второстепенное"» (*Ямако Сокё бунсю*).

Таким образом, было сформулировано и систематизировано учение, которое впоследствии получило известность как «путь воина» (*бусидо*). Закоренелый вояка становился моралистом. Отсюда берет начало идеал рафинированного ученого, оставалось сделать только шаг, который и был сделан Ёсида Сёин (1830—1859) в конце эпохи сёгуната. Дальневосточный идеал мудреца всегда соединял человека действия с мыслителем. Выдающиеся деятели современности с этой точки зрения в высшей степени соответствуют конфуцианству.

Но эти высокие и справедливые размышления, разумеется, играли незначительную роль в уменьшении страданий и удовлетворении простых желаний людей скромного происхождения. Однако нельзя было оставить эти классы вне сферы влияния официальной идеологии, дабы не допустить полного уничтожения существующего общества. Конфуцианство было, таким образом, представлено этим слоям как интеллектуальная основа старинных предписаний буддизма и синтоизма. Между тем среди торговцев и крестьян, в среде которых продвижение в обществе и относительное благосостояние благоприятствовали и духовному подъему, наиболее развитые их представители отыскали в философии китайца Ван Янминга элементы, сближающие их с синтоизмом, в результате эта религия быстро распространялась. Накаэ Тодзю (1608—1648) и Кумадзава Бандзан (1619—1691) реализовали этот оригинальный синтез, который придавал человеческому сознанию ценность, немного подзабытую в суровости конфуцианской ортодоксальности: «Верховный Повелитель бесконечен, и однако, он является конечной целью всего. Он является абсолютной истиной, абсолютным разумом» (Накаэ Тодзю. *Тодзю сэнгсэй дзэнсю*).

Происходящее напоминало судьбу христианства в Японии, именно образованные люди в свое время активнее всего поддерживали христианство, которое в недолгий период своего относительного распространения приоткрыло для них неведомые горизонты.

Обращение к христианству

Для наших дней характерна веротерпимость, многочисленные христианские группы Японии: протестанты, католики, православные или независимые (то есть чисто японские) — живут и молятся свободно. В целом можно сказать, что действия христиан оказались связаны по преимуществу с социальной и образовательной сферой. Это, конечно, было нелегко, так как их деятельность стала возможна только в процессе демократизации страны. На пороге XX века христианство стало главным ферментом эволюции для общества, стремившегося к равенству, — основателем японского социализма стал Абэ Исо (1865—1949), исповедовавший христианство. Воинственная Япония накануне войны, националистическая Япония, воодушевленная победой над русскими в 1905 году, наконец, Япония эпохи сёгуната Токугава была права, когда нещадно изгоняла христианство в любых его формах: оно провоцировало взрыв устойчивого социального устройства, основанного на неравенстве и иерархичности. Однако общественная драма христианства в Японии, достигшая кульминации в подавлении мощного крестьянского мятежа Симабара (1637), была не более чем драмой преследования и отречения, обусловленного страхом. В презрительном растаптывании *фуми-э*, в отречении, которое требовалось от людей, подозреваемых в приверженности к подрывному учению, в большей степени разрушалась надежда на синтез культур, чем достоинство мучеников, которых все же недоставало. Драма христианства в Японии является драмой непонимания двух равно утонченных цивилизаций, которые величайшие умы тщетно пытались сблизить. Горечь, которая из этого проистекала, и результаты этого провала имели далеко идущие последствия.

Встреча в Японии христианства и буддизма произошла в XVI веке, именно тогда началось наиболее глубокое недоразумение между Востоком и Западом. Это история жестокого разочарования. Франсиско Ксавье, добравшийся до Японии в 1549 году, с восхищением познакомился с нравственной доктриной буддизма, столь близкой в своей практике к учению Христа. Одержимость мистической мечтой об универсальном братстве и пла-

менный энтузиазм двигали этим христианским апостолом. Поскольку он оказался в эпицентре деятельности, то ему было трудно, так же как и его сотоварищам, сохранять спокойный скептицизм своих коллег, иезуитов Запада. Надежда казалась столь прекрасной и столь распространенной, что она возвышала сердца людей и в далекой Европе: востоковед Гильом Постель усматривает в этом причину реформирования нравов, пренебрегаемых Западом. Сочинение Франсиско Ксавье «О чудесах света» (1552) включает письмо, которое отец Ланчилотто послал Игнасио Лойоле из Кохинхины: с буддизмом познакомился христианский мир. В то же время Франсиско Ксавье начинал утрачивать свои иллюзии. Чем больше христианские священники постигали тонкости японского языка, когда-то наспех изученного в миссионерских школах Макао, тем яснее для них становилось, какое непонимание и чистая вежливость содержались в столь легком согласии японцев. И постепенно стало понятно, что два до странности похожих друг на друга учения о нравственности отражают тем не менее два различных мировоззрения, которые радикально противостоят друг другу. Разочарование и раздражение охватили души с той и другой стороны; свертывание торговли и внутренняя борьба священников различных толков между собой довершили дело. Пятого февраля 1597 года были казнены первые двадцать шесть мучеников Нагасаки; это положило начало ненависти. После казни надежды больше не оставалось: «Я все вам сказал. Япония не создана для христианства, оно не может там укорениться. Какая разница между милосердием христианского Бога и милосердием Будды? Ведь в Японии отчаянная слабость людей полностью полагается на милосердие Будды. Святой отец передал мне убеждение в том, что спасение христианина зависит не только от того, что он предается божественному милосердию. Верующий должен сохранять твердость своей души. Именно эта точка зрения извращена и трансформирована в этом болоте, именуемом Японией... Христианство, которое вы внедрили в Японии, является противоестественным, чтобы не сказать чем-то странным, — произнес правитель Тикуго, глубоко вздохнув. — Япония сотворена именно таким образом, там невозможно ничего. Да, мой отец!» (Эндо Сусаку. *Молчание*).

Прибытие португальцев в Японию было воспринято сначала благосклонно. Пребывание Франциска Ксавье в Японии (15 августа 1549 года — 20 ноября 1551 года) привело к почитанию христианского вероучения. Взаимное непонимание, трудности и драмы начались позже. Этот контакт с Европой оказал большое влияние на японское искусство, которое испробовало много попыток, чтобы перенять западные принципы. И они были применены в росписи ширм, наиболее известны под названием «Варвары Юга» (*Намбанбёбу*). На них изображены, с применением чисто японской техники, живописные сцены прибытия португальского судна, приезд священников и месса. Ширмы относятся к работам художников школы Кано, в частности та, о которой здесь говорится, «Выгрузка людей с Запада», приписывается художнику Кано Найцдзин (1570—1616).

На буддизм, более живучий в Японии, чем в любом другом месте Азии, была возложена ответственность за неудачу миссионеров; он превратился во врага, воспринимался как жестокое и смешное идолопоклонничество. И если де ла Мотт ле Вайе первым заговорил о «возвышающей философии», то он трудился, не брезгуя никакими средствами, больше в пользу свободной мысли, чем идеологии, которая для него оставалась глубоко чуждой. Первая встреча двух миров потерпела фиаско. Кто мог тогда сказать, зарубцуются ли когда-нибудь разверстые раны? Заблуждения первых миссионеров, их иллюзии о возможности тайного продвижения христианства были, однако, не лишены основания. В Японии, как и на Западе, торжествовала религия милосердия и спасения. Соответствие оказалось настолько поразительным, что еще и в наши дни разыскиваются, но, похоже, безуспешно, следы далекого продвижения несторианства.

Буддизм

Предыстория японского буддизма

Истоки японского буддизма ведут в китайский буддизм, который сам берет начало в Древней Индии. Понимание буддизма невозможно без обращения к метафизическому абсолюту брах-

манизма, против которого и выступил в середине I тысячелетия до нашей эры Будда Шакьямуни.

Сторонники брахманистской религии в Индии верят в единого бесконечного Бога, которому невозможно приписывать реальный законченный мир; наш мир оказывается, таким образом, только миражом, пустотой (*майа*). В самом деле, почему наряду с Богом должен существовать реальный мир вне его? То, что мы видим, всего лишь видимость, бегущие волны, порождающие вечное и неуловимое море. У этого неосязаемого мира есть сущность — душа (*атман*), единственной и безличной формой которой является Бог (*брахман*). Спасение каждого совершается через возвращение своей души к первоначальной сущности, соединение с сущностью Бога. Это слияние не может осуществиться до завершения длинного пути, через преодоление многих этапов, которые представляют собой разные жизненные воплощения, через цепь возрождений в цикле метемпсихоза. За каждым поступком в жизни следует хорошее или дурное воздаяние, а потому каждому человеку суждено в соответствии с характером воздаяния возродиться в ином теле и прожить в нем счастливую или несчастную жизнь. Поэтому особенно важно проживать жизнь, непрерывно совершенствуясь. Совершенствование позволяет достигнуть состояния души, которое и дарует слияние с Богом. Подобное умение жить возможно, если следовать за установлениями брахманов, жрецов, которые являются единственными посредниками между Богом и человеком.

В противоположность последнему принципу, который обосновывает существование аристократии, первые буддисты демократически провозгласили, что освобождение находится в пределах досягаемости для всех. Шакьямуни в своей проповеди в Бенаресе игнорировал духовенство, отказался от обрядов и жертвоприношений, отрицал существование души и ее возвращение к единственному Бытию. Для него переселение душ — это факт строгого детерминизма в соответствии с законом причин и следствий. Чтобы избежать цикличности бытия, достаточно осознавать четыре истины. Первая истина состоит в том, что жизнь — сплошное страдание, так как она основана на непостоянстве любого явления. Единственная реальность есть реальность страдания, причина которого желания, жажда жизни, — такова

вторая истина. Подавленное желание избавляет от страдания, и тогда более не существует ни рождения, ни жизни, ни смерти — в этом суть третьей истины. На пути Будды человек научается освобождаться от любых желаний — это четвертая истина. Наши чувства обманывают нас, а потому следует от них освобождаться, для того чтобы достичь подлинного озарения. Освобождение, таким образом, оказывается в большей степени результатом рассуждения, чем результатом веры.

Первые индийские буддисты восхваляли, таким образом, способ жизни, желательный для каждого верующего без вмешательства потустороннего спасителя, но с помощью наставника. Учитель показывает путь, но учение не составляет законченной системы. Ведь впоследствии могли возникнуть и многие другие установления, в которых излагалось не только то, что уже сказал наставник, но в откровении могло быть выражено и то, о чем он не говорил. В Индии первые буддийские секты объединяли тех, кто хотел отойти от бренной жизни, приняв формулировку трех ценностей и повторяя ее: «Я прибегаю к Будде, я прибегаю к учению, я прибегаю к его сообществу»[1]. Монахи и монахини следовали ради своего спасения по восьмеричному пути, который при соблюдении личной дисциплины позволял достигнуть правильной медитации, подавляющей желания, творящей доброту, приводящей к альтруизму, культивирующей отрешенность и хладнокровие, ясность и невозмутимость. Медитация сама по себе многоступенчата: сначала человек отказывается от желаний, сохраняя только представление о предметах, затем утрачивает и эти образы, чтобы освободиться от любых ощущений, и наконец восприятие и чувства подавляются на самом пороге нирваны, этого состояния успокоения, бездействия дхарм, частиц, движения которых точно порождают образование цепочек бытия. Природе нирваны, благоприятной или неблагоприятной, Шакьямуни не дал определения; известно только, что следовало достичь такого психического состояния, которое полностью подавляло всякое физическое сознание, любую мысль, желания, ощущения.

По этому строгому пути к суровому предопределению могли следовать только сосредоточенные целеустремленные души.

[1] Речь идет о сангхе — монашестве.

Эгоцентрический характер поиска, который осуществлялся самостоятельно, только лично для себя, не противоречил и менее интеллектуальным потребностям народных масс. Почитание и поклонение божеству выражалось в культе реликвий. Колесо или след ноги, которые символизировали личность Шакьямуни, достигшего нирваны, вскоре сменились его изображениями, затем изображениями целого пантеона святых, учеников или героев. Учение толковалось, комментировалось, для поддержки слабых были изобретены многочисленные заступники и стадии постижения учения, доступные для каждого. Атеистический буддизм превратился, таким образом, в веру с многочисленными богами. К длинному и трудному личному пути спасения на пути Малой колесницы (*хинаяна*) прибавился и другой буддизм, более доступный и понятный, более обращенный к чувствам, менее трудный, менее рациональный, — путь Большой колесницы (*махаяна*). С тех пор двери были открыты для новых доктрин, которые не противоречили первоначальному учению; возможность объединять буддизм с местными культами и божествами, выступавшими посредниками, позволяла буддизму широко распространяться — он завоевал Китай, а оттуда пришел в Японию.

Современный японский буддизм

Японцы не склонны к интеллектуальному эгоцентризму Малой колесницы, суровая монашеская жизнь которой плохо приспособлена к японскому обществу и климату архипелага. Они предпочитали более альтруистическое и более эмоциональное учение о пути Большой колесницы, простой и демократический характер которого привлекал большую часть общества.

В наши дни религия, возникшая более тысячи лет назад, все еще жива, и японский буддизм неотделим от общественной жизни и судьбы отдельного человека. Буддистское духовенство принимает на себя тяжкий груз погребения мертвых, хотя сегодня акты гражданского состояния и не препоручаются ему больше, чем в период Эдо. Организация похорон и заупокойных служб (*ходзи*), таким образом, связывает буддизм со многими семьями. Конечно же, он подвергся многим изменениям.

Дорога к достижению Будды обросла промежуточными этапами и многочисленными видами рая, приспосабливаясь к верованиям предков, щадя чувства людей. Маленький семейный буддийский алтарь (*буцудан*) хранит таблички, на которые заносится посмертное имя умершего, так же как и фотографии близких, пропавших без вести в последнюю войну. Воспоминание о них еще свежо в памяти их родственников и друзей. А потому их приветствуют, рассказывают им о последних семейных событиях, поскольку считается, что, грешные ли, праведные ли, души усопших, тех, кто уже достиг Будды, еще не отделены полностью от мира живых людей. Каждый год 13—15 июля души возвращаются в свой дом, и этому посвящен один из древнейших буддийских праздников, который называется *урабон-э*, или *бон*, — праздник фонариков: маленький огонь, помещенный перед входом в жилища, встречает души, а спустя два дня — провожает. В былые времена по случаю чтения сутры *авалambана* император приглашал верующих собираться в храмах. Главным событием был ритуальный танец, повествующий об ученике Будды. В конце сезона дождей он сподобился благодати благодаря Будде и роздал многочисленные подарки всей общине, увидел собственную мать, избавленную от ужасных мучений в одном из шести миров страдания. Это спасение вызвало у него беспредельную радость, которую выражает этот танец. Чтением буддийских текстов, приношением даров умершим, посещением могил поддерживаются эмоциональные связи между жителями земли и теми, кто покинул ее, а ритуальные танцы напоминают живым о счастье следовать путем Будды согласно предназначению каждого. Воспоминания об усопших связаны также и с днем равноденствия (*хиган*), когда сто восемь ударов колокола в храмах отмечают наступление весны, стирают сто восемь человеческих страстей, последствия которых умершим уже ведомы; их унесет уходящий год. На границе путей добрый *дзидзё-сама* — связующее звено между двумя мирами, грубоватое изваяние которого обычно облачается в красный фартук, — направляет души в загробное царство.

Влияние буддизма глубоко пронизывает повседневную жизнь японцев. Еще сегодня расхожее мнение о сдержанности, которая придает японской архитектуре — хоть она и создана

«по американскому образцу» — ее специфический облик, напоминает о буддийской изысканности в соответствии с основными тремя критериями дзэн-буддизма: *ваби* — спокойствие, ясность, душевный покой, *саби* — патина столетий, нажитый опыт и *каруми* — легкость, сдержанность, такт. Чайная церемония, столь дорогая эстетам, вдохновлявшимся дзэн-буддизмом в эпоху Муромати, привила целому народу вкус к предметам, исполненным красоты без вычурности, ощущение ценности долго вынашиваемого жеста и создала привычку устраивать в каждой комнате специальную нишу для созерцания (*токонома*). Даже для составления букета, простого или роскошного, который украшает дом, имеется учение (*икэбана*): принципы были выработаны давным-давно для того, чтобы ставить цветы перед статуей Будды. Литература, живопись, вся материальная и духовная деятельность сохраняют неискоренимую печать буддизма, даже такое мощное учение, как конфуцианство эпохи Токугава. Конфуцианство первоначально само почиталось бонзами Пяти Гор (*годзан*), которые следовали китайской традиции: буддизм был привилегированным механизмом китайского влияния в Японии, благодаря чему он стал символом континентальной культуры и инструментом ее адаптации на Японских островах.

Основанный на учении о Большой колеснице, которое допускает созданные в позднейшие времена комментарии и интерпретации первоначальных текстов, японский буддизм еще более, чем буддизм китайский, разветвлялся, делился на многочисленные секты с разнообразными культами. В наши дни он официально разделен на тринадцать сект и пятьдесят шесть культов. Если наиболее старинные секты Хоссо, Кэгон и Рицу утратили былое влияние, то иначе обстоит дело с недавно возникшими формами буддизма. Они остаются и в настоящее время достаточно жизнеспособными, несмотря на экономические трудности, связанные с аграрной реформой 1945 года, которая отняла у храмов их собственность — обширные земли, составлявшие главное богатство храмов. Конечно, современные священнослужители, ответственные за приход, живут в большей степени за счет великодушия прихожан, чем за счет храмового имущества. Но их настоящая сила главным образом в их школах, дающих прекрасное образование.

В конце Второй мировой войны количество школ и сект, признанных японскими властями легальными по новому закону, предоставлявшему свободу религиозным движениям, достигало примерно двухсот пятидесяти, они объединяли около сорока миллионов сторонников. Буддизм изучается в университетах, и этому посвящена деятельность приблизительно четверти всех кафедр. Около четверти кафедр изучает буддизм в университетах. Шесть крупных буддийских университетов и шесть специализированных институтов (*котогато*) дают образование на высоком уровне; кроме того, есть многочисленные благотворительные учреждения, медицинские, социальные и культурные центры. Реформы буддизма произошли по всей Азии, и Япония приняла активное участие в этом процессе. В 1952 году в Токио, в Хонгандзи, в центре амидистской секты Син, собралась большая буддистская конференция, на которой присутствовали представители восемнадцати стран. Движение японских буддистов координируется японским отделением Международной ассоциации буддистов; по образцу некоторых христианских организаций были созданы Федерация молодых японских буддистов (JYBF) и Буддистская ассоциация женщин Японии (JBWA). Аналогия не случайна, так как японцы давно понимали, что для того, чтобы соперничать с христианством — а именно в этом заключалась роль буддизма в эпоху Токугава, — надо было перенимать его методы и систему организации. Буддийская философия изучалась в свете западных философских учений, так как японцы с готовностью признают все то, чем они обязаны Западу в этом отношении. Современным возрождением буддизм обязан интеллектуалам, интересующимся Индией. Они открыли для себя Индию благодаря французским востоковедам, таким как Эжен Бернуф, Сильвен Леви или Луи де Ла Валле Пуссен и другие, обнаружившим канон *пали* и подлинные документы, связанные с Малой колесницей. В 1873 году Симадзи Мокураи познакомился с французскими церквями и университетами, изучая христианство, с целью совершенствовать изучение и распространение буддизма. В конце того же века Нандзё Бунидзи отправился в Оксфорд изучать санскрит и исследовать пути, которыми буддизм проник в Японию. Новые открытия, связанные с изучением истории буддизма и ревизией концепций, вели к духовным откро-

вениям, которые глубоко повлияли на современное состояние этой религии не только в Японии, но и во всей Азии.

Благоприятный период для буддизма стал затухать вскоре после революции Мэйдзи, а особенно он оказался в тени между двумя мировыми войнами, оттесненный синтоизмом и стремительным развитием национализма. Возведение синтоизма в ранг государственной религии оказалось нетрудным благодаря продолжительной дискредитации буддизма. Это привело его к полному упадку, который начался еще с первых веков эпохи Эдо. К концу режима сёгунов, *бакуфу*, в некоторых крупных владениях (*хан*), таких как Мито, Айдзу и Сацума, появляются партии, рекомендующие отмену религии, которая, как тогда представлялось, была лишена своего содержания. Слишком долго буддистам разрешалось только ведение документов гражданского состояния, и уже мало кто помнил, что именно благодаря этому обстоятельству намерение распространять христианство потерпело поражение: все проживающие в квартале должны были быть зарегистрированы в квартальных храмовых книгах. Буддизм использовался тогда властями как эффективное оружие в борьбе с христианством. Несмотря на подобную официальную роль (сохранявшуюся и после запрещения христианства), буддизм всегда оставался объектом недоверия со стороны диктаторов Токугава. При том что власти внешне выказывали ему несомненное доверие, была создана система контроля за его организациями. В XVII веке правительство Эдо реорганизовало все секты: каждая из них могла иметь только два главных храма, чтобы между ними была конкуренция, которая ослабляла бы позиции обоих. Правительство вынуждало принимать участие в делах государства и одновременно приняло решение о запрещении изучать любые философские системы, кроме конфуцианства, этика которого укрепляла власть.

Контроль за деятельностью буддистов и ограничения, наложенные на нее, проводились в годы мира и экономического благополучия. Крестьяне, ремесленники и купцы больше думали об использовании благ этого мира, чем о своем спасении. Ощущение нестабильности этого «бренного мира», который запечатлели гравюры *укиё-э*, сочеталось с беззаботностью. Религиозные чувства никто отменить не мог. Приверженцы националистической секты

Нитирэна продолжали свою борьбу, в то время как суровые последователи дзэн-буддизма и сторонники амидизма еще сохраняли большой авторитет, одни — в кругах чиновников, другие — в народных массах. Популярностью пользовались лишь этические постулаты. Сторонники Нитирэна стремились распространить свою веру в Будду Шакьямуни и призывали следовать примеру своего учителя, нелегкая жизнь которого демонстрирует повседневными поступками добродетели терпения, стойкости и одержи-мости. Дзэн-буддисты проповедовали не только медитацию, но и активную жизнь и добродетели терпеливости, дисциплины, концентрации и отрешенности. Сторонники амидизма снова принялись призывать Будду Амиду и не искали другого способа спасения, требующего личного усилия. Память верующих еще была пронизана воспоминаниями о гражданских войнах XV—XVI столетий. Простые люди не вникали в отношения вассала и сюзерена; самураи стали в конце концов относиться к собственной жизни с глубоким равнодушием и, еще с большим безразличием, к смерти других людей. Что касается монахов, то они сами добровольно нанимались в солдаты, обретая в сабле или дубине аргументы более действенные, чем аргументы красноречия.

Упадок буддизма под властью Токугава своими корнями восходит к этому смятению. Эта религия слишком скомпрометировала себя в драматической истории феодализма, оказалась втянутой в дела века, и хотя должна была заставить ценить прежде всего отрешенность от мира, она, напротив, позволила себя вовлечь во все общественные перипетии, так что дело кончилось тем, что не стало различий между двором и храмом. Буддизм уже никогда не смог полностью оправиться от удара, который ему нанесли в XVI веке Ода Нобунага и Тоётоми Хидэёси, резко положив конец его могуществу и разграбив бóльшую часть его земель. Многие столетия постепенного упадка, философского застоя объясняют тот пыл, который проявляют современные японские священнослужители, с одной стороны обращаясь к исследованию глубоких причин жизнеспособности христианства, а с другой — возвращаясь к источникам, для того чтобы обнаружить великий религиозный порыв, который придал духовной жизни Японии и буддизму — в том виде, в каком он там развился, — вселенскую человеческую ценность.

Три типа японского буддизма

Возрождение буддизма сегодня связано с потрясениями и имеет философскую основу. Философия его связана в гораздо большей степени с мыслью эпохи Камакура, чем с философией тех столетий, когда не проявлялся интерес к философской сущности буддийских учений и ею открыто пренебрегали. В эпоху Камакура многие высокопоставленные монахи были отлучены от императорского двора и обратились к философским поискам. Военные, обладавшие реальной властью, силой навязывали свою политику, продиктованную честолюбием. Простые люди все так же тяжко трудились и бедствовали. В стране царили беззаконие сильных и страх беззащитных. Больше, чем прежде, жизнь теперь казалась краткой и горестной. Казалось, спасения не было. Придворные обращались к старым верованиям и магическим ритуалам, существуя словно вне времени и пространства, занятые церемониальной жизнью двора, ограждающей их от реальных проблем, которыми жили простые люди. В этих условиях зарождается идеология, придающая большее значение чувствам, чем ритуалам или постижению учений и комментированию трактатов. Начиная с XII—XIII веков общество двигалось в направлении национализма, мистицизма и альтруизма. Таковы были причины для возникновения секты Нитирэна, школы дзэн-буддизма и амидизма.

Нитирэн (1222—1282) — один из подвижников, фанатично преданных своим убеждениям и своему делу, которые встречаются во все времена. В свое время он был единственным духовным учителем, убежденным в необходимости изменить взгляды людей и перестроить мир. Он пытался воспламенить сильных людей и отвергал слабых. Его учение хорошо адаптировалось к японскому мировосприятию. Нитирэн, ценивший простоту, характерную для японского менталитета, освободил свое учение от темных и догматических мест, приспособив его для понимания простого человека. Образованный монах, получивший знания в старинной секте Тэндай, он утверждал, что сутра Лотоса Дивного закона является конечным текстом, который содержит в себе откровение истины и, в отличие от других буддистских сект, является единственной библией. Этот текст объясняет и природу

человека, и природу Будды. Человек наделен безграничными способностями для того, чтобы достичь добра или зла и, следуя избранным путем, прийти к раю или аду. Тем самым каждому верующему предоставлялась возможность стать Буддой. Но для этого было необходимо идти по пути бодхисаттв, при любых обстоятельствах быть милосердным и бескорыстным. Исторический Будда достиг Вечной истины, которая может быть заключена и в любом человеке. Следовательно, ни к чему искать другой мир или какой бы то ни было рай. Все субъективно и вероятно. Человек, который достигнет состояния гармонии с естественной природой мира, способен достичь и единения с Буддой, и тогда мир уже не будет казаться исполненным страдания, но наполнится радостью. В каждом человеке, таким образом, заключается возможность здесь, на этой земле, пребывать как в раю, так и в аду. Хотя доктрина Нитирэна по своему содержанию не выходила за пределы буддийской мысли, но была облечена в совершенно особую форму. Она внедряет религиозное мышление и поведение в национальный образ жизни, идентифицирует религиозную жизнь с национальной. Эта цель, непреклонная и фанатичная, требовала столь же страстного преодоления всех препятствий для изучения сутры каждым гражданином. Секта Нитирэна, пронизанная идеей необходимости приобщить к ней все общество, стала символом единства мистических представлений, где космические образы скрывали стремление к абсолютному господству.

Наследие, завещанное Нитирэном, не сводилось только к авторитарному учению, мистическому убеждению и националистическому призыву. Мужество и готовность к самопожертвованию были главными чертами учителя. Одно из положений сутры Лотоса предупреждает, что гонениям должен подвергаться тот, кто станет распространять учение во времена всеобщего упадка (*маппо*). В XIII столетии таких людей, которые полагали, что вступили в этот проклятый период, оказалось достаточно много. Нитирэн, проповедуя свое учение о сутре Лотоса Дивного закона, требовал запрета всех других религиозных сект. Его стали преследовать. Но его вера в священный текст была непререкаема, во имя ее торжества он многое претерпел, даже был приговорен к казни, но чудесным образом избежал смерти. Когда он уже подставил шею под удар сабли, внезапно из грозовой тучи вылетел

огненный шар, который заставил его палачей бежать. В изгнании Нитирэн мужественно сносил холод и голод. Вопреки всему он всегда был примером радости и величия, усердия и надежды человека, который жил согласно сутре Лотоса Дивного закона.

Как на Западе украшались и расписывались евангелия и часословы, возвышая религиозные чувства средневековых художников, так и в японском искусстве копирование сутр приобретало важное значение. Так было создано немало шедевров живописи и каллиграфии. Сутра Лотоса Дивного закона была выписана каллиграфически около 1180 года классическими иероглифами на бумаге в форме веера. Богатая бумажная основа содержала вкрапления золота и серебра, были заметны частицы растительных волокон, из которых изготовлялась бумага. Рисунок, который проявляется под каллиграфическими иероглифами, был исполнен в технике ксилографии, затем раскрашен. Это изысканное декоративное произведение – прекрасный образец искусства эпохи Фудзивара.

Нитирэн, сила которого состояла в его убеждении первооткрывателя, полагал, что Япония должна стать центром буддизма, который был уже забыт или преследовался в других странах, откуда происходил или был когда-то распространен. Он обладал даром предвидения, например предсказал варварское вторжение на острова, что подтвердилось попыткой монгольского завоевания. Это принесло ему славу защитника японской родины. Так буддизм подпитывался чувством национального величия, затем отчасти смешался с синтоизмом (*хоккэ синто*). Эта оригинальная религиозная смесь воодушевляла воинов и простой народ. В наши дни сторонники секты Нитирэна вербуются среди людей, которые способны вдохновляться ритмичным повторением *даймоку* (молитва секты Нитирэна «*Наму мёху рэнгэкё*» — «Я посвящаю себя сутре Лотоса Дивного закона», сопровождаемая ритмом плоских барабанов). Последователи Нитирэна в силу своих религиозных и политических амбиций и устремленности к победе (и здесь не обходится без национализма) образовали секты, политическая роль которых возрастает. Такова мощная секта Сока Гоккай или менее значительные Рэйюкай и Рисё Косэйкай.

Распространение буддизма и сектантское отношение к другим учениям придают буддизму Нитирэна специфический характер. Сторонники дзэн-буддизма не заходили так далеко. Они действительно проповедовали единство религиозной жизни с повседневностью, прежде всего это относилось к отдельным людям, и они если и не следовали букве священных текстов, то почитали глубокий смысл всего учения. Различие между ними очевидно: национализму одних противопоставляется универсализм других, нетерпимости первых — либерализм вторых.

Вольнодумцев, чуждых честолюбия, не ставивших великих задач, привлекала медитация — *дхана*, *чань* по-китайски, или *дзэн* по-японски. В ней они обретали личный путь спасения, основанный исключительно на собственных силах и независимости от времени, проведенного за молитвами. Эти новации принадлежали патриархам Эйсаю (1142—1215) и Догэну (1200—1252), после своего возвращения из Китая они основали секты Риндзай и Сото. Их учение включало жесткую личную дисциплину последователей *хинаяны*. Но в отличие от нее дисциплина дзэн была важна для пользы всего мира в духе *махаяны*. Идеал дзэн-буддизма не в том, чтобы отделяться от общества; его конечной целью было личное просветление, но оно могло быть достигнуто благодаря медитации, каждодневному бескорыстию и альтруизму во всех поступках. Как и все буддисты, последователи дзэн-буддизма обретают убежище в трех ценностях: Будда, Закон и Сообщество. Но для дзэн-буддизма Будда — это Шакьямуни, исторический персонаж, почитающийся как настоящий учитель, чья природа подобна нашей. Дзэн-буддизм почитает всех тех, кто помогает другим людям достигать состояния Будды, отсюда культ бодхисаттв, архатов и патриархов. Его позиция по отношению к священным текстам основана на уважении к первоначальному смыслу текста, рассматриваемого как указание направления, которое следует избирать, а не как сумма установлений. Установления могут передаваться не словесными доказательствами, а путем медитации и просветления. Чтение сутр в соответствии с буддийской традицией, в виде диалога между учителем и учеником, в котором парадокс (*коан*) как спасительное средство смягчает логическую строгость, используется для того, чтобы наилучшим образом проникать в мир иррационального, где все понимается

через интуицию и озарение. То же относится к изображениям; картины, скульптуры, которые украшают храмы, не идолы, но знаки, служащие для побуждения к медитации. Китайский священник не колебался, если надо было бросить в огонь деревянную статую, чтобы просто согреться.

Свобода мышления, отсутствие пиетета к культовым книгам и статуям, на взгляд постороннего, могли показаться богохульством. Неверное представление. Последователь дзэн-буддизма — сторонник порядка, он альтруист, который ищет спасения для всех путем суровой дисциплины и образцового образа жизни. Когда последователь дзэн-буддизма достигает просветления и его дух пребывает в Будде, он возвращается к повседневности, собственноручно творит добро, помогая ближнему, обучает его медитации, для того чтобы и он мог познать просветление. Дзэн-буддист не только соблюдает нормы повседневной жизни, но и совершенствует их, как требует его понимание буддийского учения. Здесь и корни строгого этикета, диктующего, к примеру, движения во время чайной церемонии, которые (как и на других подобных церемониях) должны исполняться торжественно, с глубоким благочестием. Им отчасти объясняется принятие дзэн-буддизма самураями, которых воодушевляла его экспрессивная грубоватая простота, знатью и образованными людьми, которые восхищались изяществом и изысканностью обрядов. К философии дзэн-буддизма восходят четыре добродетели: скромность, простота, глубина и сила, — которые пронизывают всю японскую культуру и искусство, хотя последние и не исчерпываются ими.

Чтобы судить в целом о влиянии дзэн-буддизма, следует говорить не только об учении. Учение специфично, его можно определить как синтез материализма и мистики, в нем соединились интеллектуальная культура Индии, прагматическая культура Китая и эмоциональная культура Японии. Оно связало то, что японская цивилизация унаследовала другими путями от Индии или Китая, других буддийских сект, конфуцианства и даосизма. Именно в дзэн-буддизме нашли себя многие элементы японской цивилизации, и, напротив, ряд существенных элементов этой цивилизации обнаруживается в самом дзэн-буддизме.

Буддизм, которому Нитирэн придал общественный пафос, еще более или менее можно сопоставить с дзэн-буддизмом, но

он очень сильно отличается от амидизма, пронизанного чувством сострадания. *Амида*, чье имя на санскрите означает «вечная жизнь» или «вечный свет», был монахом, который отказался стать Буддой, пока не будет спасено все человечество. Его имя было давно известно в Индии, Китае, Тибете и даже Японии — знаменитый путешественник Эннин (794—864) привез из своего продолжительного путешествия в Китай практику медитации, связанной с его именем. В течение многих столетий Амида оставался божеством второго плана, вплоть до эпохи, когда бедствия народа оказались столь невыносимыми (X—XI вв.), что зародилось учение, которое сулило более справедливый и более милосердный мир, в котором каждому воздавалось бы по его поступкам. Этот оплот справедливости и счастья назывался Чистой землей (*дзёдо*), далеким раем Запада, Миром высшего наслаждения (*гокураку сэкай*); его могли достичь только чистые или раскаивающиеся души, ищущие в Амиде последнего убежища, которого слабость их человеческой природы не позволяла обрести в себе самих. Осознавая собственную слабость, они мечтали о мощном и активном вмешательстве со стороны заступника.

Позолоченная деревянная статуя Амиды Нёрай (1052) хранится в Хоодо в Бёдоине в Удзи. Она принадлежит скульптору Дзётё (умер в 1057 году), который изобразил святого с пластической выразительностью, характерной для возвышенного буддизма эпохи Хэйан. Одновременно художник усовершенствовал технику *ёсиги*: различные части статуи вырезаны по отдельности брусками, собранными затем воедино. Ореол, окружающий Амиду, состоит из летящих божественных музыкантов (*хитэн*), чьи развевающиеся шарфы напоминают языки пламени. Считается, что именно Дзётё придумал этот тип нимба, сочетающий языки пламени традиционных нимбов с *апсарами* (божественные танцовщицы), фигурами которых украшали вершины пагод.

С распространением идеи о близком конце света (*маппо*), который должен был наступить в 1052 году по европейскому календарю, пришло разочарование в любой деятельности — следовало только верить и надеяться. Уже в X веке Куя (903—972),

монах с горы Хиэй, близ Киото, ходил по городам и ярмаркам, проповедуя единственный способ спасения в Амиде; Гэнсин (942—1017), монах из того же монастыря, философски определил в своих сочинениях силу воздействия молитвы. Риёнин (1072—1132) основал амидистскую секту (*Юдзу-нэмбуцу* — «совместная молитва»); император Сиракава покровительствовал ее расширению. Но именно Хонэн (Гэнку, или Энко дайси, 1133—1212) учредил в 1174 году секту Чистой земли (*дзёдосю*). Хонэн не верил в спасение с помощью медитаций или молитв, но верил во вмешательство внешней силы, в силу веры, и только в нее, поэтому следовало призывать имя Амиды кратким восклицанием «Наму Амида Буцу!» («Поклоняюсь Будде Амида!») и соблюдать обычные буддистские правила, чтобы быть достойным возрождения в амидистском раю.

Учение Хонэна основано на трех сутрах, тексты которых повествуют о жизни монаха Дхармакара (будущий Амида), о жизни королевы Вайдеки и «свете Западного рая», напоминая о значимости многократных призывов и искренней веры. В 1224 году Синран (1174—1263) сделал практику *дзёдосю* еще более простой и милосердной (*Дзёдо-син-сю*, сокращенно *Син-сю*). Для Син-сю бесполезно даже следовать предписаниям, вполне достаточно искренне взывать к Амиде, повторяя его имя; и, напротив, надо отречься, ради сохранения чистоты сердца, от предрассудков, связанных с добрыми или неблагоприятными предзнаменованиями, отказаться от выбора благоприятных или пагубных направлений, от астрологии и молитв, обращенных к богам или духам. Простота жизни и чистота сердца обеспечили Син-сю популярность и в наши дни. «Татхагата Шакьямуни проявил себя в мире по единственной причине, ему было суждено провозгласить безбрежный океан фундаментального Обета Амиде. Люди, столь же многочисленные, как и волны океана, те, кто подчинены Пяти Препятствиям и отданы в залог демону, должны слушать абсолютно истинные слова Татхагата... <...>

Если в нас зарождается хоть раз единственная мысль о радости и любви, тогда мы, такие, как мы есть, с нашими грехами, мы стремимся изо всех наших сил к нирване. Смертные и святые, даже те, кто совершил пять смертных грехов и клеветал на святые законы Будды, смогут между тем, благодаря вере в могущество

Татхагата, войти в его милосердие, и это так же несомненно, как то, что вода горного потока в конечном счете достигает океана и становится соленой... <...>

[Тан-Луань учил], что благодать возрождения в раю, так же как и та, благодаря которой мы можем возвратиться на землю для того, чтобы помогать себе подобным, является даром, который мы получаем благодаря могуществу Будды, и что подлинная причина нашего рождения на Чистой земле есть просто верующее сердце. Поэтому если мы, слепые и грешные, если мы пробуждаем это верующее сердце, то мы можем разглядеть нирвану и в этой жизни. Потом мы безошибочно достигнем Чистой земли беспредельного света, и, проповедуя всем созданиям, способным к восприятию, что мы вовлечены в несчастья земли, мы и их приведем к спасению.

Гэнсин установил различие между чистой верой и нечистой верой, одна из них покоится в глубине души, а другая является поверхностной. Он учил также, что существует две формы рая, мест упокоения, соответственно предназначенные для тех, кто обладает глубокой верой, или для тех, кому дарована поверхностная. О жалкий грешник! Призови, следовательно, хотя бы один раз Будду Амиду! И он нас поддержит. Хотя наши плотские глаза и не могут его увидеть ясно из-за наших грехов, но его милосердие постоянно присутствует для того, чтобы просветлить наши умы.

Мой наставник Гэнку (Хонэн), который пролил свет на буддизм, испытывал глубокое сострадание к мирянам, хорошим или плохим. Именно он торжественно открыл учения Истинной секты в этой стране и распространил в этом растленном народе учение об обете, которым избирается Амида.

Гэнку учил, что причина, по которой люди постоянно возвращаются в дом ошибок [выражение, обозначающее современную жизнь], была полностью обязана тому, что мы изборождены шрамами сомнения. Для того чтобы суметь войти прямо в мирное и вечное пребывание в нирване, нам необходимо получить верующее сердце» (Синран. *Сосин нэмбуцу гэ*).

Все учение о благодати (*дзирики* — спасение своими силами и *тарики* — спасение силой заступничества) приносило слабым людям утешение и надежду. Учение амидизма создавало мощное

монотеистическое течение, которое противостояло многобожию эзотерических сект, многообразные божества которых делали до тех пор японскую религиозную жизнь аморфной.

Древний буддизм

Учения, методы и вера эпохи Камакура, которые осветили мысль, искусство и повседневную жизнь, ознаменовали приход японского буддизма, который постепенно почти полностью вытеснил буддизм в китайской оболочке эпох Хэйан и Нара. Он почти исчез, хотя кое-что от него сохранилось навсегда: Нитирэн глубоко проникся учением китайских сект Тэндай и даже Сингон, последователи дзэн-буддизма не могли отрицать свою близость к школе «озарения» китайской философии, источнику учения чань. Последователи амидизма понимали и разделяли чувства, которые примиряли людей с нищетой. Прежние формы буддизма, следовательно, всегда присутствовали так или иначе. Конечно, сложные и абстрактные вероучения могли удовлетворить только политическую элиту или высшее духовенство, но не массу, и они в основном были обращены на правящую среду, а не на толпу. Таким образом, можно говорить о придворном буддизме и монастырском буддизме. Буддизм эпохи Хэйан (794—1185) был отмечен созданием двух сект, снискавших в Китае большую популярность, — секты Тян-тай (на японском языке Тэндай) и секты Чэн-ен (на японском языке Сингон), обе получили первую поддержку при японском дворе, недавно обосновавшемся в Хэйанкё — современном Киото.

Основатель секты Тэндай Сайтё (767—822), как и его духовный учитель китаец Чжэнь И (538—597), был убежден, что сутра Лотоса Дивного закона — итоговое произведение Шакьямуни и что все учения адаптированы для понимания верующих: от простого к сложному, от текстов хинаяны к текстам махаяны. Таким образом, он продолжал традицию индийского ученого Нагарджуны (VII в.)[1], согласно которой существует три вида умственной деятельности: первый — деяние утверждения, второй —

[1] По другим сведениям, Нагарджуна жил в I—II вв.

отрицание первого, третий — превосходство перед первыми, удвоение просветления и удвоение препятствия. Ничто не существует отдельно, все взаимозависимо, следовательно, каждый элемент сам по себе не является чем-то и все явления — пустота. Эта пустота означает не отсутствие существования, но временное существование постоянного изменения. Каждый предмет обладает утверждением и отрицанием, которые объединены в третьем предложении: таковы Три Типа истины — Пустота, Временное начало и Середина. Следовательно, цель повседневной жизни — достижение состояния Будды и осознание того, что «жизнь и смерть являются нирваной». Это сосуществование противоположностей и их единство объясняют одну из современных черт японской души, которая избегает вовлечения в игру логических крайностей.

Известность Сайтё принесли изменения, которые он внес в церемонию посвящения в сан священника. Он не допускал, чтобы учение, связанное с махаяной, исповедовали посвященные в сан по обряду хинаяны. Однако положение было именно таково, так как обряды, связанные с посвящением в сан, не менялись более тринадцати веков: секта Рицу из Нары, последовательница хинаяны, обладала монополией на посвящение в сан всех японских буддийских священников. Вскоре всем стало казаться, что Большая колесница неизбежно поглотит Малую колесницу. Идеи Сайтё торжествовали после его смерти: в 822 году, через неделю после его смерти, его монастырь, расположенный на горе Хиэй, получил разрешение посвящать в сан согласно его обетам. Ученики Сайтё выиграли, поскольку сумели доказать духовную опасность буддизма, приспособлявшегося к городской, в том числе столичной, жизни, и заставили признать факт, что храмом мысли является природа. С этого времени уже нельзя было остановить процесс адаптации и модернизации буддизма в Японии. Несмотря на глубокое уважение к индийским и китайским учителям, жители островов приспосабливали элементы чужеземной религии к собственным потребностям, если в этом была необходимость. Хиэйдзан стал очагом, где начался необычайный расцвет религии в эпоху Камакура и где сложился японский буддизм. Оттуда началось его распространение по всей стране, он и остался с тех пор центром плодотворной религиозной жизни.

Эзотерический буддизм, или *миккё*, не был предметом изучения особой секты в Китае. Практика его была известна почти повсеместно, и секта Тянь-тай очень ею интересовалась; Сайтё использовал его элементы и поощрял его распространение. Его сотоварищ, Кукай, которого также именуют Кобо Дайси (774—835), основал секту Сингон, полностью посвященную эзотеризму. Кобо Дайси также изучал конфуцианство, даосизм и индийский буддизм Малой и Большой колесницы. Он сумел понять, что религиозное чувство зарождается в душе простого, необразованного человека, нравственное развитие которого начинается в социуме, и затем он приобщается к учению, которое позволяет ему постепенно достигнуть духовных высот. Таким образом, религиозные учения можно классифицировать по глубине их мысли. Начиная свое описание с Конфуция и Лао-цзы, кратко охарактеризовав различные буддийские секты, среди которых упомянута и Тэндай, Кобо Дайси завершает свое изложение Сингоном, единственным учением, которое, по его мнению, указывает абсолютную истину. Наивысшая мудрость Будды может быть достигнута только разумом в совершенном состоянии покоя, пением мантр, ритмичной жестикуляцией и раскачиванием всего тела. Другие ритуалы предписывают созерцание космических диаграмм или окропление головы священной водой. Но эти ритуалы, ставившие своей целью высокое духовное возвышение, довольно быстро пришли в упадок в магической практике, в которой скорее отразилось суеверие, чем вера.

Успешное распространение Сингона, как и Тэндая, было обусловлено тем, что их основатели приблизили учение к духовной жизни японца, представив его как универсальное и законченное выражение традиционных японских верований. Наряду с *санноитидзицу синто* Тэндай, Кобо Дайси изложил доктрину, согласно которой синтоистские божества представляют собой перевоплощения Будды; она получила название *рёбу синто* и до сих не утратила своего значения. Однако вскоре философия была отодвинута на задний план магией, и обе секты затерялись в практике колдовства и заклинаний. Появился специальный ритуал для каждого обычая: *сокусай хё* устранял влияния демонов; *дзояки* благоприятствовал счастью; *кусо* привлекал благодетельные силы; *гёхуку* низвергал врагов; *киоай* привлекал покровительство Будды

и бодхисаттв; *эммэй* обеспечивал продолжительную жизнь. Исполнение этих ритуалов начинает занимать большую часть придворной жизни. Именно благодаря тому, что аристократия увлеклась эзотерическим буддизмом, он получил широкое распространение. С самого начала он пользовался официальным покровительством правительства, поскольку эзотерический буддизм противостоял могуществу религиозных бонз, влияние которых когда-то вынудило императора покинуть свою прекрасную столицу Нара.

В Нара буддийская вера восстановилась в своем первоначальном виде и укрепилась, а духовенство мощно усилилось со времени указа Сётоку Тайси, который в 594 году одобрил переход к новой религии и ее деятельность. Знаменитый регент сам сочинял трактаты о сутрах и рассматривал буддизм как эффективное средство приобщения Японии к развитой континентальной культуре. В честь Будды воздвигались храмы, как они воздвигались в честь императоров и предков, — здесь срабатывали механизмы культового национального сознания. Император Сёму, чтобы использовать влияние буддизма как потенциальный фактор унификации, распорядился в 737 или 741 году начать строительство государственного храма (*кокубундзи*) в каждом административном округе и основать женские монастыри (*кокубу амадера*). Предписания принца Сётоку не отделяли религиозную жизнь от светской и не навязывали безбрачия: новая религия разрешала буддистским священнослужителям иметь семью, что характерно для японского буддизма и до сего времени.

Под влиянием благочестивых монархов буддизм был тесно связан с императорской жизнью. Учения внедрялись через посредничество тринадцати миссий, которые в VIII и IX веках посетили столицу династии Тан в Китае и возвратились оттуда в сопровождении китайских ученых, привезя книги. Службы, обучение и посвящение в сан совершались под контролем двора, который официально признавал две малоизвестные секты (*Дзёдзицу* и *Куса*) и четыре главные секты (*Санрон, Хоссо, Кэгон* и *Рицу*). Эти секты следовали учениям китайских сект, посвятивших себя изучению различных сутр о роли и значении понятий «пустота» и «сознание», не поддающихся логическому анализу.

Приверженцы секты Кэгон, согласно сутре Аватамсака, утверждали, что все существа во Вселенной могут достигнуть состояния Будды. Секта Рицу, известная своими жесткими требованиями к строгости нравственного поведения (*виная питака*), распространила представление о том, что любая форма жизни священна. Она заботилась о нравственном совершенствовании и морали верующих, придавая особое значение почтительности к наставнику, признательности родителям, состраданию ко всему миру и уважительности и скромности каждого по отношению к другому. Досо основал секту Хоссо в 660 году, у нее были многочисленные почитатели при императорском дворе, потому что в основе ее учения лежало понятие об иерархии, о порядке и зависимости всего сущего. Эта секта установила в Японии обычай кремировать тело: человеческое существо, агломерат земли, воды, огня и воздуха, после смерти возвращало элементы, которые образовывали его оболочку, в первоначальное состояние. Таким образом, исчезла необходимость возводить гробницы для сильных мира сего, роскошь которых зависела от тщеславия и должности усопшего. В этих гробницах хранились сокровища, незаконно похищенные у живых; и в наши дни они являют славу эпохи Великих курганов (IV—VIII вв.). Горделивый двор Ямато, который молниеносно превратился в государство по образцу китайского, тем не менее не следовал слепо китайским нравам и обычаям континента и не обращал внимания на то, что тогда в Китае еще продолжали строить усыпальницы для покойников. В 646 году император Котоку наложил жесткие ограничения на размеры погребений, с тех пор они становятся редкими, а затем исчезают совсем, за редкими исключениями — поздние императорские захоронения вызывают восхищение, как, например, недавнее открытие в Такамацудзука. Буддизм действительно нес представление об относительности и скромности. Отныне считалось, что все храмы, как и все провинции, находятся под покровительством Будды. Столице Нара покровительствовал Махавайрочана, беспредельно могущественный Будда, учитель тысяч Будд Шакьямуни, распределенных в каждом из десяти миллиардов миров. Внутри этой необычайной космогонии Земля была только единицей. Чувство принадлежности к этой универсальной иерархической

системе вызывало одновременно гордость и смирение. Буддизм благодаря этому обогащался качествами государственной религии, и его видение множественности миров могло со временем соединиться с понятиями полиморфического синтоизма.

Синтоизм

Синтоизм — неотъемлемая черта Японии, хотя эксплуатация его ритуалов туристическим бизнесом в наше время не пошла ему на пользу. Синтоизм трудно поддается определению. Он не является религией как таковой; у него нет основателей, пророков, собственно учений и текстов. Синтоизм — это прежде всего определенное отношение к жизни: преклонение перед природой во всей ее мощи и красоте, система ее почитания. Даже в центре современных мегаполисов синтоистские святилища берегут ауру спокойствия, даже если это святилище размещается среди небоскребов из стекла и бетона или зажато в конце улочки. Он остается последним приютом для чувства, которое все более поглощают города. Настоящий синтоистский алтарь — это природа, нетронутая или восстановленная. Боги присутствуют там в густой хвое криптомерии, в потоках ручьев, в бушующей или успокоительной волне, в звуках грома, в свете молнии, в кратере вулканов или в сонной воде рисовых полей. Оставляя в стороне шумы мира, многочисленные тории — воротца с перекладиной наверху — указывают на наличие поблизости священного места, укрытого среди живого растительного мира. Эти места представляют собой множество монументальных или скромных повторений святилищ Исэ и Идзумо, исторических символов двух цивилизационных центров, развитие которых направляло Японию от ее доисторического периода к истории. Дух здесь ценится больше, чем детали архитектуры, больше, чем лабиринты иногда непонятного пантеизма или многообразие божеств.

В своих отношениях с государством синтоизм всегда пользовался привилегированным положением, поскольку он является единственной религией, которая опирается на неизысканную национальную мифологию. Самые старые тексты, датированные VIII веком, «Кодзики» и «Нихонги», представляют собой рассказы,

мифы или легенды, которые иллюстрируют хронологию правления императоров; центральный персонаж этих повествований богиня Аматэрасу, солнце, освещающее небо своим присутствием. В настоящее время сложно понять некоторые темы, их происхождение и значение. Как и другие народы, японцы придумали себе множество богов и героев, чьи эпические сражения свидетельствуют о медленных процессах от происхождения народа к его государственности. Несмотря на покровительство, которое оказывали японские правители другим религиям, синтоизм со своим трепетным отношением к природе, чистоте, величию и любви к родине сохранялся в сердце каждого японца. В ответ на нападки тех, кто упрекал Сётоку Тайси за приверженность иностранным влияниям, он сравнивал синтоизм с корнями, конфуцианство — со стволом и ветвями, буддизм — с цветами, говоря этим, что если иностранцы и смогли повлиять на ум и чувства, то синтоизм — это душа и сущность страны.

Сегодня синтоисты имеют свои организации. Лишенные после войны поддержки правительства, которое с 1868 по 1945 год помогало синтоистским храмам и закрепляло за ними определенные функции, противопоставляя синтоизму секты, различные монастыри объединились и создали иерархию внутри Дзиндзя Хонсё. Организованные на местах синтоистские объединения группировались вокруг официального центра, созданные именно в тот период в каждой префектуре, что напоминает буддистские объединения в VIII веке. Все они объединены вокруг одного центра — Исэ дзингу. Однако в настоящее время синтоизм имеет только материальные проблемы и проблемы, связанные с искренностью чувств верующих. Все чаще встречаются прихожане, которые приходят лишь для того, чтобы похлопать в ладоши и потрясти колокольчиком, думая привлечь расположение божества, которое там скрывается в образе сабли или зеркала. Теперь мало кто обращает внимание на детали и частоту церемоний; царит идея, идея чистоты и вездесущности священного начала: «У буддизма имеется развитое богословие, глубокая философия, обширная, как море, литература. У синтоизма нет ни философии, ни нравственного кодекса, ни метафизики; однако благодаря самой своей бесплотности он способен сопротивляться вторжению религиозной западной мысли, как ни одна другая восточная вера

не может. Синтоизм охотно принимает западную науку, но хотя он и не сопротивляется западной религии, все равно продолжает противостоять ей; и иностранные ревнители веры, которые начнут бороться с ним, будут удивлены тем, что столкнутся с могуществом, которое сумеет провалить их наиболее грандиозные усилия; оно — непостижимо, как магнетизм, и неуязвимо, как воздух... Подлинная сущность синтоизма проявляется не в книгах, не в обрядах, не в предписаниях, но в национальном сердце, поэтому он всегда жив и наиболее полно выражает религиозные чувства японцев. Под оболочкой суеверий, безыскусных мифов и фантастической магии трепещет мощная духовная сила народа с его импульсами и его интуицией. Тот, кто хочет узнать, что же такое синтоизм, должен стремиться к пониманию этой загадочной души, в которой чувство прекрасного, сила искусства, пламя героизма, магнетизм верности, чувство веры стали сущностными, имманентными, бессознательными, инстинктивными» (Лафкадио Хёрн. *Отблески незнакомой Японии*).

Глава 7

ОБРАЗОВАНИЕ

Япония вышла на передовые позиции среди стран мира благодаря своему пониманию значимости борьбы с неграмотностью и живет под воздействием обаяния магического слова «культура». Еще и в наши дни, несмотря на то что так называемый конфликт поколений там оказался не менее жестким, чем в других странах, учитель (*сэнсэй* на японском языке, *сен-чень* на китайском языке) пользуется если и не всегда из-за личных качеств, но по сути своего занятия тем восхищением, которое обычно испытывают перед отцом семейства; на язык чувств, таким образом, переводится протокольное правило, согласно которому профессор, академик (*хакасэ*) в общественной иерархии занимает высокое место и причисляется, как император (несмотря на свою совершенно человеческую сущность), к уровню *ками* — наивысшего духовного существа. Возможно, в этом видны следы религиозной традиции, традиции сострадательного амидизма — человек спасает другого человека, — а также извечное человеческое взаимопонимание на путях познания.

Толпы школьников непрерывно путешествуют по островам, на которых они с восторгом обнаруживают археологические древности и приметы прошлого; именно эти дети представляют собой живой образ страны, для которой знание с давних времен было потребностью и страстью. Хорошо известная любовь японцев к книгам выражается в изобилии и качестве книжных изданий и толпах покупателей, сметающих новинки с полок книжных магазинов; дешевые или дорогие, эти издания немедленно

раскупаются по ценам, доступным для многих. В музеях и на выставках множество посетителей, и не потому, что Япония густонаселенная страна или что в моде интеллектуальное гурманство, но прежде всего потому, что контакт с культурными феноменами обещает удовольствие и открытия.

Конечно, политический контекст влияет сегодня на потребность в знаниях и общении с искусством. В нашем мире, который стремится к открытым гуманитарным обществам, недостаточно кабинетных знаний. Да и существовали ли когда-нибудь настоящие кабинетные ученые? И не преувеличивается ли значение «актуальности» чего-либо в наше время? Япония не ожидала, конечно, недавних жарких дискуссий только для того, чтобы продемонстрировать общественную роль интеллектуалов. Сила разума — характерная черта Азии, поскольку во все времена независимо от того, держали интеллектуалы в своих руках оружие или нет, именно они руководили реформами и обеспечивали успех революций. Воинственная знать эпохи Эдо это чувствовала, когда идентифицировала себя с просвещенными конфуцианскими чиновниками именно для того, чтобы сохранять свою значимость. Молодая японская интеллигенция выступила против войны во Вьетнаме и горячо высказывается как за, так и против маоизма, пришедшего из Китая, традиционно распространяющего цивилизацию, которая возбуждает умы. С другой стороны, в Японии торжествует капитализм, недостатки которого компенсируются несомненным чувством социальной ответственности. Большие торговые фирмы финансируют искусство и образование, и средства предоставляются своевременно и искренне. При том что все-таки вспыхивают конфликты из-за того, что в этом процессе соединены разнообразные элементы и все они обращены к новым проектам в сфере культуры, должностные лица в сфере образования пытаются расставить все по своим местам. Новые явления в культуре общество старается встречать достойно и лояльно.

Далеко не всегда это легко, потому что бесцеремонность, ставшая системой, нередко обескураживает не только профессоров, но и учащихся, которых беспокоит эта неподобающая грубость в ведении любых споров. Фактически эта болезнь охватила весь мир, начавшись на следующий день после окончания Вто-

рой мировой войны. Точка отсчета именно там, оттуда берет начало и глубокое разочарование, которым сопровождалось поражение, в особенности живо его чувствовала молодежь. Восторженная и по природе своей склонная к восприятию патриотической идеи национального превосходства, молодежь сильно поддерживалась политикой правительства. К духовному смятению нередко добавлялись материальные трудности, которые в эти тяжелые для экономики годы делали жизнь студентов невыносимой (многие семьи были разрушены и разорены войной и крушением внешнеэкономических рынков), а будущее неопределенным. Возможно, неизбежное непонимание наконец довершило начатое: политика оккупационных властей первоначально поддерживала стремление студентов к независимости от властей в сфере образования, поскольку власти были виноваты в создании мощного воинствующего шовинизма, который привел к войне. Но эта свобода в то же время провоцировала коммунистические настроения, тем более что компартия была сильной организацией: запрещенная и подвергавшаяся нападкам и преследованиям на протяжении всего периода между двумя войнами, партия коммунистов воспользовалась тогда всеобщим либерализмом и старалась проникнуть во все сферы жизни. Все завершилось с началом военных действий США в Корее, ужесточением, которое оказалось для студентов источником глубокой горечи: теперь сама свобода воспринималась ими как нечто, что возможно только при определенных условиях. Следовательно, подобало все очистить от всякой власти, являлась ли она властью побежденных или властью победителей. Общество с тех пор было озадачено вопросами. Тем самым ставилось под вопрос само существование гражданского общества. Следует напомнить здесь, что в январе 1947 года японские студенты пытались образовать единый фронт с рабочим движением. Можно было ожидать скорой революции. В следующем, 1948 году была основана Ассоциация японских студентов (*Дзэнгакурэн*). Постепенно конфликт выходил за пределы университетов и вылился в систематическую оппозицию оккупационному режиму, каким бы добродушным он ни был. Кульминация напряжения относится к 1951 году, когда был подписан мирный договор между бывшими воюющими сторонами. Внутренние конфликты коммунистической партии не позволили ей

осуществить тогда очень эффективные действия, несмотря на красочные уличные демонстрации, попытки окружить машину, в которой проезжал император, или столкновения в майские дни 1952 года перед императорским дворцом. В 1954 году все, казалось, стало успокаиваться, это относительное спокойствие продолжалось около десяти лет. Современную ситуацию предельного напряжения не следует расценивать как незапланированный, внезапный общественный взрыв, спровоцированный несколькими инцидентами, но скорее можно считать итогом продуманного и согласованного развития, движения (хотя и запоздалого), начавшегося более четверти века тому назад. В наши дни общие намерения одного или нескольких относящихся к социальному конфликту движений столь же просты, сколь и радикальны: разрушить существующий общественный порядок, создать пустоту для того, чтобы подготовить рождение нового, еще неизвестного мира. В Японии, как и во всем мире, эта ползучая уличная война, в которой молодежь расходует свою энергию; это поколение, может быть слишком праздное, вдохновляется в первую очередь мыслью Герберта Маркузе. Как подчеркивает в недавней статье К. Люхнер, вице-президент христианского университета «София» в Токио, выступление японской молодежи — одна из ветвей международных течений, специфичность некоторых способов действия придает ему особенно театральный вид: лозунги — нарисованные яркими красками гигантские иероглифы; раздражающее скандирование под звуки громкоговорителей; волнообразное и ритмичное развертывание длинных рядов демонстрантов, которые импровизируют своеобразный «танец дракона». Намного страшнее оказывается определенность намерений некоторых студентов, бессознательный фанатизм которых мог — а недавно и сумел — привести к худшему «холокосту». Однако похоже, что больших шансов для того, чтобы покончить с действиями экстремистов, еще нет: материальные заботы легко превращаются в предмет для спекуляций. Вмешательство правительства в дела государственных университетов хорошо это продемонстрировало: закон, принятый 3 августа 1969 года, разрешил уменьшить на тридцать процентов оклад профессоров в случае непредусмотренного закрытия университетов; допускается также и их увольнение в случае закрытия университета на неопределенный срок.

И это несмотря на то, что университетская профессура сделала все возможное, чтобы восстановить разрушенную войной систему образования. Справедливо, впрочем, и то, что Япония в этом отношении не есть что-то исключительное и что положение интеллигенции, в особенности профессоров, оказалось после войны весьма сложным не только в Японии. Конечно, японский Союз профессоров и учителей (*Никкёсо*) представляет большую политическую силу в левом движении. Он подвергается нападкам и недоверию правительства, которое желает контролировать его деятельность, а находящийся за пределами общего рынка труда университетский преподаватель мало пользуется общим экономическим благополучием и вынужден, чтобы хоть как-то улучшить свое положение, писать проходные статьи: «натягивать строки» становится правилом — ведь каждый иероглиф обеспечивает хоть немного денег. Кроме того, все венчается горечью и разочарованием, и это слишком серьезно, так как настроение учителей передается студентам, которые скептически относятся к действительности, — бедность профессоров порождает поколение недовольных и циничных пессимистов. Вместе с поражением 1945 года университетский преподаватель утратил и свой нравственный престиж воспитателя. Некоторое недоверие по отношению к нему могло бы иметь отдаленные последствия. Тем не менее пока средний японец получает удовольствие, делая все, что облегчает жизнь, пока глубокий экономический или политический кризис не отразится слишком тяжело на его существовании, до тех пор надежды экстремистских идеологов и их последователей остаются призрачными.

Образование в современную эпоху

Постановление, датированное июнем 1968 года, отделило задачи воспитания от образования, поскольку оно более связано с общими проблемами культуры и особыми проблемами образования. Ведомство культурно-просветительской работы, теперь независимое от министерства образования, включает отделение культурно-просветительской работы, на которое возлагается задача развития и распространения культуры; отделение защиты

культурных ценностей; секретариат генерального директора, который занимается зарубежными контактами для культурного обмена. Этот новый орган объединяет службы, которые в недавнем прошлом были подчинены министерству образования — развитие и распространение культуры, — национальной комиссии, основанной в 1950 году для защиты культурных ценностей (*Бункадзай*), и министерству иностранных дел — по вопросам международных связей. Интересно отметить, что отныне религиозные дела были также присоединены к ведомству по делам культуры. На практике министерство образования, ведомство по делам культуры и отделы культуры министерства иностранных дел, очевидно, координируют совместные действия. В населенных пунктах администрация по делам культуры восстанавливает в префектурах комиссии по образованию.

Почти каждый город, большой или маленький, каждый поселок, каждая деревня имеют *комин-кан* — общественно-образовательный центр, где работают различные курсы, предназначенные для молодежи (*сэйнен гаккиу*), для взрослых (*сэйдзин гаккиу*), специально для женщин (*фудзин гаккиу*). Эти центры особенно большой популярностью пользуются в сельской местности, поэтому их часто называют «сельскими очагами». При содействии местной администрации или священнослужителей сельские жители организуют там свою культурную жизнь: занимаются поэзией, живописью, флористикой, кулинарией, организуют чайные церемонии — здесь перечислены только типично японские занятия. С 1967 года было предпринято большое усилие со стороны правительства, чтобы снабдить страну сетью домов культуры (*бунка кайкан*), общими культурными центрами (*содзо бунка*), домами для граждан (*симин кайкан*) и домами народа (*кэммин кайкан*) в префектурах. Эти помещения имеют двойное назначение: они и кинозалы, и центры культурного просвещения, и выставочные центры. Иногда там даже можно отметить свадьбу. Несмотря на трудности, вызванные срочностью и количеством чисто учебных задач, которыми заняты региональные комиссии по образованию, их деятельность разнообразна и не ограничивается, хотя могла бы, только школьными проблемами. Они занимаются также и другими сферами, например историей данного населенного пункта или археологическими раскопками.

Большие усилия были направлены на развитие библиотек и музеев. Одна из наиболее значительных инициатив привела недавно к созданию многочисленных муниципальных музеев, собравших в административных центрах исторические, художественные и этнографические богатства региона. Города или крупные поселки, на территории которых сохранились средневековые замки (что является редкостью) или руины этих сооружений, стремятся их восстановить как можно более точно, чтобы сохранить первоначальный облик. То, что в Европе могло бы показаться признаком дурного вкуса, никого не шокирует в Японии, так как преобладание деревянной архитектуры на протяжении столетий приучило людей регулярно реставрировать все здание или его часть, поскольку нестойкость материалов периодически обрекала сооружение на гибель. Поэтому японец в большей степени ценит в памятнике вечность формы, чем подлинную древность предмета. Таким образом, можно увидеть, как возрождаются, возвышаясь над окрестными равнинами, белые громады этих старинных замков, построенных из дерева и самана. Циклопические цоколи, на которых они стоят, предназначались для того, чтобы защищаться от огнестрельного оружия. Их узкие прямоугольные галереи, все более сужающиеся к вершине, используются для различных выставок.

Образование современного японца определено преамбулой к «Основному закону об образовании» (1947): «Мы должны уважать достоинство каждого и стремиться формировать личность, для которой ценностями являются правда и мир, широко распространять глубокое образование, цель которого — создание универсальной индивидуализированной культуры». Независимо от того, является ли образовательное учреждение государственным, общественным, местным или частным, оно децентрализовано, включает начальное образование (*согакко*), среднее (*тюгакко*) и высшее (*котогакку*). Университеты и технические колледжи предоставляют возможность короткого цикла обучения (*танки дайгаку*) и продолжительного (*дайгаку*). Система образования в Японии организована по американскому образцу. Во всех населенных пунктах от малых деревень до крупных городов есть комиссии по образованию (*киёку-кай*), их деятельность не регулируется государством, и эта автономность гарантирована законами

1952 и 1956 годов, принцип автономности был впервые прописан в законе 1948 года. Министр образования назначается премьер-министром, но заместителя и работников министерства он выбирает сам. Министерство состоит из трех секретариатов — по начальному, среднему и высшему образованию — и шести отделов — по воспитанию, науке, социальному образованию, физической культуре, исследованиям и администрации. К министерству непосредственно относятся некоторые другие органы, например Национальная комиссия ЮНЕСКО, Национальный музей наук, национальные музеи Токио и Киото, Национальный музей современного искусства. Роль министра консультативная, но возможности, которые она ему предоставляет благодаря праву распределения финансов и праву требовать ответов на вопросы по его выбору, которое за ним признается, дают ему некоторую власть. Таким образом, министр координирует деятельность многочисленных комиссий по образованию. Как это исторически сложилось, сохраняется местное самоуправление, а верховная власть скорее регулирует, чем управляет. Потрясение первых послевоенных лет сейчас сменилось другим чувством, наиболее характерным для имеющего древнюю историю японского народа, — это чувство, которое в свое время вызвало необходимость возобновления руководства императором.

Эпоха Мэйдзи

Современная организация на самом деле абсолютно противоположна жесткой централизации образования, которая существовала в Японии до войны. Концепция системы, от которой официально отказались в 1947 году, лежала в основе сложившейся административной системы эпохи Мэйдзи, с нее начался подъем современной Японии. Еще и сегодня своим выбором социального и культурного развития Япония фактически обязана мощному импульсу, который был дан той эпохой. Авторитет учителя и уважение к нему — непреходящая традиция на Дальнем Востоке, распространившаяся оттуда по всему миру. Как прежде алчущие знания умы ходили по дорогам Древней Японии в поисках мудреца, который привел бы их к просветлению, молодые люди

новой империи отправлялись через моря на далекий Запад. Они порывали с изоляцией, которая фактически или юридически была уделом любого японского подданного на протяжении четырех веков. В хартии о пяти статьях (1868) говорилось о необходимости «отыскивать знания по всему миру, для того чтобы усиливать основы императорского правления». Речь шла о том, чтобы поддержать политику, робко вводимую сёгунатом и некоторыми *хань* под давлением обстоятельств, которые должны были привести к Реконструкции. С 1862 года Ёномото Такэаки (1836—1908), будущий адмирал, был направлен правительством Эдо послом в Голландию, в 1863 году Хосю отправил Инуэ Каору (1835—1915) в Англию. Через два года в Англию был отправлен правителем Сацумы Мори Аринори (1847—1889). От нескольких месяцев до нескольких лет почти все основатели нового японского государства — десять молодых энергичных человек из двенадцати, сыгравших важную роль в этом процессе, — изучали опыт политического и экономического развития в Европе и США. Все они были в тот момент молоды, в расцвете сил.

Но еще более интенсивно шел другой процесс: в Японию были приглашены на высокое жалованье иностранные специалисты. Их задачей была интеллектуальная и техническая подготовка японских специалистов на месте, необходимая для того, чтобы Япония достигла экономического уровня великих держав. Этот процесс, также начавшийся еще до Реконструкции, не мог продолжаться слишком долго: содержание высокооплачиваемых иностранных специалистов вскоре составило подавляющую часть бюджетных расходов, например в 1879 году три пятых бюджета министерства промышленности. Иностранцам необходимо было обеспечить привычный для них уровень жизни, который по сравнению с традиционным скромным существованием японцев быстро показался разорительным. Как только становилось возможным, их заменяли бывшими учениками, так что к концу века лишь немногие иностранные специалисты оставались на своих должностях. Некоторым из них, хотя они и недолго пребывали в Японии, японский народ признателен до сих пор: это философ Эрнест Фенеллоса из Бостона, который напомнил японцам о забытых ими достоинствах культуры и искусства предков; это известный профессор Е.-С. Морс из Гарварда, заложивший основы

японской научной археологии и антропологии, открывший знаменитые раковинные кучи в Омори, что послужило для определения первой несомненной вехи в доисторическом прошлом Японии.

В этой ставке на выход страны на международный уровень у реформаторов имелась редкая возможность, считая, по крайней мере теоретически, свое прошлое *tabula rasa*, на самом деле действовать на земле, оплодотворенной тысячелетней культурной традицией. Поэтому вскоре Япония оказалась в авангарде мирового развития, сформировав устойчивую политическую и экономическую систему, которая могла нуждаться в поправках, не испытывая при этом потрясений. Эта система могла существовать долго.

С 1885 по 1897 год было официально введено обязательное начальное обучение, учреждены университеты, педагогические институты. Новая система образования создавалась под большим влиянием французской системы, принципы которой были выражены в 1872 году в открытии современной школы, доступной для всех, независимо от социальной принадлежности. Введение сначала обязательного трехлетнего образования, в 1900 году — четырехлетнего и, наконец, в 1908-м — шестилетнего сделало Японию одной из немногих стран мира, где население было полностью обучено грамоте: к началу XX века лиц, получивших школьное обучение, было девяносто процентов, а учащихся среди детей школьного возраста — девяносто пять процентов. Тогда же, благодаря частным школам и миссиям, развивается женское образование. Япония, таким образом, могла гордиться тем, что оказалась среди тех стран мира, где население было грамотным.

Появилось множество технических школ, предназначенных для подготовки кадров, требуемых развивающейся промышленностью; крупные университеты, которых тогда насчитывалось восемь, и сегодня имеют статус, установленный во времена их основания. Университеты готовят крупных государственных чиновников и академических ученых, занимающихся чистой наукой. Образовательная пирамида с выраженной иерархической структурой, конечно, имеет свои недостатки, особенно заметные в регионах. Против установления жестких правил негибкой системы, за организацию образования по западному образцу мужественно выступал Фукудзава Юкути, ему приходилось также сопротивляться «реакции» со стороны конфуцианских ученых и синтоизма, и эта борьба могла бы привести к либерализму. В 1879 году после возвращения из Вашингтона Фукудзава и Мори Аринори составили план децентрализации образования и предложили его. Этот план никогда не был осуществлен, но его наличие тем не менее еще раз доказывает, что современная система образования сложилась прежде всего в опоре на исторический опыт и неисчезающий интерес к национальным традициям, а не в результате заимствования. Кроме того, либерализация даже во времена господства централизации была известна частным университетам, например Кэйо-гидзуку, основанному Фукудзава Юкути (1834—1901), или Васэда, основанному Окума Сигэнобу (1838—1922), и христианским школам, таким как Досиса. Учрежденные в более «технических» целях, чем императорские университеты, для которых они были скорее дополнением, чем конкурентами, частные университеты стали специализироваться: именно в Васэда Окума доказывал своим кредиторам необходимость частного образования наряду с государственным: «Хотя государство прилагает много усилий для всеобщего образования, крайне сомнительно, чтобы оказалось полезным успешно завершать высшее образование в государственных учреждениях. Государство наделено властью решать таким образом, но бывают моменты, когда цели государства в действительности оказываются выражением целей правительства, стоящего у власти, и они не отражают на самом деле цели народа. Бывают моменты, когда цели государства оказываются ошибочными. Если само государство — создание совокупности множества отдельных личностей, то трудно представить, что оно не может совершить случайную ошибку. Поэтому мне кажется, что необходимы все виды школ — правительственные, общественные и частные. И так как они вступают в соперничество в своем поиске истины, то они осветят правду и, может быть, создадут новые теории. Я убежден, что университет Васэда разовьет в более или менее большой степени свои характерные особенности благодаря связям с императорским университетом и другими учреждениями и что, соревнуясь в обучении и исследовании, он благотворно повлияет на образование в целом» (*Окума кё хатидзюгонэн си*).

Этот либеральный голос, если он и не угас сразу же, становился все более и более сдержанным, по мере того как в политических процессах усиливался вес государства. До конца Второй мировой войны знаменитый императорский рескрипт от 30 октября 1890 года, который читался каждый день в школах всей страны, властно утверждал основы национального образования: «Наши императорские предки создавали нашу империю на широком и прочном фундаменте беспримерной доблести; наших подданных всегда объединяла верность и сыновнее благочестие, красоту которых они демонстрировали из поколения в поколение. Именно в этом состоит слава непоколебимости нашей империи, и именно в этом источник нашего воспитания. Вы, наши подданные, будьте любящими сыновьями по отношению к вашим родителям, любящими родственниками по отношению к вашим братьям и сестрам; пусть между мужем и женой царит гармония, а между друзьями — чистосердечие; придерживайтесь в своем поведении скромности и умеренности; распространяйте на всех вашу благосклонность; продолжайте изучение наук и развивайте искусства и таким образом развивайте и ваши умственные способности и совершенствуйте вашу нравственную силу; а помимо этого, делайте все для того, чтобы общественное благо прогрессировало, благоприятствуйте общественным интересам; почитайте конституцию и соблюдайте законы; если когда-нибудь возникнет опасность для государства, отважно вставайте на его защиту; и так оберегайте и поддерживайте благополучие нашего императорского трона, столь же древнего, как небо и земля. Тогда вы будете не только нашими добрыми и верными подданными, но и прославите наилучшие традиции наших предков. <...>

Дорога, указанная здесь, несомненно, завещана нашими императорскими предками: ею должны следовать и их потомки, и их подданные, эта дорога — истина на все времена. Наш обет заключается в том, чтобы его соединять с вами, о наши подданные, со всем глубоким почтением в наших сердцах, для того чтобы мы все достигли, таким образом, той же добродетели» (Ёсида К., Кайго Т. *Образование в Японии*).

Таким образом, наряду с модернизацией государственных механизмов, эффективность которой очевидна, сохранялась, как

это раскрывают терминология и мысль императорского рескрипта, духовная цель, унаследованная от традиции, которая не умирала. Конечно, она вписывалась в историю уже измененной: самый старый университет, Токийский, созданный в 1877 году, но существующий с 1869-го, фактически объединял бывшую конфуцианскую школу Эдо, медицинскую школу при сёгунате и школу по изучению иностранных книг (*Бансо-сирабэ-со*). Старые кадры, ведавшие образованием, за исключением главных сёгунских школ, которые откровенно сохраняли феодальные черты, обновлялись, но это свидетельствовало скорее о централизации и подчинении личности императора, чем о революции. Однако и централизация и подчинение личности императора были необходимы из-за ставшего помехой «разграничения» полномочий, долгое время превозносившегося Токугава. Но вчера, как и сегодня, речь шла о том, чтобы пересматривать наследие прошлого, а не о том, чтобы его отбрасывать.

Эдо

Начиная с эпохи Эдо образовательная система, несмотря на то что казалась отставшей (какой ее могли видеть в середине XIX века), тем не менее сформировала людей, которые уже в XVIII столетии превратили Японию в наиболее развитую страну в Азии. Образование было возможно только для мальчиков и зависело от общественного положения, которое занимали их семьи, а именно отвечало требованиям каждого класса и не давало преимущества для изменения социального статуса, так как любая социальная мобильность была в принципе запрещена. Эта правовая и бытовая ситуация не была исключением для Японии, она характерна для любого феодального общества. Сыновья самураев, то есть молодые аристократы, могли получить образование в одной из множества общественных или частных школ как во владениях сёгуната, где в Эдо процветал замечательный Сохэйко, некогда основанный семьей Хаяси, так и в других вотчинах. Школьные программы включали изучение китайской классики, боевых искусств и медицины. Постепенно по инициативе правительства создавались специализированные школы, которых

стало много к концу сёгуната: Вагаку-со (1793) для изучения литературы и национальных традиций; Игаку-кан, которая посвятила себя главным образом японской и китайской медицине; Игаку-со (1859), медицинская школа, известная как «голландская», специализировалась на европейских достижениях в области физиологии; в Рикугун-со преподавались военное дело и боевые искусства; существовала морская школа Кайгун-со. Бансосирабэ-со, открытая в 1811 году и вначале предназначавшаяся для перевода западных сочинений, считавшихся полезными, стала просто обучать иностранным языкам. В каждой провинции даймё по-своему трактовали указы, исходящие из правительственной канцелярии для владений сёгуната, но именно даймё Мита, Сацума, Овари, Хидзэн, Хосю, Этидзэн продемонстрировали особенно внимательное отношение к качеству образования в официальных школах своих владений.

Юный самурай начинал учиться с шести лет. Под руководством учителя в течение нескольких лет он обучался письменности при помощи большой кисти. Прежде чем овладеть гибкостью этого инструмента, позволяющего передать оттенки и правильную линию каждого иероглифа, ребенок исписывал тушью страницу за страницей долговечной бумаги, этого изобретения Дальнего Востока, — гибкие, тонкие и прочные листы, легко впитывающие тушь. Первые буквари ученика содержали несколько простых текстов из китайской классики: мальчик изучал одновременно произношение и смысл каждого иероглифа. Понемногу учебники заменялись более сложными книгами, и он упражнялся в том, чтобы объяснять и комментировать прочитанное своими словами на родном языке. До девяти лет обучение сводилось к запоминанию: шла ли речь об этикете, морали или поэзии, школьник накапливал материал для своих размышлений в будущем. С девяти лет начиналось изучение классической китайской литературы, которое по преимуществу было связано с философскими сочинениями.

Занятия начинались с семи или восьми часов утра и продолжались до четырех часов после полудня. В начале дня все ученики — обычно триста или четыреста человек — собирались в большом зале, где один из преподавателей читал и комментировал тот или иной текст, сопровождая собственными моральными

наставлениями, каждый ученик должен был иметь в руках копию этого текста, чтобы внимательно следить за этим чтением. Затем, когда упражнение завершалось, учащиеся расходились по своим классам с наставником, чтение и комментарии продолжались, учитель задавал ученикам вопросы.

Затем начинались уроки каллиграфии, китайской и японской поэзии: успехи в этих предметах высоко ценились в обществе, так как по ним составлялись задания, позволяющие судить об умственных способностях ученика.

Конец учебного дня посвящался физическим упражнениям: стрельба из лука, метание копья, бег, конный спорт, фехтование. Образовательные предметы и моральные наставления в духе конфуцианской морали, боевые искусства и медицина были направлены на воспитание бесстрашных и верных воинов. Позднейшие занятия литературой стали постепенно появляться в период затихания междоусобных войн, когда на второй план отодвинулась актуальность самурайской готовности к бою. Срок образования не был ограничен, зрелые люди могли постигать науки ради своего личного совершенствования. Они оставляли лишь небольшое время для каникул на период проведения государственных или религиозных праздников и в течение двух недель летнего и зимнего солнцестояния, когда проводили церемонии в честь Конфуция.

Прагматизм, которым определялся любой образовательный процесс, помогает понять, каким образом могла развиваться, несмотря на постоянные правительственные запреты, замечательная *рангаку*, «голландская культура», основанная на европейской науке. Жажда овладения техническими знаниями пересилила непримиримость идеологии и подготовила открытие Запада — от простой оценки технических изобретений до признания высокого интеллектуального уровня знаний. Так же как китайские торговцы, голландцы, которые сменили португальцев, изгнанных в 1639 году, располагались в Нагасаки. Остров Десима был единственным местом, открытым для неазиатского мира. Не подозревая о том, японцы, благодаря голландцам и всем, кто выступал под их торговой маркой, постепенно приобрели фундамент, на котором было основано быстрое развитие Японии в эпоху Мэйдзи. В XVIII веке христианство, окончательно потопленное,

как казалось, в море крови во время восстания Симабара (1637) (сами голландцы приняли участие в бомбардировке крепости), пугало меньше. Благодаря этому знаменитый Араи Хакусэки в своем сочинении «Отношение к Западу» (*Сэйё кибун*) мог выразить искреннее восхищение, которое руководило им в изучении и популяризации западной науки. Следует упомянуть существенный факт: он получил свои знания от итальянского священника, отца Сидотти, который сделал попытку в 1708 году тайно проникнуть в Японию. Когда священник был арестован, его не стали предавать немедленной казни, как предписывал закон, а предоставили ему возможность встретиться с самым знаменитым японским мудрецом. Несколькими годами позже ситуация настолько изменилась, что в 1720 году сёгун Ёсимунэ снял запрет на иностранные книги, сохранив его только для религиозных сочинений. Он открыто поощрял знакомство с западной культурой. В 1745 году появился первый голландско-японский словарь. Несколько ученых отправлялись в Нагасаки, присоединяясь к официальным переводчикам для непосредственного изучения этой новой цивилизации. Их интерес обращался (что было совершенно естественно) к европейской медицине, трактат о которой Судзита Гэмпаку (1733—1817) должен был перевести. Кроме медицины японцы начали интересоваться физикой. Вирус познания распространялся, вдохновляя на новые предприятия даже тех, кто напрямую не контактировал с голландцами: например, интересной попыткой оказался проект Ино Тюкэя (или Тадаёси, 1745—1818 или 1821), который задумал составить первую общую географическую карту Японии.

Первая попытка нарисовать карту мира была предпринята в XVII веке. Если художники школы Кано писали «ширмы о португальцах» — их известно около шестидесяти, — иллюстрируя прибытие иностранных кораблей, изображая живописность незнакомых обычаев и костюмов, то картины на ширмах, созданные в организованных иезуитами школах живописи, отражали новые — западные — знания. Карты и изображения Земли являлись одной из важных составляющих этого знания. На двух больших ширмах по восемь листов были изображены Лиссабон, Мадрид, Рим, Константинополь.

Еще более важными представляются изменения, которые совершились при помощи астрономических открытий. Серьезно можно утверждать, что именно «Рассуждения о кометах» Коперника более всего тронули сердца японцев и вызвали доверие к европейской науке. Действительно, система Коперника, которая считает Солнце центром Вселенной, стала подтверждением японских космогонических мифов о возникновении островов архипелага. Набиравший силу шовинизм японцев быстро обнаружил для себя выгоду, и преграда перед познанием чужого мира стала значительно меньше. Западный мир вызвал восхищение даже у столь непримиримого националиста, каким был философ Хирата Ацутанэ (1776—1843). Он писал:

«Люди из европейских стран плавают по собственному желанию вокруг земного шара на кораблях, для которых не существует границ. В Голландии, одной из стран Европы, — несмотря на то что сама она очень маленькая, — астрономия и география рассматриваются как наиважнейшие предметы для изучения, поскольку невозможно для капитана корабля свободно плавать во всех частях света, если он недостаточно подготовлен в этих науках. Кроме того, голландцы обладают превосходной национальной чертой изучать вещи с большим терпением, до тех пор пока не постигнут самой сущности. Именно для таких исследований они придумали такие инструменты для наблюдения, как телескопы и гелиоскопы, чтобы рассматривать Солнце, Луну и звезды. Они придумали и другие инструменты, чтобы определять размер и степень близости небесных тел. Для того чтобы завершить успешно такие исследования, может потребоваться пять или десять лет или даже целая жизнь; в случае если задача не разрешена на протяжении жизни ученого, он оставляет свои записи детям, внукам и ученикам, чтобы они занимались поисками решения, для которых может понадобиться не одна жизнь. <...>

Благодаря своим научным инструментам голландцы стараются определять свойства вещей. Голландия, которая во всем не похожа на Китай, является удивительной страной, где ничто не принимается на веру, без доказательств. Когда голландцы сталкиваются с вещами, которые не могут понять, какие бы усилия они ни прикладывали, они говорят, что речь идет о вещах за пределами человеческого познания, что они принадлежат Gotto

[Богу] и что они доступны пониманию только Божественного провидения. Голландцы между тем не довольствуются неточными гипотезами. Их открытия являются результатом усилий сотен лиц, которые изучали научные проблемы на протяжении тысячи или двух тысяч лет, описаны в книгах, которые уже были привезены в Японию. Я их увидел и поэтому могу об этом писать» (*Хирата Ацутанэ дзэнсии*).

Европейская наука и образование всегда находились под сильным влиянием рационализма, и в особенности в XIX веке, в период бурного завершения сёгуната, поэтому именно в тот момент его направленность пришлась весьма кстати в Японии; она способствовала зарождению критического мышления у некоторых последователей «голландской науки» (не всегда вызывавшего положительную реакцию со стороны правительства). Например, Такано Тёэй (1804—1850) был вынужден закончить свою жизнь трагически за то, что написал «Рассказ об одном сне» (*Юмэ-моногатари*), в котором критиковал японский феодализм и враждебность, с которой Япония относилась к европейской цивилизации. Ватанабэ Кадзан (1793—1841), другой знаменитый сторонник открытия Запада, также был принужден совершить самоубийство.

Хотя список жертв преследования за увлечение европейской культурой был немаленьким, дверь уже была приоткрыта. Этим объясняется быстрый прогресс Японии, после того как она открылась окончательно, — к тому времени она была одной из немногих стран Азии, знакомой с мировой наукой и культурой. Любознательность и пристрастие японцев к конкретному позволили им избежать догматического цепляния за прошлое и узкого национализма, которыми столь жестко было отмечено крушение старого Китая.

Простой народ между тем продолжал в основном оставаться в прежнем положении, в стороне от образования, предназначавшегося только для элиты, которая одна имела доступ в школы. Однако начиная с XVIII века обучение грамоте стало распространяться и среди простых людей, благодаря росту торговли, которая активно влияла на развитие общества и культуры. Именно благодаря купцам монахи начали устраивать свои маленькие школы при храмах (*тэракоя*), в которых они собирали детей,

живших по соседству. За скромное вознаграждение они обучали их читать, писать, считать, давали практические знания, необходимые в повседневной жизни. Монастырских школ к концу сёгуната насчитывалось около пятидесяти тысяч, и они стали предшественницами современного начального образования. Параллельно существовало большое количество частных школ, где преподавалось конфуцианство. Там совместно обучались дети мелкопоместного дворянства и выходцы из простого народа, в этих школах зарождалось духовное единство японского общества.

Хотя образование женщины и не являлось предметом какой-либо особенной организации, зажиточные простолюдины отправляли своих дочерей в семьи местных буси: девочки-подростки учились в семьях аристократов — не получая право входить в них — правильной речи и хорошим манерам. Что касается простых девушек из народа, то они могли посещать школы, в которых обучались шитью и вышиванию, ведению домашнего хозяйства.

В средних слоях населения преобладало образование, которое было достаточно мало дифференцировано и еще хуже систематизировано. Оно держалось на инициативе храмов и частных лиц. Старых китайских школ больше не было.

Средние века

К счастью, недостаток гражданского образования восполняли монахи. Монахи дзэн-буддистских монастырей Пяти Гор (*Годзан*) в Киото сумели сохранить интеллектуальную традицию в период, когда существование мысли в особенности страдало от всеобщих волнений, войны, нищеты. Сами буддистские монахи почитали поэзию, китайские исторические сочинения, которые считались в Японии незаменимой основой образования и значение которых соизмеримо со значением античной литературы и философии для европейцев. Именно китайские источники упоминаются с начала XV века как основные в знаменитой школе Асикага (*Асикага гакко*): библиотека, которая была основана приблизительно в 1190 году в Кэнтёдзи в Камакура; в 1394-м была переправлена в Асикага в Симодзукэ (современная Тотиги-кэн),

в прадедовские земли новой династии сёгунов, пришедших к власти. Под покровительством Уэсуги Норидзанэ (1410—1466) она превратилась в знаменитую школу, где преподавали китайскую классику, учение дзэн-буддизма и медицину. Побывавшие там китайские ученые рассказывали, что портрет Лао-цзы украшал один из классов. Спустя век, к 1550 году, школа насчитывала около трех тысяч учеников, которые шли в нее как к источнику философского знания и приезжали туда даже из наиболее отдаленных регионов. Можно привести веское доказательство ее репутации: христианские миссионеры XVI века, которые не могли проехать в Киото, упоминают о ней как об университете Бандо (название Бандо некогда было дано провинциям, расположенным к востоку от границы Осаки).

Уэсуги Норидзанэ, выдающийся ученый, возглавил библиотеку Канадзава (*Канадзава бунко*), основанную в 1270 году Ходзё Санэтоку в Мусаси (в настоящее время Канагава-кэн). Она была размещена на территории монастыря Сёмёдзи, специально ради этого построенного, в ней содержалось большое количество китайских книг. В эпоху Камакура библиотека представляла собой один из последних оплотов классического образования.

В период Камакура, в эпоху социальных потрясений, литература и философия оказались исключительно уделом монахов, чего не случалось прежде. И тем не менее никогда в истории Японии не было столь сильного культа письменности. Подлинность каждого акта феодальной жизни закреплялась хартией или отсылкой к своду обычаев; делалась запись на языке, который раздражал пуристов, — он был подобен средневековому латинскому, нечто среднее между классическим китайским языком, которым плохо владели, и разговорным японским, который очень часто оказывался единственным доступным языком для понимания феодалов. Поскольку сами вельможи писать не умели, они прибегали к услугам монахов-писцов. Впервые в истории дальневосточной Азии культура целиком не принадлежала тем, кто действительно обладал властью.

Ослабление феодальных отношений и незаинтересованность в культурных ценностях прошлого, ограниченных придворной жизнью, которая все более утрачивала свое значение, породили равнодушие к китайским школам. Каким бы утонченным

ни был сёгун — и, разумеется, Ёритомо таким и являлся, — сёгун, как и подчиненные лица, был человеком действия. Для этих предприимчивых преобразователей сабля обладала по крайней мере такими же достоинствами, как и кисть. Длительные конфликты между Тайра и Минамото постепенно навязали приоритет силы и общей культуре. Однако в эту жесткую эпоху появились первые ученые. На фоне культурного застоя рафинированной элиты, которая не могла приспособиться к новому миру, зрели разнообразные по своей широте процессы, в том числе и в социальном плане. Старые кадры утрачивали свое значение: именно в эпоху Камакура был закрыт старинный университет в Киото. И появилась жажда нового знания, призванного спасать культуру окольными путями через религию, через адаптацию китайской философии: дзэн-буддистские монахи в Киото стали первыми реформаторами конфуцианства, принятого в эпоху Асука и Нара. Рассказывалось, что Сюндзё (1166—1227) отправился в Китай, откуда он будто бы привез двести пятьдесят шесть томов конфуцианских сочинений.

В японской литературе не слишком много внимания уделялось воспеванию военных подвигов вельмож и передаче их для потомства, но в целом начальные знания стали распространяться. Монахи, зараженные общей атмосферой, становились воинами, уже не опасаясь быть сопричастными бренному миру. Не будучи чуждыми ни мечу, ни молитве, они стали ближе к народу, обращая на него и свое религиозное влияние.

Для того чтобы каждому были доступны постижение учений и медитации, буддийское духовенство составляло сутры только при помощи *кана*, не прибегая к сложным идеограммам, для которых необходимо было специальное обучение. Так возникали новые условия для более простого приобщения к пониманию и освоению культуры, а личная инициатива, дотоле незнакомый социальный жест, быстро адаптировалась в общественном и национальном контексте и творила чудеса.

В эпоху Хэйан главы знатных семейств в целях безопасности своих детей создавали домашние школы, в которых не только давали знания, но и передавали семейные тайны. Количество семейных школ увеличивалось, создавались особые школы, восполнявшие образование, дававшееся в старых государственных

учреждениях, таких как университет в Киото или *кокугако* (региональная школа) в Дадзайфу. Блеск этих учреждений тускнел, и их популярность стала падать с конца VIII века. Ощутимым доказательством этого упадка стали заброшенные рисовые поля, которые предназначались для пропитания наставников и учеников, отказ официальных инстанций от вмешательства в дела образования влек за собой обнищание школ. Уже в VIII—IX веках появляются первые частные школы. Наиболее интересной была задумана *Школа всех искусств, которые сеют мудрость* (*Сюгэйсути-ин*), основанная в Киото в 827 году знаменитым Кукаем (Кобо Дайси). Создатель эзотерического буддизма учредил это заведение по образцу китайских деревенских школ, чтобы распространять среди простого народа элементарные принципы конфуцианства и буддизма; однако это демократическое нововведение оказалось непродолжительным.

В то же время стали приобретать широкую известность школы с общеобразовательными программами и различными предметами на выбор, в которых формировалась молодая аристократия. В отличие от религиозных школ они просуществовали гораздо дольше; но и они создавались по китайскому образцу, о чем говорят их названия: *Кобун-ин* (Школа для обучения письменности), действовавшая в VIII—IX веках в стенах университета Вакэно-Хироё и имевшая намерение придать обучению более национальный характер, хотя двор сохранял привычку обучаться под руководством чужестранцев; *Кангаку-ин* (Школа для поощрения наук), основанная в 821 году также семейством Фудзивара для обучения членов своего клана в стенах университета; *Гакукан-ин* (Школа знаний), созданная в середине IX века по инициативе императрицы Даммори, урожденной Татибана, для того чтобы обучать отпрысков своей семьи и лиц, которым она покровительствовала; наконец, *Согаку-ин* (Школа дополнительных занятий), вскоре присоединенная к университету, была организована в 881 году в подражание Кангаку-ин самим Аривара-но Нарихира (825—880), чей поэтический талант и любовные похождения, как рассказывается, легли в основу сюжета знаменитого романа «Исэ-моногатари». В становлении образовательной системы, сильно окрашенной китайским влиянием, буддизм сыграл между тем роль намного более важную, чем на континенте; с самого начала

об этом свидетельствует созданная Киби-но Макиби (693—775) знаменитая Школа обоих учений (*Никио-ин*), самая старая из частных школ. Частные школы, предназначенные для знати эпохи Хэйан, обычно называют «дом знания» (*гаку-иэ*); это выражение, постепенно утратившее свое первоначальное значение, впоследствии обозначает семинарии, храмовые школы или даже жилые помещения для учащихся в любом учебном заведении.

Как бы ни были различны эти школы, в целом они проповедовали принцип философского дуализма, характерного для Японии: явление всегда глубже, чем наше представление о нем. Именно этим объясняется то, что система экзаменов по китайскому образцу, предполагающая существование сбалансированной интеллектуальной матрицы, теоретически обладающая большой социальной мобильностью, никогда широко не применялась. Во внимание принимались только человек, семья и ее функция в обществе.

Нара

Противоречие между частными инициативами и устаревшей системой образования, готовившей кадры управления, когда-то сформированной по китайскому образцу (как и все учреждения в первом японском гсоударстве), активное приобщение страны, которую еще многое удерживало в доисторической эпохе, к культуре и письменности, столь же сложным, как и в Китае, — быстро потребовали изменений в области образования и воспитания. Все это можно считать прообразом революции в эпоху Мэйдзи. Тогда, как и в Новое время, на протяжении длительного периода наблюдалась утечка мозгов на Запад — гигантский Китай представлялся одновременно и целым миром, и краем света. Жажда знаний проявлялась настолько страстно, что заставляла японцев, которые могли переплывать моря только на скверных кораблях с плоским днищем, забывать о страхе смерти. Гибель во время плавания представлялась нормой, а удачное достижение цели — исключением. Так, из четырнадцати экспедиций, отправившихся в VIII и IX веках, половина судов утонули вместе с людьми и грузом. Те, кто избежал риска при поездке туда и обратно,

возвращались в Японию и обучали тому, чему научились сами. Таким образом, постепенно появлялись школы, и в результате увеличения их числа император Тэнти (668—671) назначил руководителя для координации их развития, то есть *фуму-ясукаса-но-ками*.

Вскоре император Тэмму (673—686) создал в столице университет (*дайгаку*) и одновременно с этим распорядился организовать подобное учреждение в каждом из *куни*. Знаменитый свод законов эры Тайхё (701) наконец провозгласил, что было бы хорошо, если бы в каждом клане полюбили учение, посвятили бы себя созданию национальной сети школ, программа которых отныне была официально определена. Университет столицы — тогда ею являлась Нара — принимал только ограниченное количество учащихся, всего четыреста пятьдесят.

В случае если места оставались вакантными, они могли быть заняты детьми простого происхождения. *Куни-хакасэ* и *и-хакасэ* обучали с определенными оговорками китайской философии и медицине; преподавали там также историю (*кидэн-до*), право (*миохё-до*), математику (*сан-до*) и каллиграфию (*со-до*). В каждой провинции школа, установленная по названной модели (*кокугаку*), давала подобное образование.

На дайгаку возлагалась ответственная задача обучать детей из высокопоставленных семейств, находившихся выше пятого ранга, которые сами фактически считались высокопоставленными особами; трудная задача стояла и перед *фубито-бэ*, преподавателями — потомками корейских ученых Атики и Вани, которые, согласно «Нихон сёки», обосновались в Японии в начале V века. Эти первые наставники в обучении китайской письменности в Японии официально назначались для того, чтобы составлять литературные сочинения.

Неизвестно, были ли написаны эти сочинения. Между тем открытия современной археологии позволяют утверждать, что письменность была известна в Японии уже в V веке. Первые предметы, на которые были нанесены китайские иероглифы, относятся к середине V века, в частности меч из кургана Фунаяма (Кумамото-кэн), а также к VI веку — зеркало из Сумида Хатиман Гу (Вакаяма-кэн).

Известно, что в молодом государстве Японии были два семейства, которые преданно отдавались каллиграфии. Это семей-

ные объединения, члены которых занимались одинаковой неадминистративной деятельностью, носили одинаковую фамилию и образовали *бэ*, то есть клан, занимающийся определенной деятельностью, требующей специальных навыков. В эпоху Нара *фубито-бэ Кавати*, потомки Вани, уже отличались от специалистов японского происхождения *фубито-бэ Ямато*. Образованные люди в это время пользовались большим уважением. Врачевание было уделом лиц из *кусури-бэ*, то есть тех, кто принадлежал к клану врачей; лица, изучающие астрологию, набирались из семей потомственных гадателей (*ура-бэ*).

Сохранившиеся понятия китайского происхождения, которые использовались для того, чтобы определять эти первые шаги в системе образования, не должны, однако, создавать иллюзий. В молодом и жаждущем всего государстве, которое представлял двор Ямато, речь не шла о чистой науке, об «исследовании», если уж использовать современный термин. Эти преобразования предназначались прежде всего для формирования управленческих кадров, для обучения будущих чиновников, практические навыки которых для правильного функционирования государственных механизмов, без сомнения, были важнее, чем знания. Существование в «университете» специального отделения для изучения и составления календарей раскрывает эту специфику: действительно, в Китае всякое хорошее правительство начинало свою деятельность с проверки лунных циклов и подготовки хорошего календаря, чтобы решения главы государства и его народ интегрировались в универсальный космический ритм. Астрология, наконец, также становилась предметом, требующим специального образования, так как Япония унаследовала китайскую традицию гадания (это тоже!), для того чтобы лучше воздействовать на будущее или приспосабливаться к нему. Однако культура и управление не противопоставлялись: как и в Китае, хороший чиновник должен был быть теоретиком и практиком, энциклопедистом и гуманистом.

Не следует придавать слишком большого значения китайским и, главным образом, корейским учителям в начале становления японской культуры; уважение к наставнику, все еще живое на архипелаге, не кажется удивительным, если поразмыслить над тем, что в течение многих веков Япония сама охотно становилась

ученицей своего могучего соседа Китая и его представителя Кореи. Конечно, усвоение иностранных ценностей, сколь полным бы оно ни было, проходило не всегда гладко. В зависимости от политических отношений с тем или иным корейским государством китайские идеи и искусства доходили до Японии в разной трансформации. Была ли война, менялись ли союзники, — менялось и содержание этих идей и культуры, контакты тормозились или вообще приостанавливались. Каждый момент китайской истории экспортировал в Японию свой новый образ. Наконец, Япония, все-таки оставаясь ученицей, осуществляла свой отбор культурных ценностей, иногда принимая их сразу, иногда спустя время; этому отбору, как правило, предшествовал более или менее длительный процесс исследования и новых мыслей, и новых технологий.

Первым инициатором политики систематических культурных заимствований и обучения, благодаря чему и приобрел известность, был знаменитый принц Сётоку, ставший героем детских сказок и легендарным персонажем, чем-то напоминающим образ Карла Великого на Западе. Ученик корейского бонзы и незаурядный мыслитель, он комментировал сутры. В 607 году он направил в Китай первую японскую дипломатическую и культурную миссию, которая заложила основу эволюции культуры и образования японцев.

Часть третья

Материальная культура

Глава 8

ПРОСТРАНСТВО

Токио строится и перестраивается, он расширяется и в то же время становится тесным — все подчиняется изменчивому миру коммерции и удовольствия. В то же время в развивающемся городе можно видеть странные изменения. Здания строятся и сразу сносятся, поскольку почти сразу же выходят из моды и не соответствуют требованиям делового мира, а на их месте возводятся другие, еще более высокие. Пробиваются автострады, все сметая на своем пути. В запутанном лабиринте руин, перестроенных и вновь возведенных зданий возникает поразительная громада города, который непрерывно подвергается процессу сноса и строительства. Даже Сумиду, реку, увековеченную знаменитым театром Но, отправляют в подземное русло. Даже уровень прибрежных вод постоянно меняется из-за того, что река пересыхает. Не видно ни неба, ни земли из-за нездорового тумана, образованного дымом, и однообразной архитектуры высотных домов. Кто может сказать, находясь на центральном вокзале Токио Синдзуки, оказался ли он на третьем подземном этаже или же на пятнадцатом над землей? Этому искусственному обрамлению жизни безразлично, возноситься ли в воздушное пространство, словно заполненное ватой, углубляться ли в сопротивляющуюся плоть земли. Освещенные огнями улицы, витрины магазинов и рестораны создают особую атмосферу и воссоздают (будто под стеклянным колпаком) особенности жизни предков. Приход ли это адского мира или наступление нового рая? Совсем рядом пригород, контрастирующий с этим замкнутым пространством. Если

сам город наводит только на мысли о «футурологии» и «постиндустриальной» эпохе, то пригород представляет собой загадочную смесь: всевозможные маленькие дома, традиционные деревянные павильоны, супермаркеты, чахлые садики, которые, как и в былые времена, обрабатываются с такой же любовью. Пригород вытянулся вдоль дороги Токайдо, пожирая холмы (их уничтожают бульдозеры), и теряется в новой вертикальной громаде следующего города. Не умеющий быстро приспособиться к шумной хмельной реальности (связанной с непрерывным строительством), человек предается сентиментальным ностальгическим чувствам и тоскует о старой буколике. Если рискнуть отправиться в туманный Ёсино или в северные области, защищенные барьером гор, или углубиться на юг в Кюсю, то перед нами предстанет забытый мир рисовых полей, ферм, прижатых к подножиям гор, могучих лесов, где единица времени лет девяносто — именно столько требуется криптомерии, чтобы ее древесина созрела и она готова была упасть под топором дровосека. Морской рокот, слышный в долинах Миядзаки, покрытых травами, пение потоков, бегущих в глубине Ёсино, напоминают о существовании не всегда милостивого растительного пространства и мира минералов, в которых человек еще недавно растворялся, несмотря на их капризы. Японское пространство раздваивается: это древнее пространство, в котором все всегда начиналось и заканчивалось природой, и современное — вызывающее, иногда раздражающее и тем не менее что-то еще сохраняющее от первого.

Интеллектуальная специфика Дальнего Востока, связанного с иероглифами, уважение к природе имели разные судьбы в Китае и в Японии. Почитаемую в теории природу на континенте безжалостно подчинил человек. Иначе все было на архипелаге, где, быть может, скудость территории и буддийское сострадание к любому проявлению жизни, даже к камню, учили экономии и компенсации трат. Традиционное японское пространство, в основе своей связанное с растительным миром, растворяется в природе и открывается ей. Именно этот принцип вдохновляет современную японскую архитектуру, основанную на гибкости и открытости настоящему или же воссозданному внешнему миру. Даже современные строительные материалы используются в за-

висимости от их свойств, выбирают их не сразу, в выборе отражается особый образ мышления. Образ мышления, складывавшийся на протяжении долгих эпох, в разных местах, испытавший многие влияния, выражает поразительное свойство — он гомогенен. Японские постройки как бы растворяются во внешней среде, для которой они одновременно и малозначимая часть, и контраст, придающий новый смысл ансамблю в целом. Здания как бы представляют атмосферу, дают намек на счастье человека, который находится в центре природы, иногда жестокой, но всегда прекрасной и дающей пропитание. Приведенная к своему наиболее простому решению: земля, на которой стоит дом, должна оставаться сухой, — крыша (она и обеспечивает защиту) выступает как символ и напоминает об окружающем пейзаже. И в силу этого, подчиненная законам природы, она выражает идею недолговечности материи. Каждый год листва опадает, трава желтеет, цветы теряют на ветру свои утратившие свежесть лепестки. Так и ценность предмета или памятника архитектуры не связана с продолжительностью физического существования вещей, дух ценится больше, чем реликвия, а в искусстве форма ценится выше, чем материал, из которого изготовлен предмет. Здание нового Национального театра (*Кокурицугэкидзё*, 1969) в современном Токио напоминает линии и пропорции Сёсоина, Дворец боевых искусств (*Будокан*, 1962), директором которого был писатель Юкио Мисима, демонстрирует, что архитекторов вдохновлял Юмэдоно в Хорюдзи. При этом речь не идет о плагиате; это уподобление вовсе не свидетельство того, что талантов и новых идей стало меньше, а вдохновение иссякло. В городском пространстве промышленной эры уподобление демонстрирует, что правила, установленные в далекие времена, когда процветала Нара, никогда не устареют. Хотя в современном строительстве и используются новейшие материалы: железо, бетон, стекло, стальные тросы, — все же сохраняются ломаные линии керамики эпохи Дзёмон (пусть перенесенные в иное время и приспособленные к современным нуждам) в гармонии с горделивым взлетом крыш синтоистских храмов. Именно они вдохновляли знаменитого архитектора Кэндзо Тангэ, как он сам в этом признавался, когда он проектировал спортивный олимпийский комплекс с бассейном в Токио. Быть может, это влияние и не было столь прямым

и не водило непосредственно его рукой, когда он проектировал дворец, напоминающий птицу или самолет из цемента и металла, современную версию корабля, выброшенного из Средневековья в океан современной жизни. Даже произведение не столь явно дерзновенное, муниципальный зал для торжеств в Уэно (*Токио бунка кайкан*), построенный Маэкава, в планировке офисов или зрительного зала сохраняет что-то такое, что является не только заимствованием у Ле Корбюзье, одного из наставников великих современных японских архитекторов. Трогательный пример достижений, порожденных интеллектуальным сотрудничеством Востока и Запада, Ле Корбюзье восстановил в Японии классическое соотношение между содержанием и формой, функциональностью и эстетикой, которые гармонично использовались японскими архитекторами и стали достоянием всего мира. В разрушенном последней войной Токио (ранее он сильно пострадал от землетрясения в 1923 году) уже ничто не напоминает о нелегкой адаптации к западному миру; здесь исчезают свидетельства (иногда карикатурные) первых опытов в архитектуре «по западному образцу», которые, конечно, не давали представлений о достижениях западной архитектуры: отель «Империал», построенный в «стиле прерий» по проекту Фрэнка Ллойда Райта, который в Центральной Америке искал разгадку тайн техники строительства, устойчивого к землетрясениям, недавно исчез (1970). Это последнее напоминание о прошлом выметено жизнью, экономическим развитием, но частично должно восстанавливаться в другом месте, как историческая реликвия, спасенная от нового прилива. Свидетельства времени, когда национальная и западная манера соприкоснулись, но не растворились друг в друге, создавая уродство, сегодня уже лишь трогательные воспоминания об усилиях, которые в конечном счете не были напрасными. Современная архитектура, вызывающая, иногда печально узнаваемая по своим предельно вульгарным, крикливым, неловким формам, все же в лучших образцах воплотила синтез прошлого и настоящего.

Простые гравюры, конечно далекие от великого вдохновения Хокусаи и Хиросигэ, напоминают о живописном Токио последней четверти XIX века: кирпичные и каменные здания, построенные в западном стиле или напоминающем его (как в Европе того же времени встречаются памятники готики или классицизма); эти дома возвышаются посреди построек еще недавней эпохи Эдо. Здесь можно видеть Нихон Баси и здание компании Мицуи. В 1872 году группа Мицуи построила в Токио внушительное пятиэтажное здание банка, в котором через год разместился первый национальный японский банк. По улицам спешит пестрая толпа, в которой смешивается униформа, костюмы на западный манер и просторная традиционная одежда.

Современные концепции пространства, заключающиеся в приоритетном использовании вертикальных линий, вызвали подлинное потрясение. До тех пор японское жилище от смиренной крестьянской хижины до просторного, составлявшего гордость диктаторов дворца Нидзё в Киото словно «растекалось» по поверхности земли, такой, как она есть, или же преобразованной усилиями человека. Сооружения органически сочетались с неровным ландшафтом, что создавало дополнительный источник прекрасного. Второй революцией оказалось появление круга в основании. Традиционное единство конструкции создавалось балкой из сосны, кедра, криптомерии или кипариса; как правило, в плане здания использовалось только удобное четырехугольное основание, за исключением нескольких экспериментов с многоугольником в основании, как в замечательном Юмэдоно в Хорюдзи. Появление японца в пейзаже всегда выражалось в создании ломаных линий, которые искусно комбинировались в стремлении к гармоническому сочетанию с множеством изрезанных природных линий, которым соответствует — единственное исключение из правила — кривизна изогнутой крыши по китайскому образцу.

Наконец, дерево, как это ни парадоксально, не обладает податливостью камня. Изгибы и стрелки, своды и купола, пилястры знаменитых сооружений, колонны, нервюры — все это связано с камнем. Деревянная архитектура, если она не должна, как в России, защищать жизненное пространство от снега и морозов, требует тщательности в изготовлении элементов конструкции. И остается место только для каркаса постройки, колонн, антаблементов, поперечных балок и несущих консолей. Все эти

элементы изготовлялись в Японии с максимальной простотой, только декоративный эффект консолей (*масу-гуми*), соответствующих капителям в западной архитектуре, все более возрастал с течением времени и использовался тем чаще, чем ближе к нам по времени оказывалась эпоха. Сначала возводился каркас сооружения, после этого оставалось просто заполнить пространство между столбами легкими материалами, которые почти не несут на себе тяжести постройки: глина, дерево или *синкабэ* (тонкая решетка из бамбука, иногда покрытая саманом). Так строятся в наши дни скромные домики, располагающиеся в пригородах, таким же образом (что любопытно) создаются конструкции современных небоскребов.

В этих чрезвычайно лаконичных строениях свободно размещаются проемы, которые закрываются разнообразными способами: дверь, закрепляющаяся на вертикальной оси, подвижные ставни (*ситомидо*), раздвижные створки. В архитектуре жилища скользящие закрывающие элементы могут быть непроницаемыми (*фусума*), полупрозрачными (*сёдзи*). Свет регулируется, таким образом, перегородками, дом не имеет окон, за исключением иногда проемов — обычно в чуланах или в комнатах, которые предполагают соответствие западным; их можно назвать кухней или гостиной, если речь идет о жилище, в котором примиряют или пытаются примирить стили и преимущества обоих образов жизни.

Удивительным образом в целом приспособившаяся к современному миру, традиционная архитектура использовала многовековую стандартизацию мер и основных фрагментов монтажа (единицей измерения является *кэн* или *полукэн*, длина которого, правда, разная в разных местах; *киома* — единица измерения в Киото, *инакама* — единица измерения в провинции), но и ее приспособила к современному миру. Соломенные циновки (*татами*), как хорошо известно, имеют стандартный формат в соответствии со средним ростом человека и пространством, которое ему потребуется для того, чтобы спать удобно; мебель — в очень небольшом количестве — изготавливается также исходя из этих соображений. Хотя ремесленное производство все еще очень распространено в городах и пригородах и тем более в сельской местности, дедовская измерительная система облегчает строительство. Этот феномен усиливается еще больше по причине того, что в Японии нет существенной разницы в образе жизни, зависящей от мест проживания, как во Франции, например. Лишь небольшие нюансы в использовании материалов несколько отличаются от региона к региону. Японское пространство остается фундаментально одинаковым от северного Хонсю до южного Кюсю. Поэтому кажется, что служащие японских компаний имеют практически одинаковый внешний вид; но под чуть ли не униформой, под этим национальным обликом жилища содержится оригинальность множества различных этнологических клеточек.

Кроме того, принцип асимметрии в строительстве частных домов исключает всякую монотонность, которую можно предположить в постоянстве, порожденном древним расширением пространства унифицированной культуры, несмотря на живость местных традиций.

На ширмах из двенадцати листов художник школы Тоса (середина XVII века) изобразил мирную семейную сцену: дом с прочной крышей, покрытой черепицей, ухоженный цветущий сад, ограда, которая тщательно поддерживается в хорошем состоянии. На картинах изображены также штукатуры, трудящиеся на мелких предприятиях (*сёкунин-э*).

Пространство японского дома, наконец, оказывается подвижным пространством; если не иметь в виду подсобные помещения (*дума* — печи и чуланы с запасами; *фуро*, где стоит чан для купания), то можно считать, что помещения, которые есть в доме, не имеют четко выраженного назначения. Конечно, есть помещение для приема пищи (*ханома*), помещение для приема гостей (*дзасики*), спальня (*нэма*); но они недостаточно четко выражены в архитектурном отношении. Поскольку мебель сведена к абсолютному минимуму, то и назначение помещения может меняться. Простой матрас (*футон*), брошенный вечером на приятную поверхность татами и убранный утром в стенную нишу, — удобная постель; стулья отсутствуют, вместо них подушки; столики низкие и легкие; все легко перемещается с места на место. Жилое пространство внутри дома подвижно, а его единственное настоящее ограничение — стены, отделяющие дом от внешнего

мира. Интерьер общей жилой комнаты и ее освещение меняются в зависимости от того, открыты или закрыты подвижные перегородки. Отсюда и оригинальность пространственного решения, отличного от западной архитектуры. В Японии потолки деревянные, дерево от времени темнеет, пол светится золотистой свежестью соломенных циновок, которые регулярно меняются. Свет и чистота идут снизу, от земли, и человек, восседающий на татами, ближе всего к своим истокам.

Замки и стены

В стране, где столь долго и столь глубоко все определялось военной общественной организацией, вызывает удивление, когда понимаешь, как мало следов сражений, которым некогда предавались великие воины. Здесь совсем не чувствуется, как в Европе или в соседнем Китае, таких стен, правильная или неправильная линия которых ограничивала бы безопасное пространство, на котором под защитой от чужеземных вторжений могла расцвести великая городская цивилизация. Житель островов, японец вплоть до XX столетия не подвергался оккупации. Чрезвычайно рано морально (если не материально) объединенные под властью императора Ямато, японцы не узнали соперничества маленьких государств, которые были бы достаточно сильны, чтобы выживать, но слишком слабы, чтобы господствовать над другими, что до XIX века задержало формирование некоторых европейских наций. Причиной кровавых сражений, продолжавшихся в Японии не одно столетие, были только личные амбиции и сила многих феодалов, мелких помещиков или одержимых воинов. Большие и мелкие столкновения, которые для простого народа имели тяжелые последствия, проходили без участия народа на стороне той или другой враждебной партии. Классическая стратегия проистекала от продуманного использования природных условий местности: в этой стране изломанный рельеф, и было нетрудно возводить на крутой вершине крепость, которая становилась неприступной, если строилось укрепление из нескольких земляных накатов и изгородей. Если укрепления возводились на равнине, то они защищались рвом, а вырытая

земля образовывала насыпь. Эти укрепления похожи на римские *vallum,* но строились редко, чтобы говорить об этом как об общепринятом усовершенствованном способе строительства укреплений.

В науке использования местности японцы оказались учениками корейцев, против которых, как это ни парадоксально, они возвели в VII веке крепости Оно, Кии и Ито. Крепости предназначались для того, чтобы защитить Дадзайфу, где находилась администрация Кюсю. Сегодня на это намекает лишь протяженная линия у склона горы, и лес, окружающий окрестность, позволяет видеть нагромождение голых камней, господствующее над равниной.

> Традиционные японские крепости строились из дерева, соломы и земли, то есть материалов, которые сопротивляются землетрясениям лучше, чем тяжелые каменные стены, которые строили корейцы. «В случае войны вельможа укрывал свое имущество и свою семью в крепости, расположенной на горе. Она была дополнением к его основному жилищу. Это убежище, расположенное на довольно крутой вершине или на выступе скалы, одной стороной прислонялось к горе и было защищено своим собственным расположением на местности. К крепости вела ступенчатая терраса, вырубленная в скале. Терраса тоже была защищена земляным валом, окруженным частоколом. Иногда строилась деревянная башня. Пространство внутри ограды походило на внутренние дворы храмов» (Гийан Ф. *Укрепленные японские замки*). Около этих скромных крепостей развертывались бесчисленные японские войны вплоть до эпохи диктаторов в конце XVI века, когда появление армий с огнестрельным оружием и их перегруппировка под властью нескольких крупных вельмож не изменили всю организацию обороны.

В северо-западной части Кюсю, на побережье, следы стен, возведенных для сопротивления монголам, сегодня не слишком впечатляют. Сложенные из разных камней, они свидетельствуют об общем порыве в этих усилиях: каждая провинция внесла свой вклад в строительство стены, в том числе и финансовый. Занесенные песком стены, поросший соснами берег, яркое небо

и умиротворяющие морские волны почти ничем не напоминают о том далеком вторжении, которое изменило направление японской истории.

Классическая литература воскрешает в памяти меланхолический трепет высоких трав, которые только и помнят о героях прошлого. Рыцарская мораль и превосходное владение боевыми искусствами воодушевляли на поединок. Великие сражения Японии, такие как сражение, ставшее свидетельством конца сёгуната Токугава, или сражение при Сегикахаре (1600), своим исходом приведшее их к власти, или сражение при Дан-но Уре (1185), в результате которого пришел к власти род Минамото, — независимо от того, происходили они на суше или на море, были битвами с жестокими столкновениями и долгим преследованием противника. Осады происходили эпизодически. Страна, для которой привычны землетрясения, Япония никогда не строила крупных и массивных сооружений, в частности таких, как крепости, которые могли бы катастрофически разрушаться при первом же толчке. Режим Эдо, ограничив количество замков (один на провинцию), лишил крепости их чисто военного назначения и превратил в центры регионального управления и символ власти даймё, представлявших сёгуна. Не забудем, что Япония так никогда и не узнала более мирного правительства (по своим целям, хотя и не всегда по своим методам), чем этот суровый военный режим. Борьба XV—XVI веков, вызванная или усиленная династическим расколом, известным как борьба династий Юга и Севера, действительно доказала (достаточно убедительно) существование серьезной опасности, а в результате в целом для страны оказалось чересчур много постоянных оборонительных центров.

Увенчавшаяся строительством грандиозных замков диктаторов — в Осаке, Химэдзи, Момояме, Адзути, — военная архитектура развивалась в то же время, когда расширялась феодальная анархия после удаления славного императора Годайго в горы Ёсино. Классический план этих замков состоит из донжона (*тэнсю*)[1],

[1] Донжон — четырехугольная башня в старофранцузских, особенно нормандских, замках. В отличие от башен на стенах замка донжон находится внутри крепостных стен и не связан с ними, это как бы крепость внутри крепости. Донжоны были не только оборонительным сооружением, но часто и непосредственным жилищем феодалов.

который часто опоясан двойной оградой — внутренней (*утибори*) и внешней (*сотобори*). Они размещались в зависимости от топографии и стратегических преимуществ местности.

Замок Химэдзи (Хиого-кэн) является самым величественным и наиболее знаменитым из японских замков. Первоначально принадлежал Акамацу, семейству даймё из Харимы (современного Хиого-кэн), происходивших от Минамото-но Морофуса (1003—1077), знаменитого поэта. Тоётоми Хидэёси (1536—1598) занял замок, который он значительно увеличил. Икэда Тэрумаса (1564—1613), получив во владение провинцию Харима после 1600 года, поступил так же. Ансамбль был закончен в 1617 году. Донжон был построен в 1608—1609 годах и обязан оригинальностью по большей части своему расположению: возведенный на единственном холме, поднимающемся посреди равнины, белый силуэт донжона Химэдзи возвышается на фоне неба на своем живописном основании. Поэтому его сравнивают с белыми цаплями.

В ходе многих реставрационных работ в стенах были обнаружены скелеты в положении стоя, мужчины были заживо замурованы, чтобы сооружению передалась их жизненная сила. Их называли «человеческими столпами» (*хито-басира*), и это было характерно не только для Японии.

Замки, поднимавшиеся над насыпями, имели белый цвет из-за смеси мела и размолотых в порошок ракушек. В отличие от Европы здесь были очень редки подъемные мосты (*ханэбаси*). Деревянные пешеходные мостики, переброшенные через рвы с водой, не поднимались, а в случае осады, для того чтобы избежать вторжения противника, их разрушали. Они были к тому же дополнительно защищены с помощью потерн (*масугата*), состоящих из дворика, окруженного одна за другой стенами: в них были пробиты две потайные двери, одна открывалась внутрь замка, другая — из него. Эти дворики были и тамбурами, и редюитами, куда можно было заманить нападавших, чтобы заблокировать и легко уничтожить с высоты насыпей. Два сооружения для стражи, одно — на западной стороне, другое — на восточной, охраняли внутреннюю часть крепости, где размещались жилище хозяина и административные службы. Донжона

можно было достигнуть, минуя внушительный вход, который имел два уровня, закрывался тяжелыми деревянными дверями, обитыми железом, после этого следовало пересечь второй маленький двор, в котором любой нежеланный посетитель оказывался под прицелом ружей или стрел стражи. Наконец, в донжон можно было пробраться через узкий и извилистый проход, окруженный высокими стенами, охраняемый десятью «входами», последовательно расположенными, которые имели столько же вышек для лучников. Угловые башни (*суми-ягура*) контролировали каждую стратегическую точку, определяющую доступ к донжону; они были соединены между собой земляными стенами (*добэй*) или укрепленными галереями. Последней предосторожностью, наконец, был лабиринт, который вводил в заблуждение нападающих, если они пытались ускользнуть от смертельного шквала стрел, пуль или камней (*иси-отоски*), выпущенных осажденными.

Белые здания цитаделей, горделиво поднимающиеся над циклопической массой серых камней ограды, заметные издалека, имели прекрасный вид. Их высота была редкостью для страны, где предпочиталась горизонталь; высокие замки служили маяками, город строился вокруг них. Эти замки сыграли важную роль в процессе урбанизма на заре Нового времени. Так же как и старинные, геометрически правильные города в китайском стиле, которые были выстроены по указанию власти в соответствии с одобренным планом, замок должен был объединить вокруг правителя ремесленников, а все и всех для обеспечения жизнедеятельности общества. Рожденные под давлением обстоятельств, эти города, развернутые внутри или вокруг крепости, формировались не хаотично. Строгое иерархическое расположение, определенное хозяином небольшого замка, обусловливало устройство всего ансамбля. В непосредственной близости от замка строились дома самураев; их близость к замку была показателем ранга их владельцев. За самурайскими домами располагались горожане, лавочники и ремесленники, объединявшиеся по цеховому признаку. Каждый городской квартал, расположенный (как и в древние времена) согласно геометрически выверенному плану, отличался по характеру деятельности обитателей: квартал оружейников, квартал плотников, квартал виноторговцев, квартал торговцев рыбой. Город представлял собой различные образцы экономики в процессе индустриализации.

Замок Хиросаки (Аомори-кэн) был построен в 1617 году Цугару Нобухира (1586—1631), даймё, принявшим христианство, который во время преследования христиан в 1614 году принимал в своих владениях христиан, бегущих от наказания; позже он отказался от иностранной веры. Цугару были потомками Фудзивара-но Тадамити (1097—1154). Вокруг замка образовался город, который является сегодня важным культурным и торговым центром. Современный донжон был вновь построен в 1810 году.

Великолепные замки, построенные и процветавшие в мирную эпоху Эдо, Нидзё в Киото и Химэдзи в Хиого-кэн, демонстрируют, как эти грандиозные крепости могли превращаться в гигантские дворцы с изящным декором, в котором сочеталась эфемерная красота цветущих сливовых или вишневых деревьев с нестрашной свирепостью хищных тигров, прыгающих по золотым стенкам фусума. Количество укрепленных замков в смуту годов Онин (1467—1477), построенных по более сложным планам из более прочных материалов, что обусловливалось применением огнестрельного оружия, ввезенного в XVI веке португальцами, росло. Замки, прославленные именами разных диктаторов, затем Токугава, позволили придать светский характер архитектуре, которая даже в административных зданиях имела по преимуществу религиозное значение. Китай приучил Японию не отличать отчетливо религиозную архитектуру от светской.

Дворец и жилища

Современная архитектура основана на традиции строительства дворянских домов (*букэ-ясики*), на которые оказал глубокое влияние стиль замков. Они утверждали общественный ранг владельца в соответствии с постановлениями Иэмицу (1623—1651), третьего сёгуна из династии Токугава. Расположение городских

домов даймё превращало их в объект тщательной регламентации. Главным внешним признаком могущества и социального статуса владельца была входная дверь, обычно располагавшаяся на восточной или западной стороне фасада, для того чтобы оставлять южный свободным. Символ социального статуса хозяина, дверь имела монументальный вид, она могла быть снабжена крышей и укрытиями для сторожей; в варианте менее помпезном ее венчало только перекрытие (*кабукимон*), наконец, более скромная, она могла быть просто украшением здания (*нагаямон*). Лица из простого народа не имели права возводить такую дверь, тем более им (теоретически) не разрешалось строительство парадных помещений (*цукэ-сёин*); они не должны были также украшать свой дом декоративной притолокой (*нагэси*), иметь экраны, ширмы или скользящие перегородки, украшенные золотыми листочками.

Богатые загородные дома устанавливались в сухом месте на террасах, укреплялись стеной и покрывались тяжелой широкой крышей из соломы или черепицы, соединяя в своей конструкции огромное количество традиционных элементов. Всегда можно отличить простое жилище от зажиточного дома, тем более постройку частного лица от дворца или храма. Архитектура проста и сложна в зависимости от пожеланий владельца, но не зависит от его статуса.

Частные жилища, которые существуют в настоящее время, мало изменились со времен Эдо; на их архитектуре лежит печать, с одной стороны, некоторой величавости и даже театральности (наследие самураев), с другой — умеренной строгости, гармоничности — наследие монастырей.

Бёдоин, одно из редких зданий эпохи Хэйан, которое сохранилось через столетия, был первоначально дворцом Минамото-но Тору (822—895), а впоследствии Фудзивара-но Митинага (966—1027). Сын этого последнего, Фудзивара-но Ёримицу (992—1074), приказал построить этот блестящий дворец, который был одновременно и храмом (1052). Центральный павильон (1053), известный как павильон Амиды или павильон Феникса (Хоодо) — из-за двух фениксов, которые украшают крышу, — сопровождался двумя боковыми зданиями, меньших размеров, с которыми он был соединен двумя галереями: это тот самый тип архитектуры синдэн, который стал типичным для дворцов в эпоху Хэйан. Вход в Хоодо наполовину скрыт решеткой, но когда она открывается, то перед восхищенным взором предстает великолепный позолоченный бронзовый Амида, статуя, исполненная Дзётё — великим скульптором эпохи Хэйан.

Источник ничем не скованной фантазии, некая неправильность, питает современную городскую архитектуру в стиле *сёин-дзукури* (в точном переводе — «архитектура домов для чтения»). Она была результатом триумфа военной централизации. Эклектичность становится основным правилом в архитектуре стиля *сукья-дзукуни* (буквально «архитектура хижины хорошего вкуса»), восходящей к сельским чайным павильонам (*тясицу* или *тясэки*), в которых люди собирались, чтобы испытать радость дружеского общения и утонченное удовольствие эстетических переживаний. Простая красота, где сам недостаток украшения оказывается украшением; красота без вычурности, где пропорция, равновесие и совершенство отдельных частей с большей отчетливостью, чем размеры жилища, говорят о принадлежности хозяина к социальному слою.

С XVIII века частный дом завершил свою эволюцию, в его архитектуре соединилась величавость и суровость господских домов с утонченной неприхотливостью чайных павильонов. Общие направления уже тогда становились классическими и стереотипными до такой степени, что публиковались книги со схемами (*хинагатакон*), своего рода учебники для любого, кто желал быстро и дешево построить дом на свой вкус. Это было оригинальное решение, пусть и не всегда удачное, так как архитектор импровизировал на свой страх и риск; но оно сыграло свою положительную роль в развитии городского строительства. Традиционный господский дом, вид которого ограничивался определенными условиями, стал демократичнее. Эта демократизация вкусов, присущая успешным торговцам и ремесленникам, стала развиваться еще с конца Средневековья в Кинки, когда деревенские старосты начали строить там свои дома. Вынужденные по долгу службы принимать военных и чиновников, они должны были устраивать парадные помещения, подобающие достоинству посетителей, в соответствии с этикетом и в подражание хорошему вкусу благородных классов.

С эпохи Муромати дом представителей знати состоял из двух частей. В северной части протекала повседневная жизнь, южная предназначалась для приемов и церемоний и открывалась в сад, скользящие перегородки изменяли ее размер и облик, в зависимости от того, хотели ли хозяева достичь впечатления большей или меньшей роскоши и пышности. Эта светская специализация комнат, выходящих на южную сторону, требовала определенных декоративных элементов в южном крыле. Главный элемент — *токонома, или токо* (само слово появилось в XIV веке), — ниша, в которую превратился *ёсита* — низкий столик, размещенный перед стеной, на которую была повешена картина. *Тигайдана,* или *тана,* этажерки, размещенные асимметрично, украшались одним или несколькими произведениями искусства малых форм по моде, пришедшей из Китая. Именно в XV веке, без сомнения, стало постепенно использоваться сочетание старинной двойной этажерки (*никайдана*) и маленького шкафчика (*дзусидана*), затем чередование этажерок, как это можно видеть в наши дни. В то же время появился элемент, которым впоследствии стали называть тип зданий, что и сегодня еще характерен для современной японской архитектуры, — *цукэ-сёин,* или *сёин.* Первоначально так выглядела келья буддийского монаха: стол, вделанный в стену, и этажерки, прикрепленные к боковой перегородке. Токонома располагается между ними. Человек, работающий за столом, усаживается на корточках на циновки, сложенные стопкой на полу. Стол освещается через окно, затянутое тонкой бамбуковой решеткой. Со временем сёин превратился в парадную комнату, так что письменный стол для занятий и потолок обычно украшаются кессонами, последние обычно бывают тем более тонкой работы, чем богаче дом. Фусума, отделяющие сёин от остальных комнат, также изысканно декорированы.

Отделенные от веранды полупрозрачными раздвижными дверцами (*сёдзи*) помещения с эпохи Эдо относительно освещены. Изобретение съемных деревянных ставен (*амадо*), которые днем убираются в сундук, вделанный в стену, позволило освещать веранду сквозь череду внешних сёдзи (в наши дни сёдзи обычно застекляются). Таким образом, теперь в пасмурные дни холодных сезонов можно хотя бы относительно освещать дом, где когда-то только в светлое время дня свет проникал в дом через внешнюю перегородку.

Столицы

Появление и обогащение буржуазии, любительницы красивых вещей, неизбежно привело к возникновению особого городского образа жизни. Ее размах был тогда большой новинкой. Из-за возраставшей плотности населения, сконцентрированного в Эдо, где по улицам еще сновали кортежи даймё, началось строительство многоэтажных домов. Возникла необходимость службы пожарной безопасности. Пожары были обычным явлением, да и сейчас еще не редкость в кварталах со старой застройкой, и столь часты, что пожар и теперь называют «цветком Эдо». Для борьбы с пожарами, ставшими настоящим стихийным бедствием, городская территория была разделена на зоны. Власти поощряли использование огнеупорных материалов — гипса для стен, черепицы для крыш. После больших пожаров 1656 и 1657 годов проблема пожарной безопасности стала особенно острой. Постепенно начинает использоваться черепица в форме буквы S (*сангавара*): такая черепица была и более дешевой, чем черепица на старинных крышах, и оказалась достаточно эффективным способом покрытия: сангавара имела вогнутую форму, ее отдельные черепицы соединялись друг с другом полукруглыми элементами (*хонговара*). Таким образом, хотя эти материалы все же были дорогими, что ограничивало их широкое использование, надежность защиты строений от пожаров повысилась. В течение XVIII века во всех домах вдоль больших проспектов Эдо стали соблюдаться противопожарные правила.

Эти усилия представляли собой фактически только начало благоустройства, так как и в наши дни в мире нет городов, подобных японским, только здесь люди крайне часто теряются в лабиринте улиц, расположенных без всякого плана, а дома всегда так тесно прижаты друг к другу, что легко могут возникать пожары. Построенный на островах эстуария Сумида и на болотистой равнине Мусаси (столь знаменитой в истории феодализма), современный Токио (древний Эдо) стал ближе к морю и осушил польдеры. Расположенный вокруг старого замка Ота Докан (XV в.), он получил со времен триумфа Токугава политическое значение. Современный императорский дворец возвышается на месте Нисимару, построенного в 1592 году по приказу Иэясу,

который намеревался расположиться в нем после своей отставки. Дворец был расширен при Хидэтада, и вскоре он превратился в высокий роскошный донжон (Хонмару) семидесяти метров в высоту. Изящество крыш, приподнятых по углам и покрытых свинцовой кровлей, подчеркивалось (как это делалось обычно) благодаря тому, что углы кровли были украшены двумя позолоченными дельфинами, хвосты которых, казалось, били по воздуху. В 1657 году, однако, великолепное здание почти полностью сгорело; оно не было восстановлено, так как сёгуны всегда останавливались перед огромными расходами, которые потребовались бы для этого. Сегодня остались только внушительные рвы с водой, спокойные линии которых напоминают среди шума современного Токио о мгновениях прежнего величия.

Вокруг центрального правительства и даймё, которые сначала добровольно, а затем по принуждению отстраивали свои дома в столице, располагались религиозные, ремесленные и торговые сообщества. Чтобы предотвращать вероятные бунты, которые, впрочем, со второй половины XVIII века все равно вспыхивали, сёгуны поделили город на кварталы, где объединялись группы по профессиям. Кварталы перекрывались барьерами. Правительство хранило общий план города в тайне, для того чтобы облегчать действия полиции. Горожанин, выходя за пределы своего квартала, мог потеряться, а в качестве общих ориентиров служили храмы, монастыри, дома даймё, река (*кава*), лес (*мори*), пруд (*ик*) или рисовое поле (*та*), на которые еще и сегодня указывают топонимы. Ориентирами были рощи, поля, ручьи или болотца, которые встречались в Эдо; но с любого места была видна гора Фудзи, ирреальный туманный белый силуэт, сияющее божество в зависимости от погоды и времени суток. Однако последнее время гора Фудзи больше не защищает Токио — ее заволакивает смог и скрывают небоскребы.

Муравейник Эдо был, конечно, не похож на Киото, строго спланированный и разделенный на квадраты, которые простирались к югу от императорского дворца (*Дай Дайри*), расположенного на севере и занимающего ключевое положение. Как и старинный Нара, Киото строился по образцу императорских китайских столиц, город был не только административным и политическим центром, но и космогоническим символом,

мандалой в трех измерениях. Будучи столицей дальневосточной страны иероглифов, город должен был отражать мироздание. В этом смысле можно утверждать без преувеличения, что Киото был «священным городом»; и хотя никакого чуда там не случилось, он считался выражением веры, а место его расположения обладало магической силой.

Кинкакудзи в Киото (буквально Золотой павильон) известен также как Рокуондзи. Он принадлежал дзэн-буддистской секте Риндзай. Сёгун Асикага Ёсимицу (1358—1408), вступая во владение собственностью бывшего высокопоставленного лица Сайондзи Кинцунэ (1171—1244) в 1397 году, построил это изысканное сооружение, которое после его смерти превратилось в храм. Расположенный у подножия гор, которые на севере закрывают место, где находится храм, он символизирует культуру, известную как «культура северных гор» (*китаяма бунка*), которая расцветает во времена большого эстета Асикага. Композиция Золотого павильона довольно непроста: первый и второй этажи построены в стиле, характерном для частного жилища, последний этаж решен в стиле храмовой постройки. Первый и второй этажи полностью были покрыты тонким слоем листового золота. Дворец Ёсимицу некогда представлял собой обширный ансамбль, впоследствии исчезнувший, и сам Золотой павильон был разрушен в пламени пожара 1950 года, в результате поджога (событие, которое вдохновило писателя Мисима Юкио на создание романа «Золотой павильон»). Современное здание является копией, завершенной в 1955 году. Расположенный на берегу озера, живописно усеянного островами, Золотой павильон представляет изумительное зрелище, отражаясь в его волнующихся водах.

Храмы и монастыри Киото располагались на окраинах города у подножия гор, опоясывающих с трех сторон центральную равнину, — трудности эпохи Нара заставили императора пытаться уничтожить непосредственное всевозрастающее влияние крупных монастырей. Киото, таким образом, иллюстрирует усилие, предпринятое для того, чтобы привести к гармонии сосуществование религиозных и светских лиц в городе, само расположение которого подчеркивает его двойное предназначение.

Сады

Неотъемлемая часть традиционного жилища — «японский сад» известен в той или иной форме (которая может оказаться и карикатурной), и его специфические элементы составляют множество символов, порождающих фантастические образы. Прежде всего в нем есть каменный или деревянный мостик, этот замечательный изогнутый мостик, кривизну которого иногда увеличивают, чтобы могла пройти лодка; или плоский мост, или мост, волнами проложенный от быка к быку (*яцу-хаси*), или крытый мост, появившийся в XIV веке под влиянием архитектуры дзэн-буддизма. Переброшенный через воду или деликатно покоящийся на стоячих водах, мостик позволяет пройти без риска через зеркало озера — центральную часть сада любого размера. Японский пейзаж действительно невозможно себе представить без воды и в особенности — без моря. В этой стране, разорванной на острова и открытой волнам, идея восстановления гармонии берега — традиция, пришедшая из Китая и Кореи, — должна была приобрести особенную популярность. Принцип был доведен до крайности в Кавара-но-инь в Киото, резиденции Минамото-но Тори (822—895), куда ежедневно доставляли морскую воду, из которой выпаривали соль на горящих дровах, как это делали в маленьких прибрежных деревнях, расположенных в глубине заливов. Естественная теснота уже вызывает в памяти искусственную миниатюризацию садов. Начиная с IX—X веков японцы любят в садах воспроизводить знаменитые пейзажи, как, например, Мацусима — россыпь островов среди сверкающей глади моря; или Ама-но-Хасидатэ — длинная лента, покрытая лесами, тончайшая граница, брошенная между двумя морскими пространствами, увековеченная Сэссю; или озеро в форме сердца, как, например, в знаменитом Сайхёдзи в Киото.

Сады в Киото: пруд, где произрастают водяные растения, каменный мостик, покрытый патиной времени, кусты, деревья, ствол старого дерева с невероятными изгибами — именно это и составляет элементы традиционного японского сада.

Стало традицией включать в картину один остров или несколько островов, природные разновидности которых систематизируются и копируются, например гористый остров (*ямадзима*) и равнинный остров (*нодзима*); украшенный деревьями остров (*морисима*) и прибрежный остров (*исосима*). В японском варианте даосийской китайской легенды о Трех священных горах, на которых проживал за морями отшельник, владевший эликсиром долголетия, эти острова служили для лодочных прогулок, они могли стать приютом для музыкантов; символизм, таким образом, оставлял место и для праздника. Привлекали к себе внимание не только спящие воды озер, но и шумящие потоки водопадов. Начиная с X века японские мастера проявляли чудеса изобретательности при использовании естественной разницы в уровнях воды. Во времена Эдо в крайнем случае прибегали к помощи механизмов, как, например, в устройстве каскада Кёраку-эн в Токио, запечатленном для Токугава Мицукини (1628—1701), и сегодня еще спокойная гавань, зажатая между гигантским железнодорожным комплексом и современным луна-парком, снабжена колесом, поднимающим воду.

Рождаемые водой и располагающиеся около воды, появляются наконец камни. Поистине не может быть настоящего японского сада без камней, игра света на неровной поверхности которых проявляется в легкой влажности или потоке частых дождей. Наследство Китая благодаря кисти Бо Цзюйи (772—846), поэта эпохи Тан, высоко ценимого в Японии во времена эпохи Хэйан, — интерес к камню, общая черта для всего мира иероглифов, приобрел в Японии, где его обрабатывают веками, особенную изысканность и представляет существенный элемент эстетики чайной церемонии. Камень в Японии не рассматривается как неодушевленная материя; впрочем, как синтоизм, так и буддизм одухотворяли все без ограничений. Любой материальный предмет может в любой момент стать вместилищем души, которая, пусть грешная и падшая, остается тем не менее душой. Кроме того, камень обладает неосязаемой крепостью доброго человека; отполированный и обработанный, он приобретает блеск и изящество культуры. Именно поэтому камень очень любили монахи. Распространенная мода на каменные сады и их сложный символизм, создание пейзажей с камнем (*карэ-сансуй*), как в Дайсэн-инь (1512), или движения камня (*тораноковатаси*), как в Рюондзи (1450), представляли собой древнее

течение: с начала эпохи Хэйан существовала особая группа трудящихся монахов и ремесленников, занимающихся обработкой камня (*искидатэ-сё*). Наконец, на всем Дальнем Востоке любовь к камню подпитывалась древними магическими даосийскими верованиями. Как выражение вечности камень сам является матрицей: самый известный китайский мифический царь Юй Великий родился от камня, и для того, чтобы он родился на свет, было необходимо вскрыть живот его матери; его сын Кии родился, как рассказывают, таким же образом.

Из камня изготавливают фонари. Японский фонарь (*то*) при всей своей материальной полезности содержит элемент тайны. Поставленный на краю дороги, он высоко поднят на опоре. Низкий, с резьбой на поверхности тяжелого колпака, гармонирующей с гладью вод, он поэтично называется «фонарь, предназначенный для того, чтобы смотреть на снег» (*юкими-доро*). Самые старые фонари этого типа находятся во дворце Кацура (первая половина XVII века). Похожие фонари использовались для освещения ночных чайных церемоний, которые заканчивались утром. Вместилище огня, фонарь использовался не как обычный бытовой предмет, а прежде всего как воплощение красоты и знак присутствия душ предков. Фонарь появился в Японии вместе с буддистской архитектурой, его широкому распространению способствовало содружество буддизма и синтоизма. Он укрывал огонь, зажженный верующими, и вскоре стал частью религиозного ритуала. В числе жертвоприношений были и фонари; их качество говорило о вкусе и богатстве дарителя, количество фонарей свидетельствовало о состоятельности и набожности верующих. Эта длинная череда фонарей, установленных вдоль выложенной камнями дорожки, ведущей от ворот монастыря, как в монастыре Касуга в Нара, неспешно провожает паломника к центру священного места.

Выложенная камнем дорожка пересекает сад, это не символ пути, ведущего к славе, или простого жизненного пути, это намек на дорогу, тропинка, плоские камни которой брошены в траву на расстоянии друг от друга.

Символика японского сада иногда перегружена различными составляющими, из-за чего утрачивается момент некоторой загадочности, неожиданности. Однако то, что может показаться

театральностью, всегда являет очарование для глаз, и сад задуман как динамичное, а не статичное видение. Архитектор и садовник не столько украшают пейзаж, сколько дополняют и раскрывают его, предопределяя ритм шагов прогуливающегося. Образ организованной природы снабжается поэтическим именем. Это имя вызывает воспоминания о каком-нибудь дальнем путешествии, например, в Кёраку-эн воссоздано Западное озеро, которое должно напоминать о путешествии в Китай. Прогулка в саду — тщательно просчитанное движение. К сожалению, теперь из-за рекламы некоторые нововведения оказываются просто катастрофическими, например в Рюондзи: почти по всему парку установлены гигантские камни, из-за утраты простоты знаменитый сад камней потерял здесь свое значение — отсутствует символ завершения пути. Не возникает цельного эмоционального восприятия, чувство дробится, вкус утрачивается, остается только недоумение.

Просторные сады для прогулок, которые украшают в настоящее время Японию, — это наследство Токугава. Несмотря на свои иногда значительные размеры, они ведут свое происхождение от сада, связанного с чайной церемонией (*тянива*), и отличаются от пейзажных садов господских домов, предназначенных прежде всего для того, чтобы ими любоваться не выходя из дома. Сочетание концепции аристократической эстетики и концепции сада, связанной с чайной церемонией, особенно удачно в шедевре великого Кобори Энсю (1579—1647), создателя, или, чтобы выразиться более точно и более определенно, вдохновителя, замечательного сада загородного дворца Кацура, летней резиденции императора в Киото. Кобори Энсю принадлежал к семье незнатного даймё Оми. Его верность Иэясу обеспечила ему благосклонность сёгуна, который назначил его на официальную должность (*фусими бугё*). Из-за возвышения в новой администрации он, однако, не утратил дружеских отношений, которые у него были в среде аристократов Киото. Воспитанный на классической культуре, он еще и лично преуспел в традиционных искусствах, его тянуло к старой столице. Знаменитый мастер чайной церемонии, обладающий тонким вкусом, проявлявшимся в разных сферах культуры, он в особенности преуспел в архитектуре и устройстве садов. Ему единодушно

приписывают создание загородного дворца Кацура, строгая и величественная простота которого свидетельствует о таланте и страстности архитектора, влюбленного в природу, которая его вдохновляла. По преданию, прежде чем начинать строительство, он поставил три условия: неограниченность в денежных средствах, неограниченность во времени, полная свобода действий. Благодаря уважительному соблюдению всех условий мастера родился шедевр.

Дворец Кацура в Киото был построен в 1620—1624 годах для принца Хатидзё Тосихита (1579—1629), младшего брата императора Гойодзэи, царствующего в 1586—1611 годах. Позже (1642—1647) сын принца Хатидзё Ниотада расширяет здания и сады; перестройки продолжились до визита отрекшегося от престола императора Гоми (царствовал в 1612—1629 годах) в 1658 году. Имя архитектора павильонов и садов неизвестно, ансамбль был задуман в стиле Кобори Энсю, знаменитого мастера чайной церемонии. Сад включает три важные части: чайный сад (*тянива*); главный чайный павильон (*тясицу*); зеленый сад, где извилистая дорожка из камней на газоне ведет от одного здания к другому, постоянно открывая пейзаж: на этом газоне перед зрителями, располагавшимися на циновках внутри зданий, происходили игры с мячом; наконец, самое старое здание находится у кромки озера. Посреди озера два острова, на его берегах возведены искусственные скалы из песка и гальки, чтобы создать иллюзию естественного берега. Мосты и каменные фонари, дополняющие ансамбль, с тех пор служат образцом для японского искусства садов.

Есть ли еще что-либо более прекрасное, чем этот рукотворный гимн природе? Можно для сравнения вспомнить Версаль, хотя по духу он сильно отличается — рука человека воссоздает там природу, сглаживая и пересоздавая ее первообраз. Архитектурное решение ансамбля и философия пространственной организации облеклись в ненавязчивый символизм, поэтическую сентиментальность, которую любил больше всего принц, по заказу которого и создавался этот дворцово-парковый ансамбль. Конечно, с течением времени образы былого, может быть, утратили некоторую свою привлекательность

для новых поколений, но пропорции ансамбля из деревьев, камня и линий остаются непреходящим образцом. Загородный дворец Кацура стал для своего времени революционным примером (причем примером превосходным) использования прямой линии в пейзажном саду. Контрастная композиция: в центре парка прямые линии каменных мостиков и тропинок напоминают о вмешательстве человека в природу, материалом для зданий, расположенных в определенном порядке, по преимуществу послужили именно необработанные стволы, которые раскрывают всю первозданную красоту дерева. Только в ансамбле дворца Кацура можно видеть столь гармоничное слияние архитектуры и природы.

Урок Мусо (1276—1351), безумца, влюбленного в природу, создателя садов Сайходзи (*Кокэ-дэра*), настоятеля дзэн-буддистских монастырей Пяти Гор, не забыт. Гинкакудзи (*Дзисёдзи*) — первый пример в XV веке архитектуры с сёэн, токонома и татами, которыми устланы все полы храма; и еще более Кинкакудзи (*Рокуондзи*) — реставрированный памятник XIV века. Отмеченная строгостью дзэн-буддизма, эта архитектура воплотила зачарованную земную мечту о рае Амиды, где встречаются после смерти щедрые души. Это напоминание здесь, на бренной земле, о счастье в загробной жизни развивалось в XII—XIII веках, когда амидизм распространялся и становился модой, которая впоследствии превратилась в повседневность. Частные дома становились и культовыми центрами; в среде знати было модным возведение домашних храмов в центре роскошного сада. В Бёдоине или в императорском загородном дворце императора Тоба, ныне не существующем, постройки отражались в пруду. В воде, плескавшейся у основания дворцовых строений, отражаясь в текучей поверхности, удваивалось изменчивое небо. Созерцание сопровождалось радостью открытия: красота этой почти ирреальной архитектуры и ее отраженной копии разворачивалась перед посетителями в конце длинного пути; от острова к острову и от острова к храму искусная череда перспектив завершалась видом святилища. Это был апогей и одухотворенная сущность придворных садов, где молчаливая гладь озера и вод тихо струящейся реки, берущей в нем исток, оживляли протяженные пространства крытых симметричных галерей.

Старые метрополии

Созданные по образу религиозных сооружений, от которых их мало что отличало, императорский дворец и дома знати сохранили в эпоху Хэйан геометрическое равновесие построек в китайской манере, которой они подражали. Ансамбль жилища вельможи состоял из главного здания (*синдэн*), в полдень там открывали двери; две крытые галереи соединяли его с восточной и западной стороны с двумя жилыми павильонами (*тай-но-я*). От них две другие галереи простирались к югу и вели в сад и к пруду, северный жилой павильон (третий по счету) создавал контрапункт. Красный цвет колонн, окрашенная в серо-синий или зеленый цвет черепица придавали ансамблю величественный характер и выделялись на фоне мягких тонов пейзажа. Контраст между сдержанной, безыскусной манерой и горделивым блеском храмовых и официальных построек в истории известен давно. В 724 году был издан правительственный указ, предписывающий не только всем высокопоставленным служащим, но и всем гражданским лицам, достаточно богатым, чтобы позволить необходимые расходы, вместо скромных домов из нетесаного дерева и соломы выстроить для себя разукрашенные дворцы в китайском стиле. Но была ли потребность в таком законе? Блеска Нара, столицы, которая была выстроена по плану в подражание континентальному Чан-ань, оказалось достаточно для того, чтобы изменить традиции, испокон веков идущей от предков и сохранявшей черты доисторических сооружений.

В Японии между тем стили, как философии или религии, выживают и дополняются не разрушаясь. И фактически именно религия, больше, чем все остальное, оказала влияние на эволюцию архитектуры — ее идеи, преобразованные обстоятельствами, неприятно секуляризирующими религиозное чувство, иногда восхитительно одухотворяют повседневность. Наиболее удивительные из синтоистских монастырей, например, искусно представляют эволюцию скромных домов на сваях, с простыми лестницами, которые давали кров как царям эпохи Великих курганов, так и крестьянам эпохи Яёй. Древние монастыри, основанные раньше, чем началось активное влияние буддистской цивилизации, разделяются на типы. Самый знаменитый и самый

древний храм Исэ был посвящен божественным предкам императорской семьи. Согласно «Нихонсёки», он был построен по той причине, что однажды сочли недопустимым, что боги и император живут и спят в одном месте; боги, таким образом, «переехали», как считается, в конце V или начале VI века. Устанавливаемый попеременно на двух равноценных пространствах, самый священный из монастырей периодически переносился из одного места в другое, то есть его демонтировали и восстанавливали. Пространство присутствия и пространство отсутствия (*кодэнти*) всегда отмечено невысоким столпом, символом, выражающим вечность жизненного цикла и синтоистскую веру в воскресение. Храм Исэ включает два священных здания, одно из них внутреннее святилище (*Найку*), другое — внешнее (*Гэку*)[1], последняя реконструкция которого была проведена в 1954 году. Храм состоит из нескольких дощатых домов на сваях, с тяжелой наклонной соломенной крышей. Сдержанный орнамент (*тиги*) и величественно вздернутая верхняя балка (*кацуоги*) напоминают о храбрости древних воителей, богатства которых захоронены в могильниках эпохи Великих курганов. Этот храм, форма которого соответствует форме доисторического амбара, представляет тип строения, называемый *симмэй*, характерной чертой его являются несущие колонны по внешней стороне стен.

Столь же древний и столь же важный храмовый комплекс Идзумо напоминает о беспощадной борьбе, в которой некогда противостояли соперники — воины Ямато и воины Идзумо, об этом рассказывают легенды. Если и после своего восстановления в 1744 году это сооружение остается наиболее значительным синтоистским монастырем Японии, то его изначально колоссальные размеры внушали идею о могуществе загадочной цивилизации Севера, цивилизации страны, «где скапливаются облака», которую Ямато должен был уничтожить, чтобы царствовать. Единственный из всех монастырей, он описан в «Нихонсёки»: «...веревка из коры шелковицы длиной в тысячу футов будет связана ста восьмьюдесятью узлами. Все опоры монастыря будут высокими и величественными... и все доски — широкими и прочными».

[1] Найку посвящен богине Аматэрасу, Гэку — богине злаков Тоёукэ.

Известно, что святилище Идзумо, посвященное Окунинусино микото, более древнее, чем святилище Исэ. Ансамбль Идзумо был знаменит из-за размаха своих пропорций. Сохранившееся после многократных разрушений главное здание святилища было восстановлено в последний раз в 1744 году и уже не имеет былых своих размеров. Сохранилась, однако, существенная часть — простое четырехугольное помещение, к которому ведет крытая лестница. Говорят, что в октябре, когда пылают кленовые леса, боги собираются в Идзумо; октябрь для Идзумо — месяц «присутствия богов» (*ками-ариджуки*), в то время как для остальной Японии это месяц отсутствия богов (*каннадзуки*).

Он был, согласно документу X века, больше, чем поразительный зал Будды в Тодайдзи в Нара. Однако этот колосс действительно был плохо установлен, так как обрушивался семь раз в течение XI—XII веков. В 1248 году было решено его построить заново, но в меньших масштабах. Главное здание, квадратное в основании, поддерживалось девятью колоннами, расставленными в три ряда по три, что характерно для стиля *тайса*. Другая особенность ансамбля Идзумо — асимметричное расположение зданий внутри квадратной ограды. Он был восстановлен бездарно, без соблюдения первоначальных пропорций, утратив прекрасную гармонию и равновесие, которыми отличался. Однако большое количество балок (древесина из окрестного леса) помогли придать присущую ему величавость, исходящую из тех мифологических времен, когда неистовый Сусаноо повстречал гидру Идзумо:

> Великолепная дорога, окаймленная колоссальными деревьями, виднеющимися, насколько хватает глаз, под верхушки гигантских торий подвешены огромные симэнава, вполне достойные могущества этой Богини небесных сил, символами которой они являлись. Но величие широкой дороги возрастало больше, не благодаря ториям и их символам, украшенным фестонами, а необычным деревьям, многие из которых, быть может, пережили не одно тысячелетие, — это узловатые сосны, чьи густые вершины теряются в сумраке. Некоторые мощные стволы окольцованы веревкой из соломы; эти деревья считаются священными. Огромные

> корни, видные в свете фонарей, широко раскинулись во все стороны, как драконы, которые ползут, извиваясь (Лафкадио Хёрн. *Отблески незнакомой Японии*).

Лес всегда окружает и защищает в Киото алтари Камо, расположенные между горой Ками (*Камияма*) и рекой Камо (*Камагава*). Прекрасные храмы, созданные в стиле *нагара*, состоят из зданий с многоугольным основанием.

Три стиля — симмэй, тайса и нагара — символизируют синтоистский дух в той же мере, что и эстетическое влияние буддизма с его многоцветными архитектурными формами, заимствованными на континенте. Наследница традиций железного века, синтоистская архитектура использовала исключительно необработанное дерево, ее прообразом служила древняя хижина лесных цивилизаций. В китайской эстетике эпохи южного Сонг и в идеях чань-буддизма синтоизм открыл для Японии источник умеренности и любви к необработанному материалу. К интеллектуальной изысканности китайских вышивок на эту тему синтоистская концепция пространства добавляет особый вкус, обогащая подражанием растительному миру, проникновением в сердцевину образа охраняющего леса. Япония не играет в этом роль заинтересованного ученика; она разделяет здесь традиции лесных культур Северной и Юго-Восточной Азии. В этой стране, где с наступлением зимы завывает северный ледяной ветер, прилетающий из Сибири, синтоистское представление о естественном пространстве сохраняет воспоминание о тропическом зное и всегда одержимо идеей о всемогущей и непреодолимой естественной среде, дружественной и враждебной. Иногда, однако, воплощаясь в сооружениях, как, например, Симиоси в Касуга Хатиман, синтоизм проявляет себя более умеренно, используя яркий контраст красного цвета колонн и белизны саманных стен. В этот момент он уже урбанизирован, пронизан китайским духом, то есть применительно к Японии — буддийским духом.

Действительно, буддизм в Японии сам создает для себя пространство. Он предлагает человеку, вовлеченному в печальный цикл вечного круговорота, определенное количество временных или окончательных решений, перевод которых на язык архитектуры, уже издавна сложившийся в Китае, привносит в каждый

пейзаж свою исключительность. Периодически внедряемая Китаем, ассимилированная, а затем приобщившаяся к японскому духу, буддийская архитектура выражает суть условий жизни.

Влиянием, которое легко заметить в наши дни, является влияние дзэн-буддизма, в особенности секты Риндзай, широко известной в начале эпохи Камакура. Сяридэн (построен около 1285 года) или Зал реликвий в храме Энгакудзи в Камакура были возведены уже в новом стиле, известном под названием «китайская манера» (*кара-э*), но его утонченная пластика противится академической и жесткой китайской манере, связанной с так называемым «индийским» стилем (*тэндзики-э*). Со сдержанным теплом обнаженного дерева соединяются богато декорированные несущие консоли и искусная изысканность ригелей, покрытых фестонами, с яркостью синего цвета шиферного покрытия сочетается матовый объем соломенной кровли. Символизм, поддержанный дорожками, ведущими от здания к зданию, муравейник маленьких дополнительных храмов контрастировали с умиротворяющей, изысканной мягкостью садов и подчеркнутой сдержанностью чайных павильонов. Грандиозные творения дзэн-буддизма в Дайтокудзи или в Нандзэндзи (хотя и более скромных размеров), оба расположенные в Киото, представляют некое философское обобщение мира.

Более близкими к господским домам являются храмы амидистских сект. Возвышение для театра *Но* и жилые ансамбли приобретают гораздо большую значимость, чем чисто религиозные здания. Религиозные сооружения представляют собой главным образом просторный зал для поклонения Амиде, а также павильон, где почитается память основателя. Эти храмы предназначены для вознесения молитв Амиде, который на заре новой жизни, символизируемой восходящим солнцем, в глубоком сострадании является перед последним вздохом умирающего. Эти ансамбли продолжают развитие архитектурных проектов, которые воплощались уже в начале эпохи Хэйан приверженцами нового буддизма сект Тэндай и Сингон. В то время строители впервые научились использовать неровности гористых склонов; буддизм тогда, частично разорвав связи с миром столичных правителей и заново открыв для себя чувствительное отношение синтоизма к чарующей первозданности природных стихий, поддержал его

философскими и моральными аргументами. Кроме того, одновременно множество людей приглашалось на совместную молитву в просторных святилищах, для монахов были построены помещения для совместной медитации. Тогда же пагода, место для хранения реликвий о трех или пяти этажах, вернулась к своему первоначальному виду, своим происхождением обязанному китайской и индийской традиции, — это куб, увенчивающий полусферу. Японский дух избегал геометрических форм, которые преобладали в Хэйанкё, подобно тому как они господствовали в религиозной столице Нара.

С появлением буддизма в середине VI века Нара оказалась застроенной храмами. Впоследствии торжественный звон колоколов, в которые били при помощи бруса, так как они были лишены языка, не прекращал отбивать ритм протекающего времени. Рисовые поля у подножия лесистых холмов, розовый свет сумерек — все эхом отзывалось в вечных словах торопливой или меланхоличной человеческой молитвы.

В Нара семь величественных буддийских храмов, принадлежащих шести сектам, были возведены на равнине. Каждый из них имел свое предназначение по классическому канону. Священная стена (*гаранин*), расположенная на юго-западе, объединяла главные здания и пагоду; служебные помещения, которые обеспечивали жизнь братства, рассредоточивались на остававшейся территории. Монастырские здания (*дайсю*) — жилые помещения монахов (*дайцун* или *дайцуин*) и столовая (*дзикидоин*), ведомства (*мандокоин*), хранилища (*сёсоин*), огород (*энин*), сад цветов (*каэнин*) и, наконец, жилье для рабов, которые принадлежали братству (*сэнин*). Храмовый ансамбль по периметру был обнесен земляными стенами (*цуидзи*), в которых были пробиты одни ворота или несколько ворот по четырем сторонам света. Большинство пристроек сегодня исчезли, так как были заброшены после того, как буддизм перестал пользоваться милостью сёгуната.

Внутри священной ограды сооружений Кондо содержатся два священных сооружения — здание Кондо, где находится одно из наиболее значительных изображений Будды (*хондзон*) и пагода (*то*), где хранятся реликвии (*сари*). Как утверждается, то были мощи Будды. Здания, хранящие эти сокровища, располагаются

внутри двора, ограниченного монастырской постройкой (*кайрой*), которая представлена крытой галереей с воротами (*тюмон*) на южной стороне и примыкающим помещением для чтения сутр (*кодо*) — на северной. За ним в длину вытянуты два или три здания, спальни для монахов. Колокольня (*суро*) и постройка, прикрывающая тамбур (*коро*), дополняли ансамбль. Конечно, эта классическая композиция со временем претерпела множество изменений, и современные храмы, несмотря на свои внушительные размеры, лишь тени того, чем они были когда-то.

Знаменитый Тодайдзи, например, теперь выглядит таким, каким он стал после своего восстановления в XII столетии, утратив свой изысканный вид, для реконструкции которого требовались значительные средства. Это сооружение, строительство которого было начато в 745 году, — одно из наиболее великих творений японских архитекторов и, как утверждается, ныне представляет собой самое просторное деревянное здание в мире. Первый из официальных национальных храмов (*кокубундзи*, сам принцип был установлен в 741 году), он первоначально занимал квадрат со стороной в пятьсот метров. Строительство продолжалось двадцать лет, в течение которых работали пятьдесят тысяч плотников и триста семьдесят тысяч рабочих — кузнецы, литейщики; они отлили статую, гигантского бронзового Будду — *Дайбуцудэн* в семнадцать метров высотой был помещен в главный алтарь. Собрат наших западных соборов по своим размерам и огромному, тяжелому труду, который был вложен в его строительство, Тодайдзи был подобен им и в другом: он предназначался для приема множества людей. Его первоначальный план показывает, что он подвел итог развитию крупных центров паломничества в Японии. Пагода, расположенная на востоке храмового комплекса за пределами монастыря, уже утратила свое былое значение и превратилась в украшение, так как народное почитание, после того как забросило реликвии, переключилось на изображения. Собственно говоря, сам храм не является больше местом сосредоточенности, но стал огромным караван-сараем, в гуле которого встречаются боги и люди. Алтарь там отодвинут в глубину главного святилища, ныне заполненного верующими, которые в недавнем прошлом собирались в специальном

павильоне, расположенном напротив того, в котором находились божественные изображения. Правда и то, что количество божеств умножилось, пантеон становился все более и более сложным, чтобы отвечать на наивный пыл простых душ, которые придерживались в большей степени веры и любви, чем философских доктрин. А потому, следовательно, и пришлось, как в Тосодайдзи, основанном в 759 году китайским священником Чиень Ченем (Гандзин по-японски), увеличивать святилище, а потом включить его в последующую часть монастыря — его завершение.

Портрет Чиень Ченя (по-японски Гандзин), китайского проповедника, основавшего Тосодайдзи в 759 году, был выполнен в технике сухого лака (*дакацу кансицу*), фактура которого позволяет выразить все трепетание жизни. Статуя состоит, если приглядеться, из нескольких слоев ткани (от трех до шести), являющихся основой для слоев последовательно наложенного лака; на ней видны следы первоначальной полихромной росписи. Согласно легенде, ученик Гандзина выполнил его портрет в последний день жизни, чему предшествовало сновидение, предупреждавшее о близкой смерти учителя. Скромно восседающий, излучающий ясность и силу, наставник, кажется, закрыл глаза, чтобы лучше следить за нитью внутренней медитации; в действительности же его взгляд — это взгляд слепого: Гандзин возвратился в Японию только после шестой попытки пересечь море и, рассказывают, утратил зрение в череде кораблекрушений, испытав бесчисленные тяготы путешествия. Эта статуя является древнейшим изображением, выполненным в технике лака, которое нам только известно.

Действительно, первые храмы не были задуманы для большого количества ни божеств, ни поклоняющихся. Они сохраняли, так же как и дворцы правителей, религиозным вариантом которых они были, соразмерное достоинство, величавое, но утонченное, которое было присуще китайским официальным зданиям, что служили им образцом. И однако, ученик не замедлил превзойти своего учителя. Дерзкая смелость ансамбля Хорюдзи (VII в.), соподчинение разновеликих пагод и павильона поклонения, уничтожила старый китайский план уравнивания зданий, которому следовали при возведении Ситэнходзи.

Хорюдзи (*Нара-кэн*) — один из старинных храмов Японии — был основан в конце VI века регентом Сётоку. Известно, что он сгорел в 670 году, восстановление главного здания относится к 679—693 годам, пагоды и внутренние ворота (*тюмон*) явно построены до 710 года. Рядом с Хорюдзи, собственно говоря, находится Хорюдзи Тёин, построенный в 739 году священником Гёсином на месте Икаруга, дворца регента Сётоку, и сожженный людьми Сога-но Ирука в 643-м. Павильон мечтаний Юмэдоно представляет собой и храм, и мемориал, посвященный принцу, который некогда жил вблизи храма, он же его и основал. Многочисленные удачные реставрации в эпоху Камакура не повредили красоту этого восьмигранного сооружения, которое до сего дня вдохновляет архитекторов. Хорюдзи Тёин известен также своей сторожевой башней (*сюро*), которая датируется эпохой Камакура, однако воспроизводит формы, которые существовали в эпоху Хэйан. Поставленный на каменное основание, ее деревянный цоколь напоминает об обязательном правиле окружать замки рвами с водой.

Японское понимание пространства с VII по XX век переживало неоднократные озарения, ему присуща искусная алхимия в комбинировании неравенств, которая создает стабильность, поскольку японское равновесие выражает игру пустоты и наполненности, противостояние горизонтальных и вертикальных линий и стремится к гармонии цвета.

Глава 9

ПРЕДМЕТЫ

Девушки,
подражая всем девушкам,
поверх своих рукавов надевают
китайские драгоценности,
которые заставляют их
ослепительно белые рукава порхать
и струиться за шлейфом
пунцового красного цвета.

Воинственные юноши,
подражают они всем мальчикам.
В поясе своем они носят
две свои сабли.
Верные руки держат крепко
свои охотничьи луки,
на своих лошадей они кладут
прекрасные попоны под седла.

Яманонэ-но Окура

Без сомнения, нигде в мире, кроме Японии, так не переплетены между собой те виды искусства, которые считаются основными, и виды искусства, считающиеся декоративными. Простота материала, сдержанность в его использовании не вызывают сомнений в творческом даровании художника и в силе этого дарования. Самая обычная чашка (даже одна-единственная чашка) вполне способна выразить талант художников целой эпохи. Эта страна, в искусстве которой эмоциональное воплощение берет верх над замыслом, парадоксальнейшим образом *всегда* проявляла гораздо больше внимания к отвлеченной красоте материала и линии, чем к специфике материала и пользе, но в ней никогда не приносились жертвы на алтарь бесполезного, «чистого», искусства. Напротив, произведения искусства легко становятся (и всегда становились) предметами обихода: традиционная картина, например, вначале представляла собой свиток, который любитель должен был разворачивать руками. Предмет в Японии

никогда не был статичным. Открывается он или закрывается, можно ли его рассматривать со всех сторон, он во всей своей полноте и объеме (который может быть и чрезвычайно малым) сохраняет мощь эстетического и эмоционального воздействия, которая властвует над формой, материалом и мастерством. Украшение комнаты и всего дома обычно составляет только одно-единственное *токонома* или вид, который открывается на примыкающий к дому сад. Освещение этого вида зависит от движения солнца и требует изменения и подвижности предметов. Все строго соотнесено с ритмом времен года и напоминает, несмотря на простоту бытия, о преходящем времени и вечности природы процесса смены времен года. Характерные для японцев религиозные обычаи и склонность к аллегории в сочетании с несомненным мастерством ручной техники благоприятствовали развитию интереса к скульптуре, к созданию произведений малых форм. Сад — уменьшенная копия на тесном пространстве — своего рода символ, концентрирует саму идею природы, представляет собой некий микрокосм, к которому постоянно стремятся, он становится возможен и доступен: садик превращается в звено неразрывной цепи, которая ведет от организации пространства к концепции предмета.

В течение нескольких столетий, со времен установления режима Токугава, искусство обычно было уделом ремесленников. Мирная жизнь, увеличение богатства, разрастание городов и развитие промышленности, склонность к роскоши, присущая феодалам, становящимся придворными, и разбогатевшим коммерсантам — все благоприятствовало развитию художественного ремесла. Почти во всех направлениях оно бессистемно использовало старинные приемы, воспринятые от прошлого, но их изначальный дух постепенно все более утрачивает свое значение. Потому-то среди новых общественных слоев становятся популярными причудливые украшения, при создании которых талант заменяется блестящим техническим мастерством. Проявлением этой тенденции стали знаменитые *нэцкэ*, маленькие застежки, вырезанные из слоновой кости. Именно эти изделия оказались наиболее известными на Западе. В современную эпоху наблюдается возвращение к простоте, но смешение жанров торжествует более, чем когда-либо, а стремление к образцу сотворяет чудеса:

Тесигахара Софу создает букеты, цветовые эффекты которых напоминают о блестящей живописи школ Сотацу-Корин, в то время как его вазы приобретают скульптурные объемы, а сами его скульптуры уже превращаются в элементы архитектуры:

> Для меня *икэбана* — это прежде всего способ создавать некую прекрасную форму; с этой целью и используются цветы, пусть они даже и поблекли. Между тем я не считаю, что цветы окажутся единственным материалом, при использовании которого можно было бы произвести подобную форму, и я сам время от времени пользовался другими материалами... Я считаю самого себя прежде всего создателем форм, который в своем ремесле использует главным образом цветы, а не чистым составителем цветочных композиций (Тесигахара Софу. *Его бесконечный мир цветов и форм*).

Больше всего в искусстве ценится форма и красота, гораздо больше, чем принадлежность к школам и жанрам. Эта тенденция оставалась неизменной на протяжении всей японской истории и приобретает особую значимость в наши дни. В целостном ансамбле современного искусства, которое приобрело мировое значение, противопоставляемые стили и мотивы позволяют создавать бесчисленные вариации в зависимости от того, в большей или меньшей степени они проникают друг в друга. Подобно тому как европейское декоративное искусство с того дня, когда корабли Ост-Индской компании доставили из Китая фарфор, в полной мере заимствовало эти новые для него формы и колорит, точно так же и в наши дни художественные явления, сопровождающие японскую жизнь, питаются из многочисленных источников, связанных с традициями как Азии, так и Европы.

Поскольку форма во многом определяется характером вещества, то в Японии качество материала всегда было объектом самого внимательного исследования. К нашим современным материалам — металлам и пластмассам — здесь прибавляется богатая гамма, которой на протяжении сотен лет было придано благородство: бархатистость мягко мерцающих лаков, гладкая или выразительная текстура дерева, тонкая зернистость или деликатная шершавость литья, керамическая масса, тонкая или густая,

но всегда доставляющая удовольствие при прикосновении, легкая или тяжелая роскошь шелка, жизнерадостные цвета фарфора. Из всех японских произведений искусства именно фарфоровые изделия, благодаря своим драгоценным качествам и великолепию, приобретают пышность, которая мало сочетается с естественной простотой японского дома. Напротив, эти изделия, получившие известность на Западе и обычно распространенные именно там, как нельзя лучше соответствуют достойному украшению богатого интерьера. Самые известные прекрасные образцы японской ремесленной традиции — это чайные подносы и чашки, которые только начинают ценить в Европе: простота их форм, теплый и нередко темный цвет, сдержанность, соответствующие их назначению, в самом деле с трудом находят свое место в претенциозном и вычурном декоре. Феерия «Ост-Индская компания» еще не утратила привлекательности. Возможно, что современная коллекция «Ёван» (созданная Дегути Онисабуро), сочетающая приземистые формы и плотную текстуру традиционных чайных чашек со смелым ярким колоритом, соответствующим направлению, которое некогда было изобретено Какэмоном, имеет шанс достичь (как и выразительность других японских изделий) нового успеха за границей.

Керамика

Керамические изделия, независимо от того, простые они или дорогостоящие, остаются предметами, которые вызывают всеобщее восхищение. Их передают по наследству, покупают, и каждый японец неравнодушен к этому искусству. Многие любители обучаются гончарному ремеслу, и в профессиональных центрах пользуются популярностью школы-мастерские, где можно по вечерам, вращая быстро или медленно гончарный круг, забыть об усталости и обыденности городской жизни. Приятная шероховатая грубоватая податливая масса, послушная рукам, напоминает о первоначалах, о древних связях с землей-кормилицей. Ведь сначала глину месят, увлажняют, снова месят — так боги создавали мир, когда все еще было хаосом, мягким, бесформенным и бессодержательным веществом. Авторитет древнего демиурга — творца первого хранилища для запасов пищи, притягательность гончарного круга, изобретение которого знаменует новый исторический этап во всем мире, — Япония бережно хранит непреходящее очарование прошлого. Публика хорошо разбирается в техниках и качестве керамики, поэтому на выставках демонстрируются и произведения, и черепки, которые позволяют лучше оценить качество первых. Эти скромные осколки погибшего художественного изделия должны вызывать и вызывают у зрителя сентиментальные чувства. В этой стране, где, следуя законам китайской эстетики, незавершенное произведение ценится больше, чем завершенное, черепки позволяют лучше представить целое, структуру которого можно разглядеть. Но главным образом эти черепки — драматическое напоминание о прошедшем, которого больше не существует.

Одно из самых сильных очарований керамики, символизирующей непрочность вещей, заключается в ее хрупкости. Именно керамика лучше всего отражает суть этой цивилизации, весь дух которой пропитан буддийской ностальгией, сдержанной нежностью, цивилизации, сердце которой бывало хотя неразумным и скрытым под общественными условностями, но всегда горячим. Поэтому-то все, что не разделяет этой взволнованности, любит чрезмерный блеск и роскошь (что отвергается японскими эстетами, поскольку они культивируют отказ от современных благ цивилизации), не может восприниматься японским миром. Фарфор, изысканный и легкий, считается скорее приятным развлечением, хотя за ним стоит трехсотлетняя история и он давно признан.

В Сёсоине (Нара) хранятся первые образцы японской глазурованной керамики. Вдохновленные замечательными китайскими цветными фарфоровыми изделиями эпохи Тан, большая часть из них (тридцать пять из сорока) имеет только два цвета — белый и зеленый, зеленый цвет получен благодаря использованию меди.

Японский фарфор за три последних столетия хотя и не соперничал с китайским фарфором, но все-таки приобрел высокую репутацию во всем мире. Имена мастеров — изготовителей фарфора Какэмона или Нинсэя, мастерские Китаму в Арита известны западным производствам с XVIII века так же, как мастерские

Севра или Лиможа. Фарфор развивался сначала в Кюсю, когда на континенте император Канси (1662—1723) и Ин Цзун (1723—1736) основали производство яркой керамики, в котором использовалась новая техника самой фарфоровой массы и глазури. Кюсю еще раз выпала роль посредника в передаче нововведений в Японию.

Внедрение в производство тонкой фарфоровой массы, новые техники, в том числе по китайским образцам, росписи под глазурью (*сомоцукэ*) или поверх глазури (*уваэцукэ*) позволили изготовлять праздничные, радующие сердце и глаз произведения, которые сразу же понравились сословию купцов. Замечательные *какэмон-тэ* стали важными вехами в истории керамики.

О личности Сакайда Какэмона (1596—1666) мало что известно, за исключением того, что правитель земли Хидзэн в Кюсю именно ему поручил руководство мастерскими Арита, где с начала XVII века по корейскому способу производили керамику с простым украшением под глазурью; этот фарфор быстро получил успех. Какэмон, а также его дядя и потомки последнего производили маленькие шедевры. Слава их мастерской была настолько велика, что с середины XVII века все мастерские вокруг Арита принялись подражать им, так что сегодня очень трудно отличить керамику *какэмон* от подделки.

Существует два вида *какэмон*. Керамика так называемого «парчового стиля» украшается поверх глазури трехцветным мотивом с использованием красного, зеленого и голубого; другая, которая в основном расписывается с использованием окиси кобальта, называется «парчовым стилем под глазурью». Сюжеты рисунков самого Какэмона: скалы, цветы, птицы — прямо навеяны живописью. А на посуде, в том числе и на больших блюдах, расписанной по рисункам дяди Какэмона, чаще всего встречаются яркие текстильные мотивы. Вскоре мастерские Какэмона соединились с мастерскими Имари; в годы Сёхё (1644—1647) в Европу вывозился разнообразный фарфор, и делфтские ремесленники незамедлительно принялись его копировать. Европейские мастера керамики в Сен-Клу, Шантильи, Венсене, а также Вене и Вустере были очарованы этим фарфором и стали ему подражать. Особенный фарфор с глазурью красного цвета, *химэтаньяки*, изготовлялся еще около 1665 года в духе продукции Арита в мастерской Бинго, около Хиросимы.

Но создателем чисто японского фарфора стал Нинсэй (умер в 1660 году), гончар из Киото, основатель мастерской Мимуро. Нинсэй не только постиг и восстановил технику Какэмона, но и прибавил к ней исключительное мастерство. Его изделия стали отличать первоклассное качество и скульптурная объемность. Нинсэй был наделен выдающимся чувством цвета, в декоре он использовал золото и серебро, заставляя мерцать круглые бока сосудов для чайной церемонии. Его изделия оживлялись богатыми растительными композициями, характерными для ширм эпохи Момояма. Яркий фон был нанесен под глазурью, по поверхности глазури рисунки отличались невиданной дотоле красотой.

Пузатая ваза с четырьмя ручками, на которой изображены красные цветы сливового дерева, — один из шедевров Нинсэя. Он талантливо сочетал китайскую технику с чисто японским оформлением. На вазе неровными линиями прорисованы ветви цветущей сливы, пересеченные золотыми облаками, которые, изолируя детали (прием, характерный для росписи ширм), создают одновременно глубину и рельефность. Роспись поверх белой, с трещинами глазури покрывает весь предмет почти до подножия, оставляя небольшой фрагмент без покрытия и предоставляя возможность оценить качество материала, из которого изготовлена эта вещь.

Революция в изготовлении фарфора *кутани*, также вдохновленная идеями Какэмона, оказалась более умеренной. Рассказывают, что вельможа Каги (современный Исикава-кэн) Маэда Тосихару отправил Готё Саидзирё, одного из своих людей, в Ариту, для того чтобы разузнать тайны новой керамики. Так была основана первая мастерская в Кутани. Она существовала около шестидесяти лет, то есть до конца XVII века. Фарфор изделий «старинных кутани» (*ко-кутани*), разнообразных по форме и цвету, делится по своему декору на две группы: одна выполнялась в китайской манере, другая — в японском стиле. Китайский стиль в большей мере склонен к описательности, передает изящество цветов, птиц и насекомых, которые изображены необычайно тонко, чуть ли не с женственной изысканностью,

рисунок наносится на чистую поверхность. Что касается японского стиля, то его абстрактные мотивы: изломанные линии, разные геометрические фигуры, искусно усеченные или же смещающиеся раппортом с несколькими центрами — со вкусом украшают любые плоскости.

Производство японского фарфора очень высокого качества концентрировалось в этих старинных центрах. В эпоху Эдо в обществе появились любители изысканности и аккуратности, они стремились к «естественности» и иллюзорности, столь нехарактерной для японского искусства. Времена изменились, как и понимание искусства, и все это, без сомнения, не представляло бы сегодня особого значения, если бы в наши дни в Японии не сохранились следы этой склонности к чрезмерной изысканности и пристрастия к юмору, заметным во всех произведениях эпохи Эдо. Положительной стороной этой эпохи было сложившееся понимание значения «малого» при создании произведений искусства, предмет уменьшался в размерах, увеличивая в объеме то, что он утрачивал в величине, становился не столь ярким. Для большинства поздних изделий периода Эдо характерно то, что все детали росписи изображаются более мелко, чем было принято, в связи с чем и кисть становится все более тонкой. Тщательность в изготовлении посредственных изделий, потому что технические достижения заменили художественную фантазию, сделала японскую керамику очень популярной во всем мире, что шло от незнания, которое порой присуще чужеземцам. Изысканность не вписывается здесь в это кружевное искусство, декор, который стремится к красивости, не выражает духовную силу.

Настоящая японская традиция была совершенно иной. Она представлена по большей части простыми и непритязательными изделиями, которые распространялись и прославлялись мастерами чайной церемонии и к которым оказались достаточно благосклонны люди, влюбленные в природу, то есть все японцы. Эта традиция нашла свое соответствующее выражение в темном, глубоком, зернистом материале чайных чашек *раку*. Само их название переводится как «радость», и им они обязаны, как говорят, самому Хидэёси, который в конце XVI века в своем дворце в Момояма даровал печать, на которой был изображен этот иерог-

лиф, сыну создателя замечательных чайных чашек. Сам Ходзиро, их создатель, в свою очередь был сыном предпринимателя Амэйя, производившего черепицу, и, очевидно, его семья была китайского или корейского происхождения. Чайные чашки раку воплощали в себе все то, что было лучшим в эстетике чайной церемонии; замечательный наставник Сэн-но Рикю (1521—1591), также признательный Ходзиро, дал мастеру фамилию Танака, оказав тем самым ему честь, так как в эту эпоху у простонародья не было фамилий.

> Чайная чашка является предметом, которым следует восхищаться, который нужно держать в руках, рассматривая со всех сторон, ощупывать. После того как выпит зеленый пенистый горьковатый чай, участники чайной церемонии медленно поворачивают чашку, держа ее в ладонях. Шероховатая поверхность, приятная на ощупь глазурь доставляют радость от прикосновения, а асимметричность рисунка или изысканная неправильность, незавершенность заливки глазурью (чем особенно отличаются чашки *орибэ*) — удовольствие для глаз.

Известности раку, красота которых — одна из особенностей чайной церемонии, способствовало благоволение диктаторов Нобунага и Хидэёси, больших любителей керамики. Стали открываться многочисленные мастерские; в Сэто отличались своей оригинальностью мастерские *сино* и *орибэ*; возникали мастерские в других местах, где еще более подчеркивались местные особенности. В Имибэ (Окаяма-кэн), Тамба (Киото-фу), Сигараки (Сига-кэн), Ига (Миэ-кэн), Токонамэ (Айти-кэн) использовали приглушенные цвета и роспись с цветочными мотивами, хотя цветовая гамма и не отличалась строгостью. После возвращения Хидэёси из его первой корейской экспедиции происходят изменения. Вместе с армией в Японию прибывают корейские мастера керамики, которые, обосновавшись в Кюсю, главным образом в Карацу в провинции Хидзэн, научили японцев технике периода династии И. Основу серого цвета или цвета охры покрывали матовой глазурью *(намако)*, наносили рисунки, воспевающие красоту весеннего цветения в игре света и тени, изящество листвы *(э-карацу)*. Рисунки под глазурью наносились живописными

красками на основе железной окиси. Даже в наши дни при огромном разнообразии японского керамического производства все еще высоко ценится посуда из Карацу: очаровательная мягкость сдержанного растительного декора соединяется с красивым темным тоном, который высоко ценится в чайной церемонии.

Огата Кэндзан (1663—1743) был учеником выдающегося мастера Нономура Нинсэя и имел славу не меньшую, чем слава его учителя. Кэндзан был поклонником Хонъами Коэцу (1558—1637), лучшего каллиграфа начала эпохи Эдо. На него оказала также большое влияние личность его брата, художника Огата Корина (1658—1716). Кэндзан соединяет в своих работах большое мастерство владения кистью и искусную технику керамики. Темой росписей его чайных чашек часто были ночные красавицы (*югао*), она была заимствована им из заголовка одной из глав «Гэндзи-моногатари». На чашках он старательно выписывал сложенные им самим стихи.

Японская керамика своим расцветом была обязана тому, что с конца XVI века, в эпоху Момояма, ей удалось отойти от китайского канона, которым в той или иной степени были отмечены изделия, которые производились с XIII до XV века. Действительно, как в эпоху Муромати, так и в более ранний период Камакура массовый импорт наводнял страну. Эти изделия не были еще столь искусными, как в XVI—XVIII столетиях, но были изящны, с богато нюансированным сдержанным колоритом, что отвечало утонченному вкусу образованных людей эпохи Сонг (X—XIV века) и Юань (XIII—XIV века). Когда в 1404 году снова была официально разрешена торговля с Китаем, в Японию стали ввозить большое количество керамики с континента. Вельможи и сёгун ценили ее все больше, по мере того как их вкус становился все более тонким. Для провинциалов, которыми, в сущности, в тот момент оставались мелкие помещики (и даже крупные японские феодалы), китайская керамика эпохи Сонг и Юань, достигшая тогда вершины своего искусства, представляла собой сокровище. На берегах Камакура, куда до XV века причаливали заморские корабли, или по соседству с дворцом Дадзайфу (современный Фукуока-кэн) до сих пор находятся многочисленные черепки

селадонового[1] фарфора времен начала сёгуната. Эта керамика, как правило, покрыта изумрудно-зеленой эмалью, но встречаются и серые оттенки, или изделия были окрашены в голубоватый или белый, смешанный с лазурью. Настоящий селадоновый фарфор обладает еще одной особенностью: он звенит, как хрустальный кубок или бронза; чем дольше длится звук, тем выше качество керамики.

О древности страсти к китайской керамике свидетельствуют документы: в инвентарном перечне богатств Энрякудзи в Камакура, Буцуни-тян комоцу Мокуроку (1363), перечисляется впечатляющее количество картин и керамических изделий эпохи Сонг и Юань; особенно ценились *тэммоку* — вазы, их очень темную глазурь оживляют множество параллельных полосок или мотивы с радужными отблесками на бледно-зеленом.

Именно при попытках имитации этих произведений с необычным молочным отливом мастерские *сэто* в Овари приобрели со времени эпохи Камакура известность, которая с тех пор навсегда за ними закрепилась. Керамические изделия, обожженные при высокой температуре, приобретали особый вид благодаря глазури, в состав которой входила зола. Зеленые, светло-желтые, черные или коричневые цвета получались благодаря включению в состав глазури золы и железа. В некоторых случаях они добавлялись в основную массу изделия, в других — только в глазурь. Декор наносился в технике клинтуха — насечкой прямо по сырой глине, затем изделие выравнивалось на гончарном круге. Таким образом, создавались вазы, несовершенная форма и линейная стилизация в оформлении которых особенно хорошо согласовывались с духом силы и строгости, характерным для эпохи Камакура.

Этой плодотворной ассимиляции формы и цвета предшествовала куда менее удачная попытка. Конечно, эпоха Хэйан

[1] Селадон — тип китайской керамики эпохи Сун (X—XIII вв.) из фарфорообразной массы, покрытой светло-зеленой глазурью, состоящей из окислов железа. Более широкое значение — бледно-зеленый цвет вообще; иногда селадоновый — цвет морской волны. Французское название возникло по ассоциации с образом известного литературного персонажа, украшавшего свою одежду лентами зеленого цвета (*франц.* Céladon от *лат.* Celadon — имя лирического героя романа французского писателя О. д'Юфре «Астрея»).

представляла золотой век для развития всего японского искусства, но ремесло керамики было не слишком развито. Контакты с Китаем еще не установились, и количество удивительных континентальных образцов было невелико. Однако этот недостаток был компенсирован в ту эпоху искусством лаковых изделий, которое достигает высокого технического совершенства и пластической красоты, благодаря чему стали производиться легкие небьющиеся изделия, успешно заменяющие в большинстве случаев неудобную глиняную посуду. Керамические изделия ограничивались некоторыми ритуальными сосудами, такими как глиняные кувшины, в которых хранился прах умерших, а также блюдами и горшками, то есть посудой, которая использовалась простым народом. А потому производство керамики возвратилось, оставив изысканные достижения гончарного круга, к старинной технике *сэто*.

Именно в эпоху Нара впервые произошло знакомство с китайской керамикой. Японский двор увидел изящные вазы, выполненные в трех цветах — зеленом, желтом и белом *(сан-сай)*, полученных обжигом при низкой температуре. Эта техника, характерная для произведений эпохи Тан в Китае, должна была прийти через королевство Силла или Похай. Красота этой керамики могла допустить использование таких предметов только в ритуальных целях, о чем свидетельствует описание одного из изделий, хранящихся в Сёсоине. Эти изделия дали Японии новое представление о цвете.

Глиняный погребальный сосуд, найденный в Ибараки неподалеку от Осаки в начале эпохи Мэйдзи, представляет собой образец высокого качества керамики эпохи Нара. В соответствии с китайской техникой «трех цветов» (*сан-сай* по-японски) с внешней стороны он покрыт желтой, зеленой и белой глазурью, внутренняя сторона — только бледно-зеленой.

Японцам было с чем сравнивать, поскольку у них с доисторических времен существовала традиция производства замечательной керамики. Техника производства и внешний вид ваз типа *суй*, которые пришли из королевства Силла около V века, полностью соответствовали китайскому образцу. Они отчасти заставляют забыть о простой, неукрашенной глиняной посуде, известной под названием *хадзи*, прямой наследнице керамики эпохи Яёй. Эта доисторическая глиняная посуда имела прежде всего функциональное значение — пузатые сосуды, кубки, на ножке или без нее, большие глиняные кувшины для хранения продуктов или для захоронений; они повторяли простые контуры образцов из металла, также пришедших с континента, которые и определили характер керамики последних периодов эпохи Дзёмон. Все-таки гончарный круг был практически неизвестен в эту эпоху. Разрыв между традиционной японской керамикой и глиняной посудой эпохи Дзёмон разителен, и кажется, что между тем и другим не существует никакой связи — такое впечатление, как будто где-то в начале нашей эры возник новый мир. В глиняной посуде эпохи Дзёмон, не имевшей правильных форм, большое значение придавалось декору, в котором широко использовался веревочный орнамент, откуда и происходит само название Дзёмон, «веревочный орнамент». Между тем настоящее отличие глиняной посуды эпохи Дзёмон выразилось в странных изделиях, изготовленных в середине той эпохи (*дзёмон тюки*): скошенные бока с вырванными из них кусками, горловина, украшенная невероятными вздутиями и наростами, преувеличенные изгибы линий и резкий волнистый орнамент. Этот орнамент характерен для общества, развитие которого было связано с морем, и напоминает об этом. В этих изделиях мы видим начала искусства, рождение древней Японии, и, несмотря на разрыв, преемственность все же существует. Именно поэтому мы вновь не без оснований обнаруживаем в смелой архитектуре нашего современника Тангэ линеарные ритмы этой архаической глиняной посуды.

Изделия из металла

Если любители чайной церемонии с восхищением любуются чайными чашками из керамики, то с не меньшим вниманием они разглядывают литые металлические котелки, в которых хранится и кипятится чистая вода. С конца XVI века эти сосуды можно считать произведениями искусства. Наиболее известные из них производились в Асийя, неподалеку от Фукуока (гладкие стенки

и богатый декор), или в Сано, в Тосиги (мотивы на грубоватой поверхности), одни соответствовали изяществу фарфора, другие — простоте глиняной посуды. В отношении металлических изделий японский вкус также колеблется между двумя полюсами, что характерно и для керамики, но больше всего, несомненно, ценится простота, потому что изделия, которые несут на себе следы чрезмерной обработки, украшенные инкрустацией, чеканкой, отодвигают на второй план красоту самого материала. Мурата Сэймин из Эдо, Хомма Такусай из Садо и из Нагасаки считаются лучшими чеканщиками XVIII столетия. Их произведения, в особенности изделия Камедзо, свидетельствуют о близости к реализму, о виртуозном мастерстве, сродни искусству резьбы по слоновой кости. Широко распространенное производство маленьких фигурок в разной манере, которые изготовлялись с особой тщательностью: *нэцкэ* — застежки для шнурка, *инро* — украшения для маленьких лекарственных коробочек, — прославило талант и юмор японских анималистов во всем мире[1]. Между тем сюжеты этих произведений, как и сюжеты гравюр, часто связанные с повседневностью, не влияют на эмоциональное восприятие более склонных к символу японцев, так же как и на восприятие жителей западных стран. То же относится и к наборам письменных принадлежностей, в которые включаются многочисленные инструменты, выполненные из металла: украшенные линейки, крышки, подставки для хранения кистей, пресс-папье, различные сосуды. Все это свидетельствует о вкусе, испытавшем значительное влияние Китая. Среди тех, кто становился знаменитым в данном роде деятельности, необходимо указать прежде всего на Сиката Анносукэ, который работал в Киото в начале XIX века. Стоит упомянуть и его ученика Ата Дзёрокю, который специализировался в копировании старинной китайской бронзы. Многочисленные образцы его творчества украшают и сегодня домашние коллекции и хранилища музеев.

Помимо мастерских по обработке металла, созданных для нужд чайной церемонии, существовало и замечательное искусство обработки металла, имевшее отношение к религиозным

[1] Речь идет о сюжетике изображений, использовавшейся при изготовлении нэцкэ.

ритуалам. Оно было связано с буддистским декором или синтоистскими зеркалами. Кроме того, развивалось искусство, порожденное воинственностью феодалов, искусство оружейников, кователей лезвий или чеканщиков по гардам[1].

С наступлением эпохи Мэйдзи буддистские монастыри утратили вместе с поддержкой официальных властей и свои преимущества перед синтоистским культом. Лишенные финансовых ресурсов, представители духовенства, пришедшего в упадок, вынуждены были отказаться от многочисленных культовых предметов, для того чтобы прокормить себя. Так значительное количество бронзовых японских культовых предметов, на волне увлечения японизмом, который на протяжении всей последней четверти XIX века перекочевал на западные берега, наводнило рынок произведений искусства, неся с собой еще и искаженное представление о японском вкусе. Ведь в течение длительного времени качество буддистской бронзы ухудшилось, и это искусство характеризовалось постепенным упадком вкуса, за исключением металлических украшений, которые использовались архитекторами. В жанре монументальной скульптуры повторялись все те же образцы, которые в эпоху Камакура были доведены до высочайшей степени технического совершенства. Все дополнительные украшения: чеканные элементы балдахинов (*бан*), пастушьи посохи (*ниой*) и колокольчики (*гокорэй*), алтари (*кэман*), ковчеги для сутр (*ои*), кованые фонари (*дото*) — точно воспроизводили растительный орнамент, например виноградную лозу (*каракуса*), или копировали изображения животных по образцам буддийского возрождения XII века. Они несли на себе отпечаток своей эпохи, которая характеризовалась жестким, суровым и несколько раздражающим декоративным стилем. Для того чтобы обнаружить подлинные шедевры японской бронзы, следует обратиться к искусству VIII—IX веков: *кэман* с гениями в форме птиц в Тюсондзи в эпоху Хэйан или же декоративные панельки с очаровательными музыкантами на восьмиугольном фонаре Тодайдзи в Наре. Здесь все еще изящно отражено исполненное вдохновения искусство, которое подчинило китайские формы эпохи

[1] Гарда — деталь меча, защитная металлическая пластина, разделяющая клинок и рукоять.

Тан японскому чувству меры и вкусу. Зеркала (*кагами*) — синтоистский атрибут, первый среди императорских сокровищ, — осуществляют удивительную функцию: именно они устанавливают с самых древних времен связь с неизведанным.

> Пока, переговариваясь так или погрузившись в задумчивость, мы продвигались вперед, внезапно подул ветер, и, сколько ни старались гребцы, корабль все отступал, отступал назад и едва не затонул.
>
> — Эти пресветлые боги из Сумиеси,— промолвил кормчий, — известны, наверное, вам. Чего-то, видимо, им захотелось. Какие-то они новомодные. Вот кормчий говорит: — Извольте поднести *нуса*.
>
> Как он и сказал, подносят *нуса*. И хотя исполнили все это, ветер ничуть не перестал. Все больше дует ветер, все больше встают волны, ветер и волны становятся опасными, и тогда кормчий опять говорит:
>
> — Ваш корабль не двигается потому, что *нуса* не удовлетворяют богов. Теперь поднесите им такого, что должно их обрадовать!
>
> Опять сделали, как он сказал.
>
> — Как нам поступить! — говорили мы. — Даже глаза у человека два, а зеркало у нас одно-единственное. Но поднесем и его! — И когда с этими словами бросили его в море, стало жаль. Но как только это сделали, море стало гладким, как зеркало (Ки-но Цураюки. *Путевые заметки из Тоса*)[1].

В течение последних четырех веков зеркала все больше приближались к современному виду. Их простую круглую поверхность полагалось украшать. Действительно, с конца XVII столетия появились зеркала с ручкой (*экагами*), в композиции декора на них больше не играет роли бутон, изображаемый в центре. Композиция декора зеркал теперь напоминает роспись фарфоровых тарелок или круглых лаковых крышек. Здесь, как в других случаях, техническая виртуозность и утрата специфического для каждого из этих направлений декора стали причиной смешения жанров. Отсутствие духовных движущих сил не способствовало

[1] Перевод с яп. В. Н. Горегляда.

возникновению новых художественных идей. Самураи сумели придать новый буддийский импульс искусству XIII века, и китайские образцы стали использоваться с большей выдумкой. Японские зеркала покорились богатству цветочного и животного мотивов эпохи Сонг. Их отделка стала более оригинальной, чем обрамление, которое носило отпечаток архаизма, а именно декор с использованием зубчиков, который китайцы воссоздавали в это время, опираясь на образцы эпохи Хань, существовавшей на рубеже двух эр. Слияние старинного китайского стиля и классического японского стиля не помешало в эту эпоху украсить зеркала маленькими раскрашенными пространствами, картинками со стихотворениями, которые особенно ценились образованными людьми. Зеркала с декором в виде росписей и каллиграфических надписей (*э-ута*) — последние высококачественные произведения, которые заслуживают упоминания. Поскольку, как и в случае с храмовыми украшениями, нужно было бы обратиться к VIII—IX векам, чтобы обнаружить несколько шедевров: зеркала с тонкой чеканкой — изящные журавли, изображенные в полете посреди растущих хризантем, которые окружены тонкими завитками облаков; зеркала в китайском стиле, украшенные фольгой из золота и серебра, утопленной в прозрачном лаке (*хидмон*), или зеркала, покрытые лаком, декор которых дополнен пластинками перламутра, включенными в прорези внутри лака (*раден*); тяжелые зеркала большого диаметра, декор которых был выполнен из желтой и темно-зеленой эмали и в VIII веке открывает технику перегородчатой эмали (*руридэн*). Многие из китайских образцов этой эпохи утрачены, и теперь трудно отличать произведения, которые были привезены из Китая, от тех, что уже могли изготовить местные ремесленники. Каким бы ни был талант этих последних, надо все же помнить, что именно китайские зеркала (подлинные или же копии) являются тем предметом, который наиболее часто встречается в могилах, относящихся к периоду зарождения исторических времен с III по VI век.

Хотя впоследствии с появлением в XIX столетии европейских зеркал старинное зеркало, некогда использовавшееся для того, чтобы защищать покойника в его путешествии в загробный мир, и теряет свое традиционное утилитарное назначение, оно, конечно, окончательно не утратило своего колдовства. Оно

непременный атрибут синтоистских святилищ как напоминание о зеркале о восьми лепестках *(ята-нокагами)*, с помощью которого удалось выманить Аматэрасу из пещеры, где она укрылась, рассердившись на грубость и буйство своего неисправимого брата Сусаноо.

> Тогда император отправил еще Ямато Такэру, сказав ему: «Ступай умиротворять жестоких *ками* и бунтовщиков двенадцати восточных провинций...» И он дал ему длинную деревянную алебарду, сделанную из падуба. Тот тогда отправился согласно приказанию и прибыл помолиться в большое святилище Исэ и поклонился там обители ками (Аматэрасу). Затем он сказал своей тетке, высочайшей принцессе Ямато (Ямато-химэ): «Не желает ли император того, чтобы я погиб? Почему он меня посылает еще и теперь, чтобы успокаивать мятежников двенадцати восточных провинций, не предоставив мне людей, причем безотлагательно, как только я возвратился в столицу, после того как был направлен для того, чтобы подавить мятежников на Западе? Когда я об этом думаю, то мне кажется, что он желает моей смерти». И он заплакал от печали. Тогда Ямато-химэ ему предложила меч, косящий траву (кусанаги-но-цуруги)... Когда он прибыл в провинцию Сагами, то губернатор этой провинции его обманул, сказав ему: «Существует большое болото в этом поле. *Ками*, который живет в этом болоте, является злобным и диким». Тогда он отправился в поле для того, чтобы увидать этого ками. Тогда «губернатор» провинции поджег поле. Понимая, что его перехитрили, он косил травы вокруг себя собственным мечом... Таким образом он сумел выйти из поля... *(Кодзики)*[1].

Этот меч, косящий траву, когда-то, согласно легенде, был добыт Сусаноо из хвоста дракона о восьми головах, обитавшего в области Идзумо. Первоначально меч именовался «мечом из облаков, скопившихся на небе» *(Ама-но-муракумо-но цуруги)*. После того как его использовал Ямато Такэру, меч, согласно легенде, был помещен в храм Ацута в Овари. Рассказывают еще, что император-ребенок Антоку сжимал его в своих руках, когда его бабушка бросилась вместе с ним в бурные воды Японского

[1] Перевод с франц. И. Эльфонд.

моря в конце сражения при Дан-но-уре (1185), которое ознаменовало гибель рода Тайра. Этот меч являлся одним из трех сокровищ императорской короны. Сохранился ли он в действительности? Теперь это имеет мало значения. Существование его представляется маловероятным. Единственное, что важно, — его значение как символа. Точную форму этого меча трудно определить. Подобно тому как это было на Западе, в древние времена легко смешивали сабли и мечи, кривые или прямые лезвия, оружие с одним лезвием или обоюдоострое. Но обычай понемногу определил понятие *цуруги* для обозначения меча из мифологических повествований и понятие *катана*, используемое в наши дни для обозначения сабли исторической эпохи.

Сабля, основное оружие, ничего не утратила от своего средневекового величия. Рыцарский дух, который на протяжении столь продолжительного времени служил общественной морали на радость и на горе, сохранил частицу своего сентиментального могущества, последнего убежища, последнего утешения всех тех, кто потерял в годы последней войны дорогого человека. Сабля офицера, погибшего на поле брани, является драгоценной реликвией и остается символом добровольной или вынужденной жертвы.

Действительно, ношение сабель в мирное время было запрещено императорским эдиктом 1877 года, и все эти пламенные чувства, которые ощущаются еще и сегодня благодаря энтузиазму и количеству коллекционеров холодного оружия или декорированных гард, восходят к эпохе Эдо. В те мирные времена, когда мечи должны были в обязательном порядке оставаться в ножнах, благородные воины, единственные, кому разрешалось их носить, имели достаточно свободного времени, чтобы в своей жизни следовать ритуалам. Их воинственный пыл, который хотели обуздать строгим законом, находил выход в спортивных упражнениях, в боевых искусствах, в основе которых лежало владение холодным оружием. Оружие в ту эпоху, когда первыми философами и историками национальной культуры в особенности превозносились «три императорских сокровища», превратилось в парадный предмет, в драгоценность. Меч, который спасал жизнь и посылал смерть, наделялся сверхъестественными свойствами.

Холодное оружие в Японии классифицируется по нескольким общим категориям в зависимости от длины и ширины. Сабля, правильное название которой *катана*, представляла собой длинный клинок с одним лезвием и была по преимуществу боевым оружием. Ее носили слева, вложив в пояс лезвием кверху; следовательно, прежде чем вступить в бой, его надо было повернуть.

Ношение *катана* обычно сопровождалось ношением второй, короткой сабли *вакидзаси*. Вместе с *катана* («длинный») эта короткая сабля составляла пару, эта пара называлась *дайсё* («длинный и короткий»). Самурай всегда держал короткую саблю на своем поясе с противоположной стороны от *катана*, и во избежание серьезной неприятности их полагалось снимать, прежде чем войти в дружеский дом. При помощи маленькой сабли самурай, спасающий свою честь, вспарывал себе живот (*сэппуку*), при этом кто-нибудь из приближенных немедленно обезглавливал его длинной саблей. Церемониальная сабля *(тати)* отличается от боевых сабель наличием двойного лезвия, а также тем, что ножны подвешивались к поясу, на кончик клинка надевалось круглое навершие, повернутое книзу. Очень длинной саблей (*дзимтаси*) действовали, удерживая ее обеими руками.

Кинжалами *(тан то)*, которые ювелиры украшали особенно искусно, и маленькими кинжалами для рукопашного боя, которые носились сбоку *(мэтэдзаси* или *ёроидзаси)* или же на груди (*кайкэн*), пользовались по преимуществу женщины; это оружие дополняло арсенал. При помощи маленького кинжала (*кайкэн*) женщины спасали свою честь, перерезая артерию на горле (*дзигай*) жестом, исполненным героизма, каким совершал *сэппуку* самурай. Сабли, символы принадлежности к классу и духу этого класса, передавались из поколения в поколение: их торжественно вручали подросткам, когда тем исполнялось пятнадцать лет, чтобы отметить принадлежность мальчика к статусу самурая. Эти сабли приходили на смену маленьким саблям, украшенным гербами, которые вручались ребенку, достигшему пяти лет (*камисимодзаси*), такие сабли, в свою очередь, заменяли миниатюрным, с амулетами, оружием (*мамори катана*), которым опоясывали двухлетнего ребенка самурая.

Украшение оружия свидетельствует об особом отношении к нему, и это отношение соответствует той степени важности,

которая оружию придавалась. Каждая деталь оправы или лезвия была произведением искусства. Застежки, которыми соединяют доспехи (*когай*), ручка (*кодзука*) маленького ножа (*котана*), который помещается в гарду сабли, украшения заклепок (*менуки*) образуют «предметы трех мест» (*ми токоро моно*). Они всегда изготавливались и украшались одним и тем же чеканщиком.

В XVIII веке Ёкоя Сёмин (1670—1733) создал свой личный стиль: он работал исключительно по заказам «с улицы» *(матибори)* и не поддерживал официальный стиль традиционных чеканщиков из семьи Гото. Умэтада Миёдзин со своей стороны добавил к гардам (*цуба*) украшения с мотивами, которые использовались в производстве тканей (*нуномэдзоган*), и специализировался на технике глубокого рельефа (*таканикубори*)[1]. Увеличение спроса определяло рост количества мастерских. Как и в производстве керамики, стали развиваться провинциальные центры: Хиго неподалеку от Кумамото в Кюсю, Хаги в Нагато. Там применялась техника окрашивания металлов (*сякудо*), использования ценных сплавов на основе золота и серебра (*сибуити*), инкрустация медью и латунью (*хондзёган*).

Роскошное оформление невозможно было без высокого качества клинка. Клинки изготовлялись иногда только из стали (*мукугитай*), иногда из перемежающихся слоев стальных и железных пластин; лезвие и острие всегда были из стали. Завершению работы над клинком придавалось особое внимание: тщательная полировка занимала приблизительно пятьдесят дней и делалась на плоском камне, без использования мельничного жернова. Затем клинок подвергался испытаниям. Но для того, чтобы клинки были признаны хорошими, они должны были разрубить несколько пластин меди.

Именно высокому качеству своих сабельных клинков и огромному разнообразию гард японская металлургия обязана своей высокой репутацией. С XV столетия Япония экспортировала в Китай десятки тысяч клинков, эту торговлю перехватывали пираты и самостоятельно вели ее на протяжении XVI века. Китайский

[1] Техника украшения цубы (гарды) связана с именем Умэтады, это сочетание ажурного узора и рельефа; часть изображения изготовлялась отдельно, а затем вставлялась в заранее подготовленное гнездо, но швы заделывались так, что их не было видно.

трактат начала XVII века, посвященный ремесленным техникам и использованию даров природы (*Чэнь конгкай ву*), восхваляет «стальные клинки варваров страны Ва», подчеркивая, что они «могли отрубить даже кусок нефрита».

Невероятно бурная эпоха Асикага придавала сабле столь же исключительную значимость. Правила ее ношения были регламентированы до мельчайших деталей. Воины высокого ранга (выше пятого) могли носить ножны, в которых использовался декор с употреблением серебра (*сиратати*), в то время как воины, принадлежавшие к более низким рангам, имели право только на ножны, отделанные лаком (*куродзукури*). Именно с эпохи Асикага распространяется обычай носить два меча. До тех пор на практике среди низших классов сохранялся обычай из предосторожности носить саблю (*катана*) без гарды, в то время как знатные лица гордо носили более длинную саблю, или *тати*, которая в силу обстоятельств превратилась в обычное церемониальное оружие. Но постепенно обычаи изменились, и простые *буси* могли владеть в свою очередь саблей с гардой: с тех пор они носили *дайсё*.

Гарды приобретают тогда новую значимость. Знаменитый кузнец Гото Юдзо (1440?—1512) основал династию чеканщиков, которая на протяжении семнадцати поколений (вместе с многочисленными боковыми ветвями этой семьи) процветала вплоть до XIX века. Особенно известен был Канэй (жил на рубеже XV—XVI вв.), благодаря своему особому способу декора с использованием горельефа. Школа Миотин, семья оружейников двора с XVII века, специализировалась на изготовлении чеканки и применяла в декоре *цуба* технику наложения слоев, которую до того использовали только для клинков. Эта школа подарила Японии выдающегося художника Нобуэ (1485?—1564?).

Если XV—XVI столетия отмечаются как золотой век оружейного производства, то именно в эпоху Камакура это производство становится таким, каким оно нам известно сейчас. Тогда воины искали тонкости клинков, были созданы единые доспехи, забота об изысканности дополнила заботу об эффективности защиты. Без сомнения, именно в этот момент большой, почти прямой меч (*тати*) породил саблю (*катана*); у ножен теперь были не кольца для подвешивания к поясу, а лишь простая опора (*куникатa*) для фиксирования шнура, протянутого в поясе. Гарда

была тогда еще маленькой и прямоугольной (*ситоги*) или сделанной из кожаных дисков (*нэрицуба*), как и доспехи, которые обязаны были своим совершенствованием эпохе Фудзивара (X—XII века). Однако даже улучшенные доспехи все же не обеспечивали полной защиты.

В замечательном хранилище Сёсоин мы еще можем обнаружить образцы вооружения в эпоху Нара. Сабля в те времена еще не считалась полноправным оружием. Речь шла главным образом о больших широких рубящих мечах (*тати*), которые подвешивались к поясу при помощи двойного кольца, зафиксированного на ножнах. Все детали меча украшались в техниках китайских или корейских образцов — инкрустация, зернь, лак, ажур, чеканка.

На знаменитом портрете регента Сётоку Тайси изображен с *тати* с прямым клинком, сопровождающие его лица — с *катана* с клинком, слегка изогнутым. Яблоки рукояти тогда еще украшались кольцами и напоминали лучшие образцы гард китайских железных мечей эпохи Хань и знаменитое корейское оружие с декором в виде голов хищных птиц или драконов.

В легенде упоминается дар из семи мечей, преподнесенный королем Пэкче двору Ямато в III веке, речь идет о мечах с одним лезвием, изображения которых мы неоднократно встречаем на китайских барельефах и в гробницах эпохи Хань. Они отличаются от обоюдоострых мечей, которые в Китае использовались в эпоху Сражающихся царств. Трудно было бы точно определить время появления искривленных лезвий. Наиболее древними свидетельствами на Дальнем Востоке, возможно, являются искривленные ножны, найденные на равнине Ордос, которые, без сомнения, принадлежали варварам. Варвары часто осаждали земли вблизи Великой Китайской стены, и вооружение их было хорошо известно жителям побережья Кореи. Происхождение сабли, конечно, было связано с континентом, но с течением времени японские металлурги превзошли своих первых учителей и создавали изделия, отличавшиеся бесподобным искусством в техническом и художественном отношении. Они и сейчас считаются наилучшими в своем роде.

Производство тканей

> [Я люблю] фиолетово-пурпуровые ткани, белые, на которых вытканы вырезные листья дуба на нежной зеленой основе. Ткани цвета красного сливового дерева также красивы; но мы видим столько, что я утомляюсь больше, чем при виде любой другой вещи... Я люблю рисунки, на которых изображена трепещущая роза, колышащиеся деревья. Мне нравятся очень тонкие ткани (Сэй Сёнагон. *Записки у изголовья*)[1].

Традиционную японскую ткань, предназначенную для изготовления кимоно, роскошного или скромного деревенского, ткали неширокими полосами с необычайно точным рисунком, а иной раз и поразительной смелостью цвета. Ручное ткацкое производство существовало всегда, в том числе и производство бумажных тканей темных приятных оттенков, в которые раньше обычно одевались выходцы из простого народа. Однако перебирающие множество нитей руки ткачей с длинными ногтями, использовавшимися как режущий инструмент, создавали и чудесную парчу, украшенную сассанидскими мотивами; образцы такой ткани хранятся в Сёсоине. Традиция ткачества существовала всегда, но снискала особую популярность в эпоху Эдо, когда охотно проявлялось стремление к экстравагантности. Сайкаку следующим образом описал наряд женщины, наряженной по моде:

> Ее рубашка из белого атласа была украшена рисунками тушью в китайском стиле. Нижняя одежда была из атласа с золотистым отливом, на котором были вышит рисунок с павлинами. Поверх этого она набросила накидку из бенгальской шелковой сетчатой ткани, которая благодаря своей прозрачности позволяла видеть этот рисунок; поверх этой изысканной одежды она завязала пояс двенадцати цветов, без подбивки жесткой тканью (Ихара Сайкаку. *История любовных похождений одной женщины: История издателя*)[2].

[1] Перевод с франц. И. Эльфонд.
[2] То же.

Конечно, хороший вкус требует гармонии и точного расчета в проявлениях смелого замысла. Это, однако, не пугает японского ремесленника, унаследовавшего технологии своих предков. Ткацкое производство пришло из Китая, и ему было суждено получить на архипелаге особенное развитие. Еще и в наши дни сохранилось производство тканей в старинном стиле, которое с точностью воспроизводит образцы, увековеченные в сборниках рисунков. Наиболее популярными материями сегодня являются шелк и хлопок. Производство хлопчатобумажных тканей, без сомнения, некогда было завезено из Китая одновременно с буддизмом[1]. Однако культура хлопка начинает разводиться в Японии только с конца XVII столетия, понемногу вытесняя ткани изо льна и конопли, использовавшиеся прежде для одежды людей из простого народа. Декор создавался иногда с помощью печати (*ката-дзома*) или узелков, завязанных дополнительно на крашеных тканях, иногда с использованием нитей различных цветов, ткавшихся по рисунку. Растительные краски воспроизводят глубокие и матовые оттенки растений, составлявших богатую японскую флору: индиго (*аи*), красный цвет сафлора (*бенибама*), голубовато-лиловый цвет аптечного воробейника (*сикон*), марена (*аканэ*), желтый цвет (*караясу*). Каждый населенный пункт, каждый регион отличается собственным стилем и хранит семейные ремесленные тайны изготовления тканей. Эти простые, но изысканные ткани, из которых шили чехлы для перин и подушек, занавески или одежду, придавали японскому дому деревенскую привлекательность благодаря рисункам и свежести оттенков. Полоски и квадраты имеют множество вариаций, многочисленные декоративные мотивы, связанные с изображением пейзажей, животных, растений и религиозных сюжетов, выполнялись в реалистической и абстрактной манере. В обоих случаях они в общем-то сохраняют символическое значение, понятное и в наши дни. Эти символы особенно понятны, когда речь идет о рисе: рис (*комэ*) выражает пожелание процветания в жизни. Но и другие сюжеты не менее очевидны

[1] Согласно данным японских историков культуры, хлопок был ввезен в эпоху Камакура, то есть много позже появления буддизма, а разводиться начал в эпоху Муромати, то есть до конца XVII века (см.: *Иэнага Сабуро*. История японской культуры. М., 1972).

и выразительны. Наиболее часты в орнаментах мотивы, в целом характерные для японского искусства: ветви сосны, листья бамбука и цветы сливового дерева. Они очень распространены — каждый из них символизирует особый оттенок жизненного смысла. Объединенные в одном орнаменте, они называются «три друга». Вечнозеленая сосна символизирует силу и долголетие. Бамбук, который склоняется перед бурей, но никогда не ломается, говорит о силе человеческой души, противостоящей жизненным трудностям. Бамбук, воробьи и тигры — символ счастья. Белые цветки сливового дерева на голых ветвях — признак наступления весны и символ возрождения жизни. Реже встречается на тканях изображение пиона — летнего цветка и хризантемы — осеннего цветка; они выражают пожелания долгой жизни. На тканях встречаются животные и птицы, главным образом птицы и рыбы. Летящий аист (*цуру*) считается предзнаменованием долгой и счастливой жизни; черепаха — символ не только долгой жизни, но и напоминание о добродетели, связанной с космогонической силой, — образ, заимствованный из Китая. В Китае черепаха была эмблемой Вселенной: круглое небо, поддерживаемое четырьмя опорами, над квадратной землей Карп, плывущий против течения, символизирует стойкость и мужество. Более строго выглядели, наконец, популярные изображения знаменитых мест (виды горы Фудзи, например) или округлый силуэт Дарума, легендарного патриарха, основателя секты Чань, ставшего в представлении крестьян покровителем разведения шелковичных червей и сбора злаков.

Для того чтобы придать роскошь парче, процесс ткачества которой требует технической сложности, рисунки могли наноситься и краской, как на других тканях — простой хлопчатобумажной и дорогом шелке. Со временем и под влиянием индийских тканей, привозимых в Японию с Запада (эта торговля имела значение достаточно долго), постепенно развивалась техника использования трафарета и техника печатания с помощью рисунка, вырезанного на доске, что позволяло набивать разноцветные мотивы на одной или обеих сторонах ткани. Изготовление трафаретов, необходимых для декора куска ткани, — дело очень тонкое, требующее большой тщательности. Трафареты из нескольких слоев специальной бумаги делались более прочными, иной

раз с выпуклой текстурой, с помощью тонких шелковых нитей. Рисунок в мелкий горошек, часто использовавшийся для передачи изображений цветов или листвы, наносился при помощи буравчика.

Все великолепие традиционных японских тканей основывается на нововведениях, привнесенных в текстильные мотивы Имадзаки Югэнсаи, который в конце XVII века разработал технику печати, используя рисовую массу в качестве резервов[1]: таким образом, открывались колоссальные возможности, которые позволяли окрашивать ткани по плану, подобному плану картины. Конечно, эта революция могла оказаться возможной только с появлением более простых по крою костюмов. Раньше официальные придворные костюмы, богато украшенные, имели множество складок, скрывали рисунок ткани. Поэтому возникала необходимость декора с повторяющимся раппортом, символами и сценками, помещенными в медальоны и картуши. Со времен Камакура эскизы утверждались официальными распоряжениями. Постепенно в моду входил разнообразный декор, например полосы, расположенные зигзагообразно, на которых чередовались узоры, составленные из цветов, птиц или бабочек (*асудзи гэт хана*). Однако если палитра особенно популярных маленьких геометрических фигур обогатилась, она не обеспечивала воплощения смелых композиций. Кроме того, в целом перечень узоров определяло влияние тяжелых китайских расшитых тканей эпохи Мин (1368—1644), которые привозились в то время. А одновременно получили большую известность ткани в полоску (*канто*) по образцу европейских.

С X по XV век ткачество не получило большого развития. Этот тревожный период, который ускорил развитие металлургического производства, явно не благоприятствовал развитию текстильной промышленности.

[1] Резервами в технике ручной росписи по ткани называется особый состав (обычно воск, реже, как в Японии и Индонезии, рисовая паста), предназначенный для нанесения на ткань перед окраской для того, чтобы выделить рисунок. Резерв может использоваться для нанесения контура или для покрытия отдельных участков ткани, чтобы при крашении участки ткани, покрытые резервами, не окрашивались. Если необходимо получить оттенки цветов, можно было процесс повторять.

Следует обратиться к эпохе Нара, то есть к VIII веку, чтобы обнаружить расцвет ткачества, подобный тому, который имелся в эпоху Момояма и Эдо. Набивной (*суримон*) батик (*рокети*), ткань с узелковым орнаментом (*сагара нуи*) или орнаментом цепочкой (*кусари нуи*), газ (*ра*), в котором перекрещивались шелковые нити (*айя*), расшитые ткани и различные гобелены (*цугурэ нуи*) с узорами на основе (*татэнсики*) или на утке (*ёконсики*), с мотивами в полутонах (*унган*), — в большом количестве сохранились среди сокровищ Сёсоина. Этот золотой век ткацкого дела, который эпоха Хэйан обогатила китайскими и сассанидскими мотивами, обязан своим расцветом китайской и корейской иммиграции. Среди переселенцев начиная с III века многие были ткачами. Именно к тому времени относится упоминание о прибытии знаменитого ткача Макэцу, присланного королем Пэкче, и о появлении в Японии предков клана Хата, основателей ткачества. В V веке появился таким же образом клан Суэцукурибэ и клан Курацукурибэ, оба они были тесно связаны с текстильным производством. Тогда же в Японию прибыл китайский ремесленник Ву, упомянутый в «Нихонсёки» под именем Танацуэ-но Тэхито.

Что касается возникновения производства тканей в самой Японии, то это было связано с появлением китайских неолитических техник. С ними Япония познакомилась в эпоху Яёй, к III веку до н. э., они использовали коноплю, шелковицу и позже, к началу нашей эры, даже шелк, как это указывают китайские летописи «Сан котто Че».

Красота сверкала, подобно цветку,
у черного полумесяца бровей были голубые отражения
и румяна [щек] подчеркивали белизну кожи...
Многочисленные платья из тонкой парчи выходили
за пределы драгоценных деревянных павильонов...
Украшения составляли мою единственную заботу;
вне моей досягаемости — они вызывали мои сожаления,
под моей рукой — они внушали мне тревогу...
Повязки моей прически изгибались голубоватыми волнами,
подобно облакам среди окружающих живых оттенков зеленеющей
вершины.

Украшенная изысканностью своих нарядов,
я походила на лотос, плавающий на утренних волнах.

Сотоба комато[1]

Если традиционные одеяния, сделанные из тканей в стиле ретро, становятся все менее и менее привычными на улицах сегодня, то их тем не менее еще часто носят по случаю празднеств или приемов; вот тогда-то и можно увидеть яркие редкостные цвета, проявляется их былое значение: длинные рукава (*фурисодэ*) девушек; тяжелые яркие накидки новобрачной; черная одежда, украшенная старинными узорами, для церемоний; украшенная семейными монограммами (*мон*) — для похорон; платья с цветами или геометрическими мотивами, которые надевают в соответствии с временем года и обстоятельствами. Единый покрой кимоно разнообразится изменениями, иногда радикальными, декора и фантазией, которая регламентирует способ завязывания *оби* — в ту или иную эпоху он должен был подвязывать кимоно то сзади, то спереди. Одежда, как женская, так и мужская (последняя почти исчезла), в том виде, в каком она существует сегодня (с 1868 года она стала одинаковой для всех классов общества), дошла до нас в своем традиционном виде, с небольшими изменениями, из эпохи Камакура. Простые времена определили тогда современный непритязательный облик женского кимоно и заставили мужчин надеть брюки (*хакама*) и куртку (*хаори*), которую покрывала короткая праздничная одежда с широкими прямыми плечами (*камисимо*).

Пышность двора эпохи Хэйан была уничтожена, тогда знать обоего пола предавалась беспримерной роскоши. Дамы утопали под дюжиной платьев (*утибакама*), их расцветка строго регламентировалась этикетом и образом жизни, каждое движение создавало живописную картину. Шелест надетых слоями шелков, волосы, волнами уложенные в прическу, наклон головы с выбритыми, а затем нарисованными по моде высоко на лбу бровями, руки, едва приоткрытые из-под длинных рукавов, сдержанные движения которых подчеркивались раскрыванием или закрыванием веера, — все составляло очарование чувств, тайну которого

[1] Перевод с франц. И. Эльфонд.

выражают живописные свитки. В более сложном мужском костюме использовались бархатистость и блеск шелковых тканей: церемониальное платье со шлейфом (*сокутай*), более простое одеяние — брюки с буфами (*икан*), кимоно с прямым воротником и застежкой на плече, простая (*носи*) или дублированная (*каригири* и *суикан*) изнанка. Люди, которые не занимались никакой деятельностью, требующей физических усилий, продолжали носить такую одежду, которая эволюционировала и становилась все роскошнее. Костюм, который носили в эпоху Нара, был прямым подражанием китайской моде эпохи династии Тан.

Мужская одежда состояла из нижнего платья (*кину*), спускавшегося до колен, с прямоугольным воротником и широких брюк (*хакама*). Древние воины эпохи Великих курганов носили похожую, но более простую одежду — куртку до бедер и особые штаны, подвязанные под коленом. Стиль и покрой одежды не менялись веками. Впрочем, не исключались некоторые модные детали. Хорошее кимоно символизировало многое, ему придавалось большее значение, чем кажется. Оно — как и предметы искусства, передававшиеся из поколения в поколение, и как еще недавно в Европе свадебные платья невест и платья для первого причастия — переходило от матери к дочери. Богатство его материи, наконец, представляло капитал, важную часть приданого невесты.

Лак

> То, что соответствует человеку, если у него нет коробки, содержащей несколько чернильниц, так это письменный прибор в двух коробках, которые входят одна в другую. Если тогда рисунок лака, который украшает коробки, красив, они не кажутся чересчур изысканными, а если еще чернильница и кисти исполнены таким образом, чтобы привлекать взоры, это очаровательно (Сэй Сёнагон. *Записки у изголовья*)[1].

Техника лака всегда была необычайно изысканной и высоко ценилась в Японии.

[1] Перевод с франц. И. Эльфонд.

Лак был интересен японцам прежде всего своим происхождением из Древнего Китая. Это производство представлено уже в эпоху Нара, есть два свидетельства, хранящиеся в Сёсоине, — шкатулка для хранения шарфа и ножны сабли.

> Шкатулка X века знаменита благодаря тому, что в ней хранился меховой шарф, привезенный из Китая Кукаем, создателем секты Сингон в Японии. Она декорирована мотивами волн и рыб (*кайбу*), инкрустацией серебра и золота в лаке.

Лак, благородный материал, использовавшийся в скульптуре эпохи Нара, впоследствии стал применяться для украшения предметов культа и предметов обихода. В наши дни он используется для изготовления самых обычных предметов; разнообразие его колорита, его глубокая матовость или яркий блеск, приятное ощущение при прикосновении, легкость, деликатный звук, издаваемый лаковыми предметами, — причина того, что благодаря лаку (*уруси-но нури*) блюда или палочки для еды не только украшают сервировку стола, но и увеличивают эстетическое удовольствие от трапезы, даже если она и скудная.

Лак изготовлялся из сока растения, который собирается, как и смола хвойных деревьев, из надрезов в стволе или на ветвях дерева *Rhus verniciferaj*[1]. Сок, профильтрованный через ткань, подвергнутый воздействию кислорода, превращается в лак. От того, получен лак из сока ветвей или ствола, из ствола ли старых деревьев, зависит качество лака, его консистенция и способность отвердевать. Лак наносится на деревянную основу — чаще всего используется адамово дерево (*хиноку* или *кири*). Степень высушенности дерева обусловливает качество изделия, покрытого лаком. Лак тщательно наносится последовательными слоями на деревянную основу, которая сначала покрывается мастикой, а затем полируется до достижения совершенной гладкости, устраняются любые дефекты. На первый слой лака наносится второй, на этот раз он наполовину смешивается с пшеничной мукой, бумагой или тонкой тканью из конопли или шелка; этот слой покрывает изделие полностью. После еще одной шлифовки пемзой

[1] Сумах каучуконосный (*лат.*).

наносятся по очереди новые слои лака, смешанного с глиной (*саби*), а потом с порошком из измельченных черепков глиняной посуды (*дзиноко*). Затем накладываются последние слои тонкого черного лака, и этот процесс заканчивается тщательной полировкой тонким порошком из древесного угля и для последнего слоя — порошком, в который добавлены обожженные рога оленя (*цуноко*). Достигнутый таким образом черный или красный (полученный благодаря добавлению окиси железа) фон лакированного изделия может быть оставлен таким или использоваться в дальнейшем как основа для любого декора. Каждой операции предшествует продолжительная сушка в специальном шкафу (*муро*): лак обладает поистине любопытной особенностью сохнуть только в теплой (от 38 до 44 градусов по Цельсию) и влажной атмосфере. Эта особенность объясняет плохое состояние большинства привезенных в Европу изделий, которым не подходит теплый и сухой воздух наших домов.

Производство лаковых изделий, хотя еще и остается ремесленным, и даже семейным, до сих пор процветает в Японии, и каждый регион гордится своим особенным стилем и талантом. Скульптурные лаковые произведения, изготовленные в Камакура (*камакура-бори*), представляют собой японскую интерпретацию китайских красных лаков, вделанных собственно в массу материала. В этой технике работал Коэн (конец XIII века), внук великого скульптора Ункэя (XIII в.), который положил начало этой традиции в Японии. Изделия *сункэй-нури* Носиро в Дэва (современный Акита-кэн) отличались оттенками золотистого колорита, которые подчеркивают рисунок дерева. Распространены были и цветные лаки — зеленые, красные, желтые, что использовались в Китае, и розовые и фиолетовые — изобретенные в самой Японии. Они использовались в производстве скульптуры, и в результате появились *дзонсэй-нури* — разноцветная версия красных (*цуи-сю*) и черных (*цуи-кокю*) скульптурных лаков, изготовленных по китайской традиции. Перечень окажется длинным.

Конечно, чрезмерная виртуозность, нередко утрачивающая чувство меры, которой достигли мастера по изготовлению лаковых изделий в XIX веке, делала красоту изделий избыточной. Но в изысканности (иной раз чрезмерной) декора множества

инро — маленьких коробочек для лекарственных средств, которые носили на поясе по моде XVIII века, — проявлялась высочайшая степень искусства, возрождению которого вполне оправданно способствовал Хидэёси.

Эти хрупкие предметы, процесс создания которых требует продолжительного времени, выдержки и терпения, нельзя было противопоставить нескончаемым войнам XVI столетия. Хидэёси во дворце Карасу в Киото под своим покровительством собрал немногих оставшихся мастеров, ремесло чуть было не погибло в это жестокое время. Хидэёси проявил высокий вкус: лаковые изделия внесли в чайную церемонию отблеск хорошего вкуса, стали одним из наиболее утонченных элементов, присущих культуре Хигасияма. В XV веке мастерские Игараси и Коами к старинному декору в жанре «цветы — птицы» добавили множество новых сюжетов, почерпнутых из окружающего мира, — пейзажи, архитектура, животные, силуэты людей. Богатый перечень сюжетов эпохи Хэйан показал, что возможности лакового искусства безграничны.

Лаковая коробочка, инкрустированная золотом и перламутром (*маки-э*), датирована эпохой Хэйан; она является наиболее древней из сохранившихся до наших дней. Сюжет колеса, плавающего в воде, часто встречается в это время, он отражает обычную практику помещать колеса в воду, чтобы они не рассохлись. Внутренняя часть коробочки украшена бабочками, птицами и растениями.

В эпоху Хэйан развивался стиль лаковых изделий, некогда процветавший в Китае. Однако ныне он сохранился только в Японии: простое орнаментирование цветом *(мицуда-э)*, инкрустация перламутром *(радэн)*, использование золотой или серебряной крошки *(хиомори)*, золотого или серебряного порошка *(маки-э)* — мазком *(тогидаси маки-э)* или на основе чистого золота (*киндзи*) — придавали обычным предметам блестящую, изысканную красоту, характерную для этой аристократической культуры. Лаковые изделия выражали возвышенный, но хрупкий образ мира, о котором можно только мечтать.

Глава 10

ИСКУССТВО В ТРЕХ ИЗМЕРЕНИЯХ: СКУЛЬПТУРА

После того как в 1950 году первый опыт организации выставки скульптуры в парке Инокасира оказался удачным, японское правительство пришло к мнению о правильности своих действий, и в 1969 году в Нино-Дайра, в каналах Хаконэ, был открыт постоянно действующий музей скульптуры на открытом воздухе. Пространство вокруг пруда, выделенное для экспозиции под открытым небом, там, где размещалась выставка француженки Марты Пан, было спроектировано скульптором Ину Букити, электронная музыка наполняла воздух звуковым сопровождением. В небольшом крытом музее посреди парка представлена экспозиция современной скульптуры от Родена до Майоля. Гармония скульптуры и естественной среды привлекала любителей, приходящих сюда поодиночке, парами или всей семьей, чтобы полюбоваться искусством и отдохнуть на свежем воздухе, чего они почти лишены в городе. В том году там же была проведена первая международная выставка современной скульптуры, наряду с иностранными мастерами, такими как Кеннет Армитидж и Анри-Жорж Адан[1], выставлялись японские скульпторы, в частности Идзаму Ногути. Экспонирование серии произведений, которые обычно оказываются за пределами внимания широкой публики

[1] Армитидж Кеннет (род. 1916) — британский скульптор, его творчество включало несколько этапов, обычно работал в бронзе (именно в тот период, о котором идет речь). Его стремление подчеркнуть фактуру материала могло привлечь внимание японского зрителя. Анри-Жорж Адан — французский скульптор XX века.

из-за своей абстрактности, да еще в естественном обрамлении, не было ни случайностью, ни данью моде. Современная скульптура утвердилась в Японии чрезвычайно легко, но причины оказались совершенно иными, в отличие от тех, что дали возможность перейти от традиционной живописи к абстрактной.

Направления японской скульптуры как в самой Японии, так и за границей, свидетельствуют о том, что и в этом искусстве Япония не довольствуется ролью покорной ученицы зарубежных учителей. Объемы Тесигахара Софу, сочетающие изысканные линии, характерные для цветочных композиций, и экспрессию архаичных форм эпохи Дзёмон, архитектурные гармонии Нагано Рюгё и Хирои Цутому, абстракции Уэки Сигэру и — с 1950 года — всей группы *Ника-кай* — это только несколько примеров бурного расцвета японской скульптуры. В городах из стекла и стали абстрактная скульптура как материализация творческой фантазии и свободное выражение мысли вытесняет псевдогероические образы, отлитые из бронзы, которые перед войной вставали на перекрестках между зданиями из кирпича и камня, что стали громоздиться в эпоху Мэйдзи во всех крупных городах.

Японский народ, восприимчивый к форме и материалу, по крайней мере на протяжении трех столетий не был чужд абстрактных художественных образов. Абстрактные мотивы использовались в росписи грубоватых чайных чашек *раку*, в синтоистских символах (бумажные параллелограммы *гохэй*). В декоративном японском искусстве, архитектурных ансамблях и цветочных композициях высоко ценилась асимметрия. Отсюда и любовь японцев к ее проявлениям: дереву, крону которого сформировал садовник, скале, которую собрал мастер создания пейзажей, и, наконец, характерному ощущению пустоты во всех композициях. Все это приводило японцев к восприятию колоссальных возможностей абстрактной скульптуры. Усилие состояло не в том, чтобы полностью принять эти изыскания, но в том, чтобы оценить абстрактную скульптуру с другого ракурса и придать ей смысл, пересмотреть функцию скульптуры. С того момента, когда абстрактная скульптура была помещена в зеленое обрамление открытых гигантских пространств и садов, она приобрела свой духовный смысл и вернула себе роль связующего звена между ритмами человека и природы, посредника между человеком и макрокосмом.

Эта возвышенная роль скульптуры, которую можно сравнить с ее ролью во всех мировых религиях, оказалась неожиданным следствием социально-экономических реформ эпохи Мэйдзи. Реформы отразились на всех видах художественного ремесла и придали им большее прагматическое значение. Прагматизм и раньше был характерной чертой произведений искусства. Они воспринимались по преимуществу в плане соответствия своему предназначению, а не в связи с некими общими идеями, регламентирующими развитие всех искусств. Пышность, связанная с религией, и роскошь, характерная для феодального периода, исчезли, художественные достоинства произведения искусства стали снижаться. Новое правительство, столкнувшись с констатацией этого факта, вынуждено было осмыслить и вопросы потребности в рабочей силе как в промышленном производстве, так и в ремесленной мастерской. Оно еще больше было озабочено необходимостью укреплять свои финансы с помощью доходов от экспорта, поэтому приложило значительные усилия для стимуляции производства предметов искусства и обеспечения его коммерциализации. Были предприняты все усилия для участия Японии в Венской выставке в 1873 году, хотя до того правительство не проявило интереса к Парижской выставке 1867 года и к выставке в Сан-Франциско в 1871 году.

С этого момента за пределами Японии были организованы многочисленные фирмы по продаже произведений искусства: в Нью-Йорке в 1877 году, в Париже в 1878-м. В 1881 году экспортная компания Кирицу Кёсё создает собственные мастерские по обработке дерева, производству вышивок, лаковых изделий, изделий из перегородчатой эмали и бронзы. В течение какого-то десятка лет различные произведения искусства, которые, по сути, были поделками, копирующими антикварные вещи, — на них воспроизводился декор, характерный для старинных лаков, изделий из слоновой кости, — практически захватили европейский рынок. Они вызвали интерес у любителей и сомнение у многих коллекционеров.

Судьба произведений живописи и скульптуры оказалась более счастливой. В Технологическом институте (*Кобу гакко*), который был основан в 1871 году, с 1876 года по совету крупных итальянских специалистов началось изучение изобразительных

искусств, и институт превратился в Школу ремесел и изящных искусств (*Кобу бидзуцу гакко*). Были приглашены три итальянских эксперта: Антонио Фонтанези (1818—1882) — по живописи, Дж. В. Капелетти (скончался в 1897 году) — по рисунку и архитектуре и Винченцо Рагуза (1841—1927) — по скульптуре. Благодаря этому содействию западное искусство органически вошло в художественное образование японцев. Но среди традиционалистов начались протесты, которые в 1888 году поддержал *Кобу бидзуцу гакко*.

Одним из вдохновителей противостояния «западничеству» оказался американец Эрнст Фенеллоса (1853—1908), прибывший в Японию в качестве профессора философии и экономики в 1878 году. Следуя примеру доктора Готтфрида Вагнера, советника японской делегации на Венской выставке, составившего для японского правительства отчет, в котором он советовал, в частности, поддерживать и изучать национальное искусство, Э. Фенеллоса увлекся традиционным японским искусством. Он превратился в его пламенного защитника и выступал в этой роли на протяжении почти пятнадцати лет, всегда готовый защищать его. Накапливая аргументы и коллекцию художественных произведений, он стал большим националистом, чем сами японцы, в своем презрении к произведениям китайской школы «живописи образованных людей» (*нанга*). Его бурная деятельность имела большие успехи. С 1879 года он принимал участие в создании «Общества драконьего пруда» (*Рюити-кай*), главной целью которого была организация ежегодного Салона, откуда были исключены произведения искусства, выполненные в западной манере. В 1888 году все с той же целью он стал одним из организаторов Ассоциации японского искусства, на следующий год — Школы искусства в Токио вместе со своим учеником Окакура Какудзё (1862—1913) и Хасимото Гахё (1835—1908). Наиболее значительными в его деятельности стали основанные им службы по защите национальных сокровищ (1888) и императорского музея (1889), первым директором которого он стал.

Несмотря на торжество традиционалистов, западники, такие как Кояма Сотаро и Асаи Тю, не сдавались и учредили «Общество искусства эпохи Мэйдзи». Антагонизм понемногу сглаживался, и в 1896 году искусство в западном стиле наконец-то

было признано в нескольких декларациях. Сторонники традиционного искусства тем не менее продолжали сохранять свои позиции — в 1890 году была создана Императорская академия искусств, и в числе ее первых членов оказались Тасаки Сёин (1815—1898), Мори Кансай (1814—1894), Кано Эйтоку II (1814—1891) и Хасимото Гахё. Наконец, в 1907 году в знак примирения правительство организовало в парке Уэно Выставку министерства национального просвещения (*Бунтэн*), на которой оба ведущих направления были представлены на равных правах. Япония эпохи Мэйдзи адаптировалась к западному искусству, как и в остальных сферах, согласно гегелевскому закону равновесия, столь милому для философских воззрений Эрнста Фенеллосы, которому суждено было умереть как раз в этот момент (1908).

Количество участников упомянутых противостоящих течений, которые наконец-то обрели гармонию, постепенно сокращается, они уходят из жизни. На смену этому неспокойному поколению выросло поколение художников, творчество которых пришлось на период между двумя войнами, и среди них прежде всего ученики Винченцо Рагуза, самые интересные из них, наиболее достойные своего наставника — Окума Удзихиро (1856—1934) и Фудзита Бундзё (1861—1934). Многие скульпторы, вернувшиеся из Европы, такие как Наганума Мориёси (1857— 1942), Синкай Такэтарё (1868—1927) и Китамура Сикай (1871—1927), внесли основной вклад в новые художественные поиски, и главным образом — в новое видение. Конечно, их произведения, на наш взгляд, небесспорны и не стоит их апологетизировать, их натурализм нам представляется несколько пресным, несмотря на «удар бича», смелый вызов, который бросил Огивара Мориэ (1879—1910), талантливый ученик Огюста Родена.

Влияние Родена в Японии оказалось весьма значительным, и отпечаток этого влияния заметен в творчестве не только поколения художников, работающих в западной манере, но и нескольких скульпторов, работающих в традиционном стиле. Эти скульпторы, по словам самого известного из них Такамура Кёун (1852—1934), хотели возродить гения прошлого. Как ни странно, есть точки соприкосновения средневекового японского реализма и реализма западных художников конца XIX века, и это обстоятельство дало толчок для нового расцвета японской деревянной скульптуры. Такамура Кёун, Такэуси Куиси (1857—1914) и Исикава Комэй (1852—1913) преподавали в Школе искусств в Токио и в качестве учебных пособий копировали образцы классической деревянной скульптуры. Однако их талант особенно проявился в создании бронзовой скульптуры, которой украшались крупные города. Бронзу отливали по оригиналу, выполненному из дерева.

Одним из последних великих скульпторов эпохи был Такамура Котарё (1883—1956), родной сын Кёуна, которого некоторые называют пионером «роденизма» в Японии. Художественная мысль Родена в ту эпоху повлияла на деятельность многих японских интеллектуалов, что объяснялось еще и тем, что в 1912 году Роден отправил три своих произведения в Токио.

Какими бы ни были направления в современной японской скульптуре, в наши дни она представляет собой достойные внимания произведения, которые знаменуют возрождение, на которое в течение столетий эпохи Эдо невозможно было даже и надеяться.

Эпоха Эдо

Скульптура, утратив свое духовное содержание с начала буддийского возрождения в эпоху Камакура в XIII веке, лишилась и актуальности, в особенности после того, как в эпоху Токугава триумфально утвердилось влияние конфуцианства. Произведения, созданные после XIII века, почти не упоминаются в трудах, посвященных скульптуре, и скульптура не считается значительным элементом японской цивилизации.

Конечно, и в это время были талантливые художники, но ни правители, ни религиозные общины не строили, как это было в прошлом, грандиозных храмов и не заказывали изображений святых, выражающих величие веры.

Художники эпохи Эдо без поддержки духовенства часто не находили нужное пространство, на котором сумели бы выразить себя, так как японская архитектура, вся красота которой состояла в отсутствии украшения, плохо сочеталась со скульптурным декором; это доказывают немногие исключения, как, например,

ансамбль мавзолеев сёгунов из рода Токугава в Никкё. Там можно увидеть все техники и идеи эпохи, там действительно царит дух могущества и пир роскоши, которые выражаются в тяжеловесности форм и смешении декоративных жанров. Вычурность декора, изобилие украшений, технических сложностей и экстравагантность облика можно простить только из-за естественной красоты местности. Сотни художников работали при свете для того, чтобы довести до совершенства последнюю обитель сёгунов, последователей конфуцианства, в соответствии с синкретическим ритуалом, в котором соединялись буддизм и синтоизм.

Редкими примерами признанных шедевров остаются несколько произведений, которые были созданы монахами, и прежде всего Энку (умер в 1695 году), Танкай Ристи (1629—1716), Сёун Гэнкэй дзэндзи (1648—1710) и Мокудзики Миомана (1718—1810). Произведения Энку и Танкай Ристи воплощают с силой и искренностью в простом и кажущемся незавершенным образе характер и образ мышления своих персонажей — буддийских и синтоистских божеств. Непосредственность таланта Мокудзики Миоман наделяет его буддийские божества трогательным очарованием. Что касается мастерства дзэн-буддиста Сёун Гэнкэя, то сама фактура его творений, в особенности «Пятьсот учеников» (*Ракан*), демонстрирует китайское влияние эпохи Мин и восхищение мастера статуями Манпукидзи в Киото, которые были выполнены под руководством китайца Фан Таоченга (*Хан Досей*) около 1667 года.

Искусство, которое еще недооценивается за границей, но высоко ценится японцами, — изготовление кукол. Искусное ремесло эпохи Эдо в изготовлении кукол и сегодня широко распространено и пропагандируется, особенно в связи с развитием торговли и туризма. Конечно, теперь они изготавливаются в большом количестве и продаются по относительно низким ценам, но довольно часто оказываются посредственного качества и не слишком высокого вкуса, если исходить из тех образчиков, которые обычно продаются в аэропортах и больших магазинах.

В Японии роль куклы связывается не только с детством, хрупкими воспоминаниями о прошедшем или же о путешествиях. Кукла — предмет, наделенный символикой. Этот предмет очень популярный, его смысл и качество исполнения высоко оцениваются знатоками. Изготовление кукол может быть одним из семейных увлечений, которое свидетельствует об умении и вкусе хозяев дома. В зависимости от материала, из которого делаются, от того, одеты ли, от того, каких персонажей представляют, различаются виды кукол. Каждая провинция и каждый регион имеют свой особенный тип кукол — от знаменитых *кокеси*, деревянных цилиндров из Тохоку, до глиняных кукол из Хаката, сердца современной Фукуока. Всемирно известные *укио-нингё*, сделанные из дерева или набитые тряпками, затем окрашенные в белый цвет, облаченные в яркие кимоно, изображают гейшу и соблазны мира наслаждений. Менее известные иностранцам, но более дорогие и изысканные — куклы, изображающие персонажей театра *Но*. Например, *госо-нингё* — детские фигурки с большой головой, в роскошных сценических костюмах — нарядные близнецы тех кукол, которые изображают голеньких пухлых младенцев и служат амулетами. Миниатюрные копии больших кукол из театра *Бунгаку*, они каждым жестом и богатой гаммой костюма ассоциируются с тем или иным литературным образом или сюжетом.

Великолепие, материальное и духовное значение кукол отмечаются праздником кукол (*хина мацури*), который начиная с эпохи Эдо проводится ежегодно 3 марта. Таким образом воздается должное достоинствам сыновнего благочестия и верности. Куклы в те времена *(хина-нингё)* не были игрушками, они изображали императора и императрицу, их придворное окружение, музыкантов, стражу. Подобные статуэтки, около полутора десятков, располагались на пяти — семи этажерках и демонстрировались в день праздника. Этот культ, поощряемый конфуцианством, объединился со старым синтоистским ритуалом очищения. Злые духи в этом ритуале переносились колдунами в непрочные тела бумажных кукол, которые затем выбрасывались в речные воды. В наши дни смысл древнего ритуала подзабылся, и праздник стал семейным, в нем обязательно принимают участие девочки.

> В полутени, в слабом свете ночника, перед моими глазами стояли мои куклы: император со скипетром из слоновой кости; императрица с короной и подвесками из кораллов; маленькое

апельсиновое деревце справа и маленькое вишневое деревце слева; молодой слуга с зонтиком от солнца на длинной ручке; придворные дамы, поднявшие с подносов кубки почти на высоту глаз; маленькие подставки для зеркал и комоды с лаковыми рисунками; ширмочки с перламутровой инкрустацией; крохотные чашечки и маленькие блюда; миниатюрные резные фонарики и мячики из разноцветных ниток... (Акутагава Рюноскё. *Кукольник*)[1].

Муромати

Скульптура эпохи Муромати относится к величайшей эпохе буддийского возрождения и сохраняет дух предшествующих эпох, но в ней проявилась и новизна, если не прямое влияние, несколько чувственного стиля китайской пластики эпохи Сонг (XI—XIII вв.), который в значительной мере ощущается в произведении «Каннон, созерцающая водопад *такими*».

Все выглядит так, как если бы преисполненность особыми чувствами, взращенная в тени, с которыми в своих маленьких павильонах японцы смаковали чай (*тясицу, тясэки*), предполагала отказ от любой излишней скульптуры. Дзэн-буддизм, действительно, не верил в действенность изображений; самое большее, он терпел их в качестве образов, не выражавших божественное начало, во имя поощрения верования народа. За неимением изображения богов довольствовались изображениями священников и патриархов. Им посвящали свой талант скульпторы эпохи Муромати; в то же самое время, изготавливая маски театра *Но*, они раскрывали бесконечные изменения человеческого лица и искали новых выражений. Театр *Но*, истоки которого восходят к пляскам и пантомимам эпохи Фудзивара, приобрел свой подлинный размах благодаря деятельности Канъами Киоцугу сотоварищи. Маска должна была соответствовать глубине драматических ситуаций на сцене, выражать определенное психологическое состояние, обогащаться нюансами, что достигалось бы благодаря простому изменению направления освещения при изменении положения головы актера. Таким образом, маска могла

[1] Перевод с франц. И. Эльфонд.

приобретать разные выражения, но сила воздействия этих личин стала определенной с того момента, когда на них было зафиксировано одно-единственное эмоциональное выражение, например сдержанная радость или сдержанная печаль. Маски заботливо сохраняются, передаются среди актеров из поколения в поколение, ими и сегодня пользуются актеры театра *Но*.

Хэйан и Камакура

Несмотря на интересные достижения искусства скульптуры, разочарование буддизма в «объемных изображениях» повлекло за собой его упадок, поскольку оно зародилось вместе с буддизмом и сопровождало его развитие, следовательно, потребность в нем была ограничена. Действительно, синтоизм не интересовался скульптурой, и если со временем им и вдохновлялись художники, исполненные гуманистического реализма, то это всего лишь свидетельство ассимиляции буддизма, которому, согласно синкретическим теориям, синтоизм и предшествовал.

Золотой век синтоистской скульптуры относится к эпохам Хэйан и Камакура. Эти синтоистские божества с наивным и меланхолическим выражением лица, изображенные сидящими, задрапированными в одеяния, указывающие на их пол и ранг, незаметно вступили в мир смертных. В этом отношении они противоположны буддийским бесполым и улыбающимся богам, которые возвышаются над человечеством.

Более древние и, без сомнения, самые красивые синтоистские изображения относятся к IX веку; они сохранились и сегодня в храме Якусидзи в Нара: принцесса Накацу, бог Хатиман в облике буддистского священника и обожествленная императрица Дзингу составляют колоритный ансамбль.

Синтоистская скульптура остается, однако, эпизодическим явлением, блестящим, но мимолетным приложением к постулатам, определенным согласно учениям буддизма и присущим ему вдохновением. Сами же буддисты вплоть до эпохи Мэйдзи поддерживали объединение скульпторов (*буцуси*), которые пользовались покровительством храмов.

Классическая буддийская скульптура

Религия, зафиксировавшая свои положения в текстах, буддизм (за исключением дзэн-буддизма, благосклонного к живописи, то есть к непосредственному индивидуальному выражению мировосприятия, которое он допускает) обладает строгой иконографической традицией; различные техники скульптуры следовали этой иконографии на протяжении столетий.

В соответствии с буддийским богословием сам Будда (*Буцу*), или Будда будущего (*Нёрай*), определяется чертами, обозначенными на японском языке понятиями из санскрита: *Сяка* (Шакьямуни), *Русяна* (Вайрочана), *Амида* (Амитабха), *Якуси* (Бхасайя-гуру). Будда изображается в облике молодого священника, его кудрявые волосы уложены и завязаны в узел; фигура без украшений, драпированная лишь простым ниспадающим монашеским одеянием. Уши, чересчур удлиненные, отягощены драгоценностями, которые он носил тогда, когда был принцем и жил в роскоши при дворе своего отца. Несколько произведений эзотерического буддизма (*миккё*) изображают его увенчанным диадемой, в одежде, усыпанной драгоценностями, но таких изображений Будды немного.

Иконографические типы скульптурных изображений бодхисаттв *Мироку* (Майтрейя), *Мондзю* (Манджушри), *Фугэн* (Самантабхадра) и *Кокудзо* (Акашагарбха) (перечислим тех, кто встречается чаще) более разнообразны. Они могут быть изображены в диадеме, украшающей поднятые вверх волосы, со свободно повязанным поверх одеяния поясом, кулон или пектораль (*ёраку*) завершают их облик.

Небесные стражи — *Бонтэн* (Брахма), *Тайсякутэн* (Индра), *Бисямонтэн* (Вайшравана), *Китидзетэн* (Махашри), *Конгорикиси* (Ваджрапани) — принимают разный облик: они цари или придворные, солдаты или великаны, мощная мускулатура символизирует их силу, их многочисленными образами вдохновлялись выразительные произведения японского искусства.

Изображения некоторых будд и бодхисаттв, принадлежащие сектам эзотерического буддизма, выражают неистовую ярость. Наиболее часто встречаются *Фудо Мёо* (Алкала), *Госандзэ Мёо* (Трайлокьявиджайя), *Айдзэн Мёо* (Рага).

Все эти божества изображены в энергичных позах, но делают одинаковый ритуальный жест рукой (*мудра*). Этому движению соответствует и выражение их лиц. То и другое раскрывает идею, которую они должны выразить. Наиболее почитаемые изображения окружены ореолом, и мастерство, с которым он выполнялся, со временем превратило элементы этого ореола — ангелов, цветы и языки пламени — просто в декоративное украшение. Характер изображения становится все более и более утонченным и декоративным. Статуя обычно размещалась на пьедестале в виде гигантского цветка лотоса, символичного водяного растения — сияющая чистота лепестков и погруженные в донный ил корни.

Небесные создания — божества на облаке, одно из которых играет на флейте, другое протягивает лотос, — включены в группу из пятидесяти двух горельефов из дерева, которые украшают интерьер Хоодо в Бёдоине в Удзи. Они образуют небесный эскорт Амиды Нёрай работы скульптора Дзётё. Первоначально нарисованные и украшенные золотыми нитями (*кириканэ*), эти изящные изваяния представляют искреннее и жизнерадостное искусство эпохи Фудзивара.

В наши дни появились новые материалы, что побудило художников вновь обратиться к религиозной скульптуре. Но на протяжении семи веков буддийская пластика, можно утверждать, мало изменилась: канон Будды из Камакура (1252) является каноном и для Будды из Мёгуро, который датируется 1802 годом (эта статуя хранится в музее Сернуши).

Японская скульптура эпохи Камакура отразила это время ожесточенности и нестабильности, в ней заметны проявления реализма, граничащего с барокко, в определенном смысле это время подъема и упадка пластического искусства. Скульптура этой эпохи оказывается отражением своего времени. Способность глубоко чувствовать, характерная для художников XIII века, их склонность к драматизму и состраданию была отмечена искренней амидистской верой. Этому времени не подходили для изображений безмятежные, уверенные в себе боги, скорее требовалось выражение сдерживаемой боли чувствительных

и очень ранимых людей. Назидательность этих изваяний предназначалась для множества смиренных, малообразованных верующих, чуждых эстетических радостей, которые были доступны только придворным, поэтому изображения богов и святых должны были нравиться народу. С этой целью скульпторы не гнушались никакими эффектами, вплоть до напыщенности. Так, чтобы изображения выглядели «более живыми», глаза статуй инкрустировали горным хрусталем *(гёкукан)*. В те эпические времена формируется еще и культ героев — знатных вельмож, которые благодаря своей прославленной энергии творили историю, и, следовательно, появляются их изображения. Одна из самых прекрасных, без сомнения, статуя Уэсуги Сигэфуса, потомки которого всегда находились среди самых влиятельных советников сёгуна.

Основные принципы скульптуры этой эпохи были выражены в творчестве Кокэя (XII в.). Скульптор был связан с храмом Касуга в Нара, основал в центре старого Ямато школу, близкую по духу школе великих реформаторов в далеком Канто.

> Храм Касуга-дзиндзя, или Касуга-тайся, в Нара был основан в 768 году. Но возможно, он возник раньше, вскоре после учреждения столицы в Нара. Фудзивара-но Фухито (659—720) приказал его построить в честь бога — покровителя своей семьи. Главное здание (*хондэн*) восстановлено в 1863 году, четыре одинаковых маленьких храма — маленькие четырехугольные павильоны, снабженные прямой лестницей, которую защищает выступ широкой крыши. Ансамбль — один из характерных типов синтоистских храмов, ставших обычными с эпохи Хэйан. К святилищу Фудзивара ведет живописная аллея, уставленная вдоль бесчисленными фонарями, подаренными на протяжении веков благочестивыми верующими.

Ункэй, сын Кокэя, — работал с 1175 по 1218 год — по праву считается самым знаменитым японским скульптором. Сила, размах, человечность искусства эпохи Нара стали отличительными чертами этого художника, усиленные нервной энергией, которая подпитывалась впечатлениями от пластического искусства эпохи Сонг. В творческой манере сыновей Ункэя — Танкэя, Кобэна

и Косё — появились черты маньеризма[1], в их творчестве заметен натурализм: пластика тела, выражение лица, летящая драпировка одеяний святых, отступавшие от канона, — все это было выполнено виртуозно, и статуи поражали паломников.

Восстановление Тодайдзи, пострадавшего в войнах XII века, значительно повлияло на развитие японской скульптуры и изменило ее главное направление. Под руководством верховного жреца Сюндзёбё Хогэна храм реконструировали в стиле южнокитайской архитектуры, известном как *тэндзики-э* (индийский стиль). Для восстановления искусства скульптуры Хогэн, до того трижды посетивший, как рассказывается, Китай, выбирает Кайкэя, ученика Кокэя. Он также привез из Китая художника Чэнь Хочина, который знакомит японцев со стилем Сонг. Постепенно новая мастерская в Тодайдзи превратилась в тот фермент, который породил жемчужину японской скульптуры — искусство Камакура. Восстановленный в Тодайдзи храм был грандиозным сооружением, и люди, которые его создали, не уступали своим предшественникам в мастерстве и артистизме — несколько уцелевших образцов предшествующего времени служили молодым скульпторам эталоном, так что творческий процесс был непростым, а поиски нового — постоянными.

Скульптура бурно развивалась в эпоху Хэйан, в период расцвета культуры Фудзивара. При дворе и в домах знати успешно трудились ремесленники. Они вырезали из мягкого дерева изысканные, приятные изображения, которые нравились сильным мира сего. Буддийская секта Тэндай поддерживала эстетику очарования. Эта тенденция усилилась с распространением амидизма, один из постулатов которого утверждал, что символом рая, где встречаются праведные души, на земле может быть лицезрение прекрасного.

Исключительная изобретательность мастеров развивала скульптурные техники. Статуи состояли из фрагментов: из

[1] Маньеризм (*итал.* maniera — стиль, манера) — термин в изобразительном искусстве, введенный в XVI в. итальянским художником и биографом Вазари. В архитектуре, скульптуре и живописи подразумевается осознанное презрение к установленным правилам и классическим традициям; а также свойственные некоторым произведениям искусства метафорическая напыщенность, пристрастие к гиперболе и гротеску.

отдельных вырезанных кусков нужного размера собиралась вся статуя (*ёсэги*). Этот способ, упрощающий задачу создания статуи и реставрации, усовершенствовал мастер Дзётё, незадолго до своей смерти (1057) создавший замечательную статую Амиды Нёрай в Бёдоине в Удзи (1052), матовая позолота которого освещает павильон Феникса (Хоодо).

Сын скульптора (он был и буддийским священником) Косё, Дзётё пользовался особым покровительством Фудзивара-но Митинага (966—1027), того самого, которому было суждено привести свой род к вершинам власти. Столь значительная поддержка позволила Дзётё основать в Киото замечательную мастерскую «Седьмой улицы» (*Ситидзё буссо*). Вскоре его ученик Хосэй (умер в 1091 году) и сын последнего Энсэй (умер в 1134 году) основали мастерскую на Третьей улице (*Сандзё буссо*); обе мастерские были широко известны и процветали. Успех Дзёте свидетельствовал о важном изменении в социальном положении скульпторов: они получили право работать в собственной мастерской и воспитывать учеников. Дзётё стал первым из своей корпорации, кто был допущен к духовному сану, что обеспечило ему одновременно авторитет и материальный достаток. Новый статус быстро снискал ему большую популярность, поскольку в эпоху Хэйан монастыри развивались благодаря субсидиям и покровительству меценатов. Таким образом, после того как Дзёте вполне естественно был приближен к Ходзёдзи, возведенному Фудзивара-но Митинага, этому примеру, поданному верхушкой общества, последовали многие. Благодаря религии скульптура приобрела благосклонность мирян, что и позволило ей отойти от слишком большой зависимости от китайских прототипов.

Скульпторы использовали китайские образцы с некоторым запозданием в период, когда японский двор соперничал с китайским двором. Зрелости эпохи Тан соответствовала зрелость эпох Тэмпё и Хэйан. С того времени, как двор обосновался в Хэйане, скульптура расцветала благодаря множеству заказов, которые поступали от действующих монастырей и при строительстве новых. Новые монастыри основывались в защищенных удаленностью и лесами долинах. Потребность была велика, статуи должны были отражать новые религиозные чувства.

При этом материал должен быть не только прочен, но и дешев. Поэтому скульптура эпохи Хэйан по преимуществу была деревянной. Этот благородный материал в стране, густо покрытой лесами, оригинальным способом выразил талант лесного народа, который заменил примитивный топор предков на эффективное долото великих цивилизаций эпохи металла. Статуи из сандалового дерева (*дандзо*), которые монахи-паломники привозили из Китая, ввели в моду приятный и естественный материал — дерево, которое на архипелаге имелось в изобилии. Наконец, качество японских режущих инструментов позволяло достичь точности в резьбе по дереву. Действительно, уже в эпоху Нара в мастерских Дайяндзи и Тосодайдзи воспроизводили в дереве изысканные формы аналогичных изделий из лака или глины. Статуи до эпохи Камакура резались из одного куска дерева (*итибоку*). Для их создания требовалось приложение силы, особое внимание уделялось декору, детали статуи тщательно прорабатывались, затем искусно покрывались другими материалами (*хомпа-сики*). В эпоху Хэйан художники отходили от реалистического стиля в противоположность величественным произведениям мастеров эпохи Нара, которые точно следовали традиции.

Нара

Эпоха Нара стала золотым веком японской скульптуры. Без сомнения, она никогда не знала большого разнообразия материалов. Техники, которые более всего использовались в период расцвета Нара, — лак и глина — происходили из Китая эпохи Тан.

Техника глины была давно известна в Индии и Центральной Азии, оттуда она пришла в Китай. Сначала изготовлялась модель из дерева, этот грубый остов покрывался рисовой соломой (она была необходима, чтобы лучше удерживать новые слои глины), на которую укладывали глиняную массу. Масса, которую использовали для первых слоев, была грубой: солома предварительно смешивалась с землей и золой, затем она снова покрывалась более качественной глиной, смешанной с бумажным волокном. Последний тонкий слой — из тонкоразмолотой глины

с порошком слюды. Затем статуя раскрашивалась или покрывалась золотой фольгой. Вместо этой широко распространенной в VIII веке техники стали применять технику лака.

Лаковая техника характерна именно для Дальнего Востока. Она состояла в наложении слоев лака: либо лак накладывался последовательно, либо на слои ткани *(даккацу кансицу)*, либо сразу на деревянную основу *(мокусин-кансицу)*.

В первом случае на полую грубую глиняную модель последовательно многократно накладывается ткань, каждый слой которой обрабатывается лаком до приобретения желаемой формы. Пластические детали прорабатывались смесью из порошка лака и опилок, использовали металлические каркасы. После высыхания глиняную форму разбивали и иногда внутрь вставляли деревянный каркас для придания устойчивости всему сооружению. Техника, которая используется для создания статуи из лака на деревянной основе, слегка отличается от техники с использованием глины: первоначальная деревянная модель покрывается несколькими слоями лака[1].

В обеих техниках часто использовались разноцветные лаки, иногда лак смешивался с порошком или с пигментом золота или серебра. К полым статуям в технике сухого лака относились с особым вниманием, так как они были тонкими и их легко было носить во время церемониальных процессий. Изящество, которого техника лака позволяла добиться, превратило лак в материал, по преимуществу использовавшийся для скульптурных портретов. Знаменитым (и к тому же самым древним из известных) является изображение священника Гандзина, который основал в 759 году храм Тосёдайдзи[2]. Другим столь же знаменитым произведением является Асура в Кофукидзи, один из «Восьми охранников Шакьямуни» (*Хатибусю*) — скульптор изобразил его с тремя лицами и шестью руками. Благодаря лаковой технике статуя передает мягкое выражение лица, которое скорее принадлежит ангелу-хранителю, чем воину. Маски театра

[1] Вообще техника мокусин предполагает последовательное наложение на сборную деревянную форму тканей, пропитанных сырым соком лакового дерева.

[2] Считается одним из величайших шедевров японской скульптуры, поскольку воспроизводит индивидуальный облик человека, хотя и озаренного ореолом святости и идеализированного.

гигаку передают в своей улыбке, напоминающей карикатуру, творческое вдохновение художников, которые над ними работали.

Наряду с этими очеловеченными и усовершенствованными статуями известны монументальные бронзовые изображения, слава о которых шла уже целое столетие. Мастерство техники сплава меди и олова, применявшейся японцами, развивалось быстро, если судить по огромному бронзовому Будде, воздвигнутому в Тодайдзи в 752 году. Статуя, достигавшая семнадцати метров в высоту, выплавлялась в несколько приемов по горизонтальным разрезам (*игаракури*), затем эти фрагменты вставлялись один в другой, затем накладывалась позолота. Эта техника была использована исключительно для создания гигантских Будд, которых называли *дзёроку* («шестнадцать»), потому что они были высотой в шестнадцать футов, когда изображались во весь рост, и высотой в восемь футов, когда сидели, — идеальный рост, который соответствовал росту Шакьямуни. Статуи среднего размера отливались в технике *a la cire perdue*[1] (*рогата*) по методу, обычно применявшемуся начиная с эпохи Асука.

Камень относительно мало использовался в Японии, поскольку природные ресурсы были скудными. Влияние монументальной китайской и корейской каменной скульптуры там очень ощущалось, но отразилось в использовании других материалов. Камень оставался на протяжении веков связан с садами, архитектурой пейзажей; он чаще воспринимался как самостоятельный предмет, чем как материал для скульптуры.

Мастера годов Тэмпё (729—749) создали грандиозное искусство, используя различные материалы. Искусство отражало идеи буддизма, который процветал в столице Японии. Монументальные пропорции, глубокие складки тяжелой ниспадающей драпировки, прилегающей к телу в манере, принятой на континенте, свидетельствуют о мастерстве японского пластического искусства.

[1] Техника отливки полых металлических изделий, при которой тонкий слой воска заключается между двумя слоями жаростойкой глины или гипса; воск растапливается, и в образовавшуюся полость заливается расплавленный металл; считается одним из основных методов литья. Сам термин обычно переводится как «исчезающий модельный слой».

Хакухо

Скульптура эпохи Нара была отмечена расцветом реализма, выразительной трактовкой образа, даже экспрессивностью: она демонстрировала зрелость искусства, сменяющего искусство Хакухо, которое отличалось стыдливостью и непременным идеализмом молодости. В искусстве периода Хакухо отразилось начало расцвета страны, начинающей понимать свою сущность. Япония тогда была открыта для континентальных веяний и благодаря посредничеству Китая приобщилась к эстетическим критериям индийского искусства эпохи Гуптов. Эта эстетика и после ослабления династии под давлением эфталитов[1] (455) продолжала влиять на азиатское искусство: спокойные, с правильными чертами лица, пышная грудь, округлые бедра, высокий рост, длинные изящные ноги, тело, скрытое ниспадающими складками прилегающей одежды. Триада маленького переносного храма госпожи Татибана, матери императрицы Комё (701—760), сохранившаяся в Хорюдзи, сияет благородной строгой красотой. Ансамблю присуща гармония и полетность всех его линий. Этот маленький храм представляет собой, как и замечательный Тамамуси, в котором сохранились первые шедевры японской живописи, нечто вроде реликвария[2], помещенного на пьедестал и увенчанного крышей (*суми-дза*). Вода источника (геометрические мотивы представляют колеблющуюся воду и водяные растения) орошает скрученные стебли трех лотосов, поддерживающих Будду Амиду и двух его бодхисаттв. Ореол окружает голову Амиды, а задний план украшен ангелами. Пластичные линии ансамбля придают ему живость, а сдержанная лучезарная улыбка характеризует архаические периоды всех цивилизаций.

Асука

Японская скульптура, которая на всем протяжении своего развития оставалась тесно связанной с религией, родилась вместе с буддизмом под покровительством замечательного регента Сётоку, в эпоху Асука. Как и религия, которая пришла в Японию из Китая и Кореи, японское искусство находилось под воздействием китайского и корейского искусства и его теории. Самой древней статуей, о которой история (или легенда) сохранила воспоминание, является гигантский Будда, творение Курацукурибэ-но Тасуна, предназначенный для Сакатадэры, храма, воздвигнутого в память об императоре Ёмэй (586—587), именно этот император оказался первым, кто официально обратился к буддизму. Автором древних японских скульптур, известных в настоящее время, считается талантливый скульптор Тори, сын Тасуна, который сам являлся потомком китайского иммигранта. Тори, действительно, был внуком Сиба Татито, который эмигрировал из китайского царства Южного Лян и прибыл в Японию в 522 году, чтобы проповедовать добродетели буддизма. Семейство Сиба Татито было известно также под именем Курацукурибэ, отец Тори сделал его знаменитым.

По распоряжению императрицы Суйко в 605 году Тори создал два гигантских изображения Будды — позолоченную бронзовую статую и вышивку, которые предоставили ему возможность подняться в иерархии до третьего придворного ранга. Единственное произведение Тори, которое дошло до нас, — назидательная «Триада Шакьямуни», хранящаяся в монастыре Хорюдзи в Нара. Широкий ланцетовидный нимб окружает Будду и его бодхисаттв, которые окружены нимбом из пламени. Надпись сзади уточняет, что произведение относится к 623 году и создано, чтобы способствовать возрождению в раю незадолго до того умершего принца Сётоку. Вознесенный на высоком деревянном троне, напоминающем пьедестал маленьких храмов или современных реликвариев, Шакьямуни восседает на своем пьедестале, драпированном объемными ниспадающими складками. Фронтальное положение персонажей, удлиненный овал лица, большие, широко открытые глаза миндалевидной формы, спокойная загадочная улыбка, длинные руки — все подчинено тому же канону, который отличает скульптуры знаменитых монастырей Юнгань или Лунмэнь в Китае периода Шести династий. Будда выполнен в технике *a cire perdue*, детали поверхности отполированы. Бодхисаттвы отливались отдельно. Произведения самого Тори были утрачены, но стиль, который он создал, сохранился в позднейших изваяниях, таких как Каннон Босацу храма Юмэдоно в Хорюдзи. Замечательная Кудара Каннон

[1] Эфталиты — белые гунны, объединение племен (V—VI вв.), образовавших государство на территории Средней Азии, Афганистана, северо-западной Индии и части Восточного Туркестана.

[2] Реликварий (*лат.* reliquiae) — ящичек с мощами святых, урна.

представляет несомненный контраст с искусством Тори. Если главные характеристики остаются теми же, которым подчинялась и «Триада», все равно чувствуется новый дух эпохи династии Суй. Вырезанная из камфарного дерева и покрытая золотой фольгой, Кудара Каннон, размещенная в Юмэдоно в 739 году, содержала, без сомнения, некоторые архаичныее черты. Однако удлиненные пропорции тела, легкий наклон фигуры вперед, женственная прелесть и изящество прически и одеяния придают этому произведению человеческое обаяние. Боги уже жили среди людей.

Эта статуя вырезана из цельного куска камфарного дерева, за исключением вазы, которую Будда держит в левой руке, и драгоценного браслета, который надет на правую руку. На ней сохранились следы позолоты, лака и разноцветной росписи. Диадема, как и пекторaль и браслет, выполнена из позолоченной бронзы и похожа на корейские украшения из погребений эпохи Великих курганов (III—IV вв.), в которых сохранились прекрасные образцы. В статуе, удлиненных пропорций, замечательно передана пластика тела; верхняя часть туловища слегка наклонена вперед, накрыта нежной волной драпирующегося одеяния. Кудара Каннон называется так потому, что, по легенде, она создана в Корее художником из Пэкче (Кудара по-японски), и свидетельствует об эволюции скульптуры по сравнению с сакральным стилем Тори. От нее веет духом китайской культуры эпохи Суй.

Эта нежность, озаренная светом, еще более открыто проявилась в статуях Майтрейи, сохранившихся в Тюгудзи в Хорюдзи или в Корюдзи в Киото. Статуи, вырезанные из одного деревянного блока, включая ореол, воспроизводят позу (*ханка сиюи* или *ханка си-и*), которая под влиянием Кореи была тогда в большой моде: Майтрейя медитирует, восседая на троне, ноги скрещены, правая рука подпирает щеку. Под одеждой в стиле «мокрой драпировки» в индийской манере угадываются стилизованные формы тела. Майтрейя, чей образ увенчивается прической с двойным шиньоном или корейской шапочкой, излучает нежность, которая в последующие века станет отличительной чертой скорее живописи, чем скульптуры. В течение одного столетия Япония овладела всей наукой!

Глава 11

ИСКУССТВО В ДВУХ ИЗМЕРЕНИЯХ: ЖИВОПИСЬ

Современная японская живопись представляет собой крайнее смешение школ, стилей и направлений со всех концов света. Однако произведения, иногда противоречивые, воспринимаются японцами одинаково благосклонно: какой бы ни была присущая им форма, японцы обычно судят о живописи по двум критериям. Популярные журналы — новые меценаты индустриальной эпохи — часто публикуют и произведения, выполненные в художественных концепциях и художественными приемами в духе западного искусства, и, например, традиционные для старой японской живописи изящные акварели, которые изображают растительный и животный мир более настоящим, чем в самой природе; вкусы могут меняться, но публика в состоянии судить о том и о другом направлении в искусстве. Между двумя крайностями японский дух движется легко, так как его привлекают вовсе не зрительные образы, а движение, направленное вперед; кроме того, традиционно высокая оценка простоты, отвлеченности и пустоты позволяют уловить нюансы. Эта способность является одной из постоянных черт японского восприятия, поэтому виртуозное, но закосневшее искусство, характерное для эпохи Эдо, потерпело крах, пытаясь заставить публику изменить своему вкусу в восприятии прекрасного. Современное искусство, предметное ли, абстрактное ли, в меньшей степени кажется революционным, оно стало логическим результатом развития принципов столь же старых, как и само японское искусство.

Революция главным образом заключалась в самом введении западного искусства и в том смятении, которое возникло в понимании старинного и современного искусства. С эпохи Мэйдзи использовались оба понятия, для того чтобы судить о художественных направлениях не в зависимости от хронологии, а по жанровой принадлежности. Все то, что относилось к Западу и было привнесено тогда в Японию, рассматривалось как новое, и при этом не учитывалось время создания произведения. Принципы итальянского Ренессанса, уже давно ставшие классическими на Западе, не утратили своего революционного заряда на краю света и взорвались как бомба в мирном кругу японского искусства, где новизна явления мгновенно стала смелой модой и панацеей. По мере того как в Японии новое искусство закрепляется и развивается, возникает и понимание его истинных достоинств. В наши дни это смешение и эти различия уже почти не представляют интереса; Япония прошла период подражания и готова к новым созиданиям. Ведомство по культурно-просветительской работе, созданное в 1968 году, официально констатирует наступление новой культуры и ее достижения.

Новые явления в японской культуре, конечно, не могут продвигаться вперед без глубокого признания традиционных ценностей. Уже на протяжении многих лет Комиссия по делам культуры (*Бункадзай*) проводит начатую еще в 1888 году инвентаризацию, оценку и классификацию национальных художественных ценностей. Это коллективное осознание достояния предков имело место как раз тогда, когда это наследие подвергалось риску оказаться пересмотренным в связи с хаотичным вторжением иностранных новинок. Классификация объектов, которые имеют художественное или историческое значение, характерна не только для Японии. Более оригинальным представляется присвоение статуса «национального художественного достояния» конкретным людям: художникам, ремесленникам, изобретателям, которые находились на грани исчезновения. Этих людей также могли признать «национальным сокровищем». Подобный статус обеспечивал им и материальные льготы, и общественное признание. От признания достоинств произведения искусства японцы поднимались к человеку, гений, талант или просто умелые руки которого творили искусство; дух тоже наследовался от предков.

Однако следует отметить существенный факт: в Японии, как и в любой точке на Земле, культурная политика чаще всего ставит своей целью «оживление» культурной жизни, а не настоящий художественный поиск. В национальном фестивале искусств в Японии, который ежегодно длится два месяца (октябрь и ноябрь), принимают участие прежде всего зрелищные искусства. Конечно, именно они приносят наибольшую прибыль, создают иллюзию массового коллективного участия, и, наконец, люди бесталанные, просто любители могут легко удовлетворить свои амбиции. Но в то же время на фоне всеобщего хаоса только люди и новаторская сценическая игра могли оживить веру в возможности нации; кроме того, возобновление спектаклей, запрещенных во время войны, отмечало конец тяжелых испытаний. Произведения изобразительного искусства теперь робко выставляются, но и появление их на фестивале оказывается тоже достаточно спорным, поскольку, из-за того что художников поддерживают крупные частные фирмы, они слишком часто, вопреки великодушию этих фирм, выглядят просто ярмарочной живописью.

Выставки изобразительного искусства испытывали политический прессинг, особенно между двумя войнами. С 1907 года министерство образования раз в год организовывало «официальные выставки», которые оказывали значительное влияние на развитие искусства. Но скоро некоторые художники, не принимающие правительственных дотаций и навязываемых им идей, создали школу, получившую название «вне строя»: история современного японского искусства — история борьбы и антагонизма. Наконец, официальная выставка показалась подозрительной оккупационным властям, которые в 1948 году ее запретили и разрешили частные инициативы.

Если и кажется, будто в общенациональном масштабе изобразительные искусства не получают желательной поддержки, то дело обстоит совершенно иначе на уровне префектур, которые всегда им выделяют место во время своих фестивалей. Наконец, фестивали городов и деревни напрямую связаны с культурными лозунгами независимо от форм культуры, так как ежегодно 3 ноября проводится день культуры (*Бунка-но хи*) — нерабочий официальный праздник, установленный с конца войны.

Каллиграфия

Применительно к Японии было бы правильнее говорить об «искусстве двух измерений», чем о живописи. Изображение и иероглиф вступают в эту сферу по отдельности, ведь и то и другое обязано кисти, ведь и то и другое открывает новые пути, начиная с техник и критериев, унаследованных от национальной традиции. В пределах известного в сфере, где творится искусство и ведутся его поиски, каллиграфия занимает привилегированное положение: она по преимуществу способствует выражению индивидуальности мастера, кроме того, она вызывает большой интерес у иностранцев, которые связывают с ней эксперименты графиков, Хартунга или Сулажа например. Но следует иметь в виду, однако, основное различие: для дальневосточного каллиграфа знак, символ всегда наделен точным значением, достиг ли он уже необходимого минимума, чтобы иметь возможность читать, или даже превзошел его. Ничто не дается даром, и талант каллиграфа направляется прежде всего необходимостью коммуникативной функции, даже если каллиграфия часто оказывается чистой игрой для избранных. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно просматривать каталоги выставок: они постоянно указывают на ясное чтение каллиграфического иероглифа. Стиль будет меняться от начертания к начертанию, в зависимости от того, что оно напоминает, — дракона, мир, танец... Более того, каждый иероглиф несет в себе определенную смысловую цельность. Каллиграф может этому противиться, но он никогда не сможет ее проигнорировать, так как это у него в крови, как и в крови зрителя.

Шкатулка с двойной основой содержит инструменты, необходимые для каллиграфии: камень для растирания туши, палочки туши, кисти, бумага. Мастером шкатулок для каллиграфии был знаменитый Огата Корин (1658—1716), чей талант не ограничивался только росписями на ширмах. На фоне черного лака изображены ирисы в полном расцвете своей красоты, легкий мостик напоминает о прогулках любителя наблюдать за красотой лотоса на прудовых водах — это темы из знаменитой повести «Исэ-моногатари». Мостик выполнен в технике инкрустации из свинца, опоры — из серебра, цветы — из перламутра, листва — золотом в технике маки-э.

Извилистые очертания *кана*, текущие от ряда к ряду, их вихрящиеся или плавные изгибы, четкость китайских иероглифов, которые, даже сведенные к символу их идеограммы, сохраняют всегда что-то от своего первоначала, оживляют документы, материал которых часто уже сам по себе представляет изысканное искусство. Заимствованные когда-то в Китае или изобретенные в Японии, которая сохранила это искусство, некоторые типы японской бумаги — толстые или тонкие и прозрачные — воспроизводят все оттенки радуги, другие же украшены цветными рисунками или живописью камайё[1]; поверхность одних сияет от добавления золотого или серебряного порошка, поверхность других шероховата от добавления растительных волокон. Со временем стали изготовлять бумагу разных форматов для различных надобностей. *Кайси* и *сикиси* — твердая гладкая бумага прямоугольной формы, почти квадратная, для начертания китайских иероглифов и японских стихотворений, состоящих из тридцати одного слога (*вака*). *Кайси* — буквально «карманная бумага» — появилась в X веке, первоначально лист должен был помещаться в рукаве аристократа, который, как предполагалось, должен был быть всегда наготове для того, чтобы сложить стихотворение, соответствующее обстоятельствам. *Сикиси* имеет более специальное предназначение и существует для того, чтобы создавать картины в японской манере. *Тандзаку* — прочная бумага продолговатой формы, белая или декорированная, используется, чтобы записать *вака* или короткий блестящий *хайку* из семнадцати слогов; *сэммэн* — бумага в виде веера, на которой пишут картину или стихи: она может храниться в том виде, как есть, или использоваться как веер.

Непреходящее искусство, которым владеют девушки, страстно желающие вступить в брак, или философы, склонные к медитации, возродившаяся каллиграфия успешно использует методы своего золотого века (X—XII вв.). Тогда японские каллиграфы пошли дальше своих китайских учителей (главным образом из Южного Китая), и особенно знаменитого Ванг Хиче (307—365), исключительно популярного в эпоху Тан. Такие художники, как

[1] Камайё — живопись, выполненная несколькими оттенками одного цвета (гризайль — только оттенками серого).

Оно-но Тофу (896—966), Фудзивара-но Сари (944—998) или Фудзивара-но Кодзэй (972—1027), довели это искусство до совершенства, самым прекрасным было изобретение алфавита, *кана*, который возник в результате графических изменений китайских иероглифов. Столь известные исторические персонажи, как Сайтё (767—822), Кукай (774—835) или император Сага (786—842), также были учениками наставника Ванга и впоследствии знаменитыми каллиграфами.

Современная каллиграфия использует формы иероглифов эпох Сонг, Юань и Мин, которые, называясь «китайским стилем» (*кара-э*), распространились в Японии в то же время, что и дзэн-буддизм и другие элементы феодальной культуры. Неожиданным представляется внезапное введение в Японии в 1880 году Яном Чучингом (1839—1915) письменности, которая существовала в Северном Китае в V—VI веках. Хотя она и была более строгой и жесткой, чем каллиграфия Южного Китая, ей было суждено стать благодаря Кусакабэ Мэйкаку (1838—1922) и Ивайя Итироку (1834—1905) одним из главных элементов современной каллиграфии.

Ни книгопечатание, ни другие современные технические изобретения для пишущих не отменили каллиграфию, совсем наоборот. В потрясенном мире, где индивид опасается стать затерянным, забытым, изгнанным, потерявшим себя, она остается загадочным зеркалом души, высшим доказательством ценности бытия, одной из тех редких областей, в которых ни талант, ни понимание не могут обманывать.

Живопись, привилегированный способ художественного выражения в японской цивилизации, где картина и письменность неразлучны, занимает там место, которое невозможно понять, если не помнить о ее форме и характере ее употребления. На Дальнем Востоке картина является прежде всего предметом: хотя она и располагает только двумя измерениями, тем не менее она обладает объемом, который всегда легко трансформировать. Ее обычная форма — это свиток: элегантность внешнего вида, сам ритм разворачивания свитка являются источником дополнительных радостей. Картину не рассматривают, ее скорее открывают, прежде чем делают доступной для обозрения. Каждый раз произведение как бы рождается заново в результате движения, подобно тому

как керамику осязают пальцы знатока. Это может показаться парадоксальным для иностранца, но в Японии, действительно, живопись и керамика оказываются в большой степени явлениями одного порядка. По-видимому, это относится не ко всякой живописи и не ко всякой керамике, но только к специфической японской живописи: к иллюстрированным свиткам, медленное развертывание которых рассказывает целую историю, и к идеальным строгим керамическим чайным чашкам, которые полагается осторожно поворачивать в руках, чтобы благодаря этим движениям увидеть всю красоту керамики и ощутить всю полноту прикосновения. Они вызывают ни с чем не сравнимое волнение, именно такие переживания стремится вызывать и современное «кинетическое искусство»[1], которое можно сопоставить с японским. Планировка японских интерьеров, которая не допускает, чтобы демонстрировали более двух-трех предметов сразу, еще более усиливает этот динамизм: соответствующие ритму смены времен года, произведения предназначены вызывать воспоминания о течении времени и о вечном круговороте естественного цикла. Концентрация украшения в помещении и даже во всем доме единственным *токонома* требует частой смены живописного произведения. Эти произведения периодически перемещаются — из жилого помещения в *кура*, где хранят семейные реликвии.

Картина, являясь предметом домашнего обихода, может быть и элементом архитектуры. Оживляя раздвигающиеся стенки ширмы, она еще что-то сохраняет от своей первозданной динамики, так как подвижность каждой панели вносит изменение в композицию. И если в Японии не существует разрыва между традиционным и современным искусством, противоречия между предметным и абстрактным искусством, то уязвимое место кроется именно здесь. Можно ли найти место в японском доме для современных громоздких картин, писанных маслом? Как они могут сочетаться с текучестью интерьера? Изначально задуманные для того, чтобы украшать основательные, прочные каменные

[1] «Кинетическое искусство» — термин, который используется для обозначения искусства, произведения которого либо сами находятся в движении, либо создают иллюзию движения; иногда приобретает расширительное значение, общепринятыми и сам термин и искусство становятся в 1950-е гг. и окончательно утвердились со времени выставки в Загребе в 1961 г.

стены, могут ли эти картины приспособиться к легкости пространства и будет ли преодолен разрыв между «декоративным» и «великим» искусством?

Самая древняя из японских буддийских картин изображена на одной из сторон хранилища реликвий, известного под названием Тамамуси, по названию насекомого, надкрылья которого входят в композицию декора. Сцена представляет молодого принца, которому суждено стать Буддой, предлагающего себя в качестве корма для голодных тигров. Этот сюжет, очень популярный в Азии, пришел в Японию вместе с буддизмом. Хотя влияние китайской живописи Шести династий достаточно ощутимо, эта картина обработана оригинально: вытянутость форм и схематичность скал усиливают динамизм произведения, которое представляет разные драматические моменты.

В силу традиции японское искусство сохраняет шанс реализовать как можно успешнее этот сложный синтез, так как на архипелаге искусство еще пронизывает всю повседневную жизнь. Оно остается предметом для поисков и не довольствуется тем, чтобы остаться только приятным времяпрепровождением и тем более чтобы стать уделом замкнутой группы посвященных.

В своих авангардных формах современная японская живопись вдохновляется каллиграфией; ей она обязана, без сомнения, привычкой к абстракции, даже если речь идет о некоторых реалистических произведениях. Почти все современные школы в большей или меньшей степени являются духовными наследницами открытого Хасэгава Сабуро художественного направления и основанного им в 1937 году Общества свободного искусства (*Дзию бидзицу кёкай*). Столь же важное влияние на развитие живописи оказал сюрреализм, пропагандировавшийся еще до войны художником Фукудзава Итиро из Общества художественной культуры (*Бидзицу бунка кёкай*), основанного в 1939 году. После поражения во Второй мировой войне открытие абстрактного искусства затмило все остальные живописные направления, а сюрреализм стал главным образом пессимистическим выражением тоскливого одиночества; что касается кубизма, он не получил в Японии такого распространения, как можно было предполагать после успеха фовизма. Действительно, после нескольких робких дебютов фовизм получил большое развитие под воздействием

Группы — 1930 (1926—1930) и Общества независимого искусства (*Докурицу бидзуцу кёкай*), основанного в 1930 году. Такие художники, как Сатоми Кацудзё, и другие, не принадлежащие к *Докурицу бидзуцу*, такие как Сано Сигэдзиро и Мигуси Сэцуко, в особенности демонстрируют эту тенденцию, которая вбирает в себя различные традиционные течения: работа в цвете от школы Тоса и ямато-э, свобода линий, первостепенная в «живописи образованных людей» (*бундзинга* на японском языке, *вэньжэньхуа* на китайском).

Официальная благосклонность Японии с того времени, когда страна перестала быть закрытой для иностранцев, относилась прежде всего к реалистическому искусству, которым славилась *Ниттэн*, в официальном Салоне. В наши дни реализм приобрел более четкие ориентиры и обратился к общественным проблемам. Но традиционный стиль тем не менее не должен был умереть, так как его существование было стимулировано деятельностью Японской академии художеств (*Нихон бидзусюэн*), реорганизованной в 1914 году.

Укиё-э

Япония наблюдает за авантюрными приключениями современного искусства уже в течение века. Однако, перед тем как страна стала открываться для иностранцев, всякий творческий дух, похоже, покинул искусство живописи, которое превратилось в ремесленничество. Только в нескольких шедеврах живописи сохранялось что-то живое и человеческое.

Уже тогда налицо был упадок повествовательной назидательной «жанровой» живописи, известной под названием *укиё-э* — «изображение бренного мира»; это течение популярного искусства находило свое выражение как в живописи, так и в графике. Этот жанр стремился сохранять традиции чисто японской живописи (*ямато-э*) и вскоре стал вытеснять аристократическую живопись школы Тоса, которую поддерживал двор, равно как и живопись «в китайском стиле» школы Кано, которая пользовалась покровительством самураев. Живопись укиё-э выполнялась на тонкой пористой бумаге или на шелке, обычно более грубом,

чем шелк эпохи классической живописи, что позволяло создавать определенную рельефность поверхности с помощью красок. Последние составляли сущность живописного поиска, как в отношении эффектов перспективы, так и в объемности. Линия демонстрировала гибкость кисти и придавала силуэтам естественный и живой характер. Укиё-э, кажется, берет свое начало в школе Кано в Киото: именно она ввела в моду в конце XVI века росписи ширм, где разыгрывались сцены повседневной жизни и праздники в Киото. Произведения Иваса Матабэи (1578—1650), вдохновленные жанровой живописью, создают вторую составляющую этой школы. Начало живописи укиё-э отмечено деятельностью четырех художников школы Кано. Двое из них никогда не обращались к гравюрам: это Миягава Тёсун (1683—1753) и Нисикава Сукэнобу (1671—1751), который работал по преимуществу как иллюстратор. Его изысканный и совершенствующийся стиль проявлялся первоначально в жанре портрета (красавицы). Два других художника, Хисикава Моронобу (1618—1694) и Окумура Масанобу (1686—1764), как мы увидим, известны главным образом как создатели рисунков для гравюр.

В глазах японцев XIX века гравюра не представляла собой значительного искусства. Именно во Франции гравюры в жанре укиё-э получили невероятную популярность, после того как в 1856 году Феликс Бракмон показал Эдгару Дега произведение Хокусая. В 1868 году Манэ под влиянием японской живописи пишет портрет Эмиля Золя; в 1876 году Моне писал девушек в кимоно на декоративном панно; Ван Гог, наконец, был чрезвычайно увлечен этим неизвестным дотоле искусством и использовал японские образцы.

Гравюра (*ханга*), которая позволяет тиражировать произведение на основе первого листа, представляет собой «средство массовой информации», и ее развитие начиная с середины XVII века по времени точно совпадает с развитием городов, где зарождалась новая форма цивилизации. Конечно, сам способ имел китайское происхождение и был известен уже давно: в Сёсоине хранится дощечка, вырезанная в VII веке, которая предназначалась для того, чтобы наносить рисунок на ткань. В 764 году императрица Кокэн (749—759) приказала вырезать деревянные и медные доски для того, чтобы воспроизвести молитвы и буддийские изображения. Эти резные доски она пожертвовала храмам Нара. Этот эффективный способ продолжали использовать, но только в религиозных целях. Вельможи, для которых создавалось искусство, могли достаточно хорошо оплачивать художников и иллюстраторов свитков; при этом они оценивали в той же мере, что и творчество, качество материалов и презирали дешевизну гравюры. Положение изменилось, когда торговцы и ремесленники, разбогатев, составили средний класс, слишком бедный, чтобы покупать дорогостоящие произведения искусства, но достаточно состоятельный для того, чтобы иметь тягу к некоторой роскоши. Именно они образовывали в собственных интересах настоящий рынок искусства. Именно тогда художник из Эдо Хисикава Моронобу (1618—1694) придумал оригинальную идею — воспроизводить при помощи гравюры рисунки, сюжеты которых взяты из самой жизни, что было присуще традиционной манере японского искусства (*ямато-э*). Он набрасывал свои рисунки в знаменитом квартале наслаждения Ёсивара: образы дорогих гейш, увеселительные компании, далекие от добродетели, актеры зарождающегося театра кабуки — резал проволокой на дощечках из мягкого дерева. Горожанам понравились эти картинки, эти жанровые сценки стали называть *укиё-э рю*, буддийское понятие «бренный мир» (*укиё-э*) тогда часто применялось по отношению к домам свиданий и развлечениям; итак, изображение бренного мира — *укиё-э*. Сюжетов становилось больше, художники начинают воспроизводить и цветы, и птиц, и любые декоративные мотивы, которые нравились заказчикам. Если Моронобу, несмотря на свое влияние, не имел прямых учеников[1], то иначе обстояло дело с его последователем Тории Киёнобу (1664—1729), школа которого, специализировавшаяся на изображении актеров и молодых красавиц, процветает еще и в наши дни.

Первые гравюры были представлены на суд публики в виде отдельных листков и книжечек, которые в эпоху Моронобу изготавливались фальцеванием двойных листков бумаги. Японская гравюра требовала сотрудничества трех художников или ремесленников: художник, гравер, печатник. Первые оттиски выполнялись

[1] Вообще его учеником считается Окумура Масанобу.

в черно-белом (*суми-э* или *суми дзури-э*) сочетании; иногда использовался свинцовый сурик (*тан-э*); но начиная с 1720 года благодаря некоторым усовершенствованиям использовали разнообразные и богатые оттенки: пурпуровым красным цветом (*бени-э*) заменили свинцовый сурик, применяли также желтый, фиолетовый и зеленый цвет, стали добавлять клей в китайскую тушь (этим новшеством были обязаны Окумара Масанобу (1686—1764), что позволяло придавать большую глубину и объемность черному цвету, разграничивающему изображение. Блестящая поверхность напоминала лаки (*уруси-э*).

Первые гравюры, цвета которых устанавливали кистью прямо на дощечке, старались тщательно имитировать картину. Все изменилось с 1743 года, когда практика *бене дзури-э*, которая использовала китайские техники ксилографии, предоставила укиё-э независимость стиля и фактуры. Отныне полученная накатами и последовательными оттисками, ставшими возможными благодаря технике маркировки, гравюра добилась за двадцать лет такой роскоши колорита, что ее сравнивали с парчой (*нисики-э*): десять основных цветов позволяли достичь богатых оттенков и полутонов. Творчество знаменитого Судзуки Харунобу (1725—1770), который увековечил хрупкую привлекательность красавиц (*бидзин*) своей эпохи, стало вершиной расцвета этого жизнерадостного искусства эстампа, предмета — воспоминания о приятных часах, проведенных в приятной компании. Кацукава Сюнсо (1726—1792) и Иппицусай Бунтё (1725—1794), подражавшие технике Харунобу, работавшие в одном направлении (*бутай оги*), создали в 1770 году жанр, вскоре ставший очень популярным, — портреты актеров (*нигао-э*). Новые изменения были внесены позже Китагава Утамаро (1753—1806): он, отказавшись от классического портрета во весь рост, придавал исключительное значение изображению лица[1]. Его открытие тотчас же заимствовал Тёсусай Сяраку (работал в 1794—1795 гг.) и использовал его для изображения мужчин — актеров театра. Хотя искусство граверов-портретистов и достигло тогда своего апогея, постепенно оно стало исчезать. Что касается укиё-э, то самому жанру в целом

[1] Речь идет о гравюрах с крупномасштабным изображением, где лицо занимает почти всю плоскость листа, обычно называемых «большие головы».

было суждено испытать новый взлет. Мода на него опять распространилась, в значительной степени этому способствовали романы. Их полагалось иллюстрировать, так что возникает интерес к поиску новых сюжетов. Любые явления могли стать сюжетом для гравюры, так что и в Японии, несомненно, могли бы согласиться с мыслью Себастьяна Мерсье[1]. Он в то же самое время отметил с досадой в своих «Парижских картинах»: «...в наши дни наблюдается смешное злоупотребление гравюрой» (цит. по: Адемар Ж. *Оригинальная гравюра XVIII века*). Однако среди этой столь быстро оказавшейся банальной продукции появляются два светлых пятна: пейзажи Кацусика Хокусая (1760—1849) и Андо Хиросигэ (1797—1858). К заслугам Хокусая следует отнести то, что он сумел освободить гравюру от изображения узких улочек города и его обитателей, открыв гораздо более широкие горизонты. Вдохновение к нему пришло (что любопытно) в 1798 году при виде пейзажа, выгравированного на меди голландским художником. «Тридцать шесть видов горы Фудзи», а затем «Пятьдесят три станции Токайдо» (1833) Хиросигэ представляют собой вершину японской гравюры. Смелость и нервозность линий, взвешенное неистовство цветов, всегда согласованных с пестрыми контрастами природы, воспевали тысячи видов моря и туманов, мягкость сельской местности и геометрическую правильность красоты горы Фудзи. Этот стиль, вскоре доведенный до совершенства, задохнулся и утратил остроту так же быстро, как и расцвел. С середины XIX века слишком большие тиражи с одной доски, всеобщее снижение вкуса и качества сделали гравюру простой «олеографией». Парадоксально, но именно эти посредственные и манерные произведения, случайно попавшие на Запад, оказали огромное влияние на импрессионизм и все современное искусство.

История гравюры на меди, которая прославила талант Хокусая, более древняя. Гравюры на меди нечасто использовались в эпоху Нара для потребностей буддийской веры, а затем и вовсе исчезли до XVI века. Христианские миссионеры, которые в этот

[1] Мерсье Луи Себастьян (1740—1814) — французский писатель. Книга, сделавшая его знаменитым, — «Картина Парижа» (1781—1789), социально-бытовые и сатирические очерки, — была запрещена Старым режимом. В XVIII веке на русском языке были известны переводы его пьес.

период проповедовали в Японии евангельское учение, привезли с собой относительно большое количество досок на благочестивые сюжеты, как это делали буддийские проповедники в VIII столетии. В 1590 году из Европы был доставлен пресс, что позволило миссионерам Кюсю печатать с досок и обучать технике гравюры. Гравюра в западном стиле была унесена той же бурей, что обрушилась на христианство, и внимание к ней было привлечено вновь только к концу эпохи Эдо, в период, когда снова стал проявляться интерес к «голландским» наукам. Сиба Кокан (1738—1818) изучил у голландцев технику аквафорте, которую он успешно применял. Новое течение зародилось именно тогда, и с тех пор мода потребовала, чтобы офортами украшались обложки книг, переведенных с других языков; стиль этих гравюр (справедливое возвращение) во многом вдохновлялся творчеством Хокусая.

Таким образом, гравюра, популярный жанр, первоначально тяготевший к анекдотам, представляла собой один из последних взлетов (пусть он и оказался коротким) японского искусства, до того как оно стало резко противопоставляться западным произведениям, посланцам другой ментальности, использующим другие методы и другие материалы.

Гравюра составляет только незначительную форму выражения и, отрезанная от своих дальневосточных корней, становится непонятной. Качество ее основывается прежде всего на качестве линии, гравюра не допускает неловкости и ошибки. Эта особенность оказывается совершенно исключительной для всего искусства стран, пользующихся иероглифами: кисть искусно обмакивается в тушь и, в соответствии с тем, какого эффекта желает достичь художник, движется ритмично, мягко и мощно, но она не может ни остановиться, ни возвратиться назад. Если только творчество не полностью отдается на волю случая, художник или каллиграф должен очень точно мысленно представлять цель, к которой он стремится, и обладать достаточной практической сноровкой, чтобы его рука повиновалась приказаниям духа. Успех был возможен только благодаря постоянному обучению с детства, продолжительному опыту, приобретенному в течение длительного времени, и тому, что человек бескорыстно, не мечтая о славе, воспроизводил бесчисленные примеры — те, что представлены в тетрадях, предназначенных для обучения по образцам, созданным художниками или просто найденным в самой природе и окружающем мире.

Живопись в китайском стиле

Если эпоха Эдо и не представляет собой значительный этап в истории японского искусства, в отношении живописи она все же характеризовалась серьезной деятельностью и активностью. Когда в 1644 году Китай оказался под господством маньчжурской династии Цин, то значительное количество китайцев нашло убежище в Японии. Они бежали со своими сокровищами — иллюстрированными книгами и картинами. В последних содержалось много такого, что вызвало в Японии интерес к «живописи образованных людей» и высоко оценило ее; она также называлась «южной живописью» (*нан-хуа* или *нанга*). Этот термин обозначал в Китае живопись любителей, «образованных людей», в противоположность живописи профессионалов, объединенных школами. Менее строго подчиненная правилам композиции, более свободная, более импульсивная во вдохновении и творчестве, живопись «четырех великих мастеров» противостояла в конце эпохи Юань жесткости академических произведений. Эта тенденция усиливалась на протяжении всего периода Мин; прежде чем проникнуть в Японию, она была подкреплена изданием таких образцов, как «Восемь альбомов живописи» (1671, в Японии) или «Большой сад как горчичное семя» (1679, в Китае; 1748, в Японии). Томиока Сэссай (1836—1924), монах дзэн-буддистской секты Сэнгай (1750—1837), Урагами Гиокидо (1745—1820), Ёса Бусон (1716—1783), обессмертивший хайку, Икэно Тайга (1723—1776) продемонстрировали в Японии эту изысканную живопись, столь же интеллектуальную, сколь волнующую, на которой, однако, все-таки лежал определенный отпечаток маньеризма, который всегда ограничивал значительность и доступность этой живописи. Тем не менее ее достоинство состоит в умении подчеркнуть качество хорошего рисунка. Влияние, несомненно связанное с влиянием западной гравюры на меди, должно было повлечь за собой создание натуралистической мастерской живописи,

носившей интимный характер и внимательной к детали. Такэути Сэйхо (1864—1942), ставший знаменитым благодаря тому, что точно воссоздавал самые тонкие линии (*кагаки*) при изображении шерсти животных, донес чуть ли не до наших дней стиль школы Маруяма-сидзё из Киото, основанной в XVIII веке Маруяма Окё (1733—1795). Этот художник воспроизводил в западной манере японские или чужеземные пейзажи, используя перспективу и светотень. К 1760 году в результате зарождаются «оптические изображения» *(мэганэ-э)*, которые имели шумный успех у жителей городов, но составили только короткий эпизод в длительной эволюции японской живописи: дальневосточная традиция, где пространство остается всегда открытым, предлагая простой толчок для воображения, с трудом приспосабливалась к совпадающему построению западных композиций. Изысканный мир аристократов или ученых монахов и блестящее, но неотесанное общество нуворишей выступали против каких-то отдельных моментов, но и те и другие понимали толк в чистоте рисунка, присущей всему Дальнему Востоку. В старом мире Эдо, который начинал приходить в упадок, разные художественные течения отражали в своей манере, блестящей или скромной, несвободной от некоторой красивости, ту борьбу за влияние, которой предавались последние два века художники. Точно так же, как сегодня пересекаются западная манера письма и традиционная японская манера, так и тогда смешивались традиции китайских учителей и вкусы блистательных колористов, которыми всегда были японцы.

Китайская живопись Южного Сонг, которая тогда завоевала в Японии решающие позиции, предполагает одноцветную живопись тушью, которая воспроизводит сюжет в линиях или в существенных объемах, без игры светотени, просто иногда легким усилением тона; ритм письма оказывается важнее, чем форма, набросок существенной детали — человек, согнувшийся под зонтиком, — более говорящим, чем тщательное изображение. Природа составляет главную тему: пейзаж, которому человек придает смысл и предоставляет крупный план. Таковы были существенные характеристики техники растушевки (*суйбоку-га*), продемонстрированной в Китае в XIII веке великими мастерами Лян Каем и Му Ци. Это искусство, пришедшее в Японию

с дзэн-буддистскими монахами, успешно выражало, как они утверждали, внезапное просветление (*дзэнку-дзю*) и удачно сочеталось со стилем мастеров Южного Сонг Ма Юаня и Ся Гуя, работавших в 1190—1230-х годах. Темы крайне упрощались, точно указанные объемы воспроизводились в пустоте, которая широко использовалась, оставляя простор для души. Японцы увлеклись этой живописью тушью (*суми-э*), серая строгость которой предоставляла зрителю заботу о том, чтобы воображать наиболее яркие цвета.

Монах Тенсю Сюбун (начало XV в.) и его прославленный ученик Сэссю Тойо (1420—1506) глубоко внедрили в японское художественное сознание это китайское видение живописи и мира. После нескольких попыток Сэссю сам отправился в Китай и в эту тревожную эпоху японской истории проявил большую настойчивость в реализации своих намерений. Его талант, кажется, вызвал большое восхищение в Китае, странные гористые пейзажи и разломанные скалы глубоко тронули и его самого. Возвратившись на родину, художник постепенно освободился от континентальных образцов и, используя китайские принципы, выразил мягкость чистых изгибов, присущих пейзажам архипелага. Шедевры его зрелого периода, такие как «Пейзажи четырех времен года» или «Пейзаж Ама-но-Хасидатэ», соединяют лиризм и абстракцию, символизм природы и точность трактовки.

Если не судить по внешним признакам, то наследие Сэссю было огромно. Картины в китайском стиле или в стиле Сэссю, увеличенные, чтобы заполнить площадь *фусума*, постепенно утрачивали строгость, но, восстанавливая гармонию, становились все более и более декоративными. Они вдохновляли в течение нескольких веков художников школы Кано Мотонобу (1476—1559), художника сёгунской академии, и явно отразились на творчестве Хасегава Тохаку (1539—1610), который, отталкиваясь от наследия Му Ци, писал с натуры пейзажи, исполненные искреннего чувства.

Может показаться странным, что сёгунская школа Кано, для которой характерны яркие цвета и которая пользуется легкомысленными сюжетами, ставится рядом со сдержанным направлением художников эпохи Сонг. Но достаточно проследить за игрой цвета, изломанностью и устойчивостью линии, чтобы убедиться

в их общности. Заслуга школы Кано состоит в том, что она сумела соединить с китайской абстракцией живопись ярких красок и старинной национальной традиции, живопись в «японском стиле» — *ямато-э.*

Ямато-э

Подлинная школа *ямато-э* использует главным образом минеральные краски, которые, поскольку не растворяются в воде, смешиваются с клеем: голубой цвет ультрамарина *(гундзё)*, окись меди, полученная из малахита (*рокюсё*), сульфат ртути *(сю)*, киноварь (*тан*), желтая охра (*одо*), красная охра (*сюдо*) и гематит *(тайся)*. Интенсивность полученного цвета зависит от тонкости порошка: чем тоньше порошок, тем светлее цвет. Наложенные на плоскость, то есть на основу шелка или бумаги, эти цвета становятся интенсивнее, глубже, усиленные стремлением к идеализму — общей направленностью японских художников, не слишком озабоченных достижением точного сходства. Как и китайская живопись, японская, за исключением отдельных портретов, мало использует тень. Если потребность в этом оказывается настоятельной, то используют прием, который называется *каэригума* и состоит в том, чтобы еще больше высветлить именно светлые фрагменты, вместо того чтобы усилить тень. Наконец, в Японии картина рассматривается как самодостаточный универсум, нечто вроде микрокосмоса, в котором в отдельных случаях все превращается в символ, и никогда не подается как сцена из жизни. В крайнем случае и вопреки своим конкретным чертам японская картина, изображенная на ширме, фусума, может оказаться всего лишь абстрактным пятном.

Это особенно ощущается в произведениях кисти Сотацу (1630) или Огата Корин (1658—1716), брата знаменитого мастера керамики Огата Кэндзан (1663—1743). На золотом или серебряном фоне пейзажи, постройки, люди, деревья и разные растения являются в ирреальном обрамлении, вихри или стилизованные облака отделяют сцены друг от друга. Условность их изображения по контрасту обеспечивает еще большую живость трепетания человеческой или растительной жизни. Тогда же, когда

процветала жанровая живопись, прародительница гравюры (ее вершин достигли Кано Хидэёри, он умер в 1557 году, и Кано Эйтоку, 1543—1590), Сотацу заново открывал сюжеты, характерные для школы *ямато-э*. Официальная школа Тоса при императорском дворе начиная с конца XIV века унаследовала от них всего лишь повторяющееся светлое пятно.

Тоса Мицунобу (1469—1523) возглавлял академию живописи при дворе и в силу этого долго пользовался славой в аристократических кругах. Он работал в жанре светской живописи ямато-э, иллюстрирующей разнообразные стороны повседневной жизни. Это было время расцвета школы ямато-э накануне войн XVI века, которые уничтожили ее вдохновение. Тоса Мицунобу входил также в ведомство сёгуна Асикага. На одной из его картин представлена жизнь семьи самураев — сельскохозяйственных тружеников, этих мелких помещиков, которых реформы диктаторов в конце XVI века заставят выбирать между саблей солдата и сохой земледельца. Только присутствие лошади, ожидающей под своим навесом корм, который несет ей слуга, указывает на непринужденность сцены и относительно высокое положение дома, который выделен сельским, но изысканным растительным фоном.

Золотой век *ямато-э* относится к эпохе Хэйан. Истоки этой школы восходят к китайской живописи эпохи Тан (*кара-э*), о чем свидетельствуют картины на дереве в Хоодо Бёдоина в Удзи, несмотря на то что их пейзажи в значительной степени отражают японскую специфику. Япония предпочитала приятные занимательные сюжеты и использовала небольшое их количество: изображение четырех времен года (*сики-э*), знаменитых местностей (*мэйсо-э*), трудовых процессов, связанных с отдельными месяцами (*цуки-нами-э*); повествования или биографии (*моногатари-э*) покрывали ширмы или экраны с пейзажами (*сэндзуи-бёбу*), листки альбомов (*соси*) и иллюминируемые свитки (*э-маки*).

Благосклонность эзотерического или сентиментального буддизма к живописи в большой степени способствовала тому чудесному расцвету, который узнала живопись в эпоху Хэйан. В самом деле, новая религия нуждалась в огромном количестве изображений, и живопись обязательно включалась в ту совокупность

знаний, которые требовались от монахов. Изображения включали абстрактные композиции (такие, как мандала), портреты основателей учения (*нисэ-э*), сцены умиротворения: Амида, сопровождаемый ангелами и светом, или стоящий перед красным солнцем рая Запада, или, излучая покой, принимающий умерших (*райго*); сюжет нирваны — сияющее тело Будды создает образ просветленной смерти, несмотря на стенания близких родственников, еще не достигших высшей ступени. Подлинная живопись *ямато-э* между тем связана с развитием повествовательной картины. Ее возникновение было связано с тем, что она вставлялась внутрь текста, который иллюстрировался, и только впоследствии она приобретает самостоятельное значение. Эта живопись в том виде, в каком она проявляется, например, в замечательных «Свитках Гэндзи», создавалась для обитателей двора и стремилась выразить многообразие их существования. Цвета, накладываемые на плоскость, тщательно фиксировали четкие очертания рисунка, вначале лишь намеченного (*хикимэ хагибана*), где лица изображались только тонкой черточкой, намекающей на глаза, и простой закорючкой, отмечающей нос. Между тем персонажи, занимающие более низкое положение, с самого начала были представлены более реалистично. Сцены следуют одна за другой, они представлены как увиденные в воздушной перспективе, внутри архитектурных строений имеющей геометрическую форму. Постройки изображены без крыш (*фукунуки ятай*). Сцены располагаются вдоль свитка, каждая из них соответствует тому, что может охватить взгляд; деревья, цветущие или обнаженные, указывают на время года; листва и травы, согнувшиеся под ветром, выражают меланхолию осени.

Наряду с придворной живописью в феминизировавшемся вкусе (*онна-э*) великих романов данной эпохи, фигурирует и более реалистическая школа, представленная «Свитком легенд горы Сиги» (*сигисан энги эмаки*), созданным во второй половине XII столетия. Если желание художника сохранить повествовательный характер живописи и роднит его со «Свитками Гэндзи», то этого нельзя сказать о религиозном духе этого произведения, об иронической мощи изображения, слегка приподнятого, о более светлых красках. Этот свиток тем не менее также являлся произведением профессионального придворного художника, о чем свидетельствует точное воспроизведение обычно скрытых частей дворца. Таким образом, следует говорить скорее не о двух традициях, но о двух стилях. Один, характерный для «Гэндзи», является более интимным, деликатным, этот стиль стремится к тонкому символизму часто ярких красок, богатых даже в том случае, когда используется гризайль. Другой стиль прямо связан с китайским искусством рисунка тушью и талантливо начинает неиссякаемую традицию японского юмористического рисунка.

Этой традиции было суждено снискать особенное благоволение монахов-художников. К их произведениям, например, относятся замечательные «Свитки сатирических изображений животных» (*Тодзугига*), которые приписывались монаху Какую (1053—1140), известному также как Тоба Сёдзё. Свитки хранились в монастыре Кодзандзи, около Киото, одном из наиболее оживленных центров буддийской живописи. Если точный смысл этих карикатур сегодня и утратился и возможны любые варианты их интерпретаций, то их сатирическая природа не вызывает никаких сомнений и помогает лучше понять ту жизнерадостность, которая впоследствии запечатлялась в широко распространенных иллюминированных свитках. Эта жизнерадостность впоследствии обнаруживалась и в жанровой живописи, и, наконец, в гравюрах.

В наши дни юмористический рисунок (*манга*) успешно использует течение, заметное в живописных свитках, которое, соприкасаясь с западным искусством, приобретает новую силу. В начале эпохи Мэйдзи англичанин Чарльз Виргман (1834—1891) познакомил японцев с сатирическим журналом «Японский Панч»; успех этого журнала оказался таким, что выражением «японский Панч» называются все современные карикатуры. С 1905 года произведения Катадзава Какутэна превращают карикатуру в особое средство выражения, высоко оцененное журналистами. Соединились традиция и современность. Остроумие, присущее монахам и ученым прошлого, было поставлено на службу печати.

Между тем монахи, которые, без сомнения, подарили японской живописи шедевры, одухотворенные мощным вдохновением, не ограничивались тем, что позволили своему критическому разуму свободно скитаться. Забота об объединении верующих, беспокойство, присущее столетиям, исполненным страданий,

которыми было отмечено начало эпохи Камакура, зрелище жестокостей голода и войны, повлекли за собой возникновение целого ряда назидательных свитков. Темные глубокие краски, искаженные гримасой лица, истерзанные тела, ненасытное пламя — так представлена впечатляющая чудовищная картина ужасов ада, где мучатся после смерти дурные люди. Как и в тимпанах наших соборов[1], трагедия, разыгрывающаяся на подземных берегах, противопоставляется простой и наивной жизни людей, не ведающих о невидимых драмах, которые разыгрываются по ту сторону бытия умершими, превратившимися в бесплотную тень. Такова тема свитка «Сказания о голодных духах» (*Гаки-соси*, конец XII века): *гаки* (*прета* на санскрите) бродят на границе существования мертвых и живых людей. Бесплотные тени осуждены на голод и жажду до тех пор, пока милостыня, поданная милосердным живым человеком, на время не прекратит их мучений. Они изображены в образах призраков с огромными животами и иссушенными членами, рядом с живыми людьми, не обеспокоенными их страданиями. Свиток «Сказания об аде» *(Дзигоку-соси)* характеризуется еще более прямолинейной назидательностью. Каждая сцена, предваряющаяся текстом, который разъясняет ее значение, изображает казни в восьми основных кругах ада, каждый из которых дополнен еще шестнадцатью (*бессо*) в соответствии с учениями буддизма. Глубокая тьма, в которую погружены сцены, красный сверкающий отблеск пламени, гигантские безобразные силуэты демонов с издевательскими ухмылками или вполне привычные существа — таким оказывается гигантский петух, разрывающий на части истязателей животных, — сумрачный вечный кошмар, нечто вроде контрапункта ужасам земной жизни. Еще более странное впечатление производит свиток «Сказания о болезнях» (*Ямай-но-соси*), длинный безжалостный список недугов и уродств — обязательных условий слишком несовершенного человеческого бытия. Ощущение жестокого демонического начала, которое вызывается этим впечатляющим произведением, напоминает мучительные видения Иеронима Босха, но они были созданы двумя веками раньше Босха на дру-

[1] Речь идет о европейской средневековой традиции изображать в тимпанах над главным входом в собор сюжет Страшного суда.

гом краю света. Однако религия своими прекрасными легендами приносила верующим и утешение. Монастырь Кодзандзи, восстановленный в 1206 году Миоэ-сёнином (1173—1232) (чей портрет, выполненный Энити-бё-Дзёнин, символизирует интимное единение, в котором монах сливается с природой), имел особенно большое значение. Монастыри возобновили традицию, начатую императорским двором; в «Скигисан-энги-эмаки» в изящных линиях нежными красками создается повествование о трогательных мистических приключениях великих патриархов — «Жизнеописание Гисё и Гэнгё, монахов секты Кэгон в Корее» (*Кэгон-сю-соси-эдэн*). Живопись Сонг продолжалась в Японии.

Живопись, поставленная на службу вере, позволила выразить даже идеал синтоизма — редкое явление, которое впоследствии, в эпоху Камакура, уже не наблюдалось. Впечатляющий водопад Нати, например, включенный в картину, оказывался религиозным образом, изображением того бога, который в нем обитал.

> Изображение водопада Нати — единственное в своем роде живописное произведение. Это не изображение пейзажа, а изображение синтоистского божества. В эпоху Хэйан пейзаж захватил религиозную живопись. Райго Хоодо в Бёдоине, например, представляет Амиду посреди очаровательных зеленых холмов, которые можно встретить в окрестностях Киото. В эпоху Камакура эволюция пейзажа завершается тем, что этот жанр становится самостоятельным, независимо от религиозных сюжетов. Пейзаж с водопадом Нати был написан в тот переходный момент в XIV веке. В нем проявился культ силы природы, присущий синтоизму. Золотое солнце, которое появляется за горами, чистая белизна водопада по контрасту с темными скалами и деревья подчеркивают грандиозность явлений природы, которая превосходит мыслительные способности людей.

Другое течение, менее абстрагированное, старалось облагораживать синтоизм; биография Сугавара-но Митидзанэ, которому было посвящено святилище Китано в Киото, вдохновила серию из восьми свитков (*Китано-тэндзин-энги*): написанные в возвышенном стиле, который был характерен для ямато-э в эпоху

самураев, они представляют собой одновременно и художественное произведение, обнаруживающее несомненный драматический талант, и редкий документ.

Религиозная мысль и светская жизнь соединялись в динамичном и образном использовании одного и того же стиля живописи. Кровавые события, символизирующие окончание эпохи Хэйан, запечатлены для потомков на языке жестоких, но изысканных живописных картин, которые иллюстрировали эпические сочинения, созданные в XIII веке. Беспощадно жестокие и героические сражения в повестях «Хогэн-моногатари», «Хэйдзи-моногатари» или предшествующей им «Истории придворного дайнагона Бан» («*Бан дайнагон э-котоба*»), созданной во второй половине XII века, художниками запечатлены на эфемерной бумажной основе. Ужас пожаров, отрубленные головы, катящиеся по земле, придворные дамы, загнанные в колодец, задохнувшиеся от удушья в суетном великолепии своих шелковых одежд, — все это контрастирует со строгим спокойствием свитка «Жизнеописания святого Иппэна» (*Иппэн-сонин-эдэн*, 1299). Все эти произведения передают противоречия мощной и оригинальной цивилизации и дополняют представления о ней. Эта цивилизация была ученицей китайского мира, но не стала его подражательницей.

Величайший период развития японской живописи относится к нескольким векам эпохи Хэйан и Камакура, когда в живописи выработались, а затем установились методы, которые ставили своей целью вызывать в памяти движение, и первоначально оно было напоминанием о прошедшем времени. Затем, по мере того как мастерство становилось все более глубоким, оно благоприятствовало распространению более точного реализма в изображении человека и его тела.

Живописью всегда чрезвычайно интересовались императоры. «Ведомство живописи» (*э-докоро*) было основано при дворе еще до 886 года. Косэ-но Канаока (работал во второй половине IX в.) и его потомки получили известность: они считаются основателями первой настоящей школы японской живописи. Именно в связи с именем Косэ-но Канаока, современника и друга Сугавара-но Митидзанэ, любят рассказывать легенду, широко известный сюжет которой был заимствован у китайцев. Лошадь,

нарисованная художником в Ниннадзи (храм секты Сингон, расположенный на северо-западе Киото), каждую ночь убегала, для того чтобы побродяжничать в окрестностях. Чтобы вновь обратить ее в рисованный образ и сохранить в храме, потребовалось стереть ее глаза. Если возникновение ямато-э, как и всего культурного феномена, остается достаточно сложным для решения задачи, связанной с выявлением ее генезиса, необходимо все-таки отметить, что расцвет живописи ямато-э совпадает по времени с правлением императора Дайго (897—930), который по ложному обвинению изгнал Сугавара-но Митидзанэ в Дадзайфу (901). Именно этот император распорядился составить знаменитое «Собрание старых и новых песен» (*Кокинсю*). В ту эпоху, когда двор в Киото, вдали от континентальных бурь, вырабатывал собственное искусство жить, когда в новой столице создавались резиденции императора и аристократии — больших почитателей искусства, живопись постепенно превратилась в необходимую принадлежность церемоний, соперничающих в великолепии. Для того чтобы отвечать на новые потребности, чтобы декорировать великолепные произведения зодчих и простые деревянные строения, необходимы были уроки, приобретенные на континенте.

Зарождение

Разумеется, с эпохи Нара при дворе появилось «ведомство живописи» (*эдакуми-ноцукаца*), основанное в 702 году; но оно объединяло скорее умелых ремесленников, чем художников. Если эпохе Хэйан предстояло стать золотым веком японской живописи, то в предшествующие столетия ценилась прежде всего пластическая красота скульптуры. Поэтому искусство, связанное с кистью, занимало тогда только второе место. Именно в этот момент Япония изучала приемы и техники, мастерское владение ими впоследствии позволило ей дать волю воображению. Наконец, основание Нара, как и основание Хэйана, способствовало появлению и активному творчеству большого количества художников, которые должны были украшать храмы или жилища. «Богиня плодовитости и красоты» (*Китидзётэн*), хранящаяся в Якусидзи, свидетельствует о декоративном богатстве религиозных

зданий в данную эпоху и сильном влиянии Китая: богиня была нарисована на конопляной бумаге, лицо ее создано эффектной светотенью. Несмотря на нимб и драгоценность (ей придана рельефность с помощью золотой фольги), которую богиня держит в руке, она выглядит как изысканная и очаровательная светская придворная дама эпохи Тан. Китайская манера еще более заметна в картине «Красавица под деревьями» (*Тё-Морюдзё-буобу*), которая первоначально составляла часть ширмы, платье красавицы — аппликация из разноцветных перьев. Исследования позволяют утверждать, что эта картина была выполнена, вероятнее всего, в Японии, однако ее сюжет индийского или иранского происхождения пришел в Японию, несомненно, прямо из Китая эпохи Тан, прическа, платье и цветущая красота этой сияющей женщины тоже говорят о сильном китайском влиянии. В китайской манере исполнены и виртуозные миниатюры на музыкальных инструментах. «Музыканты на спине белого слона» (*Кидзоходзаку-дзу*), нарисованные на коже и покрытые блестящим лаковым слоем, украшают лютню (*бива*). Другие рисунки тушью на конопляной бумаге демонстрируют точную и сильную линию. Содержащиеся в Сёсоине, в хранилище, укрывающем их от гнева небес и от людей, эти чудеса быстро прошедшего времени свидетельствуют о расцвете нового центра цивилизации в Японии, связанном с распространением религии, хотя впоследствии эта цивилизация от нее и отошла.

Буддизм действительно вдохновлял первые произведения изысканного искусства. Старинным образцом живописи, сохранившимся до настоящего времени, является роспись на ковчеге, смонтированном из деревянных лакированных панелей в оправе из ажурной бронзы, которую украшают позолоченные надкрылья жесткокрылого насекомого. Ковчег обычно и называют по имени этого насекомого — *Тамамуси-но-дзуси*. Для росписей в технике масляной живописи использовались четыре цвета — красный, светло-коричневый, желтый и зеленый. Росписи оживляют деревянные, покрытые лаком стенки сценами из жизни Будды. Самая знаменитая, поскольку лучше остальных сохранилась от разрушительного действия времени, иллюстрирует легенду о голодной тигрице. Однажды, когда принц Махасаттва прогуливался по горе, сопровождаемый двумя братьями, он заметил

тигрицу и ее семерых малышей, умирающих от голода. В то время как его братья попытались убежать, принц, охваченный состраданием, сбросил свою одежду и бросился к тиграм, чтобы накормить их своим телом. Если этот сюжет и встречается часто в Центральной Азии, в том числе в Дунь-хуане и Лунмэне в Китае, то в Японии изображение его на Тамамуси приобретает особенно драматическую живость, усиленную вытянутой формой и расположением по уровням. Можно следить за развитием драмы: принц прикрепляет свое одеяние к ветвям дерева, его головокружительный прыжок и, наконец, смерть принца под когтями и клыками хищников.

В Хорюдзи, месте хранения сокровищ этих первых исторических эпох Японии, поразительные стенные росписи, к сожалению, почти полностью уничтожены пожаром в 1949 году. Выполненные минеральными красками на белом покрытии в технике secco[1], они были созданы в конце VII века в изысканном чувственном стиле, характерном для начала эпохи Тан в Китае, когда в религиозной живописи взаимодействовало художественное наследие Центральной Азии и Индии. Летящие ангелы (*апсары*) и бодхисаттвы прославляли буддизм; различные стили религиозной живописи не только сопровождали эволюцию буддизма, но и переплетались с линией развития светской живописи. Ее этапы влияли на развитие разных видов искусства.

Первый из иллюминированных свитков был составлен в VIII веке как иллюстрация к сутре о причинах и следствиях (*Э-ингакё*). Текст, занимающий нижний ряд, сопровождается простыми, тщательно исполненными рисунками, персонажи меняются в стилизованном декоре. Скалы, деревья, река, строения с колоннами, покрытые красным лаком в китайской манере, утрачивают всякую иератическую суровость и оживляются деталями — весеннее цветущее дерево, полет птиц. С этим связано появление у японских художников своеобразного гения. Они могли быть благодарны принцу Сётоку, который в 603 году предоставил официальный статус семьям корейских или китайских художников, которым он поручал оформление храмов. В 588 году

[1] Техника настенной живописи, при которой краски накладываются на сухую штукатурку.

какой-то Хакука, художник, происходивший из Пэкче в Корее, прибыл в Японию с монахами и архитекторами. В 610 году другой монах-художник, Донтё, выходец из Когурё, приехал со своими инструментами и стал обучать японцев технике изготовления пигментов. Рождался новый мир. Грандиозные, украшенные росписями гробницы доисторических воинов, грубые воспроизведения китайских могил или столь же неизысканных гробниц в Корее, остались в прошлом. Минеральные краски, наносившиеся на глиняную основу и использованные в ее составе, неловко выражали уже позабытый символизм. В наши дни вкус к архаике и абстрактным композициям заставил снова обратиться к произведениям железного века, но в глазах новаторов эпохи Асука эти шедевры, без сомнения, больше не имели достоинств.

Часть четвертая

Слово

Глава 12

АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ТЕАТРА

Поиски нового театра, приближенного к потребностям современного общества, были подкреплены созданием в 1911 году Императорского театра. В наши дни эти поиски идут в Японии в разных направлениях. Кто-нибудь мог бы даже утверждать, что они хаотичны, поскольку не всегда удачно сливаются западные и восточные источники. Все виды зрелищных искусств находят официальную поддержку: ежегодно выделяются существенные средства для организации фестивалей искусств. Телевидение и кино возвращают актуальность древнего искусства жеста и интерес к нему. А между тем этот вид искусства, став искусством для всех, утратил иератизм[1]. В Токио, гигантском городе удовольствий, можно посмотреть спектакли на любой вкус: от примитивных, вульгарных зрелищ до возвышенных классических пьес, освобождающих от повседневных суетных забот.

В большинстве случаев современный театр представляет собой странный сплав новых форм и обычая. Кажется, что именно театр с бóльшим трудом переваривает наследие Запада, чем общество, и эта двойственность вдохновляет театр на творческие искания. Весной и осенью, когда происходит смена репертуара, публика предвкушает возможность наблюдать за трактовкой

[1] Иератизм (*греч.* hieratikos — культовый, священный) — обусловленные религиозно-каноническими требованиями торжественная застылость и отвлеченность изображений (человеческие фигуры в строго фронтальных позах, с неподвижным взглядом). Термин обычно применим к искусству Древнего мира и Средневековья.

современных нравов. Диалоги часто слишком растянуты, так как медлительность и затянутость на Дальнем Востоке не считаются недостатком. Сложные декорации, более реалистичные, чем сама природа, противоречат японской эстетике. Кажется, что актеры играют для самих себя, не заботясь о партнерах по сцене, как если бы они имели дерзость подражать актеру театра *кабуки*, достигавшему славы, всю жизнь исполняя одну-единственную роль. Еще более иногда озадачивают зрителя спектакли по пьесам европейских или американских авторов. Тогда меняются не только декорации, но и персонажи. Загримированный, с рыжим париком на голове, украшенный фальшивым носом, актер воплощает образ, далекий от оригинала. Невозможно представить более полного поглощения чужеземным миром, метаморфозу, где экзотика превратилась в искусство.

Весь этот живой и реформаторский облик современного театра по своим истокам — это относится к самым различным его уровням — восходит к «новому театру» (сингэки), который родился в начале XX века. Он отказался, особо не вдаваясь в детали, от традиционного театра, все формы которого, как тогда казалось, погибли вместе с феодализмом. Что касается *симпа* — популярной и модернизованной адаптации театра кабуки, созданной в 1887 году, — он не представлял особого интереса, по мнению молодых интеллигентов, которые собирались под жестким руководством Цубоути Сёё (1859—1935) или объединялись с еще более радикальной реформистской группой Исикава Сандзи (1880–1940). Последний учредил совместно с Осанай Каору (1881—1928) «Свободный театр» (*Дзию гэкидзё*, 1909).

Нового национального репертуара еще не существовало, поэтому каждый реформатор, по крайней мере вначале, был вынужден адаптировать иностранные пьесы. Все должно было создаваться заново. Образовывались новые театральные школы, каждая со своим вкусом и темпераментом. «Малый театр Цукидзи» (*Цукидзи со-гэкидзё*) открылся в 1924 году в Токио, который за год до этого был уничтожен землетрясением. Зарождались различные труппы, объединяясь по внутреннему родству и близости мышления. Общее понимание общественных проблем и явно выраженные антиправительственные настроения создавали им трудности вплоть до конца войны. Одна из наиболее значитель-

ных трупп, *Синкё гикэдан*, вновь собралась в 1947 году вокруг своего руководителя Мураяма Томоёси. Актеры не скрывали своих художественных пристрастий, провозгласив поиск в русле социалистического реализма. «Литературный театр» (*Бунгаку-дза*), основанный в 1938 году Кубота Мантарё, сумел пройти через испытания войны и поражения. Секрет успеха труппы состоял, прежде всего, в литературных достоинствах пьес, которые труппа ставила на сцене. Из этих объединений в настоящее время наиболее активно, возможно, лишь *Хайю-дза*, организованное в 1944 году, которое ставит своей целью создание своеобразной театральной академии разных жанров для самой разной публики, например для молодежи (*Сэйнэн гэкидзё*) или для детей (*Кодомо-но гэкидзё*).

Кабуки

Наряду с многочисленными интересными опытами современного театра, находящегося еще в стадии зарождения, традиционные образы классического театра, отражающие глубину национальной души, высоко ценятся в народе. Возникший не столь давно, театр *кабуки* (буквально «поющий и танцующий театр») сохраняет свою популярность, о чем говорит и его великолепное здание, архитектура которого вдохновлена образом Сёсоина в Наре. Репертуар нового национального театра (*Кокурицу гэкидзё*, 1969) состоит из классических пьес театра кабуки. Старинный же «Театр кабуки» (*Кабуки-дза*), расположенный на пересечении оживленных кварталов Гиндзя и Цукидзи, ставит в основном произведения, рассказывающие об изменениях, происходящих в Японии со времени Реконструкции Мэйдзи. Кабуки, жанр которого в свое время считался простонародным, был реабилитирован в 1887 году, когда император Мэйдзи впервые за всю историю Японии почтил его своим августейшим присутствием. Признание этого театра образованной публикой подтверждало его художественные достоинства.

Уже с давних пор кабуки являлся событием, в котором принимают участие как публика, так и актеры. Большее оживление иногда наблюдается в зале, чем на сцене. До начала и во время

представления, которое может продолжаться шесть часов, по зрительному залу ходят мелкие торговцы, бродячие или нанятые театром, рассказывают всякие новости. Зрители во время представления едят, курят, выпивают и разговаривают. На сцене тот же хаос: частая перемена декораций, появление ассистентов, которые, стараясь быть незаметными, проскальзывают на сцену, чтобы помочь актерам в исполнении нужной мизансцены или одеться; реквизиторы и суфлеры, все в черном, суетятся вокруг главных действующих лиц. Зал и сцена представляют словно единую сценическую площадку. Традиционно она открыта с трех сторон и соединяется с противоположной стеной зала «дорогой цветов» (*ханамити*). Это длинный подиум, будто на показах мод, на который выходят действующие лица и представляются публике, чтобы ей стала понятна роль того или иного персонажа в спектакле, таким образом театр избегает слишком внезапного введения каждого персонажа в ход действия. Общая атмосфера, иллюзия открытого, на глазах у публики рождающегося художественного акта — отличительная, особо привлекательная для зрителя черта театра кабуки. Сам театр, родившийся из ярмарочного балагана, конечно, меняется со временем, но неизменны его яркие цветные декорации.

Поразительная и сложная структура этого театра достигла совершенства, когда Намики Сёдзо (1730—1773), знаменитый драматург Осаки, использовал вращающуюся сцену. Декорации, приготовленные заранее, могли, таким образом, быстро меняться в тот момент, когда зал погружался на мгновение в темноту. К тому же люк (*серидаси*) позволяет сверхъестественным персонажам появляться или исчезать как по волшебству. Таким образом, проблема смены действия оказалась почти полностью решенной. Оставалась только проблема переодевания и замены реквизита, но эту проблему решили не механизмы, а люди. Облаченные в черное, ассистенты молча, словно тени, скользят по сцене среди декораций между одетыми в яркие костюмы актерами. Неизвестно, оптический ли то эффект, привычка или принятые правила, но факт очевиден: никто во время спектакля их не видит и не чувствует себя стесненным их присутствием. Все классические роли кабуки, как женские, так и мужские, исполняются только мужчинами. Однако считается, что создательницей

этого театра была женщина, по имени О-Куни. Ее отец, кузнец, был прикреплен к храму Идзумо, где она сама, вероятно, была жрицей и танцовщицей (*мико*). В старинных магических действах танцу отводилась особая колдовская роль, и О-Куни с какого-то времени была известна благодаря своему таланту исполнительницы ритуальных танцев. В Киото сложился обычай в засушливое время года возводить в русле реки Камо или рядом с храмом Китано подмостки, на которых исполнялся буддистский танец *нэмбуцу-одори*. Первоначально это были простые движения, сопровождаемые псалмодическим повторением имени Будды под ритмические звуки гонга, затем постепенно костюмы и пение начинают приобретать большую значимость. О-Куни и ее муж, самурай без хозяина (*ронин*) Нагоя Сандзабуро, ставший актером *кёгэн*, с которым она встретилась в Киото в 1601 году, заменили представление храмовых танцоров своим ритуальным спектаклем. О-Куни привлекла профессиональных актеров и актрис; сама играла роль мужчины, заткнув саблю за пояс. Известность их вскоре стала такова, что сёгуны приглашали их к себе для представления. Однако слава продлилась недолго. Если сама О-Куни как жрица пользовалась уважением, то ее партнерши происходили исключительно из мира удовольствий. Это не могло не отразиться на исполнении танцев: яркие костюмы, насыщенные драматизмом (а иногда и эротикой) истории, музыка, исполняемая флейтами, барабанами и особенно сямисэном и становившаяся все более чувственной, — все возбуждало зрителей и способствовало возникновению беспорядка. В итоге в 1629 году сёгун Иэмицу запрещает любое присутствие женщин на сцене: отныне женские роли должны были исполняться мужчинами. Но вскоре было запрещено и выступление юношей. Запрет на актрис просуществовал в течение трех веков, и его отменили только в 1907 году под давлением принца Сайондзи, который возвратился с Запада. Появление женщин на сцене окончательно было разрешено несколькими годами позже благодаря основанию в 1911 году Императорского театра, который открыл перед ними свои двери. Но тем не менее и сегодня на сцене классического театра кабуки участие женщин не допускается. Этот театр развивался без их участия.

Театр кабуки — это прежде всего театр формы, представления, это мир позы, жеста, но не активного действия, — хотя там

много и движения и действие не прерывается для того, чтобы дать зрителю возможность восхищаться какой-либо мизансценой. Едва ли будет преувеличением утверждать, что пьесы театра кабуки — это театрализованная живопись, в сюжете которой физическое напряжение персонажа должно вызывать восхищение, подчеркивать и продлевать эффект текста. Словно ожившие статуи в красочной феерии декораций и костюмах, актеры позволяют вовлекать себя в ритм музыки, проговаривая хотя и вторичный здесь, но необходимый текст, также подчиненный ритму.

Амплуа (*яку-гара*) театра кабуки достаточно ограничены: молодой человек, старик, бедняк, богач, хороший человек, дурной человек. Все классифицированы и делятся на персонажей мужских (*татэ-яку*) и женских (*онна-гата* или *ояма*). Амплуа *татэ-яку* — мужчина, как правило, красивый, смелый, исполненный мудрости и знаний, славный герой, умеющий увлечь толпу. Его антагонист — *катаки-яку*, всегда злодей, иногда даже преступник (*дзицу-аку*), заговорщик (*кугэ-аку*), шут (*хан-до-катаку*). Его соперником иногда становится *вакасю-гата* — красивый молодой человек, слащавый и воинственный. Наконец, амплуа *оядзи-гата* — старик, обремененный летами и опытом. Чтобы усиливать переживание некоторых печальных сцен, появляются дети (*ко-яку*), для снятия слишком большого напряжения драматического действия — клоуны (*докэ-гата*, или фамильярно — *саммаймэ*).

Женские персонажи занимают столь же важное место и, как считают знатоки, являются наиболее характерными и интересными образами этого театра. Понятно, что, поскольку эти роли исполняют мужчины, от актера требуется большой талант. Речь идет не только о лицедейских способностях актера к перемене образа, но и о способности передавать психологические реакции существа другого пола. Он должен уметь изображать изящество, ум и красоту — три черты, которые составляют суть женских персонажей театра кабуки и обязательные, как и для гейши. Перевоплощение бывает настолько глубоким, что актер порой идентифицирует себя с собственным творением не только на сцене. Все женские амплуа подробно раскрывают образ совершенной японки: супруга самурая (*онна-будо*), добродетельная женщина из купеческого сословия (*сэва-ниобо*).

Качество игры актеров, — которая иногда кажется немного монотонной, — основано на выдающемся исполнении, именно характер исполнения и породил типичные для театра амплуа. Первоначально их было всего несколько, позднее их становится больше, вследствие того что возникла определенная монополия на роли из-за привычки актеров в целом не затруднять себя, приспосабливая к себе образ персонажа, уже разработанный товарищем. Мимика, голосовые модуляции, жесты все более оттачивались, образовались традиционные канонические приемы для каждого амплуа. Они позволяли оценить талант, подобно тому как оцениваются трудности партитуры. Таким образом, различия в манере исполнения той или иной роли увеличили традиционный набор персонажей, их оказалось около сорока, и в результате репертуар театра кабуки стал более разнообразным.

Лучшими спектаклями театра кабуки остаются те, что следуют богатым театральным традициям, которые предшествовали кабуки: *дэндэн-моно* (или *марухон-моно*) — театр кукол, *но-тори-моно* — темы театра *Но* или фарсов — *кёгэн*. Интерес к традициям разных театров, их творческая переработка побуждали театр кабуки к созданию собственных жанров. В исторические пьесах (*дзидай-моно*) рассказывается о жизни благородных воинов, их возвышенных подвигах в далекие времена; повествование может быть связано с событиями современной жизни, но перемещенной в глубокую древность — чтобы избежать вмешательства цензуры. Пьесы основаны на драматических конфликтах, благодатных для актерской игры; эти сюжеты связаны с вассальным и семейным долгом и долгом дружбы, которые противостоят друг другу. Пьесы *ойё-моно* посвящены трагическим историям из жизни знаменитых людей прошлого или родовым столкновениям между домами вельмож. *Сэва-моно* посвящены трагическим историям о любви и долге на фоне городского быта среднего класса. В зависимости от стиля игры — иератический или реалистический — пьеса могла играться как историческая (*дзидай-сэва*) или как современная (*ки-дзэва*). *Ки-дзэва* представляют также повседневную жизнь в эпоху Эдо — со временем появился большой интерес к историям о привидениях (*кайдан-моно*) или из жизни разбойников (*сиранами-моно*).

После Реконструкции Мэйдзи эти темы были переделаны и повлияли на создание нового репертуара — эти пьесы были реалистическими. Пьесы *кацу-рэки-моно* пытались придавать историям о старине бóльшую историческую достоверность; *дзангири-моно* показывали изменения, происходящие в повседневной жизни под влиянием знакомства с Западом. Эти пьесы — интересные свидетельства об эпохе.

В спектакле театра кабуки есть определенный канонический сюжет и точно установленные сцены. Они должны произвести впечатление определенной силы, исключающее полутона, которые мало соответствуют искусству, созданному для того, чтобы быть увиденным издалека. Любовная сцена (*нурэба*) становится откровенно эротической, и героиня в такой сцене обычно более агрессивна, чем мужчина. В мещанской драме сцена разрыва (*энкири*) между двумя любовниками обычно заканчивается убийством героини, которую подозревают в измене, хотя по сюжету она, в силу величия своей души, пыталась спасти честь своего любовника и принесла себя в жертву ради него. Несчастный убийца, естественно, слишком поздно обнаруживает подлинные намерения своей возлюбленной. Сцена разрыва превращается, следовательно, в сцену убийства (*короси-ба*). В исторической же драме подобная сцена ставит своей целью не столько дать развязку сентиментальной драме, сколько завершить мщение. Стремление к реализму оборачивается большим количеством искусственной крови (*хинори* — «красная паста»). Столь же драматичны сцены терзаемой невинности (*сэмэба*): недостойно и лживо оклеветанные красивый молодой человек или красивая молодая женщина сражаются насмерть, или же их бросают на растерзание змеям, чтобы наказать за преступление, которого они не совершали. Некоторые из этих сцен очень жестоки. Тема расставания (*сутанба*) исполнена стенаний, слез, воспоминаний, исповедей. В сценах возвращения к прошлому в кратком эпизоде (*моногатари*) рассказывается о каком-то событии, чтобы был понятен сюжет, но в дальнейшем эта линия не развивается. Одна из форм *моногатари* выводит на сцену вестника, как в греческой трагедии: запыхавшись, он появляется для того, чтобы сообщить главному персонажу о каком-то событии, например о ходе сражения, и немедленно убегает.

Этот театр, установления которого зафиксировались постепенно именно таким образом, допускает некоторые изменения классического канона. Неуязвимый для колдовской силы герой (*арагото*) был создан Исикава Дандзюро (1660—1704) в годы Гэнроку (1688—1703): с густо загримированным лицом и нанесенными поверх грима красными, голубыми и черными линиями, он носит странный костюм и необычайно большой меч. В годы Гэнроку появляется роль женоподобного персонажа (*вагото*) вроде травести, созданная Саката Тёдзюро (1645—1709) из Осаки. Варианты актерской игры разнообразили спектакль: в театре марионеток были заимствованы неритмичные движения актеров (*нимнего-бури*) или застывшие позы в особо драматической сцене, назначение которых сконцентрировать внимание в середине или в конце оживленной сцены; сцены сражения (*тати мавари*) включают эпизоды (*матэ*) с танцами; как в китайском классическом театре, иногда главные действующие лица драмы безуспешно разыскивают друг друга в темноте ночи (*даммари*); сценические эффекты, фантастические появления (*сикаки-моно, кэрен*), внезапные изменения в костюме (*хайягавари*) способствуют тому, чтобы в очень условной атмосфере возрастало ощущение ирреальности.

Костюмы кабуки первоначально представляли собой обычную одежду, принятую в повседневной жизни. В эпоху Эдо актеры должны были лично отвечать за них, как в финансовом отношении — они брали на себя все расходы, — так и с точки зрения художественности. Вполне естественно, что они щедро расходовали деньги, для того чтобы добиться значительного результата. Так появляется мода, люди начинают подражать вкусу служителей театра. Сегодня костюм является составной частью роли, так как театр кабуки с 1868 года превратился в своего рода историческую достопримечательность, свидетельство завершившейся эпохи, всегда высоко ценимое.

Костюм актера не был бы полным без парика: иногда это просто копия обычной прически, которую носили в прошлом, иногда парик как узнаваемая черта персонажа принимает экстравагантный вид при движении головы актера. Гримом либо просто подчеркивается характер персонажа, либо создаются особые выразительные штрихи с использованием цветной раскраски,

которая иногда режет глаз. *Кумадори* — совокупность цветных линий, оттенки и зигзаги которых придавали замечательному сверхъестественному герою Исикава Дандзюро исключительное выражение; эта манера гримироваться была заимствована у актеров китайского театра: красный цвет подчеркивал страстное, открытое и мужественное сердце, голубой цвет указывал на злое начало или сверхъестественную природу существа, которого следовало опасаться.

Расцвет театра кабуки относится к концу XVII века, в начале XVIII столетия можно говорить о начале упадка, упадок можно объяснить популярностью в то время театра кукол (*дзёрури*). Золотой век кабуки начался около 1740 года, когда совершенствование технических приемов и актерского мастерства позволило ему освободиться от подражания пластике кукольных движений, которой он долго увлекался, не утрачивая тем не менее своей первоначальной простонародности. Сакурада Дзисукэ (1735—1806) обеспечил ему хороший репертуар из исторических пьес, а Намики Гохэй (1747—1808) представил этот театр, возникший в Осаке, в Эдо и заставил его там полюбить. Намики Гохэй навсегда получил признание и известность как сочинитель пьес о разбойниках, после того как он представил историю о жизни знаменитого Исикава Гоэмона (1596—1632) и его гибели в котле с кипящим маслом. Популярность этих историй нашла отражение в повседневной жизни. Еще и сегодня в сельской местности существуют чугунные чаны для купания, с круглым основанием, которые ставят прямо на огонь. В память о легендарном разбойнике их называют «купель Гоэмона» (*гоэмонбуро*), поскольку намек на это событие возникает всякий раз, когда рассеянный купальщик случайно обжигается о разогретый металл или слишком горячей водой.

Важный элемент театра кабуки — музыка, которая служит основой для драмы с танцами (*дэгатари* или *дэбаяси* в соответствии с жанром) или является контрапунктом в драме с диалогами (*гэза-онгаку*). Главным инструментом здесь является *сямисэн*, струнный инструмент, нечто вроде мандолины с меланхоличным звуком. Флейта и ударные инструменты сопровождают пение, подчеркивают повороты действия и воссоздают звуки природы — ветер, дождь, глухой шум потока.

Дзёрури

Театр кабуки, хорошо технически оснащенный с XVIII века, возник как попытка представить в исполнении живых актеров пьесы, которые исполнялись куклами. Но театр кукол не исчез. И сегодня театр *бунгаку-дза*, созданный в Осака в конце XVIII столетия, дает традиционные представления по временам года, воплощенные волшебными марионетками. Подвижные куклы появились в Японии, вероятно, в начале X века, проникнув из Центральной Азии. Ими зарабатывали на жизнь нищие (*кугуцу*), которые группами бродили по архипелагу. Мужчины, добывая пропитание охотой, а женщины — торгуя своей привлекательностью, извлекали некоторую выгоду от своего передвижного театра: мужчины манипулировали куклами, женщины танцевали и пели. Впоследствии эти компании перешли на оседлый образ жизни, так как их талант начали использовать храмы. Театр марионеток стал служить религии — так куклы могли обеспечивать существование и выгоду для людей. Кукольники шли от деревни к деревне с коробкой на шее: в коробке хранились куклы, а сама она использовалась в качестве сцены.

Театр марионеток, такой, каким он является сегодня, родился из синтеза грубоватого действа и нового жанра популярных лирических народных песен. Эти длинные протяжные песни с грустными словами первоначально распевались в сопровождении сямисэна. Их называли *дзёрури*, от названия песни, которая определила успех жанра и рассказывала о любви красавицы Дзёрури и молодого вельможи Ёсицунэ. Приблизительно через сорок лет после ее появления, в первой половине XVII века, исполнение этих баллад стало сопровождаться кукольным действием, так и возник замечательный театр марионеток *дзёрури*. Не только в больших городах Осака, Киото, Эдо, но вскоре и в каждом городе процветала собственная школа дзёрури, разделяясь на соперничающие группы. Изменения начались благодаря Такэмото Гидай (1651—1714): замечательный певец дзёрури, он закладывает теоретические основы нового жанра и основывает *гидаю-буси* — отныне официальную форму театра марионеток, в которой объединятся главные качества множества школ. Предопределенный судьбой союз драматургии Такэмото и поэтического таланта

Тикамацу Мондзаэмона поднял старый театр дзёрури до уровня высокого искусства, которое повлияло и на японскую литературу, и на специфически японский способ переживать и выражать чувства.

Тикамацу Мондзаэмон (1653—1724) родился в знатной семье воинов и в возрасте девятнадцати лет поступил на службу к высокопоставленному лицу при дворе в Киото. Но он испытывал тайную страсть к театру, так что спустя десяток лет стал писать пьесы для одного из театров кабуки в императорской столице. Между тем фантазии актеров, свободно изменяющих оригинальный текст, так же как неискоренимая вульгарность жанра, который еще не достиг расцвета, оказались причиной того, что Мондзаэмон постепенно отдалялся от *кабуки*, и когда познакомился с *дзёрури*, то получил еще более основательную причину для разрыва. Он сочинил несколько длинных грустных песен в народном духе и послал их Такэмото Гидай. Замечательные произведения Мондзаэмона положили начало одному из прекрасных явлений японского лирического искусства. Театр марионеток требовал настоящей поэзии, так как, по замечательному выражению Поля Клоделя, «марионетка не актер, который говорит, но слово, которое действует»[1]. Голос и душа певца вместе создают персонаж, который существует только через слово, и оно лишь потом воплощается в зрительном образе при помощи кукол. Найдя, таким образом, свой путь, Тикамацу, увлеченный военными сюжетами, множество которых было известно его самурайской семье, обратился к написанию исторических драм. Обосновавшись в Осаке в 1690 году, он стал свидетелем конфликтов, нередких в таком развитом городе. Сущность конфликтов заключалась в противостоянии личности своему социальному окружению, которое уже не соответствовало новым веяниям времени. Интриги внутри знатных феодальных семейств, драмы возлюбленных, которым закон запрещал вступать в брак, истории из жизни купцов Осаки питали глубокие размышления автора о своей эпохе. Так родилась драма нравов. На протяжении всей своей жизни Тикамацу будет писать исторические пьесы, такие как

[1] Клодель Поль (1868—1955) — французский писатель, автор ряда пьес (например, «Золотая голова») и поэтических сборников.

«Сражения Коксинга» — полупирата-полурыцаря, сторонника восстановления в Китае династии Мин, — и трагедии непереносимых страстей, единственным выходом из которых оказывается совместная смерть.

Прощай, о мир, прощай, о ночь.
С кем можно нас сравнить,
тех, кто вступил на смертный путь?
В белом тумане мы исчезаем,
с каждым шагом вперед по дороге,
ведущей к кладбищу:
мечта из сна полна страданий.
Ах, сосчитали ль вы удары колокола?
Ведь из семи ударов,
что отделяют нас от утренней звезды,
шесть прозвучали.
И тот, что нам остался, дабы слушать,
последним эхом будет,
что мы услышим в этой жизни.
А в эхе повторит он,
что счастье в самоуничтоженье;
простимся ж с колоколом, а заодно и со травой, —
и взглянем на нее в последний раз, —
с деревьями и с небом;
плывущим облакам и дела нет до нас,
Большая Медведица, что отражается в воде,
блистает; и Ткачиха с Волопасом снова
соединились на мосту Небесном.

(Тикамацу Мондзаэмон.
Самоубийство в Санэдзаки)[1]

Тикамацу, разумеется, величайший японский драматург, и благодаря его таланту поэзия, которая распевается речитативом, или проза, представляющая диалог, который произносился от имени марионетки, оказались плодотворным источником всей последующей драматической литературы. Непосредственные

[1] Перевод с франц. И. Эльфонд.

ученики Тикамацу, хотя и наделенные воображением и вдохновением не столь мощным, как талант их наставника, способствовали, однако, созданию превосходного репертуара для театра марионеток, который незамедлительно был заимствован театром кабуки. Такэда Идзумо (1691—1756) поместил, таким образом, в репертуар дзёрури историю знаменитого мщения сорока семи верных ронинов (*Канадэнон тюсингура*), Тикамацу Хандзи (1725—1783) обрабатывал сюжеты, взятые из жизни горожан, что принесло ему большой успех в Эдо.

После смерти великого Тикамацу стало придаваться большее значение сценической игре; это произошло как раз в то время, когда театр марионеток стал представлять действительно законченные спектакли. Постепенно куклы приобрели большую подвижность, большую гибкость, кроме того, элементы — глаза, брови, пальцы — начали двигаться независимо. В 1734 году Ёсида Бундзабуро усилил выразительность игры, изобретя новую технику манипуляции, которая требовала трех кукловодов для каждой марионетки: главный, стоявший в сандалиях на высокой деревянной подошве, приводил в движение голову, верхнюю часть туловища и правую руку куклы; один из его помощников направлял левую руку, другой — ноги. Поскольку кукловоды вынуждены были стоять на сцене, они были одеты в черное и носили маски, чтобы показать, что их, собственно, нет на сцене. Костюмы кукол — такие вскоре будут использоваться в театре кабуки — имели в игре марионеток особое значение: движения, в особенности движения длинных рукавов, выражали чувства персонажей. Певцы (*таю*), в исполнении которых, собственно, и выражалась душа драмы, принадлежали к двум школам, имена которых стали нарицательными, стали частью их псевдонимов — *такэмото* и *таётакэ*. Певец, которому аккомпанировал музыкант, играющий на сямисэне, стоял на платформе в правой части сцены. Марионетки и кукловоды двигались в середине сложной системы экранов и плоскостей, лишь намекающих на декорации, в которых происходило действие.

Театры марионеток и кабуки — порождение городской цивилизации эпохи Эдо: этот фактор, без сомнения, определял их успех, который сохраняется и в современном обществе.

Но

Совершенно иначе складывалась судьба театра *Но*, который образовался и достиг расцвета в период максимальной феодальной раздробленности. Знать предоставляла ему свои сюжеты и составляла его публику. Если *Но* и занимает особое место в японской цивилизации, причины этого заключаются в его пластике и славе его репертуара. Он взял самое лучшее в литературе, которая достигла своих вершин и выражала глубокие человеческие переживания. Театр *Но* происходил из пантомим, которые исполнялись во время больших праздников придворными в эпоху Хэйан (*кидзоку-саругаку*), потому он сохраняет иератическую медлительность, цветистую пышность и простонародность своих истоков. Театр *Но* имеет только двух главных актеров: «исполнитель» (*ситэ*), который является певцом и танцором и ведет действие драмы, и «помощник» (*ваки*), который подает ему реплики или, противостоя ему, начинает действие. Другие персонажи сопровождают главных действующих лиц: у *ситэ* обычно один спутник — *ситэ-дзурэ* и у *ваки* один или два — *ваки-дзурэ*. Между ритмическим речитативом и пением актеры исполняют медленные танцы, которые, несомненно, имеют символическое значение. Танцы занимают много места, хор и оркестр своей рецитацией (*дзи-утай*) комментируют события на сцене.

Актер театра *Но* становится человеком-символом. Его костюм сам по себе является произведением искусства, соответствующим образцам XVI века. *Ситэ* носит деревянную маску, покрытую лаком (*омотэ*), черты и выражение которой передают сущность персонажа и характер пьесы. Существует более сотни этих масок, от маски спокойно улыбающейся девушки до искаженного гримасой лица страдающего призрака. Скрывающийся за той или иной постоянной маской, которая воплощает сущность его характера, *ситэ* выражает свои переживания и реакции в движении (*ката*), которое он детализирует в своей индивидуальной манере в соответствии с установленными правилами и условностями. Из этих движений рождается танец (*но-май*), почти статичный, но исполненный внутреннего напряжения. Почти неподвижная поза, медленное движение рук, чуть поднятая голова

для выражения сильных эмоций, ноги в белых носках скользят по гладкому деревянному полу сцены: один шаг назад обозначает разочарование или грусть, два шага вперед — волнение, возбуждение. Сложный ритм танца складывается из контрапункта движения и меняющегося темпа музыкального сопровождения.

Пьесы театра *Но* имеют несколько определенных сюжетов. Истории богов почерпнуты (*ками-моно*) из мифологических сказаний, легенды об основании храмов. В них повествуется о деяниях какого-то божества, красочные балеты — торжественные танцы молодого величественного бога (*ками-май*); дергающиеся движения бога-дракона (*хатараки*); придворный танец (*гаку*), исполняемый богом в облике грозного старого демона; изысканный *син-но-ё-но-май*, исполняемый престарелым богом, или *тю-но-май* привлекательной богини.

«Пьесы о людях» (*отоко-моно*) или «пьесы Асуры» (*сура-моно*) рассказывают о том или ином сражении: «путь Асуры» ведет воинов в ад; там духи древних героев, утомленные непрекращающейся борьбой, в которую их вовлекают собственные страсти, умоляют священников о спасительных молитвах. Они в общем-то представляют собой повествование о победе, смерти молодого принца, безжалостно убитого в бою или о трагической кончине старого воителя.

Вот каким образом изъяснялся дух Киоцунэ:

Тогда, взяв лодку, я удалился от берега без цели,
сердце исполнилось великой печали.
И в самом деле истинно, что превратности этóго мира
всего лишь сны после мечты.
Подобно цветам весны Хёгэн,
красные листья кленов осени Юэй
развеялись и поплыли по морю.
Одинокая лодка ветром, что свистит на берегу,
отбрасывается в море,
словно торжествующим врагом.
Это сборище цапель в соснах...
Не знамена ли то бесчисленных Минамото
полощутся на ветру?

При мысли этой храбрость я утратил.
О горе!
После всего бренное тело, подобно розе, должно исчезнуть,
мимолетная фигура уносится волнами,
подобно летящей былинке.
О, чтобы больше не страдать от безграничного отчаяния,
я решаю покончить с собой
и броситься в море!
Не стану говорить: есть сосны в Ивасиро, —
просто наклонюсь вперед
и выну флейту из-за пояса.
Я сыграю чистую песню, я спою *имаё*, сочиню *рёэй!*
Прошлое, будущее предстают пред взором моим;
раньше или позже придется все кончить под легкой волной.
Прошедшее не вернуть. Время не остановишь,
сломана воля моя.
Я ничего не вижу в этой жизни,
лишь странствие, о чем не стоит и жалеть.
Для мира я — безумец, скажет кто-то,
другим же все равно.
Взгляд на луну, что в ночи спускается к западу!
В путь! Я буду ее сопровождать!
Хвала Амиде Будде! О Татагата Амида!
О, удостой меня принять! И с этим
молением последним я брошусь с лодки в волны,
которые уходят!
О скорбь!
Мой бедный труп погрузится среди других останков
в глубины моря.

(Дзэами. *Киоцунэ*)[1]

В «женских пьесах» (*онна-моно* или *кадзура-моно* — само название происходит от прически актеров, играющих женские роли) героиня может быть девушкой, богиней, изящно танцующим духом, привидением или старой женщиной, воскрешающей в памяти давно прошедшие времена. В других пьесах сюжетом

[1] Перевод с франц. И. Эльфонд.

избиралось сумасшествие (*курии-моно*) или действия призраков, требующих мщения (*онрио-моно*). Напротив, в «пьесах о современности» (*гэндзай-моно*) на сцену выводились персонажи с драматической судьбой. Люди эти обитали в мире живых, что исключало эпическую или лирическую трактовку сюжета (которая ценилась выше всего). Наконец, динамичные истории о демонах (*они-моно* или *фэйри-но-моно*) рассказывают о жестоких, нарушающих покой духах.

Традиционное представление театра *Но* включает пять сменяющих друг друга пьес, каждая из них должна была соответствовать одному из перечисленных типов и писалась на разные традиционные сюжеты. Во время праздников, например на Новый год, по поводу торжественного открытия нового сооружения или другого торжества ставился хореографический пролог; в прошлом это было молитвой о мире, процветании или богатом урожае на языке танца, он воспроизводил символику благосостояния, пришедшую из глубины веков и точное значение которой сегодня позабыто (*окина*). Между каждой постановкой *Но*, для того чтобы разряжать атмосферу, напряжение которой нарастало, вставлялась короткая комедия, часто почти фарс (*кёгэн*). Речь идет о веселых пародиях на театр *Но*, написанных на разговорном языке эпохи, которые безжалостно осмеивают и театр, и персонажей, которых он выводит на сцену, — вельмож, суровых воинов, священников. Кёгэн противопоставлял аристократическому и символическому театру *Но* народное видение вещей и успешно выражал низменное начало. Маски кёгэн, использовавшиеся гораздо реже, чем в театре *Но*, являют примеры чудесных карикатур.

Все актеры, певцы и музыканты театра *Но* только мужчины. С детства они распределялись по группам, в зависимости от исполняемой роли; неписаный закон гласил, что каждый актер обязан исполнять роль только своего амплуа.

В спектаклях и фарсах символически использовались в качестве реквизита лишь несколько предметов. Спектакли исполнялись на гладком деревянном возвышении сцены, каждая из четырех ее сторон имеет в длину пять метров сорок сантиметров. На заднем плане (*кодза*) располагаются оркестранты, хор размещается справа, в узкой галерее. Два задника прикрывают заднюю часть сцены: правый украшен ветвями бамбука, на задней

стенке в глубине изображена большая раскидистая сосна. От *кодза* наискось к левой стороне отходит галерея шириной один метр восемьдесят сантиметров. Но ее длина зависит от общего расположения сценической площадки.

Галерея ведет к кулисам, скрытым за разноцветным занавесом, из-за которого медленно, мерным шагом выходят актеры. Сцену накрывает опирающаяся на четыре квадратные опоры кровля, как в буддийских храмах. Таким образом, даже сама театральная постройка говорит о том, что происхождение театра *Но* связано с религией.

Театр *Но* действительно происходит из многих источников, религиозных и светских. В эпоху Хэйан, чтобы развлекать толпу верующих, в синтоистских святилищах представляли пантомимы, окрашенные некоторой вульгарностью, которые назывались «народными комедиями» (*сэммин-саругаку*). Пьесы, исполнявшиеся прямо перед буддийскими храмами, были назидательными: здесь бонзы сами исполняли магические танцы, мимические сценки, заклинания, предназначенные для изгнания демонов, а также для того, чтобы верующие лучше понимали смысл молитв и ритуалов. Рядовые исполнители «танцев и музыки полей» (*дэнгаку*) воспроизводили их на сельских праздниках на лоне природы. В эпоху Камакура стали представлять исторические драмы, которые в особенности были любимы японскими феодалами. Как и владельцы замков на Западе, они охотно привлекали труппы для того, чтобы поднимать интерес к праздникам, которые они устраивали, и придавать им больший блеск. При больших храмах актеры организовывались в труппы (*дза*). Среди четырех главных трупп в провинции Ямато Юсикидза (известная позже как *Кандзе-дза*), принадлежащая храму Касуга в Нара, стала наиболее знаменитой. В ней раскрылся талант Канъами Киёцугу (1333—1384), одного из создателей этого удивительного синтетического театра. *Дзёмио* — размеренное пение буддистских псалмов, медленные движения *сирабиоси* — профессиональных танцовщиц — в ритме песнопений, роскошные костюмы *эннэнмаи*, танцы монахов больших храмов Нара или Киото с фольклорными элементами (*кусэмай*) — все это, так же как и традиции *саругаку* и *дэнгаку*, постепенно сплавлялось воедино в театре *Но*. Слава к театру пришла в 1374 году, когда Канъами Киёцугу, которому помогал

его сын Мотокиё, сыграл перед сёгуном Асикага Ёсимицу, которому настолько понравилось представление, что он принял труппу на службу. Отныне театр *Но* был допущен в высокие сферы столичной культуры и приобрел глубину и блеск, присущие рафинированной цивилизации. Талант сына, Дзэами Мотокиё (1364—1443), должен был довести до совершенства искусство, у истоков которого стоял отец. Мотокиё написал более ста пьес *Но* и важные теоретические труды о «секретах традиции *Но*», связывая с театром принцип *югэн*, вдохновлявший литературу с эпохи Камакура. Так вырабатывался сложнейший язык жестов, для понимания которого требовалась эмоциональная и интеллектуальная общность автора, актеров и зрителей.

После смерти Дзэами театр *Но* процветал благодаря замечательной труппе *Кандзэ-дза* и талантливости других трупп провинции Ямато. Именно в то время были основаны школы Компару, Конгё и Хоссо, которые существуют и в наши дни в формах, дошедших с XV века, различаясь некоторыми деталями. Новые школы театра *Но* стали очень популярны в разных классах общества. Однако так не могло долго продолжаться, так как с эпохи Эдо театр *Но* превратился в искусство, предназначавшееся для класса самураев. Вследствие этого народные формы театра, кабуки и театр марионеток, стали более популярны и жизнеспособны.

Театр *Но* принял свою современную форму, полную условности и церемониальности, в эру Гэнроку. Именно в этот момент была создана пятая школа *Но* — Кита. Официальная отмена военного сословия в эпоху Мэйдзи, так же как мимолетная мода на пренебрежение национальными традициями, заставили забыть о красоте этого театра, от него отвернулась публика, которая, поощряемая правительством, ориентировалась на Запад. Любопытно, что как раз американец, знаменитый генерал Грант, герой войны между Севером и Югом, оказавшись в Японии проездом в 1879 году, был поражен великолепием театра *Но* и высказал свое мнение. Так японцы снова открыли для себя театр *Но*. Начинался новый путь к славе. Позже Мисима Юкио, как Кокто[1], вынужден

[1] Кокто Жан (1889—1963) — выдающийся французский писатель и деятель культуры, известен как драматург, актер и кинорежиссер, рисовальщик и живописец. Вдохновитель многих художественных начинаний эпохи.

был приложить усилия для того, чтобы приспособить к современному миру главные сюжеты традиционных пьес.

Три формы классического театра — *Но*, *дзёрури* и *кабуки*, столь различные и противоречивые по своей природе и художественным средствам, обладают общей чертой — постоянно излучаемой энергией в понимании того, что их сюжеты говорят, связывая прошлое и настоящее, о духовной преемственности жизни как в потустороннем, так и в нашем мире. Все происходит так, как если бы японский театр в целом сохранил воспоминание о священных плясках, которые вплоть до XIV века заменяли театральное представление.

Бугаку

Двор, получивший во время Реконструкции Мэйдзи «ведомство музыки» (*гагаку-рё*), сохраняет старинные музыкальные формы, заимствованные на протяжении почти тринадцати столетий со всех сторон Азии. Танцы *бугаку* в некоторых случаях представлялись при дворе, куда иногда допускалась избранная публика. Другие спектакли, слегка отличавшиеся от них и доступные более широкой аудитории, исполнялись в морском святилище Ицукусима в Хиросиме, в Ситэннёдзи в Осаке, в храме Мэйдзи в Токио или в Тосёгу в Никкё. Эти танцы исполнялись на открытом воздухе, на квадратном возвышении сцены. В наши дни один, два, четыре или шесть танцоров выступают одновременно, в то время как прежде они могли быть гораздо более многочисленными. Представление *бугаку* начинается с воинственного танца (*энбу*) и заканчивается просто слушанием музыки без сопровождения танца (*хокэйси*). Лютня (*бива*) и арфа (*сё*) дополняют своим волнующим звучанием оркестр, в состав которого входят духовые и ударные инструменты: флейты (*отэки*), флажолет (*хитирики*), флейты Пана (*со*), барабан (*тайко*), медные гонги (*сёко*) и маленькие ручные барабаны (*сан-но-цуцуми*) трех видов.

Танцоры выстраиваются в одну линию по сторонам эстрады. Одни одеты в платье красного цвета, другие — зеленого, в соответствии с происхождением танцев, которые они исполняют.

Поскольку эти танцы когда-то пришли из Кореи (*Санкан-гаку*) и королевства Бохай (*Боккай-гаку*), из Китая и Индии, они действительно принадлежат к двум разновидностям: *ухё* (или *у-май*) для двух первых и *сахё* (или *са-май*) — для вторых. Эти деления соответствуют двум культурным влияниям, на волне которых в Японии оказывались сокровища, иногда уже позабытые на обширных пространствах Азии. Корейские королевства Силла в середине V века и Пэкче столетием позже, Когурё в VII столетии передали Японии несколько первых образцов континентальной музыки. В 612 году, во время правления знаменитой императрицы Суйко и правительства регента Сётоку, некий Мимаси из Пэкче представил элементы *гигаку*, маски которых, хранящиеся в Сёсоине, доказывают древность этого экзотического явления. Танец гигаку происходит из Центральной Азии — с Тибета и из Индии. Сегодня он малоизвестен, но его элементы можно видеть в удивительном популярном «танце льва» (*сиси-май*). Танцор мотает из стороны в сторону головой, на которую надета большая львиная голова из дерева, волос и бумаги, прыгает, издает создающие впечатление щелкающих челюстей звуки, для того чтобы прогнать злых духов.

Но в VIII веке, в период расцвета эпохи Нара, появился подлинный *бугаку*, то есть придворная музыка и танцы династии Тан в Китае. Тогда же из Китая в Японию добрались и «танцы тигра» (*торагаку*). По своему происхождению это были танцы Юго-Восточной Азии, в то время как индийский брахман и священник в Ринюкоку (Линь Икуо на китайском языке) — современный Вьетнам — ввели танцы, названные *ринюгаку* (танцы *лин-и*). В IX столетии, когда Япония начинает переходить к зрелости, императоры Сага (809—823) и Ниммё (833—850) собрали эти разрозненные элементы, из которых после нескольких позднейших изменений составился современный *бугаку*. Благодаря таланту музыкантов, таких как Ото-но Киёками или Овари-но Хамамуси, репертуар танцев и музыкальных произведений, созданных при дворе, расширялся, обогатился новыми сочинениями, узнавшими свой золотой век. Конечно, их развитие зависело от злосчастного положения обедневшего и опечаленного двора, но начиная с XVI века покровительство сёгуната извлекло их из забвения, вернув к жизни. Эти танцы — их ритуальные движения,

замедленность, напряженный на грани возможного ритм, жесты — сохранились до наших дней, говоря о невидимых движениях мировых сфер.

Кагура

Музыка и придворные танцы должны были оказать значительное влияние на старинные танцевальные формы, присущие архипелагу. Назывались эти музыкальные формы *кагура* или, первоначально, *ками-но кура*, то есть «местопребывание богов». Именно так сегодня их интерпретируют танцовщицы (*мико*) и священники синтоистских святилищ. Эти танцы тесно связаны с верой в присутствие богов, предполагается, что они должны либо способствовать тому, чтобы боги материализовались, либо развлекать и умиротворять их. Например, ритм *тинкон-буё* создается размеренным топотом, назначение которого — успокоить дух демонов и таким образом защититься от них. В начале эпохи Хэйан в 1002 году император Итидзё устанавливает типы ритуальных танцев, подобающих императорскому святилищу (*ми-кагура*), и определяет церемонии, которые должны исполняться при жертвоприношениях Аматэрасу о-миками, божественной прародительнице императорской семьи. В продолжение веков эти церемонии изменялись, создавался все более сложный ритуал, который сохранился до наших дней.

Перед одним из зданий императорского дворца, Оммэйдэн, на открытом воздухе (*ниваби*) перед алтарем зажигается огонь, к которому приходит император, чтобы выразить свое почтение какому-либо из богов. Затем в сумерках прибывает корифей (*ниндзё*), на него возлагается руководство обрядами *кагура*. За ним следует группа музыкантов, человек десять. Не спеша они занимают место, которое им предписано распорядком церемонии. Так начинается мистерия; один за другим оркестранты начинают свою партию (флейты, флажолета или *кото*). Затем играет в унисон весь оркестр, выходят певцы, которые начинают исполнять *ниваби-ута* («песня огня»), а затем *атимэвадза*, приглашение, обращенное к богу моря. Считается, что божество присутствует, и колдовское действо начинается. Песня призыва (*торимоно-ута*),

сопровождающаяся дважды пляской *ниндзё*, прославляет по очереди священную силу, создает эффект воздействия при помощи талисманов: ветви священного дерева (*сакаки*), коллажей (*митекура*), палки (*дзё*), бамбука (*саса*), меча (*кен*), секиры (*хоко*), тыквы-горлянки (*хисаго*) и клена (*кацура*). За этим следуют другие песни и танцы, менее торжественные и более близкие, без сомнения, к тому, что собой некогда представлял старый японский фольклор. Церемония длится до рассвета, с появлением утренней звезды (*акабоси*) звучит пение, которое ее приветствует и возвещает возвращение богини в свое царство, то есть возвещает конец ритуала.

Как и во всех древнейших цивилизациях, танец первоначально был в Японии чрезвычайным средством, которым люди воздействовали на богов. Большая оригинальность архипелага состоит в том, что театр *Но* никогда не забывал это достоинство жеста.

Глава 13

ЧУВСТВО ЛИТЕРАТУРЫ

Японский язык, эмоциональный и певучий, прочно стоящий на якоре благодаря множеству своих иероглифов (*кандзи*), связанный нитью своего букваря (*кана*), воплотил в себе дух этой цивилизации. Многообразная литература объясняется его сложной природой.

Система звуков в японском языке достаточно экономна: в нем насчитывается только около ста сорока фонем[1]. Словарь основан на сложных словах, агглютинативный синтаксис выражает грамматические отношения, к словам-корням присоединяются префиксы и суффиксы; в отличие от других флективных языков отсутствует склонение и спряжение. Японский и корейский языки образуют особую семью языков, отличную от тех, что распространены в восточной Азии. Если еще и можно обнаружить хоть какую-то его близость с языками алтайской группы или южноазиатскими языками, то от китайского языка он далек настолько, насколько это вообще возможно. Действительно, с точки зрения фонетики китайский язык более богат, в нем почти четыреста фонем. Слова китайского классического языка (*вэн ен*) односложные, предложение образуется грамматически значимым порядком неизменяющихся слов-корней, характерным для изолирующих языков. Несмотря на лингвистическое

[1] По данным Лингвистического энциклопедического словаря (М.: Сов. энциклопедия, 1999. С. 625), в японском языке 35 фонем, в том числе 5 гласных, 128 иероглифов.

различие языков, литературное наследие обеих стран теснейшим образом связано благодаря письменности.

Известно, что Япония, отдаленный полумесяц земли, оторванный от континента, поздно вышла на историческую арену. Она уже имела свою мифологию и была наделена способностью самосознания, когда Китай приоткрыл перед ней покровы тайны своей письменности. Иероглифы отчасти происходили от пиктограмм, отчасти от идеограмм, начертание отражало предмет или идею. Постепенное обогащение словаря повлекло за собой возникновение сложных иероглифов, в которых соединялись семантический и фонетический элементы, чтобы избежать совпадения. Эти важные идеофонетические иероглифы быстро составили основную часть словаря. Большая часть этих иероглифов уже в эпоху классического языка утрачивают свое строго репрезентативное значение как образа, так и звука и выступают как понятие-символ. Адаптация их к графической транскрипции устного языка оказалась довольно простой, поскольку допускается возможность всегда писать их одним и тем же образом, а читать согласно принятой разговорной манере. Эта возможность позволила письменному китайскому языку в течение столетий оставаться графической опорой всех китайских диалектов. Поскольку речь идет о языке, столь же исключительном, как и японский язык, легко понять, что согласовывать фонетику агглютинативного языка и начертания букв изолирующего языка — явление парадоксальное. Однако именно подобное ошеломляющее сочетание, которое еще и сегодня не стабилизировалось, имело место на заре японской истории. Можно проследить развитие данного феномена по надписям, сделанным на мечах, на этих сокровищах, сохранившихся в курганах воинов эпохи железного века, и по священным текстам людей, внедрявших буддизм, которые и распространили китайскую письменность, таким образом на столетия приобщив Японию к континентальному культурному блеску. Тогда и стали записываться старинные рассказы, известные в устной передаче, при этом использовались китайские иероглифы в их семантическом значении, для того чтобы перевести понятия, или в фонетическом значении, для того чтобы транскрибировать аффиксы и имена собственные. Более того, в последнем варианте всегда делались попытки найти иероглифы, которые передали бы смысл понятия. Яркий пример — название горы Фудзи, первоначальный смысл топонима утрачен. Название этой горы обычно писалось при помощи двух китайских иероглифов, означавших «счастливый ученый», но оно могло также изображаться и двумя другими знаками, если желали сказать «несравненный». Каким бы ни было в обоих случаях чтение начертаний, оно должно передавать одинаковый смысл. Если, для того чтобы произнести «гора», используется слово *яма* (*yama*), то его следует предварять частицей, определяющей родительный падеж (*но*), — *Фудзи-но-яма.* Если же использовать слово по правилам китайского языка, то следует читать *Фудзи-сан*; чтение же *Фудзияма*, хотя является самым распространенным среди иностранцев, неправильно.

Однако о трудностях чтения забыли на протяжении многих столетий, потому что распространялся китайский язык как язык великой цивилизации, религии, философии, права и искусной поэзии. С тех пор пропасть отделяла образованных людей от тех, кто не получил образования. Среди первых оказались мужчины, предававшиеся занятиям науками или вынужденные учиться, среди других — женщины, в силу необходимости погруженные в материальные заботы повседневной жизни. Двусмысленность культуры была закреплена изобретением и распространением в VIII—IX веках букваря (*кана*). Китайские иероглифы, которые, как казалось, чаще всего встречались при транскрипции японских звуков, были выбраны для того, чтобы передавать каждую фонему разговорного языка. Их упрощенные формы (мягкое, более свободное письмо) стали скорописными знаками (*хирагана*), закрепившимися в алфавите. Из еще более упрощенных форм этих иероглифов был создан второй инструмент транскрипции — знаки изображались угловатыми и жесткими линиями (*катакана*). Слоговой алфавит катакана из пятидесяти одного знака с тех пор позволяет графически выражать чистый разговорный японский язык, именно его приспособила литература, он открыл сферу литературы для женщин — на нем писали создательницы романов.

Китайская традиция, выраженная иероглифами, и японская традиция, представленная слоговым алфавитом, вскоре смешались, так родился письменный японский язык, использующий

те и другие иероглифы. В японский язык входили китайские слова. Мы обнаруживаем и здесь, в связи с языком, феномен определенного лингвистического заимствования, значение слов и произношение при этом развивались по-разному. Таким образом, во многих японских словах сохранилось старинное китайское произношение, различающееся в регионах. Иероглифы либо читались по-японски в соответствии со смыслом (*кун*), но этот способ не касался имен собственных, либо сохранялось китайское произношение, характерное для Северного Китая (*кань-он*) или же для области Шанхая, древнего Ву (*го-он*). Разница в произношении иногда настолько озадачивала, что пришлось добавить к иероглифам силлабические знаки *фуригана*, указывающие на то, как правильно произносить слово.

Когда японский язык сложился, люди продолжали писать так же, как и прежде, — справа налево и сверху вниз. Расположение, соответствующее европейским языкам, конечно, теперь тоже имеет место, главным образом в тех сочинениях, которые требуют отсылок к западным текстам, но оно все же остается довольно редким. Грамматика сама по себе не имеет большого значения; она отходит на второй план, если отсутствует возможная неясность: например, сюжет разговора может быть легко опущен в случае, когда вся фраза в целом отражает в соответствии с ситуацией личность того, кто говорит, и того, с кем говорят, и даже третьего собеседника. Отсутствует даже необходимость отвечать на вопрос «да» или «нет»; сразу же переходят к дополнительному разъяснению: «Стоит ли хорошая погода?» — «Дождь идет»; «Жарко ли?» — «Деревья покрыты инеем», — то есть используются утверждения, в которых содержится прямой ответ на вопрос. Больше, чем в долгом научном эксперименте, такой язык способен мгновенно схватывать смысл, понимать образы, которые подсказываются смыслом. Это не язык трактатов; его эмоциональное звучание достигается мелодичностью, глубокими сонорными звуками, зависящими от пола говорящего; горловая речь мужчин, более высокие звуки речи женщины. В наши дни за партами смешанных школ, конечно, вырабатывается новый общий литературный язык, единый для любого говорящего. С другой стороны, под влиянием западных языков, главным образом английского, в будущем, несомненно, изменится не только лексика (в нее добавляются иностранные слова, которые с трудом адаптировались к вычурной транскрипции катакана), но и синтаксис, так как выражение смысла не может оставаться неизменным, если изменяется сам смысл. Большой технический лексикон вытесняет старинный *ямато-котоба*, старый японский язык, который в большей степени, чем человеческие дела, говорил о явлениях и бесконечных подробностях природного мира. Например, понятие «дождь» обозначается разными словами в зависимости от времени года — дождь как ливень или же легкий дождик. Слово *харусамэ* обозначает весенний дождь, *самидари* — летний дождь и *сигурэ* — осенний дождь. В языке этой страны, где в свое время животноводство было мало распространено, а море представляло собой источник жизни, мало слов для обозначения видов животных, в то время как поистине неисчислимы слова, называющие насекомых и рыб. Для обозначения последних существует множество слов, чтобы характеризовать их возраст и этапы развития. Диспропорция наблюдается и в обозначении частей тела человека и того, что относится к его внутреннему миру. Словарь, связанный с описанием тела или различных движений человека или его действий, довольно беден. Напротив, неустойчивость и изменчивость, утонченность состояния души выражается при помощи множества вокабул, передающих оттенки чувств или состояний. Человеческие взаимоотношения, соответствующие установленному кодексу поведения, который позволял каждому знать свое место, не теряя достоинства, обозначаются большой группой слов, необходимых для выражения чувств и отношений в сложившейся социальной иерархической системе.

Японский язык не утратил своего словарного богатства, но письменность в немалой степени упростилась в связи с тем, что после войны количество китайских иероглифов (*кандзи*) значительно сократилось, в особенности в технических и научных текстах, где новые слова образовывались вне связи с китайским языком. К тому же правительство в 1946 году опубликовало список, включавший тысячу восемьсот пятьдесят идеограмм, которыми должны были впредь ограничиваться пресса и распространенные периодические издания. На самом деле из четырех-пяти тысяч иероглифов или более, которые часто использовались

перед войной, сохранилось две-три тысячи, и эта диспропорция в целом оставалась еще достаточно велика, для того чтобы китаец мог в целом понять японский текст, а японец — китайский. Японец, таким образом, в достаточной степени владел основным китайским словарем. Традиция письменности и чтения китайского языка (*камбун*) развивалась и почиталась с начала японской истории и не исчезала. Однако обучение чтению камбун представляло собой настоящую головоломку, поскольку речь шла о том, чтобы озвучить на одном языке текст, написанный на другом языке. Все происходило так, словно бы японские интеллектуалы всегда сталкивались с серьезными проблемами перевода, и это объясняет, без сомнения, их довольно-таки быстрое привыкание к европейским языкам, начавшееся во времена Реконструкции Мэйдзи. Сложность перехода от одной идиомы к другой была им хорошо знакома.

Литература в китайском стиле как жанр полностью исчезла тогда же, когда стало принято обращаться сначала к западным источникам, а затем к источникам чисто национальным. Это не означало тем не менее немедленного исчезновения китайского языка, который вплоть до последней войны оставался в большой степени языком ученых, эрудитов, на котором они создавали свои труды, имевшие репутацию серьезного чтения. Но тексты романов и философские размышления сохраняли источники науки и мудрости, унаследованные от предков.

Правда и то, что блеск этого богатства никогда не тускнел на протяжении столетий эпохи Эдо, с тех пор как Хаяси Радзан (1585—1659), политический и культурный советник нового правительства, пытался избавить Японию от старой феодальной пыли с помощью мудрости учения китайского философа Чжу Си (1130—1200). Наблюдение за политической, интеллектуальной и литературной деятельностью в стране, ставшее наследственным в семействе Хаяси, которое имело много заслуг перед отечеством, завершилось установлением цензуры.

Однако китайская литература не содержала в самой себе системы подавления, а намерения сёгуната стояли выше низменных полицейских задач. Сёгунат поставил перед собой цель разрешить деликатную социальную проблему. Попытка мирно привести феодальные отношения к порядку вызывала тяжелые

социальные последствия. Многие самураи сознательно хранили молчание и были не слишком склонны прямо посвятить себя службе у Токугава. Другие, мелкие дворянчики без денег, свита приближенных, хозяин которых впал в немилость, и, наконец, лица, принадлежность которых к благородному сословию не признавалась, оказались в положении деклассированных элементов и лишились покровительства сюзерена, подкреплявшего их материальное благосостояние. Таким образом, умножалось количество знаменитых ронинов, тех самураев, которых злосчастная судьба разделила с хозяином или же лишила его совсем. Жизнь людей, выброшенных из иерархической структуры и из общества, в котором им больше не находилось места, вскоре стала невыносимой (это было продемонстрировано в 1963 году в художественном фильме, образы которого отличались изысканной жестокостью и не меньшим великолепием, — «Харакири» Кобаяси Масаки[1]). Среди воинов, не имевших будущего, были блестящие ученые, вскормленные дзэн-буддизмом и китайской культурой. Они стали школьными учителями, наставниками в поэзии, писателями, художниками, врачами и ремесленниками. В городах, начинавших заново развиваться, им предлагался такой выход из сложившейся ситуации. Сёгунат, опасаясь искры, способной разжечь бунт, искал решения для использования мощной интеллектуальной энергии. Таким образом, носители ее освобождались от своих прежних обязательств. Сёгунат, всегда пропагандировавший конфуцианские добродетели, предпринял важную программу переиздания китайской классики и приказал переправить в Эдо обширные коллекции, которые позволили основать прекрасную правительственную библиотеку.

Начался расцвет литературы в направлении, известном как «литература Пяти Гор» (*Годзан бунгаку*). Сначала ее известный центр находился в дзэн-буддистском монастыре Нандзэндзи в Киото: сёгун Асикага Ёсимицу (1367—1395) отдал под покровительство монахов пять буддийских святилищ в Киото и Камакура как привилегированные места для ученых занятий. Начиная

[1] Кобаяси Масаки (14.02.1916—04.10.1996) — японский режиссер. После окончания университета Васэда с 1941 года в кино. Фильм «Харакири», посвященный эпохе самурайства, получил спецприз Международного кинофестиваля в Каннах (1963).

с XV века именно там шли исследования в области философии, истории и литературной критики, таким образом, традиционные интеллектуальные предпочтения нашли свое развитие.

И в самом деле, с начала эпохи Хэйан до прекращения контактов с континентом (894) китайская поэзия очень высоко ценилась и по распоряжению императоров издавались сборники стихов, написанных японцами на китайском языке. Эти произведения были составлены по образцу сборника «Вэн сюань», знаменитой антологии поэзии и прозы китайского принца Сяо Тонга (501—531). И так продолжалось вплоть до знаменитого Кукая, или Кобо Дайси, (774—835), основателя секты Сингон, который кроме множества китайских стихов сочинил важный трактат, посвященный поэтическому искусству, — *Бункё хифурон*. В эпоху Нара литература все еще подчинялась авторитетному влиянию континентальных достижений. В 751 году был составлен «Кайфусо», японская антология стихотворений на китайском языке. Открытость чужеземному знанию свидетельствовала не только о немного наивном энтузиазме одаренных неофитов, но и об осознании своеобразного долга, который приняли на себя японские должностные лица: они считали себя обязанными отвечать на стихи приглашенных ими же китайцев или корейцев столь же изысканным образом.

Именно таким было историческое единство Дальнего Востока, связанного с употреблением иероглифов. Оно продолжалось больше тысячи лет, но сегодня иероглифическому письму грозит опасность, так как на него наступает практика упрощенного написания. Эти упрощения, введенные официально раз и навсегда после войны для всех японцев, теперь продолжаются и в Китае, но совершенно в ином духе и нередко с чрезмерной истовостью, до такой степени, что иероглифы, утратившие свою гармоничность, в конце концов утрачивают и свое образное и эстетическое значение.

После Первой мировой войны в Японии пропагандировалась романизация (*роадзи*) собственного языка, то есть транскрибирование латинской графикой, но это понравилось немногим. После Второй мировой войны у американских властей было искушение поддержать сторонников романизации, но от этой идеи все-таки отказались, невзирая на аргументы сторонников. На

памяти был пример вьетнамцев: они с XVII века использовали письменность в соответствии с системой отца Александра де Роде, который опубликовал в 1631 году в Риме «Dictionarium annawuicum, lusitanum et latinum»[1]. Во время недолгого пребывания христианских священников в Японии они издавали латиницей небольшие книжечки на японском языке. Кроме того, в 1631 году в Риме появился латино-японский словарь, принадлежащий отцу Колладусу, изданный под руководством Конгрегации по распространению веры. Но кампания ни к чему не привела. Без сомнения, этот провал оказался благом, так как, наряду с преимуществами адаптации к современному миру, реформа доставила бы серьезные неудобства (большие, чем во Вьетнаме), поскольку отдалила бы народ от его литературного, интеллектуального и духовного наследия.

Японская словесность, воспринимавшая все, что попадало с разных концов света, использовала исключительно тот язык, который всегда был языком сердца народа. В Японии, наряду со строгой и изысканной ученой литературой во все время ее существования, процветали произведения фривольные, мелодраматические, героические, откровенно эротические романы, поэтические и драматические произведения, созданные на местных диалектах трех столетий эпохи Эдо; сочинения назидательные и комические, широко распространенные в период сёгунатов Камакура и Муромати; утонченная придворная поэзия эпохи Хэйан, — зеркало, в котором отражались из века в век изменения в обществе.

Новые формы романа

Благодаря таланту и хорошим переводам таких авторов, как Кавабата Ясунари (1899—1972), Танидзаки Дзюнъитиро (1886—1965), Мисима Юкио (1925—1970), японская литература получила широкую мировую известность, а Япония вошла в число величайших мировых культурных держав. Конечно же, после национальной катастрофы стали распускаться все ранее запрещавшиеся

[1] Аннамо-латино-португальский словарь.

цветы. Отмена цензуры не только выпустила на свободу мысли и чувства, которые совсем недавно осуждались. Она высвободила энергию, позволила прорваться неконтролируемой чувственности, быть может и с оттенком истерии. Старые законы языка, моральные предрассудки исчезли, безумие, замкнутое на самом себе, получило возможность для самовыражения. И не было предела для любых крайностей. Этот феномен, открыто провозглашенный в сфере политической деятельности, менее заметный в изменении нравов, в особенности оказал воздействие на литературу.

Под влиянием сочинений Фрейда, к примеру, множилась литература, посвященная чувственности и связанным с нею естественным или извращенным наслаждениям. Эротика, которая в прошлом обуздывалась конфуцианским ханжеством, была выставлена напоказ; конечно же, в настоящее время это уже не оригинально, но после войны литература такого рода была широко распространена и получила название «литература плоти» (*никитай бунгаку*). Начало ее было положено двумя романами, которые имели большой успех, «Заход солнца» (*Сяё*, 1947) Дадзай Осаму (1909—1948) и «Время солнца» (*Тайо-но Кисицу*, 1956) Исихара Синтаро. Под этими броскими названиями речь шла о живописном мире домов свиданий и бесчисленных маленьких баров, большое количество которых теперь оживляло каждый японский город. Мисима, который никогда не скрывал своих гомосексуальных наклонностей и остро описывал садизм рискованных любовных похождений, по-своему воспринял античную антиномию «любовь — смерть», он идеализировал ее, а странные, садистические страсти были показаны в его прекрасном и пугающем фильме («Патриотизм», *Юкоку*)[1]. Кавабата, автор, склонный к утонченному символизму, сдержанно описывал муки и радости всепоглощающих страстей. Для всех авторов характерен специфический акцент, связанный с болезненными отклонениями

[1] Один из крупнейших японских писателей XX века Юсио Мисима в 1961 году написал рассказ «Патриотизм», а фильм снял в 1966-м. Считалось, что все копии картины были уничтожены по просьбе вдовы писателя. Но недавно негатив получасового фильма был найден в коробке из-под чая на складе, где хранится имущество, вывезенное из дома писателя. Фильм «Патриотизм» (*Юкоку*) осенью 2005 года выходит на DVD.

эротизма. Голос плоти (*никитай*) героев сопровождается их пессимистическим настроением. Младшая и самая оригинальная из знаменитых сестер Макиока, героинь «Мелкого снега» (*Сасамэ юки*) Танидзаки, тяжело расплачивается за свою бурную чувственную жизнь: ее ребенок, плод мимолетной страсти, умирает. Завершал ли этот морализаторский и условный финал многогранную картину нравов или же он был моралистическим предупреждением, безразличным к современным проблемам? Осознавала ли «современная» и независимая героиня, младшая из сестер Макиока, что лучшую пору своей жизни она связывает с возбужденностью, причины которой оставались для нее неясными? И оказалась ли она более счастливой, чем ее старшие сестры, у которых хватило благоразумия, чтобы позволить выдать себя замуж согласно традиционным правилам? Постоянная драма всего общества в процессе эволюции оказалась именно такой.

Изменениям в разных слоях японского общества, которые исследуются под общественным, а не под индивидуальным углом зрения, было посвящено огромное количество произведений, более или менее определенно ангажированных политически. Марксистские идеи, пролетарская литература на следующий же день после окончания войны буквально заполонили все. Хирабаяси Тайко (родилась в 1905 г.) в свое время находилась в тюремном заключении за приверженность коммунизму и отразила свой опыт в исполненных эмоций романах. Бывший шахтер Хасимото Эйкити (родился в 1898 г.) или дочь торговца вразнос Хаяси Фумико (1904—1951) стали писателями только для того, чтобы изобразить тяжелую жизнь простого народа. В декабре 1945 года родилась «Литературная ассоциация новой Японии» (*Син Нихон бунгаккай*), позже ей на смену пришло объединение «Народная литература» (*Дзиммин бунгаку*). От имени гуманистической традиции (чужестранцы не хотят ее замечать в японской цивилизации) эта школа, отчетливо проявляющая склонность к коммунизму, поставила индивида выше общественной группы. Если содержание современных произведений меняется в силу обстоятельств и философских трансформаций, то новые жанры не появляются. Они в значительной мере восходят к невероятному экономическому и политическому подъему, который Япония испытала на следующий день после своей победы над

Китаем (1895). Торжествующему миру правящих лиц противостоял тогда мир интеллектуалов, которые были вскормлены европейскими либеральными идеями и стремились привить в собственной стране реализм, а затем и натурализм по западному образцу. Там они открыли для себя творчество французских, немецких, русских и скандинавских писателей — Золя, Флобера, Мопассана, Зудермана, Гауптмана, Горького и Андреева, Ибсена.

Таким образом, современная японская литература родилась под влиянием великих иностранных романов, но по этой причине в значительной степени опиралась на переводы. Возможностей для взаимопроникновения двух культур не существовало, и можно только восхищаться произведениями первых «западников», которые поняли то, каким именно образом можно осуществить этот необычайный союз и послужить посредниками между собственной и европейскими цивилизациями. Эта решающая роль была сыграна прежде всего Футабатэй Симэй (подлинное его имя Хасэгава Тацуносукэ, 1864—1909). Его судьба представляет собой любопытное доказательство благодетельного воздействия культуры. Пламенный патриот эпохи, когда Япония, вынужденная поневоле выйти из своей многовековой изоляции, выкраивала себе место среди общности других народов, молодой Хасэгава мечтал стать офицером. Слабое состояние здоровья не позволило ему реализовать свои желания. Поскольку он был не в силах держать оружие в руках, то решил сражаться в сфере духа. На тот момент Япония враждовала с Россией, экспансия которой в азиатском направлении, и в особенности в Сибири, мешала реализации дипломатических амбиций и экономическому успеху Японии. Таким образом, с мистическим воодушевлением националиста несостоявшийся офицер приступил к изучению русского языка, знание которого позволило бы ему (как он полагал) лучше бороться с противником. Но знание и понимание повлекли за собой высокую оценку русской культуры, а затем и любовь к ней, так что Футабатэй Симэй провел остаток своих дней, занимаясь переводами русской литературы. Он работал над этими переводами для того, чтобы его соотечественники познакомились с русской литературой и чтобы появилась возможность создать национальную литературу, которая использовала бы достижения Тургенева,

Гоголя, Толстого и Достоевского. Действительно, эта связь не стала искусственной, так как Россия, подобно Японии, вынуждена была преодолевать проблему отдаленности и внезапного приобщения к чужеземному влиянию, одновременно мощному и ограниченному во времени. Следовательно, в определенном смысле именно благодаря переводческой деятельности Футабатэй Симэя в значительной мере сложилась современная японская литература, которая с тех пор очень быстро научилась черпать из всех источников Запада.

Выдающимися умами, сформированными новой культурой, без сомнения, были Мори Огай (1862—1922) и Нацумэ Сосэки (1867—1916), бывший профессором английской литературы императорского университета в Токио. Сосэки нельзя отнести ни к какой литературной школе, так как он абсолютно оригинален и как личность и как японец, эта оригинальность была присуща и Танидзаки Дзюнъитиро, и представителям неоромантизма, таким как Мусанокодзи Санэацу (родился в 1885 г.), принадлежащему к группе «Белый бычок», и Акутагава Рюноскэ (1892—1927). В скрупулезном описательном стиле Акутагава Рюноскэ была представлена драма японской души, обманутой, испорченной и нередко побежденной враждебным миром. Этот мир подвергает истерзанную душу мучениям: человек разрывается между тем, что было, тем, что есть, и необходимостью меняться, для того чтобы жить дальше. На этом строятся современные психологические романы, превзошедшие старинные легенды, которые были использованы в творчестве Акутагава Рюноскэ, чтобы с небывалой, порой непереносимой эмоциональностью показать пароксизмы человеческих страстей в духе Эдгара По. Так новая литература становилась искусством. В этом немалую роль сыграли названные великие писатели, а также Цубоути Юдзё (1859—1935), известный под псевдонимом Сёё, сочинение которого «Сущность романа» (*Сёсэцу синдзуй*) в 1885 году оказалось эстетическим манифестом. Сёё, отказываясь от примитивного подражания французским и английским авторам, переведенным совсем недавно и весьма приблизительно, мог гордиться тем, что использовал литературу, посвященную интеллектуальному анализу действительности. Он настойчиво говорил о том, что литература прежде всего должна являться искусством,

переосмысляющим действительность для того, чтобы лучше ее выражать в процессе ее развития. Подобное отношение не только изменило точку зрения писателей, но и способствовало возрождению поэтического духа.

Современная поэзия и хайку

Поэзия в Японии — живое искусство, и не только потому, что многие известные поэты публикуются в настоящее время, но и потому, что любой образованный человек имеет навык импровизации. Японский язык легко подходит для поэзии, содержащей подтекст, поскольку он одновременно мелодичен, напоминая итальянский, и беден фонетически, что делает его благоприятным для игры слов и скрытых смыслов. Длинный стихотворный текст использует идеограммы, для того чтобы избежать неточностей в передаче смысла. Разница коротких и длинных поэтических текстов в том, что стихотворный размер короткого стихотворения предполагает исключительно восприятие «на слух», а длинное должно быть не только «услышанным», но и «прочитанным». Различие между простой и ученой поэзией отмечается, следовательно, уже на первом уровне, когда простое понимание оказывается игрой. Более того, использование *кандзи* влечет за собой более торжественную манеру, чем употребление *кана*.

Самая знаменитая форма японского стихотворения, без сомнения, *хокку*, которое называется также *хайкай* (а более точно *хайку*). Само название говорит об исполненной юмора живости этих крохотных стихотворных произведений, написанных на языке простого народа и содержащих семнадцать слогов, распределенных в три строки по 5, 7 и 5 слогов в строке. В период, когда все было перевернуто вверх дном подражанием западной поэзии (*синтайси*), началось возрождение хайку благодаря деятельности Масаока Сики (1867—1902) и журналу «Кукушка» (*Хототогису*), основанному в 1897 году, и эта форма традиционной японской поэзии жива до сих пор. Однако несомненно, что актуальность этих маленьких стихотворений, которые создавались на протяжении трех столетий, сейчас не столь велика.

Хайку — последний этап развития «стихов-цепочек», или «связанных стихотворений» (*рэнга*). Эта поэтическая игра была изобретена в эпоху Хэйан и широко распространилась в эпоху Камакура. Регент Нидзё Ёсимото (1320—1388) разработал поэтическую теорию в своем сочинении «Цукуба сю» (1356): она определяла последовательность строф из семнадцати слогов, за исключением второй, в которой насчитывалось четырнадцать. Первая строфа задавала общую тональность, каждая из последующих должна была развивать тему предыдущих строк. Все стихотворение должно было представлять собой некое целое, составленное из мимолетных впечатлений сочинявших, поскольку каждый из фрагментов быть составлен другим автором. Хайку, создававшиеся на разговорном языке, берут свое начало от этих стихотворений, где были одной из строф. Эта изъятая строфа стала самостоятельным произведением.

За исключением нескольких шедевров, хайку само по себе ничего не стоит; оно оказывается своего рода выражением ситуации, состояния души, впечатления от цвета неба или шума ветра; оно является остроумным замечанием или меланхолическим восклицанием. Этот звук схватывает силу момента или ощущения, связанные с ним, и мимоходом оглашает. Смех, плач, шутка — все подвластно хайку, которое легко использует как гомофонии[1], так и ономатопеи[2] и страдает более, чем какой-либо другой стихотворный размер, легкостью жанра, которая приводит к тому, что хайку оказывается не более чем формулировкой слегка поэтизированных острот.

Однако в свою лучшую эпоху хайку умело выразить своим языком меланхолическую чувствительность японского сердца. Кобаяси Итара (1763—1827), писавший под псевдонимом Исса, выражал в нем печаль сироты, которым он сам был когда-то. Он обращался к воробьям, к лягушкам, пытаясь найти у них, своих друзей, забвения от дурного обращения мачехи.

---

[1] Гомофония (*греч.*) — вид многоголосия, в котором один голос (мелодия) главенствует, а все остальные голоса играют подчиненную роль (гармоническое сопровождение, аккомпанемент).

[2] Ономатопея (*греч.*) — слово, образованное из звукоподражания; ср. рус.: хохотать, мяукать, ахнуть и т. п.

Лети же сюда,
С тобой поиграем всласть,
Воробышек-сирота! [1]

Ёса Бусон (1716—1783), талантливый художник, передавал в стихах свое пластическое видение вещей, используя богатый словарь, который был отмечен ноткой романтизма.

Море весною
Зыблется тихо весь день,
Зыблется тихо [2].

Но величайшим мастером хайку является, безусловно, Мацуо Басё (1643—1694). Его псевдоним означает «отшельник бананового дерева» (*басё ан*) по месту, где он обосновался в Эдо. В двадцать два года он оказался предоставлен себе самому (но также и был освобожден от обязательств в связи с преждевременной смертью своего сюзерена). Поэт, как и умерший его хозяин, облачился в монашеское одеяние и пошел завоевывать столицу сёгуната. Практика дзэн-буддийской медитации, чтение сутр и китайской классической литературы развивали его ум. Его мысли отличались глубиной и разнообразием. Спустя сорок лет (1684) он оставил Эдо и многочисленные занятия, которые обеспечивали ему пропитание, надел шляпу и взял посох паломника. У него было много учеников, которых он и намеревался посетить, предаваясь по дороге возвышенному созерцанию великолепных японских пейзажей. Он совершенно точно определил качества хорошего хайку. Внутри стихотворения должны соединяться принципы стабильности, вечности (*фуэки*), широкой, как море, или глубокой, как молчание, и намек на событие (*рюкё*), случайность, которая подчинена времени и ограничена во времени, иногда тривиальная, как крик птицы или прыжок лягушки.

Старый пруд.
Прыгнула в воду лягушка,
Всплеск в тишине [3].

[1] Перевод с яп. Т. Соколовой-Делюсиной.
[2] Перевод с яп. В. Марковой.
[3] То же.

Или еще:

На самом виду у дороги
Цветы мукугэ расцвели.
И что же? Мой конь общипал их! [1]

Стихи не должны сверкать слишком живым или искусственным блеском; они должны сохранять естественный, сдержанный аспект, *саби*, оттенок, патину времени, столь дорогие художникам и мастерам чайной церемонии. Сдержанность высказывания или описания должна прочерчиваться тонкостью (*хосоми*) и выражаться искусно, вызывать чувство, излучать обаяние (*сиори*). Басё довел хайку до вершин, которых впоследствии никому не суждено было достигнуть, никто и никогда не мог сравниться с ним. Его противопоставляют, как и Уэдзима Оницура (1661—1738), чисто словесной виртуозности школы Данрин, которая ценила «звяканье бубенцов» (то есть умение удачно найти забавный или изысканный оборот) больше, чем содержание.

Нисияма Соин (1605—1682), основатель школы Данрин, ввел в поэзию разговорную речь, то, чего еще никогда никто не делал, даже когда его учитель Мацунага Тэйтоку (1571—1653) ввел в моду жанр, получивший название «забавные стихотворения-цепочки» (*хайкай рэнга-но*). Замораживание классов при сёгунате и в особенности при Токугава в эпоху Эдо, жестко установленная иерархия, которая помещала на вершину общества просвещенную придворную знать и военную аристократию и размещала в последнем ранге, несмотря на подъем торговли, купцов и мелкий люд городов, имели следствием формирование маргинального мира, жадно стремящегося к культуре. Классическая поэзия была лишена привлекательности для богатых торговцев Киото и Осаки, для всего сообщества деклассированных людей, потому что это было искусство для лиц, принадлежавших ко двору или к сфере управления. Писатели, вышедшие из новых кругов, чувствовали замешательство — словарь и правила композиции обуздывали их воображение. Их вдохновение

[1] Перевод с яп. В. Марковой.

должно было быть другой природы и черпать из другого источника, который пробивался в городской жизни, волнующей и бурлящей, где ритуалам из прошлого места больше не было.

Романы эпохи Эдо

Вся литература эпохи Эдо развивалась под влиянием исключительных факторов, среди которых наиважнейшим оказывалась цензура. Именно она подвергала писателей мелким неприятностям, и единственным средством ускользнуть от нее было только обращение к тому, чтобы говорить о проблемах, не существующих с точки зрения государства: новые классы и развлечения городской жизни. Горожане (*хонин*) с удовольствием читали книги, в которых они узнавали самих себя, не упускался случай посмеяться над влиятельными лицами из своей среды, над высокомерными самураями, превосходство которых часто оказывалось совершенно надуманным. Эта литература должна была быть простой, легкой и прежде всего написанной на *кана* (*канадзоси*) и обильно иллюстрированной. Развитие техники книгопечатания на гравированных досках способствовало этому, как и процветание множества маленьких школ (*тэракоя*), куда приходили люди, чтобы научиться читать. Книгоиздательство уже превращалось в отрасль промышленности, в успешное коммерческое предприятие.

Литература, посвященная чувствам и имевшая большой успех у публики, описывала с большей или меньшей смелостью сентиментальную и суетливую жизнь горожан, гейш, куртизанок. «Сентиментальные книги» (*ниндзобон*) XIX века, «легкомысленные книги» (*сарэбон*) XVIII века рассказывали в совершенно особой тональности и, конечно, под суровым оком цензора о романтических приключениях полусвета, занятого развлечениями. В *ниндзобон*, например в книгах Тамэнага Сунсюй (1789—1842), большое значение имели сентиментальные сюжеты, сочинения в жанре *сарэбон* ставили целью совершенно явно достичь комического эффекта: свидетельством этого является известная бурлескная история визита Будды, Лао-цзы и Конфуция в дом терпимости («Святые в борделе» Хидзири-но Юкаку, Осака,

1757). После запрещения *сарэбон*, которые были сочтены слишком непристойными, появились «комические книги» (*коккэйбон*) — забавные приключения персонажей из простых горожан, столь же смешных, сколь малоприятных, ведущих суетную жизнь.

Дзиппэнся Икку (1765—1831) описал безрассудные приключения двух веселых пройдох — «На своих двоих по Токайдоскому тракту» (*Токайдо тю хидзакуригэ*). Сикэтэй Самба (1776—1822), сочинивший истории вражды между пожарниками разных кварталов Эдо, навлек на себя серьезные неприятности: его поколотили его же собственные персонажи, которые поневоле оказались героями книги. Эти люди мало ценили шутку; правда и то, что в качестве компенсации этот маленький скандал обеспечил автору известность, которая с тех пор его не покидала, впрочем, и его талант получил признание.

Итоги развития этой легкой литературы, в которой всегда присутствовали критические намеки (которые раздражали власти), были компенсированы другими, более ортодоксальными «книгами для чтения» (*ёмисо* или *ёмихон*). Благоразумные издатели стали выбрасывать их на рынок в конце XVII столетия, заботясь о том, чтобы опубликовать хоть что-то, что не было бы немедленно запрещено. Речь шла об адаптации или модификации отдельных эпизодов и многочисленных подражаниях выдающимся китайским романам. Огромное количество их японских переводов было опубликовано во второй половине XVIII века. Среди романов, пришедших с континента, без сомнения, наибольшую известность получил и сохранял ее в Японии очень долго (и приобрел больше всего вариаций на эту тему) знаменитый роман «Речные заводи» (*Хоуэй ху чуань*). Это была увлекательная история о великодушных бандитах — поборниках справедливости, тема, очень распространенная в китайской литературе. Его переиздания одно за другим вдохновляли на большое количество японских переделок. Под ними иногда скрывались сомнительные истории, которые, несомненно, были бы запрещены цензурой, если бы в них отсутствовал наряд мандарина и хотя бы намек на развлекательность. Последнее достигалось тем, что время действия переносилось в далекое прошлое. Наиболее плодовитым (его кисть явно не уставала), если не самым читаемым

сегодня из этих писателей, был Кёкутэй Бакин (1767—1848). Его нескончаемый творческий поток вдохновил Акутагава Рюноскэ на необычную и во многом автобиографическую новеллу.

> При тусклом свете круглого бумажного фонаря принялся править рукопись своего Хаккэндэн [«История восьми боевых псов», 1841]. Как только Бакин взялся за кисть, в его мозгу зажглось нечто похожее на слабое мерцание. Десять строк, двадцать строк... «Не торопись и поразмысли как следует!» — шептал Бакин, стараясь удержать рвущуюся вперед кисть. Однако нечто в его мозгу, подобное свечению раздробленной на мелкие осколки звезды, уже неслось стремительнее водного потока. Он уже не слышал пения сверчков. Тусклый свет фонаря больше не раздражал его. Кисть в его руке, казалось, обрела собственное отдельное бытие и безостановочно скользила по бумаге. Теперь он писал почти неистово... «Пиши, покуда хватит твоих сил. Если ты не напишешь сейчас, то уже никогда не напишешь». Но поток, похожий на светящуюся дымку, и без того не сбавлял скорости. В головокружительном порыве, сметая все на своем пути, он с натиском обрушился на Бакина. В конце концов писатель полностью покорился ему. Позабыв обо всем на свете, он позволил кисти ринуться за этим потоком.
>
> В эти мгновения в его величественном взгляде выражалось то, что находится по ту сторону обретения и потерь, любви и ненависти. В нем не осталось и следа волнений — он забыл и про хулу, и про хвалу. В нем было лишь одно — непостижимая радость, точнее, патетический порыв. Человеку, не испытавшему ничего подобного, не понять того состояния разума, которое зовется творчеством. Не понять строгого в своем величии духа художника. А между тем именно в такие мгновения взору писателя открывается жизнь, очищенная от всего наносного и сверкающая, подобно только что родившемуся кристаллу (Акутагава Рюноскэ. *Одержимый творчеством*)[1].

Такой же дух царит и в произведении Уэда Акинари (1734—1809). Глубокое владение как китайской, так и японской культурой позволило ему избегнуть клише в портретах женщин легкого

[1] Перевод с франц. И. Эльфонд.

поведения, нарисованных с юмором. Известностью он обязан своему шедевру — «Сказкам дождя и луны» (*Угэцу моногатари*). Призраки прошлого и сожаление о нем, бег времени, субъективный взгляд на происходящее, меланхолия, вызванная обманутой любовью и невыразимостью чувств, придают этим новеллам, — навеянным старинными сказаниями, сюжетами театра *Но* и китайскими фантастическими сказками, — их скромное обаяние, волнующую и изысканную странность и вызывают обеспокоенность неизвестным в любом человеке, который разуверяется в привычных формах цивилизации.

> После того как наш учитель отправился в далекий путь, с лета начали со всех сторон размахивать мечами и копьями, сельские жители убегали кто куда, и поскольку молодые люди поступили на военную службу в войска, то созревающие поля превратились в заросли, часто навещаемые лисами и зайцами. И только одна-единственная, ваша благоразумная супруга, доверившаяся вашему обещанию возвратиться осенью, не пожелала покинуть свой дом. Осень прошла, весна пришла, и в тот самый год она умерла. Убитый горем, я сам копал землю своими старыми руками, я положил ее в гроб и закопал. Я сделал отметку на ее могиле из того следа, что оставила ее кисть в последние моменты. С тех пор протекло уже пять лет. Если я могу судить по вашему недавнему рассказу обо всем, то нет никаких сомнений в том, что дух вашей мудрой супруги не возвратился к вам, для того чтобы вы выслушали историю ее продолжительного горя из-за любви. Возвратитесь же назад и помолитесь пылко за ее спасение! (Уэда Акинари. *Сказки дождя и луны*)[1].

Новый тип художественной литературы достигает своей вершины. Подъем обозначился в начале XVIII века иллюстрированными выпусками, содержащими сказки для детей. Тогда и появились книги, имеющие красную обложку (*акабон*), а затем черную (*аобон*) и бледно-зеленую (*куробон*). Но когда в 1775 году вышла первая книга в желтой обложке (*кибиоси*), то речь уже шла не о детской литературе. Сатирический роман как сложившийся

[1] Перевод с франц. И. Эльфонд.

жанр родился. Рассказ Коикава Харумати, самурая, известного также как художник Сюнтё, был опубликован под названием «Мечтания о процветании учителя Кинкина» (*Кинкин сэнсэй эйгаюмэ*), версии (переделанной с японскими особенностями) китайской сказки эпохи Тан (*Чэнь чанго ки*), — появившейся позже в переложении для китайской оперы, известной в эпоху Мин (*Хан-тянь монг*). Человек едет в столицу, где надеется достигнуть богатства и почестей. Он прибывает вечером к первой станции длинной дороги, которая, как он думает, приведет его к удаче. Усталый, он засыпает и видит во сне все разочарования и обманы, которые его ожидают. Проснувшись, под впечатлением, произведенным на него сновидениями, которые потревожили его отдых, он отказывается от своих планов и возвращается обратно в спокойную провинцию. Коикава, сам принадлежащий к сословию самураев, рисует юмористическую картину, беспощадную в описании развращенных торговцев и продажных бюрократов. Администрация сёгуната оценила критику не слишком высоко. Это не помешало автору в 1789 году поиздеваться над реформами Мацудайра Саданобу (1758—1829). Политическая сатира, таким образом, предвосхитила появление обширной литературы в эпоху Реконструкции Мэйдзи, с которой появился и поток различных теорий государства, известных на Западе. Действительно, все сочинения, относящиеся к эпохе Эдо, идет ли речь о фантастических сказках, исторических романах или развлекательных рассказах, очень часто имеют двойной смысл и скрывают под защитной маской социальную критику, иногда жестокую.

Роман в эпоху Эдо обязан своим успехом творчеству Ихара Сайкаку (1642—1693). Редкий писатель оказывается до такой степени определяющей фигурой при создании литературного жанра. Избалованный сын богатых торговцев из Осаки, он принадлежал к классу городских коммерсантов, вокруг которых и должны были кристаллизоваться, хорошо это или плохо, искусство и литература. Творческая зрелость Сайкаку, первоначально блестящего поэта хайку школы Данрин, совпала с моментом наибольших успехов Японии в ходе индустриализации, который называют эрой Гэнроку (1688—1703); этой типичной культуре суждено было продолжаться вплоть до 1793 года.

Творчество Сайкаку представляет собой по преимуществу счастливое сочетание таланта и времени. Очень мало известно о жизни романиста, за исключением того, что его жена и дочь умерли рано и что сам Сайкаку после этого отправился странствовать по дорогам с узелком нищенствующего монаха. Вскоре он создал новый литературный жанр, так что Бакин впоследствии отметил, не без зависти: «Сайкаку принадлежал к семейству Ихара, давным-давно обосновавшемуся в квартале Ёийя-мати в Осаке. Хотя этот человек и не овладел ни единым китайским иероглифом, он оказался в состоянии написать множество томов занимательной литературы, касающейся нравов своего времени, и на протяжении длительного периода его сомнительная известность была велика». В могущественной Осаке, в которой писатель провел большую часть своей жизни, где развивался его вкус к литературе, для которой он разыскивал свои сюжеты в галантном мире куртизанок, формировалось ощущение «бренного мира» (*укио*). Само понятие было позаимствовано в буддийском словаре и напоминало о суетности и хрупкости существования. Именно Сайкаку выразил его в максимальной степени в своих «модных рассказах» (*укиодзоси*).

В знаменитых сочинениях Сайкаку — «История любовных похождений одинокого мужчины» (*Косёку итидай отоко*), «История любовных похождений одинокой женщины» (*Косёку итидай онна*), «История любовных похождений пяти женщин» (*Косёку гонин онна*) — развивалась тема любви и последствий страсти в обществе, которое не ценит сильные чувства. Эти повествования завершаются драматически; делалось ли это в надежде, впрочем напрасной, обезоружить суровых цензоров (для которых он написал без вдохновения искусственную «Жизнь воинов») или же на подобной развязке просто отразилась тяжесть наказаний? Последние, без сомнения, меньше шокировали в ту эпоху, чем теперь, поскольку представляется, что правосудие XVII столетия в Японии, как в Европе, было скорым и нередко жестоким. Что касается его сочинения «Вечные кладовые Японии» (*Ниппон эйтайгура*), то превосходное знание торговых кругов, к которым он сам принадлежал, придает им значение бесценного документа.

От Камакура до Момояма: рассказы и повести

Литература сумела «спуститься на землю» в эпоху Эдо благодаря тому, что в обществе умножилась читательская публика. Именно этим характеризовалось развитие литературы в эпохи Камакура, Муромати и Момояма. В XV столетии «повести-исповеди» (*дзангэ моногатари*) ввели в моду реалистические повести, герои которых рассказывали о своем тяжелом жизненном опыте. Небольшие рукописные книжечки, сброшюрованные и обильно иллюстрированные от руки, излагали простым языком разнообразные маленькие истории о любви, о вере, об отмщении. Они назывались *отого-дзоси*, точное значение термина сегодня неизвестно. Предназначенная для того, чтобы ее либо читали про себя, либо вслух, в манере рецитации, глядя на картинки, иллюстрирующие текст, эта достаточно популярная литература свидетельствовала о потребности обучаться, что и сегодня чрезвычайно характерно для японского народа. Истоки этого явления постепенно вырабатывались в течение XIII—XIV столетий, когда установления правительства Камакура, вместе с двором, отставшим от жизни, способствовали развитию литературы, пусть менее искусной, но более приспособленной к событиям повседневной жизни, реалиям, которые приобретали все большее значение в связи с новыми интересами большой части населения. Этой новой публике были нужны романы, рассказы, простые истории, которые удовлетворяли бы любопытство, но не утомляли читателя. Как средневековая европейская литература отвечала потребностям общественной и религиозной морали, так здесь появилось большое количество подобных произведений, в большинстве случаев компиляций. «Собрание повестей, касающихся Десяти Командований» (*Дзиккинсо*, анонимное сочинение, 1252) носило многозначительное название, в то время как «Собрание песка и камней» (*Сясэки сю*, 1279—1283) монаха Мудзю (1226—1312) иллюстрировало великолепие буддийских учений изображением золотых слитков внутри золотоносного песка или драгоценных камней в обрамлении. В эпоху Камакура все повести, даже не самые серьезные, были пронизаны важностью понимания реального мира (*югэн*), погружением в суть явлений и вещей, принципом духовного единства. Тот же серьезный оттенок отличал повествования, которые профессиональные рассказчики декламировали на ярмарках; это, например, «Собрание повестей Удзи» (*Удзи сюэ моногатари*, начало XII в.). Утвердилась новая мода на переложение старинных историй. Это и «Рассказы о старых и новых временах» (*Кондзяку-моногатари*) — их приписывают Мономото-но Такакуни (1004—1077); и «Буддийские рассказы Индии» (*Тэндзики*), «Буддийские рассказы Китая» (*Ситтан*) — рассказы о сыновнем благочестии и повествования об исторических событиях; и главы, посвященные «Нашей империи» (*Хонтё*), то есть Японии, похожие на легенды о начале распространения буддизма; и рассказы о героях — персонажах из разных общественных слоев средневековой Японии.

Наряду с этими сборниками занимательных религиозных или смешных историй развивалась эпическая литература, в XVII столетии принесшая популярность публичным рассказчикам, скандирующим в определенном ритме на перекрестках наиболее трогательные пассажи. Эти рассказчики получили очень характерное прозвище «чтецов Тайхэйки» (*Тайхэйки-ёми*), что намекало на знаменитое «Описание великого мира» (*Тайхэйки*) — романтизированную историю династического раскола, который противопоставил императора, определенного двором, императору, назначенному сёгуном. В эти смутные века литература находила в истории неисчерпаемый источник занимательных драматических сюжетов. Каждое событие, каждая эпоха давали повод для описания, которое стремилось быть настолько точным, насколько это возможно, как «Великое зерцало» (*Окагами*, начало XI в.) или, позже, «Собрание Ёсино» (*Ёсино сюи*, XV в.), в котором описывается жизнь неукротимого императора Годайго (XIV в.).

Начиная с XIII века слепые сказители, «монахи с бивой» (*бива хоси*), следуя своей старой традиции сопровождать рассказ игрой на лютне, воспевали эпические бои, в которых ковалось могущество сёгуната. «Повесть об истории Тайра» (*Хэйкэ-моногатари*, около 1220—1240; ее разговорный язык стал основой современного японского языка), «Записи о расцвете и упадке Минамото и Тайра» (*Гэмпэй-сэйсуйки*, XIII в.), «Повесть о братьях Сога» (*Сога-моногатари*, XIV в.) в ритмизованной прозе и лирической поэзии прославляли мужество воинов, погибавших в расцвете лет. Жизнь человека вообще, а рыцаря в особенности показана в них столь же эфемерной, как очарование цветущей вишни весенним утром.

Уже воины Гэндзи [речь идет о клане Минамото] перепрыгнули на корабли Тайра. Уже кормчие и гребцы, убитые, лежали на дне судов, застреленные, порубленные. Госпожа Ниидоно давно уже в душе приняла решение. Переодевшись в темные траурные одеяния и высоко подняв край хакама из крученого шелка, она зажала под мышкой ларец со священной яшмой и опоясалась священным Мечом. Взяла на руки малолетнего императора Антоку и сказала: «Я всего лишь женщина, но в руки врага не дамся и не разлучусь с государем! Не медлите, следуйте за мной, кто решился». [Она направилась тихо к планширу корабля.] <...>

Императору Антоку исполнилось восемь лет, но на вид он казался гораздо старше. Черные прекрасные волосы падали у него ниже плеч. Он был так хорош собой, что, казалось, красота его, как сияние, озаряет все вокруг. «Куда ты везешь меня?» — спросил он [с выражением неожиданности и волнения на своем лице], и Ниидоно, утерев слезы, отвечала юному государю: «Как, разве Вам еще не ведомо, государь? В прежней жизни вы соблюдали все Десять заветов Будды и в награду за добродетель стали в новом рождении императором. Но теперь злая карма разрушила Ваше счастье. Сперва обратитесь к Восходу и проститесь с храмом Великой богини Исэ, а затем, обратившись к закату, прочитайте в сердце своем молитву Будде, дабы он встретил Вас в Чистой земле, обители райской! Страна наша — убогий край, подобный рассыпанным зернам проса, юдоль печали, плохое место. А я отвезу Вас в прекрасный край, что зовется Чистой землей, обителью райской, где вечно царит великая радость». Так говорила она, а сама обливалась слезами.

[Она его снова прижала к себе и спрятала свои длинные волосы в своем траурном платье.] Обливаясь слезами, правитель-ребенок сложил вместе прелестные маленькие руки, поклонился сперва восходу, простился с храмом богини в Исэ, потом, обратившись к закату, прочел молитву. И тогда Ниидоно, стараясь его утешить, сказала: «Там на дне, под волнами, мы найдем другую столицу!» — и вместе с государем погрузилась в морскую пучину» (*Повесть о Тайра. Сражение при Дан-но Ура*)[1].

[1] Использован фрагмент в переводе И. Львовой. Фразы, которые в нем отсутствуют, выделены квадратными скобками.

Любовь к старинным историческим повествованиям, так же как вездесущие войны, заменила эпопеями прежние утонченные романы, которые волновали изысканное и праздное придворное общество эпохи Хэйан.

Классические шедевры

Японская цивилизация характеризуется тем, что в ней быстро развивалась народная культура, которая постепенно вытесняла аристократическую культуру, все-таки не превзойдя ее. В эпоху Хэйан именно аристократическая культура заложила основы японской литературы и породила классические шедевры. При этом дворе почти с момента своего возникновения царила лишенная какой-либо политической действенности атмосфера монашеской отрешенности, где понятия и объекты не имели такой ценности, как в иных местах; там было все, что тогда являлось превосходным, а потом было вульгаризовано.

Поэзия

Внутри этой культуры родилась и развивалась великая национальная поэзия. При дворе поэзия была не только приятным времяпрепровождением; она стала обычным языком должностных лиц. В стихах они выражали свою радость по поводу наступления весны или боль обманутой любви; но они пользовались языком поэзии как для того, чтобы благодарить за милость, за почести, за продвижение в длинной очереди государственной иерархии, так и для того, чтобы выразить свою горечь, разочарование или отчаяние, когда их обходили милостями. Императоры лично интересовались поэзией, и с VII до XV века появились одна за другой антологии (последняя будет завершена в 1439 году), причем каждая из них увековечивала в литературном мире имя правителя, который распорядился ее составить. Среди этих сборников три занимают особое место, так как помимо значительного количества произведений, которые они содержат, в них были включены исследования по поэтике.

Последнее из великих собраний шедевров — «Новое собрание старых и новых песен» (*Син Кокинсю*) — вышло в свет в 1205 году. В него входило двадцать томов, по образцу предшествующей антологии, тексты располагались по темам: времена года, счастливые события, расставания, путешествия. Там были сгруппированы вместе стихотворения, которые вдохновлены именем птицы, цветком, местностью, любовью; затем шли элегии, стихотворения по различным поводам; за ними, наконец, следовали стихотворения с необычными стихотворными размерами. К этим традиционным рубрикам, уже определенным «Собранием старых и новых японских песен»» (*Кокинсю, или Кокинвакасю*, 905), прибавлены два новых сюжета — о синтоистских божествах и на буддийские темы. Религия, которая некогда пронизывала невежественный поэтический мир, но не была его непосредственным предметом, существовала в той или иной степени в монастырях. Сентиментальный буддизм эпохи Хэйан наполнил сердца. Двор, покинутый властью и ставший бедным, утешался амидизмом, который воодушевлял трепещущий огонь чувств, оскорбленных драмами жизни. В лирическую поэзию явилась мягкость его универсального сострадания, меланхолическая смиренность человека перед грубостью вещей и неуверенная надежда на рай, где были бы забыты бедствия этого мира.

Обычно противопоставляют эстетизм (иногда немного сухой) Фудзивара-но Тэйка (1162—1241), известного также под именем Садай, которому было поручено составление *Син Кокинсю*, утонченной любви к природе, выраженной меньше чем через полстолетия в творчестве поэта-монаха Сайгё (1118—1190). Этот великий путешественник, как и многие японские художники, умел переводить в словесные образы свои чувства, которые ему внушала красота родной страны:

Кто скажет, отчего?
Но по неведомой причине
Осеннею порой
Невольно каждый затомится
Какой-то странною печалью[1].

[1] Перевод с яп. В. Марковой.

Суровость времени — а то была эпоха войн между Тайра и Минамото — придавала стихотворениям Сайгё более мрачную тональность, но также и большую глубину по сравнению с *Кокинсю*.

«Собрание старых и новых песен», составленное по распоряжению императора Дайго (897—930), — первая поэтическая антология на японском языке и отличается, таким образом, от старинных сборников поэзии на китайском языке. Ее содержание почти полностью состояло из произведений в форме танки, которая включала тридцать один слог (5, 7, 5, 7 и 7 слогов в строке) и представляла собой короткое стихотворение, характеризующееся изяществом и краткостью. Именно из нее рождается вся позднейшая японская поэзия, но и сама она никогда не будет полностью забыта. Танка всегда сопровождала придворную культуру до XIX столетия и сохраняла место, которое ей было определено в *Кокинсю*; однако танка снова стала очень популярной, когда в 1891 году филолог и поэт Отиай Наобуми (1861—1903) опубликовал свой «Новый свод законов о коротких стихотворениях» (*Синсэн катэн*), из которого Ёсано Тэккан (1873—1942) черпал вдохновение для своего глубокого лирического чувства. По сей день существует «Международное общество танки», основанное Жюдит Готье и принцем Сайондзи Киммоти (1849—1940) в конце прошлого [XIX] столетия. Целью общества были не только переводы танки, чтобы иностранцы могли оценить поэтические достоинства, но и воспитание вкуса к их созданию на других языках, что и попыталась сделать Жюдит Готье на французском языке. С тех пор, несмотря на трудности, с которыми встретился этот союз поэтического духа и поэтической формы, очень отличающихся друг от друга, поклонники танки не отказались от попыток осуществить этот сложный синтез. Задача, впрочем, более чем замечательная, так как в самой Японии жанр танки постепенно умирает, чрезмерное изящество и изысканность убивают его содержание. На это влияют, кроме того, узкие фонетические границы жанра, злоупотребление каламбурами — словами с двойным смыслом (*какэ котоба*), клише, знаменитые слова-подушки (*макура-котоба*), эти эпитеты в манере Гомера, которые неизменно сопровождают некоторые слова; таким образом, небо (*амэ*) всегда «безграничное и надежное» (*хикасата-но амэ*), в то время как утреннее солнце — «улыбающееся и лучистое» (*эмисакаю*).

С веками значение эпитетов стиралось, и *макура-котоба* оказывались всего лишь легким сопровождением для идеи, а иногда и избитым стилистическим приемом.

Томная нежность этих стихотворений воскрешает в памяти неуловимые измененииия природы, авторы воспевают цветы, любовные порывы, эта поэзия пробуждала поэтический талант и мужчин и женщин, монахов и воинов. В 951 году было основано «Ведомство национальной поэзии» (*вака-докоро*), которому препоручалась задача собирать эти крохотные эфемерные драгоценности. В результате плодотворных поисков они были внесены в *Кокинсю*. Эта антология, которую предваряли предисловия на китайском языке Ки-но Ёсимоси (умер в 919 г.) и на японском языке (что очень важно) Ки-но Цураюки (883—946), заложила основы, на которые впредь опирались все японские поэты, пишущие на родном языке, в том числе понятие быстротечности впечатлений (*моно-но аварэ*), которому было суждено оказать влияние на всю эпоху Хэйан. Пронизанная буддизмом, скорее связанным с чувствами, чем с подлинно нравственным или религиозным началом, эта идея оказалась прежде всего эстетическим принципом. Она вполне соответствовала духу придворной поэзии, дружественной легкости и блеску, слегка завуалированному, что представлялось идеалом хорошего вкуса.

Цветы вишневого дерева,
что знали только весну,
и только этого года,
вам не узнать никогда,
что суждено однажды опасть[1].

Эта изысканная меланхолия, повторяясь сто и даже тысячу раз, утрачивает свое очарование, на его месте нередко возникает искусственный академизм; однако она очаровательна, когда если передана талантом Аривара-но Нарихира (825—880).

Нарихира на следующее утро после визита, который принцесса и великая жрица храма Исэ нанесла, придя ночью к поэту (он жил у нее), было отправлено следующее стихотворение:

[1] Перевод с франц. И. Эльфонд.

«Не вижу тебя» — не скажу,
и «вижу» сказать не могу...
Придется бесплодно весь день
в тоскливых мечтах провести мне
с любовью к тебе...

Ответ Нарихира оказался таким:

Знаешь, кто я, иль нет, —
зачем же тут бесплодно —
так различать?
Любовь одна должна служить
верным руководством![1]

Более богатыми являются стихотворения, включенные в первую величайшую японскую антологию «Антология мириадов листьев» (*Манъёсю*), составленную, по-видимому, Отомо-но Якомоти во второй половине VII столетия. Благодаря этому можно читать произведения 491 поэта и 70 поэтесс, не считая двухсот анонимных стихотворений. Хотя они и были написаны иероглифами китайского языка, значение которых столь же идеографическое, сколь фонетическое, эти стихотворения свидетельствуют о чисто японской способности чувствовать и чрезвычайно отличаются от бесчисленных китайских стихотворений, которые тогда сочинялись в Японии. Стихотворные размеры еще различаются и довольно неопределенны. *Хока*, или длинное стихотворение, структурировалось с переменным количеством стихов, чередованием 5 и 7 слогов (некогда они включали от 3 до 11 слогов). Этот ритм 5 и 7 слогов встречается и в танке. *Сэдока* представляет исключительный ритм 5, 7, 7, 5, 7 и 7 слогов в строке. Длинные стихотворения обычно сопровождаются короткими стихотворениями, которые обобщают смысл, в то время как короткое предисловие на китайском языке, помещенное в начале произведения, рассказывает о том, какие именно обстоятельства

[1] Перевод Н. Конрада. Автор поменял местами участников диалога: в «Исэ-моногатари», откуда взят этот фрагмент, первую танку произносит как раз Нарихира, вторую — героиня, будущая императрица Нидзё.

вдохновили автора на создание этого произведения. Больше всего в этих стихотворениях рассказывается о радостях и огорчениях любви; сюжет других был определен впечатлениями, которые получали высшие чиновники в обязательных поездках до места службы в провинцию; некоторые, наконец, были отзвуком старинных легенд. Среди авторов, наделенных большим талантом, необходимо упомянуть Ямабэ-но Акахито (первая половина VII в.), который умело воспевал красоты природы, и Какиномото-но Хитомаро (конец VII в.), который оплакивал смерть придворной дамы (*унэмэ*) Киби-но Цу:

Словно средь осенних гор
Алый клен,
Сверкала так
Красотой она!
Как бамбуковый побег,
Так стройна она была.
Кто бы и подумать мог,
Что случится это с ней?
Долгой будет жизнь ее,
Прочной будет, что канат,—
Всем казалось нам.
Говорят,
Что лишь роса
Утром рано упадет,
А под вечер — нет ее.
Говорят,
Что лишь туман
Встанет вечером в полях,
А под утро — нет его...
И когда услышал я
Роковую весть,
Словно ясеневый лук,
Прогудев, спустил стрелу.
Даже я, что мало знал,
Я, что мельком лишь видал
Красоту ее, —
Как скорбеть я стал о ней!

Ну, а как же он теперь —
Муж влюбленный, молодой,
Как весенняя трава,
Что в ее объятьях спал,
Что всегда был рядом с ней,
Как при воине всегда
Бранный меч?
Как печали полон он,
Как ночами он скорбит
Одиноко в тишине,
Думая о ней!
Неутешен, верно, он,
Вечно в думах об одной,
Что безвременно ушла,
Что растаяла росой
Поутру,
Что исчезла, как туман,
В сумеречный час... [1]

Поэзия Хитомаро вдохновляется колдовским ритмом ритуальных синтоистских молитв (*норито*), благородный стиль которых равным образом является и стилем императорских манифестов (*сэммио*), перегруженным к тому же китайскими терминами и буддийскими выражениями.

Эти сокровища японской литературы, которые в XIX столетии и сегодня обычно считаются вершиной национальной литературы, чрезвычайно быстро забылись в свое время. В IX веке развитие национальной письменности, способной выразить душу поэтов, заставило позабыть о старом и условном чтении идеограмм, которыми искусственно была записана поэзия *Манъёсю*. Смысл утратился до такой степени, что в X веке император Мураками (946—967) поручил Минамото-но Ситаго (911—983) и четырем другим ученым восстановить старинные правила чтения. Двумя веками позже, в 1185 году, появляется первый комментарий. Затем в 1683 году Токугава Мицукини (1628—1701) поручил ученому монаху Кэйтю (1640—1701) изучить *Манъёсю* при

[1] Перевод с яп. А. Глускиной.

помощи зарождающейся тогда филологии. Потребовалось не менее десяти столетий, чтобы *Манъёсю* вернулся из забвения. И в самом деле, *Манъёсю* оказался в досадном положении посредника между двумя главными формами выражения — китайской литературой и литературой на родном языке, которой вскоре было суждено создать шедевры

Проза

Тысячный год рассматривается еще и сегодня как золотой век классической прозы. На фоне грубости и вульгарности трудной повседневной жизни аристократия жила при дворе, куда стекались богатства и таланты, вела беззаботное существование, хотя и там бывали печали, и предавалась искусствам. Этот пышный эстетизм, церемониальная строгость дворянских обычаев, смягченная многочисленными любовными интригами, и были описаны в замечательной «Повести о принце Гэндзи» (*Гэндзи-моногатари*) придворной дамой Мурасаки Сикибу. К этому же направлению принадлежат и «Пробуждение среди ночи» (*Ёха-но нэдзами*), и «Повести о вице-канцлере Амамацу» (*Хамамацу тюнагон-моногатари*), и «Если бы я только смог изменить» (*Торикэбая-моногатари*). Японский язык, прославленный гением женщин, во власти которых он оказался, стал отточенным классическим языком. Он далеко ушел от старой «Повести о рубщике бамбука» (*Такэтори-моногатари*), сказки о феях, считающейся одной из древнейших форм моногатари.

Таким образом, развивавшийся и совершенствующийся благодаря сентиментальной и очаровательной повествовательной литературе, японский язык становился образцовым и изысканным, превратился в язык общения, язык тайных сердечных признаний, язык мимолетных чувств, который создал «сочинения, написанные движением кончика кисти» (*дзуйхицу*), личные дневники, которые были литературно оформлены в более или менее романизированном виде (*никки*). Отражая свое время, эти произведения дают верное представление об эпохе воинственного феодализма, передают горечь Камо-но Нагаакира (1115—1216), известного под именем Тёмэй, удалившегося от мира и ставшего отшельником (в это время он писал «Записки из кельи» —

Ходзёки), и гуманизм Ёсида Кэко (1282—1350), чьи «Речи об утраченном времени» (*Цурэгура гуса*), составленные с 1324 по 1331 год, — это воспоминания о большом опыте бывшего чиновника, ставшего буддийским монахом. Опыт состоял в умении избежать политических интриг и распрей, которые свирепствовали внутри сёгуната так же, как и в императорской семье. Блестящий, тонко разработанный стиль этих авторов несет в себе восприятие жизни, умудренное опытом, углубленное размышлениями, и это его отличие от легкой и несколько поверхностной живости писательниц, которые (и именно они) первыми сделали модным этот жанр в эпоху Хэйан. Пример этого мы находим в «Записках у изголовья» (*Макура-но соси*) Сэй Сёнагон, придворной дамы, родившейся около 964 года. Наряду с описанием времен года и некоторых церемоний появляются описания очаровательных явлений, приятных, печальных, утомительных или вызывающих отвращение. Автор позволяет себе уноситься вдаль музыкой языка и биением своего сердца.

Весною — рассвет.

Все белые края гор слегка озарились светом. Тронутые пурпуром облака тонкими лентами стелются по небу.

Летом — ночь.

Слов нет, она прекрасна в лунную пору, но и безлунный мрак радует глаза, когда друг мимо друга носятся бесчисленные светлячки. Если один-два светлячка тускло мерцают в темноте, все равно это восхитительно. Даже во время дождя — необыкновенно красиво.

Осенью — сумерки.

Закатное солнце, бросая яркие лучи, близится к зубцам гор. Вороны, по три, по четыре, по две, спешат к своим гнездам, — какое грустное очарование! <...>

Зимой — раннее утро.

Свежий снег, нечего и говорить, прекрасен, белый-белый иней тоже, но чудесно и морозное утро без снега. Торопливо зажигают огонь, вносят пылающие угли, — так и чувствуешь зиму! <...> (Сэй Сёнагон. *Заметки у изголовья*)[1].

[1] Перевод с яп. В. Марковой.

Японская литература никогда не прекращала говорить о природе. Древняя нация лесников, рыбаков, крестьян, поздно урбанизировавшаяся, совсем недавно приобщенная к индустриализации, Япония не переставала наблюдать за изменениями в мире растений и животных. Отношение к временам года действительно своеобразно, и последовательность их подчиняется однообразному ритму течения года, поэтому в конце концов каждому из них стал придаваться нравственный смысл. Весна провозглашает радость рождения, внушает чувство радостного возбуждения, благодарности. Лето, пора жатвы, воспевает великолепие и завершенность созидательной силы. Осень в теплых тонах и легких туманах вызывает спокойствие и умиротворенность. Зима в белых снегах, с постоянно безоблачным небом символизирует чистый образ ясности и строгости. Сила этих образов такова, что вся лирическая литература классифицируется в зависимости от времени года. О нем обычно говорится в начале произведения, и оно влияет на всю его тональность. Таким образом, сложилось правило композиции, которое предписывает использование в каждом хайку по крайней мере одного слова, которое позволяет разворачивать стихотворение как естественный цикл времен года.

Для авторов точно так же не имеет значения география действия. Современные историки литературы подчеркивают, что развитие городской литературы, а затем влияние иностранных образцов концентрируется вокруг центра пребывания правительства на просторной равнине, где процветали старинный Эдо и современный Токио. В эпоху Камакура и Муромати тема путешествия по дорогам, которые соединяли Камакура и Киото, позволила описывать грозный вид гор и бездонные пропасти, приятный и устрашающий шум волн, бьющих об изрезанные берега. Литература эпохи Хэйан воспевала милые горы окрестностей Киото, спокойствие и бури на озере Бива, чистые струящиеся потоки и всегда беспокойные воды реки Камо, несущиеся от скалы к скале, унося все нечистоты столицы.

Эта мечтательная природа, где простор пейзажа всегда соответствует размерам человека и даже иногда представляется чересчур маленьким для западного восприятия, привыкшего к более обширным пространствам, без сомнения, оказывается одним

из источников происхождения определяющих черт японского искусства, в особенности ощутимых в литературе: плотность, концентрация духа, заключенного в узкие рамки. Японская литература на своем счету не имеет ни крупных социальных полотен, ни развернутого психологического анализа. Она создана из последовательности пейзажных описаний, заимствованных рассказов, знаков, намеков, вздохов, мокрых от слез рукавов или размышлений о смысле условностей. Ее главную привлекательность составляет особая атмосфера, где нет потребности о чем-то подробно рассказывать, ритуальное спокойствие двора, пессимизм буддизма, готового к наступлению конца времен (*маппо*), и пламя надежды, которая обязана своим появлением популярным формам амидизма. Именно поэтому японскую литературу, помимо всего прочего, так трудно переводить: речь идет не о том, чтобы проследить при переводе за лабиринтом чужой мысли, но о том, чтобы выявить тайные биения сердца.

Так обстоит дело и с любой попыткой интерпретировать элементы японской культуры. Необходимо приблизиться к специфическим формам общественных, нравственных и эстетических отношений, только тогда можно получить надежду понять настоящую природу этого сердца (*кокоро*), бьющегося в напряженном ритме, одного из наиболее страстных и наиболее сдержанных. Оно — единственный ключ для понимания японской цивилизации.

Справочный индекс

В данный справочный указатель включено большинство важных понятий, которые упоминаются в тексте. Указатель составлен в алфавитном порядке. Кроме того, в соответствии с общим принципом построения серии авторы в некоторых рубриках более детально излагают тот материал, который они не имели возможности развернуто привести в тексте: биографические данные о выдающихся исторических лицах, историю развития важнейших храмов, общие понятия, имеющие отношение к японской цивилизации, и т. п.
Выделение слова курсивом указывает на отсылку к другой статье указателя.

А

Абэ Ёсио
Современный ученый, профессор философии в Киото.

Абэ Ису
Родился в 1865 г., умер в 1949-м. Вместе с Сен Катаямой, Кётоку Сюсуи, Киносита Наоэ основал (1901) японскую социал-демократическую партию (*Сакайминсюто*).

Авадо-но Мабито
Ученый и политический деятель, который в 701 г. принимал участие в разработке «Свода законов эры Тайсё». В том же году возвратился в Китай. Умер в 719 г.

Адзути-дзё
Замок, который *Ода Нобунага* (1534—1582) приказал возвести в 1576 г. и в котором он впервые в истории Японии пожелал испытать пушки. Вокруг замка селились торговцы и христианские миссионеры. Он сгорел во время военной кампании против монахов Икко из монастыря Хонгандзи.

Айдзу
Район старинной провинции Ивасиро (современная Фукусима-кэн).

Айдзэнмёо
См. *Рага.*

Айти-кэн
Префектура, экономическим и политическим центром которой является *Нагоя.*

Акамацу
Семейство *даймё*, происходившее от Минамото-но Морофуса (1003—1077). Сам *Минамото* являлся потомком императора *Мураками* (годы правления 946—967).

Акамацу Мицусукэ
Родился в 1381 г., умер в 1441-м. Военный правитель (сюго) периода *Муромати.* Поскольку Акамацу опасался того, что в результате различных интриг он может утратить свои владения, то пригласил *Асикага Ёсинори* (сёгун с 1428 по 1441 г.) на празднество при дворе, во время которого он приказал убить сёгуна. Он немедленно подвергся преследованиям и в конце

концов совершил самоубийство вместе со всей своей семьей. С другой стороны, именно против его тирании было направлено крестьянское восстание годов *Эйкё* в 1429 г.

Акасагарбха
Бодхисаттва, страж «сокровища полной мудрости», его могущество распространялось во всех пяти направлениях (по-японски *Кокюдзё*).

Акаси
Хиёго-кэн. Доисторическое поселение: там были найдены ископаемые кости, принадлежащие представителям человеческого рода, подобные костям питекантропа.

Акита-кэн
Префектура, расположенная в северо-западной области *Хонсю*.

Акутагава Рюноскэ
Родился в 1892 г., умер в 1927-м. Прозаик, автор многочисленных рассказов и повестей, среди которых знаменитые «Расёмон» (1915) и «Кукольник» (1919).

Акэти Мицухидэ
Родился в 1526 г., умер в 1582-м. Неверный вассал и убийца *Ода Нобунага*.

Алкала
Буддийское божество. В эзотерическом буддизме один из небесных стражей (в Японии *Фудомиё*).

Ама-но Удзумэ
Богиня, которая танцевала перед небесной пещерой, где нашла убежище *Аматэрасу*.

Ама-но Хасидатэ
«Небесный мост». Узкая прибрежная полоса (3 км × 60 м), кромка земли с пышной растительностью, обрамляющая бухту Мияцу (Киотокэн). Наряду с *Ицукусимой* и *Мацусимой* является одним из трех наиболее знаменитых японских пейзажей (*Сан-кэй*). Был увековечен *Сэссю*.

Аматэрасу-о-миками
Богиня солнца, легендарная прародительница императорского семейства. Ей поклоняются в храме *Исэ*.

Амида
Вечная жизнь, или Вечный свет (на санскрите Амитабха), один из пяти будд созерцания.

Амидизм
Вера в *Амиду*. Учение о спасении, которое начиная с эпохи *Хэйан* наложило глубокий отпечаток на японскую цивилизацию.

Амитабха
См. *Амида*.

Амэ-но минака-нуси
Божество, которое до сотворения мира, находилось в центре вселенной. Предок *Идзанаги* и *Идзанами*.

Ананаи
Религиозная секта, одна из «новых религий».

Андо Хиросигэ
Родился в 1797 г., умер в 1858-м. Художник, мастер гравюр.

Антоку тэнно
Восемьдесят первый император Японии, в которой он царствовал с 1181 по 1185 г., будучи малым ребенком. Он погиб всего через два года, достигнув лишь семилетнего возраста, во время сражения при Дан-но Уре в 1185 г.

Аобон (аогон)
«Книжки в зеленом переплете» (XVIII в.).

Аомори-кэн
Префектура, расположенная в северной части *Хонсю*.

Апсара
Нимфы вод, божества индийской мифологии, родившиеся в результате сбивания масла в Молочном море. Они были спутницами гандхарв, некогда грозных воинов ведического бога вод, которые со временем превратились в обычных музыкантов рая *Индры*. Апсары, обычно изображаемые как танцовщицы или музыкантши, вдохновляли художников по всей Азии на композиции, исполненные изящества и движения.

Арагото
Герой, наделенный магической силой, персонаж театра *кабуки*.

Араи
Старинный замок в Сагами (*Канагава-кэн*).

Араи Хакусэки
Родился в 1657 г., умер в 1725-м. Политический деятель и выдающийся ученый.

Аривара-но Нарихира
Родился в 825 г., умер в 880-м. Представитель знати высокого ранга, поэт и художник. Его жизнь, полная приключений, легла в основу сюжета *Исэ-моногатари*.

Арима
Семейство даймё в Кюсю (Тикуго), где они обосновались в 1620 г. Потомки *Акамацу*, через них они происходили от Мураками-гэндзи, Минамото, то есть потомков императора *Мураками*. Однако существует еще и другая семья даймё, также носящая имя Арима, но являющаяся потомками Фудзиварано Сумимото (умер в 941 г.), которые получили свое имя от названия деревни Аримы в области Сэтцу (Осака-кэн, Хиёго-кэн), где они построили замок.

Арита яки
«Керамика из Ариты» (*Сага-кэн*), известная также под названием «фарфор из *Имари*», от названия порта, благодаря которому обеспечивался его вывоз за пределы Японии.

Архат
Это санскритское понятие до возникновения буддизма определяло «того, кто побеждает врага», то есть того, кто разрывает цепь вечных возрождений. После того как перешло в лексикон буддизма, стало обозначать «святых учеников» (*ло хань* на китайском, *ракан* на японском языке). В иконографии обычно архаты изображаются как отшельники с истощенными лицами.

Асаи Тю
Родился в 1856 г., умер в 1907-м. Художник, работающий в западной манере, ученик Антонио Фонтанези.

Асано
Семейство *даймё*, происходившее через Токи де Мину (Гифу-кэн) от рода Сэйва-гэндзи, *Минамото*,

которые сами являлись потомками императора Сэйва (годы правления 858—876). Семья обосновалась в Хиросиме в 1619 г.

Асикага
Город в Симодзукэ, колыбель династии сёгунов *Асикага.*

Асикага гакко
Школа, основанная в Асикаге в 1394 г. Нагао Кагэхиса и реорганизованная в 1439 г. Уэсуги Норидзанэ. Центр китайской культуры.

Асикага Ёсиаки
Родился в 1537 г., умер в 1597-м. Последний сёгун из рода Асикага. Он был низложен в 1573 г. *Ода Нобунага.*

Асикага Ёсиакира
Родился в 1330 г., умер в 1367-м. Сын *Асикага Такаудзи.* Второй сёгун из рода Асикага, правил с 1358 по 1367 г.

Асикага Ёсимаса
Родился в 1435 г., умер в 1490-м. Восьмой сёгун из рода Асикага. Именно при его правлении вспыхивает знаменитое и разрушительное восстание, известное как «смута годов Онин» (1467—1477). По распоряжению рафинированного эстета Ёсимаса был построен Серебряный павильон (Гинкаку, или Гиндакудзи).

Асикага Ёсимицу
Родился в 1358 г., умер в 1408-м. Третий сёгун из рода Асикага. При его правлении завершилась династическая распря (1392). Отрекшись от власти, приказал возвести Золотой павильон (Кинкакудзи) и, отойдя от дел, вступил в отношения с Китаем эпохи династии Мин.

Асикага-си
Династия Асикага, потомки *Минамото-но Иосиэ* (1041—1108), обосновавшаяся в провинции Симодзукэ (Тотиги-кэн). Победа *Асикага Такаудзи* (1305—1358) над кланом *Ходзё* привела Асикага к власти. С 1338 по 1573 г. этот род дал Японии пятнадцать сёгунов. Их генеральная ставка (*бакуфу*) располагалась в районе Муромати в Киото.

Асикага Такаудзи
Родился в 1305 г., умер в 1358-м. Первый сёгун из династии Асикага (в Муромати). Он получил титул сёгуна в 1338 г.

Асо
Самый высокий вулкан на Кюсю (1593 м).

Асука бунка
Культурная эпоха под названием Асука; относится к первой половине VII в. Период регентства *Сётоку* и распространения буддизма в Японии (572—621).

Асука-но Киёмихара рицурё
См. *Киёмихара рицурё.*

Асура
Божество Асура (от санскритского Асура) появилось в Персии в махдизме и в Индии. В дальнейшем перешло в пантеон буддизма, где представляет исключительную любовь к сражениям, которая должна караться. «Ад Асуры» предназначен для закоснелых воинов.

Атики
Корейская письменность (V в.).

Ацута
Город в Овари (ныне *Айти-кэн*), в котором почитается меч легендарного героя Ямато Такэру.

Б

Баба Тацуи
Родился в 1850 г., умер в 1888-м. Критик и политический деятель, который совместно с принцем *Саёндзи Кимоти* основал «Либеральную газету Востока», имевшую социалистическую направленность.

Бакин
См. *Кёкутэй Бакин.*

Бакуфу
«Правление из шатра», буквально «военная ставка», — понятие, которым обозначается резиденция военного правительства сёгуна.

Баку-хан
Система правления сёгунов из рода *Токугава* (1603—1868).

Бан-дайнагон-э котоба
Бан-дайнагон-э котоба (вторая половина XII в.) — три свитка, которые иллюстрируют волнующие эпизоды постоянных интриг, которые замышлялись при дворе в эпоху Хэйан. Государственный секретарь (*дайнагон*) Томо-но-Ёсио (бан-дайнагон) в 866 г. поджег центральные ворота, ведущие во дворец. Покушение положило конец могуществу семейства Томо, или *Отомо*, одного из старейших в Японии, и с тех пор усилилось доверие к *Фудзивара.* Именно в тот момент, когда могущество Фудзивара клонилось к упадку, то есть в XII в., эта история легла в основу широко известного иконографического сюжета. Без сомнения, пожар в императорском дворце в 1176 г. напомнил о событиях IX в. Свитки, выполненные в стиле *ямато-э*, насыщены особым динамизмом, которым отличаются картины на военные сюжеты, что уже датируются эпохой Камакура.

Бандо
Историческое название провинций, располагавшихся к востоку от границы Осаки.

Бансё-сирабэ-сё
Школа, основанная *бакуфу* в 1811 г. в Эдо и реорганизованная в 1855 г. для распространения западных языков и наук; положила начало образованию Токийского университета.

Басаку
Почтовые станции.

Басё
См. *Мацуо Басё.*

Бёдоин
Резиденция Фудзивары-но Ёримицу после его отречения от власти (992—1074), построенная в 1053 г. на Удзи вблизи *Киото.* После его смерти стала храмом — один из редких сохранившихся шедевров архитектуры *Синдэн.* Святыня буддийской секты *Дзёдо-син-сю.*

Бива
Лютня. Монахи с бивой — слепые сказители.

Бива
Самое большое озеро в Японии.

Бидзэн
Одна из восьми старинных провинций Санъёддо, ныне современная провинция *Окаяма-кэн.*

Бинго
Одна из восьми старинных провинций Санъёддо. Известен фарфор бинго.

Бисямонтен
См. *Вайшравана.*

Битю
Одна из восьми старинных провинций Санъёддо, ныне современная провинция *Окаяма-кэн.*

Бо Цзюйи
Родился в 772 г., умер в 846-м. Один из величайших китайских поэтов.

Бодхисаттва
Основное божество в буддизме махаяны, согласно которой бодхисаттва, проходя через ряд этапов, силой веры достигает высшего духовного совершенства, но отказывается от состояния Будды и нирваны ради того, чтобы посвятить себя спасению ближнего.

Бон
См. *урабон-э.*

Бонтэн
См. *брахма.*

Брахма
По-японски *Бонтэн.* Повелитель мира и отец всех живых существ, первая ипостась и создатель триады *брахманизма* (Тримурти) вместе с Вишну, хранителем, и разрушителем Шивой. Эти три божества признавались и в буддизме. Брахма — один из богов, которые помогали рождению Будды, в буддизме имеет более низкий статус по сравнению с буддами и бодхисаттвами.

Брахманизм
Индийская религия, философия перехода от политеистических верований ведизма к признанию некоего высшего принципа, что вело к появлению идеи монотеизма. Метафизические разработки текстов брахманизма, которые датируются IX—VII вв. до н. э., заложили основы буддийской доктрины.

Бугаку
Музыка и танцы, пришедшие в эпоху *Нара* в Японию из Китая эпохи Тан, Кореи и Вьетнама. В настоящее время бугаку обычно называется словом гагаку.

Бугё
Должностное лицо исполнительной власти, глава местной власти.

Будда
См. *Шакьямуни.*

Будокан
Павильон боевых искусств, был построен в Токио в 1962 г. Прекрасный образец архитектуры, вдохновленный древним зодчеством, был возведен на месте старинного Кодокана, основанного в конце XIX в. (1883) Кано Дзигоро, который перегруппировал древние школы дзюдо и превратил их в популярный спорт.

Букэ
Воинские дома, а также чиновники на службе сёгуна и провинциальные феодалы.

Букэдзукури
Особый тип военных крепостей. Они были окружены рвом с насыпью и частоколом. Некое подобие угловых сторожевых башен над входом. Внутри укрепления содержались конюшни и склады для хранения оружия.

Букэ-сёхатто
«Законы для военных домов», обнародованные после 1615 г.

Букэ-ясуки
Дом вельможи.

Бунгаку-дза
«Литературный театр» — группа, созданная в 1938 г. Куботой Мантаро.

Бундзинга
Живопись «образованных людей» (от китайского слова *вэнжэнь-хуа*).

Бункё хифурон
Трактат о поэтическом искусстве, написанный *Кукаем.*

Бунраку-дза
Театр кукол, созданный в Осаке в конце XVIII в.

Бунъя-но Ватамаро
Родился в 763 г., умер в 821-м. Получил звание «верховного командующего против варваров» после *Сакануэ-но Тамурамаро.* Ему удалось добиться умиротворения на северо-востоке Японии.

Бунэй-но эки
Военная кампания эпохи *Бунэй,* когда впервые японцы сумели оказать отпор монгольскому вторжению.

Буси
Воины.

Бусидан
Отряд воинов.

Бусидо
«Путь воина» — кодекс самурая, предписывающий единство физической силы и моральных добродетелей, был сформулирован приблизительно в XVII в.

Бусё
Праздник в честь рождения Будды; называется также праздником орошения Будды (*Канбуцу*). Отмечается с 840 г.

Буцу
Будда по-японски; его также называют Хотокэ.

Буцудан
Семейный буддистский алтарь.

Бхайсадзя-гуру
Будда, связанный с медициной (на японском языке — *Якуси*).

Бэ
Во времена становления исторической Японии лица, принадлежащие к одному клану и занимающиеся одним ремеслом.

Бэси
Меднорудные шахты (Этимэ-кэн).

В

Ваби
Понятие, определяющее некое состояние души, в котором сочетаются чувства одиночества, спокойствия,

чистоты и отрешенности, носит отпечаток романтизма и изысканности. Понятие *ваби* было тесно связано с другим, очень близким, но более литературным — *саби*. Последнее предполагает ощущение более выраженной тяги к умеренности, когда в любой деятельности человек стремится к сосредоточению и скромности посреди великолепия и величия. Оба понятия относятся к чайной церемонии (*тяною*). Они добавляли ощущение глубины (*югэн*) в эстетическую концепцию, разработанную Фудзивара-но Сюнсэй в XII в. Этот дух сдержанности и непринужденности характерен и для другого оценочного понятия — *сибуй* («терпкое»), которым обозначают, среди прочего, сероватые, коричневатые, оливковые цвета, используемые в керамике, предназначенной для чайной церемонии.

Вагото
Травести, амплуа в театре *кабуки*, созданное *Саката Тодзюро*.

Ваджрапани
Индийское божество (по-японски Рикицуконго-син). Бог-защитник, который держит в руках ваджру, то есть молнию. Стражи по обеим сторонам ворот буддийских храмов (*ни-о*).

Ва Дзин
Во Цзэн по-китайски. Китайские источники III в. обозначают этим именем обитателей Японии.

Вайрочана
Будда Татхагата (по-японски Дай Нити Нёрай, то есть «солнце, сверкающее повсюду). Главное божество секты *Сингон*.
См. *Махавайрочана*.

Вайшравана
Индийское божество (по-японски *Бисямонтен*). Небесный страж, ставший в народной мифологии одним из семи богов счастья.

Вака
Поэзия на японском языке.

Вакадокоро
«Ведомство японской поэзии», основанное в 951 г.

Вакадосиёри
«Младшие старейшины» в правительстве Токугава (1603—1868).

Вакасю-гата
Молодой человек, амплуа театра *кабуки*.

Вакаяма-кэн
Префектура, расположенная на юго-западе Нара, ее административным центром является Вакаяма.

Ваки
Помощник — один из актеров *Но*.

Ваки-дзурэ
Сопровождающий *ваки*.

Вако
Японские пираты.

Вакэ-но Киёмаро
Родился в 733 г., умер в 799-м. В 769 г. по приказу императрицы Сётоку (царствовала в 764—770 гг.), которая в первый раз правила под именем *Кокэн* с 749 по 759 г., должен был отправиться к оракулу в храм Уса, чтобы посоветоваться относительно монаха *Докё*. Киёмаро честно доставил ответ оракула, в котором содержалось суждение о том, что императорское достоинство не может быть даровано обычным людям. Тем самым он вызвал ярость Докё, который приказал перерезать ему сухожилия на ногах и отправил в изгнание в Осуми (Кангосима-кэн). Но удача возвратилась к нему при императоре Конэне (царствовал в 770—781 гг.), который изгнал Докё и щедро одарил Киёмаро почестями.

Вакэ-но Хироё
Конец VIII — начало IX вв. Сын знаменитого *Вакэ-но Киёмаро*, противника монаха-узурпатора *Докё*. Основал школу Кобун-ин и большую библиотеку при ней. Прославился познаниями в медицинском искусстве, которыми продолжали заниматься и его потомки.

Ванг Хиче
Родился в 307 г., умер в 365-м. Китайский каллиграф.

Ван Янмин
Родился в 1473 г., умер в 1529-м. Китайский философ. Принадлежал к школе конфуцианства, но делал особый акцент на доброте человеческой природы. Отличаясь от *Чжу Си*, который был связан с рационализмом школы Принципа (ли юй), основал неоконфуцианство идеалистического направления (син юй). Приближался к буддизму, поскольку не противопоставлял небесный мир земному, а утверждал, что и небесный и земной мир — части единого целого. Этим отчасти объясняется успех его произведений среди состоятельных людей в Японии в эпоху *Эдо*.

Вани
Ванг-инь, корейский ученый, уроженец *Пэкче*; согласно легенде, в IV в. обучил императора Одзина, доказав полезность письменности и владения конфуцианской классикой.

Васэда
Частный университет, основанный Окума Сигэнобу.

Ватанабэ Кадзан
Родился в 1793 г., умер в 1841-м. Художник, обратившийся к изучению западных наук. Написал множество сочинений, в которых восхвалял открытие Японии для торговли и чужеземные идеи. По приказу правительства он был осужден и подвергнут тюремному заключению в 1839 г., через два года покончил с собой, чтобы не доставлять своему даймё неприятностей; этот последний и в самом деле подвергся суровому порицанию, так как Ватанабэ Кадзан сумел из темницы отправлять письма своим друзьям.

Веер
Веер вплоть до 1868 г. был непременным аксессуаром. Первоначально был жестким (усива), затем стал складным (оги). Веер носили все — от жалкого слуги на ферме до императора. Им постоянно пользовались, ему удалось приобрести с течением столетий нечто от абстрактной ценности древнего жезла командующего (сяку). Он вошел в бытие как некий отличительный знак, выражающий состояние души. Командующие отдавали свои распоряжения при помощи веера из железа, каждая позиция которого имела точное значение. Кинжалы лежали в ножнах в форме веера. Огромные веера, сделанные из древесины криптомерии,

носили во время процессий в храме *Исэ*. Веер в конце концов стал обязательным аксессуаром всех дивертисментов с танцами и в театре *Но*. Его движения, молчание или же сухой звук, издаваемый раскрывающимися или закрывающимися пластинками, должны были выражать глубину, волнение, бесполезность страстей в этом мире. И скромный домашний предмет превратился в символ, напоминающий о суетности бытия.

Виная питака
Вторая часть Трипитака (сборник буддистских текстов канона *пали*), в которой были собраны правила нравственного аскетизма и монашеской дисциплины.

Ву
Одно из китайских царств периода Весны и Осени (770—475 гг. до н. э.) — по-японски Го, — достигшее расцвета в VI в. до н. э. Располагаясь на территории современного Шанхая, господствовало во всем бассейне нижнего течения Янцзыцзян до Нанкина. Словом *Ву* обозначался этот регион на всем протяжении китайской истории, несмотря на то что царство Ву было уничтожено соседним царством Юй в 473 г. до н. э. и аннексировано им.

Вэй
Одно из трех царств (Сан Суо), основанных на севере Китая Цао Пэйем, сыном знаменитого полководца и поэта Цао Цао, который низложил последнего императора из династии Восточного Хань. Царство было основано в 265 г. Впоследствии варвары Тоба, которые правили в Северном Китае с 385 по 534 г., также приняли имя *вэй*. Для того чтобы их отличить, их обычно называют *Северными Вэй*.

Вэнжэньхуа
См. *Бундзинга*.

Вэнь Сюань
Наиболее известная поэтическая китайская антология, составленная в Южном Китае в эпоху правления Шести династий принцем Сяо Туном (501—531), сыном императора Ву из династии Лян (502—557). (Может быть, автор имеет в виду императора У Ди. — *Перев.*) Это произведение, тексты которого были отобраны исключительно на основании их литературного достоинства, хорошо демонстрирует эстетические установки Южного Китая, которые оказали влияние на начальные этапы развития японской поэзии.

Г

Гаки-соси
«Сказания о голодных духах» (XII в.). В свитке «Сказания о голодных духах» изображены сцены изобилия, огромных количеств пищи, чтобы сильнее подчеркнуть нищету бродячих душ среди живущих, чьим наказанием в загробном мире стал постоянный голод — японская версия танталовых мук. В частности, изображено распределение риса среди бедных людей монахами.

Гангодзи
Один из семи великих храмов *Нара* и один из наиболее древних буддийских храмов Японии. Основан

Сога-но Умако, пылким сторонником буддизма, в год вступления на престол императора Сусюна (587), которого приказал убить (592). Храм в настоящее время восстановлен сектой *Сингон*.

Гандзин
Родился в 688 г., умер в 763-м. Китайский монах Чиен Чень, принадлежал к секте Лю (Рицу в Японии), которую основал в Японии. После многих безуспешных попыток прибыл в Японию в 753 г. и при покровительстве благочестивого императора Сёму (царствовал в 724—749 гг.) в 759 г. построил *Тосёдайдзи*.

Гандхара
Древняя область, расположенная на северо-западе Индии, столицей которой являлся современный Пешавар (Западный Пакистан). Здесь развивалась знаменитая школа буддистского искусства, которой был достигнут синтез эллинского, римского, сирийского и персидского искусства.

Гаранэн
От санскритского гхара (от сангхарама). Парк при буддийском монастыре.

Гейша
Точный перевод — «особа, занимающаяся искусствами». Обученные музыке, танцам и поэзии, гейши передавались в дорогие рестораны или в частные дома, чтобы развлекать общество мужчин. Искусство гейши являлось результатом долгого и заботливого образования (молодых учениц в этом ремесле в Киото называют майко). В результате гейши, обычно бедного происхождения, большую часть своей жизни проводили, оставаясь в долгах, под контролем старой оками-сан, поскольку должны были возместить и выплатить издержки, принятые на себя теми, кто взял их на свое попечение с детских лет, для того чтобы обучить и обеспечить необходимым роскошным гардеробом в старинном стиле. Хотя насчет гейш и рассказывают сентиментальные байки, которыми часто украшают биографии известных артистов, их существование не имеет ничего общего с жизнью обычных содержательниц баров, которых реклама туристических компаний, обманывая туристов, слишком часто называет гейшами.

Гигаку
Один из видов ритуальных танцев, пришедших в Японию в 612 г., в царствование императрицы *Суйко*, из Китая через Корею. Содержат черты тибетских и индийских ритуальных танцев, что говорит об их происхождении из Центральной Азии в VII в. Эти танцы ныне совершенно исчезли, кроме одного — «танца льва» (сисимай). Маски гигаку-мэн, из дерева с резкими, почти карикатурными чертами, сохранились в *Сёсоине* и в Хонбо-Киёко, библиотеке Тодайдзи.

Гидаю-буси
Тип речитатива в *дзёрури*.

Гиндзя
В Эдо место производства серебряных монет (гин) в эпоху Токугава; сегодня квартал и название проспекта в Токио.

Гинкаку
Серебряный павильон. Здание, построенное в 1489 г. у подножья «восточных гор» (Хигасияма) в Киото по приказу *Асикага Ёсимаса* как подражание Золотому павильону (Кинкакудзи), который *Асикага Ёсимицу* построил у подножия «северных гор» (Китаяма). После смерти Ёсимаса Серебряный павильон стал храмом и получил имя Дзисёдзи, отсюда и его современное название *Гинкакудзи* (храм Серебряного павильона). Серебряный павильон представляет собой очень важную веху в истории японской архитектуры, так как обладает всеми характерными чертами, присущими японскому дому как синтезу китайских и автохтонных элементов. Сад также является совершенным примером японского сада: остров расположен посреди озера с извилистыми контурами. Груда мелких белых камешков, первоначально оставленных рабочими, символизирует гору Фудзи — Ёсимаса, пораженный случайным сходством, запретил убирать эту необычную кучу.

Гион
Квартал в Токио, некогда славившийся вишневыми деревьями, а в более поздние времена — ресторанами и домами свиданий.

Гифу
Главный город префектуры Гифукэн, расположенный на северо-западе Айти-кэн (Нагоя).

Годайго тэнно
Родился в 1288 г., умер в 1339-м. Девяносто шестой император Японии, которой правил начиная с 1318 г. Тщетно пытался снова взять в свои руки реальную власть.

Годзан (Госан)
«Пять гор». По указанию сёгуна Асикага Ёсимицу в Японии были построены пять важнейших храмов дзэн-буддистской секты *Риндзай*, по примеру Китая во времена правления Южной династии *Сонг* — *Нандзэндзи*, Тэнрюдзи. Сёкокудзи, Кэнниндзи, *Тофукудзи* и Мандзюдзи. Такая «пятихрамовая» организация в Киото соотносилась с организацией храмов *Камакура*, объединявшей Кэнтюдзи, Энгакудзи, Суфукудзи, Дзётидзи и Дзёмиёдзи.

Годзан бунгаку (Госан бунгаку)
XIV—XV вв. «Литература Пяти Холмов» — школы дзэн-буддийской и китайской культуры.

Гойобэйа
Правительственные чиновники, члены совета сёгуна при правлении *Токугава* (1603—1868).

Гойодзэй тэнно
Сто седьмой император Японии, правил с 1586 по 1611 г.

Гокайдо
Пять важнейших дорог в Японии эпохи Эдо, все приводили к Японскому мосту (*Нихон-баси*) в Эдо.

Гокэнин
В эпоху *Камакура* (1185—1333) прямой вассал сёгуна, по прошествии столетий — подвассал сёгуна.

Голландия
«Голландская культура».
См. *рангаку*.

Гонин гуми
Группа из пяти человек — распределение населения, установленное в начале XVII в., отменено в 1888 г.

Гоо
Титул ставшего монахом императора, отрекшегося от престола.

Го-Сага тэнно
Восемьдесят восьмой император Японии, правил с 1242 по 1246 г.

Го-сай-э
Придворная буддистская церемония, учрежденная в 767 г.

Го-Сандзё тэнно
Родился в 1034 г., умер в 1073-м. Шестьдесят восьмой император Японии, правил с 1068 по 1072 г. Не был связан родством с *Фудзивара*, поэтому стремился освободиться от их политического господства. Сократил большое количество сёэнов и использовал любые средства для того, чтобы ослабить Фудзивара.

Госандзэммиё
См. *Трайлокьявиджайя*.

Госанкё
«Три семейства знатных вельмож» — три дома, которые находились в родстве с домом *Токугава* (*Тайясу*, *Хитоцубаси* и *Симицу*).

Госанкэ
«Три дома» — три ветви семейства Токугава, потомков трех сыновей *Иэясу* (1542—1616). Их обычно называют ветвями *Овари*, *Кии* и *Мито*. Из них избирался сёгун, если сёгунат оставался без наследника.

Го-Сиракава тэнно
Родился в 1125 г., умер в 1192-м. Семьдесят седьмой император Японии, правил в 1155—1158 гг.

Го-сэккэ
Пять знатных семейств клана *Фудзивара* в период *Камакура*, только из этих семейств избирались императорские супруги.

Го-Тоба тэнно
Родился в 1180 г., умер в 1239-м. Восемьдесят второй император Японии, правил с 1183 по 1198 г., тщетно пытался восстановить свою власть. По его распоряжению была составлена «*Син Кокинсю*».

Гото-Юдзё
Родился в 1435 г., умер в 1512-м. Чеканщик по металлу.

Го-Уда тэнно
Родился в 1267 г., умер в 1324-м. Девяносто первый император Японии, правил с 1274 по 1287 г. В его царствование окончательно была уничтожена опасность монгольского вторжения.

Гумма-кэн
Префектура, расположенная на севере равнины Токио, административным центром которой является Маэбаси.

Гун
Административный округ.

Гупты
Индийская династия (IV—VI вв.). Ее власть ослабела около 455 г. в результате вторжения гуннов-эфталидов. Искусство эпохи Гуптов, которое сохранялось вплоть до VIII в., оказало воздействие на весь Дальний Восток.

Гэдза-онгаку
Музыка, которая сопровождает драматическое действие и речь персонажей в театре *кабуки*.

Гэкокудзё
«Низшие побеждают высших» — выражение, характеризующее социальные явления, которыми был отмечен конец сёгуната *Асикага* (XV—XVI вв.).

Гэку
Внешний храм в *Исэ*, посвященный богине злаков.

Гэмбо
Умер в 746 г. Монах Конфукидзи в Наре. Возвратился в Китай в 716 г.

Гэммэй тэнно
Родилась в 661 г., умерла в 721-м. Императрица, сорок третья правительница Японии, царствовала в 707—715 гг. По ее приказу были составлены «Записи о деяниях древности» («Кодзики»).

Гэмпэй-сэйсуйки
«Записи о расцвете и упадке Минамото и Тайра» (1235) — военный роман, повествующий о сражениях кланов Минамото и Тайра.

Гэндзай-моно
«Пьесы о завтрашнем дне» — пьесы театра *Но*, в которых действующими лицами были живые персонажи в противоположность пьесам о призраках (*онрё-моно*) или демонах (*они-моно*).

Гэндзи
См. *Минамото*.

Гэндзи-моногатари
«Свитки Гэндзи» (XII в.).

Гэндзи-моногатари
«Повесть о Гэндзи», написанная *Мурасаки Синобу* в 1004 г., считается шедевром жанра *моногатари*.

Гэнко-бори
Стена, построенная в *Кюсю* (XIII в.) для оказания сопротивления монгольским захватчикам.

Гэнко-но Хэн
Восстание годов Гэнко (1331—1333). Тщетная попытка восстановления императорской власти императором Годайго (правил в 1318—1339 гг.).

Гэнку
См. *Хонэн*.

Гэнроку дзидай
Эпоха эры Гэнроку (1688—1703), которая в общеисторическом масштабе оказалась наивысшим расцветом режима Эдо.

Гэнсин
Родился в 942 г., умер в 1017-м. Монах с горы *Хиэй*. Имел множество учеников, его учение оказало сильное влияние на *Хонэна*.

Д

Дадзай Осаму
Родился в 1909 г., умер в 1948-м. Писатель. Его роман «Дисквалификация человека» (Нингэнсикккаку) стал для японцев символом отчаяния и неприятия действительности, которые они испытывали после поражения в 1945 г. Покончил с собой вскоре после публикации романа «Заход солнца» (Сяо).

Дадзайфу (Фукуока-кэн)
Место расположения военного управления *Кюсю* для охраны побережья, впоследствии резиденция

гражданских ведомств. Управление Дадзайфу первоначально (663) было установлено для отражения постоянных нападений корейского королевства *Силла*, которое в 562 г. уничтожило японское управление в *Мимане*.

Дай дайру
Центр императорского дворца.

Дай Ниппонси
«История великой Японии» — сочинение историков школы *мито*, редакция которого продолжалась почти три столетия (1658—1907).

Дай Тоа
Великая Восточная Азия — понятие, использовавшееся сторонниками японской гегемонии в Азии, прежде всего в связи с политикой, нацеленной на достижение «сферы процветания Великой Восточной Азии» (Дай Тоа киёэйкэн), определившее политику в 1940—1941 гг.

Дайандзи
То же, что и *Нандзэндзи*. Один из трех храмов (вместе с *Тодайдзи* и Сайдадзи), известных в Наре в VIII в. Древнейшее упоминание (617) об этом храме восходит к периоду правления императрицы *Суйко*. Часто перемещался, был известен под разными именами. Как Дайандзи он был сооружен в Хэйдзёкьо (*Нара*) в 745 г. Под руководством монаха Кукая превратился в один из наиболее значительных храмов эзотерического буддизма. Его отличие от храма *Тодайдзи* состоит в размещении двух пагод по другую сторону от главного южного входа.

Дайбуцу
Великий Будда. Этим общим понятием обозначаются все гигантские статуи Будды, и прежде всего в *Тодайдзи* (*Нара*), которая была выполнена после 743 г. по распоряжению императора *Сёму*.

Дайбуцудэн
Зал Великого Будды — главное святилище храма *Тодайдзи* в *Наре*.

Дайго тэнно
Родился в 885 г., умер в 930 г. Шестидесятый император Японии, правил с 897 по 930 г. По его распоряжению составлена поэтическая антология «Кокинсю».

Дайгодзи
Храм секты Синсю, основанной в Киото в 874 г. Сэйхё, внуком *Кукая*. Получил свое название благодаря особой милости, которую ему даровал император *Дайго*. Впоследствии ему также покровительствовал *Асикага Такаудзи*, но война «смуты годов Онин» (1467—1477) превратила храм в пепелище. *Тоётоми Хидэёси* отстроил его заново, в этом виде он сохранился до наших дней.

Дайдзё
Церемония сакрализации императора; торжественный пир.

Дайдзёдайдзин
Первый министр, должность была создана в 671 г.

Дайдзёкан
Важнейший административный орган, возглавляющий систему правительственных структур, был создан «Сводом законов эры Тайсё» (701).

Даймё
«Знатные семьи». Феодальный вельможа.

Даймё бикяку
Служебные должности *даймё* в эпоху *Эдо*.

Даймоку
Особая молитва секты *Нитирэна*.

Дайнагон
Высокая должность в аппарате правого и левого министерства.

Дайсэн-ин
Храм, расположенный в центре грандиозного ансамбля *Дайтокудзи* в *Киото*, центр буддистской секты *Риндзай*. В Дайсэн-ине находился изумительный сад камней (*карэ-сансуй*) (1512), воплощающий философскую идею о земном пути человека.

Дайтокудзи
Главный храм дзэн-буддистской секты *Риндзай*. Основан в 1324 г. в районе Мурасакино севернее *Киото*. Его здания перестроены в 1479 г. Знаменитый сад *Дайсэн-ин* спланирован *Соами*. Среди многочисленных шедевров, которые хранятся в Дайтокудзи, следует упомянуть картины китайского художника Му Ци, автограф императора *Годайго*, росписи дверей и ширм, принадлежащие Кано Мотонобу (1476—1559), а также и деревянную статую, изображающую великого мастера чайной церемонии Сен-но Рикю (1521—1591), исполненную им самим.

Дайцун
Резиденция монахов в буддийском монастыре.

Даммари
Сцена из театра *кабуки*, на протяжении которой действующие лица ищут друг друга в темноте.

Дан-но Ура (Симоносэки, Ямагутикэн)
Место знаменитого морского сражения (1185), в ходе которого погиб малолетний император *Антоку*. Это сражение определило крах рода *Тайра* и триумф *Минамото*. Так родилась новая Япония, где господствовало военное сословие.

Данрин
Поэтическая школа, основанная Нисияма Соин (1605—1682).

Даосизм
См. *Лао-цзы*.

Датэ
Семейство *даймё*, происходившее от рода *Фудзивара*; обосновались в *Муцу* с 1189 г.

Десима
Островок в порту *Нагасаки*, который был уступлен голландцам в 1635 г. На протяжении двух столетий являлся для японцев источником познаний о Западе и единственным местом, где могли встретиться европейская культура и культура Японии.

Дза
«Сосредоточение», мануфактура, собрание. Корпорации, организованные с разрешения владельца *сёэна*, который пользовался в данном месте монополией как на само производство, так и на перевозку товара. Разрешение давалось в обмен на денежные выплаты. Дза восходят к XIII в., часто получали покровительство синтоистских или буддийских храмов и превратились в важный экономический фактор в эпоху *Асикага* (XIV—XV вв.).

Дзайбацу
Точный перевод «финансовый клан». Современный концерн, возникающий вокруг банковской ассоциации.

Дзангэ-моногатари
«Рассказы на исповеди» (XV в.). Реализм этого произведения повлиял на японский роман в целом.

Дзёдзин
Японский монах. В 1072 г. отправился в Китай и оставил о своем путешествии обстоятельные путевые записки.

Дзёдзицу
Буддистская секта, которая была основана в Японии в 625 г. корейским монахом, тогда же была основана и секта *Санрон*, ветвью которой является Дзёдзицу в Китае.

Дзёдо син сю
Амидистская буддийская секта, в 1224 г. основанная *Синраном*; сторонники учения *Дзёдо*, распространившегося благодаря *Хонэну*.

Дзёдо сю
Буддистская секта Чистой земли (рай Амиды), основанная в 1174 г. *Хонэном*.

Дзёкамати
Города, возникающие у подножия замка.

Дзёко
Понятие, которым в системе *инсэй* обозначается император, который отрекся от престола.

Дзёкю-но хэн
«Мятеж времен Дзёкю» (1221). Тщетная попытка императора *Го-Тоба* вернуть власть в свои руки.

Дзёмё
Ритмические песни на тексты священных буддийских текстов.

Дзёмон сики бунка
Культура Дзёмон — эпоха, характеризующаяся керамикой с веревочным орнаментом (дзёмон). Эта неолитическая японская эпоха насчитывает несколько тысячелетий; хотя хронологию древнего периода трудно определить точно, она завершается в III в. до н. э.

Дзёрури
Театр марионеток, возникший из устного народного творчества — жалобного повествования. Стал знаменит благодаря «Повести о принцессе Дзёрури» (Дзёрури-химэ моногатари), которая сначала распевалась с музыкальным сопровождением, позднее иллюстрировалась игрой марионеток. Поэтический гений *Тикамацу Мондзаэмона* и театральный талант *Такэмото Гидаю* возвысили театр дзёрури до уровня великого искусства.

Дзётё
Умер в 1057 г. Знаменитый скульптор эпохи *Хэйан*, автор Амиды Нёрай из *Бёдоина* в *Удзи*. Он был родоначальником династии скульпторов, среди которых наибольшую известность получил *Ункэй* (работал с 1175 по 1218 г.).

Дзёхэй-но ран (935), тэнго-но ран (939)
Восстания Тайра-но Масакадо в Канто и Фудзивара-но Сумитомо

в Сайкайдо (*Кюсю*). Эти мятежи знаменовали начало выступлений воинов, которые способствовали упадку верховной власти в государстве.

Дзёэй сикимоку
Свод законов эпохи Дзёэй (1232).

Дзигоку-соси
Свиток «Сказания об аде» (конец XII в.); написан красивой скорописью, с иллюстрациями. Как и «Сказание о голодных духах» демонстрирует веру, характерную для эпохи Камакура в Шесть путей возрождения, или переселения, душ (рикудё). Показан ад шулеров: в качестве наказания перед лицом злорадно ухмыляющейся костлявой старухи они измеряют железными коробками пламя.

Дзидай-моно
Пьесы исторического жанра в театре *кабуки*.

Дзидай-сэва
Исторические пьесы на сюжет из городской жизни в театре *кабуки*.

Дзидза Бугё
Глава ведомства по религиозным делам при правительстве *Токугава*.

Дзидзё Босацу
Бодхисаттва, «спасающий от ада» (по-китайски Ци Цанг, на санскрите — Кситигарббха).

Дзидзямурай
Конные воины, владеющие землями, — местные властители, собственники крупного поместья или его управители, которые к концу XIV в., получив новые земли, сделались независимыми при поддержке крестьян, превратившихся в их вассалов.

Дзикидоэн
Рефекторий для монахов в буддийском храме.

Дзиммин бунгаку
«Народная литература», литературная группировка, созданная после Второй мировой войны.

Дзимму тэнно
Первый император Японии. Легенда рассказывает, что, покинув страну Хиюга (Миядзаки-кэн), он направился на восток и впоследствии обосновался в Ямато. После того как изгнал разбойников, он создал свою столицу в Касиваре. Эти события, которые обычно относят к 660 г. до н. э., мало согласуются с археологическими данными.

Дзингу когу
Мать императора Одзина, огромный курган (Одзин тэнно рё) в честь которого можно видеть и сейчас в долине Осаки (эпоха *Кофун*).

Дзинсин-но ран
Мятеж эры Дзинсин. Сразу же после смерти императора *Тэнти* вельможи *Кинай*, которые были недовольны преследованиями и проведением реформ эры *Тайка* в 672 г., приняли на себя руководство мятежом. Во главе мятежников находился дядя молодого императора Кобуна О-ама-но Одзи. После того как он вышел победителем, разбив своего племянника, который покончил жизнь самоубийством, О-ама-но Одзи стал знаменитым императором *Тэмму* и, обуздав тех, кто ему служил для того, чтобы захватить власть, сумел продолжить реформы эры Тайка и закрепить благоденствие. Именно он установил место своей столицы в Асука Киёмигахара.

Дзиппэнся Икку
Родился в 1765 г., умер в 1831-м. Знаменитый автор комических романов (*кокэйбон*), наиболее известным из которых является «На своих двоих по Токайдоскому тракту» (Токайдо тю хидзакуригэ).

Дзисёдзи
См. *гинкаку*.

Дзито
Одна из должностей правительства Камакура, этот пост был создан в 1185 г.

Дзито тэнно
Сорок первая императрица Японии. Правила с 686 по 697 г. Дочь императора *Тэнти* и супруга императора *Тэмму*, которому она наследовала.

Дзиюгэкидзё
Свободный театр, основанный в 1909 г. *Осанаи Каору* и *Исикава Сандзи*. В нем впервые в Японии были поставлены пьесы Ибсена.

Дзуйхицу
«Написанное кончиком кисти». Этот литературный жанр появляется в начале XI в., его отличительная особенность — автор свободно выражает свои чувства. Шедевром жанра являются «Записки у изголовья» (Макура-но соси) *Сэй Сёнагон*.

Дзэами, или **Кандзэ Мотокиё**
Родился в 1364 г., умер в 1443-м. Вместе со своим отцом *Канъами Киёцугу* (1333—1384) основал театр *Но*. Его поэтическое и теоретическое творчество принадлежит к числу важнейших шедевров японской литературы. Дзэами сам был актером и выражал глубокие чувства с величайшей сдержанностью движений: в этом проявлялась так называемая «скрытая утонченность» (*югэн*).

Дзэмпокоэн
«Спереди квадратный, сзади круглый» — классическая форма курганов эпохи *Кофун*, напоминающая замочную скважину или раковину гребешка.

Дзэн
См. *чань*.

Дзюртшат
По-китайски чжурчжэнь. Тунгусский народ, который после того, как победил киданей, основал в Северном Китае династию Кин, которая правила с 1122 по 1234 г. и была уничтожена монголами. Дзюртшат известны в японской истории как «варвары той». Когда они появились в 1019 г. на рейде в Хакате, то потерпели поражение благодаря *Фудзивара-но Такай*, возглавлявшему правительство *дадзайфу*.

Дзюсити дзё кэмпо
«Конституция семнадцати статей», обнародованная регентом *Сётоку* в 604 г.

Дзюэй
Эра Дзюэй (1182—1184).

Добэй
Земляная стена, защищавшая донжон укрепленного замка.

Догу
Антропоморфичные статуэтки из обожженной глины, изделия, принадлежащие охотникам и рыболовам эпохи неолита (период *Дзёмон*).

Догэн
Родился в 1200 г., умер в 1252-м. Монах, основатель секты Сёдёсю (Тойно дзоку). Первоначально изучал учение секты *Тэндай* на горе *Хиэй*. В 1223 г. совершил путешествие в Китай, где изучил установления Цзяо Тонга (Сёдёсю). Проповедовал в Кэнниндзи, который был основан *Эйсаем* в 1202 г. в *Киото*. Основал храм Эйхэйдзи в Этидзене (*Фукуикэн*), где находилась его секта (1244).

Дойкки
Восстания крестьян против властей.

Докё
Этот монах (умер в 772 г.) сумел завоевать доверие императрицы *Кокэн*. Ему удалось сконцентрировать в своих руках всю политическую власть. Однако, поколебленная предложениями знати, враждебной Докё, Кокэн отправила *Вакэ-но Киёмаро* испросить божество храма *Хатиман* в Уса. Киёмаро принес ответ, который гласил, что обычный подданный не имеет права стать императором. Докё его изгнал. После смерти императрицы новый император *Конин* изгнал Докё в Симодзукэ (*Тотиги-кэн*).

Докэ-гата
Шут, персонаж театра *кабуки*.

Досё
Буддийский монах. По возвращении из Китая основал в 660 г. в Японии секту *Хоссо* и распространял рёбу синто. После его смерти в 700 г. его тело было подвергнуто кремации, которая впервые использовалась в Японии в связи с этим случаем.

Досюн
См. *Хаяси Радзан*.

Дотаку
Колокола из бронзы, не имеющие языка. В разрезе имеют эллипс.

Дуньхуань
Город в провинции Гань-Су в Китае, расположенный на границе с пустыней Гоби. Место завершения Великого шелкового пути. Поблизости от Дуньхуаня находятся «Пещеры с тысячью будд» (Цян фодун), пробитые монахами в скале Минь Тя с V по X в. В этих пещерах сохранился ансамбль настенных буддистских росписей; считается красивейшим из известных. Именно из этих пещер, где была собрана обширная библиотека эпохи Средневековья, сэр Артур Стейн и Поль Пеллио в начале XX в. привезли самые древние тексты, которые были напечатаны в Китае, и драгоценные манускрипты. Они помогли понять эволюцию языков Центральной Азии и разговорного китайского языка, а следовательно, все, что имело отношение к древнейшей истории Восточной Азии.

Дхртараштра
Один из четырех небесных царей буддизма (на японском языке Дзикокутэн) — он должен был властвовать над Востоком.

Дхъяна
Практика медитации в соответствии с буддийской йогой, основывается на умозрительных построениях, которые повлекли за собой формирование китайской философии *чань* (на японском языке дзэн).

Дэбайяси
Представление с танцами театра *кабуки* (хаяси, оркестр, концерт).

Дэва
Одна из тринадцати старинных провинций Тонсандо в северной части *Хонсю*. На территории ее расположены современные Акита-кэн и Ямато-кэн.

Дэгатари
Драматическое представление с танцами театра *кабуки*.

Дэгути Онисабуро
Родился в 1871 г., умер в 1948-м. Основатель секты Омото.

Дэмо
Сокращение английского слова демонстрация, уличная манифестация.

Дэнгаку
«Танцы и музыка полей» — жанр, который развивался начиная с эпохи *Хэйан*, был призван ритмически воплощать коллективные работы по посадке и поливу риса. В более поздние времена вошел в репертуар храмов и монастырей, а затем был воспринят театром *Но*.

Дэнгё Дайси
См. *Сайтё*.

Дэнэн-моно
Пьесы театра *дзёрури*, воспринятые театром *кабуки*.
См. *марухон-моно*.

Ё

Ёван
Точный перевод «искрящееся дерево». Название, данное чайным чашкам, изготовленным *Дэгути Онисабуро*. В них с традиционными грубоватыми формами чайных чашек в стиле *раку* сочетался блеск ярких и живых красок, в то время в массе вещества использовалось золото.

Ёмихон, или **ёмисо**
«Книги для чтения» — повести или романы, сюжет которых был вдохновлен китайскими рассказами о таинственных происшествиях (они были переведены или приспособлены к японскому языку во времена эры *Гэнроку*). Этот жанр достигает своего расцвета в XVIII в., представлен творчеством Такэбэ Аятари (1719—1774), Уэда Акинари, Сантё Киёдэн (1734—1809) и *Кёкутэй Бакин*.

Ёмэй тэнно
Тридцать первый император Японии, правил в 586—587 гг. Первый из императоров, обратившийся в буддизм. Отец *Сётоку Тайси*.

Ёна-но нэдзамэ
«Пробуждение глубокой ночью» — роман, относящийся к началу XI в., написанный дочерью Сугавара-но Такасуэ (родилась в 1008 г.).

Ёрийэ
См. *Минамото-но Ёрийэ*.

Ёритомо
См. *Минамото-но Ёритомо*.

Ёро рицурё
718 г. Дополнение к своду законов эры *Тайхо* (701), подтвержденное *Фудзивара-но Фухито* (659—720).

Ёса Бусон
Родился в 1716 г., умер в 1783-м. Ири Бусон, творческий псевдоним Танигути Ин, — знаменитый поэт, мастер хайку и художник «школы образованных людей» (*бундзинга*). Его произведения, вдохновленные китайской традицией «школы образованных людей» эпохи *Юань*, указывают на свободный стиль, противоположный более сдержанным чертам традиционных школ. Благодаря его строгим вкусам, которые высоко оценивались интеллектуалами Эдо, его творчество можно противопоставлять популярной школе *юкио-э*.

Ёсида Кэнко
Родился в 1282 г., умер в 1350-м. Поэт и эссеист. Разочарованный двором, удалился от него после смерти своего покровителя императора *Го-Уда* (1324). Изучал конфуцианство, а также древнюю японскую литературу и сохранил в своих «Записках от скуки» (Цурэдзурагуса) горько-сладостные размышления, на которые его вдохновил собственный опыт в понимании суетности мира.

Ёсида Сёэн
Родился в 1830 г., умер в 1859-м. Блистательный самурай, высоко ставил идеалы воина. Прожил бурную жизнь. Принадлежа к клану Тёсю, неистово защищал как дело императора, так и идею закрытости страны для нежелательных чужестранцев. Однако при этом отличался огромным любопытством в отношении Запада. Намеревался втайне отправиться из Нагасаки в путешествие на русском корабле. Был казнен за попытку убийства посланца сёгуната, направленного в Киото для того, чтобы добиться согласия императора на открытие страны.

Ёсимунэ
См. *Токугава Ёсимунэ*.

Ёсино
Гористая область, которая занимает южную часть *Ямато*, сердце старой Японии. Ее глубокие долины и леса служили убежищем и священнослужителям, шедшим по пути поиска просветления, и воинам, в случае если они сталкивались с затруднениями. Император *Годайго* разместил там свой двор (1336) и там скончался (1339). Таинственная красота пейзажей Ёсино часто воспевалась поэтами.

Ёсинобу
См. *Токугава Ёсинобу*.

Ёсэгидзукури
Техника скульптуры, состоящая в сборке статуи из множества небольших деревянных деталей.

И

И
Династия правителей в Корее.

Ибараки-кэн
Префектура, расположенная на северо-востоке Токио, административным центром которой является *Мито*.

Ивадзюку
Гумма-кэн. Доисторическое поселение, открытое в 1949 г.

Ивайя Итироку
Родился в 1834 г., умер в 1905-м. Художник и каллиграф, который в эпоху *Мэйдзи* сделал известной китайскую каллиграфию, в том ее виде, в котором она использовалась в Китае в эпоху правления *Шести династий*.

Иваса Матабэй, или **Кацумоти**
Родился в 1578 г., умер в 1650-м. Сын *даймё*, лишенный владений *Ода Нобунага* в 1579 г. Принял имя Иваса, имя семьи, которая его воспитала. После того как изучил стили школ *Тоса* и *Кано*, использовал оба стиля для изображения простых людей и живописных сценок, которые можно было увидеть в *Киото* или в *Эдо*. Отбросив привычные сюжеты, он положил начало жанровой живописи и считается первым представителем *укиё-э*.

Ивасиро
Одна из тринадцати старинных провинций Тосанддо, современная провинция Фукусима-кэн.

Ига
Одна из пятнадцати старинных провинций Токайдо, расположенная на территории современной Мио-кэн.

Игаракури
Технический способ отливки больших бронзовых статуй при помощи последовательных слоев, которые зацепляются друг за друга выступами. Выступы, находящиеся в меньшей части статуи, размещаются в гнездах, сделанных в большей части.

Идзаёй никки
«Заметки о становящейся полной луне» (1280). Повесть о путешествии из *Киото* в Камакура, написанная монахиней Абуцу, вдовой Фудзивара-но Тамэйи (1197—1275).

Идзанаги
Мужское божество. В браке с *Идзанами* стал прародителем множества существ и созданий, которые образовали Японию.

Идзанами
Женское божество. Вместе с *Идзанаги* образует супружескую чету, создавшую Японию.

Идзу
Одна из пятнадцати старинных провинций Токайдо, современная провинция Сидзуока-кэн; а также полуостров, расположенный к западу от Токийского залива.

Идзумо
Одна из восьми провинций древней Японии, ныне современная провинция Симанэ-кэн.

Идзумо тайся
Наиболее древнее синтоистское святилище в Японии наряду с монастырем *Исэ*. Первоначально имело колоссальные размеры.

Икаруга
Дворец, построенный поблизости от *Хорюдзи* принцем *Сётоку*, который умер в 622 г.

Ики
Остров, расположенный между Кюсю и Цусимой.

Икко икки
Восстание монахов (1488) *Хонгандзи*, принадлежавших к секте *Дзёдо син сю*, которую кратко называли Икко. Их боевые действия

продолжались в течение столетия, монахи были сокрушены в конце XVI в. диктаторами.

Икэбана
Икэбана — искусство составления композиций из цветов. Искусство букетов имеет китайское происхождение, в Японии появилось под воздействием буддизма — цветами обычно украшали алтарь. Рассказывалось, что принц *Сётоку* положил начало обычаю создания композиций из цветов, которое он поручил Оно-но Имоко. Последнего считают родоначальником школы икэбана икэнобо. Когда начала развиваться чайная церемония (*тяною*), то размещение цветов — важная часть декора чайного павильона (*тясицу*) — было возведено в ранг искусства, правила которого были кодифицированы для того, чтобы утвердить его символическое значение. Считается, что искусство композиции цветов приобретает свою значимость в эпоху сёгуната и под покровительством сёгуна *Асикага Ёсимара* (1435—1490), который построил в Киото Серебряный павильон (*гинкаку*). Центральный элемент букета связывает высокую ветку и низкую ветку, подобно тому как человек находится между небом и землей. Выбор цветов традиционно делается в зависимости от месяца года, например: слива расцветает в феврале, глициния цветет в мае, хризантема — в октябре; а также от обстоятельств: свадьба, встреча друзей. Букет не скрывает рисованный свиток (вместе они образуют украшение токонома), а должен гармонировать с ним, например, полевые цветы дополняют его, как намек на сельский пейзаж. В настоящее время существует более трехсот школ искусства флористики — от строгого следования классическим правилам до современных модных вариаций, даже если букет состоит из искусственных цветов.

Икэда
Семейство даймё, которое происходит от Сэйва-Гэндзи, *Минамото*, потомков императора Сэйва (царствовал в 858—876 гг.). Семейство обосновалось в Окаяма в 1632 г.

Икэно Тайга
Родился в 1723 г., умер в 1776-м. Художник, принадлежавший к «школе образованных людей» (*бундзинга*).

Имагава Ёсимото
Родился в 1519 г., умер в 1560-м. После того как он тщетно пытался захватить *Овари*, был побежден *Ода Нобунага*.

Имаё
В эпоху *Хэйан* песни, сочинявшиеся на старинные мелодии. По приказанию отрекшегося императора *Го-Сиракава* из них был составлен сборник «Рё дзин хисё».

Имари
Порт, расположенный на северо-западном побережье *Кюсю* (*Сагакэн*), известность приобрел благодаря торговле керамикой *арита* и *карацу*.

Имибэ, или **Имбэ**
Мастерские керамики, расположенные в Бидзэне (ныне *Окаяма-кэн*), производство было основано на использовании тяжелой серой глины, дающей при обжиге красновато-кирпичный, коричневатый цвет, темно-коричневый и даже черный на шероховатой поверхности изделия.

Ин
Клеймо. На Дальнем Востоке имело такое же значение для официальных актов, как для Запада печать. В обыденной ситуации и в особенности в современной жизни оно часто заменяет подпись.

Инакама
Единица длины, соответствующая шести футам (сяку), то есть приблизительно 1,8 м. Эта метрическая единица обычно использовалась за пределами столицы (*Киото*), в которой единица измерения была немного иной.

Инари
Инари — божество риса, наиболее почитаемое в народе. Считается также божеством благополучия и успеха. Кузнецы и торговцы считают его своим покровителем. Обычно его изображают восседающим на спине у лисы с тяжелым мешком риса, у него длинная борода: иногда его наделяют женскими чертами. Иногда вместо него изображается лиса — его спутник, и этого оказывается достаточно для представительства божества. Святилища, посвященные Инари, многочисленны — от обширного ансамбля в Фусиме (поблизости от *Киото*) до смиренных алтарей, разбросанных в сельской местности, на которых живо изображена загадочная лисица. Нередко Инари путают с богиней пропитания Укэмоти-но ками.

Ингё тэнно
Девятнадцатый император Японии, правил, по преданию, с 411 по 453 г.

Индра
Бог неба. Древнеиндийский бог, который сражается с демонами при помощи ваджры — грома. Буддизм превратил его в стража (на японском языке Тайсякутэн).

Ино Тюкэй, или **Тадаёси**
Родился в 1745 г., умер в 1818-м. Картограф, который был обучен методам «голландской науки» и составил первую карту Японии.

Инро
Маленькая коробочка, предназначенная для хранения лекарств, в которой находилось одно или несколько отделений или одно в другом. Ее можно было носить прикрепляя к поясу. Кроме лекарств, можно было носить киноварь — краску, которая была необходима для отпечатка *ин*, личного клейма, его широкое распространение началось с XVII в. Именно отсюда и происходит само название *инро* («коробочка для печати»). Чаще всего изготавливалась с использованием техники лака, делалась также из серебра, слоновой кости и любых дорогостоящих материалов. Различные отделения инро соединялись между собой шнурком, удерживавшимся при помощи застежки (*нэцкэ*). Украшая инро ремесленники эпохи *Эдо*, демонстрировали непревзойденное мастерство.

Инсэй
Правление из монастыря. Было установлено в 1086 г., продолжалось более столетия.

Инугами-но Митасукэ
В 614 г. в царствование императрицы *Суйко* был направлен послом

ко двору династии *Суй*, затем первый посол императора Дзёмэя к китайскому двору династии *Тан* в 630 г.

Инукай Цуоти
Родился в 1855 г., умер в 1932-м. Политический деятель.

Инуэ Каору
Родился в 1835 г., умер в 1915-м. Государственный деятель, пламенный сторонник европеизации, который сыграл важную роль во время Реконструкции *Мэйдзи*, в особенности в экономических и финансовых преобразованиях. От политической жизни удалился в 1898 г.

Ин Цзун
Император из маньчжурской династии *Цин*. Правил в Китае с 1723 по 1736 г. между двумя великими императорами Канси (1662—1723) и Цян Лун (1736—1795).

Ипицусай Бунко
Родился в 1725 г., умер в 1794-м. Художник, мастер гравюры, специализировался на портретах актеров.

Иппэн-сёнин-эдэн
«Иллюстрированный свиток жизнеописания монаха Иппэна», в котором рассказывается о жизни монаха-путешественника Иппэна.

Исибутаи
Курган, сохранившийся на равнине Нара. Считается, что это гробница *Сога-но Умако*.

Исидатэ-со
Монахи, которые стали мастерами — резчиками по камню.

Исикава-кэн
Префектура, расположенная к северу от озера *Бива* на побережье Японского моря, административным центром которой является Канидзава.

Исихара Синтаро
Современный романист, автор вольнодумных романов, в том числе «Сезон солнца» (Тайё-но кисэцу).

Исияма, или **Исияма Хонгадзи**
После того как *Хонгандзи* в *Киото* сгорел в 1532 г., храм был перемещен в Осака, где *Икко* превратили его в настоящую крепость. *Ода Нобунага* разрушил его в 1580 г.

Исо-сима
Прибрежный остров — декоративный элемент садов.

Исса
Псевдоним писателя Кобаяси Ятаро.

Иссики
Семейство *даймё*, происходившее от Сэйва-гэндзи из клана *Минамото*, потомков императора Сэйва (царствовал в 858—876 гг.).

Исэ
Одна из пятнадцати старинных провинций Японии, расположена была на территории современной Миэ-кэн.

Исэ дзингу
Один из самых древних священный синтоистский монастырь в Японии, наряду со святилищем в *Идзумо*. Здесь поклоняются *Аматэрасу*, божественной прародительнице императорского рода, согласно традиционной мифологии.

Исэ-моногатари
«Повесть об Исэ». Анонимный роман эпохи Хэйан. Героем его является, несомненно, *Аривара-но Нарихира* (825—880), так как роман включает стихотворные сочинения.

Итагаки Тайсукэ
Родился в 1836 г., умер в 1919-м. Политический деятель.

Итибокудзукури
Техника скульптуры, которая состоит в том, что произведение создается из цельного куска материала.

Итидзё тэнно
Шестьдесят шестой император Японии, правил с 987 по 1011 г.

Исикава Гоэмон
Родился в 1596 г., умер в 1632-м. Знаменитый разбойник эпохи Момояма.

Итикава Дандзуро
Родился в 1660 г., умер в 1704-м. Знаменитый актер театра *кабуки*, создатель роли *Арагото*.

Итикава Садандзи
Родился в 1880 г., умер в 1940-м. Совместно с *Осанаи Каору* основал «Свободный театр» (Дзию гэкидзё).

Ито
Крепость, защищавшая *Дадзайфу*, центр управления *Кюсю*, построена в 663 г.

Ихара Сайкаку
Родился в 1642 г., умер в 1693-м. Прозаик, талант которого проявился в жанре «рассказов по моде» — *укиё-дзоси*.

Ицукусима
Остров Внутреннего Японского моря, расположенный к юго-западу от Хиросимы. Знаменит своими приморскими монастырями и представляет собой один из трех наиболее прекрасных пейзажей Японии (*Санкэй*), два другие — *Мацусима* и *Ама-но Хасидатэ*.

Иэнари
См. *Токугава Иэнари*.

Иэхару
См. *Токугава Иэхару*.

Иэясу
См. *Токугава Иэясу*.

К

Кабанэ
Фамильные имена семейств, образованные от названия служебных должностей (эпоха *Хэйан*).

Кабуки
«Искусство пения (ка) и танцев (бу)». Зрелищный театр, развивавшийся в эпоху *Эдо*. *Кабуки* — преемник *дзёрури*.

Кабукимон
«Дверь с ленточкой (кабу) из дерева (ки)». Парадный вход: две колонны поддерживают поперечную балку. В эпоху *Эдо* только знатные лица обладали правом сооружать подобные двери.

Кабунакама
Ассоциации (накама) торговцев, разрешенные в 1721 г. сёгуном *Токугава Ёсимунэ*.

Кавабата Ясунари
Родился в 1890 г., умер в 1972-м. Современный романист, лауреат Нобелевской премии по литературе.

Кавара-но ин
Дворец *Минамото-но Тору* в *Киото*.

Кавати
Одна из пяти старинных провинций Кинай, находилась на месте современной *Осака-фу*.

Кага
Одна из семи старинных провинций Хокурикудо, в настоящее время на ее территории находится *Исикава-кэн*.

Кагосима
Административный центр Кагосима-кэн, префектуры, расположенной в южной части острова *Кюсю*. Город образовался вокруг замка.

Кагура
Старинный японский танец. (Вообще *кагура* — древние мистерии, связанные с культом *Аматэрасу*. — *Перев.*)

Кагэро никки
Речь идет, без сомнения, о дневнике (974—995) дочери Фудзивара-но Томояси, матери великого Правого министра Фудзивара-но Митицунэ. (В переводе «Дневник стрекозы». Сочинение приписывается также жене канцлера Фудзивара Канэнэ, принадлежавшей к низшей аристократии. — *Перев.*) Этот дневник оказал огромное влияние на сочинения *Сэй Сёнагон* и *Мурасаки Сикибу*.

Кагэюси
Должности, созданные в начале IX в.

Кадзура-моно
Жанр пьес с женскими персонажами (театр *Но*).

Кайбара Эккэн
Родился в 1630 г., умер в 1714-м. Автор многочисленных трактатов по конфуцианской морали. Ему приписывается, в частности, «Великое исследование о женщинах» (Онна дайгаку).

Кайдан-моно
Пьесы или повествования с персонажами-призраками (театр *кабуки*).

Кайдзука
Груда раковин, оставленных охотниками-рыболовами неолитического периода (эпоха *Дзёмон*).

Кайкоку
Открытие Японии для иностранцев в XIX в.

Кайкэй
Ученик *Кокэя* (деятельность относится к концу XII в.), один из великих мастеров скульптуры эпохи *Камакура*. Работал одновременно в реалистическом стиле, как и *Ункэй*, сын учителя Кокэя. Его творчество отличается чувством изящества и сбалансированности, что противостоит мощи Ункэя.

Кайро
Внутренний дворик буддистского монастыря.

Кайфусо
Самая древняя японская поэтическая антология стихотворений на китайском языке (751).

Какибэ
Писари.

Какиномото-но Хитомаро
Поэт конца VII в., на творчество которого оказали влияние ритуальные молитвы *синтоизма*.

Какуё
См. *Тоба Сёдзё*.

Какэ-котоба
Слова-«колышки».

Какэмон
См. *Сакайда Какэмон*.

Какэмоно
Свиток с живописной картиной или каллиграфической надписью, развешивается на стене.

Календарь
Обычный японский календарь опирается на систему перечисления названий эр (ненго), принятую в Китае с 140 г. до н. э. (ньен хао), а впоследствии и в Японии при императоре *Котоку* в 645 г. Периоды именовались в связи с известными событиями в жизни страны: победы, бедствия, реформы, восшествия на престол. Некоторые эры продолжались всего лишь год, другие — до двадцати лет и редко оказывались более продолжительными. На каждое царствование могло приходиться несколько эр, обычно их насчитывается до восьми на протяжении четверти столетия. В 1872 г. правительство решило отказаться от старого лунного календаря и присоединиться к григорианскому календарю. Таким образом, второй день третьей луны пятого года эры *Мэйдзи* — это 1 января 1873 г. С этих пор каждая эра корреспондируется только с одним царствованием и начинается с первого января того года, который следует за восшествием на престол императора. Даты, таким образом, отсчитывались по количеству лет в каждом наименовании эры, к ним могли добавляться и знаки шестидесятилетнего цикла (см. *Нумерация*) или же эти знаки могли заменять их. Если отсчет лет не создавал слишком много проблем, то совсем иначе дело обстояло с месяцами и днями, поскольку к этим расчетам прибавлялись промежуточные сроки, которые компенсировали переносы между календарными нормами и астрономическими расчетами. Поэтому было необходимо, как и в старинном китайском летосчислении, обращаться к неометрическим таблицам. Двенадцатичасовой расчет производился в соответствии с зодиакальным циклом животных, например с 0 до 2 часов — часы Крысы, с 22 часов до 24 часов — часы Кабана. Старинный японский календарь опирается также на хронологическую систему по царствованиям, принятую в VII в., что и китайский астрономический календарь. Таким образом подсчитывались годы предшествующих царствований и определялась дата восхождения на престол первого императора Дзимму, которая была зафиксирована как 660 г. до н. э. Впоследствии националисты тщетно пытались принять национальный японский календарь по подобию христианского календаря, отсчитывая годы от Дзимму тэнно, что превратило бы 1974 г. в 2634 г. существования японской империи.

Камакура
Эпоха Камакура — 1185—1333 гг.

Камбун
«Китайское письмо» — понятие, которым обозначают иероглифический письменный китайский язык. (До слогового письма японцы писали, используя китайские иероглифы, дополняя их знаками, для того чтобы перестроить текст в соответствии с нормами разговорного японского языка. — *Перев.*)

Ками
Дословно «тот, кто находится выше». Этим понятием в самом общем смысле обозначают божества религии *Синто*.

Камикадзе
«Божественный ветер» — ураган, ниспосланный провидением, который спас Японию от монгольского вторжения (1281).

Ками-маи
Танец божества.

Ками-моно
Истории из жизни божеств (театр *Но*).

Камму тэнно
Родился в 749 г., умер в 806-м. Пятидесятый император Японии, правил с 781 г. Для того чтобы избежать политического влияния великих храмов *Нара*, он перенес свою столицу в *Нагаоку*, а затем на место современного *Киото* и дал ей имя *Хэйанкё*. С этого момента открывается новая эпоха в истории Японии.

Камо дзиндзя
Синтоистские монастыри. Один из них (Симогамо) посвящен Тамаёри-химэ, матери *Дзимму тэнно*, в другом (Камигамо) почитается Вакэйкадзути, другой сын Тамаёри-химэ. Оба эти божества были избраны императором *Камму* для покровительства его новой столицы *Хэйанкё*. Ансамбль Камо относится к архитектуре типа *Нагарэ*.

Камо-но Гаакира, или Хомэй
Родился в 1155 г., умер в 1216-м. Монах, поэт и эссеист, автор «Записок отшельника» (*Ходзёки*).

Камо-но Мабути
Родился в 1697 г., умер в 1769-м. Ученый, один из основателей японской философии и истории (кокугаку). Особое внимание уделял изучению древнеяпонской поэзии из антологии *Манъёсю* и возвратил ей славу.

Камогава
Река, которая пересекает Токио с севера на юг, где она впадает в Кацурагава.

Кампаку
Должность, напоминающая должность майордомов. Была введена в конце IX в. и определила могущество *Фудзивара* в эпоху *Хэйан*.

Камэдзё
Родилась в 1661 г., умерла в 1690-м. Женщина-чеканщик из Нагасаки. Создала для чайной церемонии (*тяною*) различные предметы, которые принесли ей славу, наиболее широко известны курительницы ароматов в форме перепелок.

Камэкан
Кувшины, использующиеся в погребальных обрядах (эпоха *Дзёмон* и, главным образом, эпоха *Яёй*).

Кан дзи
Китайский иероглиф, идеографический или пиктографический.

Кана
Японская слоговая письменность, изобретенная в VIII—IX вв. и восходящая к некоторым китайским иероглифам.

Канагава
Договор от 31 марта 1854 г. В результате переговоров Перри он оказался первым договором, заключенным Японией с иностранной державой. Порты *Симода* (к югу от полуострова Идзу) и *Хакодатэ* (к югу от *Хоккайдо*) с тех пор были открыты для американских кораблей, которые могли там запасаться продовольствием и вести торговлю. Японцы обязывались хорошо обращаться с потерпевшими крушение американскими кораблями (если оно случится у берегов Японии). Наконец, в Симоде было разрешено размещение американского консула. Этот договор включал также статью (подобно обычаю, уже установленному в Китае) о «нации наибольшего благоприятствования»: преимущество, предоставленное любой иностранной державе, должно немедленно предоставляться и США. Ознаменовал *приближение окончания эпохи Эдо*.

Канагава кэн
Префектура, расположенная к югу от Токио, административным центром которой является Йокогама.

Канадзава бунку
Библиотека Канадзава, основанная в 1266 г. Ходзё Санэтоку.

Кана-дзоси
Литература, написанная на *кана* (эпоха *Эдо*).

Канбуцу
См. *Буцу*.

Кангаку-ин
Семейная школа *Фудзивара*, созданная в 821 г. *Фудзивара-но Фуюцугу*.

Кандзэ-дза
Первая из пяти школ театра *Но*, название происходит от имени его основателя *Канъами Киёцугу*.

Каннон
Японское имя китайского божества Гуань Инь, бодхисаттвы, исполненной милосердия, народная трансформация Авалокитешвара, первоначально мужского божества. В особенности Каннон почиталась в Японии и принадлежала к триаде Амиды. Ее обычно изображали в короне слева от него. Ее иконография чрезвычайно разнообразна: и с 11 головами, и с 1000 руками, и могла держать в руках птицу, вазу или жемчужину. Всегда исполненная сострадания, являлась высшей заступницей всех страждущих и слабых, новорожденных и детей, которым предстояло родиться, рожениц, моряков, плавающих в опасных морях.

Кано
Династия художников, которые основали одну из важнейших школ японской живописи и прославили ее. Она возникает благодаря счастливому совпадению интереса к искусству, которым были наделены диктаторы конца XVI в., и гения художника Кано Эйтоку (1543—

1590). После обучения искусству под руководством отца и деда, Эйтоку, будучи еще очень молодым, получил признание при дворе. Его триумф начался в 1576 г., когда *Ода Нобунага* поручил ему декорировать свой замок *Адзути*. Замок был вскоре разрушен. *Тоётоми Хидэёси*, столь же высоко оценивая талант Эйтоку, доверил ему декорирование замка в *Осака* (1583) и дворца *Юраку* в *Киото* (1587). До тех пор живописи отводилась небольшая роль в интерьере. Смелостью рисунка и использованием золотой фольги в расписывании просторных парадных залов Эйтоку придавал живописи блеск и величественную красоту. Школа Кано, возглавляемая потомками Эйтоку Мицунобу (1565—1608) и Саданобу (1597—1623), благодаря помощи многочисленных родственников Эйтоку, в том числе Санраку (1559—1635), прославила эпоху Момояма. Вскоре под руководством внуков Эйтоку Танъю (1602—1674) Наонобу (1607—1650) и Ясунобу (1613—1685) школа Кано становится официальным направлением сёгуната в эпоху *Эдо*.

Канрэй
Высшее должностное лицо в эпоху *Асикага*.

Канси
Китайский император, второй по счету среди императоров, принадлежавших к маньчжурской династии *Цин* (царствовал в 1662—1723 гг.).

Кансэй
Эпоха реформ (1789—1800), осуществленных *Мацудайра Саданобу*.

Канто
Первоначально это название относилось к тем областям, которые простирались к востоку от границ Осака, а затем (гораздо позже) к тем, что простирались к востоку от границ Хаконэ.

Канто канрэй
Правитель канто; административная должность, созданная в 1349 г.

Канъами Киёцугу
Родился в 1333 г., умер в 1384-м. Пользуясь покровительством сёгуна *Асикага Ёсимицу*, совместно со своим сыном *Дзэами Мотокиё* создал театр *Но*.

Кара-ё
Архитектурный стиль, известный под названием «китайский стиль» (понятие «кара» обозначает династию *Тан*), пришел из Китая эпохи *Сонг* в эпоху *Камакура*.

Карако
Нара-кэн — деревня периода *Яёй*, открытая в 1937 г.

Карацу
Сага-кэн — порт, где заканчивался один из наиболее важных морских маршрутов, соединяющих Японию с Китаем. Карацу также был центром производства особо ценимой керамики.

Кара-э
Школа живописи «в китайской манере», название происходит от понятия «кара», которое обозначает Тан, китайскую династию VII—IX вв. Эта живопись, полностью вдохновлявшаяся континентальными образцами, представлена, главным образом, ширмами, на которых

изображены пейзажи. В пейзажных картинах господствуют по преимуществу зеленые и синие тона. С X в. ей противостоят произведения живописи «в японской манере» *ямато-э*, в которой используются более разнообразные и более яркие цвета.

Карма
Вознаграждение людей за их поступки с помощью переселения душ. А также, согласно индийской философии, закон мира: это понятие обозначает закон во всех его ипостасях — гражданской, религиозной, метафизической.

Карэ-сансуй
«Сухой пейзаж» — сад из камней, выложенных таким образом, чтобы они воспроизводили пейзаж; наиболее красивый образец находится в *Дайсэн-ин* в храме *Дайтокудзи* в *Киото*.

Касори
Тиба-кэн — неолитическое поселение, в котором было обнаружено нагромождение раковин в виде лошадиной подковы (эпоха *Дзёмон*).

Ката
Движение актера в театре *Но*.

Катакана
Японская слоговая азбука, состоящая из букв, образованных прямыми линиями в отличие от криволинейных иероглифов *хирагана*.

Катаки-яку
Противник — амплуа в театре *кабуки*.

Катана-гари
Охота за саблями — систематическое разоружение жителей сельской местности в 1588 г. по приказу *Тоётоми Хидэёси*.

Кахо
Частный закон для каждого знатного дома.

Кацуга тайся
Монастырь, основанный в VIII в. Один из знаменитых храмов в эпоху *Хэйан*, семейство *Фудзивара* назначило его местом пребывания своего семейного бога (удзигами). Архитектура воспроизводит тип синтоистских монастырей тайся — квадратное сооружение с двускатной крышей, которая укрепляла мощную балку конька. Современный комплекс относится к эпохе *Эдо*, в 1946 г. изменили его название, теперь это Кацуга дзиндзя.

Кацукава Сюнсо
Родился в 1726 г., умер в 1792-м. Художник, мастер-гравюр, специализировался на портретах актеров.

Кацуоги
Балка конька, которая увенчивает соломенную крышу синтоистских зданий, подобно доисторическим деревянным постройкам, часто украшалась тиги — деревянными крестиками.

Кацура рикю
Летняя резиденция, возведенная в 1625 г. для принца из императорской семьи. Представляет собой наиболее законченный пример «чайной архитектуры» (тясицу кэнкаку), которая достигает тогда своего расцвета.

Кацурэки-моно
Жанр исторических пьес в театре *кабуки*.

Кацусика Хокусаи
Родился в 1760 г., умер в 1849-м. Знаменитый мастер гравюр.

Кёгоку
Семейство *даймё*, происходивших от Сасаки Удзинобу, а через него от Минамото-но Масанобу (920—993), который в свою очередь являлся внуком императора Уда (царствовал в 887—897 гг.).

Кёгэн
XV в. Фарс, который ставился между двумя пьесами театра *Но*, весело пародируя их.

Кёкутэй Бакин, или Такидзава Бакин
Родился в 1767 г., умер в 1848-м. Романист, вдохновлявшийся народными мотивами, плодовитый автор. Следует отметить его роман-эпопею в 96 томах «История восьми боевых псов» (Хаккэндэн, 1814—1841). Сюжет его связан с историей мщения, которое вершат восемь воинов, родившихся от Фусесимы, которого охраняет дух его верной собаки.

Кёмиё тэнно
Первый император Северной династии, был возведен на трон в 1336 г. *Асикага Такаудзи*, выступившего против императора *Годайго*, который укрылся в горах Ёсино. Царствовал с 1336 по 1348 г.

Кёхо
Эпоха реформ (1716—1735), осуществленных сёгуном *Токугава Ёсимунэ*. Этот период также был отмечен годами жесточайшего голода.

Киби-но Макиби
Родился в 693 г., умер в 775-м. Ученый-исследователь эпохи Нара. Путешествовал в Китай; активный проводник континентальной культуры в Японии. Чрезвычайно популярная личность; давняя традиция приписывает ему многочисленные нововведения: именно он привез из Китая искусство вышивания, игру го (шахматы), *бива* (лютня). Изобрел японский букварь *катакана*.

Кибиоси
«Книги в желтом переплете» (конец XVIII в.).

Кидзоку бунка
Аристократическая культура — понятие, которым обозначают культуру *Хэйан*.

Кидзоку саругаку
Пантомимы, которые исполняются придворными (эпоха *Хэйан*).

Ки-дзэва
Пьесы из репертуара театра *кабуки*, в которых представляется повседневная жизнь.

Киёмихаро рицурё
Свод законов (689), составленный по распоряжению императора *Тэмму*, обнародованный императрицей *Дзито*.

Киёцунэ
Пьеса театра *Но*. Произведение принадлежит *Дзэами Мотокиё*. В нем рассказывается об эпизоде долгой войны, в ходе которой кланы *Минамото* и *Тайра* противостояли друг другу в конце эпохи Хэйан: Тайра-но Киёцунэ бросается в воду, чтобы ускользнуть от Минамото. Действие разворачивается в Будзэн (Оита-кэн).

Кии
Крепость, защищавшая *Дадзайфу*, местонахождение администрации Кюсю. Основана в 633 г.

Кии
Одно из трех семейств (*Госанкэ*) в эпоху *Токугава*, сёгун мог избираться только из этого семейства.

Кикадзин
Натурализовавшиеся. Этим понятием обозначают прежде всего корейских эмигрантов, которые обосновались в Японии с IV в. и принесли с собой технологии и знания, приобретенные в Китае. В знак признательности за оказанные услуги многие из них были причислены к знати.

Киммэй тэнно
Двадцать девятый император Японии, правил с 539 по 571 г. Его правление было связано с крушением японского государства *Мимана* в Корее.

Кинай
Имя, которое носил с 646 г. император *Котоку*. А также название области, данное в 646 г. императором Котоку, в которую входили сначала четыре, а с 716 г. — пять провинций, расположенных неподалеку от столицы *Киото*. Речь идет о провинциях *Ямасиро*, *Ямато*, *Кавати*, *Сэтцу* и Идзуми.

Кинкаку
Золотой павильон. Был построен по приказу *Асикага Ёсимицу* в области Китаяма в Киото (1397). После смерти Ёсимицу здание было превращено в храм под названием Рокуондзи, откуда в результате ассимиляции и произошло современное название Кинкакудзи. Павильон был покрыт золотыми листочками. Современное сооружение датируется 1955 г., оригинальное здание погибло в 1950 г. в результате поджога. История этого храма легла в основу знаменитого романа *Мисима Юкио* «Кинкакудзи», переведенный на французский язык под названием «Золотой павильон». (Роман Мисимы был переведен и на русский язык. — *Ред.*)

Кинки
Понятие, обозначающее области *Киото* и *Осака*.

Ки-но Цураюки
Родился в 883 г., умер в 946-м. Знаменитый поэт и стилист, автор предисловия к «Кокинсю» (905) и «Путевых заметок из Тоса» (Тоса Никки, 935).

Киома
«Интервал Киото» — расстояние между двумя колоннами, единица длины, которая использовалась в столице (Киото): шесть футов (сяку) и три или пять пядей (сун). Эта мера длины соответствует 1,9—1,95 м.

Киомидзудэра
Храм в Киото был основан в 805 г., однако современные здания, получившие известность благодаря красивому сочетанию балок, нависающих над оврагом, датируются 1633 г.

Киото
В древности *Хэйанкё* — императорская столица до 1868 г.
См. *Хэйанкё*.

Киото-фу
Административный округ, образованный из старинных провинций

Ямасиро, Танго и части провинции *Тамба*. Административным центром этого округа является Киото.

Кири-но моно
Истории о демонах (театр *Но*).

Кироку сёэн кэнкэй дзё
Ведомство по описанию и разграничению областей, созданное в 1069 г. императором *Го-Сандзё*.

Кита
Одна из пяти школ театра Но, название происходит от имени семьи артистов Кита (начало эпохи Эдо), наиболее известным из которых был Кита Дайфу (1586—1653).

Китабатакэ Тикафуса
Родился в 1293 г., умер в 1354-м. Ученый, сторонник восстановления императорской власти. Во время раскола, вызванного претензиями двух императоров, пламенно поддерживал династию Юга.

Китагава Утамаро
Родился в 1753 г., умер в 1806-м. Художник школы *юкио-ё*, знаменитый своими гравюрами.

Китано
Синтоистский монастырь, расположенный на северо-западе Киото. Построен в 947 г., посвящен памяти *Сугавара-но Митидзанэ*. Современные здания датируются 1607 г. Знаменитый абрикосовый сад — по легенде, любимых деревьев Сугавара-но Митидзанэ. В 1587 г. *Тоётоми Хидэёси* провел знаменитую чайную церемонию, известную как китано дай тяною. Приглашение фактически являлось приказанием, обращенным ко всем, кто интересовался чаем, независимо от сословной принадлежности. Интересующиеся чайной церемонией обязаны были не только явиться под страхом «потерять навсегда вкус чая», но и представить свои лучшие произведения искусства. Празднество продолжалось десять дней, в нем приняли участие более пятисот лиц.

Китано тэндзин энги
Иллюстрированные свитки (1219), рассказывающие о жизни *Сугавара-но Митидзанэ* и об основании синтоистского монастыря *Китано* в *Киото*.

Китаяма бунка
Культура северных гор. Этим понятием обозначают цивилизацию, которая процветала в эпоху сёгуна *Асикага Ёсимицу*. Самый знаменитый ее памятник Золотой павильон расположен как раз у подножия Китаяма в *Киото*.

Классическая история
Шу, или *Шу Цзин*, — одна из канонических книг китайского конфуцианства, составленная Конфуцием на основе исторических документов, имеющих отношение к трем династиям — Ся, Шан и Чжоу, от легендарных времен III тысячелетия до н. э. до VIII в. до н. э. Описывает «золотой век», который впоследствии служил для выражения почитания политической морали неоконфуцианства. Позднее комментировалась и была значительно переделана.

Классическая поэзия
Ши Цзин — одна из канонических книг китайского конфуцианства, составленная *Конфуцием*. Представляет собой собрание трехсот

од и баллад, относящихся к древнейшим временам, более точный и богатый источник хронологической информации, чем классическая история.

Коами
Знаменитая семья мастеров по лаку, которая с XV по XIX в. работала и на императоров, и на сёгунов. В эпоху *Токугава* были признаны при дворе сёгунов.

Коан-но эки
Военная кампания эры Коан, в результате которой японцы отразили нападение монгольских захватчиков во второй раз (1281).

Кобаяси Ятаро, или **Исса**
Родился в 1763 г., умер в 1827-м. Поэт, сочинитель *хайку*.

Кобо-дайси
См. *Кукай*.

Кобори Энсю, или **Масакацу**
Родился в 1579 г., умер в 1647-м. Ученый, художник и мастер чайной церемонии, чей ум и образование вдохновили создание императорского загородного дворца Кацура.

Кобундэн
Количество земли, необходимое для прокормления одного человека (элемент системы *сёэнов*).

Кобэн
Самый талантливый из сыновей и последователей Ункэя (XIII в.). Великий скульптор эпохи *Камакура*.

Когёку тэнно
Тридцать пятая императрица Японии, царствовала с 642 по 645 г. Внучка *Сётоку Тайси*. Императрица передала управление в руки клана *Сога*, а после того как его представители были истреблены, отреклась от престола в пользу своего брата *Котоку*, в правление которого были осуществлены реформы эры *Тайка*.

Когурё
Корейское королевство (II—VII вв.).

Когэн тэнно
Сын императора Го-Фусими (царствовал в 1298—1301 гг.), которого Ходзё Такатоки (1303—1333) возвел на престол (1332—1333) вместо низложенного императора *Годайго*.

Кодза
Задник сцены в театре *Но*.

Кодзандзи
Храм секты *Сингон*, расположенный неподалеку от *Киото*, в котором обосновался Миёэсёнин (Кобэн, 1173—1232).

Кодзики
Первые японские исторические хроники, рассказывающие о возникновении Японского государства. Охватывают период с времен легендарного сотворения островов до правления императрицы *Суйко*. Как утверждается, хроника была составлена Но Ясумара по распоряжению императрицы *Гэммэй*. Он опирался на воспоминания старой женщины Хиэда-но Арэ.

Кодзики дэн
Комментарии к «Кодзики», изданные в 1798 г. *Мотоори Норинага*.

Кодо
Зал для чтения сутр в буддийском храме.

Коигава Харумати
Родился в 1744 г., умер в 1789-м. Издатель «книг в желтом переплете» в эпоху *Эдо*.

Кокё
Единица измерения зерна, приблизительно 180 л.

Кокинвакасю
«Собрание старых и новых японских песен» — поэтическая антология, составленная в 905 г. по распоряжению императора *Дайго*.

Коко тэнно
Пятьдесят восьмой император Японии, правил с 884 по 887 г. При нем была создана должность *кампаку*.

Кокубундзи
Государственные храмы, монастыри и монастырские общины, основанные в каждой провинции (куни или коку) в 741 г. императором *Сёму*. С 743 г. были поставлены под начало *Тодайдзи*, к тому времени основанного в *Нара*.

Кокурицу гэкидзё
Национальный театр (1969).

Кокуси
В древнем японском государстве совокупность должностных лиц, назначенных для управления провинцией.

Кокэй
Конец XII в. Скульптор, отец и наставник *Ункэя*, величайшего скульптора эпохи Камакура.

Кокэйбон
«Комические романы» (XVIII—XIX вв.).

Кокэн тэнно
Сорок шестая императрица Японии, правила с 749 по 759 г. Во время ее царствования был отлит Великий Будда в Нара. Отреклась от престола в пользу императора Дзюннина (759—764), однако спустя несколько лет она возвратилась на престол под именем *Сётоку* тэнно (764—770), находилась под влиянием монаха *Докё*.

Кокюдзё
См. *Акашагарбха*.

Комё
Родилась в 701 г., умерла в 760-м. Жена императора *Сёму*.

Компару
Одна из пяти школ театра *Но*. Название получила от имени семьи артистов Компару (эпоха *Муромати*). Самый известный из них Компару Дзэнтику (1405—1458).

Комэй тэнно
Сто двадцать первый император Японии, царствовал с 1847 по 1867 г. В период его правления прибыли корабли с Запада, что положило начало потрясениям в истории Японии.

Конго
Одна из пяти школ театра *Но*, название образовано от имени семьи артистов Конго (эпоха Муромати). Самый известный среди них Конго Дзэнкаку (умер в 1529 г.).

Конго рикиси
См. *Ваджрапани*.

Конгобудзи
Главный храм секты Сингон. Был основан Кукаем на горе Коя в 816 г.

Благодаря покровительству императоров и благосклонности рода *Фудзивара* ему удалось приобрести огромное количество *сёэнов*.

Кондзяку моногатари
«Рассказы о старине и новизне» (в издании на русском языке «Повесть о делах нынешних и минувших». — *Перев.*), приписываемые *Минамото-но Такакуни*.

Кондо
Главное здание буддийского храма.

Конин тэнно
Сорок восьмой император Японии, правил с 770 по 781 г. Отправил в изгнание монаха-узурпатора *Докё*.

Коноэ Фуминаро, или **Аямаро**
Родился в 1891 г., умер в 1945-м. Политический деятель.

Конституция семнадцати статей
См. *Дзюсити дзё кэмпо*.

Конфуций, конфуцианство
Латинизированная форма имени Кун-цзы, или Кун-фу Цзы, китайского философа-агностика (согласно традиции, 551—479 гг. до н. э.), основателя учения, в котором преобладают этические ценности: долг и искренность. Обе конфуцианские добродетели сыграли огромную роль в Японии: сыновняя любовь и верность подданного по отношению к своему повелителю. Последняя стала краеугольным камнем японской социальной системы. Неоконфуцианские постулаты *Чжу Си* в попытке достичь синкретизма, объединив метафизические положения буддистов и даосистов, обогатили учение основоположника.

Кораку-эн
Просторный сад в *Эдо*, расположенный в квартале Коисикава. Принадлежал *Мито*, одной из ветвей рода *Токугава*. Сад был разбит по плану под руководством ученого Тогукава Мицукуни при участии китайского ученого Чу Хуэнхоя (1600—1682). Считается, что план озера был начерчен *Токугава Иэмицу*, третьим сёгуном из рода Токугава. В конце XVII в. в Кораку-эн была организована мастерская для обжига, предназначенная для изготовления чайной утвари в стиле раку для семейства Мито.

Кори
Округи или области, установленные реформами эры *Тайка* (645). См. *гун*.

Корин
См. *Огата Корин*.

Коро
Постройка, защищающая тамбур в буддийском храме.

Короси-ба
Сцена убийства (театр *кабуки*).

Корюдзи, или **Удзумасадера**
Храм секты *Сингон*, основан Хата Кавакацу в память о принце *Сётоку Тайси*, умершем незадолго до этого. Павильон для чтения сутр (1165) — самая древняя деревянная постройка, сохранившаяся в Киото. Храм славился, главным образом, своим поразительным собранием скульптуры эпохи *Хэйан*, а также статуей *Мироку Босацу*, относящейся к эпохе *Асука*, — древнейшей скульптурой, сохранившейся в *Киото* (на этой статуе голова Будды украшена корейской

шапочкой), имеет сходство со статуей Мироку Босацу, хранящейся в Тюгодзи (*Хорюдзи*). Статуя в Тюгодзи была создана чуть раньше.

Косё
Скульптор, отец *Дзётё*, величайшего мастера скульптуры эпохи *Хэйан*.

Косёку гонин онна
«История любовных похождений пяти женщин» (в изданиях на русском языке — «Пять влюбленных женщин», а также «Пять женщин, предавшихся любви». — *Перев.*). Роман *Сайкаку*.

Косёку итидай онна
«История любовных похождений одинокой женщины» — роман *Ихара Сайкаку*.

Косёку итидай отоко
«История любовных похождений одинокого мужчины» — роман *Ихара Сайкаку*.

Ко-синто
Синтоизм до прихода буддизма. См. *синтоизм*.

Косэ-но Канаока
Основатель древнейшей школы живописи в Японии (IX в.).

Котоку тэнно
Тридцать шестой император Японии, правил с 645 по 654 г. Именно он направлял знаменитую реформу Тайка. Согласно рассказам, он жестко ограничил роскошь, с которой воздвигались гробницы (*кофун*) для умерших представителей знати.

Кофукидзи
Один из семи великих храмов *Нара*, святилище секты *Хоссо*. Основан Фудзивара-но Каматари, перенесен на теперешнее место его сыном Фухито (659—720). Семейный храм (удзидэра) рода *Фудзивара*. В эпоху Нара, а затем и Хэйан обладал большим количеством *сёэнов*. В эпоху самураев монахи-воины силой защищали свои интересы. Храм неоднократно горел.

Кофун
Древние погребения, гробницы с насыпанными над ними курганами; наиболее характерные воспроизводят форму замочной скважины (дзэмпоэкоэн). Обычай возводить их был распространен с III по VII в. Ими отмечено наступление железного века.

Ко-яку
Ребенок — роль в театре *кабуки*.

Коясан
См. *конгобудзи*.

Кугуцу
Бродячие нищие, которые показывали представления марионеток.

Кугэ-аку
Заговорщик — амплуа в театре *кабуки*.

Кудзу
Тотиги-кэн — доисторическое захоронение, в котором были найдены окаменелые кости, принадлежащие неандертальцам.

Кукай
Родился в 774 г., умер в 835-м. Монах. В 804 г. ему удалось посетить Китай вместе со знаменитым *Сайтё*. Спустя два года они возвратились в Японию и способствовали возникновению там эзотерического буддизма (*Сингон*). В 816 г. он основал на Коясане (Вакаяма-кэн) храм *Конгобудзи*, в 823 г. — храм *Тодзи* в Киото, откуда быстро распространялось учение Сингон. В 921 г. император *Дайго* даровал ему посмертное почетное имя Кобо-дайси.

Кумадзава Бандзан, *или* **Риокай**
Родился в 1619 г., умер в 1691-м. Ученик *Накаэ Тёдзю*. Как и учитель, поклонник китайского философа *Ван Янминга* — способствовал распространению в Японии его спиритуалистической философии. Между тем в *бакуфу* не считали его святым и мысли не допускали, что здесь пахнет духом святости: *Кумадзава Бандзан* вынужден был закрыть школу в Киото (1656), так как его учение получило там очень большую популярность среди *кугэ*. Он направил *Токугава Цунаёси* (сёгун с 1680 по 1709 г.) записку о реформах, которые, по его мнению, были необходимы для лучшего управления страной. Этот поступок дорого ему обошелся — он был приговорен к тюремному заключению.

Кумадори
Яркая раскраска (грим) в театре *кабуки*, которая была придумана Итигава Дандзюрё.

Кумамото-кэн
Префектура, расположенная в центре острова *Кюсю*, главным городом которого был *Кумамото*.

Кумондзё
Центральный орган правительства Камакура, созданный в 1184 г. В 1191 г. стал называться мандокоро.

Кун
Чтение иероглифов в японском произношении.

Куни
Области, провинции.

Кунигаэ
«Переезд в другую страну» — принудительная смена одной вотчины на другую, к которой побуждались *даймё* в эпоху *Эдо*.

Курацукурибэ-но Тасуна
Скульптор (VI в.).

Куробон
«Книги в черном переплете» (XVIII в.).

Курода
Семейство *даймё*, происходившее от рода Сасаки, через них от Уса-Гэндзи, Минамото, потомков императора Уда (царствовал в 887—897 гг.). После сражения при *Сэгикахаре* (1600) обосновались на *Кюсю*, где Ёситака (1546—1604) обратился в христианскую религию. Однако его сын Нагамаса (1568—1623) не последовал за ним. Существовало и другое семейство даймё, также носившее имя Курода, оно происходило из области Мусаси и являлось потомками императора Сэнка (царствовал в 535—539 гг.).

Куродо докоро
Ведомство архивов. Было создано в 810 г. императором *Сага*.

Куруи-моно
Пьесы, в основе сюжета которых лежит сумасшествие (театр *Но*).

Кусакабэ Мэйкаку
Родился в 1838 г., умер в 1922-м. Каллиграф.

Кусиноки Масасига
Родился в 1294 г., умер в 1336-м. Потомок знатного рода Каваси (*Осака*), с энтузиазмом встал на защиту энергичного императора *Годайго*, который попытался восстановить императорскую власть. После того как был разбит *Асикага Такаудзи*, совершил ритуальное самоубийство (*сэппуку*). С времен Реставрации *Мэйдзи* фигура Кусиноки Масасига, погибшего ради императора, становится символом преданности династии и нации.

Кусэмай
Понятие, которым обозначают старинные танцы, которые должны служить добрым предзнаменованием (мандзайраку и хёвакамай). Эти танцы исполнялись без сопровождения на музыкальных инструментах. *Канъами Киёцугу* использовал их, создавая театр *Но*.

Куся
Буддистская секта, пришедшая из Китая в Японию около 660 г. одновременно с сектой *Хоссо*, вариантом которой она является.
См. *Шесть сект Нара*.

Кутани
Керамика Кутани (*Исикава-кэн*).

Куя
Родился в 903 г., умер в 972-м. Знаменитый проповедник учения о вере в милосердии *Амиды*.

Кэбииси
Императорские служащие, должность была учреждена в начале IX в.

Кэгон
Буддийская секта, которую основал в Японии в 735 г. китайский монах.
См. *Шесть сект Нара*.

Кэй
Жетон для лиц, которым было доверено поручение; имел пирамидальную форму. Подобные жетоны некогда использовались в Китае, для того чтобы символизировать поручение, которое император возложил на одного из своих приближенных.

Кэйтю
Родился в 1640 г., умер в 1701-м. Ученый-монах, обратившийся к изучению национальной литературы. *Токугава Мицукинэ* поручил ему исследовать *Манъёсю*.

Кэмму сикимоку
Свод законов эпохи Кэмму, который был обнародован в 1336 г.

Кэмму тю ко
Реставрация эры Кэмму (1334—1336), период, когда всем казалось, что император *Годайго* возвратил себе власть.

Кэн
Единица длины, равняющаяся шести футам (сяку), то есть приблизительно 1,80 м.

Кэн дзюи си
Посланник. Так назывались люди, которые в 607 и 608 гг. по поручению регента *Сётоку* отправлялись в Китай эпохи династии *Суй* (Дзюй). Оно-но Имоко был первым, кто достиг *Чаньаня*, столицы династии *Суй*. Такамуко-но Куромаро и Минабус-но Сюан последовали его примеру. Там они познакомились с теми явлениями, которые впоследствии стали частью реформ эпохи *Тайка*.

Кэн то си
Японские посланники к китайскому двору династии *Тан* (Тё), преемники посланцев ко двору Суй. С 630 по 838 г. было отправлено двенадцать экспедиций. Среди путешественников такие фигуры, которым было суждено стать решающими действующими лицами Японии эпохи *Хэйан*, — Киби-но Макиби, *Кукай*, *Сайтё*.

Кэнти
Процесс измерения и описи земель, земельный кадастр.
См. *Тайкокэнти*.

Кэнтодзи
Храм, основанный в *Камакура* в 1253 г. Ходзё Токиёри (1226—1263) для китайского монаха Тао Лонга (на японском языке Дорю, 1214—1278), который проповедовал доктрины дзэн-буддизма. Кэнтодзи — один из пяти больших храмов Камакура.

Кэрэн
Волшебные появления (театр *кабуки*).

Кюсю
Один из пяти крупных островов Японии, расположенный на юго-востоке архипелага.

Л

Лао-цзы
Китайский философ (VI в. до н. э.). Его жизнь окружена легендами и мало известна. По легенде, испытывая отвращение к мерзостям своего века, он отправился на запад и, прежде чем перейти в мир иной, записал для стража пограничной заставы знаменитую «Книгу пути и добродетели» (Дао дэ цзин), смысл которой до конца не понятен. Впоследствии она легла в основу философии даосизма, постулатами которой являются идеалы свободы и радости жизни в гармонии с природными ритмами, которые предлагается понимать, чтобы напрасно не искать средств воздействовать на них.

Ли юэ
Китайская философская школа, основанная на признании существования фундаментального Принципа (ли) в противовес учению о Духе (син юэ). Проповедник Чэнь И (1033—1107) придерживался скорее даосистских идей, как его и брат и последователь Чэнь Хао (1032—1085). Учение ли юэ было развито *Чжу Си* и заложено им в основу *неоконфуцианства*.

Лунмэнь
Одно из величайших художественных достижений Китая, высшая точка развития китайской буддистской скульптуры. Многочисленные скульптуры (494—535) украшают пещеры горного монастыря, который был основан в 494 г. династией, правившей в Северном Вэй. Впоследствии в эпоху *Тан* (вторая половина VII в.) по приказу императора Гао Цзуна и императрицы У Цзэтянь так же были украшены новые пещеры.

Лу Цзюньюань
Родился в 1135 г., умер в 1194-м. Более известен как Лю Сяньшань.

Китайский философ-идеалист, который придерживался учения о сердце (син юэ) и выступал как главный противник ли юэ.

Лян
Китайская династия (502—577).

Лянь Кай
Знаменитый китайский живописец периода *Сонг* (середина XIII в.). Его шедевром является работа выполненная в технике туши, на которой изображен поэт Ли По, декламирующий стихотворение (хранится в национальном музее Уэно в *Токио*).

М

Ма Юань
Величайший мастер пейзажа (1190—1230) эпохи Южной династии *Сонг*, как и его современник Ся Гуй.

Магатама
Подвеска из кости или из камня, которой придана форма когтя или клыка хищника. Найдены в погребениях от эпохи *Дзёмон* (неолит) до эпохи *Кофун* (железный век).

Маджасри
Буддистское божество, небесный страж (по-японски Китидзётэн).

Майтрейя
Будда будущего, благожелательный и непобедимый (в японском языке *Мироку*).

Маки-э
Техника лака с использованием золота и серебра.

Макура-но соси
«Записки у изголовья» Сэй Сёнагон (995) — шедевр жанра *дзуйхицу* («написанное кончиком кисти»).

Макура-котобу
«Слова-подушки» — поэтическое понятие: эпитеты, которыми сопровождаются существительные.

Мандара
Японское название мандалы — мистического воплощения Вселенной в графическом изображении, где божества изображаются согласно определенным канонам.

Манджушри
Будда мудрости (по-японски *Мондзю*).

Ман-докоро
См. *Кумондзё.*

Манпукудзи
Главный храм дзэн-буддийской секты Обаку, которая была основана в 1669 г. китайским монахом Ин Юанем (1592—1673) (в японской транскрипции Ингэн). Храм расположен неподалеку от *Удзи*. Ансамбль был выстроен в соответствии с китайскими образцами, но он все же существенно отличается от них своими японскими элементами.

Манъёсю
«Собрание мириадов листьев» — первая крупная антология японской поэзии. Составлена Отомоно Якамоти (790). (Автор ошибся, дав название этого сборника по-французски как «Собрание мириадов лет». — *Перев.*)

Маппо
«Упадок законов» — завершение периода, начало которого относится к 1052 г. Последняя фаза из трех этапов развития буддизма, который опирался на учение о сутре Лотоса.

Марухон-моно
Пьесы для театра кукол, которые были восприняты театром кабуки (марукон, один из видов книг дзёрури).
См. *Дэнэн-моно.*

Маруяма Окё, или **Масатака**
Родился в 1733 г., умер в 1795-м. Художник из Киото, который первым среди японских художников стал пользоваться западной техникой светотени. Основатель школы Маруяма, которая приблизилась к реализму китайских художников периода *Сонг* (960—1279) и *Юань* (1279—1368).

Масаока Сики
Родился в 1867 г., умер в 1902-м. Поэт и эссеист.

Масугата
Потерна (подземный ход. — *Ред.*) в крепости.

Масугуми
Консоли.

Масу-кагами
Исторический роман (XIV в.), авторство которого приписывается *Нидзё Ёсимото*. В нем рассказывается о периоде с 1180 по 1333 г.

Мати бикяку
Почтовая служба городов в эпоху *Эдо*.

Махавайрочана
«Великое блистающее солнце» — главное божество секты *Сингон* в Японии, где его почитают под именем Дай Нити Нёрай.
См. *Вайрочана.*

Махаяна, или **Большая колесница**
Направление в буддизме, противостоящее *хинаяне*, или Малой колеснице, первых веков буддизма. Представляет собой совокупность буддийских учений, в которых особое значение придается идеям универсальности и вечности в буддийском откровении. В то же время в них подчеркивается добродетель сострадания и развивается учение о спасении. Махаяну обычно называют северным буддизмом, поскольку именно это направление распространено в Тибете, Монголии, Китае, Корее и, наконец, в Японии. Учение махаяны включает в буддийский пантеон бодхисаттв, то есть людей, которые, приближаясь к состоянию Будды, отказываются от возможности личного спасения ради спасения других людей. Кроме того, это учение включает положение о возможности спасения через обращение к имени Будды или бодхисаттвы, а также признает существование рая.

Мацугасаки-тэндзин-энги
Иллюстрированный свиток (XIV в.).

Мацудайра Саданобу
Родился в 1758 г., умер в 1829-м. Председатель совета старейшин (родзю) в 1787 г., инициатор реформ годов Кансэй (1789—1800), которые способствовали усилению консерватизма в Японии и ее закрытости от остального мира.

Мацунага Тэйтоку
Родился в 1571 г., умер в 1653-м. Поэт, ввел в моду «забавные стихотворения, связанные цепочкой» (хайкайно рэнга). Учитель *Нисияма Соина.*

Мацуо Басё
Родился в 1643 г., умер в 1694-м. Некоторое время находился на службе в качестве самурая. Обосновался в *Эдо*, в квартале Фукакава под названием «место отшельничества бананового дерева» (от него происходит и псевдоним). Усовершенствовал форму стихотворения из семнадцати слогов (*хайку*).

Мацура
Семейство *даймё* из *Хидзэна* (Нагасаки-кэн, Сага-кэн). Считается, что родословная клана восходит либо к Абэ Ёритоки (умер в 1057 г.), либо к Минамото-но Тору, сыну императора *Сага.*

Мацури
Празднество.

Мацури гото
Самое древнее понятие (с оттенком религиозного значения), которое использовалось при дворе Ямато для обозначения административного управления.

Мацусима
Архипелаг, расположенный к северо-востоку Сэндай (провинция Мияги-кэн). Восемьсот островков, покрытых соснами, образуют один из трех прославленных японских пейзажей (санкэй). Два других — *Ама-но Хасидатэ* и Ицукусима.

Маэда
Семейство *даймё*, происходившее от *Сугавара-но Митидзанэ*, самое богатое в эпоху *Эдо.*

Мёгакин
Налоги, выплачиваемые купеческими ассоциациями (XVIII в.).

Миёси
Семейство *даймё*, постоянно проживавшее на Сикоку (XIV в.). Повелители *Сакаи*; были покорены в 1577 г. *Ода Нобунага.*

Миёэсёнин, или Кобэн
Родился в 1173 году, умер в 1232-м. Знаменитый монах, основатель *Кодзандзи*, активно распространявший *Синто рёбу.* Под его руководством Энитибё Дзёнин (его любимый ученик) написал шесть иллюминированных свитков «Жизнь Гисё и Гэнгё, монахов секты Кэгон в Корее» (*Кэгон-сю-соси-эдэн*), стиль которых свидетельствует о процветавшем в эпоху *Камакура* жанре, благодаря которому через пятьдесят лет возникнет сигисан-энги-эмаки. Энитибё Дзёнин мы обязаны портретом его учителя Миёэ, запечатленного в момент медитации в лесу.

Миккаби
Сидзуока-кэн — доисторическое поселение. Там были обнаружены окаменевшие кости, принадлежащие Homo sapiens.

Миккё
Эзотерический буддизм.

Мико
Предсказательница — храмовая танцовщица в синтоистских обрядах.

Мимана
Японское государство в Корее, основанное во второй половине IV в., павшее под ударами корейского королевства Силла.

Мин
Императорская династия, правившая в Китае (1368—1644).

Минабути-но Суан
Потомок (VII в.) императора Одзина. Отправился в Китай (с первым посольством в 607 г.), его восхищение Срединной империей оказало влияние на принца *Нака-но Оэ* и *Накатоми-но Каматари* (614—669), создателей реформ эпохи Тайка.

Минамото, или Гэндзи Удзи
Клан Минамото. Семейное имя, дававшееся в IX—X вв. многочисленным сыновьям и внукам императоров. Они становились основателями новых родов, в то же время не допускалось чрезмерное увеличение количества лиц из императорского дома. Каждый новый род обозначался именем того императора, от которого он происходил. Поэтому встречаются упоминания имен Сага-Гэндзи, Сэйва-Гэндзи, Уда-Гэндзи, Мураками-Гэндзи, Дайго-Гэндзи.

Минамото-но Ёрийэ
Родился в 1182 г., умер в 1204-м. Сын Минамото-но Ёритомо (1147—1199), не сумел удержаться у власти. Из-за его молодости власть захватили *Ходзё*, прикрываясь регентством.

Минамото-но Ёриоси
Родился в 995 г., умер в 1082-м. Происходил из семейства Сэйва-Гэндзи. В период с 1051 по 1062 г. он подавлял мятеж Абэ-но Ёритоки в *Муцу.*

Минамото-но Ёритомо
Родился в 1147 г., умер в 1199-м. После того как победил клан *Тайра* в морском сражении при *Дан-но Ура* (1185), стал основателем и первым сёгуном режима *Камакура.*

Минамото-но Ёсийэ
Родился в 1041 г., умер в 1108-м. Сражался бок о бок со своим отцом Ёриоси (995—1082) против Абэ-но Ёритоки. Прославился своей храбростью, благодаря чему вошел в легенду.

Минамото-но Ситаго
Родился в 911 г., умер в 983-м. Был назначен императором *Мураками* для того, чтобы собрать древние записи стихотворений, вошедших в *Манъёсю.*

Минамото-но Такакуни
Родился в 1004 г., умер в 1077-м. Считается автором «Рассказов о старине и новизне» (Кондзяку моногатари) (издано в русском переводе как «Повесть о делах нынешних и минувших». — *Перев.*).

Минамото-но Тору
Родился в 822 г., умер в 895-м. Сын императора *Сага.* Был назначен *садайдзином* (левый министр) в 872 г. Его называли также Кавара-садайдзин по имени его дворца *Кавара-но ин* в *Киото.*

Минато мати
Общее название портовых городов — *Нагасаки, Сакаи, Хаката* и др.

Миосю
Собственник небольшого или среднего по величине владения внутри *сёэна.*

Мироку
См. *Майтрейя.*

Мисима Юкио
Родился в 1925 г., умер в 1970-м. Писатель. Получил известность публикациями в журнале «Современная литература» (Киндай бунгаку), основанном после Второй мировой войны. Это издание противостояло «отсталому феодальному духу», царившему перед войной, и проповедовало свободу личности. Как писатель Мисима Юкио был романтиком, глубоко связанным корнями с национальным прошлым, которое он любил больше всего, в то же время был не чужд искушений современности. Добивался почитания воинских искусств. Предпочел умереть, пытаясь в отчаянии нанести мощный удар. Смерть для него оказалась более приемлемой, чем жизнь, которую он считал унижением национального духа.

Мито
Административный центр старинной провинции Хитати (*Ибаракикэн*).

Митогаку
Школа Мито — важный центр изучения конфуцианства и национальных учений. Именно ученые школы Мито составили «историю Великой Японии» (Дай Ниппонси).

Мицуи
Крупнейшая старинная финансово-промышленная корпорация.

Мицуно Тадакуни
Родился в 1793 г., умер в 1851-м. В 1834 г. получил должность старейшины (родзю), инициатор реформ эпохи *Тэмпё*, оказавшихся непопулярными более, чем другие реформы, поскольку прикрепили крестьян к земле.

Миэ
Поза, принимавшаяся актером театра *кабуки* в кульминационный момент трогательного действия.

Миэ-кэн
Префектура, расположенная к северо-востоку от *Нара*, административным центром которой является Цу.

Миягава Тосюн
Родился в 1683 г., умер в 1753-м. Художник, изображавший женские фигуры.

Миядзаки Ясусада
Родился в 1643 г., умер в 1697-м. Автор «Законченного трактата по агрономии» (Ногё дзэнсё).

Миядзаки-кэн
Префектура, расположенная в северо-восточной части острова *Кюсю*, административным центром которой является город Миядзаки.

Миядзима
См. *Ицукусима.*

Мо Цзы
Родился в 480 г. до н. э., умер в 416-м. Китайский философ, сторонник создания общества, основанного на равенстве перед законом, всеобщей взаимопомощи, избегающего роскоши и войн. Учения Мо Цзы были довольно популярны в IV—III вв. до н. э., но не оказывали большого влияния на китайскую философию после основания империи.

Моко-сюрай экотоба
Иллюстрированные свитки, на которых изображено вторжение монголов, — два свитка, которые сохранились в императорских коллекциях, были созданы около 1293 г. по распоряжению Такэдзаки Суэнага, воителя с *Кюсю.*

Мокудзики Миоман
Родился в 1718 г., умер в 1810-м. Скульптор-монах, создал статуи буддийских божеств.

Момояма бунка
Культура Момояма — этим термином обычно обозначают культуру, которая развивалась в эпоху диктаторов в начале эпохи Эдо (конец XVI — начало XVII вв.). Название происходит от имени долины, на которой был возведен в 1593 г. замок Тоётоми Хидэёси.

Момояма Дзё
Замок, который *Тоётоми Хидэёси* приказал возвести в 1593 г. неподалеку от Фусими (*Ямасиро*). После его смерти замок был разрушен, и многие храмы Киото разделили между собой его обломки. На месте старинного замка Хидэёси в настоящее время находится мавзолей императора *Мэйдзи* и его супруги императрицы Сёкон.

Мондзэн мати
Города, начало развития которых было связано с ярмарками, возникавшими перед входом в храмы или монастыри. Примером такого города является *Никко.*

Мондзю
См. *Манджушри.*

Моно-но аварэ
Беглость впечатлений — принцип, который оказывал воздействие на развитие всей литературы эпохи *Хэйан.* (В русском варианте обычно используется для обозначения этого понятия выражение «печальное очарование вещей». — *Перев.*)

Моногатари
Литературный жанр: рассказ, повесть, роман.

Мононобэ
Глава военного ведомства при дворе *Ямато.* Семья, которая на протяжении многих поколений исполняла функции *мононобэ* — командира телохранителей, сохранила и имя, образованное от названия должности. Ей пришлось яростно бороться с семейством *Сога.*

Мори
Семья *даймё*, происходившая из провинции Аки (*Хиросима-кэн*).

Мори Аринори
Родился в 1847 г., убит в 1889-м. Политический деятель, министр народного просвещения с 1885 г., занимал эту должность до гибели в 1889 г. Насимо Бунтаро. Убийца пожелал отомстить за оскорбление, которое Мори Аринари нанес божеству Исэ, подняв занавес, чтобы взглянуть на внутренний вид святилища. Мори Аринари, получивший образование на Западе, был одним из наиболее радикальных деятелей Реставрации Мэйдзи, стремившихся направить развитие страны по западному пути.

Мори Огай
Родился в 1862 г., умер в 1922-м. Военный врач и романист. Его исследования, посвященные Германии, оказали глубокое воздействие на его понимание литературы. Познакомил Японию с произведениями немецкой литературы.

Моринага
Родился в 1308 г., умер в 1335-м. Наследный принц, сын *Годайго* и соперник *Асикага Такаудзи.*

Мори-сима
Остров, поросший лесом, — декоративный элемент сада.

Моронобу
См. *Хисикава Моронобу.*

Мотоори Норинага
Родился в 1730 г., умер в 1801-м. Следовал по пути, проложенному *Камо-но Мабути* (1697—1769). Этот ученый восстановил значение древних памятников национальной литературы и опубликовал важный комментарий к *Кодзики* (Кодзики-дэн, 1764—1796) в 44 томах.

Мотюдзё
Высшая палата правосудия при правительстве *Камакура*, созданная в 1184 г.

Му Ци
Китайский художник (середина XIII в.), сторонник дзэн-буддизма в эпоху Южной династии *Сонг.* Его техника растушевки оказала серьезное влияние на японских художников начиная с XV в.

Мудзё
Родился в 1226 г., умер в 1312-м. Монах, автор «Собрания песка и камней» (Сясэки сю).

Мураками тэнно
Родился в 927 г., умер в 967-м. Шестьдесят второй император Японии (946—967). Пытался уменьшить влияние *Фудзивара.* Во время его правления императорский дворец в *Токио* был впервые разрушен во время пожара (960).

Мурасаки Сикубу
Родилась в 968 г., умерла в 1016-м. Писательница, автор знаменитого романа «Повесть о Гэндзи» (Гэндзи-моногатарэ). Дочь Фудзиварано Монотоки, придворная дама супруги императора *Итидзё.*

Мурата Сэймин
Родился в 1769 г., умер в 1838-м. Чеканщик, один из наиболее известных анималистов Японии. Из его произведений в особенности ценятся черепахи из бронзы.

Муромати бакуфу
Правительство сёгунов (1338—1573) из рода *Асикага*, которое располагалось в квартале Муромати в *Киото.*

Муроодзи
Буддийский храм, основанный в 681 г. и реорганизованный в начале IX в. *Кукаем*, который создал монастырь для женщин, принадлежащих к секте *Сингон.* Для этой секты он основал центр на Коядзан. Располагавшийся в живописном обрамлении лесов и гор, стал знаменитым благодаря своей архитектуре и в особенности своей пятиярусной пагоде, возведение которой датируется началом эпохи *Хэйан.*

Мусанокодзи Санэацу
Родился в 1885 г. Романист и литературный критик.

Мусаси
Одна из пятнадцати старинных провинций Токайдо. В настоящее время ее заменили Токио-фу, Саитама-кэн и *Канагава-кэн.*

Мусо Кокуси, или Сосэки
Родился в 1276 г., умер в 1351-м. Монах, принадлежал к дзэн-буддистской секте Риндзай. Поэт, создатель садов Сайхёдзи (Кокэ-дэра) в Киото.

Муцу
Старинная провинция Тосандо, располагавшаяся в северо-восточной области Хонсю (современные Аомори-кэн, Иватэ-кэн, Мияги-кэн).

Мэйдзи
Эра Мэйдзи.

Мэйдзи исин
Реконструкция Мэйдзи (1841—1877).

Мэйдзи тэнно
Родился в 1852 г., умер в 1912-м. При жизни носил имя Муцухито. Сто двадцать девятый император Японии, царствовал с 1867 г. С его личностью связаны знаменитая Реставрация императорской власти в 1868 г. и усилия по модернизации, которая превратила Японию в мировую державу.

Мэйясубако
«Шкатулки с предложениями». Были введены в 1721 г. Они располагались перед входом в суд и предназначались для получения просьбы или жалобы. Их также называли йики-собако.

Н

Нагаока
Нагаока был избран для размещения там новой императорской столицы, после того как император *Камму* решил в 784 г. покинуть *Хэйанкё.* Однако убийство *Фудзивара-но Танэцугу* — это «пятнающее событие» — заставило покинуть дворец, который еще даже не был завершен.

Нагарэ
Вид синтоистской архитектуры, прямоугольное строение. По всей длине большой стороны прямоугольника располагается лестница. Крыша, имеющая два несимметричных ската, прикрывает всю постройку и лестницу. Тип нагарэ представлен в монастыре Камо в Киото.

Нагасаки нидзюроку сонэн
Двадцать шесть святых Нагасаки — мученики, казненные 5 февраля 1597 г. Это событие положило начало преследованиям христиан, к 1660 г. насчитывалось 3125 мучеников.

Нагасаки-кэн
Префектура в северо-западной части острова *Кюсю*, центром которой является город *Нагасаки.*

Нагаямон
Парадные ворота, которые включаются в ансамбль зданий. В эпоху *Эдо* только вельможи имели право строить подобные ворота.

Наго
В эпоху японского Средневековья этим словом обозначались крестьяне, положение которых различалось по степени зависимости: от крестьян-собственников, связанных с господином, до крепостных.

Нагоя
Важный промышленный центр, главный центр префектуры Айти.

Нагоя Сандзабуро
Актер, партнер О-Куни, помогавший ей в создании в конце XVI в. театра *кабуки*.

Нагэси
Архитектурный элемент, который располагается между притолокой и опорой. В японской архитектуре — балка, соединяющая колонны.

Найку
Внутренний храм в *Исэ* — святилище *Аматэрасу*, божественной прародительницы императорской фамилии.

Нака-но Оэ-но Одзи
Родился в 626 г., умер в 671-м. Сын императора Дзёмэя. Предпринял совместно с *Накатоми-но Каматари* уничтожение клана Сога и провел реформы *Тайка*. В дальнейшем стал императором под именем *Тэнти*. Во время его правления Япония вынуждена была отказаться от притязаний на Корею, поскольку оказалась побежденной коалицией Китая и *Силлы*, как и королевство *Пэкче*, которое она поддерживала.

Накатоми
Древний род, из которого происходили верховные жрецы при дворе *Ямато*. *Накатоми-но Каматари* получил для себя и своих потомков имя *Фудзивара*.

Накатоми-но Каматари
Родился в 614 г., умер в 669-м. Один из организаторов реформ эры *Тайка*. Император *Тэнти* в знак признательности за его заслуги (он руководил составлением Свода законов времени Оми в 668 г.) даровал ему и его потомкам право носить имя Фудзивара, которое было прославлено его потомками.

Накаэ Тёдзю
Родился в 1608 г., умер в 1648-м. Поклонник китайского философа Ван Янминга, он первым начинает распространять в Японии его спиритуалистическую философию. Он получил прозвище Мудрец Оми (Оми-сэйдзин).

Намбан бёбу
Ширмы, на которых изображалось прибытие португальцев.

Намбан бунка
«Культура южных варваров» — результат культурных контактов с европейцами (XVI—XVII вв.), когда Япония изолировала себя.

Намбандзи
Церковь, дословно «храм дикарей Юга».

Намбандзин
«Дикари Юга» — заимствованное у китайцев обозначение европейцев, прибывающих на *Кюсю* с 1543 г. Поскольку португальцы прибывали из Сиама, то, следовательно, они должны были казаться японцам южанами.

Намбоку то но доран
«Бедствия династий Севера и Юга» — раскол в императорской семье(1336—1392).

Намики Гохэй
Родился в 1747 г., умер в 1808-м. Автор пьес *кабуки* в стиле школы Осака, персонажи наиболее известных пьес — знаменитые разбойники, защитники слабых и угнетенных.

Намики Содзо
Родился в 1730 г., умер в 1773-м. Драматург, изобретший вращающийся круг, использующийся на сцене театра *кабуки*.

Нанга
Точный перевод — «живопись в южной манере». Стиль живописи в манере китайской «школы образованных людей», которые, презирая академическую технику профессионалов, провозглашали свободу исполнения, присущую каллиграфии. Этот стиль любителей в особенности развивался в Китае в эпоху династии *Сонг* (1127—1279) и в эпоху *Юань*. Стиль нанга начал развиваться в Японии в XVII в., расцвел в XVIII в. Живопись нанга имела свободную фактуру, вдохновлялась поэтическими сюжетами (пейзажи, деревья или скалы), передавала состояния возвышенной души и противостояла популярному назидательному течению *укиё-э*.

Нандзэндзи
Главный храм буддийской секты *Риндзай* в *Киото*. Временное место уединения императора Камэяма после его отречения, первоначальный дворец был преобразован в храм в 1293 г. *Нандзэндзи* сыграл важную роль в философском и литературном обновлении, осуществлявшимся монастырями Пяти Холмов (*Годзан*), во главе которых он стоял. Внутренние помещения храма, расписанные художниками школ *Тоса* и *Кано*, памятники искусства в стиле Момояма. В связи с этим храмом народная память сохранила воспоминание о мучительной казни знаменитого разбойника *Исикава Гоэмона*, которого вместе с сыном бросили в котел с кипятком рядом с ближайшими к храму воротами (саммон), построенными в 1628 г. По другой версии (которая соответствует истине) место казни находилось у высохшего русла реки Камо.

Нанива
Древняя столица во времена императоров *Нинтоку* и *Котоку*. Ныне современная область *Осака*.

Нануси
Административное лицо, глава деревни.

Нань-бэй Чао
«Династии Севера и Юга» — период китайской истории, продолжавшийся, согласно описаниям, со времени возникновения государства восточного Цзинь (317) или Северного Вэй (386) вплоть до прихода династии *Суй* (589), которая воссоединила Китай.

Нара дзидай
Эпоха Нара (710—784). Столица *Хэйдзёкё*.

Нара-кэн
Префектура, административный центр — древняя столица Японии.

Нацумэ Сосэки
Родился в 1867 г., умер в 1916-м. Романист, противник натурализма.

Неоконфуцианство
См. *конфуцианство*.

Нёрай
См. *Татхагата*.

Нива Наганидэ
Родился в 1535 г., умер в 1585-м. В 1576 г. был избран *Ода Нобунага* для строительства замка *Адзути*.

Нидзё дзё
Знаменитый дворец Нидзё был построен *Токугава Иэясу* для своей резиденции после перемещения в Киото, где находился императорский двор. Именно из этого дворца последний сёгун из рода *Токугава* отправил известие о своей отставке императору. С времен Реконструкции *Мэйдзи* во дворце были размещены разные подразделения префектуры (1871—1884); вскоре перешел к императорской семье. Построенный в 1603 г., при *Токугава Иэмицу* был расширен в 1624 г. с использованием фрагментов замка Фусими. Дворец Нидзё — превосходный пример архитектуры, стремившейся к грандиозности, которая предпочиталась знатью Момояма. Великолепные интерьеры декорированы художниками школы Кано.

Нидзё Ёсимото
Родился в 1320 г., умер в 1388-м. Поэт, автор *Цукуба сю* (1356), собрания стихотворений (рэнга).

Никки
Повседневные записки, личный дневник — литературный жанр.

Никко
Старинный городок в провинции Симодзукэ, куда в 1716 г. был перенесен прах *Токугава Иэясу*, для чего был возведен грандиозный ансамбль зданий, завершенный в 1651 г. строительством храма, где покоились останки сёгуна Иэмицу. Здания в *Никко*, которые были крайне перегружены декором, и прежде всего ярко раскрашенной скульптурой, не имеют ничего общего с классическим японским искусством, которому присуща сдержанность, а не напыщенность. Великолепная местность, покрытая горами и лесами, придает ансамблю благородство, с которым не совместим излишний декор. С времен Реставрации *Мэйдзи* храм Иэясу (Тосёгу) был превращен в синтоистский монастырь, в то время как храм Иэмицу остался буддийским.

Никко Босацу
Бодхисаттва Никко, или бодхисаттва Солнечного света (на санскрите Сурьяпрабха), помогающий *Якуси* (Будда в медицине). Его серебряная статуя — один из шедевров скульптуры VIII в., хранится в *Тодайдзи* в *Нара*.

Ниммё
Пятьдесят четвертый император Японии, правил с 833 по 850 г.

Нингио-бури
Движения, которые актер *кабуки* заимствует у кукол театра марионеток.

Ниндзёбон
«Чувствительные книги» (XIX в.) — литературный жанр, любовные романы из жизни купечества.

Ниниги, или **Ниниги-но Микото**
Легендарный герой, внук *Аматэрасу*, пославшей его на землю, для того чтобы он завоевал Японию; прадед первого императора *Дзимму тэнно*.

Нинко тэнно
Сто двадцатый император Японии, правил с 1817 по 1846 г.

Ниннадзи
Храм, основанный в Киото в 886 г. императором *Кокё*. Во главе его всегда находился принц из императорской семьи.

Нинсэй
См. *Ономура Нинсэй*.

Нинтоку тэнно
Шестнадцатый император Японии (IV в.).

Нинтоку тэнно рё
Курган (V в.) императора Нинтоку, имеющий форму замочной скважины (*дзэмпокоэн*), расположен в долине Осака — самый большой из всех известных курганов (475 × 275 кв. м). При его сооружении, как рассказывается, в течение года трудились пять тысяч рабочих.

Ниппон суги
Японизм.

Ниппон эйтайгура
«Вечные кладовые Японии» — роман *Ихара Сайкаку*.

Нисимару
Дворец, который был построен в 1592 г. *Токугава Иэясу*. Располагался к западу от дворца сёгуна в Эдо, на месте современного императорского дворца. Ранее был резиденцией наследника сёгуна.

Нисияма Соин
Родился в 1605 г., умер в 1682-м. Поэт, основатель школы данрин, автор коротких, чрезвычайно изысканных стихотворений (*хайку*).

Нисэ-э
Портрет.

Нитирэн
Родился в 1222 г., умер в 1282-м. Монах, основатель секты Нитирэн. Первоначально был сторонником учения Тэндай, Нитирэн особо выделил учения, содержавшиеся в сутре Мёхё рэнгэке (сутра Лотоса Дивного закона) и стал проповедовать собственную философию. Это не могло не вызвать столкновений с другими сектами, тем более что Нитирэн не пощадил их в своей критике. В трактате «Об установлении правильного устройства и введении спокойствия в государстве» (Риссё-анкоку рон, 1260) он яростно нападал на другие секты и обвинял их в изнеженности, которой предались самураи. Подобные идеи обошлись ему дорого, он был изгнан в Ито. Спустя три года Нитирэн был помилован, но с новой силой возобновил нападки и лишь чудом избежал смертной казни. Снова был изгнан, на этот раз на остров Садо, который он покинул через два года. Обосновался на горе Миноб (Яманаси-кэн) в Куондзи, месте пребывания его секты. Его учение быстро распространилось и стало чрезвычайно популярно среди простых людей, которые любили порядок.

Нитта Ёсисада
Родился в 1301 г., умер в 1338-м. Он разгромил род *Ходзё*, затем сражался против *Асикага Такаудзи* (1305—1358), благодаря чему считался одним из самых верных сторонников императорской династии.

Нихон-баси
Японский мост в *Эдо* (*Токио*), где заканчиваются пять важнейших дорог Японии (Гокайдо).

Нихонги
См. *Нихон-сёки*.

Нихондзин мати, или **Нихон мати**
Японские колонии, предназначенные для торговли. Были учреждены

в начале XVII в. в различных городах Дальнего Востока, куда прибывали «корабли с печатью цвета киновари» (сюинсэн).

Нихон-сёки
Древнеяпонские исторические анналы, составленные в стиле китайских хроник, об истории Японии до правления императрицы *Дзито*. Среди авторов О-но Ясумаро и принц Тонэри Синно.

Но
Театр, своим происхождением обязанный танцам и пантомимам, заимствованным с континента, *саругаку, эннэнмай, дэнгаку*. Вошел в моду в VIII—XII вв. Во второй половине XIV в. в эпоху Муромати самураи поддерживали первые пьесы Но, поэтические диалоги с танцами и фарсы театра Но (*кёгэн*).

Ногё дзэнсё
«Законченный трактат об агрономии», издан в 1697 г. Миядзаки Ясусада. (Название иногда переводится как «Сельскохозяйственная энциклопедия». — *Перев.*)

Нобунага
См. *Ода Нобунага.*

Ноги Китэн
Родился в 1849 г., умер в 1912-м. Японский генерал. Победил русские войска при Порт-Артуре и Мукдене (1905).

Но-дзима
Ровный остров — декоративный элемент сада.

Нономура Нинсэй
Один из великих мастеров по производству фарфора в Японии, жил и работал в Киото (первая половина XVII в.). Скончался около 1660 г. На основе китайских техник производства фарфора в мастерских *Арита* и *Кутани* создал чисто японское искусство. В действительности он использовал не фарфор, а глиняную массу для керамики, на которую наносил яркие цвета для украшения. Мотивы росписи чисто японские, в духе живописи и роскошные, широко использовались золото и серебро. Искусство Нинсэя близко искусству лакового производства.

Норито
Синтоистская молитва.

Но-тори-моно
Пьесы театра *кабуки*, использующие сюжеты театра *Но*.

Нумерация
Следуя и в этом за китайской традицией, японцы используют десятичную систему, двенадцатеричную и шестидесятеричную. Последняя представляет собой сочетание двух предыдущих и применяется в календаре. В старинной десятичной нумерации используются цифры или (в науке, связанной с летосчислением) иероглифы, которые называются «десятью небесными стволами» (кан), они символизируют попарно пять элементов в следующем порядке: старшее дерево (ки-но э), младшее дерево (ки-но то), старший огонь (хи-но э), младший огонь (хи-но то), старшая земля (цути-но э), младшая земля (цути-но то), старший металл (кано э), младший металл (ка-но то), старшая вода (мидзу-но э), младшая вода (мидзу-но то). Двенадцатеричная нумерация записывается иероглифами — «двенадцатью земными ветвями», каждый иероглиф символизирует одно из зодиакальных животных: Крыса (нэ), Бык (уси), Тигр (тора), Кролик (у), Дракон (тацу), Змея (ми), Лошадь (ума), Коза (хицудзи), Обезьяна (сару), Петух (тори), Собака (ину), Кабан (и). Расположение этих групп иероглифов рядом друг с другом создает шестидесятилетний цикл: первый год цикла — год Крысы старшего дерева (ки-но э нэ), второй — год Крысы младшего дерева (ки-но то нэ) и так далее до шестидесятой, последней комбинации — год Кабана младшей воды (мицу-но то и). Шестидесятилетний цикл является постоянным с древнейших времен, последовательность знаков так же незыблема, как и непрерывная нумерация, которая не меняется и циклически повторяется от единицы до шестидесяти, какими бы ни были обозначения царствований и эпох. Зная одну-единственную дату из шестидесяти лет, можно точно определить остальные пятьдесят девять. Старинный японский календарь постоянно использует циклические даты, но часто эти даты дублируются летосчислением в цифрах (см. *календарь*).

Нурэба
Любовная сцена в театре *кабуки*.

Нэмбуцу
Обращение к Будде, совместная молитва.

Нэмбуцу-одори
Танец нэмбуц под аккомпанемент гонга.

Нэнго
См. *календарь*.

Нэнгу
Ежегодный налог, состоящий из риса или другой сельскохозяйственной продукции.

Нэцкэ
Маленькая скульптурка — застежка, служившая для того, чтобы подвешивать к поясу различные предметы. Распространилась в эпоху *Токугава*.

О

О-Куни
Жрица, танцовщица храма *Идзумо* в конце XVI в. Считается создательницей театра *кабуки*.

Овари
Одна из пятнадцати старинных провинций Токайдо, сейчас на этой территории находится *Айти-кэн*.

Огата Корин
Родился в 1658 г., умер в 1716-м. Корин, чье имя столь же славно, как и славное имя его брата — мастера по производству керамики Кэндзана, был сыном богатого торговца тканями, связанного с величайшими художниками своей эпохи. Уже дед Корина был одним из обитателей поселка художников, основанного в Тагакаминэ *Хонъами Коэцу* в 1615 г. Позаимствовав у *Сотацу* (работал около 1630 г.) его технику обширных золотых фонов, на которые наносились словно бы вырезанные цветные элементы в манере *ямато-э*, Корин интересен поисками абстрактного стилизованного начала. Может быть, не столь выдающийся, как его учитель, Корин стал самым изысканным, блестящим

мастером декоративной живописи своего времени.

Огата Кэндзан
Родился в 1663 г., умер в 1743-м. Брат *Корина*, Кэндзан, превосходный живописец и каллиграф, создал оригинальный стиль керамики. Она имела простые формы в соответствии с японским вкусом, но была украшена великолепными рисунками: монохромными, пластичными, нанесенными стремительной кистью или же полихромными, заставлявшими играть покрытую яркими красками поверхность.

Огосо
Титул, который принял *Токугава Иэясу* после того, как он передал сёгунат своему сыну *Хидэтада* (1605).

Огю Сорай
Родился в 1666 г., умер в 1728-м. Ученый, представитель неоконфуцианской философии и японской философской школы. Происходил из очень бедной семьи, но благодаря поддержке Янигидзава Ёсиясу, который пользовался покровительством *Токугавы Цунаёси*, стал значительной личностью, к нему прислушивалось правительство. После смерти Цунаёси он обосновался в Нихон-баси и полностью отдался своей науке.

Ода Нобунага
Родился в 1534 г., умер в 1582-м. Первый из трех диктаторов, которые воссоздали единую Японию в конце XVI в.

Одавара
Канагава-кэн — город, который постепенно образовывался вокруг своего замка.

Ойэ-моно
Пьесы театра *кабуки*, главные персонажи которых — вельможи.

Окагами
«Великое зерцало» — романтизированное историческое повествование, анонимное произведение, написанное после 1025 г., возможно, и в XII в.

Окаяма-кэн
Префектура, расположенная на северном побережье Внутреннего Японского моря, административным центром которой является город Окаяма.

Оки
Остров, который находится посреди озера *Бива*.

Окина
Театральный танец, исполняемый в некоторых торжественных случаях (театр *Но*).

Окума Сигэнобу
Родился в 1838 г., умер в 1922-м. Политический деятель эпохи *Мэйдзи*, создатель одной из политических партий Японии — партии конституционных реформ, премьер-министр Японии в 1849 и 1914—1916 гг.

Окумура Масанобу
Родился в 1686 г., умер в 1764-м. Художник и издатель гравюр. Возродил в графике тему «женщины на прогулке», характерную для живописи Кагэцудо Андо (начало XVIII в.) и его школы.

Оми
Одна из тринадцати старинных провинций Тосандо, ныне зависящая от Сига-кэн.

Омирё
Свод законов, составленный под руководством Накатоми-но Камматари, обнародован императором Тэнти (668).

Омото
Одна из «новых религий» в Японии.

Омотэ
Маска театра *Но*.

Он
Произношение иероглифов, заимствованных из Китая.

Он мисоги
Ритуал очищения в *синтоизме*.

Они-моно
Пьесы о демонах в театре *Но*.

Онин-но ран
Смута годов Онин (1467—1477).

Онна дайгаку
«Великое исследование о женщинах» — конфуцианский моральный трактат о привычках женщин. Традиционно приписывается Кайбара Эккэн (1630—1714).

Онна-будо
Супруга самурая — амплуа в театре.

Оннагата
Исполнители женских ролей в театре *кабуки*.

Онна-моно
Пьесы о женщинах (театр *Но*).

Оно
Крепость, защищающая *Дадзайфу* — местонахождение администрации *Кюсю*, построена в 663 г.

Оно-но Имоко
Первый посол Японии в Китай, куда его направил *Сётоку Тайси* в 607 г.

Оно-но Тофу
Родился в 896 г., умер в 966-м. Каллиграф эпохи *Хэйан*. Наряду с Фудзивара-но Сури (944—998) и Фудзивара-но Кодзэй стоял у истоков стиля письменности, который в большей мере был свободен от китайских образцов, до тех пор строго почитаемых.

Онрё-моно
Пьесы о призраках (театр *Но*).

Орёси
Судебный чиновник, должность создана в 878 г. Постепенно судебные чиновники стали независимыми.

Орибэ
Керамика, производимая в *Овари* и Мино под руководством знаменитого мастера чайной церемонии Орибэ Фурута (1545—1615). Керамические изделия *орибэ*, которые предназначены для самого разного употребления, покрыты глазурью, испещренной трещинами. Самые красивые орибэ покрывались прозрачной глазурью голубовато-зеленого цвета.

Осака дзё
Замок Осака был возведен *Тоётоми Хидэёси* (1583—1587) на том месте, где находился старинный храм монахов *Икко Хонгандзи*. Осака в отличие от замка Фусими (*Момояма*) была официальной резиденцией диктатора. Большая часть замка была разрушена в 1615 г. под ударами *Токугава*. Со временем

замок был восстановлен, поскольку стал собственностью сёгуната, но был разрушен в 1868 г.

Осанаи Каору
Родился в 1881 г., умер в 1928-м. Вместе с *Итикава Саданджи* является основателем Свободного театра (Дзию гэкидзё, 1909), а также Маленького театра Цукудзи (Цукудзи сё-гэкидзё, 1924).

Осё Хэйхахиро
Родился в 1793 г., умер в 1837-м. Ученый, покоренный учением Ван Янмина, исполнял в *Осака* административную должность (Осака бугё). Его высокие нравственные качества привлекли к нему значительное количество учеников. Потрясенный драмой великого голода эпохи *Тэмпё*, стремился заставить *бакуфу* и богатых торговцев помочь несчастным. Отчаявшись в своих попытках помочь голодающим, напал на замок Осака и покончил с собой. Его поступок ко времени Реставрации *Мэйдзи* уже был давней историей, но продолжал волновать сердца людей, и, таким образом, он внес свой вклад в дело Реставрации Мэйдзи (1868).

Ота Докан
Родился в 1433 г., умер в 1486-м. Военный предводитель и поэт. Во второй половине XVI в. основал замок Эдо.

Отиай Наобуми
Родился в 1861 г., умер в 1903-м. Филолог и поэт.

Отоги-дзоси
Сказки — литературный жанр эпохи Муромати.

Отоко-моно
Пьесы о мужчинах в театре *кабуки*.

Отомо
Семейство *даймё*, происходившее с острова *Кюсю*.

Отомо-но Якамоти
Родился в 718 г., умер в 785-м. Поэт, без сомнения участвовавший в «Собрании мириадов листьев» (*Манъёсю*).

Отори
Вид архитектуры синтоистских монастырей, вариант стиля *тайся*. Примером его является монастырь Отори в *Сакаи*.

О-харай но норито
«Молитва великого очищения» в *синтоизме*.

Оцу-но мия
Столица, которая связана с правлением императора *Тэнти*.

Оэ-но Хиромото
Родился в 1148 г., умер в 1225-м. В 1184 г. был назначен руководителем министерства архивов (*кумондзё*), которое позже превратилось в ведомство административных дел.

Оядзи-гата
Старик, амплуа театра *кабуки*.

Оясиро
Японское чтение *тайся*.

П

Пали
Канон — священные тексты буддизма, написанные на *пали*, индийском языке, родственном санскриту. Пали существовал в тот же период, что и санскрит. Этот язык используется еще и в наши дни южными буддистами.

Патинко
Азартная игра по принципу игровых автоматов: выигрыш или проигрыш в ней случаен.

Пимико, или Химико
Правительница, которая, согласно китайским источникам (Вэйши во ен чуань), царствовала в загадочном государстве Яматай (середина III в.). Таким образом, эта царица-шаманка оказалась первой из японских правителей, которая была упомянута в документах.

Посмертные имена
Японцы используют множество вариантов фамилий, личных имен и прозвищ, младенческие имена (ёмиё), насмешливые клички (адзана), литературные псевдонимы, псевдонимы художников (хаймё или гагё). Посмертные имена даются либо как почетные (окурино), либо буддистские (хомё или каймё). Все императоры известны в истории по имени, которое им было дано после смерти. Имена *Мэйдзи* или *Тайсё*, например, становились названием эпохи. Когда здравствующий император носит какое-то имя в период своего правления, как ныне царствующий император *Хирохито*, никто и никогда не называет его этим именем. Однако когда обращаются к императору или же говорят о нем, то употребляются слова «тэнно хэйкэ» («Его Величество небесный император») или «коньо» («современный верховный владыка»). Что до посмертных буддистских имен, то они выбираются священниками для каждого умершего после размышления о смерти этого человека, чтобы их написать на заупокойных табличках.

Пэкче
Корейское королевство. Время его возникновения приблизительно совпадает с началом христианского летосчисления, просуществовало оно до 663 г.

Р

Рага
Бог любви (по-японски Айдзэнмёо), его изображают с тремя разгневанными лицами и шестью руками.

Райго-дзу
Картина, изображающая *Амиду*, который спускается с неба разыскивать души умирающих.

Ракан
См. *Архат*.

Раку
«Удовольствие», «наслаждение» — иероглиф на печати, данной *Тоётоми Хидэёси* Токэю, сыну Тёдзиро, изготовителя керамики, работавшему в Киото для мастера чайной церемонии Сэн-но Рикю. Название раку с тех пор применяется для семейства мастеров, изготовляющих эту керамику. Чашки выполнены в строгом стиле, с неправильной формой, шероховатая поверхность, нейтральный колорит используемых цветов.

Самый известный представитель этой школы — знаменитый *Хонъами Коэцу.*

Ракуза
Свободные корпорации, созданные *Ода Нобунага.*

Ракуити
Ярмарки, где царила свободная торговля, были созданы *Ода Нобунага.*

Рангаку
«Голландская наука» — особая ветвь образования, которая в период господства *Токугава* подразумевала все западные науки. Сведения о них доставлялись в Японию голландцами с возникновением их торговли, центр которой располагался неподалеку от *Нагасаки.*

Рёандзи, или **Рюандзи**
Храм, главное место пребывания секты *Риндзай* в *Киото.* Построен в 1450 г. по распоряжению Хосокава Кацумото (1430—1474), одного из основных действующих лиц в ходе разрушительной *«смуты годов Онин»* (1467—1477). Его сад камней, которые словно уподобляются тиграм, готовым к прыжку (торонако-ватаси), и его сад из мхов получили широкую известность.

Рёбу синто
Соединение верований *Синто* и буддистских учений секты *Сингон.*

Риёнин
Родился в 1072 г., умер в 1132-м. Создатель амидистской секты Юдзунэмбуцу (*Нэмбуцу*). Основал в Симиёси (Сэтцу) Дайнэмбуцудзи — храм, которому было суждено стать центром пребывания этой секты.

Риндзай
Буддистская секта. Представляет собой одно из течений дзэн-буддизма. Основана *Эйсаем* (1142—1215) в 1191 г.

Риогэ-но кан
Императорские указы, которые постепенно дополняют великий свод законов эры *Тайхё*, завершая его.

Риосю
«Владелец поместья».

Риссё косэйкай
Религиозная секта, одна из «новых религий».

Рицу
Буддистская секта, основанная в Японии в 753 г. китайским монахом *Гандзином* (688—763).

Рогана-буцу
См. *Вайрочана.*

Родзю
Старейшины в правительстве Токугава (1603—1868), из этих лиц состоял верховный политический совет.

Рокуондзи
См. *Кинкаку.*

Рокухара тандай
Военное правительство в *Киото.* Установлено после попытки императора *Го-Тоба* вернуть власть в свои руки в 1221 г.

Рокюдзо тэнно
Родился в 1162 г., умер в 1175-м. Семьдесят девятый император Японии, правил с 1165 по 1168 г. Ему было всего шесть лет, когда он был свергнут. Мальчик умер в возрасте тринадцати лет.

Ронин
Самурай, потерявший хозяина.

Роэй
Стихотворения, исполнявшиеся на распев в чью-либо честь в эпоху *Хэйан. Фудизивара-но Кинто* составил «Собрание японских и китайских роэй» (Вакан роэй сю), которое включает 589 китайских стихотворений и 216 японских. Сборник был составлен заново, в него были включены знаменитые стихотворения, содержавшиеся во многих китайских и японских антологиях.

Рэйюкай
Религиозная секта, одна из «новых религий».

Рэнга
Стихотворения-цепочки — стихотворный размер, новая поэтическая форма в XV в.

Рюкю
Самый южный архипелаг в Японии. Расположен между островом *Кюсю* и Тайванем, отделяет Восточно-Китайское море от Тихого океана.

Рюмин
Так называемые «добрые люди» — свободные люди.

Рюодзодзи
Семейство *даймё* с острова Кюсю.

С

Саби
Дословно «покрытый ржавчиной» — патиной; вещь, особая ценность которой в ее старинном происхождении.

Сага-кэн
Префектура, расположенная в северо-западной части острова *Кюсю*, административным центром которой является город Сага.

Сагами
Одна из пятнадцати старинных провинций Токайдо, находившаяся на территории современной *Канагава-кэн.*

Сага тэнно
Родился в 786 г., умер в 842-м. Пятьдесят второй император Японии, правил с 809 по 823 г. Он был великолепным правителем.

Садо
Большой остров, расположенный на северо-западе Японии.

Сайгё
Родился в 1118 г., умер в 1190-м. Монах, поэт, сочинения которого, в частности, были включены в *Син кокинсю.*

Сайкаку
См. *Ихара Сайкаку.*

Саёндзи Кимоти
Родился в 1849 г., умер в 1940-м. Происходил из высшей аристократии Киото, провел десять лет во Франции (1870—1880). По возвращении основал «Либеральную газету Востока» (Тойо Дзиюи синбун), которая сразу же была запрещена императором. Он сопровождал Ито Хиробуми (1841—1909) в его путешествии в Европу и с тех пор постоянно участвовал в политической жизни, занимая самые высокие должности.

Сайтё
Родился в 767 г., умер в 822-м. Монах, живший в эпоху *Хэйан*. В 802 г. отправился по приказу императора *Камму* в Китай и возвратился через два года сторонником учения Тянь-тай (по-японски *Тэндай*), центр изучения которого был создан в храме *Энрякудзи*, который Сайтё основал в 788 г. на горе Хиэй. После смерти ему было присвоено посмертное имя Дэнгё Дайси.

Сайхёдзи
Буддийский храм, примыкающий к группе Тэнрюдзи секты *Риндзай*. Первоначально был основан императором *Сёму*, храм был реконструирован в 1340 г. *Мусо Кокуси*. При нем был создан знаменитый сад, в котором росли различные мхи; эта особенность обеспечила всему ансамблю широко известное название «храм мхов».

Сакаи
Важный порт в Осака-фу.

Сакайда Какэмон
Родился в 1596 г., умер в 1666-м. Занимался керамикой. Стал инициатором производства фарфора в Японии, работал при мастерских Арита. После объединения центров *Арита* и *Имари* нередко трудно различить изделия той или иной мастерской, которые вывозились за границу и копировались сначала в Китае, а затем и в Европе (Дельфт) с середины XVII в.

Сакануэ-но Тамурамаро
Родился в 758 г., умер в 811-м. Полководец, усмиритель северо-восточной Японии.

Саката Тодзюро
Родился в 1645 г., умер в 1709-м. Актер *кабуки* и впервые исполнивший роли магато — травести.

Сакатадэра
Один из первых буддийских храмов, был построен императором Ёмэй. В наши дни от него не осталось ничего, кроме следов на земле в регионе Нара.

Сакокурэй
Указ о закрытии страны (1639), который оставался в силе вплоть до прибытия кораблей коммодора Перри.

Сакудара Дзисюкэ
Родился в 1735 г., умер в 1806-м. Актер и создатель *кабуки*.

Сакя
Лавочка продавца сакэ.

Самантабхадра
Бодхисаттва, которого почитали на горе Омэй в Китае. Покровительствовал последователям сутры Лотоса. В иконографии он обычно изображается восседающим на белом слоне.

Самурай
Воин, на службе у вельможи.

Самурай-докоро
«Место сбора самураев», созданное в 1180 г. в Киото.

Сан куо че
Трактат «Троецарствие». Составлен до 297 г., представляет собой раздел, относящийся к династической истории царства Вэй (Вэйши) в Китае. В нем можно отыскать очень важные свидетельства

путешественников по Японии в конце эпохи Яёй.

Сангавара
Черепица в форме латинской буквы S.

Сандзё бусё
Мастерская скульптуры, основанная Энсэем, сыном Хосэя (1010—1091), который, в свою очередь, был учеником *Дзётё*.

Санкан
Три семейства — *Сиба, Хатакэяма, Хосокава*, — из которых во времена сёгуната *Асикага* избирались высшие должностные лица *канрэй*.

Санкин котай
Обязанность, которую должны были исполнять *даймё* с 1635 г.: семья должна была оставаться в Эдо, а сам чиновник по определенным датам являться туда лично, — одно из важнейших правил, установленных «Законом о военных домах» (*букэ-сёхатто*) (изданы при *Токугаве Иэмицу*).

Санкэй
Три самых прекрасных пейзажа Японии — *Мацусима*, Ицукусима и Ама-но-Хасидатэ.

Санно итидзицу синто
Учение об общности синто и буддизма, проповедуемое сектой *Тэндай*.

Санрон
Буддистская секта, основанная в Японии корейским монахом в 625 г. См. *Шесть сект Нара*.

Сан-цай
Трехцветная керамика.

Сарасина никки
«Дневник в Сарасина» (середина XI в.), автор которого дочь Сугувары но Такасуэ.

Сари
Реликвии, связанные с Буддой или святым.

Саридэн
Из ансамбля *Энгакудзи* в Камакура павильон для реликвий. Построен около 1285 г. в китайском стиле эпохи *Сонг*, заимствованном вместе с дзэн-буддизмом. Единственный из пяти великих храмов Камакура, сохранившийся до наших дней. *Саридэн* выражает славу всего архитектурного ансамбля: известно, что главное здание, впоследствии разрушенное, было возведено по плану павильона для реликвий и воспроизводило его формы.

Саругаку
Старинный танец, некоторые элементы которого перешли в танец театра *Но*.

Сасэки сю
«Собрание песка и камней» (1279—1283) — произведение монаха *Мудзё*.

Сато Нобухиро
Родился в 1769 г., умер в 1850-м. Философ конца эпохи Эдо, изучал труды как конфуцианцев, так и «голландскую науку» (*рангаку*).

Сацума
Одна из двенадцати старинных провинций Сайкайдо (*Кюсю*).

Северные и Южные династии
См. *Намбоку тё*.

Сёдзи
Раздвигающиеся створки, затянутые прозрачной бумагой.

Сё-до
Письменность, каллиграфия.

Сёиндзукури
Архитектура, которая развивалась в эпоху Муромати. Она представляет собой классический образец оригинальной японской архитектуры.

Сёй-и-тайсёгун
Главнокомандующий в войсках, направленных против варваров.

Сёмиодзи
Храм, основанный в Канадзаве *Хо-дзё Санэтоку* для того, чтобы разместить библиотеку *Канадзава*.

Сёму тэнно
Родился в 701 г., умер в 756-м. Сорок пятый император Японии, правил с 724 по 749 г. Выдающийся покровитель буддизма, по его приказу сооружен Великий Будда в *Нара* и храм *Тодайдзи* (743), а также *Кокубундзи* и Кокубунидзе. Сокровища, принадлежавшие ему, прибыли со всей Азии и хранятся в Сёсоине.

Сёнагон
Чиновники Правого и Левого ведомств, занимавшиеся делами второстепенной важности.

Сёсоин
Деревянное хранилище, построенное в 756 г. внутри ограды *Тодайдзи* в *Нара* для того, чтобы хранить сокровища императора *Сёму* и императрицы *Кокэн*. Сёсоин, состоявший из трех частей и имевший изотермические стены, был открыт только несколько дней в году для очень ограниченного круга посетителей; в нем хранились ценные художественные сокровища, созданные в Древней Японии и в разных странах материка, пройдя длинный Шелковый путь.

Сёсэцу синдзуй
«Сущность романа» (1885) — произведение *Цубоути Сёё* (1859—1935).

Сётo
Название эпохи (1428), отмеченной крестьянским восстанием.

Сётоку Тайси
Родился в 574 г., умер в 622-м. Знаменитый племянник и регент (592—622) императрицы *Суйко*, основатель Японского государства по образцу китайского государства, великий покровитель буддизма.

Сёэн
Поместья.

Сёэн Гэнкэй
Родился в 1648 г., умер в 1710-м. Скульптор.

Сиба
Семейство *даймё* из рода Минамото-но Ясудзи (XIII в.), принадлежавшего к линии Сэйва-Гэндзи рода Минамото, потомков императора Сэйва.

Сиба Кокан
Родился в 1738 г., умер в 1878-м. Специалист по гравюрам, выполненным в технике аквафорта.

Сига-кэн
Префектура, расположенная на восточном берегу озера *Бива*, административным центром которой является Оцу. Мастерские по производству фарфора в Сигараки.

Сигисан-энги-эмаки
Свиток, иллюстрирующий три легенды о Сёконсосидзи (храм горы Сиги). В двух повествуется о чуде, сотворенном проповедником Миёрэном, основателем храма: первый рассказывает о том, как чудесным образом *улетел амбар для* риса, унесенный чашкой проповедника, которому богатый, лишенный милосердия владелец амбара отказался подать милостыню. Второй сообщает о чудесном исцелении императора *Дайго*, который распорядился составить знаменитое собрание *Кокинсю*. В третьем свитке излагается история сестры Миёрэна: после долгих поисков брата, который исчез еще в детстве, она в конце концов находит его в мирном убежище на горе Сиги, и они проводят остаток дней рядом, ведя благочестивую жизнь.

Сидзуока-кэн
Префектура к юго-западу от Токио, ее административным центром является город Сидзуока, возникший вокруг замка.

Сикитэй Самба
Родился в 1776 г., умер в 1822-м. Сатирический писатель.

Сиккэн
Регент при сёгуне — должность, созданная в 1203 г. для Ходзё Токимаса, деда по матери молодого *Минамото-но Ёриэ*.

Сикоку
«Четыре страны» — один из пяти крупных островов Японии.

Силла
Корейское королевство (IV в. — 935).

Симабара-но ран
Восстание Симабара (*Нагасаки-кэн*) (1637—1638); было направлено против местного властителя Мацукура Сигэхара (умер в 1638 г.). Большинство крестьян и самураев из старинных родов взбунтовались против христиан и сжигали знамена, на которых были изображены религиозные образы. Это восстание раз и навсегда убедило сёгунов из рода *Токугава* в том, что христианство представляет для Японии опасность. Сёгунатом наказывалась и тирания *даймё*, и после того как Мацукура Сигэхара был отправлен в изгнание, сёгунат приказал ему совершить ритуальное самоубийство.

Симадзу
Семейство *даймё* с острова *Кюсю* (Сацума), которое происходило от побочного сына Минамото-но Ёритомо.

Симидзу
Боковая ветвь рода *Токугава*. Семейство происходило от Токугава Иэсигэ (1712—1761), входило в число трех властителей (*Госанкё*).

Симмэй
Внешний вид памятников синтоистской архитектуры с чертами деревянных построек доисторической эпохи: прямоугольные здания, вход на одной из длинных сторон, как в храме *Исэ*.

Симода
Порт, находящийся на юго-востоке полуострова Идзу. Наряду с *Хакодатэ* он оказался первым портом, открытым для торговли с Америкой, согласно условиям Канагавского договора.

Симодзукэ
Одна из тринадцати старинных провинций Тосандо, располагавшаяся на территории современной Тотиги-кэн.

Симоносэки
Порт, расположенный на крайнем юго-востоке острова Хонсю. Место, исключительно важное для истории современной Японии: в 1863 г. *даймё Хосю* открыл огонь по американским, голландским и французским кораблям, которые пересекали пролив. Союзники ответили бомбардировкой города. В Симоносэки в 1895 г. был подписан договор, по которому прекращались военные действия с Китаем.

Симпа
Современная форма *кабуки*, созданная в 1887 г.

Симпан
В эпоху Эдо вельможи, принадлежащие к одной из ветвей рода *Токугава*.

Симэнава, или **Сити-го-сан-нава**
Веревка, которая ограждает помещение святилища — символическую чистоту духа синтоистских монастырей. Изготовляются толстые витые шнуры из рисовой соломы, к которым на равном расстоянии прикрепляются букетики из соломы и подвески из гнутой бумаги. Во время празднеств, особенно в Новый год, такими гирляндами обычно украшается вход в дом. Симэнава — это напоминание о веревке, которую боги протянули перед пещерой Аматэрасу для того, чтобы она снова там не спряталась. Веревка символизировала память людей о том счастливом моменте, когда солнечный свет возвратился навсегда, чтобы освещать мир.

Син и Син сю.
См. *Дзёдо син сю.*

Син кокинсю
«Новое собрание старых и новых песен» — антология поэзии, составленная в 1205 г. по распоряжению императора *Го-Тоба* и под руководством *Фудзивара-но Садайэ.*

Син нихон бунгаккай
Литературная ассоциация новой Японии, создана в 1945 г.

Син юй
Школа духа — неоконфуцианское учение, на которое оказали воздействие идеи даосизма. Оно было развито китайским философом *Чен Хао* (1032—1085).

Сингон
Буддистская эзотерическая секта (от китайского названия чэнь янь), основанная *Кукаем.*

Сингэку
«Новый театр» — жанр в стиле западного театра, возникший около 1900 г.

Синдэн
Новые элементы, которые появляются в культуре в эпоху Эдо.

Синдэндзукури
Парадная архитектура в эпоху *Хэйан* (X—XI вв.). Строения в виде небольших павильонов с колоннами, покрытыми лаком, и крышами, изогнутыми в китайском стиле, связаны крытыми галереями, окружающие пейзажный сад.

Сино
Керамика из провинции *Овари* (современная *Айти-кэн*). Чашки, блюда и бутыли изготовлялись из тяжелой грубоватой массы, покрывались белой глазурью, плотной и покрытой трещинами. Очень древняя техника обжига приобрела особое признание в конце XVI в. Керамика *сино* расписывалась рисунком коричневого цвета, который наносился до покрытия густой белой глазурью — так называемые «раскрашенные сино». Предметы, покрытые глазурью серых тонов, назывались «серые сино мышиного цвета» (нэдзуми сино). Есть «красные сино» (бэни сино). Вся керамика сино изысканна и очень ценится знатоками.

Синран
Родился в 1174 г., умер в 1263-м. Монах, последователь учения Хонэна, основателя секты Чистой земли (*Дзёдо си*). Сократил количество условий для спасения человека до единственного обращения к Будде *Амиде*, которое умирающий должен был произнести искренне. Это и была «новая секта Чистой земли» (*Дзёдо син сю*), которая пользовалась огромной популярностью. Подобно Хонэну в недавнем прошлом, Синран был изгнан в Этиго (Нигата-кэн) из-за соперничества других сект, которые образовались раньше. После пяти лет изгнания *Синран* возвратился в столицу.

Синтайси
Поэтическая форма, основанная на подражании западной поэзии.

Синто
Дословный перевод — «голос божеств». Совокупность анимистических верований, из которой возникла первая японская религия.

Синуби
Рабы, принадлежащие частным лицам.

Сирабёси
Профессиональные танцовщицы и певицы, которые появляются в конце эпохи *Хэйан.* О них идет речь в «Повести о Тайра» (*Хайкэ моногатари*) и в «Записках от скуки» (*Цурэдзурэгуса*, 1331). Первоначально они изображали пантомиму и распевали песни на религиозные сюжеты (буддистские и синтоистские), впоследствии их репертуар расширился за счет светских сюжетов начиная с эпохи Камакура, а в эпоху Муромати этот жанр был поглощен театром *Но.*

Сиракава тэнно
Родился в 1053 г., умер в 1129-м. Семьдесят второй японский император, правил с 1072 по 1086 г. Чтобы избежать влияния *Фудзивара*, отрекся и установил режим *инсэй* («правление из монастыря»), попытавшись управлять страной из своего уединенного места.

Сиранами-моно
Пьесы театра *кабуки*, героями которых являются разбойники.

Ситэннодзи
Буддийский храм, основанный в 593 г. *Сётоку Тайси*, который также основал и *Хорюдзи*. Один из наиболее древних храмов Японии; его план представляет собой интересный пример того, как китайские архитектурные образцы эволюционировали в Японии. *Ситэннодзи*, расположенный в Осака, — восстановленные здания.

Ситэ
Исполнитель, действующее лицо театра *Но*.

Сиутоку тэнно
Шестьдесят пятый император Японии, официально правил с 1123 по 1141 г. После того как был отстранен от власти, тщетно пытался ее возвратить. В 1164 г. умер в изгнании.

Соами
Родился в 1472 г., умер в 1523-м. Художник и мастер чайной церемонии.

Сога
Старинный род, представители которого выступали при дворе *Ямато* как сторонники приобщения к китайским порядкам.

Сога монагатари
«Повесть о Сога» — военный роман (XIV в.).

Сога-но Умако
Умер в 626 г. Покровитель буддизма в Японии. Одержал победу над своими соперниками *Мононобэ* и *Накатоми* в 587 г. В 692 г. приказал убить императора *Сусюна*, по его представлениям недостаточно укрощенного, сумел посадить на престол императрицу *Суйко*. С того времени и на протяжении правления регента *Сётоку* влияние его было значительным.

Сока Гаккай
Религиозная секта, одна из «новых религий».

Сокусаи хо
Буддийский ритуал, служащий для изгнания злых духов.

Сонг
Китайская императорская династия, правившая в 960—1279 гг.

Сонно
Абсолютное почитание императорского дома.

Сотацу
В 1630 г. еще работал. Живописец. Продолжатель традиций иллюстрированных свитков эпохи *Хэйан*, темы и сюжеты которых перенес в свои грандиозные декоративные композиции, используя золото. Был учителем *Огаты Корина*.

Сото
Дзэн-буддистская секта, которую основал в Китае в 1227 г. монах *Догэн*, ученик *Эйсая*. Эйсай создал в Японии в 1191 г. секту *Риндзай*, которая, в свою очередь, выделилась из дзэн-буддизма.

Сотобори
Внешняя ограда (ров) укрепленного замка.

Сохэй
Монах-воин.

Ступа
Место для хранения реликвий.

Сугавара-но Митидзанэ
Родился в 845 г., умер в 903-м. Доверенное лицо императора Уда (царствовал в 887—897 гг.). Руководил ведомством *куродо*, был главой японского посольства, направленного в Китай (894). Впоследствии отказался от этой чести, придерживаясь мнения, что эти путешествия не приносят пользы; с тех пор они прекратились на многие столетия. В правление императора *Дайго* Сугавара-но Митидзанэ был назначен правым министром. Однако из-за ревности и клеветы со стороны рода *Фудзивара* он, несмотря на свою верность императору, был отправлен в изгнание в *Дадзайфу* (901), где скончался. Через двадцать лет после смерти был реабилитирован. В Киото ему был посвящен храм *Китано*, а почитание народа превратило его в культурного героя.

Сюго
Должностные лица в правительстве *Камакура*; сама должность создана в 1185 г.

Сюго-даймё
В ранние периоды сёгуната должностные лица (*сюго*), затем главы территориальных княжеств.

Судзу
Бубенчики.

Судзуки Харинобу
Родился в 1725 г., умер в 1770-м. Художник, мастер гравюр, специализировался в изображении женских фигур.

Суй
Китайская императорская династия, правила в 589—618 гг.

Суйка синто
Суйка — псевдоним философа *Ямадзаки Ансая* (1618—1682), который предложил синкретическое учение на основе синтоизма, с которым сочетались элементы конфуцианства и буддизма.

Суйко тэнно
Родилась в 554 г., умерла в 628-м. Императрица, тридцать третья правительница Японии, царствовала с 592 по 628 г. Заняла трона после смерти мужа и обоих его братьев, став первой в истории Японии царствующей императрицей. Однако вся полнота власти была передана ею племяннику, знаменитому принцу *Сётоку*.

Сукиядзукури
Дословный перевод — «архитектура домов хорошего вкуса» — стиль, который преобладал в эпоху Эдо.

Сукуба мати
Название городов-станций.

Сумида
Река, которая, пересекая восточную часть столицы, впадает в Токийский залив.

Сумида хатиман гу
Синтоистский монастырь в префектуре Вакаяма, в котором с незапамятных времен хранятся два самых древних зеркала, на которых имеются китайские надписи, как и зеркало с надписью на японском языке — сорок восемь иероглифов, представляющих один из первых образцов японской письменности.

Сумиёси, или Суминоэ
Местность, расположенная между *Осака* и *Сакаи*, где расположен

знаменитый синтоистский монастырь, основанный *Дзингу когу*, матерью императора *Одзина* в эпоху *Кофун*, в честь морских божеств, которые предоставили возможность для военной экспедиции в Корею. Архитектура храма представляет собой два прямоугольных здания — одно выступает из-за другого.

Сумитомо
Крупная старинная финансово-промышленная группа.

Суми-ягура
Угловая башня укрепленного замка.

Сурага
Одна из пятнадцати старинных провинций Японии на месте современной Сидзуока-кэн.

Сусаноо
Бог религии синто, брат *Аматэрасу*, родился из носа *Идзанаги*. В мифологии — активный элемент, нарушитель [порядка].

Суси гаку
Японская школа, разделяющая идеи китайского философа *Чжу Си* (XII в.), основателя неоконфуцианства.

Сусюн тэнно
Тридцать второй император Японии, правил с 587 по 592 г. Убит по приказу *Сога-но Умако*.

Сутра
Дословный перевод — «нитки, связанные вместе». Применительно к буддизму — учения, которые приписываются Будде.

Суэки
Керамика сю — либо китайская, либо имитировала китайские образцы; в большом количестве обнаружена в погребениях курганов с IV—VII вв.

Сыма Цянь
Родился около 145 г., умер между 86 и 74 гг. до н. э. Китайский историк, автор «Исторических записок» (*Ши-Цзи*) — хроники истории Китая с древнейших времен до примерно I в. до н. э. по христианскому летосчислению. «Исторические записки» включают также биографии некоторых знаменитых исторических деятелей. Его произведение считаются образцом для китайских исторических трудов

Сэва Ниобо
Добропорядочная купеческая жена — персонаж театра *кабуки*.

Сэва-моно
В театре *кабуки* пьесы, персонажи которых — представители среднего слоя общества.

Сэгикахара
Гифу-кэн — место решающего сражения (1600), которое предопределило приход к власти *Токугава Иэясу*.

Сэй Сёнагон
Придворная дама и знаменитая писательница (конец X — начало XI в.), перу которой принадлежат «Записки у изголовья» (*Макура-но соси*) — шедевр литературного жанра *дзуйхицу*.

Сэйрио дэн
Здание императорского дворца, где обычно находился император.

Сэкай Кюсэй
Религиозная секта, одна из «новых религий».

Сэккан-сэйдзи
Правление *сэссё* и *кампаку*. Режим регентства, установленный *Фудзивара* со времени прихода к власти императора Сэйва (858). Он предоставил возможность для утверждения полного могущества рода Фудзивара с конца X до конца XI в.

Сэммё
Императорский манифест.

Сэммин
Низшие слои общества или рабы.

Сэммин саругаку
«Народные комедии».

Сэмэба
Сцена мучений невинной жертвы в театре *кабуки*.

Сэн-но Рикю
Родился в 1521 г., умер в 1591-м. Знаменитый мастер чайной церемонии. Уроженец Сакаи, он изучал дзэн-буддистские учения в *Дайтокудзи* в Киото. Находился на службе у *Ода* Нобунага и *Тоётоми Хидэёси*. Усовершенствовал чайную церемонию, доведя ее до изысканной утонченности. Оказавшись в жестокой немилости, отказав отдать свою дочь Хидэёси; был вынужден совершить ритуальное самоубийство (сэппуку).

Сэнгай
Родился в 1750 г., умер в 1837-м. Дзэн-буддистский монах, получивший известность благодаря мастерству каллиграфии, своей живописи и рисункам, отличающихся живым юмором.

Сэнгоку дзидай
«Период сражающихся царств» — эпоха, которая также характеризуется благоговением перед китайской историей (Чан Куо) (конец XV — начало XVI в.).

Сэндай
Город, расположенный в северо-восточной части острова *Хонсю*. Административный центр Миягикэн.

Сэндоки дзидай
Эпоха догончарного производства. В самых общих чертах определяет все то археологическое наследие, которое относится к донеолитической эпохе *Дзёмон*.

Сэридаси
Лестница на сцене театра *кабуки*, предназначенная для того, чтобы персонажи могли исчезнуть, отсюда выражение «уход со сцены».

Сэссё
Регент — должность, созданная в 866 г. Министр, который осуществлял властные полномочия на период малолетства императора и продолжал править по приказу верховного властителя, когда тот достигал совершеннолетия.

Сэссю Тойо
Родился в 1420 г., умер в 1506-м. Монах-художник. Родился в провинции Битю (Окаяма-кэн) и прибыл в Сёкукудзи Киото, где изучал дзэн-буддизм и живопись в технике туши. После многих невзгод принял решение совершить путешествие в Китай (1463), где, по рассказам, его талант поразил китайцев. По возвращении в Японию (1469) он не мог снова устроиться в Киото — там шла война. Проживал на *Кюсю* (Оита-кэн) и в области Сюо (Ямагати-кэн), занимаясь

своим искусством. *Асикага Ёсимацу* (1435—1490) желал видеть его придворным художником сёгуната, но Сэссю, привязанный к своей мастерской, отказался.

Сэто
Небольшой городок в древней провинции *Овари* (ныне Айти-кэн), получивший известность благодаря своей керамике.

Сэтцу
Одна из пяти старинных провинций *Кинай*. В наши дни входит в Осака-кэн и Хиёго-кэн.

Сюбун
См. *Тэнсё Сибун*.

Сюгэсити-ин
Школа, основанная в *Киото Кукаем* в 827 г.

Сюинсэн
«Корабли с печатью цвета киновари» (XVI—XVII вв.). В 1592 г. *Тоётоми Хидэёси* впервые распорядился возобновить заморские путешествия и торговлю. Это касалось только судов, получивших разрешение правительства. Эти привилегии, возобновленные при первых сёгунах из рода *Токугава*, вскоре были упразднены, когда страна полностью закрылась для иностранцев.

Сюйбоку-га
Живопись тушью в китайском стиле, растушевка.

Сюндзё
Родился в 1166 г., умер в 1227-м. Проповедник секты *Дзёдо*.

Сюндзё
См. *Коикава Харумати*.

Сюра-моно
Пьесы о воинах, мужественном воинском духе в театре *Но*.

Сюро
Колокольня в буддийском храме.

Сютан-ба
Сцена расставания героев в театре *кабуки*.

Ся
Древнейшая китайская династия, основанная легендарным героем *Юем Великим*. Согласно традиции, существовала между 2205—1766 или же 1994—1523 гг. до н. э.

Ся Гуй
Китайский художник (деятельность относится к 1190—1230 гг.). Вместе со своим современником *Ма Юанем* считаются великими мастерами живописной школы Южной *Сонг*.

Сямисэн
Трехструнный щипковый инструмент.

Сярэбон
Юмористические рассказы (XVIII в.) из жизни городских жителей, часто сценки в «веселых домах» в реалистическом стиле, использование диалога и речи автора.

Т

Тайё-но кисэцу
«Сезон солнца» — роман Исихаро Синтаро.

Тайка-но какусин
Реформы эры Тайка (645—649).

Тайкокэнти
Грандиозная ревизия кадастра (1582), предпринятая *Ода Нобунага* и благополучно завершенная *Тоётоми Хидэёси*.

Тай-но-я
В эпоху *Хэйан* павильон, располагавшийся сбоку от главного здания, предназначенный для жилья и соединенный с главным зданием крытой галереей.

Тайра-но Киёмори
Родился в 1118 г., умер в 1181-м. После победы над своими соперниками *Минамото* в ходе войн годов Хогэн (1156) Киёмори стал *дадзёдайдзином* в царствование императора *Го-Сиракава* и вновь вышел победителем из войн эры *Хэйдзи* (1159). Его могущество было снова закреплено браком его дочери (1171) с императором Такакура (царствовал в 1168—1181 гг.). Из уединенного места, где он обосновался в 1168 г. из-за ухудшавшегося здоровья, он в действительности управлял всей империей. Его жизнь знаменовала эфемерный апогей рода Тайра.

Тайра-но Масакадо
Поднял мятеж в 935—940 гг. против императора Судзяку (царствовал в 930—946 гг.). Умер в 940 г.

Тайра-но Тадацунэ-но ран
Мятеж Тайра-но Тадацунэ (1028). Обладавший реальной силой благодаря своему территориальному могуществу в *Канто*, Тайра-но Тадацунэ предал смерти губернатора провинции Ава (Тиба-кэн), но вскоре был побежден (1031) Минамото-но Ёринобу (968—1048).

Тайра си
Род Тайра, происходил от принца Касубарата-синно (786—863), который в свою очередь был сыном императора *Камму*. Борьба рода Тайра против рода *Минамото* составляла основное содержание японской политической истории в XI—XII вв.

Тайро
«Великие старейшины» в правительстве *Токугава* (1603—1868).

Тайсё тэнно
При жизни носил имя Ёсихито, сто восемьдесят третий император Японии, царствовал с 1912 по 1926 г.

Тайся
Особый тип синтоистской архитектуры, наиболее характерным примером которого является монастырь *Идзумо*: здания его были построены по плану, имеющему в основе квадрат.

Тайсякутэн
См. *Индра*.

Тайхорё рицурё
Кодекс эры Тайхо, обнародованный в 701 г., в правление императора Момму (царствовал в 697—707 гг).

Тайхэйки
«Описание великого мира» (около 1370) — историческая хроника, излагающая события конца эры Камакура и начала эпохи Северной и Южной династий (*Намбоку тодоран*). Приписывается монаху Кодзима (умер в 1374 г.) с горы Хиэй. На ее основе возникли популярные версии, которые оказали большое воздействие на литературу последующих веков.

Такамацудзука
Кофун, относящийся к эпохе *Асука*, который был открыт 21 марта 1972 г. в области *Нара*. Воспроизводит структуру древних гробниц на континенте, в особенности корейских погребений (*Когурё*). Эта гробница напоминает последние: настенные росписи, стиль и сюжеты которых выполнены по китайским и корейским образцам — созвездия, дракон, тигр, гэмбу (хуан ву по-китайски — *змея, обвившая черепаху*), придворные, дамы, дети. Среди погребальной утвари — зеркала, оружие и драгоценности.

Такамука-но Куромаро
Умер в 654 г. Сановник высокого ранга. Сопровождал первое посольство в Китай (607) и проживал там более тридцати лет. По возвращении в Японию принимал значительное участие в реформах эры *Тайка*.

Такано Тёэй
Родился в 1804 г., умер в 1850-м. Знаток «голландской культуры» (*рангаку*). В *Нагасаки* в 1824 г. стал учеником австрийца Зибольда, который основал в числе прочих наук изучение японской этнографии. Когда в 1837 г. американский корабль появился в Ураге, *Такано Тёэй* опубликовал книгу, в которой критиковал враждебное отношение правительства к иностранцам, за что на долгие годы был заключен в тюрьму. (Знаменитый врач Такано Тёэй был вынужден покончить жизнь самоубийством. — *Перев.*)

Такэда Идзумо
Родился в 1691 г., умер в 1756-м. Драматург.

Такэмото Гидаю
Родился в 1651 г., умер в 1714-м. Исполнитель драм *дзёрури*. Благодаря таланту Гидаю и поэтическому дарованию *Тикамацу Мондзаэмона*, театр *дзёрури* превратился в высокое искусство.

Такэтори-моногатари
«Повесть о резчике бамбука» — старинный японский роман.

Тамамуси-но дзюси
Ковчег (VII в.), сохранившийся в *Хорюдзи*. Его боковые стенки декорированы росписями, которые являются первыми шедеврами японской живописи.

Тамба
Одна из восьми старинных провинций Санъиндо, располагавшаяся на территории современных Киото-кэн и Хиого-кэн. Центр производства керамики.

Тамэнага Сюнсуй
Родился в 1789 г., умер в 1842-м. Писатель, автор *ниндзёбон*.

Тан
Китайская императорская династия (618—907).

Тана
См. *Тигайдана*.

Тангэ Кэндзо
Современный архитектор.

Тандай
Военный губернатор области. Должность была создана регентами *Ходзё* под давлением обстоятельств в эпоху *Камакура*. *Нагато тандай*, или *Тюгоку тандай*, как и *Кюсю Тандай*, в 1275 г. были назначены

для охраны берегов и организации защиты от монгольского вторжения.

Танидзаки Дзюнъитиро
Родился в 1886 г., умер в 1965-м. Автор романа «Мелкий снег».

Танка
Короткое стихотворение в тридцать один слог.

Танкэй
Знаменитый скульптор эпохи Камакура, сын *Ункэя* (XIII в.).

Таномоси
Народные кассы взаимопомощи — объединения лиц, которые откладывают ежемесячно определенную сумму денег, затем бросают жребий, кто по очереди будет распоряжаться всей суммой.

Танума Окицугу
Родился в 1719 г., умер в 1788-м. Политический деятель эпохи Эдо.

Тань Луань
Родился в 476 г., умер в 542-м. Китайский ученый *Вэй Луань* — автор «Трактата о возрождении рая», произведение, на которое опираются тексты амидистской секты Чистой земли (Цзин ту по-китайски, *Дзёдо* по-японски).

Татами
Соломенная циновка. Ее размеры соответствуют той площади, которая необходима для того, чтобы спать одному человеку.

Татибана
Старинная аристократическая семья, происходившая от принца Нанива-О, сына *Сётоку Тайси*.

Татхагата
По-японски *Нёрай* — «тот, кому предстоит прийти», Будда будущего, то есть воплощение совершенной мудрости. Один из главных эпитетов Будды.

Татэ
Сражения, которые изображаются танцем в театре *кабуки*.

Татэана сики юкио
В доисторическую эпоху жилище, которое наполовину находится в яме, выкопанной в земле.

Татэ-яку
Мужские роли в театре *кабуки*.

Таю
Певец в *дзёрури*.

Таясу
Боковая ветвь семейства *Токугава*, родоначальником которого был Токугава Мунэтакэ (умер в 1769 г.), сын сёгуна *Ёсимунэ*. Образовала одну из трех *госанкэ*.

Тёгэн
См. *Сюндзё*.

Тёдзю гига
Свиток живописи сатирического характера, авторство которого приписывается монаху Тоба Сёдзё. Он хранится в *Кодзандзи* (Киото).

Тёнэн
Монах монастыря *Тодайдзи* в Нара. Он возвратился в Китай в 983 г. Умер в 1016 г.

Тиба-кэн
Префектура, расположенная к востоку от Токио.

Тигайдана, или Тана
Этажерка с несимметричными полочками.

Тиги
Деревянные крестики, которыми украшают балки конька (*кацуоги*) синтоистских монастырей, а также всякое строение, относящееся к деревянной архитектуре, которая характерна для Японии с доисторических времен.

Тикамацу Мондзаэмон
Родился в 1653 г., умер в 1724-м. Знаменитый драматург. Его гений придал благородство сочинениям в театре кукол *дзёрури*, репертуар которого в дальнейшем стал исполняться театром *кабуки*.

Тикамацу Хандзи
Родился в 1725 г., умер в 1783-м. Драматург.

Тикуго
Одна из одиннадцати старинных провинций Сайкайдо, ныне современная провинция Фукуока-кэн.

Тинори
Имитация крови — один из классических сценических эффектов театра *кабуки*.

То
Пагода буддийского храма.

То
Светильник.

Тоба доно, или Тоба рикю
Загородная резиденция удалившихся от власти императоров *Сиракава* и *Тоба*. Построена в 1087 г. императором Сиракавой в Фусими (Киото). В 1124 г. была превращена в храм Анрякудзин. До наших дней не сохранилась.

Тоба Содзё
Родился в 1053 г., умер в 1140-м. Монах, известный под именем Какуйю. Считается автором знаменитого живописного свитка, на котором изображены птицы и животные (тёдзю гига). Рисунки этого свитка, исполненные юмора, свидетельствуют о том, что талант японских карикатуристов проявлялся с давних времен.

Тоба тэнно
Семьдесят четвертый император Японии, правил с 1107 по 1123 г.

Того Хэйхатиро
Родился в 1847 г., умер в 1934-м. Японский адмирал, победил русских при Порт-Артуре и Цусиме.

Тодайдзи
Величайший из храмов Нара. Был основан в 746 г. императором *Сёму*. В ансамбль входят около тридцати строений. Все *Кокубундзи* (провинциальные храмы) находятся в зависимости от этого храма. Главное здание, или дайбуцудэн, высотой сорок шесть метров было построено для установления гигантской статуи Будды (*рогана-буцу*) и оказалось самым большим в мире сооружением из дерева. Храм горел дважды. В последний раз Тодайдзи был восстановлен в 1160 г., а последняя реставрация имела место в 1709 г.; периодические подновления проводятся вплоть до наших дней. Перед входом в храм располагается ажурный восьмиугольный фонарь (*хаккаку-дёрё*), выполненный из бронзы, с украшениями в виде музицирующих ангелов (ондзё-босацу) — шедевр искусства чеканки.

Тодзама даймё
Имя, данное феодальным вельможам, примкнувшим к *Токугава Иэясу* после сражения при Сэкигахаре (1600).

Тодзи
Храм буддистской секты *Сингон*, основанный в Киото в 823 г. *Кукаем*. Получил известность благодаря своему главному зданию (одному из величайших сооружений эпохи Момояма) и пагоде о пяти ярусах (построена во второй четверти XVII в.), самой высокой в Японии (55 м). В храме также содержится «сокровищница» (адзэкура), где хранится большое количество произведений искусства.

Тоётоми Хидэёси
Родился в 1536 г., умер в 1598-м. Знаменитый диктатор, который правил Японией с 1584 г. до самой своей смерти. Несмотря на то что вел постоянные войны, действовал ради достижения мира и единства. Результаты его действий вскоре были закреплены Токугава.

Тойа, или Тонъа
Фирмы, которые распределяют товары в портах.

Тойдзиро
Создатель чашек *раку*.

Тока
Длинное стихотворение.

Токайдо
«Путь к восточному морю» — проходящий по побережью великий путь, связывающий Киото с Эдо.

Токайдо тю хидзакуригэ
«На своих двоих по Токайдоскому тракту» — юмористический роман (1802), принадлежащий перу *Дзиппэнся* Икку.

Токи-но фуда
Дощечки для часов. В эпоху *Хэйан* в маленьком саду, смежном с *сэйрё дэн*, помещение в императорском дворце в Киото, в котором обычно располагался император, находились небольшие дощечки из бамбука, с помощью которых отмечали время. Маленький паж во дворце (*найдзи*) назначался для того, чтобы менять их с течением дня.

Токио
См. *Эдо*.

Токкомон
Мотив из прямых и кривых линий: декор, который был основан на использовании геометрических мотивов, часто встречается в период железного века (IV—VIII вв.).

Токонома
Ниша в традиционном японском доме, в которой помещаются свиток с каллиграфической надписью, ваза с цветами, культовые статуэтки.

Токугава Ёсимунэ
Родился в 1677 г., умер в 1751-м. Восьмой сёгун (1716—1745) из рода Токугава. Его правление было отмечено проведением ряда мероприятий, предназначенных для оздоровления управления и улучшения положения народа. Эти достаточно жесткие попытки принесли ему популярность среди народа, а также прозвище «сёгун риса».

Токугава Ёсинобу
Родился в 1837 г., умер в 1913-м. Пятнадцатый и последний (1866—1867) сёгун из рода Токугава.

Токугава Иэмицу
Родился в 1603 г., умер в 1651-м. Третий сёгун из рода Токугава. С 1623 г. оказывал решающее воздействие на организацию нового режима, обнародовав «законы о военных домах» (*букэ-сёхатто*) и установив систему, согласно которой *даймё* обязаны были периодически находиться в Эдо (санкин котай). Кроме того, именно *Иэмицу* после подавления восстания *Симабара* (1638) решительно изгнал из страны проповедников христианской религии и установил режим, связанный с полным закрытием страны (сакокурэй).

Токугава Иэнари
Родился в 1773 г., умер в 1841-м. Одиннадцатый сёгун (1787—1837) из рода Токугава. Во время его юности регент *Мацудайра Саданобу* провел знаменитые реформы эры *Кансэй*.

Токугава Иэхару
Родился в 1737 г., умер в 1786-м. Десятый сёгун (1760—1786) из рода Токугава.

Токугава Иэясу
Родился в 1542 г., умер в 1616-м. Первый сёгун из рода Токугава. Сын Мацудата Хиротада, властителя Окадзаки (*Айти-кэн*). Победа при *Сэгикахаре* (1600) над сторонниками рода *Тоётоми Хидэёси* принесла ему власть.

Токугава Мицукинэ
Родился в 1628 г., умер в 1701-м. Сын Ёрифуса (1603—1661) и внук *Иэясу* (1542—1616), он принес благодаря своим интеллектуальным талантам славу своей ветви рода *Мито*.

Токугава Си
Семейство Токугава происходит от Нита Ёсисуэ, четвертого сына Нитта Ёсисигэ (ум. 1202). Сами же Нитта происходили от Минамото-но Ёсисигэ, внука Ёсийэ из ветви Уда-Гэндзи, одного из наиболее знаменитых героев японского Средневековья. В начале XIII в. Нитта Ёсисуэ обосновался в местечке под названием Токугава вблизи деревушки Серато в Кодзуки (современная провинция Гумма-кэн). В 1611 г. *Токугава Иэясу* приказал разыскать родословную своего семейства и даровал особые милости жителям Серато.

Токугава Хидэтада
Родился в 1570 г., умер в 1632-м. Сын *Токугава Иэясу*. Второй сёгун (1605—1623) из рода Токугава.

Токугава Цунаёси
Родился в 1646 г., умер в 1709-м. Пятый сёгун (1680—1799) из рода Токугава. Обратившись к изящной словесности и конфуцианству под влиянием учения *Чжу Си*, проводил политику, благоприятную для развития наук и искусств. Стал знаменит благодаря искренней вере и поистине буддийскому милосердию. Он не только запретил убивать животных, но и приказал создавать приюты для больных лошадей и собак, поэтому его прозвали «инукубо», то есть «собачий сёгун».

Томиока Тэссай
Родился в 1836 г., умер в 1924-м. Один из последних великих художников «школы образованных людей» (*бун-дзинга*).

Тори
Скульптор периода *Асука* (начало VII в.).

Тории
Портики, обозначающие вход в священное место (*синто*).

Торикаэбая моногатари
«Если бы я только смог изменить» — анонимный роман XI в. (В русском переводе «Путаница». — *Перев.*)

Торо
Сидзуока-кэн — деревня, где в 1947 г. была открыта культура *Яёй*.

Торонако-ватаси
«Пробежка тигрят» — способ расположения камней (минералов) в саду, создающий иллюзию движения. Наиболее выразительный пример — сад камней в Рюондзи в Киото.

Тоса
Династия придворных художников, восходящая к концу XIV в. Художники, вдохновленные классическими литературными сюжетами и поэзией, вплоть до XIX в. работали в технике *ямато-э*, используя яркие краски на плоской поверхности, но их искусству был присущ формализм и отсутствие динамики, что привело его к упадку.

Тоса
Одна из шести старинных провинций Нанкайдо, находилась на территории современной Кётикэн.

Тоса никки
«Путевые заметки из Тоса» (935) — рассказ о путешествии Ки-но Цураюки, написанный в форме дневника от лица женщины. Это произведение оказало влияние на развитие литературы, создаваемой женщинами.

Тосёгу
См. *Никко*.

Тосёдайдзи
Ведущий храм секты *Рицу*, расположенный в пригороде *Нара*. Был основан в 759 г. китайским проповедником *Гандзином*, его расцвет относится к периодам *Нара* и *Хэйан*. В частности, в эпоху Нара он оказался важным центром создания скульптуры.

Тосюсай Сараку
Художник, мастер гравюр, специализировался на портретах актеров, активно работал в 1794—1795 гг.

Тотиги-кэн
Префектура, расположенная в гористых северных районах *Токио*, административным центром которой является город Тотиги.

Тотоми
Одна из пятнадцати старинных провинций Токайдо, находившаяся на территории современной *Сидзуока-кэн*.

Тофукудзи
Храм дзэн-буддистской секты *Риндзай*. Основан в Киото в 1236 г., главное здание погибло в пожаре 1881 г., восстановлено в 1932-м. В Тофукудзи хранится значительная коллекция живописи, в том числе произведения *Сэссю*.

Тохоку
Северо-восточная область *Хонсю*.

Трайлокьявиджайя
По-японски Госандзэммиё — один из пяти великих путей эзотерического буддизма, он контролирует Восток. Под его владычеством находятся царства желания, злопамятства и глупости, он контролирует эти страсти в прошлом, настоящем и будущем.

Тьен конг кай ву
«Об использовании природных вещей» — китайская техническая энциклопедия, изданная в 1637 г. Сонг Ингцзинем. Иллюстрирована очень большим количеством гравюр, на которых, в частности, было изображено возделывание риса, шелковые мануфактуры, обработка металлов, производство бумаги. Это сочинение вдохновило японцев на создание таких книг, как «Законченный трактат по агрономии» *Миядзаки Ясусада* (1697).

Тэмма
Почтовые лошади.

Тэмму тэнно
Родился в 631 г., умер в 686-м. Сороковой император Японии, царствовал с 673-го до своей смерти. Способный администратор, он продолжил дело, начатое реформаторами эпохи *Тайка*, после того как победил благодаря восстанию эпохи *Дзинсин* (672). Его дворец был расположен в Асука (Киёмихара-но-мия).

Тэммэй
Эпоха (1781—1785), на протяжении которой свирепствовал голод.

Тэмпё бунка
Культура эпохи Тэмпё (729—749) — понятие, которое распространяют на весь VIII в.

Тэмпё
Эпоха реформ (1830—1843), проводившихся *Мицуно Тадакуни*. В этот период очень часто случался голод.

Тэндай
Буддистская секта (по-китайски *Тянь-тай*), была основана в Японии *Сайтё*, ее последователи обосновались на горе Хиэй.

Тэндзику-ё
Китайский архитектурный стиль (дословно — «по-индийски», *тэндзики*), который проник в Японию в эпоху Камакура в XIII в. из Китая эпохи *Сонг*.

Тэндэн эйнэн сидзай хо, или **Тэндэн эйтай сиюрэй**
Указ, по которому навечно устанавливалась наследственная передача поместий (743).

Тэнно
Император (по-китайски *цинь хуан*, небесный повелитель) — слово, обозначающее с 552 г. повелителя Японии.

Тэнноизм
Культ абсолютной религиозной преданности императору (*тэнно*) и императорской фамилии, который был распространен в конце XIX — начале XX в.

Тэнри
Религиозная секта, одна из «новых религий».

Тэнрюдзи-бунэ
«Корабль Тэнрюдзи» — храм (1341) в память императора *Годайго*, возведенный на деньги, полученные от продажи изделий, привезенных из Китая на корабле, который отправил сёгун *Асикага Токаудзи*. Стал местом пребывания ветви секты *Риндзай*. Строительство начиналось по идее и под руководством знаменитого жреца *Мусо Сосэки*.

Тэнсю сюбун, или **Эккэй**
Деятельность относится к 1425—1450 гг. Буддийский монах из секты Дзэн монастыря Сёкукидзё в Киото, живописец и скульптор. Он внес большой вклад в развитие в Японии техники монохромной живописи с использованием растушевки (суйбоку), доведенной до совершенства китайскими художниками эпохи *Сонг* и *Юань*. Он был учеником Дзосэцу (начало XV в.) и учителем *Сэссю*.

Тэнсю
Донжон укрепленного замка.

Тэнти тэнно
Родился в 626 г., умер в 671-м. Тридцать восьмой император Японии, правил с 668 г. Он обнародовал «Свод законов Оми» (668) и упорядочил подсчет исторических эпох (670). Даровал *Накатоми-но Каматари* почетное имя *Фудзивара*.
См. *Нака-но Оэ-но Одзи*.

Тэракоя
Маленькие школы при буддийских храмах. На протяжении многих веков представляли собой школы вроде начальных школ в Европе.

Тэсигахара Софу
Современный актер.

Тюгоку
Название, данное когда-то совокупности провинций Санъёддо и Санъиндо.

Тюгудзи
Один из семи храмов, основанных *Сётоку Тайси*, в котором хранится одно из наиболее знаменитых изображений бодхисаттвы *Каннон*. Некогда храм принадлежал буддийской секте *Хоссо*, но в настоящее время перешел к секте *Сингон*. *Сётоку Тайси* основал его в память о своей матери, храм находился под покровительством императрицы *Суйко*, по этой причине настоятельницами храма всегда были принцессы императорской крови.

Тюмон
Южные ворота в буддийских монастырях.

Тюсондзи
Основан *Эннином* (середина IX в.). Храм, расположенный неподалеку от Хирадзиуми (провинция Муцу), был значительно украшен в XII в. представителями рода Фудзивара, которые основали там святилище *Дзёдо*.

Тянива, или **Тятэй**
Садик, примыкающий к чайному павильону (*тясицу*). Фонарики, дорожка, образованная плоскими камнями, которые разбросаны в беспорядке, — его характерные черты, оказавшие влияние на все искусство садов.

Тяною
Дословный перевод «горячая вода для чая». Слово определяет

приготовление зеленого чая, растертого в порошок, и обычно переводится как «чайная церемония», хотя само слово «церемония» и добавляет культурное значение, нередко сегодня уже не свойственное данному понятию. Было бы справедливее говорить о приготовлении чая с использованием церемоний, если бы при этом совершенно не исключалась идея использования чего-то роскошного. *Тяною* представляет собой собрание нескольких друзей (обычно трое или четверо), для того чтобы совместно насладиться радостями спокойного созерцания и оценить результаты рафинированного искусства. Все аксессуары, которые используются при чаепитии, жесты того, кто приготавливает чай, должны способствовать отвлечению от действительности и достижению чистых радостей эстетического созерцания, что может стать путем к нравственной медитации, поскольку взаимосвязь искусства и морали создает идеал совершенства и чистоты. Культура чаепития, известная в Японии с начала IX в., оформляется только в XIII в., когда воины эпохи Камакура совершают свое священное действо — питье чая. Введение *дзэн-буддизма Эйсаем* обеспечило популярность чая. Дзэн-буддистские монахи действительно особо ценили возбуждающие свойства чая, которые помогали им осуществлять продолжительные медитации. Рассказывают, что однажды Эйсаю удалось убедить Минамото-но Санэтомо (сёгуна с 1203 по 1208 гг.) использовать чай вместо алкоголя, которым тот злоупотреблял, чай даже исцелил его от серьезного заболевания. С тех пор чай был принят воинами. Но в соответствии с нравами того века завершение чайной церемонии оказывалось скорее поводом для небузданного веселья. Вследствие этого сёгун *Асикага* избрал Соами (умер в 1523 г.), который сам был сыном и внуком художников и мастеров чая — Гэами (1431—1485) и Ноами (1397—1471), составить правила, которые полагалось почитать. Чайная церемония больше не была праздником, как то достопамятное чаепитие, которое устроил *Тоётоми Хидэёси* в 1587 г. и которое продолжалось десять дней. Диктаторы по-настоящему пристрастились к чайной церемонии. Хидэёси собрал в своем дворце в Фусими самых известных знатоков чая, среди которых был и знаменитый *Сэн-но Рикю*, который кодифицировал правила *тяною*. Эстетика чаепития оказывала влияние на все искусство — архитектуру, искусство садов, искусство составления букетов (*икэбана*), наконец, на ремесленное производство чеканщиков, литейщиков, мастеров по лаку. Через чайную церемонию философские и эстетические принципы *дзэн-буддизма* проникли в повседневную жизнь.

Тясицу, или **Тясенти**
Небольшое помещение или изолированный павильон для чаепития, построенный согласно эстетическим правилам, разработанным в эпоху Муромати.

У

Угэцу моногатари
«Сказки дождя и луны» *Уэда Акинари* — собрание из девяти фантастических рассказов. Автор поставил задачу отмежеваться от китайского влияния и черпал свои темы из японского фольклора. Книга представляет собой краткую антологию основных историй о привидениях, свойственных японской традиции. Жанр также не имеет отношения к китайской традиции, это жанр *ёмихон* (книги для чтения).

Удзи
Клан, группа семей.

Удзи
Город, расположенный к югу от Киото. Он прославился качеством своего чая. Кроме того, в Удзи находится знаменитый *Бёдоин* — шедевр классической архитектуры эпохи *Хэйан*.

Удзи-но Ками
Глава клана.

Удзи суи моногатари
«Собрание повестей Удзи» — анонимное сочинение (начало XIII в.), собрание из 196 рассказов, составленное и записанное слоговым письмом; благодаря этому сборник стал доступным и для среднего класса, и для крестьян.

Удзибито
Член клана.

Укиё
Значение слова *укиё* (дословный перевод «бренный мир») получило известность в применении к особому жанру живописи, который развивался на протяжении веков. В эпохи *Хэйан* и *Камакура* понятие «укиё» означало «мир несчастий», в эпоху Муромати — «современный мир» и в дальнейшем, в эпоху Эдо, — «соответствие моде». Именно в последнем значении слово превратилось в эпитет, который употреблялся для характеристики гравюр и популярной живописи, носившей повествовательный характер, нередко оказывавшийся одновременно и дидактическим (именно это особо ценилось). Ее не следует смешивать с жанровой живописью, которая пользовалась успехом у аристократии.

Укиё-дзоси
«Модные рассказы» — литературный жанр, созданный *Ихара Сайкаку*, сюжеты которого в соответствии с зарождающейся модой были связаны с жизнью крепнущего класса торговцев.

Ункэй
Родился в 1148 г., умер в 1233-м. Скульптор, ведущий мастер буддистской скульптуры в эпоху *Камакура*. Вдохновляясь пластической традицией эпохи *Нара* и прибавив к ней элементы зарождающегося реализма, он достигает такого мастерства, что с его именем связывается последний расцвет скульптуры.

Урабон-э, или **Бон**
Праздник светильников (празднество в честь умерших).

Урагами Гёкудо
Родился в 1745 г., умер в 1820-м. Художник эпохи *Эдо*.

Усикава
Айти-кэн — доисторическое поселение, в котором были найдены

окаменелые кости, принадлежавшие неандертальцам.

Утамаро
См. *Китагава Утамаро.*

Утибори
Ограда (ров) внутри замка.

Уэда Акинари
Родился в 1734 г., умер в 1809-м. Писатель, который добился известности в жанре, получившем название *ёмихон* (книги для чтения). Автор «Сказок дождя и луны» (*угэцу моногатари*), сборника из девяти фантастических рассказов, составленных по сюжетам классической японской литературы и «Сказок весенних дождей» (*харусамэ моногатари*).

Уэдзима Оницура
Родился в 1661 г., умер в 1738-м. Поэт, автор хайку.

Уэсуги Кагэкацу
Родился в 1555 г., умер в 1623-м. Высшее должностное лицо. В конечном счете он, после того, как сначала служил *Ода Нобунага* и *Тоётоми Хидэёси*, примкнул к *Токугава Иэясу.*

Уэсуги Норидзанэ
Родился в 1410 г., умер в 1466-м. Реорганизовал школу *Асикага* (Асикага Гакко), установил административное управление и сделал школе подарок в виде рисовых полей.

Уэсуги Сигэфуса
Потомок Фудзивара-но Ёсикадо (IX в.), Сигэфуса в конце XIII в. получил поместье Уэсуги (Киотофу), принял его имя, основав род Уэсуги.

Ф

Франциск Ксавье
Родился в 1506 г.в Пампелуне, умер в Кантоне в 1552-м. Испанский иезуит; появился в Японии в 1549 г. Нунций и легат папы в Португальской Индии.

Фроэш, преподобный отец Луиш
Умер в 1597 г. Португальский иезуит, прибывший в Японию в 1563 г. Был принят в 1568 г. в Киото *Ода Нобунага.*

Фугэн
См. *Самантабхадра.*

Фудаи даймё
«Постоянные повелители» — вельможи, которые перед решающим сражением при *Сэкигахара* были выстроены вокруг *Иэясу Токугава.*

Фудзиваракё
Императорская столица с 694 по 710 г. Во времена императрицы *Дзито*, затем императора Момму (царствовал в 697—707 гг.) и, наконец, императрицы *Гэммэй.* Именно в этой столице, остатки которой были обнаружены в ходе недавних раскопок, был обнародован знаменитый «Свод законов годов Тайхё» (Тайхёрицурё, 701).

Фудзивара-но Ёримити
Родился в 992 г., умер в 1074-м. Сын *Фудзивара-но Митинага*, был реальным носителем власти при трех императорах: Го-Итидзё (царствовал в 1016—1036 гг.), Го-Судзаки (царствовал в 1036—1045 гг.) и Го-Рэйсэй (царствовал в 1045—1068 гг.). Приказал построить в

своих владениях в Удзи знаменитый Бёдоин, куда удалился в 1068 г.

Фудзивара-но Ёсифуса
Родился в 804 г., умер в 872-м. Первый министр с 866 г. Именно с него начинается высшее могущество семейства Фудзивара.

Фудзивара-но Кинто
Родился в 966 г., умер в 1041-м. Поэт, составил «Собрание тридцати шести бессмертных поэтов».

Фудзивара-но Кодзэй, или Юкинари
Родился в 972 г., умер в 1027-м. Ученый и каллиграф.

Фудзивара-но Коремити
Родился в 1093 г., умер в 1163-м. Один из любимых советников императора *Сиутоку* (правил в 1123—1141 гг.).

Фудзивара-но Митинага
Родился в 966 г., умер в 1027-м. Возглавив род Фудзивара, поднял свой клан к вершинам власти. Получив должность *кампаку* в 995 г., благодаря бракам своих дочерей поочередно стал тестем трех императоров, которые полностью зависели от его милости. Исполнял обязанности регента (*сэссё*), первого министра (*дадзёдайдзин*), затем удалился в монахи и приказал построить *Ходзёдзи*, где и прожил до самой смерти, пользуясь почетом и уважением двора.

Фудзивара-но Момокава
Родился в 722 г., умер в 779-м. Министр при императрице *Кокэн*, которая царствовала с 749 по 759-й, затем под именем Сётоку с 764 по 770-й. Именно он провозгласил императором *Конина*, которому посоветовал покинуть *Нара.*

Фудзивара-но Мороцукэ
Родился в 908 г., умер в 960-м. Известен под именами Кудзё-доно и Ходзё-удайдзин. Автор «Последних желаний Кудзё-доно» (*Кудзё-доно юкаи*).

Фудзивара-но Мотоцунэ
Родился в 836 г., умер в 891-м. В 887 г. первым получил титул *кампаку*, управителя дворца.

Фудзивара-но Нобуёри
Родился в 1133 г., умер в 1159-м. Принимал участие в похищении бывшего императора *Го-Сиракава* в 1159 г.

Фудзивара-но Нобуцанэ
Родился до 1185 г., умер после 1265-го. Сын *Фудзивара-но Таканобу.* Поэт и художник, мастер реалистических портретов.

Фудзивара-но Садайэ
Родился в 1162 г., умер в 1241-м. Известен также под именем Тэйка. Прославленный поэт, чьи произведения были опубликованы в многочисленных антологиях; наиболее известно среди них «Новое собрание старых и новых песен»» (Син кокинсю, 1205), составлением которого он руководил по распоряжению императора *Го-Тоба.*

Фудзивара-но Сумимомо
Умер в 941 г. Вступил в союз с *Тайра*, взбунтовался против императора (939—941) и был предан смерти.

Фудзивара-но Сэйка
Родился в 1561 г., умер в 1619-м. Став буддийским монахом, покинул

свое государство, обратился к конфуцианству в поисках того, что не мог найти у своих наставников. Покровительство *Изясу Токугава* помогло ему основать свою школу (*майсуга-кухa*), в которой преподавалась китайская философия. Наибольшую известность среди его многочисленных учеников приобрел *Хаяси Радзан.*

Фудзивара-но Такайэ
Родился в 979 г., умер в 1044-м. Возглавлял правительство *дадзайфу.* Разгромил чжурчжэней (дзоку), которые пытались высадиться в Японии.

Фудзивара-но Таканобу
Родился в 1142 г., умер в 1205-м. Поэт и художник.

Фудзивара-но Танецугу
Родился в 737 г. Был убит в 785 г., когда руководил возведением новой столицы *Нагаоки.*

Фудзивара-но Токихира
Родился в 871 г., умер в 909-м. Враг Сугавара-но Митидзанэ, которого он отправил в изгнание.

Фудзивара-но Тэйка
См. *Фудзивара-но Садайэ.*

Фудзивара си
Семейство Фудзивара *Накатоми-но Каматари* являлось главным инициатором реформ эры *Тайка* при императоре *Котоку*, в 669 г. получило от императора *Тэнти* родовое имя Фудзивара, которое было передано его потомкам. Благодаря своему старинному происхождению, важности услуг, оказанных государству, а также владению давно освоенными землями, вследствие этого избежавшими государственной конфискации, продуманной брачной политике из поколения в поколение в отношении императорского рода, — семейство Фудзивара прославилось государственными деятелями, поэтами, командующими войсками и императрицами. Такие должности, как *сэссю* или *кампаку*, практически были закреплены за этим семейством. Его влияние на жизнь страны в середине и конце эпохи *Хэйан* было таким, что это время в целом чаще всего обозначают как культура Фудзивара. Со времени эпохи Камакура вплоть до эпохи Мэйдзи Фудзивара были официально разделены на пять ветвей (*го-сэккэ*), и только из них избирались императрицы.

Фудзияма
Гора Фудзи.

Фудомиё
См. *Алкала.*

Фудоки
Описание редкостей и характерных для каждой провинции старой Японии предметов, осуществленное по распоряжению императрицы *Гэммэй* в подражание местным китайским хроникам. *Фудоки* содержит пять книг, согласно географическому разделению: Идзумо фудоки, Хитати фудоки, Харима фудоки, Хидзэн фудоки, Бунго фудоки.

Фукудзава Юкити
Родился в 1834 г., умер в 1901-м. Принадлежал к семье самураев из Будзэн (Оита-кэн). Всю свою жизнь сражался за приобщение своей страны к западному миру. Изучив «голландскую науку» (*рангаку*) в Осака, на свои собственные средства выучил английский язык и, поскольку мог это себе позволить, отправился в США и Европу. По возвращении основал университет Кейо (*Кэйо-гидзуку*) в 1868 г. и истово трудился над тем, чтобы сделать известной в Японии западную философию. Университет и многочисленные сочинения сделали его властителем дум своего поколения философов и государственных деятелей. Он получил прозвище Мудрец из Мита (Мита-сэйдзин), от названия квартала в Токио, где находился Кэйо-гидзуку.

Фукуи
Нагасаки-кэн — доисторическое поселение, относится к эпохе догончарного круга (*синдоку дзидай*) и эпохе *Дзёмон.*

Фукуока-кэн
Префектура, расположенная в северо-западной части острова *Кюсю*, центром которой является город Фукуока.

Фуми-э
Образ Христа или Богоматери, который начиная с 1629 г. заставляли топтать тех, кого подозревали в симпатиях к христианству. За отказ растоптать священное изображение жестоко казнили.

Фунаяма
Курган (кумамото-кэн).

Фуригана
Маленькие характерные значки (*кана*), которые ставят рядом с иероглифами, для того чтобы разъяснять характера произношения.

Фусума
Раздвижные внутренние перегородки.

Футабатэй Симэй
Родился в 1864 г., умер в 1909-м. Автор романов, популяризатор русской литературы в Японии.

Х

Хаги
Город в современной провинции Ямагути-кэн. Резиденция *даймё Мори.*

Хагоромо
«Платье из перьев» — пьеса театра *Но.*

Хадзи
Тип керамики, известный со времен *Великих курганов* и на протяжении всего японского Средневековья. Ведет свою историю от керамики эпохи *Яёй* (III в. до н. э. — III в. н. э.).

Хайкай-но рэнга
Забавные стихотворения, соединенные цепочкой, вошедшие в моду благодаря *Мацунага Тэйтоку.*

Хайку, или **Хайкай**, или **Хокку**
Стихотворение из семнадцати слогов.

Хайягавари
Мгновенная смена костюма в театре *кабуки.*

Хаката
Порт в северной части *Кюсю*, центр современного *Фукуока.*

Хаккэндэн
Полное название «Нансёсато ми хаккэндэн» — «История восьми боевых псов» (1841), роман *Кёкутэя Бакина.*

Хакодатэ
Порт, расположенный на юге острова *Хоккайдо*; он укрывал место последнего сопротивления сторонников сёгуна во время Реконструкции *Мэйдзи.*

Хаконэ
Местность, расположенная у подножия горы Фудзи и получившая название от своих горячих вод. Во времена *Эдо* там была установлена плотина (хаконэ-но саки), для того чтобы имелась возможность следить за циркуляцией воды.

Хакухо бунка
Культура Хакухо (645—710).

Хамакита
Сидзуока-кэн — доисторическое поселение, где были обнаружены ископаемые кости, принадлежащие homo sapiens.

Хамана
Лагуна, расположенная в Сидзуока-кэн. Когда-то ее называли «дальнее море» (тоцу уми), поскольку она находится напротив озера *Бива* и расположено неподалеку от столицы *Киото.*

Хан
Династия *даймё* в эпоху *Токугава.*

Хан Досэй
Буддистский монах китайского происхождения (Фунь Таочэн), жил в XVII в. Нашел убежище в Удзи, чтобы избавиться от бедствий, которыми ознаменовался конец китайской династии *Мин.* Посвятил себя религиозной живописи.

Ханадзоно тэнно
Девяносто пятый император Японии, правил с 1308 по 1318 г.

Ханамити
«Цветочный путь» — часть сцены, в виде узкого подиума простирающаяся в глубину зала в театре *кабуки.*

Хандэнсёдзё
Разделение земель по геометрическому принципу.

Хани
Пластинки, на которых был записан порядок преемственности придворных рангов.

Ханива
Погребальная керамика эпохи *Кофун* (IV—VII вв.).

Ханка сиюи
Поза *Майтрейи* (Будда будущего) в медитации.

Ханъи дзуни кай
«Двенадцать рангов головных уборов», установленных регентом *Сётоку* в 603 г.

Хань
Династия китайских императоров (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.).

Ханэбаси
Подъемный мост в укрепленном замке.

Харима
Одна из восьми старинных провинций Санъёддо, в наши дни относится к Хиёго-кэн.

Хасимото Гахо
Родился в 1815 г., умер в 1908-м. Художник школы *Кано.* Увлеченный вихрем Реконструкции *Мэйдзи,* он добился успеха только в последней четверти XIX в. Совместно с Эрнестом Фенеллосой и Окакура Какудзё (или Тэнсин, 1862—1913) участвовал в основании Института японского искусства (Нихон Бидзюсюэн), стал профессором в Школе изящных искусств в Токио.

Хасимото Эйкити
Родился в 1898 г. Романист.

Хасэгава Тацуносукэ
См. *Футабатэй Симэй.*

Хасэгава Тохаку
Родился в 1659 г., умер в 1610-м. Родился в старинной провинции Ното (в настоящее время *Исикава-кэн*). Тохаку отправился учиться в *Киото* живописи школы *Кано.* На него особое воздействие оказали японский художник *Сэссю* и китайская школа периода Южной *Сонг.* Полностью овладел мастерством колорита, присущим традиционным японским школам, а также силой и точностью рисунка, унаследованными от китайских образцов. Произведения пронизаны нежностью к природе и мечтательностью, которые определили оригинальность его творений, выполненных в технике монохромной растушевки, с использованием декоративных эффектов, присущих искусству Момояма.

Хата
Семейство, происходившее от корейского принца, который, приехав в Японию в конце III в., способствовал развитию шелководства и шелкоткачества.

Хатакэяма
Семейство *даймё,* происходившее от Тайра-но Такамоти (конец IX в.). Род прекратился в 1205 г., но само имя было принято Минамото-но Ёсиканэ, принадлежавшими к Сэйва-Гэндзи. Род Минамото происходил от императора Сэйва.

Хатакэяма Масанага и Ёсинари
Приемный и кровный сыновья Хатакэяма Мотикунэ (1397—1455). Постоянные противники, они фигурируют в войне «*смуты годов Онин*» (1467—1477) как главные действующие лица. Оба умерли в 1493 г.

Хатамото
Прапорщики при правительстве *Токугава,* вассалы, занимающие промежуточное положение между *даймё* и *гокэнин.*

Хатибусю
Восемь групп сверхъестественных чудесных существ (дэвы и *асуры*) признавались в соответствии с сутрой Лотоса Дивного закона.

Хатиман
Имя, которым в знак почтения назвали императора Одзина (правил в начале V века). *Хатиман* (в японском произношении Явата) был особым покровителем рода Минамото. Курган, который обычно считается принадлежащим императору Одзину (Одзин тэнно рю), одна из наиболее красивых гробниц на равнине Осака. Стиль синтоистской архитектуры, известный как *хатиман,* предполагает два здания, соединенных между собой, но имеющих отдельные двускатные крыши, которые связывались по линии соприкосновения

с общим дождевым желобом. Наиболее характерный пример этого стиля — храм Уса (Ойта-кэн).

Хаяси Радзан
Родился в 1585 г., умер в 1659-м. Уроженец *Киото*. Благодаря этому ученому-конфуцианцу в Японии получила популярность философия *Чжу Си*, которой его обучил *Фудзивара-но Сэйка*. *Токугава Иэясу* высоко ценил его и назначил «наставником мысли» режима. Именно с тех пор семейству Хаяси был доверен (на всем протяжении эпохи *Эдо*) контроль за нравственной жизнью нации.

Хаяси Фумико
Родилась в 1904 г., умерла в 1951-м. Автор «Записок бродяги» и романов.

Хибия
Парк в центре Токио.

Хигакикайдзэн
Суда каботажного плавания в эпоху Эдо.

Хигасияма бунка
«Культура восточных гор» — так называют культуру, которая распространилась после восстания «смуты годов Онин», в эпоху сёгуната *Асикага Ёсимацу*. Серебряный павильон (*Гингаку*, 1489), шедевры живописи *Сэссю*, сады *Рюондзи* (1451) — лучшие свидетельства искусства этой эпохи.

Хиго
Одна из двенадцати старинных провинций Сакайдо (*Кюсю*), ныне современная провинция Кумамото-кэн.

Хидзэн
Одна из старинных провинций Сакайдо (*Кюсю*), которая ныне расположена на территории Нагасаки-кэн и Сага-кэн.

Хидэёси
См. *Тоётоми Хидэёси*.

Хидэтада
См. *Токугава Хидэтада*.

Хикан
Простой крестьянин; не раб.

Хиконэ
Сига-кэн — город, расположенный на берегу озера *Бива*, над которым возвышается красивый феодальный замок.

Химико
См. *Пимико*.

Химэдзи дзё
Замок Химэдзи (Хиёго-кэн). Первоначально замок рода *Акамацу*, уничтоженного еще в XV в., был захвачен и расширен в 1600—1610 гг. Икэда Тэрумаса (1564—1613), которому он достался по приказу *Токугава Иэясу*. В дальнейшем он принадлежал различным семействам даймё, в том числе *Сакаи*. которые там обитали с 1749 по 1868 г. Замок и теперь выглядит так же, как и в эпоху *Эдо*.

Хинагатанон
Книги, где приведены архитектурные чертежи.

Хинаяна
Малая колесница — доктрина, объединяющая первоначальные учения буддизма, который развивался непосредственно после смерти

Будды и вплоть до начала нашей эры. Понятие «хинаяна» было создано, таким образом, в момент, когда зарождалось новое учение буддизма, махаяна, или Большая колесница. Эти обозначения должны были подчеркнуть всеобщую альтруистскую искренность второго учения путем сравнения с первым, доктрина которого ограничивалась уверенностью индивида в личном спасении. На Цейлоне, в Бирме и Сиаме буддизм хинаяны оставался жизнеспособным и назывался южным буддизмом в противоположность буддизму махаяны, который распространился от Непала до Японии. Различия между ними можно отметить и в языковом отношении: тексты хинаяны в целом написаны на *пали*, а махаяны — на санскрите.

Хиого-кэн
Префектура, расположенная на северо-восточных берегах Японского моря, административным центром которой является комплекс Кобэ-Хиёго.

Хиоёсю
Аппарат советников, созданный в 1225 г.

Хирабаяси Тайко
Родилась в 1904 г., умерла в 1951-м. Писательница.

Хирагана
Слоговая письменность, напоминающая скоропись.

Хирадо
Нагасаки-кэн — порт, центр торговли с самбан, «южными варварами», то есть европейцами, которые прибывали с юга.

Хирата Ацутанэ
Родился в 1776 г., умер в 1843-м. Ученый, который обратился к изучению национального прошлого. Внес большой вклад в восстановление в правах *синтоизма* и императорской власти, в результате чего ухудшились его отношения с правительством сёгуна.

Хиросаки
Аомори-кэн — замок эпохи *Эдо*.

Хиросигэ
См. *Андо Хиросигэ*.

Хиросима
Столица *Хиросима-кэн* (*Хонсю*).

Хиросима-кэн
Префектура, расположенная на северных берегах Японского моря и административным центром которой является город *Хиросима*.

Хисикава Моронобу
Родился в 1618 г., умер в 1694-м. Художник, принадлежащий к школе *укиё-э*. Опубликовал в *Эдо* многочисленные иллюстрированные книги (э-хон), качество и успех которых позволили в будущем предотвратить развитие гравюры отдельно от книги.

Хитоцубаси
Ветвь, родственная семейству *Токугава*, происходившая от Токугава Мунэтада (1721—1764), сына сёгуна *Тогукава Ёсимунэ* (1677—1751). Она сформировала одно из трех княжеств (*госанкё*).

Хиэйдзан
Гора Хиэй высотой 830 м, находится к северо-востоку от *Киото*, на границе старинных провинций

Ямасиро и Оми. В 788 г. *Сайтё* основал *Энрякудзи*, храм, который в позднейшие времена стал местопребыванием секты *Тэндай*. Постепенно гора застроилась храмами, которые помимо настоящих монахов укрывали большое количество монахов-солдат. В 1571 г. *Ода Нобунага* сжег все строения и перебил всех монахов. При *Токугава* некоторые храмы были восстановлены.

Хогэн моногатари
Иллюстрированные свитки XIII в. на сюжеты *Хогэн моногатари*, военного анонимного романа конца XII в.

Хогэн но ран
«Смута годов Хогэн» (1156) — распря из-за наследования императорской власти между двумя императорами, удалившимися от власти, *Тоба* и *Сиутоку*, каждый из которых поддерживал своего кандидата на престол. *Сиракава*, кандидат Тобы, которого поддерживал род *Тайра*, сумел победить принца, которого поддерживал Сиутоку и род *Минамото*. Эта война показала наглядно, что управление страной оказалось в руках могущественных глав кланов.

Ходзё Санэтоки
Родился в 1225 г., умер в 1276-м. Основатель библиотеки Канадзава бунко.

Ходзё си
Семейство *Ходзё*, потомки Тайрано Садамори (умер в 940 г.). Приняв титул регента при сёгуне (*сиккэн*), представители рода в действительности осуществляли правление с 1200 по 1333 г.

Ходзё Токимаса
Родился в 1138 г., умер в 1215-м. Первый из регентов (*сиккэн*) при сёгуне *бакуфу* в *Камакура*. После смерти *Минамото-но Ёритомо*, которого он поддерживал и которого женил на своей дочери, взял государственные дела в свои руки.

Ходзё Токимунэ
Родился в 1251 г., умер в 1284-м. Шестой *сиккэн* режима Камакура, сумел мобилизовать все национальные возможности для того, чтобы сопротивляться натиску монголов.

Ходзёдзи
Храм секты *Тэндай*, основанный *Фудзивара-но Митинага* в 1022 г. в *Хэйане* (*Киото*). Именно туда он удалился после того, как в 1018 г. в *Тодайдзи* сделался монахом.

Ходзёки
«Записки отшельника» (1212) — произведение Камо-но Тёмэя (1155—1216).

Ходзи
Буддистская служба в память об умерших.

Хоккайдо
Самый северный из больших островов, на которых располагается Япония.

Хоккэ синто
Доктрина, в которой соединяются синтоизм и учение *Нитирэна*.

Хокусаи
См. *Кацусика Хокусаи*

Хомма Такусаи
Чеканщик XIX в., который работал на острове Сада, напротив порта Нигата.

Хонгавара
Ткани, выполненные в старинной манере: вогнутые края, соединенные полукруглыми элементами.

Хонгандзи
Храм буддийской секты *Дзёдо син сю* (*Икко*) в Киото. Основан *Синраном* в 1224 г. Строительство завершилось в 1272 г., храм неоднократно перемещался, с 1591 г. — в Киото. *Ода Нобунага* во время войны с главой *Икко* поставил во главе храма своего брата. Впоследствии *Токугава Иэясу* приказал построить другой храм, к востоку от первого (Хигаси-Хонгандзи, 1602); секта *Икко* с тех пор разделена на две ветви.

Хондзон
Наиболее значительное из изображений Будды в буддийском храме.

Хонин
Горожанин. В эпоху Эдо достигает огромного экономического могущества.

Хонмаро
Внутреннее огражденное место, центральная часть укрепленного замка. Это понятие ярко иллюстрирует донжон замка *Эдо*, построенного при *Токугаве Хидэтада*, начало было положено замком Нисимару, построенным *Иэясу* в 1592 г.

Хонсю, или **Хондо**
Самый большой из Японских островов (226580 кв. км).

Хонъами Кёэцу
Родился в 1558 г., умер в 1637-м. Принадлежал к семье производителей мечей Кёэцу, меценат, каллиграф и декоратор, основал в 1615 г. в Тагакаминэ, близи Киото, деревню, в которой поселились художники или мастера художественных ремесел. Оказал значительное влияние на искусство своего времени.

Хонэн
Родился в 1133 г., умер в 1212-м. Сначала был монахом в *Энрякудзи* на горе *Хиэй*, где следовал доктринам секты *Тэндай*. Впоследствии основал учение Чистой земли (*Дзёдо*), которое и проповедовал. Навлек на себя гнев монахов *Тэндай* и был изгнан в Тосу (Кёти-кэн) в 1206 г. Четыре года спустя возвратился в Киото и основал Тионин.

Хонякусо
В эпоху Эдо наиболее богатый собственник в деревне, имя которого вписано в кадастр и который пользовался благодаря этому особой властью.

Хоодо
Павильон Феникса, название важнейшего из зданий *Бёдоина* в Удзи.

Хорикава тэнно
Родился в 1080 г., умер в 1108-м. Семьдесят третий император Японии, правил официально с 1086 по 1107 г.

Хорюдзи
Храм, основанный в 607 г. регентом *Сётоку*. Сгорел в 670 г., был полностью построен заново. Несмотря на новый пожар и последующее восстановление главного павильона (*Кондо*), остается самым древним деревянным архитектурным ансамблем в мире. Асимметричное расположение пагоды, центральных ворот и монастыря

свидетельствует о том, что Японии наследовала традиции китайской архитектуры.

Хосо
Одна из пяти школ театра *Но*, названа по имени семейства актеров Хосё эпохи Муромати, основателем которого был Хосё Рэнъами.

Хосокабэ
Семейство самураев *Тоса* (в настоящее время Кёси-кэн).

Хосокава
Семейство *даймё*, происходившее от Сэйва-Гэндзи, Минамото; потомки императора Сэйва.

Хоссо
Буддистская секта, которая была основана в Японии в 660 г. монахом *Досё* по возвращении его из Китая.

Хосю
Китайское название *Нагато*, одна из восьми старинных провинций Санъёдо (в настоящее время Ямагути-кэн)

Хототогисю
«Кукушка» — литературный журнал, основанный в 1897 г.

Христианство
Распространялось в Японии *Франциском Ксавье.*

Хубилай-хан
Родился в 1214 г., умер в 1294. Монгольский император, внук Чингисхана и основатель императорской династии *Юань* в Китае (после завершения Южной династии *Сонг* в 1279 г.).

Хуэй ху чуань
«Речные заводи» — китайский роман.

Хэйан
Эпоха Хэйан (конец VIII — конец XII вв.).

Хэйанкё
Впоследствии назывался *Киото*, императорская столица (794—1868). Его первоначальный план воспроизводил план города Чаньань, китайской столицы эпохи *Тан.*

Хэйдзёкё
Императорская столица (710—784). Располагаясь в западной части современной области *Нара*, она воспроизводила план города Чаньань, китайской столицы эпохи *Тан.*

Хэйдзи моногатари
Свитки, иллюстрировавшие в конце XIII в. «Хэйдзи моногатари», анонимный военный роман конца XII в.

Хэйдзи
Смута эры Хэйдзи (1159).

Хэйкэ, или **Хэй си**
Семейство, известное с 889 г., восходит к потомкам императора *Каммму.*

Хэйкэ моногатари
«Сказание о семье Тайра» — военный роман эпохи *Камакура*, излагающий историю семьи *Тайра.*

Хякусо икки
Восстания крестьян.
См. *дойкки.*

Хякусодаи
Изображения крестьян.

Ц

Цин
Императорская династия, правившая в Китае (1644—1912).

Цу бути
«Преследователь разбойников», губернатор провинции. Должность была создана в 939 г. Со временем эти полицейские чиновники становились все более независимыми.

Цубо
Мера площади, соответствующая 3, 3057 кв. м.

Цубоути Сёё
Родился в 1859 г., умер в 1935-м. Литератор, его самое знаменитое сочинение «Сущность романа» (*Сёсэцу синдзуй*, 1885) заложило основы современного японского романа.

Цуидзи
Земляные стены, образующие кольцо вокруг буддийских храмов.

Цукидзи сё-гэкидзё
«Маленький театр Цукидзи». Основан в 1924 г. *Осанаи Каори* (1881—1928).

Цукими
Созерцание луны.

Цукуба-сю
Произведение *Нидзё Ёсимото* (1356).

Цукэ-соин
Тип служебных помещений, которые предшествуют *токонома.*

Цурэдзурэгуса
«Записки от скуки» (1331). Созданы в жанре *дзуйхицу* поэтом и эссеистом *Ёсида Кэнко.*

Цусима
Нагасаки-кэн. Маленький архипелаг, расположенный между Японией и Кореей.

Ч

Чань-Ань
Столица династии *Тан.*

Чань
Буддийская секта, основы которой связаны с медитированием. Откровение истины во время медитации открывает для человека внезапное просветление и позволяет обрести Будду, который заключен в каждом человеке.

Четыре великих мастера
Так называют четырех величайших китайских художников периода *Юань*: Ни Цзань (1301—1374), Ван Мэн (ок. 1309—1383), У Чжэнь (1280—1354) и Хуан Гунван (1269—1354).

Чжань-Го
«Эпоха сражающихся царств» — период китайской истории (475—221 гг. до н. э.).

Чжоу
Китайская царская династия (около 1200—221 гг. до н. э.).

Чжу Си
Родился в 1130 г., умер в 1200-м. Китайский философ, знаменитый комментатор сочинения Конфуция.

Ш

Шакьямуни
Дословный перевод «святой из семейства Сакья». Этим именем звался человек, которого впоследствии стали именовать Буддой («Просветленный»). Рассказывают, что имя Шакья принадлежало роду, чье жреческое имя было Гаутама. Личное имя Будды было Сиддхартха, или Сарварта сиддха. При жизни Будды семья Сакья обосновалась на склонах Непала и на равнинах, простиравшихся в направлении Индии. Они были подчинены соседнему королевству Косала.

Шан
Царствовавшая китайская династия, основанная в XVII в. до н. э. Известна по второму периоду (XIV—XI вв. до н. э.). Раскопки ее столиц Ченг-Чжоу и Аньянь открыли процветающую цивилизацию, владевшую навыками металлургической техники и письменностью.

Шесть династий
Период китайской истории, продолжавшийся со времени падения восточной династии Хань вплоть до объединения Китая под властью династии *Суй*. Данное понятие используется западными историками для того, чтобы обозначить те беспокойные времена, которые были связаны с разделением Китая на множество независимых царств.

Шесть сект Нара
Этим названием обозначаются различные философские школы буддизма, которые были принесены из Китая в Японию и распространялись в ней начиная с VII в. Секта *Санрон*, сведения о которой принес в Японию в 625 г. монах из *Когурё*, подчеркивала ирреальность явлений этого мира. Секта *Хоссо*, появившаяся на островах в 660 г. благодаря ученику великого китайского странствующего монаха Сюань Цяну, учила тому, что единственной реальностью является человеческое сознание. Секты *Дзёдзицу* и *Куся* по своей сути представляли собой варианты предыдущих сект. Секта *Кэгон*, основанная в Японии китайским монахом в 735 г., проповедовала веру в существование вселенского Будды (*Вайрочана* на санскрите, Рошана по-японски), так что исторический Будда оказывался только его воплощением. Наконец, шестая секта, *Рицу* (на санскрите винайя, «законы»), учрежденная в Японии *Гандзином*, который основал *Тосёдайдзи*, подчеркивала роль духовенства.

Ши цзин
См. *классическая поэзия.*

Школа «внезапного просветления»
Течение в истории китайской мысли, к которому принадлежади буддистские философы из школы Чу Даошэна (360—464). Они проповедовали учение о том, что «познание» Будды достигается интуицией и определяется как испытание (*туэн*). Это течение противоположно доктрине градуалистов — сторонников идеи о том, что познание достигается размышлениями в итоге последовательных и постепенных упражнений.

Шу цзин
См. *классическая история.*

Шэньнун
Один из мифических правителей Древнего Китая.

Э

Эдзо
Народности, которые обитали на востоке и северо-востоке Японии. В историческую эпоху находились на уровне неолитического периода.

Эдо
Резиденция сёгуна (начало XVII в. — 1868 г.). Позднее город получил имя *Токио* и стал национальной столицей, оставаясь в то же время и резиденцией императора.

Эдо дзё
Замок в Эдо, который был основан во второй половине XV в. *Ота Докан* (1433—1486). Обновлен *Токугава Иэясу*. Местонахождение *бакуфу* до 1868 г., в дальнейшем стал императорским дворцом.

Эдо дзидэй
Эпоха Эдо (1600—1868).

Эйкё
Эпоха, продолжавшаяся с 1429 по 1440 г., ознаменована крестьянскими восстаниями.

Эйсай
Родился в 1142 г., умер в 1215-м. Монах. По возвращении из Китая впервые ввел в Японии установления *чань* (*дзэн*) и распространил чаепитие.

Эмакимоно
Иллюстрированный свиток. Текст первоначально перемежался иллюстрациями или же просто иллюстрировался рисунками, в конце концов текст полностью исчез, остались только иллюстрации.

Энгакудзи
Основан к северо-западу от Камакуры в 1282 г. *Ходзё Токимунэ*, регентом при седьмом сёгуне. Один из пяти великих храмов дзэн-буддизма, большинство зданий которого были повреждены землетрясением 1923 г. Сохранился реликварий Сяридэн, в котором находится зуб, привезенный некогда из Китая и приписывающийся Будде *Шакьямуни*.

Энкири
Сцена ссоры в театре *кабуки*.

Энко-дайси
См. *Хонэн*.

Энку
Умер в 1695 г. Скульптор.

Эннин
Родился в 794 г., умер в 864-м. Знаменитый монах, принадлежавший к секте *Тэндай*. Сопровождал в Китай (838) Фудзивара-но Цунецугу (796—840) и прожил там девять лет. Распространял в Японии практику медитации, связанной с именем *Амиды*. Его впечатления от путешествия — ценный источник для изучения повседневной жизни в Китае IX в.

Эномото Такэаки
Родился в 1836 г., умер в 1908-м. Один из последних приверженцев сёгуна со времен императорской

Реконструкции *Мэйдзи*, дипломат и создатель новой японской политики.

Энрякудзи
Важнейший храм секты *Тэндай*, был основан в 788 г. монахом *Сайтё*, который со времени своего возвращения из Китая (805) стал внедрять учение секты Тян-тай (*Тэндай*), к которому он приобщился на континенте. В течение многих столетий влияние Энрякудзи было определяющим при дворе и среди знати. Богатейший храм (владел множеством *сёэнов*), Энрякудзи укрывал монахов-воинов, нападавших на Киото. Энергичными усилиями *Ода Нобунага* и *Тоётоми Хидэёси* каждый десятый монах был казнен, а затем они были полностью обезоружены.

Этиго
Одна из семи старинных провинций Хокурикудо, ныне Ниигата-кэн.

Этимэ-кэн
Префектура, расположенная на северо-западе острова Сикоку, центром которой является Мацуяма.

Ю

Юань
Китайская императорская династия (1279—1368). Основана монгольским правителем ханом *Хубилаем* (правил с 1260 по 1294). К эпохе его правления относится также путешествие Марко Поло.

Югэн
«Скрытая утонченность» — художественный принцип, который вдохновлял искусство и литературу в период *Камакура*.

Юдзу-нэмбуцу
«Общность Нэмбуцу» — амидистская секта, основанная *Рёнином* (1072—1132).

Юй Великий
Легендарный герой, основатель китайской династии Ся (XXI—XVII вв. до н. э.), преемник Яо и Шуня, последних из пяти мифологических правителей, которые, согласно легенде, создали Китай. *Юй Великий*, как считается, построил каналы и плотины, благодаря чему удалось укротить наводнения, вызванные китайским потопом.

Юкими-доро
Каменный светильник на трех ножках, украшенный орнаментом, увенчанный тяжелым круглым навершием. Его обычно размещали на краю водного пространства.

Юмэдоно
См. *Хорюдзи*.

Юньган
Пещерный монастырь, находящийся в Северном Китае, на территории Северного *Шань Си*, неподалеку от Та Тонга. Основан Туоба Цзюнь, императором Вэн Чэн (правил с 452 по 465 г.) из династии Северная Вэй. В период между 414 и 520 гг. монахи обустраивали многочисленные пещеры, украшали их буддийскими статуями, характерными для V в., в то время как ансамбль Лунмэнь, построенный после перемещения столицы в Лоян, демонстрирует уровень пластического искусства уже VI в.

Юсакидза
См. *Кандзэ-дза*.

Я

Яёй сики бунка
Культура Яёй (III в. до н. э. — III в. н. э.). Этим понятием определяют керамику эпохи халколита, выполненную при помощи гончарного круга. Название было дано по имени квартала в Токио, где были обнаружены первые образцы.

Якуси
См. *Бхайшайджья-гуру*.

Якусидзи
Один из наиболее значительных буддийских храмов в *Нара*. Строился с 680 по 698 г. по распоряжению императора *Тэмму*, для того чтобы выразить благодарность за исцеление императрицы. Разрушен пожаром в 973 г., но постепенно восстанавливался на протяжении XII—XIII вв. В 1361 г. снова был уничтожен — землетрясением, горел в пожаре 1528 г. Современное здание *Кондо* (центральный павильон) датируется 1635 г. Здание тёиндо (восточный павильон) было восстановлено в 1285 г. Кодё (павильон для чтения) был отреставрирован в 1848—1854 гг. Только тётё (восточная пагода) сохранила оригинальный облик и остается прекрасным свидетельством архитектуры VIII в. В настоящее время храм является основным местом пребывания секты *Хоссо*.

Ямабэ-но Акахито
Поэт (первая половина VIII в.).

Ямага Соко
Родился в 1622 г., умер в 1685-м. Самурай, принадлежавший к роду Айдзу (современная провинция Фукусима-кэн). Воспитанник *Хаяси Радзана*. Теоретик военной науки и философ, поклонник китайской философии неоконфуцианства *Чжу Си*. Его убеждения не понравились в *бакуфу* и стоили ему десяти лет тюремного заключения. Затем он возвратился в Эдо, где основал военную школу (*Ямагарю*). Ему приписывается кодификация правил *бусидо*.

Ямагути-кэн
Префектура, расположенная в западной части острова *Хонсю*, административным центром которой является город Ямагути, возникший вокруг замка.

Ямадзаки Ансай
Родился в 1618 г., умер в 1683-м. Ученый, обращавшийся как к китайской неоконфуцианской философии, так и к изучению национальных японских древностей. Он открыл школу в Эдо и основал новую ветвь синтоизма *Суйка синто*, которая пыталась соединить предписания синто и доктрины китайских неоконфуцианских философов (*Чжу Си*) периода династии *Сонг*. Особый акцент делал на почитании, которое должно было оказываться императорской фамилии.

Ямадзима
«Гористый остров» — декоративный элемент сада.

Ямаи-но соси
«Свиток болезней» (конец XII в.). Принадлежит к серии назидательных живописных произведений,

выполненных в монастырях в начале эпохи *Камакура*. Если свитки «Сказание об аде» и «Сказания о голодных духах» напоминали об ужасах ада или срединных миров — между нашим и потусторонним миром, — то «Свиток болезней» точно и иронично изобразил неприятности, физические и нравственные страдания живых людей.

Ямана
Семейство *даймё*, происходившее от Минамото-но Ёсисигэ (умер в 1202), потомка императора Сэйва.

Ямасиро-но ран
Мятеж в области *Ямасиро* (1485—1492).

Ямасиро
Киото и его окрестности, одна из пяти старинных провинций *Кинай*.

Яматай коку
Государство в Древней Японии (около 240 г.), упомянутое в китайских источниках (*Вэйши во ен чуань*), согласно которым оно представляло собой объединение большого количества мелких государств, которыми управляла царица-шаманка *Химико*. Неизвестно даже, располагалось ли государство Яматай на территории северной части *Кюсю* или же в *Ямато*.

Ямато
Исторический центр Древней Японии, располагавшийся на территории современной Нара-кэн.

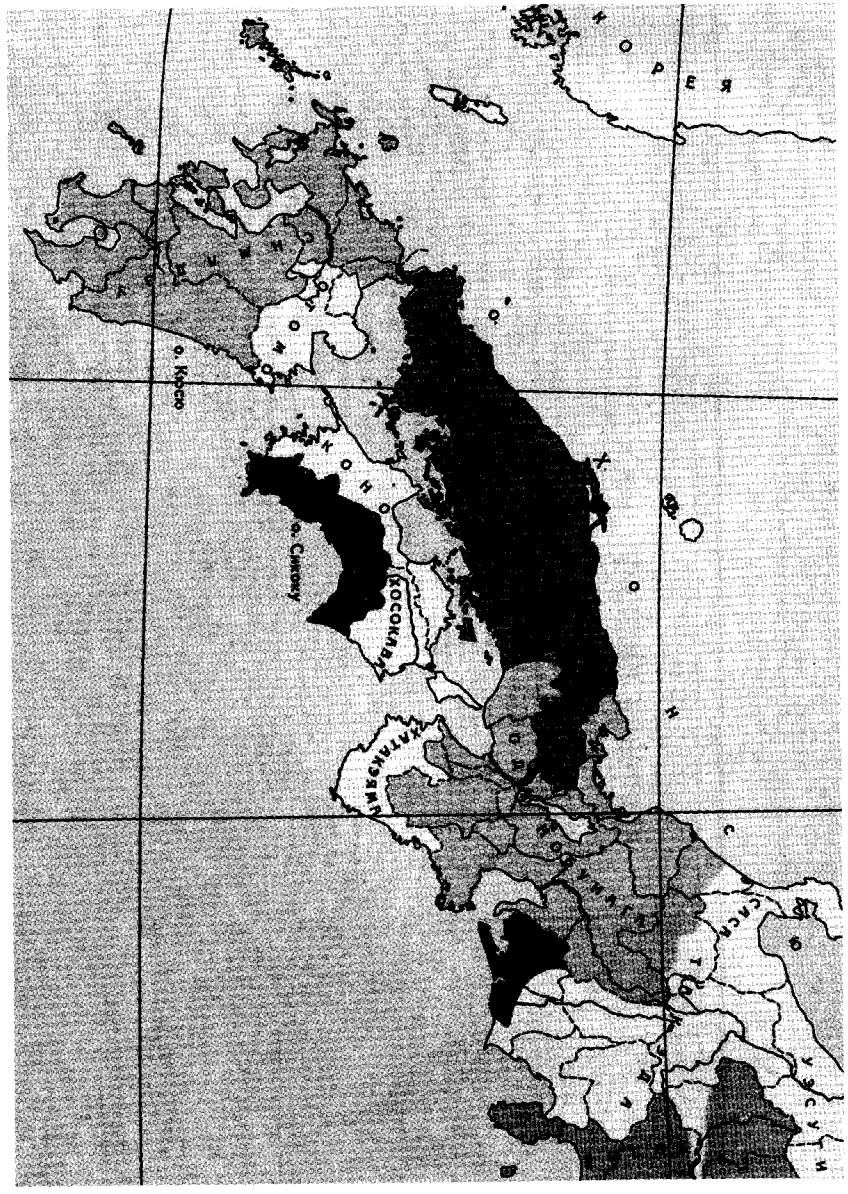
Ямато Такэру-но микото
Легендарный умиротворитель областей *Идзумо* и *Канто*, где обитали варвары *эдзо*.

Ямато хотэи
Двор Ямато — первое японское государство, утвердившееся на плато *Ямато* неподалеку от *Нара* (III—IV вв.). Первоначально представляло собой объединение нескольких родов. Современная императорская фамилия ведет свое начало от властелинов этого древнего государства.

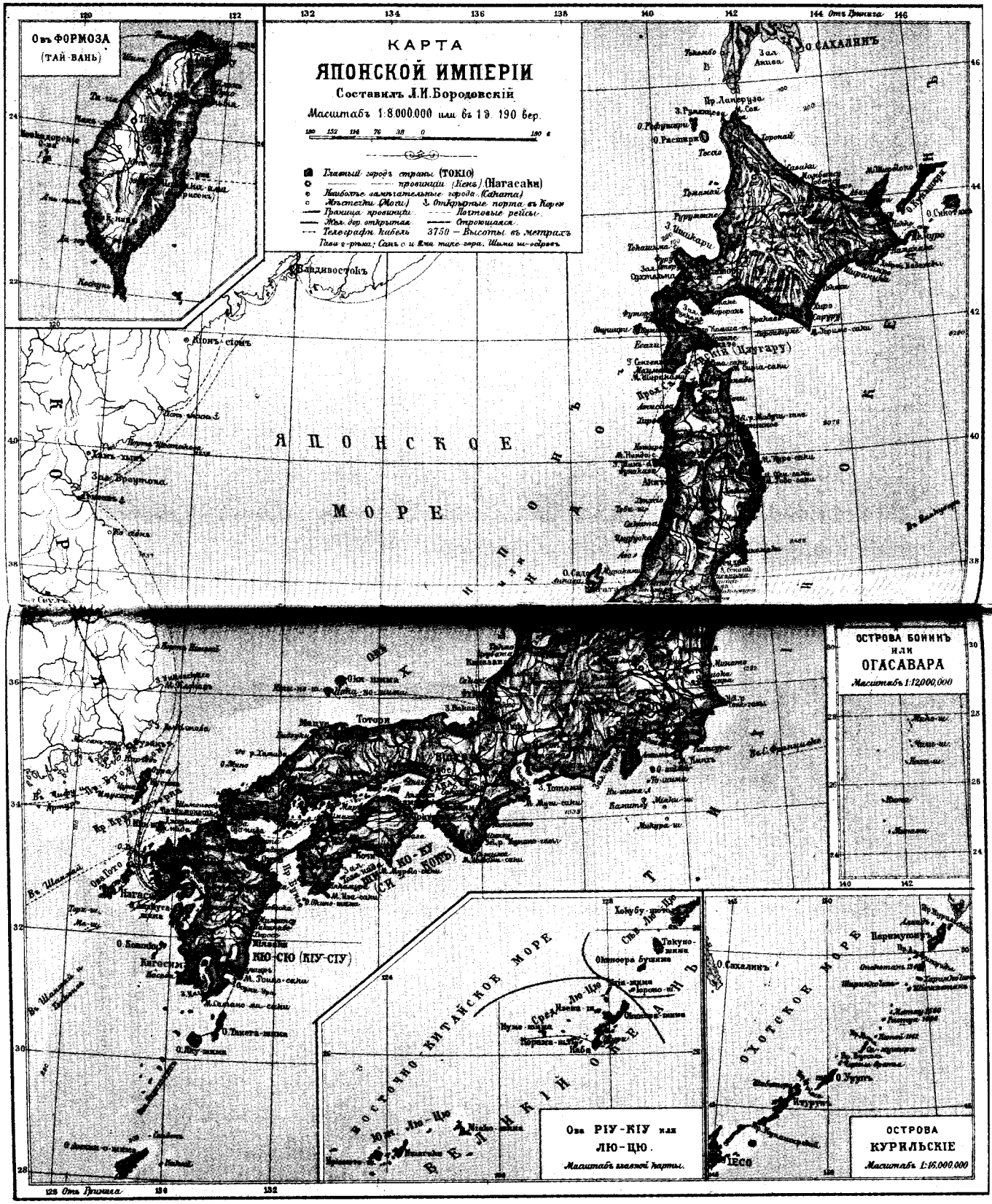
Ямато-котоба
Японский (традиционный) язык.

Ямато-э
Живопись в японском стиле.

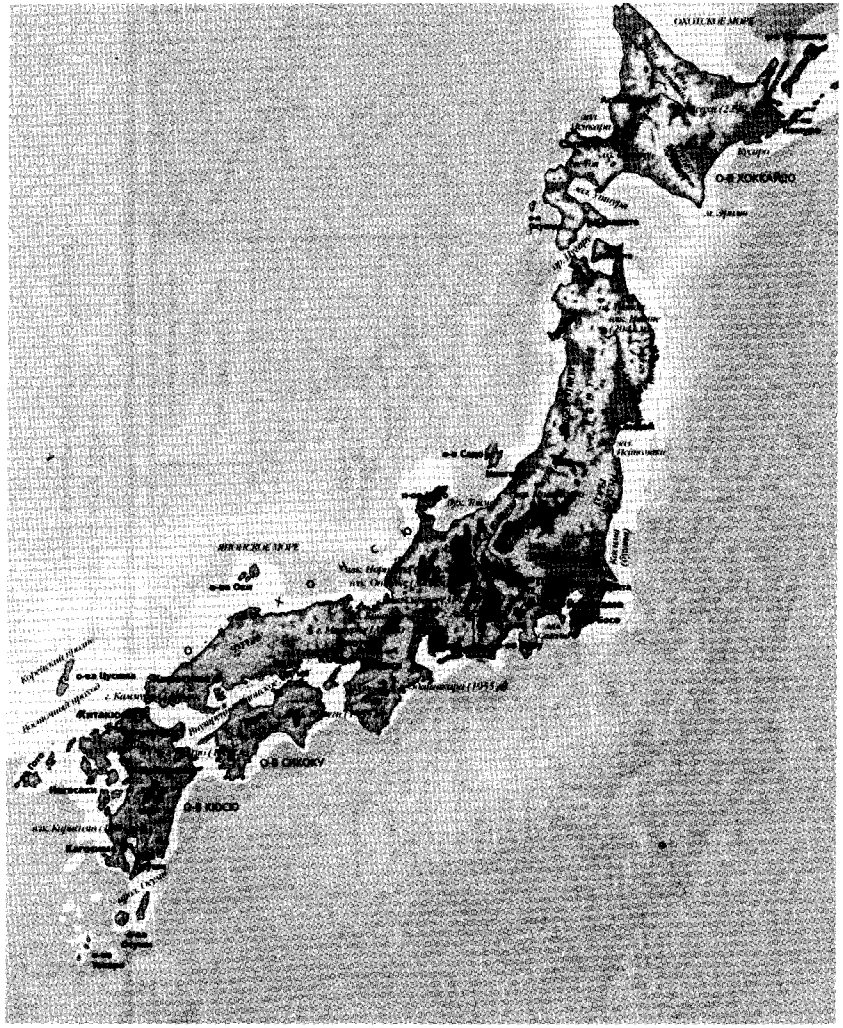
Яцу-хаси
Мост в форме зигзага.

Япония в конце XVI в. Владения крупнейших феодалов

Япония в конце XIX в.
(Карта из Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона)

Япония в конце XX в.

Оглавление

Вступление издателя 5

Предисловие 7

Введение 12

Часть первая 17
Глава 1. Легенды 19
Глава 2. Рождение и расцвет 28
Дзёмон 31
Яёй 34
Ва 37
Кофун 39
Ямато 42
Тайка 48
Нара 52
Хэйан 55
Фудзивара 60
Глава 3. Формирование современного государства ... 67
Камакура 67
Муромати 78
Адзути-Момояма 83
Эдо 89
Мэйдзи 104

Часть вторая 111
Глава 4. Семейная жизнь 113
Дом 114
Женщина 121
Ребенок 125
Семья 129
Глава 5. Император как явление 138
Сакральность императора 144
Двойственность власти 149
Культурная сущность 154
Императорская династия 166

Глава 6. Религиозная мысль 168
Новые религии 170
Конфуцианская этика 176
Обращение к христианству 182
Буддизм 184
Предыстория японского буддизма 184
Современный японский буддизм 187
Три типа японского буддизма 193
Древний буддизм 201
Синтоизм 206
Глава 7. Образование 209
Образование в современную эпоху 213
Эпоха Мэйдзи 216
Эдо 221
Средние века 227
Нара 231

Часть третья. Материальная культура 235
Глава 8. Пространство 237
Замки и стены 244
Дворец и жилища 249
Столицы 253
Сады 256
Старые метрополии 262
Глава 9. Предметы 271
Керамика 274
Изделия из металла 283
Производство тканей 294
Лак 300
Глава 10. Искусство в трех измерениях: скульптура ... 304
Эпоха Эдо 309
Муромати 312
Хэйан и Камакура 313
Классическая буддийская скульптура 314
Нара 319
Хакухо 322
Асука 322
Глава 11. Искусство в двух измерениях: живопись ... 325
Каллиграфия 328

Укиё-э 333
Живопись в китайском стиле 339
Ямато-э 342
Зарождение 349

Часть четвертая. Слово 353
Глава 12. Аспекты развития театра 355
Кабуки 357
Дзёрури 365
Но 369
Бугаку 375
Кагура 377
Глава 13. Чувство литературы 379
Новые формы романа 387
Современная поэзия и хайку 392
Романы эпохи Эдо 396
От Камакура до Момояма: рассказы и повести 402
Классические шедевры 405
Поэзия 405
Проза 412

Справочный индекс 419